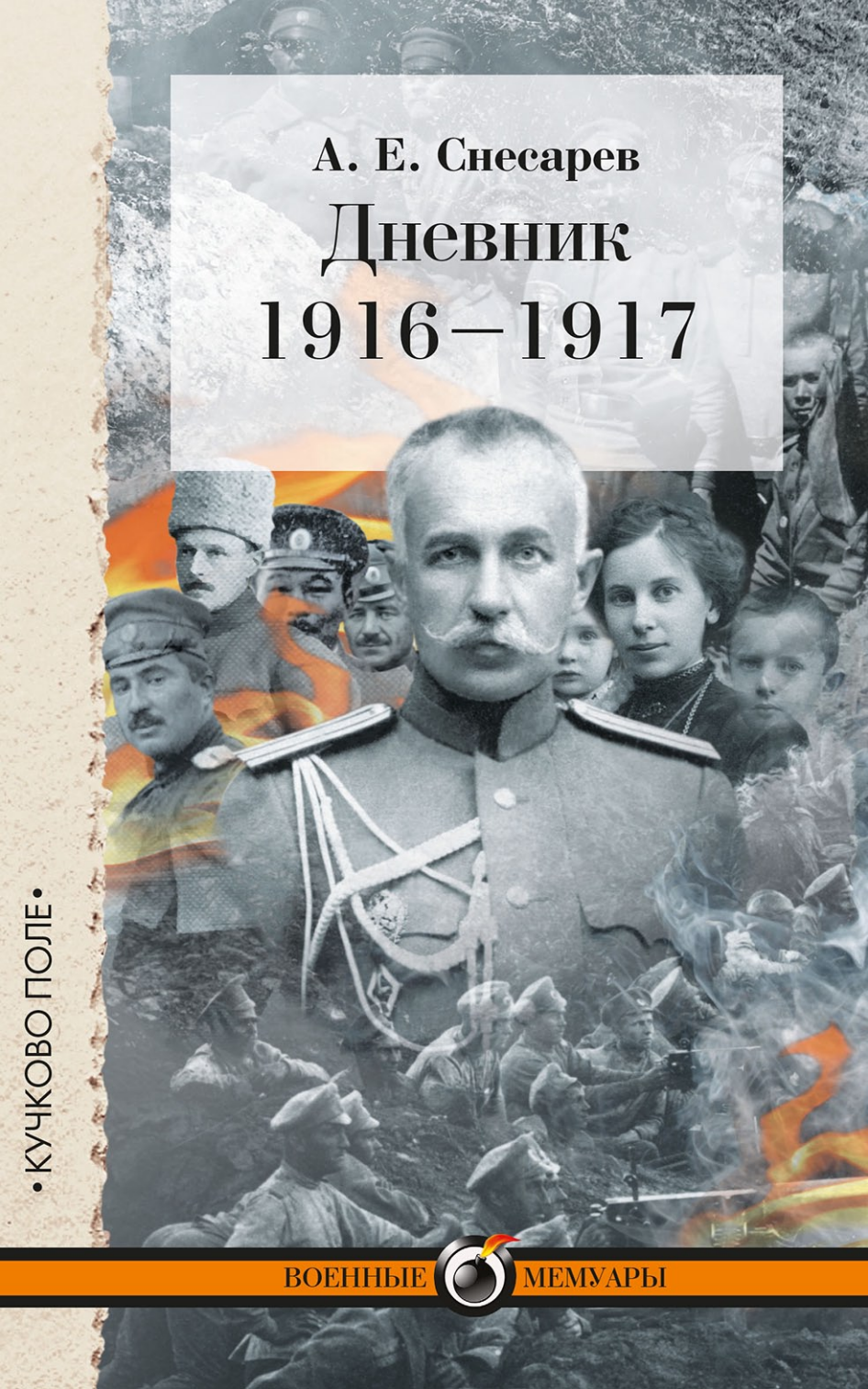

А. Е. Снесарев
Дневник
1916–1917
• КУЧКОВО ПОЛЕ •
ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

А. Е. Снесарев

Дневник 1916–1917

КУЧКОВО ПОЛЕ
Военная книга
Москва

УДК 82-94
ББК 63.3(2)524
С53

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям в рамках
Федеральной целевой программы «Культура России» (1912–1918 годы)

Издано по рукописи, хранящейся в семейном архиве

Снесарев А. Е.

С53 Дневник: 1916–1917 / Подг. текста, предисл. и указат. А. А. Комиссаровой; вступ. ст. В. К. Белозерова. — М.: Кучково поле, 2014. — 672 с., 8 л. ил. (Военные мемуары)

ISBN 978-5-9950-0448-6

Дневники российского военачальника, военного теоретика генерала Андрея Евгеньевича Снесарева (1865–1937) — уникальный исторический источник периода Первой мировой войны, который удалось сохранить его семье. Снесарев начал писать дневник только в феврале 1916 г., поэтому более ранние события войны не получили своего отражения в его дневниковых записях.

Книга представляет несомненный интерес для историков и всех, интересующихся Первой мировой войной.

УДК 82-94
ББК 63.3(2)524

ISBN 978-5-9950-0448-6

© Снесарев А. А., Снесарева М. Г., Комиссарова А. А., 2014
© ООО «Кучково поле», 2014

Предисловие

Дневники Андрея Евгеньевича Снесарева — уникальный литературный исторический источник, который, по счастью, удалось сохранить в семье в течение Первой мировой, Гражданской и Отечественной войн, в непростые годы репрессий и в послевоенное время.

А. Е. Снесарев начал писать дневник только в феврале 1916 г., о чем позднее сожалел, так как более ранние события войны не получили своего отражения в его дневниковых записях. Жена Андрея Евгеньевича — Евгения Васильевна, бесконечно преданная ему, ценившая каждую строчку, им написанную, сохранила его письма с войны, которые отчасти восполняют этот пробел. Письма с фронта А. Е. Снесарева уже изданы[1] и представляют собой великолепное чтение для всех, интересующихся военной историей нашей страны, а также ее выдающимися личностями. Многие события описаны Снесаревым и в письмах, и в дневнике. Чтобы полнее восстановить и увидеть картину происходящих в жизни героя событий, конечно, целесообразнее познакомиться с обоими изданиями.

Дневник же генерала, представленный в настоящей публикации, в отличие от писем к жене, написанных ровным почерком, практически без сокращений, хорошим литературным языком, представляет собой более сложное чтение. Некоторые дневниковые записи сделаны второпях, с сокращениями, с использованием кратких условных обозначений, даже знаков (например, слова «больше» и «меньше»

[1] *Снесарев А. Е.* Письма с фронта: 1914–1917. М.: Кучково поле, 2012.

А. Е. Снесарев почти никогда не писал, обозначая их математическими знаками). Некоторые мысли записаны автором вкратце для памяти, что не всегда позволяет полностью уловить весь заложенный смысл. Однако к этим дневниковым записям А. Е. Снесарев неоднократно возвращался, о чем свидетельствуют пометки на полях, карандашные поправки, более поздние уточнения. Например, когда он работал в 1918 г. в Смоленске над курсом лекций под созданным им самим во время войны названием «Огневая тактика», он активно использовал дневниковые записи. Поля его военного дневника расцвечены красными и синими пометками, которые облегчали визуальный поиск нужного материала: «NB», «Огневая тактика», «Солдатские думы», «Брусилов», «Французы», «Чл. Гос. Думы на словах и в действ.», «Полковые комитеты» и т. п. Таким образом он выделял главное в записях для себя, для своей дальнейшей работы. Все эти пометки сохранены в тексте настоящего издания.

Кроме того, А. Е. Снесарев обязательно выделял подчеркиванием заглавия прочитанных в свободное время книг, часто записывал свое впечатление о прочитанном.

К 90-летию начала Первой мировой войны русский писатель А. В. Воронцов благодаря помощи и с разрешения дочери генерала Евгении Андреевны опубликовал некоторые цитаты из военного дневника Андрея Евгеньевича, в основном содержащие отзывы о прочитанном во время войны[1]. Также части дневника А. Е. Снесарева периода Первой мировой войны публиковались в 2003–2004 гг. в «Военно-историческом журнале». Однако эти цитаты носили отрывочный характер и не давали полной картины событий, которую можно почерпнуть из настоящей публикации и «Писем с фронта», изданных в 2012 г. Даная книга представляет собой первую полную публикацию военного дневника Андрея Евгеньевича времен Первой мировой. Тот факт, что дневник вводится в научный оборот только к 100-летию начала войны, досаден, однако для нашей страны, к сожалению, закономерен.

[1] Андрей Снесарев. Литература и война (из фронтового дневника 1916 г.) // Наш современник. 2004. № 8.

В своем дневнике дореволюционного времени Снесарев часто употреблял устаревшие в настоящее время формы написания слов, например: корридор, другия, имянины, всурьез, произвесть, лице, послезавтраго, катарр, внутренно, имянинница, шоффер, каррьеризм, диллетантский, мятель, сопутник, оне, Ллойд Джёрдж, троттуар, пиеса, перенесть, арриергард, валянки. Эти слова в большинстве случаев заменены в публикуемом тексте на их современные формы. Пунктуация приближена к современной. Математические знаки: больше, меньше, не больше, не меньше, перпендикуляр, сумма — также в большинстве случаев заменены соответствующими словами.

Расшифровка дневника была упрощена отчасти, так как покойная дочь А. Е. Снесарева — Евгения Андреевна (1911–2002) — проделала часть работы, и значительная доля рукописи была расшифрована и напечатана ею на машинке. Однако машинопись содержала достаточно большое число ошибок, опечаток и неточностей, которые устранены в настоящей публикации. Текст дневника снабжен примечаниями и именным указателем. Указатель содержит краткие биографии более тысячи установленных персоналий, упомянутых А. Е. Снесаревым в относительно небольшом объеме текста дневника. Андрей Евгеньевич по долгу службы был связан со многими людьми, общался с многочисленными родственниками, которых также упоминает в своих записях, кроме того, дневник содержит списки выпускников Академии Генерального штаба, командиров корпусов в начале 1917 г., кавалеров ордена Св. Георгия, полковых командиров и др. Все эти персоналии представлены в указателе.

Хочется надеяться, что проделанная работа по подготовке настоящего издания окажется полезной и будет востребована историками и всеми интересующимися Первой мировой войной.

А. А. Комиссарова

Дневники странного генерала

Людям вообще трудно возвыситься до такого состояния, при котором необходимость познания и мышления становится привычкой.

Гегель

Биография и творческое наследие Андрея Евгеньевича Снесарева (1865–1937) в наши дни стали достаточно известны. Это был высокообразованный офицер, генштабист, обладающий широким кругозором и государственным мышлением, талантливый военачальник, военный теоретик, видный ученый-востоковед. Хотелось бы отметить, что в его непростой биографии участие в Первой мировой войне оставило особый след.

Дошедшие до нас фронтовые дневники Снесарева логично дополняют фронтовые письма, вышедшие ранее. Сохранившиеся в его семье дневники времен Первой мировой войны начинаются 13 февраля 1916 г. и заканчиваются 26 июня 1917 г. Итого в них зафиксирован год и четыре месяца пребывания на войне. В этот период он последовательно занимал ряд должностей:

- с 16 февраля по 2 сентября 1916 г. — начальника штаба 12-й пехотной дивизии XII армейского корпуса 9-й армии;
- с 8 сентября 1916 г. по 14 января 1917 г. — временно командующего 64-й пехотной дивизией (в составе XVIII армейского корпуса);
- с 19 января по 31 марта 1917 г. — начальника штаба XII армейского корпуса;

- с 5 апреля по 7 сентября 1917 г. — командующего, а затем начальника 159-й пехотной дивизии XXII корпуса 7-й армии.

Фактически же всю Первую мировую войну он провел на фронте, по большей части — на передовой. Вынужденно боевая обстановка стала для него обыденной, его стихией: «Во всей многомиллионной армии я, вероятно, побил рекорд по количеству прожитых дней на фронте и по ничтожному числу отпускных дней, кажется, суток 40–45, не более»[1], — написал Андрей Евгеньевич 22 марта 1917 г. в своем письме к жене. Уже по этому обстоятельству можно сделать вывод, что Первая мировая сыграла в формировании мировоззрения Снесарева, его научных взглядов особую роль. Неудивительно, что в вышедшем в 2011 году биографическом труде воронежского писателя В. В. Будакова[2], периоду мировой войны уделено больше всего места.

Возможно, по прочтении дневников кто-то и обратит внимание на что-то иное, однако автору этих строк бросилось в глаза прежде всего то, что на фронтах Первой мировой Снесарев резко выделялся среди сослуживцев, потому и прослыл странным человеком.

Действительно, своим поведением он часто вызывал неподдельное удивление у подчиненных, в том числе нижних чинов. В дневниковых записях, сделанных 13 сентября 1916 г., читаем о посещении им передовой: «Секреты в 40–50 шаг[ах] от секретов противника. Люди вылезают из окопов и удивленно смотрят на странного нач[альника] дивизии».

Вообще же «странностей» у него оказалось немало. И личная храбрость, а также длительность времени, проводимого, в силу понимания своего долга, на передовой, в окопах, часто — в непосредственной близости от противника, — лишь немногие из особенностей образа мыслей, нравственного кредо и поведения Снесарева.

---

[1] *Снесарев А. Е.* Письма с фронта: 1914–1917. С. 589.

[2] *Будаков В. В.* Честь имею. Геополитик Снесарев: на полях войн и мира: ИПЦ Воронежского гос. ун-та, 2011.

Слуга царю, отец солдатам…

Снесарев был одним из немногих, кто хорошо понимал стихию войны, когда опасность — одна на всех, равно как понимал и невозможность успешного командования даже крупными воинскими формированиями без взаимопонимания и духовной близости с подчиненными. Один из эпизодов, происшедший 8 сентября 1916 г., генерал описывает так: «При спуске с 1552 в 12 шагах рвется тяжел[ый] снаряд; мы оглушены и припадаем к земле (я, ком[андир] бат[альона], ком[андир] 16-й роты и 4 чел[овека]). Мы целы и я говорю: „Ребята, перекреститесь; Бог помиловал“, и мы молимся». Отсюда ясно, что неприятие Снесаревым удаленности штабов от передовой (борьба с таким удалением, судя по соответствующим многочисленным дневниковым записям, была предметом его постоянной заботы на фронте) было вызвано не только сугубо техническими и административными аспектами военного управления.

Для Снесарева был чрезвычайно важен морально-волевой компонент войны. Он верил в победу и всячески боролся с унынием, яркий образец в этом отношении — описание в дневниках его дискуссий с А. С. Потаповым.

Здесь неизбежно встает вопрос о воздействии Снесарева на подчиненных, о способах и результатах такого воздействия[1]. Для него в интересах поддержания боеспособности, устойчивого управления и поддержания доверия была очевидной необходимость умения общаться с разными категориями людей, можно сказать, «по горизонтали и вертикали», с выходцами из различных социальных, этнических и конфессиональных групп. О тех или иных педагогических приемах Снесарев неоднократно рассуждает в своих записях (см., например, записи 10 октября, 2 и 3 ноября 1916 г.). При осмыслении им огневой тактики также четко прослеживается ее педагогический компонент. По крайней мере,

[1] Неудивительно, что педагогическое наследие Снесарева стало предметом специального диссертационного исследования. См.: *Пивунов Е. В.* Историко-теоретическая реконструкция педагогического наследия А. Е. Снесарева: Автореф. дис. ... канд. пед. н. Ростов-на-Дону, 2008.

она неотделима от личного примера, постоянного контроля командира и многого другого.

29 августа 1916 г. Снесарев фиксирует свои выводы: «На войне есть часть боевая (огневая) и часть административно-хозяйственная. Во второй лошадь должна быть чиста и накормлена, телега цела, все прибыть вовремя и куда нужно — точно, строго, неизменно. На пути: лень, забывчивость, слабость и т. д. Все должна побороть дисциплина... Она — нужна и всесильна. Но в боевой части там ее встречают: малодушие, трусость, нервность, замаскированная — расчетливая (что мне умирать-то, пусть другие) — подлость, растерянность от страха или нервов... Тут дисциплины — недостаточно, нужно что-то иное: постоянное — (воспитание, убеждение, организация, предусмотрение) и моментальное — личное влияние, пример, риск, огненное слово, шутка... Вот та демаркац[ионная] линия, которая отделяет огневую тактику от прочих...» «...Вся подготовка к бою сводится к массе разных расчетов — духовного, материального, топографического, организационного и т. д. содержания. Нет и тени чего-либо возвышенного, красивого, гениального. В основе успеха — труд — упорный и всепроникающий, конечно, при знании дела, вообще, и солдатской души и тела, в частности...» (7 ноября 1916 г.).

Неудивительно, что сам Снесарев являет собой типичный пример русского окопного генерала. Такой титул можно заслужить, только если близок к подчиненным, которых в боевой обстановке не обманешь, они все видят. 7 октября 1916 г. он пишет: «Все почти время шел снег, и потому можно было ехать по самым опасным местам. Оказывается, ребята следят за мной во все глаза и болтают потом без умолку: 1) заметили, как я с Побылевским не пошел в блиндаж, как всюду хожу, как пью чай с черным хлебом и т. п.».

Уважение к своему командиру — неподдельное. При посещении передовой 23 октября 1916 г., находящейся в опасной близости от противника, Снесарев замечает: «Скоро вокруг меня начинают шептаться... Оказывается за меня боятся (может быть, и за себя), но не решаются мне доложить... Догадываюсь, и уходим».

Необычное поведение начальника породило множество слухов «...пошли легенды: 1) я вынимал шашку и бросался вперед со словами: „Ребята, за мною“; 2) я и Сер[гей] Ив[анович], бросив свои шашки, взяли в руки винтовки и пошли вперед с ротами; 3) я пошел вперед в немец[кие] окопы... „сам видел“, говорил раненый; 4) у меня в трех местах пробита и прожжена накидка; 5) я убит...; 6) старые солдаты писали домой: „Третий год воюем и никогда не видели в окопах нач[альника] дивизии, а этот ходит в атаку впереди рот“» (15 ноября 1916 г.). Думается, подобные мифы только усиливали авторитет Снесарева в войсках, и он не мог не понять воодушевляющего эффекта такого восприятия. Возможно, именно фронтовые наблюдения позволили в дальнейшем сделать А. Е. Снесареву и вывод о том, что для развития нации «...нужна какая-то искра, или девиз, или символ. Природа такого символа полна загадки». Благодаря таким символам-идеям, по его мнению, возникли многие империи и цивилизации, при этом «огромное в свое время влияние этих символов или девизов говорит об огромной скрытой в них кинетической энергии...»[1]

Анализ новых условий, в которых ведется война, позволяет Снесареву установить тесную связь между тактикой и моральным состоянием войск: «Для сильной и дружной тактики нужно воспитание: 1) чувство товарищеского долга; 2) чувство гражданственности или общего дела; 3) чувство правдивости; 4) гражданское мужество...» (16 июня 1916 г.). Немало рассуждений в дневниках встречается и о специфике педагогических приемов (см., например, записи от 27 октября 1916 г.).

Вместе с тем, сравнивая особенности боевой работы различных родов войск, Снесарев указывает на особенность пехоты: «...артиллеристы — в удобстве, в малой опасности, все от недочетов, устранимых (лень, забывчивость, вялость, незнание дела и т. п.); пехота — от этого плюс хождение пред смертью, тот Рубикон, за которым страна неведомая... Пехоте нужно давать больше поблажек, с артиллерии можно больше требовать» (14 сентября 1916 г.).

---

[1] *Снесарев А. Е.* Философия войны. М.: ВА ГШ, 2002. С. 252–253.

Наиболее эмоционально насыщены в описании боевой обстановки, поддержания боевого духа — дневниковые записи, относящиеся к периоду обороны позиции, названной Снесаревым и его подчиненными «Орлиным гнездом». Здесь, действительно, противоборство с противником ощущалось лицом к лицу, непосредственно. Именно в этих условиях проявилась особая духовная власть Снесарева над вверенными ему людьми, способность «приказать не генеральским приказом, а желанием... начальника, уважаемого» (24 октября 1916 г.).

Два дня спустя Снесарев получает от подчиненных глубоко тронувший его подарок, которым немногие его коллеги могли похвастаться: «Мне был поднесен стакан 8-дюйм[овый], перевитый проволокой, украшенный ножами, с подвешенными часами. Бледный и взволнованный В[асилий] В[асильевич], поднося мне подарок, прочитал: „Нашему лихому боевому орлу Генералу Снесареву, вовремя прилетевшему к своему „Орлиному гнезду“ и защищавшему его с беззаветной храбростью и доблестью от нападения злых хищников австро-германцев 23 и 24 октября 1916 г. Благодарные и крепко любящие его перекопцы 26 октября 1916 г.“».

Одновременно Снесарев — реалист, понимающий, что требуемого состояния войск приходится добиваться по-разному, при необходимости — жесткими мерами: «В[оенно]-полевой суд — это военная педагогика, это лишний рычаг держать людей в руках и поднимать на подвиги. Если бы иногда не было подходящих злодеев, их надо выдумать» (2 ноября 1916 г.).

Рассуждения с неизбежностью приводят его к выводу о необходимости целостной системы мер, обеспечивающих способность человека идти на смерть, под пули. И здесь проявляется понимание Снесаревым не только психологии, но и природы человека. «Думал над тем, что, чтобы поднять человека на бой, сделать его боеспособным, нужна широко захватывающая система, в которой ни от чего нельзя отказываться и в которую бы входили: привитие долга, внушение страха, привычка к порядку, вызывание понимания и т. п. Не нужно презрительно махать рукою ни на смертную казнь, ни на порку. Нужно захватить всех, чтобы никто не избежал сетей: 1) интеллигентный или понимающий человек, с хорошими

нервами и настроением? Система должна включать долговые элементы, идею патриотизма, гражданских обязанностей; 2) человек боязливый, путающийся смерти? Система должна ему предложить свою смерть или избиение до смерти... выбирай; 3) человек — свинья грубая без чувств — валяться бы укрыто да нажраться? Система должна отнестись к нему, как к животному и наказать его битием; 4) человек крепкий и исполнительный (татарин), но не разумеющий обстановки и дела? Система должна заключать объяснительные элементы: что, зачем, как; 5) человек мог бы, но разболтался, не привык к режиму? Элементы дисциплины...» (4 ноября 1916 г.).

Тем не менее Снесарев приходит к выводу, что самая надежная основа для поддержания готовности воевать — духовная. Поэтому нужны твердые духом: «Вообще усталых и сомневающихся в армии, пожалуй, немало, и надо начать с того, чтобы удалить именно таких. Они могут быть храбры, крепки и знающи, но раз у них нет веры, то значит нет фундамента: всякое здание разрушится...» (6 ноября 1916 г.). Именно отсутствие твердости духа армия России ощутила уже через несколько месяцев.

Снесарев быстро приходит к выводу, что и в огневой тактике главный элемент — духовный. Исходя из этого, и строится его каждодневная управленческая деятельность: «Встав ото сна, я всегда иду к телефонам и беседую поочередно с командирами... Первый вопрос, который я ставлю: „Как офицеры и люди себя чувствуют, каково настроение?“ Задаю потому, что это важно и, хотя мне говорят глупость и вздор, все же я заставляю своим вопросом думать, наблюдать и работать в этом направлении. Второй вопрос: „Что люди ели и ели ли горячее?“ Вопрос понятен: пища — основание всего духовного, телесного и военно-педагогического. Третий и следующие: тактика... о боевой обстановке, состоянии окопов, рекогносцировках и т. п.» (22 ноября 1916 г.).

Работа с людьми была бы для Снесарева обречена на провал, не люби он искренне свой народ и русского солдата со всеми их достоинствами и недостатками и со всеми противоречиями и широтой русской души. Характерно описание следующего фронтового эпизода: «...Присуждены были к смертной казни два н[ижних] чина. Один из них перед

моментом казни просил сказать слово. Ему было разрешено. Он выпрямился и сказал: „Братцы, я сделал скверно, не следуйте моему примеру... лучше умрите честной смертью в бою, чем как я, под расстрелом“... сказал и спокойно подставил грудь...» (18 июня 1916 г.). Безгранично радует его и такое общение с обывателями: «...Мокнем под дождем и собираемся ночевать в Валяве (хозяйка с б[елыми?] волосами, ее рассказ о плен[ном] австрийце: „Чего горюешь... русские придут, они хор[ошие] люди“... Россия показала себя в блестящем нрав[ственном] свете...» (7 июня 1916 г.)

Следует напомнить, что война, в которую была втянута Россия в 1914 году, в обществе поначалу была с энтузиазмом воспринята как Вторая Отечественная[1]. Из этого и исходил Снесарев в работе с сослуживцами и подчиненными. И хотя настроения в стране тогда изменились быстро[2], тем не менее для Снесарева, находящегося на фронте, просто не могло возникнуть сомнений в прописной истине: войну ведет его страна, и она должна победить. Поэтому и убеждал воинов: «...ни одному поколению не пришла такая великая доля как нам — „положить жизнь за други (целые поколения) своя“ и выполнять, вообще, великое дело. Целые поколения будут пользоваться, наслаждаться, из-за пустяка лить потоки чернил, но все это построили мы. Будьте же бодры и веселы» (21 сентября 1916 г.). Однако не всем суждено было внять словам своего командира.

Офицерский вопрос

Не следует забывать, что в течение именно тех 16,5 месяцев, которые описаны в дневниках, обстановка в России изменилась кардинально. Общественно-политический строй, которому верой и правдой служил Снесарев, пал.

[1] Соответствующие настроения российского общества в первые дни Первой мировой войны показаны А. Н. Толстым. См. *Толстой А. Н.* Хождение по мукам. М.: Советская Россия, 1977. С. 88–94.

[2] Соратник Снесарева А. А. Свечин отметил в этой связи следующее: «Нам не удалось сделать последнюю нашу войну отечественной; армия не имела поддержки в идее об отечестве, так как оно раздиралось внутренними смутами» («Предрассудки и боевая действительность»).

Все происходящие катаклизмы глубоко осмысливались, что и нашло свое отражение в виде дневниковых записей.

Ознакомление с отношением Снесарева к своему долгу и повседневным обязанностям, к войне (с учетом понимания условий победы в ней), к государству как к форме политической организации общества, изучение соответствующих оценочных суждений показывает, что в качестве хребта своей страны, государства он видел армию, а точнее говоря, офицерский корпус.

Суть и остроту офицерского вопроса, его связь с судьбой страны Снесарев сформулировал позже, уже в советское время: «Достаточно упомянуть тот роковой момент в жизни русской армии, случившийся в феврале 1917 г., когда на голову погибавшей, разлагавшейся и сбитой с исторического пути армии упал ряд военно-философских вопросов о существе военного начальника, об организации военной власти, о пределах государственного принуждения и т. д., и не только все офицерство, все общество России почувствовало, что в области этих вопросов нет ни заблаговременных решений, ни ясного и проникновенного ответа»[1].

Будучи на фронте, Снесарев четко осознал призвание офицерского корпуса Русской армии. При этом он прекрасно знал его состояние, видел его проблемы и недостатки, в известной степени — предвидел его трагическую судьбу.

О состоянии офицерского корпуса того времени наглядно свидетельствуют служебные отношения, царившие в армии, и часто они были далеко не безоблачными.

«Наша армия представляет в большинстве своих членов того сына еванг[ельской] притчи, который сказал отцу, что идет работать и... не пошел. Наша система в[оенного] воспитания растит и ширит такой тип, растит, практикуя хамство, капризность, беспринципность. В результате затурканный человек, как в древности пытаемый, смотрит в глаза своему „палачу“ и старается прочесть, что тому угодно, чтобы так и сделать. На первый план: сохранить начальническое настроение в терпимом или выгодном тоне, а существо или польза дела отодвигается далеко, в глубь волевых осадков.

[1] *Снесарев А. Е.* Философия войны. С. 118–119.

И есть какой-то дьявольский „закон“, что воспитанный в таких „ежовых рукавицах“ начальник, сделавшись старшим, забывает тягость и гнет системы (в свое время он ее критиковал) и неизменно надевает сам „ежовые рукавицы“... И идет система беличьим колесом, без изменений и улучшений...» (30 июня 1916 г.).

Комментируя и оценивая полученное от сослуживца письмо, в котором описывались отношения, царящие в его полку, Снесарев выносит следующее суждение: «Картина удручающая, но, увы, она не единственная и довольно типичная. Весь драматизм ее в том, что на фоне суровых законов в[оенного] времени она может варьировать до предела неописуемого ужаса, разгула старшего и рабского бесправия подчиненных» (21, 22 и 23 июля 1916 г.).

Трудно, почти невозможно создать и поддерживать победный дух армии при такой пропасти в отношениях и почти взаимной ненависти между офицерами и нижними чинами. К сожалению, такие отношения были широко распространены. В руководимых частях Снесареву удавалось с этим бороться, оказывая, в меру своих сил, воспитательное воздействие на офицеров.

Вместе с тем фронт давал немало примеров низменного поведения в офицерской среде. Самые негативные последствия имел карьеризм, препятствовавший общему делу: «Карьеризм — работа во имя личного успеха, а затем уже и во имя общего (а не наоборот, как нужно бы), отсюда: 1) стремление притянуть себе больше частей (оно, может быть, и погубит другое или общее дело, но обеспечит мое): так всегда делает стрелок[1], сейчас же вымолив свой полк; так делает Пархомов, притянув, что можно... 2) недоверие к чужим и ругань их: выделить себя и боязнь за себя; 3) вранье и система донесений... 4) требование осведомления со всех сторон, но полное забвение осведомлять других (думает о себе, а не о деле: сам знает и довольно); я в отделе ничего не получаю; 5) работа не по существу дела, а под углом обеспечения себя... Общий тон всей нашей работы» (24 августа 1916 г.).

[1] Так Снесарев называл Г. Н. Вирановского.

Имело место и проявление тщеславия и борьбы за награды в далеких от передовой штабах, что вызывало у Снесарева горькую иронию: «...В штабе надеются получить Георгия команд[ующий] корп[усом], началь[ник] штаба и старш[ий] адъют[ант], и начальник штаба уже выполнил сцену „рекогносцировки позиций под огнем“... Все три лица спекулируют на ожидаемом успехе, главным образом, у меня. Одно их смущает, что я „ужасно рискую“, могу быть преждевременно ранен, и тогда операция может сорваться... а с нею и три Георгия. В своем беспокойстве по поводу моей жизни они несравнимы. Диалог: стар[ший] адъютант: „А ведь генерала Сне[саре]ва могут убить“. Нач[альник] штаба: „Конечно, конечно... он все ходит по этим окопам, да ездит со своим значком“. Ст[арший] ад[ъютант]: „Убьют, придется Вам вступить в командование дивизией“. Вместо ответа — придавленное молчание и убитый вид...» (9 ноября 1916 г.)

Сам Снесарев к награждению, как и к военной форме, относился весьма щепетильно (см. записи 11 и 12 декабря 1916 г.), поэтому возникавшие вокруг наград спекуляции вызывали у него омерзение: «Страшнее всего воровство боевой награды; это воровство крови, чести и гордости... Кража крови» (13 декабря 1916 г.).

Трепетное отношение Снесарева к наградам было прямым следствием его пребывания на передовой. Награда — признание того, что человек в опасных условиях проявил мужество. «...Мне приходит на мысль, до чего унижены и значение, и эмблема Геор[гия] 4-й степ[ени]. И когда видишь орден на чьей-либо груди, то первым делом возникает вопрос: не грудь ли это лжеца, или вора, укравшего награду у убитого друга или скромного подчиненного, а может быть, это грудь человека, имеющего связи или знакомства... Это приходит в голову, а должно бы приходить другое: вот человек, который некогда был на волоске от смерти, но который не пал духом, сделал подвиг, а Бог сохранил ему жизнь...» (26 января 1917 г.)

И тем не менее именно в офицерском корпусе Снесарев видел главную опору, призванную спасти страну в условиях приближающихся политических потрясений. Судя по его оценкам, офицер же в тот период оказался, как это не раз

случалось в России, ключевой фигурой, от которой зависит не только военные успехи на фронте, но и судьба страны. Еще когда армия сохраняла высокую боеспособность, массовое производство унтер-офицеров в прапорщики он рассматривал с учетом предназначения офицерства: «...интелл[игентную] сторону офицерской работы они понять не могут (а часто рот[ные] командиры) и все, что они могут дать стране, это — умереть храбро, часто красиво, но еще чаще — глупо, зря, даром» (2 августа 1916 г.).

Летом трагического 17-го года Снесарев с особой остротой ощутил, что офицера надо образовывать, воспитывать и беречь, что удавалось далеко не всегда. С горечью отмечает высокий процент потерь среди офицерского состава, растущий в условиях дезорганизации фронта: «...погибли 8 на 100 солдат, т. е. относительно больше чем вдвое... Солдаты отдают должное их геройству» (22 июня 1917 г.). Несомненно, офицерами двигало чувство чести и ответственности, однако Снесарев понимал гибельные последствия выбивания офицеров.

В дневниковых записях, сделанных в 1917 году, при характеристике служебных отношений офицеров и солдат очень часто встречается слово «уговаривать». В условиях разложения армии оно заменило слово «приказывать». В мае 17-го в дневниках впервые появилось слово «солдатчина», использованное для отделения воинов, верных присяге и своему долгу, от разнузданных бандитов. Чувствуется, сам Снесарев постепенно привыкает к тому, что подчиненных все чаще приходится уговаривать что-то сделать. Фактически он сталкивается с одолжением вместо подчинения, радуясь каждому подчинению. И он страдает от этого.

В канун наступающего рокового 1917 года в дневниках отмечается диссонанс между обстановкой на фронте и в тылу воюющей России: «Теперь в тылу все политиканствует и на страданиях страны хочет построить новый порядок и свое благополучие. Для них война не война, а благоприятный момент: общее неудовольствие, войска нет, впечатлительность огромная: настраивай, как хочешь. Армию — эту жертвующую собой, умирающую, лучшую

часть России — не слушают, ее мнения знать не хотят. Ее похваливают, как некогда хвалили гладиаторов в цирке, и думают, что этого и довольно. Армия скажет им свое слово и 1) умаление прав своего Верх[овного] вождя, с нею страдающего; 2) губительное политиканство и 3) преследование других целей она им не простит...» (4 декабря 1916 г.). Так вскоре и случилось, однако армия вступила в политику не в качестве сплоченной и организованной силы, а скорее как разложенная и бесчинствующая.

Здесь уместно отметить, что и фронтовые письма, и дневники Снесарева содержат немало наглядных примеров того, какие опасности для страны несет в себе армия, вышедшая из подчинения государственной власти и переставшая выполнять приказы. Отсюда ясно, что политическое руководство вооруженными силами необходимо всегда и не может сводиться к мерам сугубо административного характера.

Признаки и последствия разложения армии особенно проявлялось в дезертирстве с фронта, приобретшем массовый характер, остановить которое было практически невозможно: «Постов не слушали, ругали, насиловали и шли дальше. По лесам сплошное бродяжничество; б) раненых в пальчики массы, но теперь они дерзки и самоуверенны» (18 июня 1917 г.).

В 1917 году офицерам на фронте все чаще приходилось иметь дело с разнузданными солдатскими массами с угрозой для своей жизни и в этих условиях решать боевые задачи. Можно только удивляться, что среди русских офицеров оказалось немало тех, кто был готов до конца выполнить свой долг. «Офицеры, как тени; даже при мне на них огрызаются, провожают матерным словом, не идут на позиции, хоронятся и т. п. Офицеры — герои, каких никогда не было... Успокаивал их, сколько мог» (23 июня 1917 г.). Думается, Снесарев предполагал, какая Голгофа ждет и офицеров старой армии, и его самого. Неудивительно, что многие его соратники вскоре оказались в рядах ярых противников Советской власти.

Размышления же об офицерстве приводили Снесарева к вопросам, так и оставшимся без ответа: «И думаю

я, чем заслужило офицерство той тяжелой кары, которая теперь выпала нам на долю? Разве мы честно и храбро не исполняли своего долга 3 года? Разве мало нас легло, мало изурод[овано?] Зачем нас отдали на растерзание и посмешище [...]ного люда? Зачем злоупотреблять расчетом, [что] мы, как часовые, не покинем своего поста...» (24 апреля 1917 г.).

Что будет с Родиной?

Читая описание Снесаревым в 1916 году боевой обстановки, армейского быта, в целом здорового состояния войск, трудно поверить, что пройдет всего несколько месяцев и не только армии, но и страны не станет. В первые дни Февральской революции (5 марта 1917 г.) он бодро отмечает: «Наша задача — победить, и мы победим, а что делается в тылу, чего ищут тыл[овые] люди — этим мы заниматься не будем: некогда». Однако вскоре ему, да и не только ему, становится ясно, что армия не может остаться в стороне от политических бурь. Поиск ответа на вопрос, почему так случилось, станет основным предметом размышлений Снесарева и приведет его к определенным выводам.

С изменением ситуации в стране меняется и содержание, и тон изложения мыслей Снесарева. Со свержением императора, началом катаклизмов интенсивность дневниковых записей снижается, они становятся не столь регулярными, как ранее. В записях отражаются наступившая усталость и разочарование. Причина изменения настроения является не только следствием длительного пребывания на фронте. Наступившие разочарование и опустошенность, переживания, душевная и умственная сумятица были вызваны, прежде всего, крушением общественно-политического строя, которому Снесарев честно служил уже более трех десятилетий.

Не могло пройти бесследно для него столкновение с недостойным поведением многих политиков, военачальников, сослуживцев, подчиненных. После отречения государя Снесарева особенно разочаровало то, что сами члены императорского дома Романовых оказались не на высоте. Характеризуя поведение великих князей и приближенных к трону, он горько подытоживает: «Дни можно назвать, в

некотором отношении, днями хамства и предательства» И делает отметку: «Около Иеуды Искар[иота]» (13 марта 1917 г.).

Настроение Снесарева в то время хорошо передает его реакция на самую почетную и желанную для офицера награду, орден Святого Георгия. 19 июня 1917 г. он узнает о награждении от Н. Н. Духонина, будущего Верховного главнокомандующего. Упоминается об этом в дневнике буквально мимоходом, больше внимания акцентируется на душевном состоянии, на том, что сам Снесарев в этот момент «усталый и с тяжелым сердцем: нет веры и надежды». Никакой радости и воодушевления, как ранее, Снесарев не испытывает.

Между тем ровно за год до этого (20 июня 1916 г.) его реакция на награду была совершенно иная: «Рад был несказанно. Принесшего мне телеграмму Худолея (Ник[олая] Потап[овича]) расцеловал вдребезги. Наконец-то моя гордость удовлетворена...» Происшедшие изменения в настроении — просто разительные.

Спустя год Снесарев не перестает удивляться тому, с какой быстротой оказались разрушенными армия и страна, одновременно анализируя, почему и как это произошло. 11 апреля он констатирует, что армии у России фактически нет, как боеспособный организм она перестала существовать, так как не может воевать: «Мы единодушны, что армия не только акт[ивных] операций вести не может, но не способна и на предбоевые, например, сближение, требующее колос[сальной] энергии в течение 2–3 дней, а значит, вообще как армия почти не существует».

Спустя месяц он высказывается еще более категорично: «Вообще, мы запутались в понятиях. Кер[енский] говорит, что русская армия самая демократическая в мире; надо же понять, что армии в России больше нет — ни на фронте, ни внутри. Прежде чем к вещи прилагать эпитеты — большой, малый, хороший, зеленый — надо установить раньше, существует ли сама вещь... Может быть, не нужно терять зря слова. Ведь вернуть винтовки в руки группе детей или толпе, толкающейся на ярмарочной площади, это еще не значит сделать ее армией. Ведь эта группа — вооруженная,

обученная, проникнутая единым определенным духом и исполняющая приказы...» (18 мая 1917 г.).

Снесареву довольно быстро становятся понятны цель и механизм разрушения армии и приведения ее в небоеспособное состояние. Как известно, уничтожение военной силы России, осуществляемое изнутри при внешней поддержке, явилось средством и необходимым условием борьбы за власть. Логика была простая: разрушить все «до основанья, а затем» построить новый мир. И в этой деятельности хороши были все средства, в том числе и популистские, о последствиях же задумывались немногие.

Временами Снесарев просто не скрывает своего удивления и возмущения в отношении субъектов разрушений и быстроты достижения ими своих целей: «И это группой переодетой сволочи сделано в 2 месяц[а], не больше...» (4 мая 1917 г.). Посещают его и подозрения о предательстве в верхних эшелонах власти: «Видали ли что-либо подобное: социалисты, враги армии и отрицающие войну руководят ею во время войны... Приходим к заключению, что в России ее отбросы, сорганизовавшись в группы, правят страной...» (23 и 24 июня 1917 г.). Высказаны и подозрения относительно того, что В. И. Ленин — немецкий шпион (17 апреля 1917 г.).

О диагнозе, поставленном армии и стране, хорошо говорит множество встречающихся в эти дни в дневниках коротких и резких комментариев с оценкой происходящего: «Анархия», «К варварству»...

Тяжелые переживания о судьбе Родины сопровождаются исканием причин и объяснений происходящего, возникает желание найти выход из создавшейся ситуации, спрогнозировать развитие событий, обнаружить признаки стабилизации и наступления порядка. Внимание к военно-профессиональной стороне войны, боевой действительности в этой ситуации отходит в дневниках на второй план.

С наступлением революционных событий в дневниках поначалу проскальзывает надежда, что все образуется само собой. В конце марта Снесарев пытается усмотреть в происходящем признаки отрезвления (31 марта 1917 г.), что оказалось иллюзией, когда желаемое хотят выдать за

действительное. Но Снесареву все еще хотелось верить в нормализацию, 22 апреля 1917 г. он пишет: «Как кошмарны и страшны эти явления, и как томительно хочется, чтобы откуда-то потянуло здравым голосом, чувством порядка, реальной власти и все бы стало улегать в надежное русло... Но откуда это придет, за что зацепится, где создастся первоисточник для порядка?». Временами в дневниках звучат вызванные этими надеждами призывы к воссозданию государства, которого фактически нет (9 мая 1917 г.).

Вскоре Андрей Евгеньевич отходит от необоснованных ожиданий и начинает мыслить более трезво при оценке ситуации в стране. Именно в период, когда почти исчезла привычная цель его жизни и ранее ясные ориентиры, наиболее явственно вырисовывается политическое мировоззрение Снесарева. Он предстает как государственник и патриот, глубоко переживающий за судьбу Родины, поддерживающий все, что служит укреплению Российской государственности. И, наоборот, он отвергает все, что направлено на разрушение государства.

И в этой связи особо хочется подчеркнуть следующее. Мировоззрение Снесарева — русскоцентричное. Существование России как уникальной державы-цивилизации ценно и достаточно для него уже само по себе, в онтологическом плане. Основным условием благоденствия и развития России и народов, ее населяющих, он совершенно обоснованно видел сильное государство (особенно характерны здесь дневниковые записи, сделанные 7, 8 и 9 марта). Такое понимание своей страны стало краеугольным камнем политического мировоззрения мыслителя, главным критерием оценки им государственной власти. Снесарев всегда оставался убежденным государственником, твердо и неусыпно стоящим на страже национально-государственных интересов России и ее военной мощи. Этим и объясняются пропаганда Андреем Евгеньевичем политики национального эгоизма, приверженность монархическим взглядам, любовь к русскому народу (при беспристрастной его оценке), неприязненное отношение к представителям социальных групп и этносов, которые вольно или невольно способствовали разрушению Государства Российского.

И, наоборот, чувствуется явная эмпатия и уважение к мусульманам, находящимся на службе в Русской армии и сохранившим верность государственным устоям. Отсюда же следует и критическое отношение к Л. Н. Толстому и его учению, мысли о чем были более четко и категоричны оформлены позже в «Философии войны».

Такие взгляды Снесарева предопределили его отношение к происходящему и его дальнейшие действия. Кроме того, война и изменения в стране дали ему серьезную пищу для размышлений на многие годы вперед. На фронте же он, прежде всего, приходит к пониманию важности порядка, это слово становится в дни политических катаклизмов одним из самых употребляемых в дневниках. Порядок — это здравый смысл, устойчивость государства и стабильность в обществе, условие для развития страны.

Поэтому более всего Снесарев опасался наступления всеобщей анархии и хаоса. Его первой реакцией, первым опасением последствий «переворота» (так было многими воспринято отречение императора) были следующим: «провел главную мысль: дисциплина нужна, предупредите людей, чтобы они себя не сгубили» (6 марта 1917 г.). Спустя несколько дней, выражая свою гражданскую позицию, он пишет письмо военному и морскому министру Временного правительства А. И. Гучкову, в котором указывает на опасность подрыва устоев армии, отвлечения ее от своего предназначения и главной задачи — победы в войне (11 марта 1917 г.).

Уже тогда Снесарев осознавал, что армия играет исключительно важную государствообразующую роль, данный факт ему еще предстояло осмыслить и систематизировать свои знания. Следует отметить, что многие мыслители подчеркивали значение военного фактора для формирования национальных государств. Снесарев же на фронте фиксирует для себя важные наблюдения. Так, оценивая вовлечение армии в политическую борьбу в 1917 г., влияние пролетариата и большевиков на ее функциональность, Снесарев констатирует: «Переделка армии фабрикой — эксперимент наименее удачный: армия и социализм — два явления, друг друга исключающие, друг другу противоположные; и

психика, и идеология рабочего (особенно, сознательного) совсем иная, чем у солдата (настоящего, конечно): 1) солдат — государственник, строитель и разрушитель царств, губящий гнездо столетий и строящий новое на столетия; рабочий — человек без историч[еской] перспективы, безгосударственник; еще вчера он мог быть миллионером... Он член новой семьи, если он нищ, зол и завистлив... Прошлое и общее для него вздор» (18 мая 1917 г.). В этих рассуждениях обнаруживается очевидное антропологическое расхождение Снесарева с идеологией большевиков, признававших передовым классом пролетариат, что и было впоследствии закреплено в политической системе Советской Республики. Достаточно отметить то, что подавляющее большинство населения страны, за исключением рабочего класса, согласно первой советской Конституции 1918 года, оказались ущемлены в политических и иных правах.

Следует отметить, что Снесарев имел личное знакомство со многими будущими руководителями Белого движения и контрреволюции, они симпатизировали ему. Во фронтовых дневниках неоднократно встречаются фамилии Корнилова, Каледина, Духонина, Шкуро, Ханжина, Колчака, Носовича... Последний, которого сам Андрей Евгеньевич называл своим учеником, находясь в подчинении Снесарева в период обороны Царицына, перешел на сторону белых.

Снесарев, человек православный и «старорежимный», твердо придерживавшийся своих убеждений, оказался перед страшным выбором. Ситуация в стране стала предметом его постоянных размышлений и переживаний. В письме 7 сентября 1917 г. он признает иллюзорность надежд на стабилизацию ситуации и невозможность для себя замкнуться в этих условиях на личных проблемах: «...Страна идет к экономическому и политическому краху, и нет сил, и нет ресурсов спасти ее... Вот основной фон, на котором, как здание на фундаменте, строится мое ежедневное настроение. ...В мои годы и с моим кругозором трудно человеку замкнуться в личном счастье: судьбы общего, большого, страны властно стучатся в сердце...»[1]

[1] *Снесарев А. Е.* Письма с фронта: 1914–1917. С. 741.

В конечном итоге Снесарев сделал непростой, но рациональный выбор в пользу советской власти. Для него было очевидно, что в России нет иной силы, способной воссоздать в России тот самый порядок, отождествляемый прежде всего с государством. Мотивы его решений и поступков хорошо выражены в письме жене 26 апреля 1917 г. Андрей Евгеньевич приходит к следующему заключению: «закон революции — движение до политического абсурда, за которым начинается отрезвление, а с ним — искание покоя и порядка»[1]. Весьма характерна и последующая реакция (14 марта 1918 г.) Снесарева на обсуждение возможности уехать из страны через хорошо знакомый ему Афганистан: «...Покинуть Родину можно, и для этого найдутся пути и более близкие, чем афганский, но с кем же страна останется и что с нею будет?»[2]. В приведенных словах — квинтэссенция образа мышления и действий Снесарева.

Опираясь на свой широкий кругозор, ставший результатом развития природных задатков и постоянного самообразования, находясь внутри армейского организма России, Снесарев смог подступить к решению тех фундаментальных проблем устройства военной силы государства, к которым до сих пор в нашей стране мало кто хотел и мог подступиться. Он исходил из того, что армия, несмотря ни на что и в любых условиях, должна у России быть и иметь твердые устои. Отсюда можно понять поведение Снесарева в период революции, отношение к новой власти (иллюзий относительно которой, равно как и своей судьбы, он не строил), выбор в пользу поступления в Красную армию. Отношение к своей стране у Снесарева не менялось, несмотря на все трудности, несправедливость, горечь утрат и репрессии. И это было еще одной «странностью» поведения Снесарева.

Эти «странности», заключавшиеся в своеобразном понимании служения Родине, наблюдались и в дальнейшем, уже после Первой мировой войны. Достаточно вспомнить

[1] *Снесарев А. Е.* Письма с фронта: 1914–1917. С. 618.

[2] Там же. С. 748.

демонстративное ношение им дореволюционной формы в период руководства обороной Царицына войсками Советской Республики летом 1918 г. С. М. Буденный, служивший тогда под его командованием, впоследствии, уже будучи Маршалом Советского Союза, так написал о своих впечатлениях: «Когда нас, группу командиров, представили А. Е. Снесареву, я увидел высокого пожилого человека с безукоризненной военной выправкой, в полной форме генерал-лейтенанта старой русской армии. Меня, как и других, прежде всего, удивило, почему Снесарев в генеральских погонах: ведь красноармейцы относились к „золотопогонникам“ с неприкрытой враждой, и носить погоны было небезопасно. Кто-то даже сказал ему об этом. Андрей Евгеньевич ответил: „Погоны — знак военных заслуг перед Отечеством. К тому же меня никто не разжаловал“»[1].

Согласно мировоззрению Снесарева для него в понятие Родины, Отечества входили семья, армия, государство и многое другое, представляющие собой органичные и взаимодополняющие элементы единого целого, соединенные, в частности, общей судьбой. Традиция же понимания Родины не только как территориальной единицы идет из глубины веков. Как отмечал академик Дмитрий Лихачев, издревле под Русской землей принято было понимать не только Русскую страну, но и русский народ и русское войско[2].

Следует отметить, такой фундамент в виде прочной системы ценностей удается сформировать далеко не каждому человеку. В период исторического перелома не оказалось его, к сожалению, ни у русской армии, ни прежде всего — у офицерского корпуса. И это стало тогда гибельным, в конечном итоге, как для самого офицерского корпуса, так и для всей России.

---

[1] *Буденный С. М.* Слово о старшем друге. В кн.: Андрей Евгеньевич Снесарев (жизнь и научная деятельность). М.: Наука, 1973. С. 5.

[2] См.: *Лихачев Д. С.* Золотое слово русской литературы. В кн.: Слово о полку Игореве / Вступ. ст. и подгот. древнерус. текста Д. Лихачева. М.: Художественная литература, 1987. С. 3.

России нужна думающая армия

Те, кто хорошо знаком с трудами Снесарева, не могут не отметить, что в своей совокупности они создают всестороннее, целостное, системное и синтетическое понимание действительности их автором. В конечном итоге Снесарев приходит к планетарному видению действительности, которое предполагает охват истории и перспектив человечества целиком и глобального пространства во всех его измерениях. В такой глобальный мир-систему русского генерала гармонично вписывается все. В географическом измерении это его родные воронежские края, Россия, весь остальной мир. В политико-философском измерении — государство, война и мир, в духовном — Вера, Любовь, Семья, Наука, Армия, Родина.

Фронтовые дневники, как и письма, раскрывают внутренний мир Снесарева, позволяют понять его образ мыслей. Главная ценность, своеобразие и преимущество дневников как источника — их откровенность. Сопоставление содержащихся в них мыслей с вышедшими в дальнейшем из под его пера основательными трудами позволяет утверждать, что на формирование своеобразного видения мира Снесаревым сильное воздействие оказала именно Первая мировая война.

В частности, не могло не наложить отпечаток на восприятие действительности в послевоенной жизни, на понимание своего места в мире столь длительное пребывание на передовой, где Снесарев со всей явью ощутил пределы бытия и не мог не задуматься о смысле человеческой жизни, ее ценности на войне. Вот типичная и, к сожалению, обыденная фронтовая сцена: «Сегодня хоронили Андрея Ивановича Спивакова и Дмитрия Филипповича Воробьева; была обедня, а потом панихида. В некот[орые] моменты не мог не плакать; даже как-то и не сдерживаешь себя, потому что после слез становится легче. Особенно жалко Спивакова, которого я заметил с 8 сентября, говорил, ободрял, и фраза которого „ну какой там придется — георгиевский или деревянный“ — никогда не забывалась мною...» (27 октября 1916 г.).

Повседневная ситуация опасности для жизни, другие обстоятельства постоянно вели Снесарева к фундаментальным обобщениям, способствовали кристаллизации мыслей о войне в целом. О том, что война находилась в фокусе его постоянных раздумий, говорит следующий эпизод: «Сегодня ходил по окопам с Ник[олаем] Ивановичем, и много с ним рассуждали о войне, ее природе и ее бытии... Общий наш вывод: она будет и будет еще злее, открытее, жгуче...» (4, 5, 6 июля 1916 г.). Следует отметить, что пессимистический прогноз Снесарева оказался верен.

Пребывание на фронте способствовало приближению Андрея Евгеньевича к пониманию сути войны, ее философии. Боевая обстановка не позволяла ему быть оторванным от действительности мыслителем. В то же время, осмысление им происходящего носило не абстрактный и упрощенный характер, а было именно трезвым и обстоятельным. Приобретенные ранее навыки научного анализа Снесарев на фронте не растерял, скорее, наоборот, они помогали ему иметь собственную точку зрения на окружающее. При этом Снесарев обладал способностью на примере незначительного для других эпизода разъяснить существо явления. Так, суть войны он, пользуясь случаем, объяснил следующим образом: «Чтобы не забыть! Яша Ратмиров, в разговоре у деда 24 декабря приводит пример, как Вячик не мог убить немца, случайно показавшегося на прицеле. Жаль стало бить зазевавшегося человека. Я ответил, что он сделал это по недостатку военного кругозора. Цель войны — убить дух сначала отдельного бойца, потом — массы их, а затем — всей нации; и для этой единственной и довлеющей цели нельзя ничего забывать, нельзя давать перерывов или уступок; нужно жать непрерывно и всюду. Отсюда смешны писательства корреспондентов, описывающих братания врагов в дни праздников; этот кислый сентиментализм показывает только одно — непонимание сути в[оенного] дела. Отсюда возражения против налетов цеппелинов (якобы поражающих только мирное население), против жестокости и т. п.; во всем одна идея: угнетать дух, и если это достигается, значит, война ведется, а не намечается только. Свои войска мы всячески покоим: кормим, поим, бьем малодушные

сплетни, даем спать... Противника жмем все время: слухами, огнем, рекогносцировкой, ядовитыми газами и т. п.» (22 декабря 1916 г.). Здесь, помимо прочего, видно сочетание взыскательного и требовательного отношения командира к подчиненным с умением показать им их предназначение и место в ведении войны.

Вообще, не может не поражать широта круга проблем, попавших в поле зрения Снесарева, и его кругозор, при том, что заслуживает внимания уже сам факт ведения дневников. Обычно при ведении дневников ограничиваются фиксированием происходящих событий и их описанием. Однако фронтовые записи Снесарева представляют собой не просто описание происходящего и изложение возникших у него чувств. В них содержатся глубокие размышления и анализ. Наряду с философскими и политическими вопросами Снесарев много внимания уделяет сугубо военным проблемам, которые при необходимости иллюстрируются схемами. Например, заслуживает внимания тщательный анализ действий армий Самсонова и Ренненкампфа (1 марта 1917 г.).

Красной нитью и многократно через дневники проходит проблема огневой тактики, феномен которой возник, по убеждению Снесарева, на полях мировой войны. Постепенно у Андрея Евгеньевича сложилось четкое понимание необходимости рассмотрения ее как самостоятельной отрасли военного знания: «Разговаривая с людьми, проверяя свои мысли и натыкаясь на новые факты, все более и более убеждаюсь, что „Огневая тактика“ являет собою ясно очерченный объем идей и правил и отчетливый предмет исследования. Входя, как часть Тактики, он отделяется от нее ясными, резкими гранями. Образование особого отдела (или даже науки) „Огневая тактика“ является результатом общего закона дифференцирования, который выдержали все другие науки с расширением их объема и с углублением их содержания» (17 декабря 1916 г.).

Помимо огневой тактики в дневниках содержится множество пометок (NB) и по многим другим вопросам. По всей видимости, Андрей Евгеньевич был намерен после войны вернуться к своим записям, но на тот момент он стремился, прежде всего, зафиксировать и прокомментировать впе-

чатления. Что-то впоследствии ему удалось использовать, многое — так и не нашло развития.

Тем не менее, знакомство с дневниками и письмами вновь убеждает, что их автор — одаренный человек, обладающий энциклопедическими познаниями и глубоким аналитическим умом. Многое позволяют увидеть детали, свидетельствующие о любознательности автора дневников. Так, выясняется, что при всей загруженности Снесарев успевает читать художественную литературу, знакомиться с новинками, опять же, осмысливая их с точки зрения военной действительности. Кроме того, чтение имело и определенный психотерапевтический эффект, поскольку проза и стихи позволяли в какой-то мере отвлечься от страданий и подноготной войны. В дневниках присутствуют и описания окружающих пейзажей. Уместно отметить и то, что Снесарев всю жизнь вел исключительно здоровый образ жизни, полностью отказавшись от спиртного. Вместо этого неоднократно встречается упоминание и описание «чайных церемоний».

В условиях, когда отсутствовали четкие указания непосредственного начальства, Снесарев был вынужден принимать решения относительно действий вверенных войск самостоятельно. Для ориентировки в общей политической ситуации он анализирует сообщения периодической печати, «переваривает» информацию, полученную при общении с разными людьми.

Дневники свидетельствуют и о знании Снесаревым иностранных языков, в них цитируется множество зарубежных источников (см. записи от 9 декабря 1916 г., 9 и 13 января 1917 г. и др.). Кроме того, находясь на фронте, Снесарев сполна использовал каждую возможность, чтобы, путем непосредственного общения, поупражняться в совершенствовании своей лингвистической подготовки.

Одним словом, фронтовые дневники и письма Снесарева — свидетельство постоянной работы мысли. И это, пожалуй, главное, что в них обнаруживается и что отличало их автора от огромного большинства его сослуживцев, делало его «странным» в глазах окружающих.

Рефлексия, свойственная Снесареву, сопровождала его на протяжении всей его дальнейшей жизни, до последних дней.

Чтобы понять условия, в которых ему пришлось работать, надо принять во внимание многое. Например, то, что в Советской России было против него: прошлое — пусть героическое и научное — царского генерала, университетское образование, монархическое и православное мировоззрение, личное знакомство и даже дружба со многими руководителями Белого движения, «недопонимание» с Ворошиловым и Сталиным при обороне Царицына. Все это не могло не вызывать отторжения у значительной части политической и военной элиты молодой Советской Республики. Фактически мировоззрение и образ жизни Снесарева гарантировали ему неприятие и зависть даже в своей офицерской среде...

Однако Снесарев понимал, что должен служить своей стране, даже если это идет вразрез с отношением к его деятельности и с официальными установками. Например, он понимал, что офицерский корпус даже Рабоче-крестьянской Красной армии, созданной впервые в истории по классовому признаку, обязательно должен быть знаком с основными идеями Карла фон Клаузевица (да и других военных классиков). Но как сделать так, чтобы это поняли и красные командиры, в значительной своей части малограмотные, воспитанные на своеобразном опыте Гражданской войны и одержавшие победу над Белым движением?

При этом в первые годы после окончания Гражданской войны общая образованность вовсе не считалась основным качеством, необходимым командиру Красной армии, куда важнее было социальное происхождение[1]. Более того, в 1928 г. в СССР задачей военных академий официально провозгласили не подготовку командиров с высшим военным образованием, а «создание пролетарских кадров во всех отраслях военной работы РККА»[2].

---

[1] Об обстановке в сфере подготовки военных кадров в СССР в тот период см.: *Смирнов А. А.* «Социальный расизм» и деинтеллектуализация командного состава Красной армии в 1920-х — первой половине 1930-х гг. // Величие и язвы Российской империи: Международный научный сборник к 50-летию О. Р. Айрапетова. М.: Регнум, 2012. С. 576–609.

[2] Там же. С. 597.

Однако, даже ожидая неприятия своей позиции, Снесарев в 20-е гг. готовит рукопись, которая должна была предварить публикацию главного труда Клаузевица «О войне». Автор рукописи вполне обоснованно полагал, что без обширного вступления переведенная книга будет трудна для восприятия военными кадрами РККА как по причине их невысокой тогда общей подготовки, так и вследствие сложности, незавершенности творения Клаузевица. Рукопись, к счастью, сохранилась, и книга вышла только несколько десятилетий спустя[1], но до сих пор пользуется спросом.

Уже будучи в преклонном возрасте и больным, Снесарев ходатайствовал перед лагерным руководством о разрешении продолжить работу над огневой тактикой, настолько он был уверен, что это нужно его стране. Удивительно, что он добивался возможности разрабатывать проблемы, связанные с обороноспособностью страны, находясь среди осужденных уголовников и рецидивистов и сполна испытав отношение режима к себе. Академик А. А. Губер, вспоминая о своем учителе, отмечал, что Снесарев и в последние дни свои жизни пытался работать над «Огневой тактикой»[2].

В наше время вышел уже целый ряд работ А. Е. Снесарева. Среди них есть как опубликованные при жизни автора, так и изданные впервые. То есть идеи Снесарева начали работать на благо России.

Соратником Снесарева в борьбе на «интеллектуальном фронте» был другой видный отечественный мыслитель Александр Андреевич Свечин. Уже в 1920-е гг., в Советской России, в статье с характерным названием «Безмолвный фронт» Свечин писал о своих интеллектуальных усилиях следующее: «В русско-японскую войну полками командовали такие известные писатели, как А. М. Зайончковский и Е. И. Мартынов. В числе других и пишущий эти строки в течение 17 месяцев мировой войны командовал полком...

---

[1] См.: *Снесарев А. Е.* Жизнь и труды Клаузевица / Предисл. Ю. Н. Балуевского; вступ. ст. И. С. Даниленко; статьи В. К. Белозерова и Д. Хойзер. М.; Жуковский: Кучково поле, 2007.

[2] *Губер А. А.* Воспоминания о профессоре А. Е. Снесареве. В кн.: Андрей Евгеньевич Снесарев (жизнь и научная деятельность). М.: Наука, 1973. С. 22.

Но прорвать безмолвие фронта нам не было суждено. На протяжении 25 лет моей писательской деятельности эти полтора года представляются единственным перерывом, когда я не держал в руках пера; а между тем я положительно ступал по ценнейшим наблюдениям, я захлебывался в выводах, и никогда армия так не нуждалась в установлении и освещении ее тактического опыта. Полк получил несколько запросов, в виде худосочных анкет; полковой адъютант без затруднения дал ответы по этой убогой программе»[1].

Неугомонным в вопросах преломления практики в теоретические положения, призванные стать руководством к действию, Александр Андреевич оставался вплоть до последних дней своей жизни. Свое творчество и соотношение его с повседневной службой он оценивал следующим образом: «Моя роль была скромной в бюрократической области и довольно заметной в идейной»[2]. Поневоле хочется задать риторически-безответный вопрос: много ли найдется сегодня в российской армии действующих офицеров, готовых подписаться под этими словами?

И все же нельзя не признать: Снесареву и Свечину, обладавшим упорством и бойцовским характером, несмотря на постоянное непонимание и противодействие, удавалось бороться с «интеллектуальной анархией», будить оборонное сознание нации, работать на будущее.

Думается, что необходимым условием обеспечения обороноспособности России и поддержания боеспособности нашей армии является возрождение и всяческое пестование ее интеллектуальной традиции.

К сожалению, думающих людей всегда было недостаточно в отечественном офицерском корпусе. Беда, что таких неудовлетворительно мало насчитывается и в наши дни, хотя как раз сегодня они нужны более, чем когда-либо. По большому счету, творчество Снесарева вполне можно рассматривать как призыв к интеллектуализации армии, а его самого — как пример думающего офицера. На этом

---

[1] Постижение военного искусства: Идейное наследие А. Свечина. М.: Военный университет, Русский путь, 1999. С. 434.

[2] *Свечин А. А.* Искусство вождения полка по опыту войны 1914–1918 гг. / Вступ. ст. И. С. Даниленко. М.: Кучково поле, 2005. С. 45.

примере утверждается та прописная истина, что офицерский корпус должен быть, прежде всего, образованным, интеллектуально развитым, и в этом — сила армии и залог безопасности страны.

Свечин соответствующие идеи проводил даже после ареста в 1931 г. и незадолго до ареста и обвинения, после которого он был казнен. Он вынужден был призывать к образованию и интеллектуализации не прямо, а опосредованно, приводя в пример реформаторов прусской армии начала XIX в.: «По мнению Шарнгорста, армия, в которой не ведется жестокая борьба за образование офицеров, успеха иметь не будет. Хорошей и надежной может быть только та армия, в которой процветает военно-научная литература»[1].

Поясняя вынесенные в эпиграф слова Гегеля, хотелось бы отметить, что стремление к познанию и осмыслению происходящего действительно стало для Снесарева нормальным и естественным состоянием, привычкой и потребностью, без которой он не мог жить.

В завершение хотелось бы выразить уверенность, что публикуемые дневники помогут читателю лучше понять Снесарева, его ценности и образ его мышления. Обнародование дневников стало возможным благодаря кропотливой работе, проделанной Анной Андреевной Комиссаровой и Андреем Андреевичем Снесаревым, потомками А. Е. Снесарева, которые подготовили их к печати. А. А. Комиссарова принимала участие в расшифровке рукописи, подготовила именной указатель и составила примечания к тексту. Благодарности заслуживают и выпускник Московского государственного лингвистического университета дипломированный политолог Мартош Олегович Топинский, а также профессор Олег Анатольевич Радченко за перевод имеющихся в дневниках цитат на немецком языке.

Доктор политических наук,
сопредседатель Ассоциации военных политологов,
заведующий кафедрой политологии
Московского государственного лингвистического университета,
полковник запаса
В. К. Белозеров

[1] *Свечин А. А.* Клаузевиц. М.: Журнально-газетное объединение, 1935. С. 37–38. Слова Свечина использованы как девиз Ассоциации военных политологов.

А. Е. Снесарев

ДНЕВНИК

13 февраля 1916 года — 26 июня 1917 года

Георг[иевские] кав[алеры] 3-й ст[епени] — 230-я [страница].

Содержание — 275-я [страница].

Комкоры — 300-я [страница][1].

1) Анатолий Киприанович Келчевский.

2) Константин Николаевич Кашкин (Петроград, Демидов пер., 1, Правление Общества железнодорожного вед[омст]в[?]). 278–28[2].

3) Павел Тимофеевич Акутин.

4) Бронислав Иванович Новицкий.

5) Никол[ай] Потап[ович] Худолей.

6) Виктор Михайлович Савченко.

7) Михаил Васильевич Ханжин.

8) Михаил Федосеевич Будков.

9) Сергей Никол[аевич] граф Каменский.

10) Сергей Иванович кап[итан] Соллогуб.

11) Димитрий Федорович гр[аф] Гейден.

12) Георгий Иванович Кортацци (деж[урный] при Верховн[ом] гл[авнокомандующем]).

---

[1] Эти заметки, предваряющие дневник, сделаны А. Е. Снесаревым карандашом на обложке дневника для памяти и представляют собой номера страниц дневника, на которых приведены список георгиевских кавалеров, денежное содержание командира корпуса и список комкоров. Указанные номера страниц соответствуют следующим дневниковым записям: 15 января 1917 г., 14 февраля 1917 г., 5 марта 1917 г.

[2] Вероятно, здесь дан номер телефона.

13) Николай Федорович Крузенштерн (Ц[арское] С[ело] — Госпиталь)

14) Игнат Касьянович Атласюк. (Волынской, Старо-Конст. уезда, сел. Западницы), № Георгия 837465.

15) Bernard Pares (адрес стр. 159)[1].

16) Кап[итан] Василий Игнатьевич Степченко (Ставка, приятель жены).

17) Командный персонал 64-й пех[отной] дивиз[ии] (стр. 162[2]).

18) Димитрий Савостьянович Романенко (поруч[ик]).

19) Федор Никол[аевич] Боровский шт[абс]-ротмистр.

20) Ник[олай] Мих[айлович] Крыжановский (ротм[истр], Москва, Дехтярный, 15).

Для памяти

1 августа получил: копия телеграммы н[ачальнику] шт[аба] XII кор[пуса] от 31 июля 1916 г. № 10870: Нач[альни]ку 12-й пех[отной] дивизии: «Штаб армии уведомил, что г[енерал]-м[айор] Снесарев главноком[андую]щим Ю[го]-З[ападного] Фронта зачислен кандидатом дивизию, старшинством 24 авг[уста] 1915 г. согласно сообщ[ению] Гл[авного] штаба 10870. Щедрин».

Представлен к Анне 1-й ст[епени] с мечами за бой 12 июня 1916 г. в районе к с[еверо]-вост[оку] от с.с. Калбака и Кутты. Представление направлено ком[анди]ру XII корп[уса] при рапорте № 5137 от 2 июля (Предст. № 5138 от 27 июня 1916 г.)[3].

Выс[очайшим] приказом 10 июня 1916 г. награжден Георгием 4-й степ[ени] за подвиг 4 дек[абря] 1914 г. (смотри 25 стр.[4]).

Выс[очайшим] приказом 24 февр[аля] 1915 г. награжден Георгиевским оружием (смот[ри] стр. 96[5]).

---

[1] На с. 159 дневника указан следующий адрес: (Liverpool University или British Embassy) Петроград, Бассейная, 28.

[2] С. 162 дневника относится к записи от 2 декабря 1916 г.

[3] Этот и предыдущий абзац зачеркнуты синим карандашом.

[4] См. запись от 7, 8 и 9 июля 1916 г.

[5] См. запись от 27 октября 1916 г.

Мой наград[ной] лист

1) Должность.

2) В послед[нем] чине с 24 авг[уста] 1915 г., начальник [зачеркнуто карандашом: штаба 12-й пех.] 159-й правосл[авной] дивизии [зачеркнуто карандашом: с 26 января 1916 г.] с 5 апреля 1917 г.

3) Имеет ордена мир[ного] времени:

Св. Стан[ислав] 3-й ст[епени] — 1901 г., Св. Станислав 2-й степ[ени] — 1905 г., Св. Анны 2-й ст[епени] — 1908 г. и Св. Влад[имира] 4-й ст[епени]— 1912 г.

За текущую кампанию награжден:

1) Орд[ен] Св. Влад[имира] 3-й ст[епени] с мечами. Выс[очайший] прик[аз] 5 декабря 1914 г., за особ[ое] отлич[ие] вне нормы: за бой под Бучачем 10 августа 1914 г.

2) Георг[иевским] оружием, приказ 8-й армии 1914 г. № 209. Выс[очайший] приказ 24 февр[аля] 1915 г. за особое отличие вне нормы: за бой под Монастыржеской 12 авг[уста] 1914 г. (96 стр.)

3) Высоч[айшее] благоволен[ие] — Выс[очайший] приказ 23 июля 1915 г. за особое отличие вне нормы: за взятие перев[ала] Ужок 3 нояб[ря] 1914 г.

4) Чином ген[ерал]-майора — Выс[очайший] прик[аз] 23 декаб[ря] 1915 г. за отличие в боях с мая по август 1915 г.

5) Орд[ен] Св[ятого] Георгия 4-й степ[ени] — Выс[очайший] прик[аз] 10 июня 1916 г. за особое отличие вне нормы: за бои 4–6 декабря 1914 г. (25 стр.)

Приказ Армии и Флоту 12 апреля 1917 г.

стр. 8. Нач[альник] штаба 12-го арм[ейского] корпуса ген[ерал]-м[айор] Снесарев назначается командующим 159-й пех[отной] дивизией, с зачисл[ением] по арм[ейской] пехоте.

6) 96 стр. награждение меня Георг[иевским] оружием.

Выс[очайшим] прик[азом] от 10 декабря 1916 г. нач[альник] шт[аба] 12-й пех[отной] дивизии ген[ерал]-м[айор] Анд[рей] Снесарев за отличия в делах против неприятеля награжден орденом Св. Станислава 1-й степени с мечами.

7) Приказом Армии и Флоту о воен[ных] чинах сухопут[ного] ведомства от 11 марта 1917 г. за отличия в делах против неприятеля начал[ьник] штаба 12-й пех[отной] дивизии ген[ерал]-м[айор] Анд[рей] Снесарев награждается орденом Св. Анны 1-й степени с мечами.

Дополнение к приказу Армии и Флоту от 4 марта 1917 г.

По Ген[еральному] штабу. Нач[альник] шт[аба] 12-й пех[отной] див[изии] г[енерал]-м[айор] Снесарев назначается нач[альником] штаба XII арм[ейского] корпуса. Утверждено 1 марта 1917 г.

8) Приказом Армии и Флоту от 15 июня 17 [года] награжден Св. Георгием 3-й степени (стр. 505).

9) Рапортом от 27 августа 1917 [года] № 11153 комкора 22 на имя командарма VII я представлен в ген[ерал]-лейт[енанты] за бои 15 и 20 июля «вне нормы» со старшинством с 20 июля.

а) Представлен за особое отличие в бою 28 м[ая] 16 г. у дер[евни] Черный Поток к орд[ену] Св. Станислава 1-й ст[епени] с мечами... Представление направлено командиру XI ар[мейского] корпуса 6 июня 1916 г. за № 4578.

б) Представлен за бой 12 июня 16 г. к сев[еро]-востоку от Кутты к ордену Св. Анны 1-й ст[епени] с мечами.

Представление направлено ком[анди]ру 12-го ар[мейского] кор[пу]са 30 июня 1916 г. за № 5137 и вторично 6 октября 1916 г. за № 8256.

В штаб фронта.

Вл[адимир] 3-й [степени] — 1914 г., Геор[гиевское] ор[ужие] — 1914 г., Прик[аз] 8-й армии № 209; Выс[очайшее] бл[аговоление] — 23 июля 1915 г.; чин г[енерал]-майора — 23 декабря 1915 г.; Ст[анислав] 1-й ст[епени] — 20 октября 1916 г.

Направлено в Гл[авный] штаб № 115716.

в) За бои 23–24 октября и 15–19 ноября в районе м[естечка] Кирлибабы, в бытность вр[еменно] командующим 64-й пех[отной] дивизией, представлен ком[анди]ром 12-го арм[ейского] корпуса к ордену Св. Георгия 3-й степени. Представление направлено ком[андую]щему 8-й армией 12 декабря 1916 г. при № 19664 (Получено в Армии 17 июля)[1].

[1] Абзацы, выделенные курсивом, зачеркнуты карандашом.

13 февраля 1916 г.[1]

Не мог выехать из Петрограда — не было мест. История с географией... Слезы и обморок. Философ[ская] ночь.

14 февраля 1916 г.

Блины... Собрался с малышами на автомобиле, но... не было: общий плач («Не плачь», — няня Кисе)... Киса — тихонько, Генюша хотел насильно... оттолкнул... Сел во 2-й и скоро в 1-й.. Жена бежала по платформе... Все будет по-хорошему. В вагоне марк[из] Альвици и Ордынский, антиподы... Едем, болтаем и спорим, особенно о жидах[2]...

15 февраля 1916 г.

Все время в разговорах. Маркиз — смеется; рад, что вырвался из сев[ерной] столицы; о дамах: бъ-во м-ки... Много интересного говорили о Прохвостове[3] и быв[шем] в[оенном] министре («предумышленная измена»)[4]... Ехалось хорошо...

16 февраля 1916 г., Киев, 2-3 часа на вокзале и далее… до Жмеринки.

Читаю Винклера «Духов[ная] культура Вавилона»... В Жмеринке Евст[афий] Констант[инович] [Истомин] и Самохин... Провожу ночь и утром далее...

17 февраля 1916 г.

По знакомым местам, но читал Гамсуна «Новь» и «Лица». Занимательно, но «Новь» менее сочно... В 4 часа утра в Новоселицы... Спал во 2-м лазарете и утром далее...

---

[1] Форма датировки введена в целях единообразия и удобства восприятия. А. Е. Снесарев на протяжении всего дневника употреблял разные формы записи дат и не указывал год.

[2] Общепринятое в то время в западных районах Российской империи и австрийской Галиции наименование евреев.

[3] Возможно, имеется в виду Александр Алексеевич Хвостов (1857–1922) — русский государственный деятель, министр юстиции Российской империи с 6 июля 1915 г. по 7 июля 1916 г.; министр внутренних дел Российской империи с 7 июля по 16 сентября 1916 г.

[4] Речь идет о В. А. Сухомлинове.

18 февраля 1916 г., Раранче Слободзия (возле Новоселицы)

Явление и представление... Офицеры Лин[ейного] тут... Завад[овский], Овечка, Рудаков, Безродный, Степ[ан] Семенов[ич] (Корягин) и т. п. Принимаю штаб и присматриваюсь к порядкам...

19 февраля 1916 г.

Еду на позиции, хожу по окопам и лезу в минную галерею. Это очень интересно; в книжках об этом написано далеко иначе... Образчик тайны: все было закрыто, запрещалось дышать, а на станции Ермолинцы на выгруз[ке] станции выносились ящики с надписью «Операт[ивный] Отдел VII армии»... Обратил внимание на это один статский человек...

21 февраля 1916 г.

Вчера уехал Ник[олай] Потап[ович] [Худолей]. Шт[абная] жизнь тяжка не желанием и настроением, а бытом: свинством, крепостничеством, капризами, размахом личного эгоизма. Г[раф] Келлер бросает Черяч[укин] у в лицо скомканные бумаги, Орлов (Н[иколай] Александрович) чешет пред Кузнецовым яйца, сидя в рубашке... Тут всякое настроение и подъем лопнут... Узнал, что Марк Семенович Черкесов — командир 9-го Дон[ского] полка, написал письмо; не виделись 32 года... Читаю Кнута Гамсуна «Мистерии». Написано сильно, à la Достоевский; пикантно и талантливо...

22 февраля 1916 г.

Сегодня был на позиции, в окопах 45-го п[олка]. Туда и обратно по ходу сообщения несли в некот[орых] местах на плечах, так как иначе пришлось бы идти выше колена. В окопах был только 4-й роты: влево (2-я) выше колена, вправо (3-я) тоже грязно, вернулся обратно, вися на плечах носильщика. Положение яркое: люди грязны, но морда веселая, улыбается: поищите-ка других в этом роде.

Поехал в Бояк[?] и встретился с Марком Семеновичем Черкесовым. Не видались 33 года (так у автора. — При-

меч. ред.). Обедали и болтали неумолчно[?]; Н[ижне]-Чирская [прогимназия] ожила в памяти: Елена Хоперская, Брызгалин[?], И. И. Терезников, Наумов, Карташев, Урганов... где это все, куда это уплыло? Оказывается, и он был влюблен в Елену, как и сотни других. Большинство товарищей сгибло, чаще всего спившись... лишь единицы достигли высот... многих нет. Наумов, кажется, сын Михина. Ир. Аф., вероятно, была красива...

Приехал ген[ерал] Пархомов; число умерших увеличилось: Сегеркранц, Орлов (умер от ран), Вицнуда, Жуков (кончил с собою), Тетруев, Березин, Карпов, Румянцев (умер от болезни)[1]... Марк Сем[енович] описывает меня тонким, скромным, мечтательным, с тонким голосом, как у девочки, уединенным, никогда не участвовавшим в товарищ[еских] попойках...

25 февраля 1916 г.

Все остаемся там же. Наши товарищи по выпуску[2]:

1) Сытин — ком[андир] 3-го ст[релкового] арт[иллерийского] дивиз[иона].

2) Кавтарадзев — ком[андир] 150-го п[ехотного] Таман[ского] полка. Геор[гий] 4-й ст[епени].

3) Казанович — командир 127-го п[ехотного] Путив[льского] полка. *Нач*[*альник*] *див*[*изии*][3].

4) Батюшин — г[енерал]-м[айор], ген[ерал] для пор[учений] при Глав[нокомандующем] Сев[ерного] фр[онта].

5) Пархомов — г[енерал]-м[айор]. *Ком[андир] бриг[ады] 12-й пех[отной] див[изии* — [зачеркнуто]. Геор[гий] 4-й ст[епени]. Нач[альник] шт[аба] 100-й пех[отной] див[изии]. Н[ачальник] шт[аба] XI корпуса.

---

[1] Относительно Тетруева Н. Г., товарища А. Е. Снесарева по выпуску из Академии ГШ, есть данные о смерти в 1920 г.

[2] Фамилии Ярон, Снесарев, Искрицкий, Черемисов, Алексеев, Хростицкий, Антипов подчеркнуты красным карандашом. Напротив фамилий Батюшин, Рудницкий, Ростковский, Сербинович, Вихирев, Никольский, Ласточкин, Люпов, Хануков, Максимов, Зарин, Васмунд, Скобельцын, Кусонский, Чаусов, Асеев, Деникин стоят минусы.

[3] Последняя приписка сделана карандашом.

6) Ярон — г[енерал]-м[айор]. Нач[альник] штаба дивизии. Геор[гий] 4-й ст[епени]. *Ком[андир] корпуса*[1].

7) Эзеринг — ком[андир] 53-го п[ехотного] Волын[ского] п[олк]а.

8) Беляев — нач[альник] шт[аба] 44-й пех[отной] див[изии]. Геор[гий] 4-й ст[епени].

9) Анисимов — инсп[ектор] кл[ассов] Вил[енского] в[оенного] училища.

10) Дзевановский — нач[альник] в[оенных] сооб[щений] Од[есского] в[оенного] окр[уга].

11) Рудницкий — ком[андир] 2-го стр[елкового полка].

12) Ростковский — ком[андир] полка.

13) Ефимов — г[енерал]-м[айор]. Нач[альник] шт[аба] дивизии.

14) Юзефович — г[енерал]-м[айор]. Н[ачальник] шт[аба] туз[емной] дивизии. Геор[гий] 4-й ст[епени].

15) Ремезов — г[енерал]-м[айор]. Ком[андир] бриг[ады] 81-й п[ехотной] див[изии]. *Нач[альник] 16-й С[ибирской] д[ивизии]*[2].

16) Сербинович — *ком[андир] 111-го п[ехотного] Донск[ого] п[олка]*[3].

17) Приходько [Приходкин] — [командир] 10-го гус[арского] Ингерм[анландского] п[олка].

18) Фирсов — (командир 167-го п[ехотного] Остров. [Острожского] п[олка]) — н[ачальник] шт[аба] 30-й п[ехотной] див[изии]. Г[енерал]-м[айор] (4 сент[ября] 1915 г[ода]). *Нач[альник] див[изии] 2-й Заам[урской] д[ивизии]*[4].

19) Снесарев — г[енерал]-м[айор]. Нач[альник] шт[аба] 12-й пех[отной] див[изии]. Георг[ий] 4-й ст[епени] (Вл[адимир] 10 июня 1916 г[ода]), Георгий 3-й ст[епени] (пр[иказ] армии и флоту 15 июня 17 г[ода]).

20) Вихирев — в резерве. Ком[андир] див[изии] 45.

---

[1] Последняя запись сделана карандашом.

[2] Последнее предложение написано карандашом.

[3] Зачеркнуто карандашом и исправлено на нач[альник] шт[аба] 104-й пех[отной] див[изии].

[4] Последнее предложение написано карандашом.

21) Занкевич — г[енерал]-м[айор]. Ком[андир] л[ейб]-гв[ардии] Павл[овского] полка.

22) Афанасьев — завед[ующий] перед[вижением] в[ойск] Моск[овского] в[оенного] ок[руга].

23) Тигранов — нач[альник] шт[аба] дивизии.

24) Никольский — г[енерал]-м[айор]. Нач[альник] шт[аба] отд[ельного] корп[уса] жанд[армов].

25) Черячукин — г[енерал]-м[айор]. [Начальник штаба] 4-го кав[алерийского] корп[уса]. Геор[гий] 4-й ст[епени]. *К[омандую]щ[ий] 2 Каз[ачьей] св[одной] див[изией] (26 сен[тября] 1917 г[ода])*[1].

26) Искрицкий — г[енерал]-м[айор]. Ген[ерал] для пор[учений] при нач[альнике] шт[аба] В[ерховного] Г[лавнокомандующего] Геор[гий] 4-й ст[епени]. Ком[андир] 1-го С[ибирского] корпуса, г[енерал]-л[ейтенант].

27) Кальницкий — г[енерал]-м[айор]. Нач[альник] шт[аба] 7-го Сиб[ирского] кор[пуса].

28) Черемисов — г[енерал]-м[айор]. Ген[ерал]-кв[артирмейстер] шт[аба] 12-й армии. Геор[гий] 4-й ст[епени]. *Глав[нокомандующий] Север[ного] Фрон[та]*[2].

29) Никулин — г[енерал]-м[айор]. Нач[альник] шт[аба] 5-го кав[алерийского] корп[уса].

30) Гиссер — г[енерал]-м[айор]. Командир 197-го п[ехотного] Лесн[ого] полка. *2-й ген[ерал]-квар[тирмейстер] Г[лавного] у[правления] Г[енерального] шт[аба]*[3].

31) Ласточкин — г[енерал]-м[айор]. Нач[альник] шт[аба] 1-го Кавк[азского] ар[мейского] к[орпуса]. Геор[гий] 4-й ст[епени].

32) Довгирд — г[енерал]-м[айор]. Ком[андир] бр[иды] 40-й п[ехотной] див[изии]. *Начдив Грен[адерской] дивизии*[4].

33) Люпов — г[енерал]-м[айор]. [Командир бригады] 17-й [пехотной дивизии]. Георг[ий] 4-й ст[епени].

34) Хануков — г[енерал]-м[айор]. Нач[альник] шт[аба] корп[уса]. Геор[гий] 4-й ст[епени].

---

[1] Последняя запись сделана карандашом.

[2] Последняя запись сделана карандашом.

[3] Последнее предложение приписано карандашом.

[4] Последняя запись сделана карандашом.

35) Максимов. В резерве.

36) Калишевский — г[енерал]-м[айор]. В расп[оряжении] В[оенного] мини[ст]ра.

37) Половцев — г[енерал]-м[айор]. Нач[альник] шт[аба] V кав[алерийского] кор[пуса].

38) Зарин — г[енерал]-м[айор]. Нач[альник] шт[аба] XXII арм[ейского] кор[пуса]. Георг[ий] 4-й ст[епени].

39) Васмунд — г[енерал]-м[айор]. 1-й об[ер]-кв[артирмейстер] Гл[авного] упр[авления] Ген[ерального] шт[аба]. Георг[ий] 4-й ст[епени].

40) Покровский — г[енерал]-м[айор]. Нач[альник] шт[аба] I Турк[естанского] к[орпуса]. Георг[ий] 4-й ст[епени].

41) Скобельцин — г[енерал]-м[айор]. Нач[альник] шт[аба] XL ар[мейского] кор[пуса]. Георг[ий] 4-й ст[епени].

42) Щуцкой — г[енерал]-м[айор]. Начальник эт[апно]-хоз[яйственной] части 1-й арм[ии]. Георг[ий] 4-й ст[епени].

43) Кусонский — г[енерал]-м[айор]. Пом[ощник] нач[альника] в[оенных] сооб[щений] Г[лавного] у[правления] Г[лавного] штаба.

44) Чаусов — г[енерал]-м[айор]. Нач[альник] шт[аба] III арм[ейского] кор[пуса].

45) Алексеев — г[енерал]-м[айор]. Нач[альник] [штаба] дивизии. *Ком[андир] кав[алерийского] кор[пуса]*[1].

46) Посохов — г[енерал]-м[айор]. Ген[ерал]-кв[артирмейстер] шт[аба] 2-й армии.

47) Асеев. В резерве.

48) Деникин — г[енерал]-м[айор]. Нач[альник] 4-й стр[елковой] див[изии]. Геор[гий] 4-й ст[епени], Геор[гий] 3-й ст[епени].

49) Хростицкий — г[енерал]-м[айор]. Нач[альник] шт[аба] грен[адерского] кор[пуса]. *Ком[андир] гр[енадерского] кор[пуса]. — Ген[ерал]-л[ейтенант]*[2].

50) Попов — г[енерал]-м[айор]. Нач[альник] Новоч[еркасского] каз[ачьего] уч[илища].

51) Гулыга — г[енерал]-м[айор]. Начальник 1-й Куб[анской] пласт[унской] бр[игады].

---

[1] Последняя приписка сделана карандашом.

[2] Последняя приписка сделана карандашом.

52) Антипов — г[енерал]-м[айор]. Нач[альник] шт[аба] II гвар[дейского] кор[пуса]. *Ком[андир] XIX корп[уса]. Г[енерал]-л[ейтенант]*[1].

53) *Тетруев — Ком[андир] див[изии] 55*[2].

Убиты[3]:

1. г[енерал] от кав[алерии] Самсонов;
[2.] г[енерал]-л[ейтенант] Розеншильд-Паулин;
[3.] г[енерал]-м[айор] Мачуговский;
[4.] [генерал-майор] Ванновский (Сергей);
5. [генерал-майор] Пфейфер;
[6.] [генерал-майор] Хитрово[4];
[7.] [генерал-майор] Лопухин;
[8.] [генерал-майор] Линда;
[9.] [генерал-майор] Токарев;
10. полк[овник] Малеев;
[11.] [полковник] Арапов;
[12.] [полковник] Комаров;
[13.] [полковник] Ольховский;
[14.] [полковник] Давыдов;
15. [полковник] Христиани;
[16.] [полковник] Венецкий;
[17.] [полковник] Гаврилица;
[18.] [полковник] Сегеркранц[5];
[19.] [полковник] Жуков[6];
20. [полковник] Березин[7];
[21.] [полковник] Орлов[8];
[22.] [полковник] Вицнуда[9];
[23.] [полковник] Барон де Боде;

---

[1] Последние два предложения написаны карандашом.

[2] Написано карандашом.

[3] Напротив фамилий Розеншильд-Паулин, Малеев, Давыдов, Венецкий, Жуков, Щербак, Бенземан стоят минусы синим карандашом.

[4] В. М. Хитрово не погиб во время войны.

[5] Около фамилии карандашом написана цифра 1.

[6] Около фамилии карандашом написана цифра 2.

[7] Около фамилии карандашом написана цифра 3.

[8] Около фамилии карандашом написана цифра 4.

[9] Около фамилии карандашом написана цифра 5.

[24.] [полковник] Карпов[1];
25. [полковник] Пфингстен;
[26.] [полковник] Вестфален;
[27.] [полковник] Древинг;
[28.] [полковник] Трофимов;
[29.] [полковник] Криницкий;
30. [полковник] Поваринский;
[31.] [полковник] Вялов;
[32.] [полковник] Егоров;
[33.] [полковник] Щербак;
[34.] [полковник] Смирнов;
35. п[олковник] Секирский;
[36.] г[енерал]-м[айор] Мандрыка[2];
[37.] г[енерал]-м[айор] Дружинин;
[38.] под[полковник] Романовский;
[39.] Пол[ковник] Шевцов;
40. Пол[ковник] Лебединский;
41. Г[енерал]-л[ейтенант] Бельгардт;
42. Пол[ковник] Бенземан;
43. Кап[итан] Белоусов;
44. Подп[олковник] Азбукин;
45. Г[енерал]-м[айор] Бицютко (от ран);
46. [Генерал-майор] Фукс.

В плену:
1. г[енерал] от ин[фантерии] Мартос;
[2.] [генерал от инфантерии] Бобырь;
[3.] г[енерал]-л[ейтенант] Де-Витт;
[4.] [генерал-лейтенант] Федоров;
5. г[енерал]-м[айор] Пестич;
[6.] [генерал-майор] Шемякин;
[7.] [генерал-майор] Хольмсен;
[8.] [генерал-майор] Кольшмитт [Кольшмидт];
[9.] [генерал-майор] Джонсон;
10. г[енерал]-л[ейтенант] Корнилов[3];
[11.] г[енерал]-м[айор] Калюжный;

[1] Около фамилии карандашом написана цифра 6.
[2] Г. А. Мандрыка убит на войне не был.
[3] Зачеркнуто синим карандашом.

[12.] полк[овник] Паннаш;
[13.] полк[овник] Лилье;
[14.] полк[овник] Фешот;
15. полк[овник] Григоров;
[16.] подп[олковник] Даниченко;
[17.] [подполковник] Клещинский;
[18.] [подполковник] Мартынов.

Кандидаты на дивизию на Юг[о]-З[ападном] ф[ронте] к 1 янв[аря] 1917 г[ода][1]:
Тихменев
Панов вне очер[еди]
Новицкий вне очер[еди]
Рыльский + (Георг[ий])
Максимович
Романовский + — (Г[еоргиевское] ор[ужие])
Степанов +
Пестрежицкий [Пестржецкий]
Пархомов в[не] оч[ереди] +
Энвальд + –
Ф[он] Ольдерогге
Стогов в[не] оч[ереди] + –
Довгирд
Гр[аф] Каменской –
Музеус в[не] оч[ереди] + –
Гиссер в[не] оч[ереди] –
Веселовский в[не] оч[ереди] + –
Бредов + –
Иуон
Снесарев в[не] оч[ереди] + –

28 февраля 1916 г., (там же), т. е. Раранче Слободзия
Читаю Толстого. «Дневник 1895–1899» стр. 157: 20) «Нельзя требовать от женщины, чтобы она оценила чувство своей исключительной любви на основании нравственного чувства. Она не может этого сделать, потому что у нее нет истинного, т. е. стоящего выше всего, нравственного чув-

[1] Следующий список зачеркнут красным карандашом, а ниже простым карандашом сделана приписка: (*20-й, 8-й и 4-й*).

ства»... Вот и философ, и непротивленец... Сколько в этом понимании заложено злобы и узколобия...

Получил письмо от Женюши (№ 1 и 2)... очень грустное. Знаю, как она страдает из-за своей случайной неудачи, в которой виноваты ее нервы... Думы по этому поводу — сложны. Лишь бы это не отзывалось на детях...

Толст[ой]. Стр. 158: 3) «Одно из важнейших дел человечества состоит в воспитании целомудренной женщины... 169 стр.: midi à quatorze heures[1] (ум за разум зашел)... 170 ...37) Пресса — это лживость: with a vengeance[2].

Дневник Льва Николаевича Толстого

1895–1899. Изд[ание] 2-е под ред[акцией] В. Г. Черткова.

Москва 1916, стр. 892 [292?]... Неинтересно. Человек, всласть поживший, боится смерти и изо всех сил «спасается», как это понимает. Много упоминаний о болезнях. Заканчивает: Е. б. ж. (Если буду жив)... словом, кликушество, подсказанное боязнью смерти. И странно: природная злоба, самоуверенность и непогрешимость все же просвечиваются сквозь пиетизм...

Кнут Гамсун:

а) Роза. Из записок студента Парелиуса (то, что читал ж[урналы] № 416–418, 254... Макк (ванна), Хафтвигсен — муж Розы, баронесса, лопарь... просто и свежо).

б) Новь (341–344, жел., 318 стр... Жизнь литер[атурной] богемы. Ханка (жившая с Иргенсом) мирится с мужем Тидемантом. Ирг[енс] соблазнил Огот Люпум... Богема: Эйен, Мильде, Иргенс, Паульстер... Хенриксен, жених Огот, стреляется.

Талант есть, но произведение несколько тусклое. Чувствуется неровный личный элемент).

в) Мистерии (255–258, жел. 384. Некто Нагель — таинств[енная] личность — попадает в маленький городок, странно одетый, играющий комедию, болтающий, влюбляется в Дагни Кьелланд, топится... Люди: Минута, Марта Гудэ. Многое à la Достоевский... Интересное, остроумное и причудливое сочинение. Много остроумия, фантазии, выдумок... Одно из лучших, — несомненно).

---

[1] Полдень в 14 часов (*фр.*).

[2] С лихвой, в полном смысле слова (*англ.*).

11 марта 1916 г. Стоим там же (Раранче Слободзия)

Все готовимся к м[инометной] ат[а]ке. Новое для меня и интересное дело. Неоднородность с пехотой и артиллерией усложняет дело.

Вчера был у Графа Кел[л]ера (ниже см. его думы).

NB Вторжение: К[омандую]щ[ий] IX[1] находит, что коноводы не там стоят, где нужно... В этом частном случае он был прав, но нервная переписка (вторжение даже и тогда вредно, когда оно правильно... шатается нервная (нравст[венная]) сторона, затрагивается самолюбие и портятся отношения)... Граф убил еще неск[олько] лошадей.

NB Жестокость: В декаб[рьской] операции к[омандующий] IX приказал начальникам дивизий лично проверить расположения частей... или смерть или вранье...

Вчера получил выводы графа, вызванные наблюдением за декабрьской операцией. В них много правды, их 11.

1) Крайняя недобросовестность и часто лживость донесений и докладов о течении, успехах и неудачах боев...

2) Стремление начальников сложить всю ответственность на подчиненных, доходящее до того, что даже в бою они не приказывают, а советуют.

3) Малое знакомство начальников с той местностью, на которой действуют вверенные им войска и с которой они знакомы только по карте.

4) Отдаленность местопребывания нач[альник]ов во время боя от места самого боя, причем не может быть ни личного наблюдения, ни личного своевременного руководства.

5) Боязнь начальников как младших, так и старших, взять на себя ответственность и испрашивание указаний и разрешений по телефону даже во время самого боя и в минуты, не допускающие промедления.

6) Взгляд на резерв не как на средство для своевременной поддержки удара и развития успеха, а исключительно как на средство парализовать заранее предполагаемый неуспех.

7) Введение в бой мелких частей и полное бездействие крупных резервов, что приводит к поражению частей,

[1] П. А. Лечицкий.

ведущих бой, на глазах неиспользованных резервов и не позволяет развить успех.

8) Неправильное понимание закрепляться на захваченных рубежах, что приводит к остановке прорвавшихся частей, охлаждению их пыла и вызывает перерыв боя, дающий противнику возможность оправиться и парализовать наш успех.

9) Полное отсутствие творчества и шаблонное, не сообразованное ни с местностью, ни с обстоятельствами, ведение боя при исполнении разных задач.

10) Неумение использовать и организовать крупные артилл[ерийские] группы и согласовать артилл[ерийский] огонь с действиями пехоты.

11) Полное нежелание начальств[ующих] лиц считаться с физическими силами и с моральным состоянием вверенных им частей...

Под чем бы я не мог подписаться?

От 6 декабря 1915 г. имеется директива («Об артилл[ерийской] подготовке атаки») Иудовича[1]. Ряд общих туманных фраз: планомерно да целесообразно... Образчик обманчивого пустословия...

13 марта 1916 г.

Сегодня был в 46-м полку, обошел окопы и все секреты... Левый фланг — лафа, правый — хуже. Остались: п[олковники] Тушин, Фофанов, под[полковники] Канецкий, Базанов, к[апитаны] Нельговский, Хмелевский, Шелепин, Шиманский, Хохлов и Новицкий.

NB. Наша оценочная система ничего не стоит: выдающиеся или в тылу или «взяты» в плен (Ватман (п[олковник]), Заленский (в тыл, как подполк[овник]), Суворов (в тылу... «рвется»). Оставшиеся: Тушин (не знали, что делать), Нельговский (удовлет[ворительный]... хорош), остальные — пригодные.

NB. Вранье... Скрыто пленение 2 рот с 2 пулеметами... Молчок, а в след[ующем] бою больше потерь...

[1] Генерал Н. И. Иванов.

16 марта 1916 г.

Трогательный эпизод с денщиком Калиновского III (прап[орщика]) в XLVIII полку... Произведен в ефрейторы. 14 марта эпизод. *Кобанов*[1].

NB. Две главных идеи: 1) план кампании и 2) существо боя.

В первом нужно:

1) отбросить старые мысли о его куцости... «до стратег[ического] развертывания сил»... Закон его постоянства, хотя один будет сменять другой, но идея та или другая должна быть. (Иначе инициатива за врагом, случайность действий, отсутствие предварительных и прочных распоряжений (не то отдыхать, не то ждать), безэкономность применения сил, пассивность, беспорядочность, нервоз...)

2) План не есть одно лишь стремление, мож[ет] быть и пассивность, и отдых, и...

3) Он переплетается с политикой, но едва ли всегда политика над стратегией... Стратегия, не есть ли это политика, приправленная оружием... Мож[ет] быть, на время войны стратегия над политикой, а последняя ей помогает.

4) План даст ответ на вопрос о целесообразности боя (не полностью).

Существо боя, т. е. та практическая цель, которую нужно преследовать, после ответа на целесообразность: нужно ли вообще его вести (принимать или вчинать[2])... Планосообразность без этой идеи — пустой звук... Чтобы существо понять, нужно обратиться к истории, особенно интересен Аннибал.

1) Стороны, без нарушенного равновесия духа, могут бороться до взаимного истребления (Каталаунская битва и др.).

2) Полного истребления почти нет.

3) Есть перелом (момент), за которым начинается победа. Перелом этот вызывается угнетением духа (паникой, страхом, волнением) одной стороны. И вот достигнуть его, а затем использовать, и есть практ[ическая] идея боя, его задача. Средства у Аннибала: внезапность, огорошивающий

[1] Фамилия написана синим карандашом.

[2] Начинать (*устар.*).

прием, постановка в явно невыгодное положение, обход... Средства теперь: внезапность, ураган артиллерии, удушливые газы и т. п.

Посему в каждом бою нужно так весть дела, чтобы потрясти равновесие (в глубину достигается, по фронту труднее).

2 апреля 1916 г., (там же)

Вчера Галя покрыта жер[ебц]ом 1-й батареи. Сегодня будет повторение. Сегодня год Ужку[1] и... большой постриг.

Джек Лондон. «Дочь снегов», № 1081–1085, ж., 412.

Девица Фрона (дочь снегов) влюбляется в Сен-Венсана (дрянь), а Ванс Карлисс (ее типа) стоит в «дружбе». Убеждается, и ее убеждают в ошибке... много приключений и красоты... Произведение слабое... Джекоб Уэльс — предприниматель, сила... Натянуто... только талант.

Темы:

1) разговор с Осипом о Голубинской;

2) просьба батюшки о переносе кладбища;

3) совершение подвига одним, а взятие Георгия р[отным] ком[андиро]м;

4) схождение с плен[ным] австр[ийцем] и... он убил мужа...

5) недотрога сестр[а] мил[осердия] и гибель ее с офицером.

(Из «Дочери снегов». 234 «Тот, кто в жизни своей переживает больше, чем это бывает в одной жизни, должен умереть».);

6) две картины (к[артина?] п[охорон?] и мать с дочкой);

7) как он умирал (Чунихин);

8) привет (социалист привез подарки);

9) за други своя (бежал... но утонул).

К 3. Денщик построил крест и нацарапал безграмотно «Здесь пакоится...». К 7: Как цыплята к матке, как журавли за передним... в бою один... вне плясал... писал... К 8: за обедом социалист, пред ребятами — свой русск[ий] человек;

[1] Ужок — жеребенок кобылы Гали, названный в честь взятого во время войны перевала через Карпатский хребет.

10) цензор выпросился и узнал про жену... хорошая, но сомневающаяся... «Ваша, если...»... уходит в окопы...

11) борьба (стр. 24).

3 апреля переехали в Несвой... парк и покой.

3 апреля — 2 мая 1916 г., Несвой

Прожили незаметно, много поэзии и лени... 24 апреля, 28 и 1 мая... Опять вернулись карты, сопутник мирной жизни... Характерно: мало писал, как и домой, мало читал... зато отдохнул нервами и теперь начну воевать, как бы заново...

Приемы борьбы за укреп[ление] позиции и принципы полевой фортификации на Зап[адном] фронте

Отчет полк[овника] Ермолаева, ком[андующ]его в 1915 г.

(стр. 40 с черт[ежами] и рисунками).

Написано умно и наблюдательно... Неудачные атаки привели французов к выводам: 1) Атака должна вестись на широком фронте; 2) Фронт атаки должен быть выбран в малонаселенной местности и удар направлен в вогнутые части неприят[ельского] фронта; 3) Успех атаки зависит от первого нажима, осуществление которого должно быть молниеносно... Самая интересная мысль, остальное — частности... Итак: 1) Широкий фронт атаки; 2) насыщенный массами войск; 3) укрытое сосредоточение этих масс в непосредственной близости противника с обеспеченным сообщением в тыл и 4) наконец, накопление артилл[ерийских] припасов... до пределов неограничен[ого] их использования (стр. 8).

{За 22–25 сентября при 2 т[ысячах] орудиях, из которых 708 тяжелых, на фронте — [в] 31 километр выпущено более 5 милл[ионов] снарядов... Это было в Шампани.}

3 мая 1916 г., Стаучаны

Перешли, бедно и уныло, живем в сельской школе... Продолжаю: майское сражение в Аррасе, сентябр[ьские] бои в Шампани и декабрьские — в Эльзасе привели к выводу,

что «разрушительная сила артиллерии в период подготовки беспредельна для тех районов позиции, которые могут быть подвергнуты прямому и ясному обзору с наблюд[ательных] пунктов» (стр. 16)...

Стр. 33... «Война ручных гранат»: бывают дни, в которые одной франц[узской] армией их выбрасывается до 200 т[ысяч]...

7 июня 1916 г., Комарешти Слободзия (в районе в[ысоты] 400)

Не писал больше месяца ... 5 мая прибыл новый начальник дивизии... 8[-го] утром перешел в Берестье, где прожил до ночи с 22 на 23 мая, т. е. 2 недели. 19 мая праздник у Азовцев... Учились атаковать австрийцев по франц[узскому] способу... Этапы 7, 12, 14, 16 и послед[ний] 22, когда были смотры и проверки... Жилось скучно, читал Тэна, его путеш[ествие] по Италии... очень интересно...

В ночь с 22-го на 24-е с 1-й бригадой пошел на Малинцы, оттуда в Блищадь (ноч[евал] 23–24), оттуда в Ржаванцы в окопы под высоту 458 (был 24, когда сильный с нашей артиллерии огонь... не удалась атака), в ночь с 24-го на 25-е перебросился к Черному Потоку, не сменил 75-й, и в ночь с 25-го на 26-е сменил...

26-го рекогносцировка, обход окопов (16-й рот[ный] 46[-го полка]... Савиновский, пристреленный 28[-го]), все обсудил и приготовил с пол[ковыми] и бат[альонными] командирами... Вечером уехал в Онут к штабу... 27[-го] — был дома, вечером в Самушин, где познакомился с Шишовым... 28[-го] — славный бой, в 2 часа получаю 75-й и 76-й, перехожу к Черному Потоку, ночью ищу по полям полки и ночую в Похорлоуце...

Идем на другой день (29 мая) через Юркоуц, мокнем под дождем и собираемся ночевать в Валяве (хозяйка с б[елыми?] волосами, ее рассказ о плен[ном] австрийце: «Чего горюешь... русские придут, они хор[ошие] люди»... Россия показала себя в блестящем нрав[ственном] свете... Ночью будят, и я с 48-м и 45-м иду в Коцман, где 30 мая занимаю позиции и изучаю все... 31 мая приходят остальные и готовимся к форсированию...

1 и 2 июня получаю 75-й и 76-й полки, которые прибывают в Коцман, с ними занимаюсь и подготовляюсь маневрировать... Форсирование откладывается, и в ночь с 4–5 я перехожу с 1½ полками и 2 бат[ареями] к Снятыню, где иду за 46-м до Вашковиц... Занимаю правый участок и экстренно вызываюсь в штаб...

5 июня мне дают 45-й и 47-й полки с 2 батареями, и я иду к 482-му (возле Старажинеца на шоссе), где я составляю левый авангард.

6 июня помогаю у Панки графу Келлеру форсировать р[еку] Серет... Дело на Панку 2-го б[атальона] 46-го (1 оф[ицер], 81 н[ижний] ч[ин] пленными).

7 июня жду новых распоряжений...

8 и 9 июня 1916 г. Зелена (на Пруте)

Живем в запущенном барском домике возле церкви... Беседую с старушкой баронессой Василько (родственница Стурзам [Стурдзе], Милану, Обреновичам и др.), когда-то богатая и знатная, теперь нищая (имела замечательный голос, но знатные родители не пустили)...

10–11 июня 1916 г.

Прожил во дворце Чарторый...

Позавчера оставил авангард и приехал сюда... Снова нач[альник] штаба... Чуял ли, что в этот день Выс[очайший] Прик[аз] о м[оем] Георгии (25 июня)[1].

Все у нас на взаим[ных] отношениях, страшная кружковщина, вне которой вражда, зависть и интрига... Примеры: 1) Щед[рин] 4–5 июня будит плеткой подп[олковника] Неймирока...; 2) стрелок[2] дергает, капризничает (а человек не плохой и добрый), всякий каприз вперед...; 3) слова раненого Микулина: «У нас все на отношениях...»; 4) сейчас полная перетасовка нач[альни]ков штабов корпусов: какое же там нутро?.. Поможешь ли этим?

---

[1] Последнее предложение дописано карандашом. Далее на полях значок NB.

[2] Так А. Е. Снесарев иногда называл Г. Н. Вирановского — командующего 12-й пехотной дивизии с мая по декабрь 1916 г., начальником штаба которой А. Е. Снесарев служил с декабря 1915 по сентябрь 1916 г.

16 июня 1916 г., Новоселица

Н[ачальник] д[ивизии] уехал на наблюд[ательный] пункт, а я остался... передохнуть.

11 июня получил поручение выехать к авангарду (дворец Испаса), где поселился с ком[андиром] 48-го полк[а] (48, 2 б[атальона] 47-го, 2 л[егких] бат[ареи] и 4 гор[ных] орудия)... В ночь всякие распоряжения...

12 июня. Утром обходил позицию 3-го и 1-го бат[альонов] 48-го, дал задачу и домой... Взяли 5 оф[ицеров], 104 н[ижних] ч[ина], 1 пул[емет]. А потом поперли... потеряли 470 ч[еловек] (вероятно, более 200 пленными). Думал, в какой мере я мог быть виновным... Дал задачу выгнуть[?]... На лев[ом] фланге (1 б[атарея], 4 гор[ных] ор[удия], 2-й б[атальон] 48 ...). Казаки 10-го якобы пошли в атаку, а 2-й б[атальон] их «не поддержал»...

Реаль[ность]: все были пьяны (в Византе зарублены 3 женщины и долго валялись на виду у всех), и полусотня пьяных что-то попробовала сделать, но не подвинулась и никому не сказала... ни артиллерии (ком[андир] горной был готов и очень хотел помочь), ни батальону...

13 июня оттянут и приехал в Милие, где устраивал и разрабатывал новый авангард: полки, артилл[ерия], [нрзб]... Ночевал достаточно... Со стрелком не стычка, а точка ... рвет и капризничает... Вынь да положь, независимо, важно или нет: в голову пришло...

14 июня. Переехал на наблюд[ательный] пункт 289 (у церкви в Рыбат[ыцка]) и следил за попыткой 11-й див[изии] (2 полка было) овладеть высотой 404... Не удалось: потеряли много и, вероятно, пленными, а 82-я дивизия отброшена... К ночи переехал в Испас (школа возле южной церкви). Только что приспособился, как в 9 час.: «Завтра в 4 час[а] атакуем, представьте к[о времени] через 2 часа соображения». Командиры полков за бока и до 12½ обсуждаем... Посылаю Акутина в шт[аб] див[изии], а в 3 часа выезжаю на наблюд[ательный] пункт на выс[оте] 373... Здесь руковожу боем до 8½ ... Взяты 382 и безым[янная], с первой 48-й сбросили... Не послушались и не закрепились: «толпу» разогнали шрапнелью, а затем отбросили перешедшей в кон[тр]-атаку небольшой частью (думаю, что небольшой)...

С приездом начинается кликушество (ругань, «обходят», «за див[изию] не отвечаю»...). В 5 часов уезжаю сюда в Новоселицы, где ночую.

16 июня пока остаюсь, до требования или выеду сам...

Начали мы маневрировать, и оно нам не дается: разрываемся, упускаем противника, атакуем по одиночке, выдаем друг друга, не верим, врем и т. п. Что тут больше: тактич[еской] ли неготовности или отсутствия воспитания? Для сильной и дружной тактики нужно воспитание: 1) чувство товарищ[еского] долга; 2) чувство гражданственности или общего дела... 3) чувство правдивости; 4) гражданское мужество...

В организации штабов болезнь: или нач. штаба все (нач[альник] делает броски или причуды: следит за едой, пошлет команды разведчиков, советует деревья при переправах и т. п.) или начальник штаба — старший писарь. В 1) случае ведает судьбами дела безответственный человек, во 2) нач[альник] делает все наскорях (нет контролера) и, в конце концов, оставляет за собою голую боевую работу, отбросы в тыл, хозяйство, инспекторию и т. п. Двинул пальцем и определил то позицию, то сторож[евое] охранение... Можно потом вывернуться... Работай н[ачальник] шт[аба], он под контролем, отсюда вдумчивость, проверка, осмотрительность... Желательно: нач[альник] шт[аба] делает свое дело: разрабатывает идеи нач[альни]ка, но под разумным (реальным) контрол[ем] началь[ни]ка и организует тыл, и все что нужно... (Во 2-м случае многое значит стиль... любят свой...)[1].

Почему у нас нет связи? Штабы этого не забывают и доносят, что говорит строй. А этот доносит по-своему, т. е. часто лжет или преувеличивает: «никого нет», «большой прорыв» и т. д. Штаб — одно, строй — другое, чаще взаимные, подстерегающие друг друга враги... Один у бумаги, другой — у огня... И вновь — воспитание...

17 июня 1916 г., Испас (другой, возле Коломеи)

Выехал вчера, получив новый приказ двигаться больше... Какая началась борьба между стрелком и штабом корпуса;

[1] Этот и предыдущий абзацы выделены на полях знаками NB и карандашной чертой.

все пошло в ход: и стратегия, и тактика, и вранье, и все, что можно пустить в оборот... С тактич[еской] точки зрения тут много резону, но если тут стратегия? Ее веления иногда прямо гнут тактические. Тут ничего не поделаешь. Была картина форменного «шмен-де-ферства»... (Узнаю, что Пархомов держался не ближе 8 верст к боевой линии полка и «все по карте», судя по словам адъютанта. Правильно: быть на объективном месте, но внушать людям, что не прочь посмотреть на них в окопах... когда это не повредит делу управления... «Посещение» должно исходить из нравственных соображений, чтобы солдат почувствовал, что в страшную минуту паники и огня начальник может явиться среди них... Солдаты это понимают и чтут. Сколько было трескотни по поводу моего посещения 26 мая 16-й и 14-й рот 46-го п[олка]?). Нехорошо тут то, что верхи при таких экспериментах остаются в полном обмане... И опять все сводится к недостатку в военном воспитании ... Все к нему возвращаемся.

Сейчас переведены в арм[ейский] резерв... надолго ли. Я считаю min неделю, а н[ачальник] д[ивизии] не больше 2 дней...

18 июня 1916 г., Коломыя

Вчера ночью приехал сюда на автомобиле... Город милый, весь в зелени... Хотя был специальный приказ не грабить, много разграблено. С дикой жадностью ищется спиртное, и люди напиваются до одури... Сегодня был случай смерт[ельного] ранения одного интелл[игентного] русского, который вздумал остановить грабеж в соседнем доме. Убийцы — ряд[овой] Скривского[1] и ун[тер]-оф[ицер] 76-го Куб[анского] полка — оба пьяные, выстрелили из винтовки в живот. Осталась жена и 7 детей (4 г[ода] — 18 лет мальчик); жена требовала смер[тной] казни и в ее присутствии.

Офицерство если и не грабит, то жадно раскупает вина, не заботясь о плате. Один аптекарь в неск[олько] минут продал на 2 т[ысячи]. Казаков боятся, — боятся грабежа, насилования и т. п. Сколько тут пережитого, сколько рассказанного, сказать трудно.

[1] Вероятно, имелся в виду 229-й пехотный Сквирский полк 58-й пехотной дивизии.

Жители остались, но ночью вчера все запрятались и выползли только сегодня постепенно...

Только дети стоят вне этой кровавой суеты; они остаются детьми: бегут за музыкой проходящего мимо полка, играют, катают в колясках младших братьев или сестер... Может быть, им подсказывает все это здоровый инстинкт: кто их тронет? Они меньше защищены от поцелуев (don't kiss me[1]), чем от обиды и выстрела. А что кругом кровь и мировая драма, их детский разум этого не понимает... поймет после и с запоздалым ужасом и горем вспомнит старые картины...

От Арист[арха] Николаевича [Тушина] слышал (ком[андир] 47-го п[олка]) эпизод: присуждены были к смертной казни два н[ижних] чина. Один из них пред моментом казни просил сказать слово. Ему было разрешено. Он выпрямился и сказал: «Братцы, я сделал скверно, не следуйте моему примеру... лучше умрите честной смертью в бою, чем как я, под расстрелом»... сказал и спокойно подставил грудь...

19 июня 1916 г., Коломыя

Живем еще здесь... прочитал брошюры «Выводы из опыта боев под Верденом» (25 стр.) и «Указания, вытекающие из рассмотрения боевых действий 16–29 декабря 1915 г.» (див[изия] 0, див[изия] 00, стр[елковая] бриг[ада] 0[2]; сочинял Носков, почему и много личного, придирчивого элемента...). Первую брошюру надо иметь: она захватывает «длинные» (если не вечные) принципы, а вторая — почти фельетон...

{Первая — перевод: Note relative aux enseignements à tirer des affaires de Verdun G. G. G., le 5 Avril 1916, № 2716}.

Из нее: 1) пех[отная] атака у франц[узов] — одновр[еменный] выход людей из траншей и движ[ение] их вперед на всем избранном для наступления фронте; 2) немц[ы] не из tranchée de départ[3] (150–200 мет[ров]), а из пер[вой]

[1] Не целуй меня (*англ*).

[2] Номера дивизий и стрелковой бригады не указаны в издании по соображениям цензуры. Имеются в виду 26-я и 43-я пехотные дивизии и Туркестанская стрелковая бригада.

[3] Передовые траншеи (*фр.*).

линии (600–800 мет[ров]); 3) закрытия (abris) не менее 5 метр[ов] толщиною; 4) у закрытий — часовые для предупреждения... 5) система отдел[ьных] опорн[ых] пунктов (points d'appuis) оказалась совер[шенно] непригодной (я всегда говорил): а) артилл[ерия] разбивает по кускам; б) нет чувства локтя... теперь непрер[ывная] линия обороны... 6) глав[ная] об[язанность] начальника — научить окапываться; 7) связь: телефон, бегуны (courreurs), сигнальные ракеты, почтовые голуби, наблюдат[ели] с команд[ных] пунктов, оптич[еские] средства связи и беспров[олочный] телеграф. /Набл[юдательные] пункты до нач[альника] див[изии] включ[ительно] считает важными/.

Занятие войсками города — это развращение их: начинается грабеж, пьянство, насилование... Вчера разговаривал с судьей... «У нас дисциплины больше, а у германцев ее больше, чем у австрийцев... Германцу предлагают даром, но он не берет и настаивает на принятии денег... О Вильгельме можно сказать все, но он воин и воспитал Спарту... Мы не хотим войны, не хотел и наш der Alte (Ich will Rühe haben)[1], но все сделали Вильг[ельм] с Фердинандом. Убежали (из 40 т[ысяч] — 35 т[ысяч]) все, потому что боялись сербов. В Сербии дети и жены работали с бомбами, почему их и взяли австр[ийцы] в оборот...».

Семенова впечатления: в городе больше видно, хотя есть и в селах... 1) пьют, 2) грабят, 3) насилуют (просят хлеба, а затем тушат свечи, юбки на голову и ...пакость). Кто более? Все — гордость строя заставляет все переносить на тыл. Может быть и правда, но как это выяснить точнее...

20 июня 1916 г., Джуркув

Вчера ночью внезапно дернули сюда. В 5 — предварение, в 7 — в дороге. Брошен ужин с ком[анди]рами полков, брошен комфорт... Здесь бедно и убого, множество мух.

Получил от Архан[гельского] телеграмму: Нач[альнику] шт[аба] 12-й пех[отной] див[изии] Ген[ерал]у Снесареву: «Выс[очайши]м приказом 10 июня Вы награждены орденом Георгия четвертой за бои четвертого декабря четырнадцатого. Сердечно поздравляю. 14108. Архангельский.

[1] Старик («Я хочу мира») (*нем.*).

Ответил: «Пер[сонально] Гл[авного] шт[аба] г[енерал] у Арх[ангельско]му. 14018. Сердечно благодарю за добрую память и за ласковое слово. Снесар[ев]».

Жене телеграфировал: «Об[ласть] В[ойска] Д[онского]. Самсоновское. Снес[арев]ой. Поздравь меня с Георгием, здоров, целую. Андрей».

В полк телеграфировал: «К[оманди]ру 133-го Симфер[опольского] полка. Выс[очайши]м приказом 10 июня я награжден орд[еном] Св. Георгия за 4-е декабря 14-го года. Земно кланяюсь славному полку, стяжавшему мне эту великую воинскую награду. Ген[ерал] Снесарев».

Рад был несказанно. Принесшего мне телеграмму Худолея (Ник[олая] Потап[овича]) расцеловал вдребезги. Наконец-то моя гордость удовлетворена, иначе картины, какие вижу (Пар[хомов] — правящий в 8 верстах, Хануков, извест[ен] трусостью, Тихменев, страдающий ею же, стрелок — такой же, Думброва — ж..а и малодушный) приводили меня в полное уныние... больше всех них рисковал, рискую теперь, и ...все же без этой великой награды...

23 июня 1916 г., выс. 317 (наб[людательный] пункт у д[еревни] Харасимув вправо от шоссе)

Вчера с 4½ час[а] было дело у д. Зивачув, кончившееся изничтожением 45-го п[олка]. (Вся дивизия понесла тяжко: в 45-м офиц[еров]: уб[ито] 3, ран[ено] 15, конт[ужено] 4 (из 31 в ротах осталось 9); н[ижних] чинов: уб[ито] 367, ран[ено] 1458, конт[ужено] 46, остал[ось] на поле сраж[ения] 186 = 2057; осталось людей (штыков) 983; в 47-м — оф[ицеров]: 1 уб[ит], 8 ран[еных] и конт[уженых], н[ижних] ч[инов]: уб[ито] 89, ранено 500, не подоб[рано] 169 = 758; в 2 рот[ах?] 48-го п[олка] офиц[еров]: 1 уб[ит], 3 ран[еных] и конт[уженых]; н[ижних] ч[инов]: убито 20 и ранено 53; всего в моем отряде: офиц[еров] убито 5, ран[ено] и конт[ужено] 30; ниж[них] чинов: убито 476, ранено и контужено 2057, не подобрано 355. ∑∑= 2888.

Кроме того, в левом боевом участке: в 46[-м]: офиц[еров]: убито 6, ран[ено] 8; н[ижних] ч[инов]: убито и ранено 1810. Общие потери дивизии за 22 июня офицеров: убито 11, ранены 38, ниж[них] чинов (уб[итых], раненых и не подобр[анных]) 4698. Осталось в дивизии 5900 шт[ыков]).

Приказ был хорош, но не выполнен: на 304 началось накопление, протолкнуты взводы, но в 9 ¼ приказ: атаковать с 10 час[ов] выс[оту] 353. А в приказе было: останавливаться на рубежах и закрепляться. Результаты: пошли на 304 и безымянную к северу, но пока шли, были искрошены и разбиты ураганным огнем противника (пошли волнами, как учили, а ходить ими можно и должно сейчас же после артилл[ерийской] подготовки с переносом огня дальше). На рубеж вышли изнемогшие, подпер[тые?] 3 бат[альонами] украинцев, 1 напр[аво], другой — влево, 3-й за прав[ым] флангом... Они шли легче, но тоже под огнем... Конечно, люди залегли вокруг Зивачува... В 3½ ч[аса] категор[ический] приказ кор[пусного] ком[анди]ра[1] и нач[альника] дивизии (какое-то «двойное»... «мне дела нет, если не найдут 4-го бат[альонного?] 47-го п[олка]... пусть становятся ком[анди]ры полков впереди»... Мысль правильная, но выражена 1) хамски и 2) трусом). Пробовали идти в атаку, но... и силы, и порыв, и сердце были прикончены: бросались, кричали «ура», резали проволоку... Бронир[ованный] автомобиль был мною выпущен в момент «ура», но: шофер ранен, 1 пул[емет] уничтожен, другой — поврежден, радиатор — испорчен, лица других обожжены... (интересен момент его выезда, когда мы все или его крестили, или за него помолились)... Я с 4½ часов до часу на 317 под артилл[ерийским] огнем, а затем на выс[оте] 290 под непр[ерывным] руж[ейным] и артилл[ерийским] до 21 часу...

Выводы: 1) немцы гребня 304 и безым[янного] не заняли; подступы к ним под огнем, а сами за внутрен[ней] покатостью; 2) страшное искусство артилл[ерийское] управление: сосредоточение, сигнализация, маневрирование... 3) у нас глупым нахрапом, без рекогносцировки, неподходящими строями, с отказом от идеи своего же приказа, без всякого контакта с пульсом боя, с настоящими бойцами... (Зивачув с проволокой, [нрзб.], всюду пулеметами, являлся фортом, а мы через него хотели перелететь); 4) брон[ированный] автомобиль — сильное средство, но добивать врага, а не его

[1] Н. Н. Казнаков.

сламливать... против сильной позиции он очень слаб: окопы с траверсами укрывают хорошо людей, а пересеченное канавой шоссе преграждает автомобилю ход.

24 июня 1916 г., наблюдательный пункт 317

Целый день валяемся с Павл[ом] Тимоф[еевичем] (Акутин), спим, я делаю заметки и пишу жене письмо. Он даже сумел сходить и искупаться в Днестре (он в ½ версте от нас, изгибается дугами в высоких берегах, покрытых мелким кустарником). Противнику мы, видим, надоели, и он не дал по нас ни одного выстрела...

Вспоминаем позавчерашнее дело (22 июня у Зивачува)... Характерна потеря пульса боя около 13 часов. Я чуял, что что-то не так, начинаются сетования, пересуды и страшное вранье. Предлагаю отправиться на 290 (наб[людательный] пункт командира 45-го, бывший под страшным огнем)... «отправляюсь на 290, а буде нужно пойду дальше» (т. е. в цепи). Я чувствовал, что нужно изменить точку наблюдения. Отпущен. На Гале еду сколько можно, а затем иду окопами, дохожу до 290 и застаю всех прижавшимися к ямкам в передней крутости окопа: «убиты в 2 шагах такие-то, перебиты 8 телефонистов, связь потеряна, высунешь голову, — стреляют». Командир 45-го п[олка] в удрученном состоянии: полк разбит (осталась $^1/_3$), офицеры перебиты (выбыли все батал[ьонные] ком[анди]ры, один до ранения 3 раза падал в обморок от жары), а приказывают наступать; кругом огонь, впереди форт, сердце людей ослабло. И когда мне было ясно, что дальше двигаться нельзя, что «сердца нет, значит и успеха нет», в это самое время «крикуны с безоп[асного] наб[людательного] пункта» развоевались: ком[андир] корпуса и начальник дивизии приказывают в 5 часов атаковать и непременно взять Зивачув и 353. Что же? Взять так взять. Поднялись... и вновь умерли.

Дивизия в ночь с 21 на 22 заступила на позицию, и ей было приказано атаковать... Для изучения нужно было бы min 2 дня, а могли наскоро осмотреться лишь от 16 час[ов] до 20 часов накануне. Что же дал XXXIII корпус, приказавший атаковать? Ничего. Ни сколько артиллерии у врага, ни его пристрелочные данные, ни что такое Зивачув, ни что на

353, ни про основную позицию, на которую против[ник] готов был отступить и действительно отступил на нашем правом фланге («победой» здесь страшно играли).

Что же должен был делать нач[альник] дивизии? Или просить 2 дня для осмотра, или требовать обстановки. Ни то, ни другое сделано не было... и дивизия легла.

В 8 часов, после милого пикника, спустились в д[еревню] Герасимув, где я выспался, прогнали мух, и нацепил Георгия... Люди кругом улыбаются: довольны...

26 июня 1916 г., Герасимув (Харасимув)

Все еще переживаем думы за 22 июня. Обнаруживаются такие факты: 1) доносилось, что в батальонах 45-го оставалось по одному офицеру; к вечеру явилось 9 целых... «Доносите одно, — выходит другое», — говорит штаб. Не понимает. При том ужасе, который был, оказались отсталыми и спрятавшимися не одни н[ижние] ч[ины] (этих было 355), но и офицеры, а к вечеру — затишью боя — подошли и подползли все... в разгар-то были, конечно, не все...; 2) кап[итан] Лобза (Петр Степ[анович]), бывший помощ[ник] Пеха, вел на позицию последний Украин[ский] бат[альон], после уже 2 часов, когда было сравнительно тихо, и до того был удручен и подавлен огнем, что «заболел», отправился в обоз и выразился так: «Не могу больше... готов быть[1] кашеваром, но дальше от этих ужасов»... конечно, не всем дано; 3) дерганье исходило от корпусного, который трепещет пред армией, а н[ачальник] д[ивизии] не имел мужества, потеряв пульс боя, да никогда его и не имев, представить свое дельное возражение...; 4) корпус, передав директиву армии, построил коридор для дивизии и в нем указал рубежи... считая, что этим дело его сделано, а затем начал толкать ругательствами и угрозами... картина довольно обычная...; 5) н[ачальник] див[изии] держится мнения, что у врага артиллерии не много; во всяком случае, меньше, чем у нас; откуда, не знаю, но что-то политическое.

Не кивок ли по адресу дирижеров артиллерией: ген[ерала] Мейснера (инсп[ектор] арт[иллерии] корп[уса])

[1] [карандашом зачеркнуто «каптенармусом» и вписано]

и Криштафовича (ин[спектор] ар[тиллерии] армии). «Не справились, мол» или «испортили»...

Вчера стрелок был с Павл[ом] Тимоф[еевичем] в тех местах, где мы были 22 июня. К высоте 317 первый шел с полной осторожностью: «Нас с 353 видят»... Потом поехали на 290, слезли уже у корчмы (мы еще версты 1½ ехали верхом), и стрелок все время шел окопами... Прибывши на 290, побыв минуту, ничего не посмотрев, пошли назад... Картинная трусость! Конечно, нравств[енного] веса такой начальник никогда иметь не будет... Припоминаю его: 1) ужас в присутствии Казнакова, когда рвали гранаты; 2) его бледное лицо, когда 15 июня в 8 час[ов] он пришел на мой наблюд[ательный] пункт; 3) его окрики возле Онута на наблюд[ательном] пункте 28 мая... Ясен!

Начинают подыскивать стрелочника 22 июня... Стрелок сваливает потери на пулеметы с 295 и на юго-вост[оке] окраины Зивачува (а не от артилл[ерийского] огня, мол), штаб корпуса — отчего пошли в лоб и открыто; мы — отчего штаб не дал нам никакой обстановки... А почему бы не съехаться в штаб корпуса, обсудить, сделать искренний вывод и иметь мужество послать его дальше: была неудача, но на ней учимся, чтобы избежать повторения таковых в будущем... И во всем этом вновь не видно в[оенного] воспитания... все к тому же придем...

27 июня 1916 г., Герасимув (Херасимув)

Моя белая страница, мне нечего сегодня занести на твое поле. Душа моя — суха, и кто ее высушил, не знаю... О 22 июня все идет спор, XXXIII кор[пус] уже винит армию, которая заставила атаковать, не дав ни оглядеться, ни прорекогносцировать... Особенно это относится до 12-й дивизии, которая совершив 4 ночных перехода, должна была ночью сменить другие части на позиции и затем вступить в бой... Словом, все ищут виновного и хотят свалить на него вину, — путь, не ведущий к раскрытию правды... И никто ее так и не узнает, а историк отличится от современников только тем, что правду эту выдумает...

Стрелок развивает пред сестрами милосердия мысль, что дивизия имела успех: взяли в[ысоту] 278 и начинаем

бить германцев, а пред Зивачувым не одолели даже австрийцев (не в мой ли огород?). Но какой же успех? Потер[яли] 49 офицеров и 4698 н[ижних] чинов — факт. Наступили, но взяли ли что? Ничего (кроме 278). Удержали позицию ценою жертв? Но на нее никто не посягал. Значит: кавалерское балагурство... и роковыми вещами.

При бумаге и[сполняющего] д[олжность] инспектора артиллерии 8-й армии от 12 июня 1916 г. № 91 присланы 2 аттестации: на меня и Б. И. Новицкого... Получено 27 июня... Содержание:

Боевая аттестация на начальника штаба 12-й пех[отной] дивизии ген[ерал]-м[айора] А. Е. Снесарева.

Ген[ерал]-м[айор] Снесарев с начала войны до конца октября 1914 г. был начальником штаба 2-й каз[ачьей] свод-[ной] дивизии, затем до декабря 1915 г. командовал 133-м пех[отным] Симферопольским полком, до 18 фев[раля] 1916 г. — бригадой 34-й пех[отной] дивизии и с 18 февраля состоит в должности начальника штаба 12-й пех[отной] дивизии.

Обладает широким образованием — общим и военным; владеет французским и немец[ким] языками; военное дело понимает, обладает большим и разносторонним боевым опытом как прошедший боевую страду командира пех[отного] полка и бригады и начальника штаба кавалерийской и пехотной дивизий.

К службе относится с редкой добросовестностью, храбр и мужественен; во всякой обстановке сохраняет самообладание и полное спокойствие; всегда бодр; на подчиненных производит самое лучшее влияние, вызывая и поддерживая в них бодрое, спокойное и уверенное настроение, относится к ним мягко, сердечно, внимательно и заботливо.

Здоровья прочного.

Отличный.

Достоин выдвижения на должность начальника дивизии и на должности по Ген[еральному] штабу — нач[альни]ка штаба корпуса и генер[ал]-квартирмейстера армии «вне очереди».

Командующий 12-й пех[отной] дивизией

Ген[ерал]-майор Ханжин.

17 апреля 1916 г.

Могу своему другу сказать мое спасибо за доброе слово!

28 июня 1916 г., Герасимув (Харасимув)

Стоим все на месте; днем большая жара, по ночам — во вторую половину, предутрешнюю — проходят ливни. На фронте — спокойно; обе стороны влезают в землю, плетут проволоку и углубляют плацдарм. Деревня наша напоминает убогую горную деревушку, бедную и разграбленную; солнце заливает теплом все углубления, поднимая температуру до больших пределов.

Изнанка войны: разграбленное всюду добро, поломанные и оборванные сады и нестерпимый всюду вас преследующий запах сидевшего солдата. Он ужасен, он портит вам все, душит собою даже страшные, трупные картины войны. От него некуда деться, так как самые уединенные, часто красивые и прохладные [места] и являются убежищем «опоражнивающегося» православного. Бороться с этим явлением очень трудно.

29 июня 1916 г., Герасимув

Сегодня остаемся здесь. Целый день идет дождь. Сегодня в 46-м и 47-м полках (Петра и Павла) полковые праздники. В первом был начал[ьник] дивизии, во втором хотел быть я, но нач[альник] див[изии] «освободил меня от посещения полка»... Формула темная, но не борется ли она с ходячей формулой: «Н[ачальник] д[ивизии] распределил со св[оим] нач[альником] штаба места, дав ему опасные, а себе взяв безопасные»... Конечно, может быть, я и ошибаюсь.

Управление боем (до нач[альника] див[изии] включительно) состоит из двух частей: боевой исходной и чисто боевой[1].

В первую входят: предв[арительная] рекогносцировка, определение обстановки, приказ, занятие исходного положения... все то, что довольно ясно предвидено и установлено наукой; во вторую: руководство людьми при всех фазисах

[1] На полях этого абзаца NB. Далее на полях пометка карандашом: «Огневая тактика 8-й дивизии» и значки NB.

боя: приближение к врагу, поднимание в штыки, помощь резервами, устранение паники, борьба с обходами... все то, что наукой не установлено, что состоит из видимо разрозненных частей, но что сводится к воплощению идей: 1) преодолеть в человеке чувство страха и настроить его на победоносное продвижение вперед; 2) побороть врага духовно, забыв его настроение и состояние духа; 3) предупредить упадок духа своих (панику, отступление...). Первая часть лишь обставляет заранее благоприятный исход второй: укрывает, вносит порядок, организует поддержку (резервы), помогает артиллерией и техникой, но остается работы для второй части все же много: то же есть и у врага, случай нарушает все, духовное равновесие массы очень неустойчиво и теоретически не изучено...

Отсюда всякий начальник должен иметь в виду, что, все подготовив (довольно шаблонно) и выпустив части, он может каждую минуту спуститься с трона своего набл[юдательного] пункта в борющуюся, нервную, может быть, изнемогающую массу его дивизии и помочь ей личным присутствием, словом, примером, может быть, готовностью вместе умереть... Что это даст, передастся ли широко (можно принять меры для извещения... даже должно). Это вопрос, кто знает, но значение этого нравст[венного] стимула несомненно... ведь в моменты боя иногда все рушится (взад или вперед) от одного крика...

Разговариваем с Игнатом. Он приводит пример, как Пех (Юлиан Степанович) в панике бежал от артилл[ерийских] снарядов, как потерял шапку и пальто, как упал и лежал притаившись, когда в 20 саж[енях] впереди него разорвался снаряд... «Ведь он полковник, отчего его не берут в строй?». То же он говорит и про Савченко (Геор[гий] Мих[айлович]), подтверждая его трусость (сам я видел 25 марта)... «А какой тут храбрый... побил морду ординарцу н[ачальни]ка дивизии, доложившему, что не получают овса... Стараются, чтобы не попасть в окопы: им ни чинов, ни орденов не надо»... Все это очень хорошо и правильно подмечено, и видно всем, даже самым простым людям...

С Ужком все что-то неладно. Налегает на переднюю правую. Слишком долго держится. Кладем компресс.

30 июня 1916 г., Герасимув

День прохладный, все еще стоим все тут же[1].

Наша армия представляет в большинстве своих членов того сына еванг[ельской] притчи, который сказал отцу, что идет работать, и... не пошел. Наша система в[оенного] воспитания растит и ширит такой тип, растит, практикуя хамство, капризность, беспринципность. В результате затурканный человек, как в древности пытаемый, смотрит в глаза своему «палачу» и старается прочесть, что тому угодно, чтобы так и сделать... На первый план: сохранить начальническое настроение в терпимом или выгодном тоне, а существо или польза дела отодвигается далеко, в глубь волевых осадков... И есть какой-то дьявольский «закон», что воспитанный в таких «ежовых рукавицах» начальник, сделавшись старшим, забывает тягость и гнет системы (в свое время он ее критиковал) и неизменно надевает сам «ежовые рукавицы»... И идет система беличьим колесом, без изменений и улучшений...

1 июля 1916 г., Чертовец

Утром я приехал с Савченко сюда на мал[ом] авто. Живем вместе, деревушка дрянь... Выезжаем верхом на смотры 48-го и 47-го... в последнем потом пир и ...речь. В последней проведена мысль, что начальниками штаба были шт[абс]-кап[итан] Худолей (Ник[олай] Потап[ович]) и шт[абс]-к[апитан] Акутин (Пав[ел] Тимоф[еевич]), что они помогли, что он пьет их здоровье... Виновники старались скрыться, произошла дрянная сцена, может быть, только незаметная для самого оратора. В ответ речь адъютанта 47-го п[олка], который старался найти пропавшего ген[ерала] Снесарева... Полезли «сочувствующие», и вновь дрянная сцена... Ушел, скоро ушли и помощники. Ушли затем сестры, и остался кабак и разгул: целованье с попом и переход на ты, пляс с казаками, Рига за кустами[2] и т. д. Появление дикое дома, Рига, стоны и лежка на другой день целый день...

---

[1] Далее на полях NB.

[2] Рвота (*устар., шутл.*)

2 июля 1916 г., Чертовец

Скверный день и скверное настроение. Сама деревенька или мест[ечко] — пыльное и бедное. Пробую по Юзу переговорить с Келчевским, но все не удается. Вечером в дождь переезжаем в Жакоцин, где ночуем в школе. Вижу здесь Елену Ивановну Чарторижскую, много говорим и вспоминаем. (До 2 часов езжу по полкам и проверяю их расположение и принятые ими меры)[1].

В истории Ел[ены] Ив[ановны] интересны ее перипетии с женихом, долгая борьба, затяжки из-за ранений (всего 4), почти решение ликвидировать и встреча в госпитале его тяжко раненого... Вновь сиделка и спасение от смерти... Жалко своего детища, вновь борьба, и в марте 16-го г. окончательный порыв... «Он не согласился с некоторыми моими взглядами, в которых я не могла ему уступить». Прекрасная тема для рассказа «Борьба». Какая она цельная, выдержанная и определенная девушка![2]

3 июля 1916 г., Жакоцин

Начал жизнь в школе, до 2 часов по полкам, затем в халупе... Вновь разговор с Ел[еной] Ив[ановной]. Анализирую отношения ко мне стрелка... и ничего не понимаю. 28 мая: явное утягивание с позиции еще вечером 26 мая, затем усылка к 74-й вечером 27-го... Нервное требование 28-го, чтобы все к нему... Что-то тут есть, а что, не знаю.

4, 5 и 6 июля 1916 г., Жакоцин

Сидим на одном и том же месте, я живу в халупе, прочитал Винниченко «Контрасты», Мопассана («Напрасная красота»...) и теперь читаю Арцыбашева «У последней черты»...

Сегодня — 6 июля — был в окопах 48-го п[олка], одна пуля была пущена в меня, — прыгнули в окопы. Всюду грязь и вода. Часто еду на спинах людей: один, перенесший меня через речку, был в восторге... свежий, здоровый и крепкий малый. Между картой и природой много разницы, и надо сначала изучить природу, а потом смотреть карту... Арцыба-

[1] Между строк синим карандашом написано: «Это 3 июля».

[2] На полях напротив последних строк NB.

шев талантлив, это несомненно; его картины умирающего профессора, умирающей актрисы прелестны: много философии, скачков, печали, творчества... Если бы только он имел более полезные обществ[енные] и государственные идеалы.

Сегодня ходил по окопам с Ник[олаем] Ивановичем[1] и много с ним рассуждали о войне, ее природе и ее бытии... Общий наш вывод: она будет, и будет еще злее, открытее, жгуче...

7, 8 и 9 июля 1916 г., Жакоцин

Сидим на том же месте. Пример организации штабной работы: 1) у нас приказ пишет сам (или по его шаблону); 2) в 74-й (Шипов) — шт[абс]-кап[итан] Короваев; 3) у ген[ерала] Павлова — никаких письменных приказов... Резкие градации, а сколько оттенков... ни системы, ни плана[2].

В Выс[очайшем] приказе от 10 июня 1916 г. мой подвиг описан так:

Генерал-майорам (я стою третьим после Азарьева и Чаплыгина, к[омандую]щих 4-й Турк[естанской] стр[елковой] див[изией] и 5-й Тур[кестанской] стр[елковой] дивизией):

«Начальнику штаба 12-й пех[отной] дивизии, Андрею Снесареву за то, что 4 декабря 1914 г., в бытность в чине полковника командующим 133-м пехотным Симферопольским полком, быстро прибыв в Посада-Работыцка, когда прорвавшийся противник угрожал захватом шоссе Троица-Работычи и заходом в тыл нашим войскам, он после быстрой ночной разведки, находясь все время под действительным ружейным огнем неприятеля, подвергая жизнь явной опасности и воодушевляя нижних чинов, молодецким наступлением, штыками выбил противника из ряда окопов и занял деревню Цысово, где и укрепился»[3].

Так и так... Но ведь забыты: 1) восстановление блокады Перемышля (честь моя и полка); 2) восстан[овление] линии, брошенной 9-й кав[алерийской] дивизией и 2 пех[отными] полками 81[-й дивизии] (величина подвига и обстановка);

---

[1] Вероятно, речь о Базанове Н. И., офицере 47-го Украинского полка 12-й пехотной дивизии.

[2] На полях абзаца NB красным карандашом.

[3] Синим карандашом около абзаца подписано: «См. 96-ю и Геор[гиевское] оруж[ие]».

3) атака полком целой дивизии (смелость шага)... Иначе выходит подвиг ретивого ротн[ого] командира... не больше.

Прочитал первую часть «У последней черты» (стр. 261, «Земля», сборник четвертый, 1910 г. Москва)... Хорошо описаны смерти: проф[ессора] Ивана Ивановича, актрисы Роздольской... вообще в этом много поэзии, красоты и философии... Но уже худ[ожник] Михайлов: 1) беременит Нелли; 2) берет дев[ицу] Лизу и 3) актрису Евгению Самойловну... на пространстве нескольких дней рассказа... Интересен Наумов с проповедью прекращения рода человеческого... Вообще, красная нить «скопцовская»... Другие люди: доктор Арнольди, любивший и любимый умирающей актрисой, Чиж — студент-репетитор, корнет Краузе, шт[абс]-ротм[истр] Трепов (с семейными невзгодами) и т. п.

10 июля 1916 г., деревенька возле Жакоцина (Корчма)

Сегодня утром по дер[евне] пущено несколько снарядов, в 61-м отряде есть контуженные и 1–2 раненых, убита 1 лошадь, 1 — пристрелена, 1 — ранена. Мы вспархиваем и улетаем на 2 версты назад. Резоны: 1) когда нужно подвергаться риску, — нужно, но не следует искушать судьбу; 2) видно дом, жид сообщил, могут напасть и т. д. Конечно, слабо замаскирована трусость. Другие соображения: 1) шаг недопустимый с нравственной стороны: пришел, держись... вырой убежище и прячься, но не убегай; 2) все командиры полков и бригад бросят свои места... а они зачем будут рисковать «вне боя»... Гармоника расходится в тыл: 3) скверный шаг пред боем (1-2 дня): дурно будут драться; 4) пошли слухи и сплетни, имя начальника треплется: смеется адъютант 47-го полка, солдаты, делает Осип пикантное наблюдение: долго стоит экипаж; полетел новый снаряд... и уехали. Эту сторону нельзя упускать из виду, так как на ней много основано: всякий начальник в глубине души должен быть готов умереть, если того потребуют обстоятельства... Без этой «философии» нет настоящего начальствования. Чем был силен Ханжин? Чем все искупал Павлов? В чем успех Гутора? В этой способности и умении умереть, если нужно, способности, ясной всем от генерала до рядового[1].

[1] Абзац выделен синим карандашом и знаком NB.

Остановился в опрятной милой комнатке. Хозяйка больная, с «надорванным животом», жена в[оенно]пленного. Спасалась от насилия, бегала по полям, ночевала во ржи... простудилась и надорвалась. Изнанка войны. Женщина 30 лет, ничего особенного, но все же добыча для «воина».

11 и 12 июля 1916 г., Слобудчина

Продолжаем жить все там же (Корчма). Сегодня был на позиции 46-го п[олка]. Посетил 10-ю роту (окопы), где живого места нет от артиллерии; фольварк разбит вдребезги, никто из бóльших чинов полка, очевидно, сюда не ходил... но по мне ни одного выстрела. Был с Акутиным, и много с ним по обыкновению болтаем. «Я осторожнее Вас, но нач[альник] див[изии] в 50 раз осторожнее меня». «Сюда бы не пошел»... А между тем это надо.

Подготовка боя состоит: из рекогносцировки (блуждание начальника возле будущих боевых мест, близкое их обозрение, общение с бойцами, впитывание их духа и т. п.) и приказа (отдача распоряжений, вытекающих из задачи, данной свыше, и обстановки, данной сниже)... Начальнику надо все это выполнить: без первой будет пропасть и теория (голая), без второго — будет толпа, безорганизованность... Примеры: 28 мая у Черного Потока — много была исполнена первая, намечены работы и первые шаги, нач[альник]ом дивизии отдан приказ... вышло хорошо. 15 июня у [пропущено место]... мною была выполнена первая, начальником дивизии — отдан приказ... вышло хорошо. 22 июня у Зевачува: первая не была выполнена, лишь отдан приказ: вышло скверно. Я думаю, это бывает и во многих других случаях[1].

Люди часто боятся больше, чем это бывает страшно в действительности. Страшно, — пойди и посмотри: не будет страшно. Сегодня относительно фольварка все были преисполнены невыразимых ужасов, а почему? Не были там и не видели. Мы побывали с Акутиным и страх рассеяли. Ведь люди целые месяцы живут в окопах, спят, играют в карты и чувствуют себя благополучно, а не видавшие их думают об них с ужасом и считают, что смерть витает вокруг них.

[1] Абзац выделен на полях чертой и NB.

Прочитал А. Вербицкой «Горе ушедшим», 3-е издание, 15-я тысяча, Москва, 1910, 210 с.

Две сестры — Вера и Маня, два их мужа — Веригин и Степанов. Жены — таланты и совершенства, Степанов — зверье. В конце концов Маня травится... Сразу в писателе видна баба: что-то искусственное, натянутое, тенденциозное, нет художества, лепки. Отдельные мысли, может быть, и недурны, но... бедно, вымучено и скучно.

16 июля 1916 г., Богородичин

Вчера вечером, после объезда полков (в 48-м чрез голову пролетела граната и разорвалась в 20 шагах), прибыл сюда и заночевал. Беседовал с очень умной Розей... братья (4) в Канаде, обзавелись имениями в 200 десятин.

Вчерашний бой (у Богородичина, 15 мая) типичен: полки были распределены, сгущая на правом фланге, а решил дело главным образом жидкий 47-й (левый). (Это секрет «тактики огневых действий»)... Отриц[ательные] стороны: 1) артиллерия разбросана: по 2 оруд[ия] в 3-х полках, четыре группы, из которых 2 имеют по батарее, отбывающей номер; управление из рук бригадного вырвано... 2) действия со слезоточивыми и удушающими газами не продуманы и оставлены на весу; 3) около 2 час[ов] была заминка, которую пробовал исправить руганью, но догадался послать меня: объехал полки (кроме 47-го), и все двинулись вперед: едет ген[ерал] верхом, направляется в боевые части, значит все спокойно...; 4) ком[анди]ры полков потеряли связь сейчас же (надо всегда несколько способов) со штабом дивизии и между собой; 5) ком[анди]ры полков держались далеко: бат[альонные] к[оманди]ры или так же далеко, или не могли одолеть текущих маневренных задач. Сама армейская задача (разрезать группы) решена ошибочно, геометрически: 1) били по германцам; 2) там, где была уже неудача; 3) забыли бить по растянутой (австр[ийской] и слабой) 21-й дивизии с обходом германских дивизий...

17 июля 1916 г., Богородичин

Вчера мне предложен штаб особого корпуса. Согласился. Корп[усный] командир — Зайончковский.

Просматривал книжку Свен Гедина “Ein Volk in Waffen”[1] Leipzig, 1915, стр. 190... Противная книга, скорее памфлет, написанная с целью оправдать немцев... Глава о Вильгельме приподнята и сладка до приторности... почти Бог — правдивый, честный, великодушный, а гениален до крайности. Дальше в дифирамбах идти нельзя. Форменный жид! А еще когда-то ухаживал за Женюшей. Свинья полосатая!

18, 19 июля 1916 г., Богородичин

Время идет тихо при хорошей погоде... жду решения относительно своей судьбы.

Вчера были японцы: ген[ерал]-лейт[енант] Масатиро Фукуда (в Бол[ьшом] ген[еральном] штабе служит, был в[оенным] агентом в Вене), полк[овник] Исазака (Зинов[ий] Иванович), гл[авный] атташе при Ставке, полк[овник] Одигири, в[оенный] агент в Петрограде, кап[итан] 1-го ранга Араи, капитан Ямамото и подп[олковник] Йеда... Интересны 1-й, 2-й и 5-й... Были с ними: флиг[ель]-ад[ъютант] граф Замойский и ротмистр Мальцев и др. Пили у нас чай, поехал на наблюд[ательный] пункт, возвратились, — обедали и кутили. Прошло оживленно и приподнято. Н[ачальник] див[изии] — большой в этом мастер: ген[ерал] говорил командирам полков по телефону «ура», те отвечали тем же путем «Банзай»... Показать на набл[юдательном] пункте им ничего не показали, хотели обворожить «русским гостеприимством»... Едва ли на таковых напали. С графом они усвоили собутыльническую манеру, живо приспособили, но свою линию они ведут. Ямамото имеет орден Сокола (вроде нашего Георгия).

Интересна легенда: в старину один микадо вел войну, заблудился с войском и набрел на сокола, который на чем-то сидел. Сокол взлетел, оставляя за собой светлый прослед, за которым войско пошло... и победило. Теперь этот орден дается тому, кто, как древний сокол, идет впереди в бой, ведя

[1] Полное название книги: «*Ein Volk in Waffen: den deutschen Soldaten gewidmet*» — «Вооруженный народ: посвящается немецким солдатам» (*нем.*).

других к победе. Интересно, раздается ли этот орден с такой же щедростью, как наш? Едва ли. Сама же легенда красива и внушительна. Легенда восходящего народа...

Все шесть — люди серьезные. По некоторым брошенным фразам Фукуды видно, что военное дело понимают в корень (боязнь «ночной атаки» со стороны австрийцев вызвала улыбку и смех, позиция тылом к долине реки расценена сразу, как непрочная...). Когда казаки плясали, Ямамото рассматривал их, как профессор «палочки» под микроскопом.

Отсюда едут в штаб армии, затем Каменец-Подольск и далее Киев, Москва. Фукуда потом отправится во Францию. На нашем фронте находятся 6 японцев. Воевать с ними, конечно, будем, но в голову или после англичан, вот в чем вопрос?

Гр[аф] Замойский говорит, что ведут себя японцы, как джентльмены, продают по-божески, а англичане и французы, как торгаши: дерут адски...

Скалон все там — полков[ник], Носков ушел командовать полком...

20 июля 1916 г., Богородичин

Огневая тактика или тактика огневых действий: наступление роты под огнем, где рот[ный] ком[андир], как поднять роту в штыки, накапливание, действия против охвата и т. д., т. е. сумма действий под огнем противника... Чего стрелок не знает. У него перегруппировки и движение с шишки на шишку, т. е. большая тактика, близкая к стратегии...

21, 22, 23 июля 1916 г., Богор[одичин]

Стоим все на том же месте. Погода дождливая, по утрам — да и днем — холодно. Получил письма от Перонко и Волнянского. Такие же грустные, как и Митино[1]. Волн[янский] пишет от 6 июля. Вот интересные строки его письма:

[1] Речь, вероятно, идет о письме Дмитрия (Мити) Слоновского. См.: *Снесарев А. Е.* Письма с фронта: 1914–1917. С. 241.

«Про нашу полковую жизнь ничего веселого сказать не могу, и даже не выдерживая стиль „печальных глаз“. Если бы я был художник, то наш полк теперь изобразил бы так: толпа в 4000 человек, серых, бесправных, безголосых (злых); на полголовы выше — группа в 70 человек, полусерых, с несколько бóльшими правами, но тоже безголосых (и тоже злых) и над ними, подбоченившись, в плисовых шароварах, сапогах бутылками, в расстегнутом жилете, с серебряной цепочкой через толстое чрево, упоенный властью, самовлюбленный самодур с принципом „чего моя левая нога хочет“. А его левая нога хочет сегодня одного, а завтра другого, а больше всего собственного благополучия, рабской покорности подчиненных и благоволения начальства»[1].

Картина удручающая, но, увы, она не единственная и довольно типичная. Весь драматизм ее в том, что на фоне суровых законов в[оенного] времени она может варьировать до предел[а] неописуемого ужаса, разгула старшего и рабского бесправия подчиненных.

Создавание решения в дивизии и полку должно складываться из 2 данных: 1) рекогносцировки по карте (или с наблюдательных пунктов, что одно и то же... разница в масштабе); 2) рекогносцировки ближайшей, в окопах, совместно с начальниками, которые будут непосредственно вести бой... Первая дает данные отправные стратегического характера, вторая — знакомит вас с будущей тактикой боя, с местностью, нашими людьми, их настроением, деталями... Без второй нет тактики в ее полном и реальном содержании, без первой — нет стратегии и общего разумного учета[2].

Позавчера, 21 июля, уехал от нас Павел Тимофеевич Акутин. В нем я много потерял. Он выехал на сокращенные курсы В[оенной] академии. Я чувствую себя еще более осиротелым. Кто здесь остался? Никого. В своей застольной речи он оттенил и добром вспомнил мое к нему отношение и мое на него влияние. Не раз мы бывали с ним в серьезных переделках.

---

[1] Абзац выделен красным карандашом и значком NB.

[2] Абзац выделен на полях волнистой линией и значком NB.

24, 25 и 26 июля 1916 г., Богородичин

Кончил книжку «An der Spitze meiner Kompagnie». Drei Monate Kriegserlebnisse von Paul Oskar Höcker (Hauptmann f. Landwehr)[1] (стр. 267.) Книга написана талантливо, живо и с очень малыми преувеличениями, но... немцем. Эта сторона национально-политическая — отвратительна; она говорит о том, что пропасть между народами война проложила глубокую. Чем ее заложить?

Французы — трусы, сейчас же переодеваются в граждан[ское] платье; англичане — трусы: сдаются в плен; францу[зские] сестры милосердия до невероятности грязны и дурно подобраны... «Красные штаны»[2] улепетнули... ни уважения, ни объективности.

«Германия вынужденно обороняется на три фронта», вот его девиз... что же больше?

Но где чистая поэзия, где чувства солдата, там — неплохо. Содержание показано в оглавлении и излагает мытарства ландверной роты вплоть до сидения в окопах. Вот интересные места: (стр. 233) Ach, Ihr Leben daheim, mit dem eigenem Leben hat ja jeder von uns abgeschlossen. Hat Zwiesprache mit sich gehalten, innerlich Ordnung geschaffen und sein Schicksal der groβen Sache geweiht. Aber um Euch schlägt das Herz, um Eure Zukunft. Man möchte doch so gern noch das schlanke kleine Mädel ein Streichen weiter ins Leben hinein begleiten. Möchte der Groβen, die der Krieg so mutig und stolz und begeistert gemacht hat, die Hand drücken in dankbarem Verstehen. Und möchte seinem Weib, das mitgestrebt und mitgerungen hat, ein Menschenleben lang, noch einmal ins Auge schauen und ihm ein gutes Wort fürs Scheiden sagen, ein Wort, das wie ein Denkmal der Liebe sein soll. So geht's ja allen. Ach, glaubt doch nicht, dass auch nur einer von unserer Brigade stumpf und gefühllos hier unter der Erde liegt oder in dem winzigen Ausguck immer und ewig nur den gleichförmigen

---

[1] «Во главе моей роты». Три месяца военных переживаний. Автор — Пауль Оскар Хёкер (капитан ландвера) (*нем.*).

[2] Униформой части французской пехоты в начале Первой мировой войны были красные форменные штаны, отсюда «красные штаны» — традиционное название французской пехоты.

Lehmboden anstarrt. Stumpfheit ist nicht Mut. Mutigsein heiβt: alles Schwache in sich überwinden[1].

(стр. 250) Рассуждает в окопах при страшном огне: Will ich denn Gott um mein Leben bitten? Um mein biβchen Leben? Was ist das in dieser Unendlichkeit? Und inmitten all der ungeheueren Opfer![2]

При той же обстановке (стр. 252): Nein, darum bitt' ich dich nicht, lieber Gott, dass mir der Tod noch fernbleibe. Nein, wer sterben muβ, der sterbe hier einen raschen, tapferen Soldatentod. Aber um das eine bitt' ich dich: Lass mich recht sterben! Nicht mit einen Wimmern auf den Lippen! Auch nicht mit einem letzten Jammern im Herzen! Um einen frohen, glückhaften Soldatentod bitt' ich dich! [3]...

25 июля был бой у дер[евни] Тарновица-Пальна. Нами потеряно: 45-й — 17 оф[ицеров] плюс 1264 н[ижних] ч[ина] (без вести 304); 46-й — 9 оф[ицеров] плюс 481 н[ижний] ч[ин] (150 б[ез] вести); 47-й — 6 оф[ицеров] плюс

---

[1] «Ах, ваша жизнь дома, ведь каждый из нас порвал с такой жизнью. Диалог с собой провел, в душе порядок создал и свою судьбу посвятил великому делу. Но за вас бьется сердце, за ваше будущее. Очень хотелось бы дальше растить худощавую маленькую девочку и направлять ее по жизненному пути. Хотелось бы с благодарным пониманием пожать руку старшей, которую война сделала смелой, гордой и воодушевленной. И хотелось бы своей жене, которая на протяжении жизни была вместе и в устремлениях, и в борьбе, еще раз посмотреть в глаза, сказать ей доброе слово на прощание, слово, которое должно быть памятником любви. И так у всех. Ах, не верьте же, что хотя бы один из нашей роты лежит здесь, в укрытии, опустошенный и бесчувственный, или же на крохотном наблюдательном посту надолго уткнулся в однообразный глинистый грунт. Опустошенность — это не мужество. Мужеством называется: побороть в себе все слабое». (*Пер. с нем. В. К. Белозерова.*)

[2] «Разве я хочу просить Бога сохранить мне жизнь? Остаток моей жизни? Что все это по сравнению с бесконечностью? И среди таких чудовищных жертв!» (*Пер. с нем. В. К. Белозерова.*)

[3] «Нет, поэтому я не прошу тебя, любимый Бог, чтобы смерть не приближалась ко мне. Нет, кому суждено умереть, тот пусть умрет здесь скорой и мужественной смертью солдата. Но вот о чем я прошу тебя: дай мне честно умереть! Не с причитанием на устах! И не с последним жалобным стоном в сердце! О радостной, счастливой солдатской смерти прошу я Тебя!» (*Пер. с нем. В. К. Белозерова.*)

706 н[ижних] ч[инов] (105 б[ез] в[ести]); 48-й — 2 оф[ицера] плюс 301 н[ижний] ч[ин] = 34 оф[ицера] и 2752 н[ижних] ч[ина] уб[итых], ран[еных], б[ез] в[ести] проп[авших].

Трофеи: пленными 20 оф[ицеров], 1353 н[ижних] ч[инов], 2 оруд[ия], 2 зар[ядных] ящика и 12 пул[еметов]. 1) Рекогносцировка, по обыкновению была неполная: карта и наблюд[ательный] пункт; 2) группировка батал[ьо]нов и батарей формально стратегическая, не одухотворенная знанием обстановки; 3) артиллерия была рассыпана[1] и везде слабее неприятельской, которой правили умело; 4) взводы арт[иллерии] пошли вперед, но не дошли (долго) и застряли на перепутье: много рвов и окопов и страшно; 5) с 12–1 [часов] началась катавасия, конт[р]атаки противников и наши отходы; ответом на это был крик, нервоз и ругательство; 6) был на наб[людательном] пункте кор[пусный] командир, что дало еще больше каши... Пока дивизия была Ханжинская, она дала 28 мая и 15 июня, но в этих боях полки были расположинены, создалась новая дивизия, и она дает только 22 июня, 15 июля и 25 июля... Это поскольку вопрос победы предрешается воспитанием и нравственным влиянием.

В 12 часов переехали в Хостув, где расположились в доме священника...

27 июля 1916 г., Хостув

Ездил по полкам, производил [осмотр], и многое мне стало ясно... ясна атмосфера тактики огня: здесь иначе... Почему надо рекогносцировку: 1) она нормирует и предусматривает сутолоку; 2) приближает к окопам меньших начальников... Вот отдельные факты: 1) 45-й пошел вправо, по линии наим[еньшего] сопротивления, даже в район 48-го, не только 47-го... Полная путаница и мешанина... взяли его в переделку и в 5 час 3 мин начал отходить; 2) артилл[ерия] наша разбросана, по 322 [высоте] могли стрелять только 2 мортиры 3-й батареи; по австр[ийской] батарее стрелять некому и 3) надо было 45-й и 47-й полки сдержать, а вперед идти только передов[ыми] частями; ... в общем — развал

[1] Одна батарея лупила нас во фланг, стояла открыто, а забить было нечем. (*Примеч. А. Е. Снесарева.)*

и беспорядок. 4) «Ведение» полка: а) ком[андир] 3-го батальона (45) с ком[андиром] 11-й роты плюс др[угие] сидит все время под мостом... его не могут отыскать от 2 до 10 час[ов], б) 4-й рвет вне... в) 2-й 46-го отходит, а 1-й 45-го под расстрелом... г) во 2-м 46-го 5-я рота сдалась (если верно)... Нельговский говорит: 1) 3-й батальон 45 отступал мимо в хаосе... ни его стрельба, ни [нрзб.] связи не могли остановить: не было офицеров; 2) ком[андир] полка: не отступать, [предам] суду: сам в окопах не бывает, никогда мысли не повторит (глухому 3[?] обидно)... От буквы до буквы, а кто разберется... Совсем другая вещь — тактика огня; тут свои правила и законы. Между приказанием и исполнением — пропасть[1].

28–29 июля 1916 г., Марковце

Решено продвинуться вперед... Приехал в Лядске-Шляхетске, а отсюда — сюда. Имею участок (45-й, 1-й бат[альон] 46-го, 2-я мор[тирная], 6-я лег[кая] и 5-я сотня)... Сегодня объехал на автомобиле и поехал бы в Станиславов, если бы не [был] взорван мост... Нач[альник] дивиз[ии] получил Георгия 3-й...

В результате бой 25 [июля], в ее огневом фоне, получился совсем иной: 1) план быть правым флангом — огн[евая] картина — выскакивают вперед из центра 1-й бат[альон] 47-го и 4-й б[атальон] 45-го... фланги начинают нескладно равняться... 2) 2-й бат[альон] 46-го пробует выровняться за 1-м бат[альоном] 45-го, но, обстрелянный, отходит назад, а за ним и 1-й ... излом слева и кавардак... 3) Вырвавшийся 1-й 46-го... обстреливается справа и изламывается... 4) 329 атакуют сложные куски... 5) Артилл[ер]ия потеряла предложенную ей идею и латает наугад... Думалось одно — вышло совсем другое[2].

Вот почему нужно нач[альнику] див[изии] быть иногда в окопах: 1) идут и ком[анди]ры полков (бат[альоно]в), лучше рекогносцируют и предусматривают, путаницы будет

[1] Запись выделена чертой на полях и знаком NB.

[2] Абзац выделен на полях линией, значком NB и надписью: «Ог[невая] т[актика]».

меньше; 2) сам увидит, обсудит, поймет; 3) полосы упущены не будут... 4) сам подметит дух... самое ценное...

29 и 30 июля 1916 г., Чернеюв

Правлю правым флангом, чувствую себя прекрасно, расположившись в доме поляка.

29 июля казак отобрал у священника и его семьи 1800 крон... брал за глотку и обещал зарезать... старуха-мать уберегла свои деньги, спрятав их в чулке... И это наблюдается всюду: война родит страсти.

Почему нач[альни]к дивизии должен обходить окопы: 1) тогда ком[анди]ры полков и бат[альон]ов держатся ближе и также обходят; 2) не теряет привычки к огню; 3) отвечают пониманию и симпатиям н[ижних] чинов (стратегов они не признают, а только тактиков); 4) пред боем это необходимо как существ[енная] сторона рекогносцировки (беседа с офицерами, близкий осмотр местности, объяснение своей идеи, перенос ее на более мелкие участки и ориентир[овочные] пункты и т. п.); 5) дает понять, что в роковую минуту будет на месте... 30 июля переехал в Хомякув, где узнал, что приехал нов[ый] див[изионный] врач... С уходом Бронислава Ивановича [Новицкого] теряю страшно...[1]

31 июля и 1 августа 1916 г., Хомякув

Живу около штаба, в большой комнате... Сегодня узнал, что по Ю[го]-З[ападному] фронту занесен кандидатом на дивизию со старшинством с 24 ав[густа] 1915 г. Сегодня же написал Келчевскому 3-е письмо... Или он действительно ни одного не получил? А где же посыльный?

2 августа 1916 г., Хомякув

Остаемся на месте. Дивизия стоит в долине, пред горами: ни позиции, ни набл[юдательного] пункта и вся на ладони... Вероятнее всего, будем ждать обхода направо или налево и тогда двинемся вперед...

Сколько во врач[ебных] заведениях ютится интелл[ектуального?] материала, пригодного для окопов? В нашем

[1] Абзац выделен на полях линией, значком NB и надписью: «Ог[невая] т[актика]».

одном 61-м перед[овом] отряде К[расного] К[реста] три буйвола: Супруненко (Пет[р] Вас[ильевич]), Мурафа и Ротштадт... все это жирный народ, берущий от войны лишь цветы, да еще без шипов[1].

А в окопах сидят пробившиеся в прапорщики унт[ер]-офиц[еры], темные люди и т. п.; интелл[ектуальную] сторону офицерской работы они понять не могут (а часто рот[ные] командиры), и все, что они могут дать стране, это — умереть храбро, часто красиво, но еще чаще — глупо, зря, даром... Если бы потрясти одни только учреждения К[расного] К[реста], можно было бы получить 1,5 т[ысячи] крепких молодцов, да еще с университет[скими] значками... А теперь что они делают? Чаще ничего — ухаживают и пользуются благами, или смотрят за телегами, лошадьми, 2 человеками... Все это могли бы делать раненые и усталые офицеры...

3 августа 1916 г., Хомякув

Стоим на месте. День жаркий. В дополнение ко вчерашнему разговариваю с Игнатом: пришел идущий в Кишинев за покупками красивый, расторопный, все знающий солдат. «Вот бы его, Игнат, в окопы; молодец вышел бы из него унтер-офицер!» Игнат лукаво улыбается. «Такие не пойдут в окопы, туда попадает самый последний, простой. Его убьют, а он и не знает, зачем убили и как убили. Идет, как скот: не знает, где как идти, как лечь, ленится вырыть себе окопчик... за водою пойдет, так не той дорогой, во весь рост... Насмотрелся я на них. Какая от них польза?»... Он же очень хвалит, когда полк[овой] ком[анди]р лезет вперед: тогда и ребята идут бойчее. «Но ты же сам говоришь, что ком[андира] полка (45-го) Червинского тотчас же ранили, когда он взял ружье и пошел вперед... А как же полк остался без командира?» «Так-то так...» Игнат пожимает плечами и остается при своем: больно они это любят, веселее и им.

В основе лежит психол[огическая] мысль: «умирание кучею»... Ком[андир] полка тут и все офицеры тут: веселее, дружнее, не так страшно, офицеры что-либо придумают...

---

[1] Следующая страница на полях выделена красным карандашом и значками NB.

В[асилий] Дим[итриевич] (Зноско) говорит, что в 31-м пер[евязочном] от[ряде] Кр[асного] К[реста] (при VIII корпусе) значится: 18 лиц персонала и 25 н[ижних] чинов... Из 18 лиц — 3 сестры милосердия. Поэтому в известных кругах называют все эти учреждения «убежищами для уклоняющихся от воен[ной] службы»...

Все уже уехали в Иванюкувку, я пропускаю всех и обозы, и в лунную ночь с Ос[ипом] и двумя казаками переезжаю туда же... Ночь прохладная и милая, приречная долина напоминает мне и казаку, что едет впереди, что-то родное, казачье... Изредка он бросает мне слова о прошлом, о Кубани, я успеваю даже отвечать, но все это не нарушает грустного хода моих мыслей...

4–5 августа 1916 г., Иванюкувка

Два дня живем в пыльной деревне; первый день я езжу по позициям и проверяю артилл[ерийский] наблюд[ательный] пункты; в одном месте за мной по пятам гонится двойной снаряд противника, заставляя один раз даже лечь... Вечером этого дня, когда спадет жара, все же нахожу возможным долго гулять по скошенным полям, порою валяясь на снопах ржи... Второй день жара и пыль сказываются: душно, жарко, пыльно... ужас. Берет тоска, и не знаешь, куда от нее деться; словно что-то теряешь и теряешь навеки. Странна эта тонкость чувств на войне, где еще вчера висел на волоске от смерти и завтра переживешь то же самое. Завтра переезжаем в Подлипник...

6 августа 1916 г., охотничий дом к югу от Хорохолина

Переехали сначала в Подлипник, а отсюда сюда. Утром выехал сюда верхом после всех, словно хотел в пыльной Иван[юкувке] прожить лишний день... Здесь хорошо: холмы, лес, простор и даль... Даль вызывает и думы дальние. Кельчев[ский] ничего не может сделать, значит, надо будет терпеливо ждать ...

7 и 8 августа 1916 г., охот[ничий] д[ом] к югу от Хорох[олина]

Вчера объехал 47-й Укр[аинский] полк, чтобы проверить службу в ротах... Сначала осмотрел набл[юдательный]

пункт — выс[оту] 442, а затем в лес Домбровы, где обходил окопы 13-й, 14-й и 5-й рот... Сразу заметил, что противник далеко и вышел вперед за окопы... Возвратился и за ужином батюшка-законоучитель Морского к[адетского] корпуса (фазан в рясе), приехал вместо о[тца] Геннадия Касторского, назначен в 47-й (в боев[ые] линии) на 2 недели, а «шельма» — в отпуск. Батька — академик, мягкий и умный, знаком с протопресвитером[1]... приехал за наградой и получит ее. Стрелок уже взял его под особое покровительство. Как все это старо и печально...

9 августа 1916 г., там же

Н[ачальник] д[ивизии] уехал на 10 дней в Одессу, 45-й и 48-й ушли в Надворную, я с 46-м, 47-м и всей артиллерией остался здесь. Обедал у артиллеристов.

Габо (Ник[олай] Серг[еевич]) согласен, что взаим[ные] отношения играют у нас роковую роль, что если на войне (да такой, как сейчас) они сильны, то это значит серьезный недуг, что они когда-либо вызовут катастрофу. Очень одобряет мою мысль написать сочинение на эту тему, допускает a priori[2], что вз[аимным] отношениям принадлежит половина наших потерь (23 марта 1915 [года], как пример, 24 августа — другой, мое полож[ение] до 26 марта, висящие на проволоке Свирцы и мн[огое] другое). Много горечи в его словах, очевидно, вызванных положением Рыбальченко (Евграф Григорьевич); он сегодня весь распух, на почве нервоза. Габо считает, что бои 22 июня и 15 и 25 июля являют[ся] отрицательным образчиком... И в этом отношении он ждет катастрофы[3].

Сейчас 19 часов, тихо, слегка попукивают на позициях. Кругом ясно, после дождей, и спокойно, пойду ходить, вспоминать и думать. Какой кругом простор: холмы, зелень, перелески... Думаешь над тем, как было бы хорошо, если бы тело так же долго оставалось юным и восприимчивым,

---

[1] Протопресвитер — высшее звание православного белого духовенства в России.

[2] Буквально «от предшествующего» — знание, полученное до опыта и независимо от него (*лат.*).

[3] Абзац выделен на полях волнистой линией и значком NB.

как и душа... Или это только обман, проблески на минуту, когда глубины сердца осветит веселый луч... а без него она так же дряхла и вяла, как и тело... Грустно думать об этом... грустно до улыбки.

Как мы, ходящие вокруг смерти, привыкаем и к ней, и к мысли о ней. Одна сестра расставалась с офицером и спокойно договаривалась: «Будешь убит, и я покончу с собою». Он спокойно: «Только проверив слух... не торопись. А если буду ранен, то жди результата». Как будто разговор идет об уплате рублевого долга.

10 и 11 августа 1916 г., там же

Провел еще один спокойный и тихий день, один среди холмов, с Мих[аилом] Петр[овичем] Стыковым.

Дел мало, по обыкновению все, оставшееся со мною, становится спокойным, предается отдыху и лени. В тишине и такой обстановке думается упорно и широко: ходишь по аллейке взад-вперед, тухнет заря, становится холоднее, и незаметно тебя окутывает мягкая, слегка мечтательная, но и успокаивающая темнота... Передумаешь, ходя без конца, вспомнишь друзей и недругов, тех, что любил, и тех, что на любовь ответили злобой и насмешкой, и, наконец, тех, что тебя любили и которых ты оттолкнул... Зачем, ты не скажешь, хотя по натуре добр и страшно жалостлив... Эти в тумане, казалось, лежали по той тропинке, на которой ты ходишь, смотрели на тебя грустно и ежились от боли, когда ты переступал чрез них...

Сегодня на автомобиле, простившись с хозяйкой, проехал сюда по хорошему горному шоссе...

11, 12, 13, 14, 15 и 16 августа 1916 г., Надворна

Здесь живем в бывшей больнице, среди парков... Внизу живет с 4 малыми детьми женщина, которую приказал кормить... 13-го — провожали Евгр[афа] Григ[орьевича] Рыбальченко, обедали и говорили... печально, словно на погост несешь покойника... Что говорить человеку 59 лет, вспухшему от неврастении и почти удаляемому... 14-го — утром был в штабе корпуса и много говорил с к[оманди]ром корпуса; 15-го — утром молился, а в 4 был на солдат[ском] празднике в 48-м...

Сегодня провожали Акутина и снялись... Говорил на тему о его доброте и симпатичности: 1) природа; 2) ходил под огнем... Просил не испортиться... Посмотрим, будет ли писать.

Вчера гулял и много с ним говорил на тему об огневой тактике... 1) бат[альонный] коман[дир] выгоняет палкой из окопов; 2) сам Акутин поднимает и останавливает стрельбу матер[ным] словом; 3) фельдфебель выскочил вперед с двумя бомбами, бросил, и беспорядочная стрельба затихла; 4) Акутин со взводом в тылу немцев... Издалека идут вперед одиночно и всяко, чем ближе, тем больше должна быть цепь, а еще ближе... за ней другая, т. е. получим идею волн; 5) «Артиллерия устрашает, но не убивает... убивает ружейный (даже не пулеметный) огонь». Этот афоризм надо проверить...

17 августа 1916 г., Надворна

Все в том же покое и тишине. Ездил сегодня: пробовал пищу, смотрел рубахи и кресты, лошадей.

Кончил М. Арцыбашева, том I, рассказы:

Паша Туманов 5

Куприян.....47

(Из кр[естьянской] жизни… не знает)

Подпрапорщик Гололобов 140

Кровь..... 173

Милые и возв[ышенные] разговоры, и резня живот[ная?]

Бунт..... 211

Жена..... 302

Та же все тема: …[Нрзб.]

Ужас 329–355

(Изнасил[ование] и убийство учительницы).

Талант несомненный, читается с интересом...

18 августа 1916 г., Надворна

Началось мирно и спокойно, после обеда сели в карты. Вдруг немедленно — бригаде перейти в Яремезе (Яремче), а мне заехать раньше в Яблонув (штаб XI корпуса). Отдаю приказ, выезжаю с Худолеем (Ник[олаем] Потаповичем). Сказано столько, что можно было бы меня и не тревожить, —

«проявление власти и показ». Ужинаем, гр[аф] Баранцов — умный, воспитанный и тонкий человек, насколько он прилежит к в[оенному] делу, вопрос другой... вернее, эхо начальника штаба.

В темноте едем обратно и много говорим с Н[иколаем] Пот[аповичем]. У Пархомова (Димит[рий] Ник[олаевич]) тяжело, сам идет спать в 10 часов, а офиц[ерам] Ген[ерального] штаба дает работы до 2 часов... Вообще нервен, капризен и произволен. Н[иколай] П[отапович]: «Иногда нельзя сдержаться, настроение и поведение от людей». Я: «Сдержаться нетрудно, если вынес глубокое убеждение, что забываться вредно... Выругать нетрудно...» Обгоняем 45-й полк...

19 августа 1916 г., Яремезе

Чудное дачное место, в глубокой долине, укрытой в хвойных стенах: то хвойный, то листвен[ный] леса, кое-где луговые проталины, горная речка с неумолчным, поэтическим шумом. «Места для влюбленных», — говорит Пех. Я: «Место для философов». Странно действует красота на солдат: они собираются у мостов кучами, лупят кругом глазами, дерутся, смеются, сталкивают друг друга в воду... Чрез Прут на ж[елезной] дороге — огромный мост с колоссальной аркой (кажется, декорация), ниже наш мост для телег, еще ниже — мост для пешеходов. Кругом долины, сзади стена хвойного леса... Красиво и трогательно... Вечером в сумерки хожу и мечтаю... где моя женка, и почему ее нет здесь?..

20 августа 1916 г., Яремезе

Та же красота и поэзия. Австр[ий]цы утверждают, что здесь и Ямна — красивейшие места в мире, сюда приезжают даже из Швейцарии... Хорошо вправду. И по этим красотам ходят теперь одинокие женщины, дети и старики... они выпрашивают хлеб, за ягоды ли (малина), за проданную ли любовь. «Что тебе нужно?» — спрашивает солдат девушку, после жарких поцелуев. «Хлеба», — отвечает почти ребенок, уже без стеснения оправляя свой костюм. Спрашивают, кто лучше, ваши или наши? Ребенок отвечает: «Ваши... они дают хлеб... у наших нет у самих», т. е. наши лучше, так как не голодают... Пред моим балконом — стена хвойного леса и

на скале сделан из дерева олень, стоящий на утесе... головы нет, но готовы многие стрелять.

21 августа 1916 г., Яремзе

Ходил к водопаду (во 2-й раз, но с другой стороны), к скалам, где имеются разные надписи посетителей; какой-то поляк под орлом написал «Боже. Полске своб», есть надпись студента "Gaudeamus igitur juvenes dum sumus"[1], а больше фамилии. Длинная тропа ведет к водопаду, обставленная камнями, идет вплотную под отвесной зеленью. От скал — вид на водопад, а за ним — что еще красивее — на горную долину, обставленную лесистыми горами. Красиво, но мысли веселые не идут в голову... Одиночество ли это, дума ли о том урагане, которым объято человечество... не разберусь. На душе печально...

22 августа 1916 г., Яремезе

Живем все в той же красоте, проводя время в мечтател[ьном] безделии. Сыро, на горах держится туман и, вероятно, дождит.

Помню от 18 августа...19 августа надо было отправить один из полков в Тартарув, я выбрал 48-й: 1) ком[андир] полка больше ориентирован и пригоден для отдела; 2) полк более подтянут; 3) будет на левом фланге в стыке с чужими... лучше 48-й), но... ком[андир] корпуса приказал послать 45-й... 48-й позже пришел... а) все мои соображения насмарку, б) управление мелочью... всюду.

Вчера приехал н[ачальник] дивиз[ии], привез много новостей: Эверт — в[оенный] министр, в штабе армии все знают (сила сплетни на войне), Шуваев — [нрзб.] нач[альник] снабжений, штабом XII корп[уса] недовольны: дивизии работают, а корпус[ной] работы не видно...[2]

Сегодня встал в 7 часов, солнце показалось из-за лесной стены только сейчас... Прелестное утро с легким ветром и влажной прохладой... Чувствую себя бодро, вероятно, болезнь прошла.

---

[1] Первые слова международного студенческого гимна: «Возрадуемся, пока мы молоды» (*лат.*).

[2] Этот и предыдущий абзац на полях выделены линией и NB.

День прошел в прогулках; посетил еще раз водопад, бросал камни в воду... дурачился. В этих местах, где тучи цепляются за вершины лесистых гор или луч солнца причудливо золотит тучки, так часто вспоминается Лермонтов... Сколько раз я читал сегодня «Ночевала тучка золотая...» Я не только это понял, я это прочувствовал... Жаль, что молодость не приходит дважды, молодость, с ее веселыми глупостями и золотыми снами...

Вечер был не веселый — мож[ет] быть, устал...

23 августа 1916 г., Рафаилов

Получил задачу с 47-м пол[ком] и Дагестанским оборонять участок. Из Яремезе иду с Осип[ом] прямой дорогой на Зелену, через пер[евал] 1183, двуколка за мною. Сначала по шоссе, вернее по сплошному щебню, затем у выс[оты] 848 поворот на горную — очень трудную, узкую и грязную тропу; двуколка отстает... Много раз останавливаемся с Осипом, поджидая ее и пожираем массу ежевики и малины, ее много и высокого качества. Странно, по ту сторону перевала ягоды нет.

Прибываю в Зелену, где нахожу штаб 3-й Кавк[азской] дивизии (г[енерал]-л[ейтенант] Хельмицкий, нач[альник] шт[аба] подп[олковник] Борис Петрович Лазарев; полки: Екатеринодарский (Куб[анского казачьего войска?]) и Осетинский, Кизляро-Гребенский (Терз[ского казачьего войска?] Его Вел[ичест]ва и Дагестанский). Ориентируюсь и на автомобиле еду в штаб 46-го полка (Рафаилово), где ночую. Здесь немного тревожно: противник напирает.

24 августа 1916 г., Охот[ничий] дом у выс[оты] 791 (в 4 вер[стах] к юго-востоку от Рафаилова)

Приезжаю сюда, где штаб Дагестан[ского] полка, проезжаю в штаб 47-го (конец узкоколейки) и возвращаюсь назад. Красиво, уютно и зелено. Мои товарищи: адъютант Конст[антин] Александрович Добротин, ком[андую]щий полка подп[олковник] Хандиев[1] (аварец), помощ[ник] по стр[оевой] части подп[олковник] Хабаев (осетин), адъютант

[1] Сын переводчика при Шамиле. (*Примеч. А. Е. Снесарева.)*

Осип Осипович Слободзинский, русский. Вспоминаем Волгский полк.

Карьеризм — работа во имя личного успеха, а затем уже и во имя общего (а не наоборот, как нужно бы), отсюда: 1) стремление притянуть себе больше частей (оно, может быть, и погубит другое или общее дело, но обеспечит мое) — так всегда делает стрелок, сейчас же вымолив свой полк; так делает Пархомов, притянув что можно... применение 47-го полка на Карэшмэзе (20–26 августа) и открытие Рафаиловского узла, что побудило притянуть бригаду 59-й див[изии] 26 августа... 2) недоверие к чужим и ругань их: выделить себя и боязнь за себя; 3) вранье и система донесений (ком[андую]щий 11-й див[изией] все раскритиковал 20 августа, но «все же приказываю наступать»); 4) требование осведомления со всех сторон, но полное забвение осведомлять других (думает о себе, а не о деле: сам знает и довольно); я в отделе ничего не получаю; 5) работа не по существу дела, а под углом обеспечения себя... Общий тон всей нашей работы[1].

25 и 26 августа 1916 г., там же

Вчера к вечеру, переложив необходим[ый] груз на лошадь двуколки, приплелся к нам Игнат... мы встретили его на тропе с Осип[ом] и имитировали разбойников: Игнат так устал, что не обратил никакого внимания на наши шалости... Рассказывает про свои мытарства.

27 августа 1916 г., там же

Редкие люди мыслят идеями или определенными, ранее созданными понятиями; большинство мыслят настроениями (об них спорят, ломают копья)... Сегодня целый день болела голова и прошла только к вечеру: слишком высоко и слишк[ом] резкие смены тепла и холода.

28 августа 1916 г., у конца узкоколейки (возле [высоты] 1306)

Дагестанец, что у телефона, передает мое приказание: «Генерал приказал трубку все время держать в ухах»... Се-

[1] Вдоль абзаца красным карандашом волнистая линия и значок NB.

годня простились с нашими гостеприимными хозяевами и переехали к Конст[антину] Алек[сандровичу] сюда... Здесь выше, немного мрачнее... Хозяева — военный чисто тип: гостеприимны, дисциплинированы, исполнительны. Хандиев мне подает пальто и обоим нам не стыдно: младший его брат стоит пред ним, пока не получит разрешения сесть, он стоит пред отцом, старшими и т. п. О том, что я говорил с текинцем в Чемерзее, знают в полку и говорят об этом. В момент моего отъезда от 791 текин[ский] полк подош[ел] к этому пункту. Командует им подп[олковник] Келлер... Здесь переходим на свою кормежку. Государь очень тепло ответил Мих[аилу] Вас[ильевичу] Алексееву по случаю поздравления последнего с годовщиной...

29 августа 1916 г., там же

Вчера пришел 46-й полк и штаб его; вчера пошел на позицию 5-й и 6-й роты, сегодня на рассвете 7-й, 8-й — и 1-й батальон.

У Саликова (Игн[ат] Петр[ович]) вывод, что в лесу система застав не удовлетворяет: люди чувствуют себя одинокими, воображают, что их обошли (что действительно и бывает, да и выстрел звучит подозрительно), вообще нервны, и чувство локтя нужно больше, чем где-либо... У меня, напр[имер], 13 сент[ября] 1914 г. под Стауной... Сегодня устраиваемся, связываемся телефонами и начинаем укрепляться...

На войне есть часть боевая (огневая) и часть административно-хозяйственная. Во второй лошадь должна быть чиста и накормлена, телега цела, все прибыть вовремя и куда нужно — точно, строго, неизменно. На пути: лень, забывчивость, слабость и т. д. Все должна побороть дисциплина... Она — нужна и всесильна. Но в боевой части там ее встречают: малодушие, трусость, нервность, замаскированная — расчетливая (что мне умирать-то, пусть другие) подлость, растерянность от страха или нервов... Тут дисциплины — недостаточно, нужно что-то иное: постоянное — воспитание, убеждение, организация, предусмотрение, и моментальное — личное влияние, пример, риск, огненное

слово, шутка... Вот та демаркац[ионная] линия, которая отделяет огневую тактику от прочих...[1]

30–31 августа 1916 г., там же

Вчера ходил по сопкам, затем был в окопах 5-й роты, проходил до заставы и был в полев[ом] карауле. Как часто я буду чувствовать благо того, что я никогда не пил и не курил... иду, как коза, никто за мной не угонится. Об этом после.

> C'était un mal vulgaire et bien connu des hommes,
> Mais, lorsque nous avons quelque ennui dans le coeur
> Nous nous imaginons, pauvres fous que nous sommes,
> Que personne avant nous n'a senti la douleur.
>
> *A de-Musset*[2]

Свое путешествие вчера подробно описал Женюше. Ужасны среди зарослей и глуши эти покинутые трупы... черные, вздутые, покрытые червями, несущие кругом зловоние. Зачем природа сделала этот ужас над умершим человеком? Зачем труп так безобразен? Приказал все это позарыть. Какие картины, какой простор колеблющейся лесной поверхности! И здесь борется человек... всюду следы борьбы: брошенные вьючные ящики, кухни, иллюстр[ированные] газеты... Как была напугана дичь выстрелами, как она недоумевала...

> Юноша в море стремится на тысяче суден,
> На утлой ладье возвращается в гавань старик...
>
> *Шиллер (эпиграмма «Ожидание и исполнение»).*

Читаю ежемесяч[ное] приложение к «Ниве» за 1913 г. ...Есть интересн[ые] статьи, особенно общекультурн[ого]

---

[1] На полях абзац выделен чертой и значком NB.

[2] «Это была обычная боль, хорошо известная людям. Но когда сердце сжимает тоска, мы, жалкие и безумные люди, представляем себе, как будто никто до нас не чувствовал боли». *А. де Мюссе.* (*Пер. с фр. М. С. Чекулаевой.*)

содержания... Попадаются милые стихи. Например, конец «Острова смерти» князя Юр. Цертелева.

Тут жизни нет. Тут смерть живет.
И каждый день в ее владенья
К утесу вечного забвенья
Ладья бесшумно пристает.

Прочитал «Ист[орию] доктора Фауста» Алек[сандра] Дейча... Интересно, но слабо.

1 сентября 1916 г., там же

Целый день моросит дождь. Читаю приложения к «Ниве» за 1913 г. ... Читаю с удовольствием: соскучился по книге...

«Виноградная лоза и вино» Н. Ф. Золотницкого.

В произведенных близ Иерусалима раскопках города Лахоза обнаружено 11 этажей лежавших один над другим городов, из которых самый нижний относится к XX веку до Р. Х., а самый верхний — к IV. В пятом снизу (около XI века до Р. Х.) найдены тиски для выдавливания винограда...

2 сентября 1916 г., там же

Внезапно получил приказание выехать в штаб 9-й армии... Теряюсь в догадках. Сажусь на лошадь и иду чрез невозможный перевал... Прощаюсь с 47-м полком... Приезжаю в сумерки... Но могу остаться.

3 сентября 1916 г., Тартарув, а с 14 часов — Черновцы

Утром еду на автомобиле XI кор[пуса]. С н[ачальником] див[изии] много гуляем и разговариваем... по-хорошему. За три с половиною [часа] с Фофановым и кап[итаном] Артемьевым доезжаем до Черновиц... Обедаем в Русской гостинице... 2½ рубля. Иду в штаб, много болтаю с Анат[олием] Кипр[иановичем] [Келчевским]. Целый арсенал сплетней: 1) Янкель (Янушкевич, сын франц[узской] еврейки) хотел спихнуть Юденича, заменив его Хан-Нахичеванским, да спас Эрзерум...2) Чер[ный] Данилов (балда) — нач[альник] штаба Север[ного] фронта (надеются, что съест Бонча[1]); 3) Ще-

[1] Имеется в виду М. Д. Бонч-Бруевич.

дрин (Кон[стантин] Федор[ович]) был нач[альник] штаба 18-го корпуса, это — второй; 4) о моем нач[альнике] (64-й див[изии]) г[енерал]-л[ейтенанте] Жданко — ведется расследование: вранье и неисполнение... Дроздов (подп[олковник]) раненый ушел, надо съесть Соллогуба... 5) Трусилов (Брус[илов]... особенно сильно его критикует... хотел идти на запад, а против Черновиц кавалерию...)... «так пишется история... народный герой... все делают армии...»

Гуляем с ним по саду: хорош, просто запущен... Ан[атолий] Кип[рианович] особенно сильно нападает на Григорова и говорит, что ему поделом... «мне его не жаль»...

Черновцы — город хороший и чистый, население невзрачное и неопределенное... помесь немцев с жидами... Солдаты в порядке: смотрит ком[андую]щий...

4 сентября 1916 г., Черновцы

Вчера ужинал у ком[андую]щего ар[мией][1]. Тон простой, сам — больше молчалив, даже стесняется... Больше говорю я... о Памирах. Ан[атолий] Кип[рианович] подастривает: заниматься на высотах археологией... Служебные вопросы не поднимаются... Сплетни, очевидно, в большом ходу: дочь Щербачева, спешащая выйти замуж за Валя... всех занимает. Сегодня утром был в церкви: хорош апостол, хор богат голосами, но не тонок... есть хор[ошие] тенора и октава... Потом гулял...

Кубанец рассказ[ал], что через 2–3 месяца дамы (жены чинов и офицеров) проживутся, и тогда будет крах... Сегодня отправляется ловить партизанов...

Моя цель: «обойди и возьми в руки».

4 сентября 1916 г., Селетин

Выехал к 64-й дивизии, ночевал в Селетине у графа Каменского... вспомнили старое, ориентировался по карте.

5 сентября 1916 г., Молдава

Приехал в штаб (тыловой) дивизии, где застал адъют[анта] хозяйст[ва?] (Романенко), ад[ъютанта] инспек[тора]

[1] П. А. Лечицкий.

(Груббе), дивиз[ионного] врача, коменданта, [представителя] полиц[ейской] роты и т. п. Полевой штаб (нач[альник] див[изии], н[ачальник] шт[аба] и опер[ативная] часть) живет в [местечке] Кон[ный] Завод Лучина («Ставка»). Инспект[орские] вопросы идут 8 волнами: шт[аб] кор[пуса] — ставка, ст[авка] — Мол[дава], Мол[дава] — став[ка], став[ка] — полки, полки — ставка, ставка — Мол[дава], Мол[дава] — ставка, ставка — шт[аб] корпуса.

Путаница во всем страшная, работа в штабе не организована... На всем печать распущенности... Расспрашиваю. Встретился с Потаповым (Алексей Степанович). В нем что-то странное, особенно в глазах. Он все знает.

6 сентября 1916 г., Молдава утром и Лучина (Конск[ий] завод) — вечером

Утром встаю в 5½ часов, но чай мне не готов... Солдат объясняет мне, что он «заспал»... ругаюсь. Выезжаю в Лучину и оттуда через 20 мин[ут] на наблюд[ательном] пункте. Нач[альник] див[изии] (Александр Ефимович Жданко) — старый и больной человек, который уже «9 месяцев» ничем не занимается. Все время лежит у костра, греется; ходит с трудом, по телефону не говорит; по карте еле успевает поспевать за ходом боя. Пришиблен требованиями, придирками и «визитерами». При мне сегодня были два... тяжелая манера. Берем Безымянную, 1270 и 1552. 12 офицеров, 608 пленных плюс пулеметы. Вечером едем к себе...

7 сентября 1916 г., Лучина, кон[ный] завод

Вечером разговариваю с начальником дивизии; он жалуется и ворчит... полная примиренность. Все сводится к тому, чтобы удержаться на большем жаловании...

Едем на нов[ый] наблюдател[ьный] пункт (Безымян[ная]), я с ком[андиром] Сиб[ирского] дивиз[иона] (Ник[олай] Дим[итриевич] Невадовский) идем в гору и набредаем на кучу трупов... Они лежат всюду... Недалеко друг от друга — офицер русский и офицер немецкий: у того ничего, у этого письма, карточки и т. п.

Ведем бой. В одном полку (Николаев[ский] 254) обнаруживается: 1) вранье и 2) ком[андир] полка сидит у себя, а

за него — полк[овник] Константинов. Ругаюсь и все вывожу на чистую воду... Ничего не удается... Назад возвращаюсь мимо наш[их] трупов, они в двух кучках — 23 и 12; они скошены пулеметом. Позы — разные. Есть один, съежившийся в ровике, от пулемета уцелел, но найден шрапнелью.

8 сентября 1916 г., там же

Начинается так же. Иду в Перекопский полк и на пути обстреливаюсь. При спуске с 1552 в 12 шагах рвется тяжел[ый] снаряд; мы оглушены и припадаем к земле (я, ком[андир] бат[альона], ком[андир] 16-й роты и 4 чел[овека]). Мы целы, и я говорю: «Ребята, перекреститесь; Бог помиловал», и мы молимся. Сижу у бат[альонного] ком[андира], после круч с наслаждением пью чай, а около нас рвутся снаряды... он свалил целую ель. Решаюсь захватить «покинутую» батарею и назначаю ½ роты с прап[орщиком] Спевяковым [Спиваковым]... Обещаю Георгия. Он полон оживления, глаза его горят... «Уж какой придется», — говорит он, играя на слове «крест». «Игра на крови», — приходит мне в голову... А прапорщик, опираясь на палку, поскакал по камням вниз по ручью... А мы поползли в горы к позициям 1-й и 2-й рот, ползаем на пузе и выслеживаем врага...

9 сентября 1916 г., там же

Сегодня приезжает кор[пусный] командир[1] с нач[альником] штаба[2], дождь и туман. Длинный доклад, а затем разговор корп[усного] ком[анди]ра со Жданко... его выживают под формой отпуска по болезни. Я много говорю с кап[итаном] Ген[ерального] шт[аба] из армии и описываю ему положение дел... Вечером я знаю, что завтра Жданко уезжает, и я назначаюсь вр[еменно] команд[ующим] дивизией.

10 сентября 1916 г., там же

Я выезжаю на набл[юдательный] пункт как хоз[яин] положения и с места начинаю здороваться и тянуть... все распущено. Вечером зову див[изионного] врача и див[изионного]

[1] Н. Ф. Крузенштерн.

[2] Граф С. Н. Каменский.

интенданта, а также начальников хоз[яйственной] части полков. Длинная и детальная работа. Общей руки не видно; все брело, как могло.

11 сентября 1916 г., там же

Выезжаю на наблюд[ательный] пункт и по дороге посещаю передовые перевязочные пункты. Заботливости о раненых не нахожу: нет крова, белого хлеба, вина... Могилы павших неуютны и заброшены; отдаю приказ. Сегодня по высоте 1314 ведем атаку удушающими снарядами: снимаем план, изучаем брошюры, намечаем план... Атака не удается: 1) слишком осторожны; 2) отводим людей; 3) снаряды, вероятно, дрянь; 4) полк измотан...

12 сентября 1916 г., там же

Ничего особенного. По дороге снимаю доску, с надписью Tilos — ut (дороги нет) [*венг.*] и черепом снизу... который улыбается и показывает на наши окопы... Послал Женюше. Образчик, как острят люди на войне...

13 сентября 1916 г., там же.

Отправляюсь в окопы 254 (Никол[аевского]) полка. Доезжаю почти до штаба полка и затем слезаю. От ком[анди]ра полка (Констант[инов]) иду во 2-й бат[альон], где посещаю окопы и из них иду в секреты... На пути встречаю труп мадьяра (офицеры не проверяют секретов)... Секреты в 40–50 шаг[ах] от секретов противника. Люди вылезают из окопов и удивленно смотрят на странного нач[альника] дивизии. Конст[антинов] рассказывает интересно о газовой атаке германцев, как тяжко и неминуемо гибнет человек. (Старается выбросить отраву, изо рта идет пена, чернеет, умирает и скоро разлагается... Скоро черви)... После газов идут немцы широкою цепью с колотушками в руках и по головам добивают наших. Из желания убивать живую силу или из-за милосердия? Два примера: 1) собака со щенком в зубах, купающая его в воде и 2) два человека, отплескивающиеся водой...

Вечером зову благочинного и заявляю ему свои желания: 1) о службе; 2) певчих; 3) проповеди; 4) повозке для

церков[ного] имущества; 5) посещении окопов и т. п. ... По-видимому, никто и никогда с ним не беседовал...

14 сентября 1916 г., там же

Сегодня на 1314 была атака ядовитыми снарядами... Кажется, ничего в них нет... На левом заняли рощу и хребтик; 19 пленн[ых] (3 — 3-го егер[ского] бат[альона] и 16 — 31-го линейн[ого] полка). Приехал домой к 4-м [часам] и в первый раз обедал дом[а] с оркестром музыки.

Имел случай наблюдать столкновения артиллеристов. Люди неоднородные: артиллеристы — в удобстве, в малой опасности, все от недочетов устранимых (лень, забывчивость, вялость, незнание дела и т. п.); пехота — от этого плюс хождение пред смертью, тот Рубикон, за которым страна неведомая... Пехоте нужно давать больше поблажек, с артиллерии можно больше требовать[1].

15 сентября 1916 г., там же

Сегодня смотрел 255-й Аккерманский полк со знаменем... Перекрестился и поцеловал знамя; поздоровался, поблагодарил за вид и службу... Созвал офицеров и сказал им слово: «Они — обреченные, семя для будущих посевов... приняв это в душу, легче будут воевать... Спасен — милость Божия. Для солдат — начальник и отец... Дисциплина — ворота для входа на военную ниву; других ворот нету».

За обедом были старшие 255-го пол[ка] и две сестры (Чичерина и Эйден)... Стол бросил: приехал корпусный. Рассказал ему, что делал. Директива: 1) упорная оборона и 2) восстановление дивизии... Вечером беседую с Потаповым. Он: надо мир... Рогоза, Смирнов и Эверт, напр[имер], не верят в исход... «Таких идеалистов, как ты, мало...» Спорим...

16 сентября 1916 г., там же

Сегодня объезжал тыловые учреждения; смотрел обозы 2-го разр[яда], 3-й хирургический отряд и перевязочный отряд дивизии. Сделал выводку лошадям. На всем печать отсебятины, нет объединяющего глаза. В хирур[гии] — душ-

[1] Абзац выделен на полях линией и NB.

но и вонюче. Все лежат тяжелые больные... Смотрел с 11 час до 2½: людей, лошадей, повозки, сухари, ремни, коломазь, масло... Пополнение молодое и бодрое.

17 сентября 1916 г., там же

Укрепляемся. Вечером был в бане и пили чай в перевяз[очном] отряде. Картина дивизии к 15 сентября такая:

офиц[еров] 13/201, унт[ер]-офицеров 452/732, штыков 5620/340 б. [?], маршев[ых] рот 1249, боев[ые] команды 2887, вспом[огательные] команды — 585, хоз[яйственные] команды — 2246.

Всего 13759; винтовок — 14532 (кроме неосн[овного] образца 1690).

Штыков в 1-м полк[у] — 1625, 2-м — 1131, 3-м — 1998, 4-м — 866...

Очень слабая дивизия, но винтовок достаточно...

Ст[арший] врач перевяз[очного] отряда (Волошинов) рассказывает, как много и полезно для себя он практикует; какие чудесные бывают исцеления...

18 сентября 1916 г., там же

Сегодня молился с 256-м в чистом поле. Отслужена была литургия. Свящ[енник] — о[тец] Арефа, монах. Аскет, нечесаный, скромный... Боевой, не отказывается от окопов. Все время шел дождь, и ребята промокли... Сказать ничего не мог, чтобы не задерживать промокших людей... Вечером явилась англичанка с кн[ягиней] Лоб[ановой]-Рост[овской]... 14 автомобилей... Договорил к себе.

19 сентября 1916 г., там же

В Аккерман[ском] (255-м) полку заметил недодачу в хлебе, около ½ ф[унта] = 50 пуд[ов], а по 20 коп. за фунт жителям, это дает 400 руб. Сделано очень умно и запутано. Полк[овнику] Всеволожскому (бывш[ему] ком[анди]ру полка) доложено: «убавили сала с 14 на 10 зол[отников]. Нельзя ли убавить хлеб на ½ фун[та] (все равно не выедают), а на вырученные от Интенд[ан]ства деньги за хлеб докупать сало». Согласился, но не наблюдал: хлеба-то не додавали, а

сала также не прибавили. Кроме того, распустили слух, что солдаты делят хлеб как-то вприглядку.

Приказал подп[олковни]ку де Витт произвести расследование: думаю, что это дело жидов, которых много в 255-м п[олку].

Был сегодня на позиции Акк[ерманского] полка; обошел 5-ю, 3-ю и 8-ю роты, осмотрел нашу позицию с иных сторон. На обратном пути в 25–30 шагах от нас, в лесу, разорвался тяжелый снаряд; нас обдало землей и ветками, а идущего сзади меня нач[альника] пул[еметной] команды ударило поленом по спине.

Нашел: 1) офицеры карту не изучают; 2) связь с соседями не держат; 3) рекогносцируют слабо... вообще мало активности и творчества; больше спят или валяются.

Ни в одной из рот нет фельдшеров, остался один на батальон. Никто не смотрел, и они понемногу перетеснились в тыл: лазареты, перев[язочные] отряды, околодки. Врачи довольны, что имеют помощников, а фельдшера и тем более... Велел: 1) произвесть подсчет; 2) основать школу; 3) проверить санитаров, по нужде делающих перевязки. Одного санитара спрашивал, как он этого делает, и получил общий мужицко-дилетанский ответ. Сколько погибло напрасно людей из-за подобного недосмотра, особенно на первой перевязке, которая — все! В перевяз[очном] отряде дивизии лишних семь фельдшеров...[1]

Возвратился поздно, набросал приказ и узнал, что завтра приезжает ком[андую]щий армией[2]. Говорят, он сух, строг и всегда ругается. Отдаю всякие распоряжения.

20 сентября 1916 г., там же

Ком[андую]щий армией смотрел 256-й Елизаветгр[адский] полк, поздоровался, говорил офицерам и людям, раздал 17 крестов и 15 медалей... Кое-где видел (2) порванные шинели, 1–2 [пары] сапог... Остался доволен. Поехали на набл[юдательный] пункт, встретил на дороге раненого

[1] Этот и предыдущий абзацы на полях выделены линией и значками NB.

[2] Речь идет о П. А. Лечицком.

солдата, шедшего с позиции и наградил Геор[гиевской] медалью... Трогательная сцена и разговор... Пошел снег, пурга... Возвратились назад. «А нам иногда невдомек, отчего вы не воюете». Завтракал (очень удачное меню), разговаривали непринужденно. Вообще: прост, деловит, разумен... набрехали.

Вечером говорил с Потаповым (Ал[ексей] Степ[анович]); он мне непонятен. В штабе корпуса он говорит одно, мне другое. Там он наделал страшной ерунды: ругался, выкидывал штуки и т. п.

21 сентября 1916 г., там же

Был на празднике 256-го Елиз[аветградского] полка. Здоровался, молились, церемониал, а затем здравицы. Обедали, говорил речь: «Смотрю с печалью и радостью: 1) не все вернутся; 2) [с] радостью — ни одному поколению не пришла такая великая доля, как нам — „положить жизнь за други (целые поколения) своя“ и выполнять, вообще, великое дело. Целые поколения будут пользоваться, наслаждаться, из-за пустяка лить потоки чернил, но все это построили мы. Будьте же бодры и веселы...» Обед прошел непринужденно и живо.

Была сестра Вера Федоровна фон Вик... Она, по-видимому, к полку привыкла. Не знает, что она будет делать после войны. «Я одна и теперь живу: у меня есть дело. Мне даже не к кому уехать в отпуск. Что я буду делать после войны? Война и я — inséparable[1]...»

Не выходят из головы строки Толстого (Дон Жуан):

То, что снилося мне, того нет наяву!
Кто мне скажет, зачем, для чего я живу?
Кто мне смысл разгадает загадки?
Смысла в ней беспокойной душой не ищи,
Но как камень, сорвавшись с свистящей пращи,
Так лети все вперед без оглядки!
Невозможен мне отдых! Несносен покой!
Уж я цели нигде не ищу никакой,
Жизнь надеждой мою не украшу!

[1] Неотделимы, неразрывны (*фр.*).

Не упился я ею, как крепким вином,
Но зато я, смеясь, опрокинул вверх дном
Бесполезно шипящую чашу!

22 сентября 1916 г., там же

Вчера вечером ужинали с пол[ковником] Лигнау (Александр Георгиевич), ком[андиром] 170-го Молодеченского полка... Сегодня приехал пом[ощник] ан[глийского] в[оенного] агента майор Торнхилл, англо-индиец (там и родился); поехал на горную батарею... Взяли сегодня пленного 3-го ег[ерского] бат[альона]...

Прочитал Джэка Лондона, «Дорога», 266 [страниц]. Из жизни американских бродяг (хобо, трампы) (автобиогр[афические] очерки) Изд. и перевод И. А. Маевского...

Оглавление

Признание (вранье просящего хобо) 5
«Дорожные парни» и «веселые коты» (новички) 33
В дороге (как трамп все же пользуется ж[елезной] дорогой) 59
«Быки» (полицейские... слабо) 93
«Зацепили» (история ареста) 127
В каторжной тюрьме (блестящая) 155
Путевые сценки 183
Две тысячи бродяг (армия ген[ерала] Келли) 206
В царстве хобо 232–266

Интересная книга по обилию и оригинальности содержания... аналогия с Максимом Горьким...

В 2 часа обедали: Торнхилл, Защук, еще два от 78-й див[изии] (Добровол[ьский][1] еще ничего статут[ного] не заработал) и мы. Я сказал краткую речь: «Брит[анская] армия сильная и верная; работаем плечо о плечо и победим».

Торнхилл ответил по-русски: «То, что он видит, вселяет в него полную веру в конечный успех»... Вышло тепло и

[1] Речь, по всей видимости, о С. К. Добророльском.

просто. Торнхилл — англо-индиец, знает индустани, персидский и гинди [хинди], родился в Индии и все время там. С [19]14 г. на войне, 8 мес[яцев] на фронте, а потом у нас: нач[альник] англ[ийского] отделения, а теперь помощ[ник] воен[ного] агента...

Подарил мне книгу: «Его Пр[евосходительст]ву А. Е. Снес[ареву], привет от английской армии». К. Чуковский «Заговорили молчавшие»... Интересны у них перспективные снимки... Это пока их секрет.

Николай Чигалов 3-й роты 253-го Пер[екопского] полка вчера ночью захватил в бою пленного; сегодня — благодаря моей просьбе — получил Георгия. Отличив[шегося] сегодня на разведке Кузьменко произвожу в ефрейторы... Солдаты начинают чувствовать, что я их тепло одел и хорошо кормлю...

23 сентября 1916 г., там же

В дивизии многое выползает наружу, скрытое под спудом благодаря недосмотру одних, лености других и злоупотреблению третьих. Вот примеры: 1) В 255-м Акк[ерманском] п[олку] выясняется недодача ½ фунта хлеба (стр. 51)[1]; 2) в ротах не осталось ни одного фельдшера, все, как гармоники, растянулись к тылу: сначала на передовой перев[язочный] пункт (все безопаснее), потом в околодок, затем еще глубже в лазареты и перевязочные отряды... Дальше от огня, а раненому кладет первую повязку невежа-санитар; 3) полкам по несколько дней не выдавалась горячая пища, а отделывались консервами: трудно, мол, все равно остынет, да еще разболтается; дым выдаст нас противнику и вызовет огонь... все теперь устранено; 4) в штабных командах, да и в других, нет порций, а окрошка; многое множество причин (старшие хотят жрать котлеты, а опоздавшим — одна жижа); 5) тыловые команды разного типа и величины... пока догадываюсь, сколько там грехов... 6) в прикрытие к дивиз[ионному] обозу взяты люди не от всех полков, а от одного 255-го... еврейские фамилии бисером пересыпаются. Какими тысячами это пахнет, и в чьи карманы они пошли; 7) в службе окопной нет ни порядка, ни общей руководящей

[1] Текст на с. 51 дневника соответствует записи от 19.09.1916 г.

идеи... а) связи не держат; б) набл[юдательных] пунктов нет; в) прицелоч[ных] плакатов — нет; г) наблюдатели имеют задачи узкие; д) разведка шаблонная, не цепкая, для отбытия номера, робкая...; 8) так как никто не проверял, то развелось вранье — наглое, часто глупое, бесцеремонное (напр[имер], 254-й п[олк])...[1]

Завтра будет мусульманский праздник; сейчас устраивают молельню. Дадим им по фунту бел[ого] хлеба, угостим чаем, а оркестр будет играть... Если бы побыл с ними больше, стал бы понимать...

24 сентября 1916 г., там же

Сегодня был праздник у мусульман; молились они в поле, обратившись взором на Мекку (скром[ный] мулла поставил их на юг плюс немного на запад, как это ему предписывалось в Казани), положив под ноги шинели и обернув козырьки назад... молились жарко, как молятся люди, соскучившиеся по молитве. Затем они выстроились возле чайной, я их поздравил с праздником, поблагодарил за службу, и мы прокричали «ура» Государю. После они пили чай с белым хлебом под оркестр. Мулла и один офицер-татарин с нами обедали; мулла приходил благодарить меня за внимание.

Никак не дождусь человека, посланного в Петроград. Когда он будет? Пора бы.

Долго не мог добиться порций в штабных командах; наконец, сегодня были, хотя пока маленькие; подождем: мы терпеливы.

25 и 26 сентября 1916 г., там же

Вчера молился с 254-м Ник[олаевским] полк[ом] и церемониал... Полк — ничего. Говорил на тему, что не надо падать духом: победа — капризна, ее получает более упорный. Затем обедали у нас николаевцы. Нас сменяют, но это производится очень нескладно, с шатаниями и неясностями... Разбился корп[усный] командир: шофер наповал, он — вывихнул руку и плечо, адъютант долго был без чувств... За его болезнью и отъездом Лампе в штабе полн[ый] кавардак: ушли главные работники... Потапов много говорит инте-

[1] Абзац выделен на полях линией и большим знаком NB.

ресного. Связь Доброр[ольского][1] с Алексе[ев]ой «больше 25 лет». Мих[аил] Вас[ильевич] якобы знает: сам в науке, с плеч лишняя забота...

Сегодня праздник у никол[аевцев] (с[вятых] Петра и Павла); молебен и парад. Обед — очень оживленно, с танцами и песнями. Говорил на тему о нашем своеобразном служении; иллюстрация идеи — умирающий киргиз в Алайской долине: прежде все государ[ственная] забота, а личное — пустяк, исчезающее... Кажется, полк достаточно настроен... впечатление от речи было несомненное...

Greater love hath no man than this, that a man lay down his life for his friends[2]... Это прошло и в моей речи...

Получил известие, что и Каледин отклонил мое старшинство... как уже отклоненное ком[андую]щим войск.

Сегодня прибыл посланец от Лели с сапожным товаром и с милым веселым письмом племянницы...

27 сентября 1916 г., там же, а 15 час[ов] Извар

Сегодня переходим в резерв: XVIII ко[пуса] 2-я бригада (Извар), а армии — 1-я бригада (Дауга Риша)... Ездил в штаб корпуса, где нашел Добророльского (назнач[ен] Савич)... Корнилов получил XXV корпус. Чистяков ушел... Других новостей не знаю. Был портной (Терентьев) и взялся шить сапоги... Был ком[андую]щий, остался доволен, хотя немного и журил. Елчанинов отставлен от командования 10-й дивизией (Орлов, Гейсман)... Вечером по полкам устроены гуляния, играли оркестры музыки, кое-что ребятам прибавили... Я был в 254-м Николаев[ском], здоровался с людьми, ужинал, назад ехал с факелами... Вид палаток, костры и пасущийся на склонах гор табун лошадей — роскошь. Хорошо пел хор («Як умру...», «Ни одна во поле...» и т. п.); внизу плясали бесконечную польку или молдаванский танец...

28 сентября 1916 г.

Утром много работы и Женюрке докончил письмо. Пропустил полк (Елиз[аветградский]), хвалил, ругал...

---

[1] Вероятно, речь идет о С. К. Добророльском.

[2] «Нет большей любви, как положить жизнь за други своя» (*англ.*). Слова Иисуса Христа (Евангелие от Иоанна (15.13.)).

Сегодня был на панихиде убитого (Акк[ерманского]) полка офицера; за телом приехали старик отец с ст[арой] матерью и сестра-курсистка. Мать дрожит, пьет воду, говорит больше других. Единст[венный] сын, поддерживал их. Погиб 31 августа, долго не писал, а в этот день написал ей письмо, отдал распоряжения денщику... словом, предчувствовал. Сестра оказывается молодой женой (Марья Алекс. Мальцева рожд[енная]), во время вскрытия гроба потеряла равновесие, бросилась целовать, но удержали... «Дайте хоть волосья отрезать на память». Дали... Мать спрашивает, под рыданья, при какой задаче погиб ее сын. «При взятии Деалу Ормулуй». «Взяли». Она вздохнула и сказала: «Ну, слава Богу... И мой сын, надеюсь, помог делу и погиб не зря».

Шел за гробом с версту, родители ехали, жена шла за гробом, держалась, но все в ней дрожало (писала ему 2 раза в день). Когда на литии стали поминать «раба Божия Витовта, живот свой положившего за Царя и родину», вся вздрогнула... Сергей Иванович [Соллогуб] много ее успокаивал, гладил по голове, когда она плакала: «Увидим лучшие дни, вы — молоды... будет равноправие...». «Что горевать[?]... хорошо, что у вас детей нет». Она: «Мне очень жаль, все была бы от него память...» Женщина с красиво очерченным лицом, с несомненным волевым элементом...[1]

Офицеры из австр[ийской] проволоки сделали венок покойному и сказали матери: «Это память от нас ему, погибшему у проволоки...» Все вышло трогательно и хорошо: проводили с оркестром, дали старикам лошадей... Удалось внимание сочетать с осторожной тактичностью... Таких картин — сколько их! И если бы их все пережить, как эту — сегодня, сердце давно лопнуло бы от грусти и страданий.

Вечером смотрел 253-й Перек[опский] п[олк], говорил с офицерами, с укомплектованиями. Затем был в штабе 37-й пех[отной] дивизии... На обратном пути закусывал с перекопцами... Говорили и вспоминали. Чихачев[2] (Вас[илий] Вас[ильевич]) — командующий, вспоминал другую мать,

[1] Абзац выделен на полях линией и NB.

[2] Имеется в виду Василий Васильевич Лихачев.

которая расспрашивала подробно о смерти своего сына и все допытывала, славно ли он пал, не подвел ли своих; про раненого и истекавшего кровью солдата, который все беспокоился о сохранности своего командира полка... Успел на пути поздороваться с перекопцами. Когда ехал назад мимо николаевцев, они молились Богу... 2 факела вели нас отсюда. Сергей Ив[анович] рассказывал об отступлении нашей гвардии и о тяжести пережитых картин... «Германцы атаковывали каждый день... Забивали огнем артиллерии... у нас ничего, лишь человеческие жизни...»

29–30 сентября 1916 г., там же

Вчера пропускал мимо себя полки на позицию, а сегодня посетил 256-й полк. Был у командира полка; дело налаживается: разбираются на позиции, людей кормят горячим с места (три системы: подвозятся кухни, или готовят каждый себе (чаще 4–5) и вмазываются[?] котлы), изучают обстановку, вдумчиво ставят пулеметы и т. п. Затем дошел до окопов 12-й роты, и вдруг меня потребовали в штаб корпуса... Дело касалось ближайшего удара; вопрос трактовался общими местами; на начальника ударной группы особенно не рассчитываю. Доклад по штабу базируется на карте больше и общих соображениях; рекогносцировки настоящей нет. Если дело удастся, то разве только по счастливой удаче.

Новости в штабе: 1) [1] удален от командования 10-й пех[отной] дивизией; 2) Савич получил XVIII корп[ус] потому, что его нельзя было дать Вл[адимиру] Драгомирову, а вообще-то ему нужно было дать корпус; поэтому Крузенштерна похоронили[2], сюда — Савича, а на XVI кор[пус] — Драгомирова. Прогнал же его Каледин за «неисполнение приказания», а надоел он ком[андую]щему фразой: «Попрошу осчастливить на сей предмет письменным приказанием»... Добророльский — временно ком[андую]щий наш[им] корпусом. Командовал 1½ года 78-й дивиз[ией] и ни одной статутной награды. Говорят, что после войны не имеющим

[1] Фамилия пропущена. Вероятно, речь идет о Д. Н. Надежном.

[2] Слово «похоронили» Снесарев использует в переносном смысле, имея в виду снятие с должности командира XVIII армейского корпуса и назначение членом Военного совета.

Геор[гия] или Георг[иевского] оружия впору уходить со службы, так как вечно будут обижать: то тот обойдет, то другой... (Он же, на вопрос ком[андую]щего, был ли на позициях, отвечал отрицательно. «Почему?» — «Боялся беспокоить войска...» «Вот дурак», — дума Лечицкого, когда он сел в экипаж, а Кельчевский прямо говорит: «штатская ж..а»)... И действительно, вид крошечного генерала без статутных наград — довольно уморительный... будут рассматривать в лупу.

1 октября 1916 г., там же

Сегодня был в окопах 255-го (Акк[ерманского]) полка, а батюшке велел обойти окопы с крестом... Прошло благополучно. Позиции — в лесных дебрях. Панорамы — дивные. Ночью на 7-ю роту 256-го попробовали наступать немцы (1-й гренадер[ский]), но были отбиты, оставив у проволоки 4-х убитых (один родом из России, около Житомира).

Сергею Иван[ови]чу удается сейчас же достучаться до жен[ского] сердца. Гейша наша (Лидия Никол[аевна] Арефа), довольно видная девушка, оказывается, страдает какою-то психо-физиолог[ической] болезнью: 1) резкая болезнь сердца и 2) полное отсутствие половых восприятий... Любила сильно офицера, ложилась с ним в кровать, желая ему отдаться, но при одном прикосновении к ее телу у нее ужасная боязнь и чувство смерти... Сергей Ив[анович]: «Ей остается одно — умереть». Я: «Нет, надо подумать, а умереть она всегда успеет».

2 октября 1916 г., там же

К 10 часам был в штабе 37-й див[изии], где беседовал с нов[ым] кор[пусным] командиром (пол[ный] ген[ерал] Савич). Повторял слепо требования ком[андую]щего арм[ией], но много его бесталаннее... воля видна, скорее упорство, но нет сияния мысли: 1) полное сближение (даже нам, имеющим пассив[ную] задачу); 2) на роту 3–4 прохода; 3) артилл[ерия] не больше 2 верст, даже легкая, хоть кол на голове теши; разведка всегда и упорно (знает по книжкам); 5) офицеры в перед[овых] набл[юдательных] пунктах и вперед с пехотой... Странно видеть полного генерала без

статут[ных] наград... Вероятно, есть воля, и трудолюбие, и усердие... но нет тонких мозгов, творчества, истинного опыта и мужества... Все больше поворачивает на то, чтобы гнуть...

Вечером взобрался на горы и бродил один в сумерках... тихо, кругом костры, слышно пение молитв, а немного раньше команды: на душе одиноко и смутно; война, как она ни сурова, путает и натягивает струны, но не рвет даже самые тонкие и нежные. Изречение [апостола] Петра: «Вверять умным и храбрым войска, энергичным и распорядительным — обозы, вялым и неповоротливым — гурты скота». Как это правильно! А как многие из наших начальников думают, что люди средней категории пригодны и для управления войсками, в то время как по вещему слову Петра они хороши лишь для управления обозами...

3 октября 1916 г., там же

От 10 час[ов] до 15 смотрел учебные команды: строй, тактику и т. п. Каждой команде говорил слово: храбр, вдумчив и дисциплинирован... Брал с них слово, что будут молодцы... Приду и посмотрю: хорош — порадуюсь, плох — пожалею.

Сегодня отмена удара 37-й дивизии, мы возвращаемся на старое место... Что-то произошло, но вообще нервозу много: суета, небрежность в приказах, путаница артиллерии и т. п. Идут скверные слухи, Потапов — нервничает... 1-й див[изион] 37-й порвал с 256-м связь, и 2-я и 6-я роты были разгромлены артиллерией противника (потеряли 100 чел[овек] и 2 пулемета: один разбит, другой забит в землю так, что еще не могут достать)... Инсп[ектор] артиллерии разрешает 2-й батарее переночевать, а затем сам умоляет, чтобы обе батареи стали ночью... Пока идет дело гладко, мы — сносны, маленькая торопливость или неудачливость — все кувырком, наша невоспитанность выпирает наружу, все путается... нет стройности и покоя...

4 октября 1916 г., там же, а 11 час[ов] Лучина (кон[ный] завод)

К 11 часам прибыл сюда на автомобиле. Здесь мне больше нравится: дико, пустынно и красиво. С 16 часов пошел

дождь, а потом снег, сейчас (20 ч[асов]) уже большой снег. В момент наибольшей метели три раза гремел гром с сильной молнией. Был сегодня Кельчевский, сообщил, что румыны хотели уже заключать мир, но Алек[сеев] сказал: «Ну и убирайтесь ко всем чертям». Теперь туда посылают 4–5 корпусов. Румыны на Сев[ерном] фронте: 70 бат[альонов] пред 35 б[атальонами] австр[ийцев], в центре 100 бат[альонов] пред 70–8[0] бат[альонами] германо-астрийцев... Словом трусы, да еще некультурные: ни дорог, ни полевых телефонов... Худшая комбинация: трусы и дикари.

Меня намечали начальником румынской дивизии плюс наша стрелковая бригада (или дивизия), да Лечицкий не решился: некому поручить дивизию, нет бригадного, а в 78-й дивизии — есть, и послали Добророльского... не рад.

5 октября 1916 г., там же

Вчера спрашивали нашего унт[ер]-офиц[ера] (каж[ется], Брянского полка, Георг[иевский] кавалер), который бежал из плена, из Буда-Пешта; пробовал не первый раз. В послед[ний] раз с товарищем шел 6 недель, деля вместе горе, страх и бессонницу; у Деала Ормулуй пошли через проволоку противника; он прошел, тот — убит за 300 шагов до конечной цели трудов и пожеланий... после шести недель страшного и рокового напряжения[1].

В 8 ч 40 мин выехал в окопы 253-го (Перек[опского]) полка, заехал к командиру 256-го (Елиз[аветградского]) п[олка], чтобы переговорить относительно анонимки. После подъехал к высоте 1527 (левый почти фланг 253) и оттуда пошел по окопам 4-го, а после 2-го батальонов. У прав[ого] фланга первого по нам дали несколько руж[ейных] выстрелов, а когда были в 6-й роте, то по окопам ее 4 метких артил[лерийских] выстрела; мы задержались и переждали, а 3 солдата сильно пострадали: один — тяжк[о] ранен, другой легко, а третий тяжко контужен. Спустились к шоссе ур[очища] Кирли-Баба, и тут по нас дано было 2–3 руж[ейных] — далеких, вероятно, и глупых выстрела.

[1] Далее карандашом приписка: 35-го пех[отного] Брянского п[олка] ст[арший] ун[тер]-оф[ицер] Петр Щерба.

Со мной были Са[в]лаев (нач[альник] конвоя) и сапер, ротный командир; последний несколько раз снимал свою темную шведку.

Обедали у ком[андира] 253-го, который интересно рассказывал про газовую атаку германцев (у Сморгони), как быстро и страшно гибли люди, как он сам еле спасся (один обозный вскочил на лошадь и поскакал, — погиб сам и лошадь); газы доходили до штаба дивизии и даже, по-видимому, до штаба корпуса. Один доктор погиб, стараясь предупредить сестер и найти маски; гибли люди на другой-третий день, соприкасаясь с отравленными вещами; винтовки сразу поржавели и погибли; люди с позиций шли как пьяные (отравленные), бессвязно отвечали на вопросы, а потом падали и умирали. «"Рана" от отравления почти самое страшное, что есть... Обычная рана много легче и безобиднее», — закончил Лихачев.

При деле у горы Деалу Ормулуй 253-й п[олк] захватил 13 пул[еметов] плюс бомбом[еты] плюс 500 пленных и т. п. (31 авг[уста]). Должен был атаковать Какул[?]ь 255-й полк, а 253-й — поддерживать и перейти в атаку по обстоятельствам. Но люди, подходившие 2 дня и разозленные на сближенных расстояниях бомбами, не дождались конца, по какому-то одинокому «ура» закричали все и без артилл[ерийской] подготовки ринулись в атаку все 16 рот... Красивое, чисто штыковое дело, выполненное без «техники» (даже артиллерии) одним духом и махом... У командира полка возле его халупы сфотографировались. Домой прибыл в темноте, в 6 часов с лишним. Всего был на работе 9½ часов; при горах, слякоти и под огнем — дело длинное и трудное.

Завтра нас посещают ген[ерал]-адъютант итал[ьянского] короля, флигель-адъютант и еще какой-то итал[ьянский] офицер. Пойдем тем же маршрутом, как был я сегодня.

Саввич начинает проявлять свою мысль и волю. Он является сырой и старой тактической величиной, которая умеет требовать, но слабо знает, что нужно требовать; отсюда нажим по каждому поводу: 1) «Во время смены не было разведки». Как, что, постоянно и т. п. Значит, приди ночью и лезь мордой в непроглядную тьму, только чтобы была хваленая непрерывность. NB. Должна производить

разведку сменяющаяся часть до зари или сдать разведку еще засветло, других решений нет; 2) «Штабы полков далеко». NB. В горной войне далекое расположение, но недалеко от узла сходящихся долин (путей) будет лучше близко расположенного штаба к какой-либо части общего фронта, так как в этом случае к другим частям фронта будут получаться длинные обходы или придется лезть в горы. Да и важны не штабы полков, а наблюд[ательные] пункты, с которых правят полками в бою... Еще новый тип (после бездельника Экка или неподготовленного, хотя и храброго и пробующего что-то Казнакова) корп[усного] командира, который может только нервировать (моего Серг[ея] Иван[овича]), путаться в мелочи и мешать спокойному и планомерному ходу работы... Недаром нет статутных наград! А еще корчит авторитета![1]

6 октября 1916 г., там же

Новые кунштюки[2] жандарма: 1) доносят, что ночь прошла спокойно, люди отбрасывали из окопов снег. Рез[олюция]: Снегу не так много, пора браться за работу. NB: Если снег не будет устранен, то все насмарку... знаю по окоп[ному] опыту. 2) Прошу возвратить ½ роты 16-й ко мне, так как я зашел за демарк[ационную] линию. Ответ: «Надо было раньше смотреть, теперь все равно ничего не выйдет». NB: Мало бы что: надо выполнять указание армии. Заняли во имя обеспечения фланга.

В 2 часа прибыли итальянцы: 1) ген[ерал]-ад[ъютант] короля Италии Romei Langhena (граф), подп[олковник] маркиз Ориго и кап[итан] Дебертини (с ними Защук и еще капитан). Сели с генералом и поехали в экипаже на высоту 1527 к 15-й роте, где хороший наблюд[ательный] пункт. Остальные отстали (под разными предлогами) и далее долины Татарка не проехали. Мы взобрались почти до высоты верхом, сначала с риском проехали шоссе мимо 1361, слезли с лошадей и дошли до 4-го бат[альона]... Были опасные места: долина Татарки, некоторые площадки на 1340 и т. п.

[1] Абзац выделен линией и знаком NB.

[2] От нем. kunststuck — фокус, ловкая проделка.

Ком[андир] 4-го бат[альона], рапортуя, сказал, что только что артил[лерийским] огнем 2 убито и 6 раненых... Я перевел и, чтобы приободрить, заметил, что мы попадаем на самое интересное место... Пошли. При вступлении в роту (еще не в окопах) увидели труп убитого, развороченный блиндаж, стакан снаряда и изуродованные деревья... Очевидно, был сильн[ый] артилл[ерийский] огонь. Я говорил веселые слова, сопутник послушно следовал за мною. Вошли в окопы 15-й роты и прошли в наблюд[ательный] пункт. Противник выпустил по нас один снаряд, который разорвался в 20 шаг[ах] позади нас (по тому ходу сообщения, по которому мы только что прошли); мой спутник прилег, но скоро пришел в себя. След[ующие] 4 разрыва были по 16-й роте (что левее 15-й). Мы начали рассматривать панораму, которая была перед нами; я объяснял, где шли наши окопы, где были австрийские... Граф был в восторге, особенно, когда в бинокль он ясно увидел австр[ийскую] проволоку и двух австрийцев, из которых один колол дрова... Он скоро пошел назад. Восторгу его не было конца... восторгу, подогретому чувством сохраненной жизни и выполненного благородного риска. В резер[вных] ротах (2-го бат[альона]) 256-го (Елиз[аветградского]) оба мы говорили речи (он по-франц[узски]) и много кричали «ура». Недалеко от 1361 — новая встреча (других бат[альон]ов 265-го п[олка]) и новое «ура». Прибыли, и граф заговорил сорокой.

За ужином я проговорил на франц[узском] здравицу в честь короля Италии. Музыканты играли итал[ьянский] гимн. Затем граф произнес на итальян[ском] горячую речь, которая вся сложилась в оду по моему адресу: он описал торжест[венными] и сильными красками наше «страшное» путешествие, высказал удивлен[ие] моему мужеству и заключил, что за таким начальником он пошел бы всюду, и с таким начальником победа обеспечена. Речь и по форме, и по пафосу была необычайна. Я отвечал по-русски, описав его появление в окопах, его мужество и заключил — как результат — верой в наш конечный успех. Ужин вышел удивительный. (Граф: «В ставке едят хуже»), выпили 9 бутылок шампанского, целовался я с генералом много раз, а затем и с маркизом (Сер[гей] Ив[анович] с тремя выпил на «ты») и

уехали наши гости пьяными и довольными, горланя песни до Молдавы. Я, Серг[ей] Ив[анович], командиры полков и Македонов получим итальянские ордена, я какой-то большой с зел[еной] лентой.

Граф особенно был в восторге от общего тона нашей жизни, от ее контрастов — то возле смерти в окопах и [на] склонах диких лесистых гор, то в гостиной за прекр[асным] столом, с музыкой и веселой болтовнею. Граф хорошо говорит по-французски. Марк[из] Ориго — известный скульптор, взявший второй приз за модель памятника Александру Второму...

Вечером были в 3-м хирургич[еском] и узнали, что его от нас берут... Горюем общим горем: привыкли друг к другу, и стало дело очень хорошо налаживаться. Причина: переход наш в 8-ю армию.

7 октября 1916 г., там же

Сегодня посетил 1-й бат[альон] 253-го, доехал до выс[оты] 1552, потом пешком... Посетил — лишь 2-ю (левоф[ланговую]) роту, прилегающую к р[еке] Татарка. Наши окопы в 350 шагах... Видел его окопы и проволоку. Все прошло благополучно. Выехал в 10, возвратился в 5 час[ов]. Все почти время шел снег, и потому можно было ехать по самым опасным местам. Оказывается, ребята следят за мной во все глаза и болтают потом без умолку: 1) заметили, как я с Побылевским не пошел в блиндаж, как всюду хожу, как пью чай с черным хлебом и т. п. ... наши лучшие ценители и критики.

Оказываются, мы переходим в 8-ю армию и поэтому 3-й хир[ургический] отбирают.

С Лихачевым много рассуждаем, минуя прекрасные лесные картины, и приходим к согласному выводу, что законы понукания и воспитания в огневой тактике свои; главное, рискуй сам, как и другие, и попадай, хотя изредка, в ту страшную обстановку, в которой живет тот, которому приказываешь. Не надо нам гениальных, которые решают дивные задачи, а дайте нам средних, но храбрых, честных в труде и исполнительных. Дивизия, в которой будут такие, непобедима; она не будет, может быть, иметь ярких разгромов, но она обеспечена от поражений и осечки не даст.

Между штабами и строевыми частями (вроде, как между пех[отой] и артилл[ерией]) глубокая пропасть: с одной стороны усердие, честолюбие, талантливость, но без риска, а с другой — все прежнее плюс риск... возможность потери жизни, этого лучшего и единственно внеценного дара Судьбы... Припоминается: «Тот, кто пережат в жизни больше, чем это бывает в одной жизни, должен умереть»[1]...

Сегодня ехал — в слякоть, холод, метель — аллеей в лесу и думал, зачем я маюсь. Игнат провожает меня и бурчит: «Куда Вы в такую непогодь, другие и в лучшую не едут, а вы еще в окопы; на снегу теперь все видно»... Он не понимает, но когда я сказал, что он, вероятно, так же бы правил дивизией, он замолчал... Ведет что-то, что выше и глубже нас...

8 октября 1916 г., там же

Вчера устраивали прощальный вечер 3-му хирур[гическому] перед[овому] отряду. Прочитан был мой приказ, я сказал речь, а когда «Нат»[алья] Алексеевна[2] мне сказала два-три благод[арственных] слова, я эти слова передал в длинной речи... Это было и смешно, и интересно. Вечер прошел смешливо-грустно, проводили сестер до их дома и еще долго говорили у их порога.

Сергей Иван[ович] 4-м сестрам написал по экспромту, очень милому и красивому, особенно для «Лёли».

Сегодня сестры прибежали к нам проститься, мы снялись (я, Сер[гей] Ив[анович], Натал[ья] Алекс[андровна] Б[аронесса] Корф, Елена Андреевна Чичерина, Зинаида Александ[ровна] Лукомская и фон Эйден), проектируя послать в «Огонек» с надписью «Оперативная часть штаба 64-й пех[отной] дивизии» или «В единении сила»... Пошли провожать и расстались с грустью; я поцеловал их руки, они меня в висок или лоб... Заключили договор, что они никого так любить не будут, как нас, что и мы обязались делать с нашей стороны. Много было шуток вообще и

[1] Этот и предыдущий абзаца выделены линиями на полях и карандашом написано: «Огневая тактика. NB». Цитата дана из «Дочери снегов» Д. Лондона.

[2] Настоящее отчество баронессы Корф — Александровна, слово «Алексеевна» вписано карандашом, вероятно, позднее.

остроумных бросков, но все они, как плющом, были перевиты грустью: мы взаимно привыкли друг к другу, а они... сироты, выброшенные на простор и риск боевого поля, где они найдут такой приют, ласку без мужских притязаний, шутку без сальностей, возможность довериться без риска погибнуть?... Где? Нигде. И они это чувствуют и дарят нас улыбкой благодарности, и грустят глубоко, расставаясь с нами. А эти беседы, полные интереса, поездки в полки или на богослужение, где для них много нового и интересного, мои речи, дивные экспромты Сер[гея] Ивановича... словом, этот конгломерат воспитанности, истинно братского отношения, культурности и талантливости.

Вот образчик экспромта, написанного Серг[еем] Иван[овичем] в Кимполунг[1] вдогонку для «Лёли».

Я Вам (Тебе) пишу, тревоги грустной полный,
И все священное с улыбкою отдам,
Чтобы неслись скорее жизни волны
И бросили меня опять к Вашим (Твоим) ногам.

Мило, грустно и тепло... Где она найдет такие подарки из амбара талантливости?

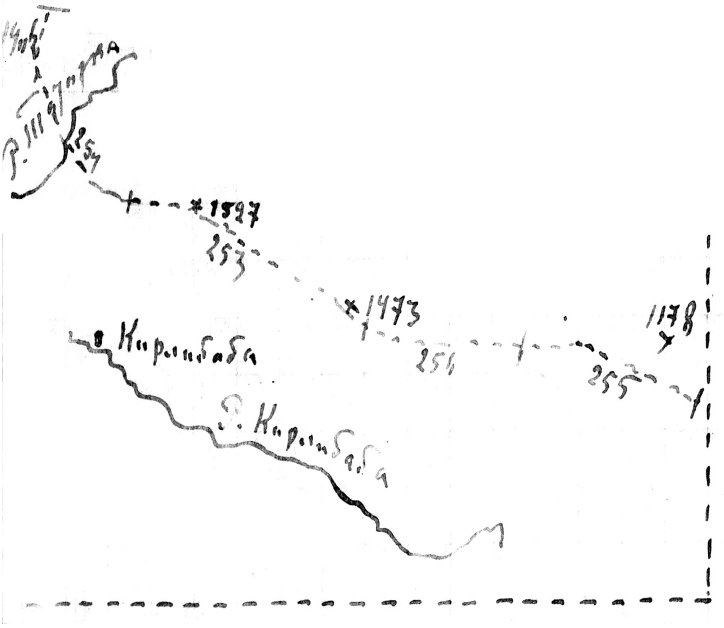
Я приказал украшать могилы павших и делать надписи. Вот одна из них, наиболее типичная и повторяющаяся с небольшими вариантами: «Воинам благочестивым, кровью и честью венчанным, нижним чинам 64-й пехотной дивизии, погибшим геройской смертью в бою 4–6 сентября 1916 года. Мир праху вашему, дорогие защитники. Спите спокойно в Карпатских горах».

Такова надпись, где похоронено семь человек, такая же, где похоронено 17.

9 октября 1916 г., до 9½ в Лучине, с 12 — в Бряза

Сегодня с утра все пришло в движение. Полки сменили 78-ю див[изию] (Овручский, Шацкий, Кременецкий и Васильковский) — 256-й и 253-й около 2 часов, 255-й — около 6 часов. Позиция имеет в длину 16–18 верст; штаб в Бряза.

[1] Кимполунг (Кымполунг-Мусчел) (*рус.* Долгополе) — румынский город в Буковине, на правом берегу реки Молдавы.



Пока имеются самые печальные сведения о нашей позиции: проволоки почти нет, окопы не сплошные (стоя почти нет), ходов сообщения нет, убежищ мало, а те, что есть, протекают. Командир 255-го еще дополняет, что в тактическом отношении много упрека можно предъявить к позиции и что в этом отношении придется много поработать.

Оказывается, что порядка нет: 1) за неделю позиция не оборудована; 2) рот[ные] командиры не могут ясно сказать, где их фронт; 3) двух ротных командиров находят пьяными и в очень важную минуту; 4) нач[альник] дивизии, по-видимому, никогда окопов не посещает; 5) люди без призора, руководства и не укрыты землей... Что же от такой системы можно ожидать? Ничего кроме крахов и поражений. 30 (или 29) сентября[1].

Дивизия заступила на позицию, где теперь моя, и 1–2 окт[ября] приняла бой (наступали австрийцы), в ре-

[1] Абзац выделен линией и NB.

зультате которого: 1) дивизия потеряла некоторые из своих окопов; 2) свыше 5 т[ысяч], как говорит нач[альник] штаба, но едва ли меньше 9 т[ысяч], т. к. теперь в дивизии 7 т[ысяч] штыков, а пришла она, имея больше 16 т[ысяч] и 3) без вести пропавших более 1 т[ысячи], как говорит нач[альник] штаба, а на самом деле, едва ли меньше 3 т[ысяч]... Пленных дивизия взяла 1100 чел[овек].

Потапов меня спрашивает, что я буду делать, получив такую позицию. Я: «Пойду ходить по окопам, чтобы скорее ее улучшили». «А не донесешь?» «Сообщу, чтобы знали, отчего мы пошли». Потапова это еще больше убеждает, что надо делать мир, что шансов нет, что... бедный пессимист. Он стоит на той мысли, что нам компенсацию нужно искать в Персии, а тут, мол, все равно пропало.

10 октября 1916 г., Бряза

Сегодня в 9 часов выехал на правый фланг 256-го п[олка] (Елизаветградский). Дорога — главная питательная артерия дивизии (Бряза — Павна) в удручающем состоянии, — не только не пройдет колесо, но даже вьюк может изуродовать лошадь после двух попыток воспользоваться таким путем.

На пути вижу много патронов, а разведчики 256-го полка откопали целую массу зарытых ручных гранат (я на пути также их видел)...[1] Это новый штрих к довершению картины разложения 78-й дивизии... Посещаю центральную, где благодарю телефонистов: несмотря на трудности все же 4 линиями связь закрепла. Еду к командиру полка (256-й), а оттуда иду пешком, здороваюсь с ротами 1-го (рез[ервного]) батальона, а затем, спустившись по долине, ползу к 15-й роте в гору. Несут убитых, собранных уже моими людьми: свои забыли или не могли этого сделать.

Бат[альонный] командир 4-го бат[альона] (кап[итан] Марценко) дорисовывает мне картину развала: пришел сменяться, бат[альонный] ком[андир] не знает своего участка и посылает к ротным. Те сидят на горе и указывают рукой, что их роты там где-то внизу. Идет и находит людей

[1] Предложение на полях выделено линией и NB.

в одиночных лунках. Как же вы так? Разные недоуменные ответы. «Ведь вас так собьют при первой атаке?» Офицеры: «Тогда мы перейдем в контратаку и выбьем». Рассуждение дилетантов, не хотящих ни посмотреть в корень, ни работать. Проэкзаменовал ротного и двух взводных командиров. Этот род собеседования — лучший способ решения боевых (грядущих) задач, т. к. самое первое, чтобы человек узнал путь боевой работы (метод), затем был заинтересован и понял, что от него требуют[1].

Прибыл домой и узнал, что подп[олковник] Кирей (Василий Федосеевич) назначен командиром 3-й батареи 1-го див[изиона] 37-й арт[иллерийской] бригады, т. е. с высоты, на которой он находился (много батарей в подчинении, были и полковники) сброшен вниз... У нас это бывает (Баташев, Альфтан, Каледин): имена создаются с той же быстротой, с которой развенчиваются. Потапов по этому поводу много злословит, делая обобщения. Приказал относительно Кирея осторожность и тактичность.

Получил от женки 3 письма (28, 29 и 30 сентября)... в одном конст[атирует]: «Твоя всеми помыслами»... Надежная.

11 октября 1916 г., Бряза

Колесо Кирея вновь пошло вверх: инсп[ектор] артиллерии фронта «с удовольствием» принимает его к себе... пока неизвестно, в какую форму это выльется.

Сегодня сижу дома и подчищаю дела. Завтра надо будет опять трогаться в путь дорогу.

Прочитал К. Чуковского. «Заговорили молчавшие» (Англичане и война). Петроград, 1916. 185 с. Изд. III. Книга написана с искусством, но очень пристрастно. Конечно, англичане, как купцы, о себе говорить умеют, и деловито-хвастливый тон их писем и заявлений производит впечатление, но грустно наблюдать, как далеко поддался автор этому впечатлению... до национального безразличия и самоунижения. Достаточно сравнить «потери» в письмах с потерями в действительности или вспомнить книгу Höcker'a[2]. И что

[1] Вдоль абзаца линия и NB.

[2] См. запись от 24, 25 и 26 июля 1916 г., Богородичин.

увлекательного и положительного в рекламах, нервном поддергивании и поощрении страны, чтобы создать и послать на войну больше вербовщиков. Более спокойному уму и выводу это говорит скорее об упадке страны, об изжитости нации... В результате идет не положительная основная масса (мужская) страны, а энтузиасты, отбросы, беднота, неудачники и т. п. Не лучше ли, не честнее ли (перед собою и союзниками) проведение закона об обязательной воинской повинности и выброс на театр войны всего мужского населения. Все это, в корне корней, то же торгашество, хотя и замаскированное, а также аристократизм нации...

Приказом по 9-й армии от 19 сентября 1916 г. за № 451 сестры 61-го пер[едового] отряда Кр[асного] Кр[еста] при 12-й пех[отной] див[изии] получили Геор[гиевские] медали 4-й степени: кн[ягиня] Ольга Лоб[анова]-Ростов[ска]я — 960983, Мария Мегорская — ...4, Константция Орловская — .....5, Полина Развезева — ...6 и Вера Старк — .....7. Тем же приказом сест[ра] мил[осердия] Елена Чарторижская получила Георг[иевскую] мед[аль] 4-й ст[епени] за 960996. Первые пять за бой 28 мая 1916 г. у дер[евни] Черный Поток, последняя за 23 мая 1916 г. у д[еревни] Самушин.

12 октября 1916 г., Бряза

Сегодня был на позиции 255-го (Ак[керманского]) полка, посетил окопы 1-й роты (правофланговой) у северного склона 1477 (Баташуль). Отсюда довольно хорошо видна позиция 255-го (лучше с 1242... Обчина) и очень хорошо — позиция 254-го (Елизаветград[ского]) полка. Противник ведет себя странно и, несмотря на наши группы, не шлет нам ни одного выстрела... Приказываю усилить рекогносцировку: там ли он и есть ли он на месте. Обедаю у Кирея (Василий Фаддеевич) на его 3-й батарее. Противник начинает осыпать нас гранатами (в конце обеда), вокруг гостеприимной халупки. От 4-го бат[альона] 255-го до Обчины и обратно еду на кобыле Ник[олая] Ник[олаевича] (Полтанова) и много наслаждаюсь, от 4-го бат[альона] пересаживаюсь на своего бурого буцефала, а от шоссе домой еду на экипаже. Надышался воздуху всласть и вечерние доклады принимаю

с большим трудом: слипаются глаза, и весь сплю... Бух в постель (21 час 40 минут), и Игнат видим, лишь когда тушит лампу.

13 октября 1916 г., Бряза

С утра подп[олковник] Петров (254-го Ник[олаевского] полка) знакомит меня с результатами его работы. Оказывается, по списку в дивизии 31 т[ысяча], а в действительности 10 т[ысяч]; в ротах значится 250–300, а штыков 150–160. Словом, между списочным составом и штыковой действительностью — пропасть. Страсти, боязнь, хитрость, деньги... портят картину до неузнаваемости и отжимают людей во все углы, кроме окопов. Завтра зову командиров полков на разговоры. Особенно забавны частности: 1) у 2 командиров полка по 16 связн[ых], у других ни одного; 2) в 255-м [полку] в команде по сбору оружия лишних 12 чел[овек]; 3) в нем же 42 «вестовых в нестр[оевой] роте»; 4) число писарей только в 253-м — как раз, в других — всюду больше...; 5) 47 отпускных в 255-м; 6) 62 ком[андировано] с вещами раненых офицеров плюс 29 денщиков с ранен[ыми] офиц[ерами] = 91 чел[овек]...; 6) в 255-м из 20 рот[ных] и бат[арейных] писарей 1 русс[кий], 2 немца, ост[альные] — жиды[1].

Когда-то из-за несоответствия списочного состава с действительностью (во Франции в 1870–1871 гг.) оказались роковые результаты... Все это скучные законы жизни и бумаги, но их надо изучать и ими надо владеть...

В 12 часов приехал корп[усный] командир Саввич (Серг[ей] Сергеев[ич]); много говорили о делах, а в конце он разошелся и заговорил о пережитом. Иванова (Николай Иудов[ич]) называет невеждой, лукавым и неискренним человеком. «Пишут из ставки, что и там поняли, насколько он бесталанен... пишут мне, который прослужил с ним более 7 месяцев». «Зимнюю кампанию (в декабре 1915 г.) спроектировал и обдумал я, а Иванов — испортил: кисло доложил Государю, прибывшему для командования кав[алерийской] группой Абраму Драгомирову бросил фразу «из этого ничего не выйдет», когда уже все было готово, сказал,

[1] Абзац выделен линией и NB.

что запасы по ту сторону Днепра... Занимался сплетней, подхалимничаньем и девчонками: армии лишал всякого порыва («Я им покажу... сколько людей положили»). Вызвал Ник[олая] Ник[олаевича], и все вертел, что Брусилов плох. Николай Николаевич: „Ник[олай] Иудов[ич], если Брусилов так плох, удаляйте его хоть сейчас...“ Иванов выслушал, но... не сделал. Приехал Трепов и привез ему приказ Государя подать на покой «по болезни». Вероятно, это сделал Мих[аил] Вас[ильевич] (Алексеев), который хорошо знал Иудовича. „Человек, у которого кроме бороды, нет ничего русского“...»

Брусилов — человек настроения. Во время отступления бежал, и нельзя было остановить, впал в панику (Трусилов), только и было по телеграфу делов, что с ним (впечатление Павлова в конце октября в Хирове). Хотели офицеры Ген[ерального] штаба его арестовать и приволочить во фронт. Пролом весною 1916 г. не его мысль, это сделали 7-я и особенно 9-я армия, предоставленные совершенно своим силам. Брус[илов] ломил на Ковель, уложил гвардию; видя успех на юге, не поддержал его, продолжая долбить все туда же, пока не стали у него отбирать корпуса. «Даже ребенку было ясно, где главный удар... дай он туда два корпуса, и теперь мы были бы на Сапе; обход слева заставил бы немцев бросить и Львов, и Ковель и проч[ее]». «Человек настроения... один день вопит, что не может держаться, а на другой день: „Всеми силами перехожу в наступление; предо мною что? Ведь сволочь!“» Путного от Брусилова ничего не ждет и уверен, что он будет отчислен[1].

Алексеев — труженик, но в бытность главнокомандующим (февраль — август) он был главным лицом в наших отступлениях и сдаче городов и крепостей... «Одно я не понимаю и теперь... Как он мог обнажить Влад[имиро]-Волынское направление? Немцы и хлынули. Снял 13-ю армию, мы загинали-загинали, пока не сломались». Любит все в свои руки. «Я работаю так, как не нужно работать». Вступив, приказал телеграммы от всех армий в Ставку, но

[1] Абзац выделен на полях волнистой линией и надписью: «Брусилов».

испугался кипы бумаг и через 2 дня отказался... «Но кого вместо него? Его положение очень трудно. Сам — слаб, много влияний. Во всяком случае, он давно занимается этими делами, человек трудолюбивый и честный» (выпуска из акад[емии] 90-го г. вместе с Саввичем).

Сам Саввич очень обижен, что его «допустили к командованию XVIII корпусом»... Я волей Госуд[аря[Имп[ератора], командир XVI, и со мною надо было бы хоть немного поговорить. Оказывается, подноготная такая: Каледин написал Драгомирову дерзкое письмо, обвиняя его в недисциплинированности; тот обиделся и подал рапорт о переводе его в резерв «по неспособности». Приказали эти два слова заменить «по болезни» и приняли, обещая дать первый корпус. XVIII — не вышло, и сделали мену. Относительно сплетен, что Драгомиров интриговал против Радко-Дмитриева, сказал: «Неправда, я хорошо знаю... Радко (как и в Турецкой войне) хорош в моменты успеха, а при неудаче — ноль»... «Я видел Влад[имира] Драгом[ирова], когда приехал его сменить; он был похож на отца и близок к сумасшествию... пробыл два месяца на отдыхе и отошел. Тогда же он написал Янушкевичу свою мысль об отходе за Днепр, с нее его нельзя было сбить... Совсем был панический...»

Сильно осуждает присылку 8-й армии на чужие корпуса и переброс 9-й на чужие же... Лечицкий вне себя. «Разве можно производить такие эксперименты?»

Лечицкий: «Я знаю его 3½ года... кроме военной службы, нет никаких интересов. Никому не сделал зла. Въехал в его армию и вижу, что она особенная: видны на всем труд, мысль и дисциплина».

Посылку Зайончковского не одобряет, и крах его предвидел. Лучше бы Аб[рама] Драгомирова или Гурко...

После 16 часов бродил по горам, сорвал 2–3 розовых цветка (лепестки послал женушке), бросал или скатывал с горы камни и вообще отдыхал от дневных трудов... Вечер был тихий, прохладный и ласковый, запад отливал особенно мягкими розовыми тонами... Снизу следил за мною Игнат; он очень привык ко мне. Возвратился домой с наступлением темноты.

14 октября 1916 г., Бряза

Сегодня с утра выехал к штабу 256-го полка (в долине р[еки] Валеа Стыней), куда были собраны все ком[анди]ры полков с их адъютантами. Здесь были разобраны штатный, списочный и наличный состав полков дивизии, приняты меры к водворению и исключению, а также намечены «штаты». Это, мож[ет] быть, урегулирует сложный и важный вопрос. Обедали холодной закуской, снимались, болтали... Назад ехали в туман и дождь.

15 октября 1916 г., Бряза

Весь день погряз в бумаги. Выслушал сначала доклады, а потом чистил Авгиевы конюшни... В такие дни никакая философия не лезет в удрученную голову. Вечером приехал Потапов с 3 сестрами (Фухс — жена вице-губернатора, Маркевич-Пиотровская и Беличенко) 74-го передов[ого] отряда К[расного] К[реста] Московского жел[езно]дорож[ного] узла (попечительница — Людмила Ивановна Любимова). Отряд привилегированный; еще не было Смирновой — дочь ком[андую]щ[его] 2-й ар[мией] и Келеповской — дочь Харьк[овского] губер[натора]... Через пять минут заболтали без умолку, и я начал двух дразнить Искрицким. Отряд назначен в 103-ю дивизию, куда не хочет, а хочет к нам. Поднимаем об этом вопрос и приходим к общему соглашению. Сестры на войне страшно ценят внимание, особенно тогда, когда под его покровом не скрывается ни опасность оскорбления, ни посягательство на честь. Все на них смотрят, как на своих полевых жен, смотрят часто глазами дикарей, только без умыкания или набрасывания втихомолку; такова психика людей, ежедневно видящих смерть и дышащих запахом крови. Жертвуя всем и никогда не ручаясь за приход последнего дня их жизни, эти люди не могут ни понять, ни снизойти к «маленькой» и «малодушной» мысли уберегания чести женской или сохранения девственности, они готовы все отдать, они, над которыми завтра висит меч смерти: здоровье, семью, честь, жизнь.. (Шкуро говорит, что он сейчас готов жениться на Лид[ии] Никол[аевне] [Арефа]; донской офицер — потом убитый — обещал все, что мог...), и они не могут понять, как они — другие — могут отвлекаться разными пустяками...

И сестры понимают эту притязательность людей morituri[1] и согласны, что в ней много правды, но... те-то могут умереть и умирают, но они-то мало имеют шансов на это... На вопрос, готовы ли они умереть, большинство ответят словом «да»... И мечутся они между двумя скалами, из которых на одной написано «горе погибшей, которая будет жить», а на другой — «отдайтесь нам, которые завтра могут умереть»... Как охотно они пойдут на ласку, но чтобы она не переходила пределов, как убежденно и тепло говорят они, что они должны служить не одним раненым, но и тем, которых могут ранить... Но как? Они смущаются и отвечают: «Уютом, лаской»... и встречают со стороны morituri насмешки: «Скажите, мы все на карту, а они... наше боевое измученное сердце хотят питать леденцами».

Вечером разговариваем с Потаповым, и он продолжает свою песню об общей апатии: Каледин не питает никаких надежд (какой успех... нет начальников, знания); Покровский считал Добруджу авантюрой и говорит, [что] не стоит ее поправлять, сам Алек[сей] Степ[анович][2] убежден, что Бухареста не спасти. «Штюрмер уходит и цинично говорит, "что он хотел занять пост посла и только"». Относительно меня Санников сказал: «Довольно ему гастролировать». В Румынию (в 14-ю див[изию]) меня хотели послать для установления связи, но теперь все там перевернулось, и все заново. В Добрудже напирают: 1 герм[анская], 2 австр[ийских], 2 турец[ких] и 4 болг[арских] дивизии, т. е. 9. Зайончковского послали, как сильного дипломата, а теперь его упрекают, что он больше политикой занимался, чем войной. Сирелиуса убрали, и вместо него выехал Промитов [Промтов] (н[ачальник] 84-й[3] див[изии]). Прорвали, по его словам, 3-ю стрелковую, а не румын. Словом, послушать его, так голова кругом пойдет.

16 октября 1916 г., Бряза

Сегодня с утра с Петровым (подп[олковник] 254-го Ник[олаевского] п[олка]) урегулировали и рассмотрели

---

[1] Идущие на смерть (*лат.*).

[2] А. С. Потапов.

[3] Здесь у А. Е. Снесарева приведены неточные данные — Промтов был начальником 82-й дивизии, как и написано в дневнике далее.

списки дивизии, и в этом отношении будет отдан общий приказ... Работа прекрасная и спасает более 2 т[ысяч] человек, а с перекопцами более 6 000. Представлялся новый командир 254-го полка Криштофенко, 63 лет (полков[ник] 10 лет), бывш[ий] одесский уездный воин[ский] начальник. Прошлое его очень сомнительно в этическом отношении, но говорят, что в свое время был лучший уездный начальник в России. Побеседовал с ним и сказал, что главное: 1) надо влить ник[олаев]цам больше активности и наступательного духа и 2) приучить к правдивости и точности языка. Охотно обещает, просит разрешения приезжать для испраш[ивания] указаний и т. п. Первое впечатление плохое: старая пожившая пройда[1].

Пред обедом гулял по горам, любовался далями и читал «Тучки небесные»...

Забыл, утром был в здешней церкви: старой, темной и убогой. Старик священник служил на малороссийском языке (православный), полицейские пели простыми напевами. Все производит скорбное впечатление. Как жалки и убоги эти уцелевшие в Карпатах очаги православия! Сколько в них упорной грусти, больного цепляния за старину и язык. Я получил просфору, и она — маленькая и плоская — дополнила общую грустную картину. В церкви была 3 женщины, сторож — обезноженный солдат, босоногий мальчик, помогавший батюшке в алтаре и какой-то юродивый. Он начал толкаться возле меня и бить поклоны, целуя пол, но его увели за баб и втиснули в угол... Он послушно пошел и еще усерднее стал бить поклоны на маленькой, отведенной ему площадке...

После обеда смотрел приспособление к бомбомету, придуманное офицером Перекопского полка. Вместо фитиля вделывается задняя часть австр[ийской] винтовки, ударник разбивает капсуль патрона, и огнем воспламеняется заряд, а там то же самое. Не нужно фитиля, зажигания спичек... Произведено три выстрела, удачно... Буду благодарить, по получении чертежа... Приехал Ленский, уполномоч[енный] 74-го пер[едового] отр[яда], и мы договорились, как нам сообща действовать...

---

[1] Пронырливый, ловкий в делах человек.

17 октября 1916 г., Бряза

Вчера гулял вечером по горам и вспоминал далекие дни... Я думал, например, что Над[еж]ды Мих[айлов]ны давно нет на белом свете, сгнило ее тело и остался только костяк, а я, живущий на Бел[ом] Свете, — еще переживаю сладкие и томительные минуты обучения ее когда-то алгебре, и ее молодой и задорный образ, с руками, оголенными до локтей и с чувством власти в смеющихся глазах стоит предо мною, как живой и будит старые, тревожные чувства... Я вспомнил и другие моменты — сладкие и смешные, и даже гадкие, — они живут во мне и будят старое настроение, а где другие, которые или при которых это было? Их нет, они далече. Читал «Тучки...» и думал над строкой: «Или друзей клевета ядовитая...» Вечером читал Тэна «Письма об Италии», — как это талантливо, стильно и интересно... Такие вещи интересно читать и на войне: они и не скучны, и не пусты, и возьмут душу красивостью и спокойствием своего благородного тона.

18 октября 1916 г., Бряза

Сегодня в 8½ часов выехал на левый фланг 253-го (Пер[екопского]) полка, куда противник думал повести атаку. Сначала ехал в тумане, потом возле центральной тел[ефонной] станции — солнце стало пробиваться сквозь туман, давая и теплоту, но вновь туман окутал нас минут на 5, чтобы окончательно исчезнуть. Когда я поехал дальше, вершины гор были в лучах солнца, а ниже стелились молочные тучи... плотной ровной поверхностью. Там, внизу, их видели наверху и сквозь них не видали солнца, а мы здесь смотрели на них сверху, озаренные лучами солнца. Это была красивая картина, но если бы ее нарисовать, все ли поверили бы этому. Это была хорошая награда нам, путешествующим по позициям.

Мимоходом завернул на наблюд[ательный] пункт (свой, 1477), откуда были видны все горы и молоко ниже. Здесь мне строят «наблюдатель». Оттуда поехал до командира полка, с которым прошли в окопы уже пешком. Пройдя мимо 9-й раз[ведывательной] роты, зашел в окопы 12-й, откуда хорошо видны: 1318, наш язык, часть 1473, 1527,

1307 и т. п. Осмотревши все, пошли в окопы 11-й по ходам сообщения, бывшим кое-где по пояс. За нами пришел только Савлаев, остальные пробрались обходом (бат[альонный] команд[ир], 2 артил[лериста] и еще кто-то). Из-за камня осмотрели тут, а затем пошел на правый фланг, чтобы посмотреть стык с 10-й ротой... В одном месте просматривался руч[ей] Афиничелуй, и мы здесь остановились больше, чем нужно. Он [противник] заметил и пошел за нами; мы наутек, он сначала вверх, затем оземь — впереди, потом сзади. Мне пришлось все успокаивать рот[ного] ком[андира] 11-й роты, который после контузии слишком ежился и кланялся близким выстрелам... День вышел более опасен, чем думалось... Пообедали у ком[анди]ра полка на воздухе, при дивном осеннем умирающем дне... В 2 ч[аса] 30 м[инут] на лошадей и... старая канитель по тяжкой дороге с тою разницей, что день был прохладно-ясный и милый, с легким ветром и с дивной панорамой гор и холмов, которая ласкала утомленный дневной работою глаз...

Вечером получил четыре карточки, когда 14 октября мы снялись в долине Валеа Стыней у халупы командира 6-го полка. Групповые сняты снизу (командиры полков, адъютанты, подп[олковник] Петров (4-го), Сергей Ив[анович] и я), я один — сверху и я на лошади, с Савлаевам и еще казаком позади...

19 октября 1916 г., Бряза

С утра погода божественная (уже в 8 час[ов] туман рассеялся), и ожидаю атаки. По телефону получаю некот[орое] подтверждение: 1) работы противника по всему фронту прекращены; 2) по ту сторону Зол[отой] Быстрицы видны 50 костров (новых); 3) заметно оживление и разговоры. Проверяю наблюдательные пункты: на 1527 не три бат[альонных] командира (два мортирные и 1–3 горной), как обещано командиром дивизиона (пол[ковник] Ник[олай] Димитр[иевич] Невадовский) «с рассветом», а два (9 часов) — ком[андира] 3-й морт[ирной] бат[ареи] нет, и на мысу 1-го бат[альона] 3-го полка нет артилл[ерийского] наблюдателя, причем мне говорят, что один фейерверкер ранен пулей, пошел второй, а ком[андир]

батальона говорит, что днем пройти нельзя. Вижу, что что-то не так, почему приказываю нач[альни]ку штаба передать полковнику Нев[адовс]кому, что у него непорядок, что не выполнено то, что мне вчера обещано, и что я сам пойду на мыс. Приход, и последовала сцена со слезами: «У меня храбрые, я ни от кого еще не получал, и уж если идти, то я сначала пойду... что не три — конечно, непорядок». Показывает бумажку, что, мол, приказал. Я: «Бумажку спрячьте, она меня не интересует, как и те другие пути, которые Вы выберете для исполнения приказания... Вы мне вчера сказали определенно, и я сегодня этого не вижу (а если бы вышло нападение!) и ставлю это Вам на вид». На мыс не пошли, и мне приводят слова, намекающие на малодушие, и я говорю, что пойду сам... «Считаю это правильнее всяких ругательств...» В конце концов, настало успокоение... и по-хорошему. Фактически по проверке: 1) до 10 час[ов] так и были только 2 батарейных на наблюд[ательном] п[ункте] 1527 и 2) офиц[ер]-арт[илллерист] (Кудряшев) пришел в окопы мыса и расположился там только в 10 часов.

В 11 часов выхожу в горы... День пасмурный и роскошный, почти до 13 [часов] хожу, пою, бросаю камни и предаюсь думам. В 13 час[ов] сажусь за работу. Вчера узнал, что вместо Саввича, назначенного заведующим снабжением Север[ного] фронта, назначен Зайончковский... что-то он даст нового. Сегодня же узнал, что к моей дивизии прикомандировывается майор Кнокс [Нокс], британ[ский] в[оенный] агент...

Во время обеда у нас Вас[илий] Фадеевич Кирей, 2 артилл[ериста] тяжелой артиллерии... В[асилий] Ф[аддеевич] рассказывает, как провалились он, Черемисов и т. д., как Лечицкий встретил гр[афа] Баранцова после его замеч[ательного] успеха. Но наиболее интересное в его рассказе было про полковника Попова, 32-й арт[иллерийской] бригады (трус, сладострастник в низ[менном] смысле слова, жестокий); он сумел обойти корп[усного] командира Сахарова, с которым играл в винт. Он всегда жил глубже штаба дивизии, в халупе, на связь с которой своей батареи, а затем и батарей, он применял все ресурсы. Он устроил так, что все вопросы на батарею передавались ему, его связывали, и он

отвечал, как бы с батареи. «Как у вас на фронте?» «Так и так». «По чем батарея стреляет и какие результаты?» «Сейчас (для шику) посмотрю»... и ответ по обстановке.

Его батарея стреляла, он в халупе, а на наблюдател[ьном] пункте мол[одой] офицер... пункт уже окружили, но он стрелял до последнего и спас батарею и полк. Ком[анди]р 43-го Охот[ского] полка дал ему свидетельство. Полк[овник] Попов, получив его, заявил, что он ком[андир] батареи, он ею командовал и просит свидетельство переписать, вставив нужные изменения. Тот — спроста ли, с малодушия или по подлости, изменил. Попов послал... и получил Георгия. Гр[аф] Баранцов взял его в переделку, заставлял идти на набл[юдательный] пункт, чтобы он этим, хотя бы задним числом, оправдал больш[ую] награду... В Черновцах был найден с проломом головы чем-то тяжелым; догадываются, что свои: был жесток ужасно, порол со вкусом и с прибаутками... Трусы часто жестоки и суровы (Сер[гей] Ив[анович] Ивашина, Мельников...)[1].

20 октября 1916 г., Бряза

Вчера вечером мне было донесено, что около 15 часов противник открыл страшный огонь по мысу (Орлин[ому] гнезду) и перемычке, что разрушены блиндажи и окопы, 2 чел[овека] убито, 15 ранено и 2 сошли с ума. Последняя данная, намекающая на ужас явления и на возможную панику в связи с утренними перипетиями, заставила меня сегодня ехать на мыс. Встал в 6 час[ов], выехал с Серг[еем] Иванов[ичем] в 7 ч[асов] 15 минут. Утро роскошное, и Сер[гей] Ив[анович] не раз приходил в восторг, отвыкнув уже от этих прелестей. Ехали с моим флагом, очень торжественно, всюду наблюдаемые врагом, если бы только он не спал. У штаба 3-го полка (253-й Пер[екопский] — 3-й, 254-й Ник[олаевский] — 4-й, 255-й Акк[ерманский] — 5-й и 256-й Елиз[аветградский] — 6-й) и пошли к 1527, а оттуда в 15-ю роту (где были с графом Ромеи) и по скверному ходу сообщения в 16-ю. В средине ее вышел мне навстречу

[1] Абзац выделен на полях волнистой линией и надписью: «Украденный Георгий».

тезка (Андр[ей] Агапитович Гавриленко), и вновь пошли по ходам, во многих местах мелким. Латий доложил мне, что появились на его фронте германцы, и что Тименко ранен... наградил его Геор[гиевской] медалью 4-й степени.

Из 16-й роты прошел на «Орл[иное] гнездо» и пошел по окопам 1-й, 3-й и 4-й рот. В первой пробовали попасть из пулемета... В 3-й застал трех артиллеристов, когда проходил 4-ю роту около 12 — 1 ч[аса], то ружейная стрельба (до того момента спали) началась со всех сторон. Напились чаю у тезки, а потом стали сниматься; он начал бить артиллерией по перешейку... Мы снимались под свист пуль и эти удары, могущие нас отрезать... Потом пошли назад, но нижним ходом, перебегая открытые пространства и слыша непрерывную по этому месту стрельбу... У Серг[ея] Ивановича на вершине чуть не отбило погон. Когда прошли ручей, он открыл вслед за нами арт[иллерийский] огонь двойными снарядами; фотографа камнем от шрапнели ударило в ногу: было больше испуга — с его, и смеха — с нашей стороны, чем боли и опасности. Поднялись мимо 11-й роты и к 2 часам прибыли к штабу полка, где обедали и снимались.

Домой прибыли в 5 час[ов], и тут меня ждала посылка с большим письмом. Снимаем грязные боевые доспехи, читаю письмо, а Игнат ковыряется в посылках... Арбуз один сгнил, а другой будем пробовать, груши — роскошь. Устал, надышался воздухом и в 9½ спал мертвым сном.

Цель достигнута: люди приободрены, тезка уверился в своих планах и выслушал кое-что новое. Дадим консервы, проведем 3 телеф[онные] линии, вкопаемся и заживем припеваючи. Пишу женке письмо, думая, что Боровский (Федор Никол[аевич]) выйдет завтра в 8 часов, но не кончаю, узнав, что он выйдет после обеда или даже вечером... тем лучше.

21 октября 1916 г., Бряза

Целый день пишу письмо женушке, влагаю фотографии и другие данные, которые могут ее заинтересовать. Картинки на Орлин[ом] гнезде вышли не особенно, может быть, потому, что скверная бумага.

За обедом был здешний батюшка, умный, но политиканствующий человек. Село под его сильным влиянием:

«У нас дисциплина страшная; что я сказал, то свято». После обеда уезжал Потап[ов] (Алек[сей] Степ[анович]), мы тепло с ним расцеловались, и он, благодаря за ласку, несколько раз повторял: «Помни, я у тебя в долгу». Он странный и больной человек: как бы он не отплатил тем, чего и не ожидаешь. Приказ о посещении Орл[иного] гнезда вышел очень обстоятельный, хотя намечался только патетическим.

Прибегала до обеда здешняя чайная сестра и просила помощи: из двух санитаров один отрубил себе палец, и она выбилась из сил... Поможем. Так же брошена, как и другие (Союза городов); нет ни плана, ни разума, около окопов — как-нибудь, а глубже, где высокое начальство и корреспонденты, там больше порядку и усердия.

22 октября 1916 г., Бряза

Вчера прибыл Всеволожский (прежн[ий] ком[анди]р 255-го, теперь стрелк[ового] Царско-Сельского), и мы много болтаем (вегетарианец, барин, однолюб, хозяйств[енный], небрежен... красивый).

Он приводит пример Кареева, быв[шего] ком[андира] 6-го Финл[яндского] стр[елкового] полка, из которого он сделал роскошную машину. Надеясь на его мирные выдающ[иеся] качества, не в пример прочим назначили его нач[альником] див[изии] — вновь созданной 1-й пех[отной] дивизии, и он ее половину уложил, половину сдал в плен: трусость, бардак, растерянность, глупое упорство... Теперь где-то в резерве, ни одной статут[ной] награды... Образчик противоречия между мирн[ым] и военным (умным и храбрым — войска, энергичным и распорядительным — обозы)... Кареев не умен, не храбр, но энерг[ичен] и распорядителен... надо бы обозы, а дали войска...

Невадовский (Ник[олай] Димит[риевич]) приводит [пример], как команд[ир] батареи собирается стрелять по блиндиров[анному] автомобилю[1], а ком[андир] дивизиона спрашивает, в каком квадрате и требует к телефону. Отделывается: «В пятом». Опять зовет: «Вы неверно мне доложили»[2].

---

[1] Автомобиль, защищенный от огня противника; первоначально защита состояла из бревен и мешков с песком, позже появилась броня, и блиндированные автомобили были вытеснены бронированными.

[2] Этот и предыдущий абзацы выделены на полях волнистой линией и значками NB.

За обедом играл оркестр 6-го полка, и мы много философствовали с гостем... Он типичен в смысле воздержания, и я его поддел на том, что он курит... выворачивался всячески. Я говорил: «Моя теория жизни — освобождение души и тела от ненужных, особенно искусственных, привязанностей и страстей... вдали, как крайность принципа, нирвана... вот почему я против курения». «Вы не пробовали и поэтому...» Рассказал случай на Дону... Говорил о другой теории: максимальное и длительное использование жизни с точки зрения наслаждения (эпикуреизм); с этой — курение, как лишнее наслаждение, благо...

После обеда они все уехали на автомобиле (гость, Сер[гей] Ив[анович], Ник[олай] Алек[с?] и адъют[ант] 5-го полка), а я сел читать и слушал музыку... Кое-когда открывал окно и благодарил ребят... Солнце заливало потоком света мою комнату, и я после сегодняшней бани чувствовал себя чисто и уютно...

Вечером гулял по горам, фантазировал и почему-то вспоминал старинный романс «Под вечер осени ненастной...»[1]. Он избит, потому что надоедливо повторялась форма (как La donna è mobile[2]), но мысль и образы сильны по-старому... «Ты спишь, дитя, мое мученье, не зная горестей моих...»

Из докладов узнал, что людям выдается по 1/5 фунта мяса: «Мяса нет, а консервы дать боятся, а у нас нет»... Неразбериха. Приказал: 1) восполнять недостачу консервами; 2) иметь в обоз[е] II-го разряда две дачи, а в дивиз[ии] еще две дачи, т. е. по две коробки на человека или в общей сумме не меньше 46 т[ысяч] коробок.

23 октября 1916 г., Бряза

Сегодня встал рано, в ясный утренний день, что-то думал делать и... вдруг все расстроилось.

В полчаса восьмого противник открыл сильную артилл[ерийскую] стрельбу на фронте 4-го и 3-го, главн[ым] обра-

[1] Романс на стихи А. С. Пушкина.

[2] La donna è mobile — дословно «женщина непостоянна» (*итал.*), в известном русском переводе — «Сердце красавиц склонно к измене» — ария герцога Мантуанского из оперы Джузеппе Верди «Риголетто» (1851).

зом 3-го. Донесение — из полка и артиллерии — говорило, что началась несомненная подготовка (артилл[ерийская]) к атаке. Думал сначала высидеть дома, надеясь на ошибку предположения, но огонь не прекращался, гудя непрерывно, т. е. не меньше одного выстрела в секунду. Лошади были заседланы с первого же момента. Не вытерпел и, сказав по телефону ком[анди]ру 3-го полка: «Еду к вам... пойдем вместе в атаку», сел и со значком на рысях полетел в «район атакуемого полка». В центральной станции было без перемен, т. е. огонь не ослабевал. Рапорт старшего: «На цент[ральной] станции все телеф[оны] связи целы...» Поехал далее. Приехал к штабу 3-го полка, где застал Вас[илия] Вас[ильевича]. Узнал, что до 10 ¾ час[а] был страшный артилл[ерийский] огонь, после которого [был огонь] на фронте 4-го и 3-го полков — против двух правых рот (13-й и 14-й) правофлангового батальона и против 1-го, занимавшего «Орлиное гнездо». Атака была отбита: на фронте 4-го полка артиллерией, на 13-й и 14-й ротах — огнем их и 1-й и 16-й рот; на Орл[ином] гнезде, по-видимому, место стыка 4-й и 3-й рот было прорвано (или пришлось бросить заваленные телами, землей и деревьями первый и второй окопы), и люди отошли на 3-ю линию. Я взял князя (Мещерский, Ник[олай] Павлович) и отправился на набл[юдательный] пункт 4-го батальона...[1]

{Чтобы не забыть: в 5-м полку нет пленных более двух недель, и вообще полк не воюет 2 мес[яца]... Это опасно: полк засыреет, отылится! Ком[андир] полка не понимает, что можно и находясь в окопах в 500 шаг[ах] от противника, быть в тылу, раз нет хождения перед смертью... Только оно освежает часть или человека, оно держит его в постоянной боевой тренировке...}; идем закрытые, но пули плачут непрестанно... Я насчитал до 7; они залетные, но их много, и они говорят о напряженности боя; артиллерия гудит, усиливая свое напряжение к 12 часам особенно. Готовилась, как стало потом ясно, вторая атака.

Мимоходом мы зашли на артилл[ерийский] наблюдат[ельный] пункт, откуда хорошо видно «Орл[иное] гне-

[1] Далее на полях синим карандашом написано: «Огнев[ая] тактика» и NB.

здо». Артилл[ери]сты, по обыкновению, очень осторожны и прячутся за бруствер, глядя в свои рогульки. Правда, вокруг них много воронок, а особенно одна огромная. Один из артил[леристов] (Урядов) мне доложил, что наши отступили на 200 шагов, бросив первые две линии. Мне устраиваются рогульки и наводятся так, чтобы я убедился в этом. По обыкн[овению], ничего не вижу (видят ли они сами, никогда не мог убедиться), почему приставляю свой бинокль и через бруствер рассматриваю, что видно, пока не удовлетворяю свое любопытство. Даю некот[орые] указания артиллерии, вижу идущего мимо Вас[илия] Васил[ьевича] и с ним направляюсь далее в 4-й бат[альон].

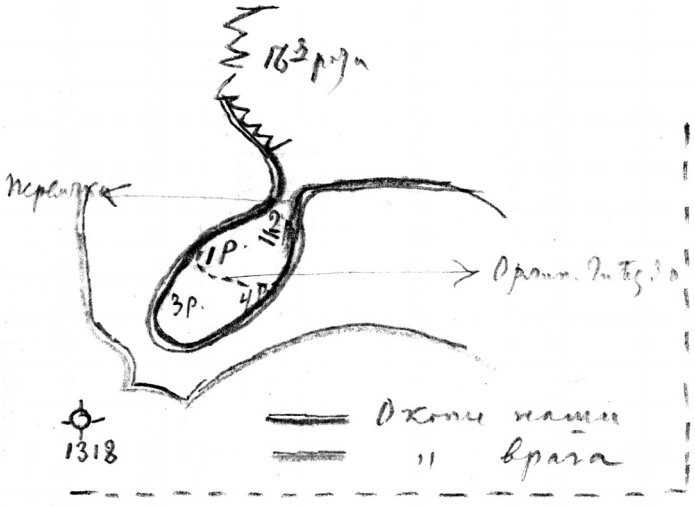
Подходим, встречает кап[итан] Латий (Влад[имир] Георг[иевич]) и рапортует. Здороваюсь с людьми и иду на набл[юдательный] пункт, где был с итал[ьянским] генералом. Осматриваю местность, все здесь спокойно, вижу только две группы австрийцев, которые еще не отползли и застряли впереди своих проволок (5 и 2). Огонь артил[лерии] бьет левее и правее (немного назад). Говорю и здороваюсь с людьми, благодарю за боевую работу: они уже спокойны, хотя еще заметна приподнятость. Ком[андир] роты прап[орщик] Токарев контужен и заикается, его заменил другой, Токарева уговариваем идти в околодок отдохнуть. Он все пробует мне доложить, оставаясь под властью долга, но уже лишенный возможности его свободно выполнить. Он представляет — высокий красивый мужчина, когда-то объяснявший нам с графом Лонген так бодро и весело, — теперь больное существо с косым лицом, нервный и беспокойный.

Скоро вокруг меня начинают шептаться... оказывается, за меня боятся (может быть, и за себя), но не решаются мне доложить... Догадываюсь, и уходим. Артиллерия гудит, не умолкая. Идем к штабу 4-го бат[альона], где вместе с рез[ервными] ротами мы укрыты высокими скалами. Хотя пули свистят с нескольких сторон, снаряды рвутся влево и над нашими головами.

Около часу новая атака, но несколько суженная (на 254 нет ее); на 13-м? и 14-м? рот[ных] фронтах она отбита огнем этих рот и первой плюс пулеметами 16-й роты... В этой второй атаке ярко выясняется роль Орл[иного] гнезда, как

утеса, разбивающего общую волну атаки. На мысу, по-видимому, австрийцы заняли еще 2-ю линию, соверш[енно] разбитую...

С часу начинается еще более суженная подготовка артил[лерийской] стрельбы: по Орлин[ому] гнезду, перемычке и 16-й роте. Сосредоточенная на таком малом участке, эта стрельба была ужасна: деревья повалены, окопы и блиндажи погибли и завалены, все кухонные котлы (кроме одного) разбиты, три телеф[онные] станции разбиты... стоял ад. Около 15 часов повелась атака с конца мыса в направлении на сев[еро]-восток и в обхват 1-й роты.



4-я рота была смята, и австрийцы продвинулись почти до штаба бат[альона]... все части висели в куче недалеко от перемычки; в то же время другие — ворвались в окопы 1-й роты... все срывалось. В этот момент Спеваков с Воробьевым бросаются с полуротой 2-й роты в район 4-й, гонят австрийц[ев], гибнут в штыковой схватке, но задерживаются у высоты; другая полурота бросается в район первой роты, отбирает назад пулемет, сбрасывает австрийцев вниз и, поставив пулемет на скалу, преследует австрийцев... Удерживаются по линии пунктира. Одновременно же

с этим, прап[орщик] Чебаненко с двумя взв[одами] 1-й роты, выбросившись на 1 т[ысячу] шагов вперед, в заставе, отбивается от систематических обходов и атак, укладывая груды противника огнем...

К началу сумерек огонь артиллерии прекращается, и австрийцы выматываются... Положение остается на пунктире, 1-я рота (с заставой) удерживает свое положение. Кое-когда я или Вас[илий] Вас[ильевич] говорим с коменд[антом] Орл[иного] гнезда, справляясь о положении дел и давая указания... Вот образчик диалога: ком[андующий][1] полком: «Ну, как у тебя, Андрей, дело?» Комендант: «Да ничего, настоящий иллюзион...» и далее что-то, что мне не говорится. Ком[андующий]: «Ну, смотри же там, держись...» В сумерки идем в штаб полка, где ужинаем, и я ложусь спать, а Вас[илий] Вас[ильевич] идет устраивать основную линию на случай потери Орл[иного] гнезда. 8-я рота еще перед сумерками послана на Орл[иное] гнездо, и я, провожая, говорю ей (у штаба бат[альона]) напутственное слово.

Около обеда мы подслушиваем разговор тезки с уцелевшим командиром 1-й роты (около 19 часов): «Благодарю Вас за конфеты». Комендант: «Ну ладно, ладно, Борис... Как у вас там дело, разведку ведете?» Бор[ис]: «Веду, послал». Ком[ендант]: «Ну, то-то же... Будет что, пишите или говорите...» Кто из них кого успокаивал? Кто-то успокаивал: из 11 офицеров 3 убито и 5 раненых, оставалось всего 3–4...[2]

В[асилий] В[асильевич] начинает ряд хоз[яйственных] и админ[истративных] вопросов: кормежка людей, вынос раненых, направление 8-й роты, посылка пор[учика] Киселя (для 6-й роты и замаскированный помощник на случай убыли тезки), посылка офицеров и распределение их по ротам (все перебиты), посылка укрепительного материала и т. д... Т. е. все то, о чем ни штабы, ни вообще военные ничего почти не знают.

Несколько раз мы пробуем настроить тезку на атаку, он говорит, что думает, и готовится... Сначала ночью, потом на заре... Он нам даже доносит о двух попытках: ночью (якобы

[1] В. В. Лихачев был не командиром, а именно временно командующим полком.

[2] Далее на полях синим карандашом волнистая линия и NB.

встретили и разошлись) и о такой же на заре... Едва ли они были. Он также от нас отталкивается, как мы от штабов: все было потрясено и разбито, впору привести в порядок и успокоить. Он сам еле отвечает по телефону, а о людях говорит, что они стали спокойнее, но очень устали.

Забыл сказать, что еще из дому я приказал послать на поддержку 6-ю роту, но ½ ее прорвалась, а другая застряла на перешейке в заградительном огне. Первая была брошена против второй атаки и вся погибла.

Потери: из 11 офицеров 1-го батальона

Убиты: к[оманди]р 2-й роты Спиваков[1] (Андрей Иванов[ич]), (когда-то ходивший на батарею... Все равно, какой крест — такой ли или деревянный), мл[адший] офиц[ер] 2-й роты Воробьев Димитр[ий] Филиппов[ич] (артист) и мл[адший] офиц[ер] 4-й р[оты] Васильев... прапорщики.

Ранены: ком[андир] 4-й роты пр[апорщик] Любивый, ком[андир] 3-й р[оты] Андреев (тяжело) и ком[андир] 1-й роты Артюхов (Борис), пулеметчик Лукин и мл[адший] оф[ицер] 4-й р[оты] — Рихтер (в плену)... Кроме того, ранены: м[ладший] о[фицер] 16-й р[оты] Шаевский, к[омандир] 6-й р[оты] Петров II, к[оманди]р 9-й р[оты] — пор[учик] Реутов и м[ладший] о[фицер] 6-й роты Козачков.

Потери в людях

1 батал[ьон]:
Убитых..... 86
Раненых..... 163
Без вести 44
[ИТОГО]: 293

2-й батал[ьон]:
Убит[ых] 10
Ранен[ых] 64
Без вести 15
[ИТОГО]: 89

К 12 час[ам] 24 октября
Офиц. ран[ено] 7

Ниж. чинов чрез[?]
околодок..... 236
Погребено..... 72
[Итого]..... 308

См. приложение I
Доклад
подп[оручика]
Кудряшева

[1] У Снесарева над фамилией Спеваков, написанной через «ять», стоит сверху буква «и».

4-й батал[ьон]:
Убит[ых] 25
Раненых..... 18
Без вести 3
[ИТОГО]: 46
Σ= 428

21 октября на Орл[ином] гнез[де] мы снимались: я, С[ергей] Ив[анович], тезка, В[асилий] В[асильевич], Спеваков, Артюхов, Воробьев, еще один (ран[ен]) и Химик (жив)... А сегодня 2 уже нет и 2 ранены. Около 10 час[ов] под буркой я начинаю засыпать... Около 12 [часов] В[асилий] В[асильевич] приходит и беседуем... затем вновь сон...

24 октября 1916 г., до 11 часов в штабе 3-го полка, после Бряза

Проснулся около 7 часов, узнал, что ночью была одна попытка, а перед рассветом — другая; в обоих случаях произошла встречная заминка... и расходились. Из штаба корпуса и вчера вечером, и сегодня все настаивали на контратаке... люди вне крови ходящие думают только исполнительно. Я несколько раз заговаривал с тезкой; он все «обдумывал и готовился»... На фронте дивизии было спокойно. Наконец он остановился на моей мысли, предложенной ему вчера: «В 13 часов по сверенным часам броситься всем близким к противнику фронтом на „ура", а артиллерии в тот же момент забить по 1318, а затем идти впереди пехоты заградительным огнем».

Узнав это решение, я его одобрил, сел на лошадь и поехал к себе. При подъезде узнал, что атака удалась и выполнилась так, как намечали[1].

Результаты: положение восстановлено, взят ком[анди]р 42-й бат[ареи] (лучший в 6-й горн[ой] бригаде), 2 офиц[ера] и 167 н[ижних] чин[ов] (плюс 18 раненых), трупов более 300... Кроме того, 2 пул[емета], 3 бомбом[ета], 2 миномета, более 600 ружей и т. п. Два раза попали в Сведе-

[1] Далее на полях красным карандашом написано: «Трофеи».

ния из Ставки, благодарил ком[андую]щий 8-й арм[ией][1] (суховато) и главн[окомандующий] Ю[го]-З[ападным] фронтом[2] (очень тепло). Словом, дело вышло очень удачное, но не знай об атаке, не поработай и не подготовь всего, позиция была бы, пожалуй, и прорвана. Узнал, что здесь нервничали и уже поднимали вопрос, куда отходить... особенно, когда я остался ночевать, а с другой стороны, мой приход вчера на позицию, переданный В[асилием] В[асильевиче]м тезке, совершенно его успокоил и ободрил. Серг[ей] Ив[анович] говорит: «Вы командовали полком, а В[асилий] В[асильевич] был батальонным». Я: «Старался не мешаться и разве только кое-где пополнить». Он: «Да, как мамка, учащая ходить: где идет, смотрит, а начинает падать, поддержит».

Провожали Всеволож[ского] (Димит[рий] Серг[еевич]). Говорил я, говорил он по моему адресу: узнал, что такое духовная власть... приказать не генеральским приказом, а желанием... начальника, уважаемого. За обедом много разговоров. Дим[итрий] Сергеев[ич] рассказал о двух случаях влияния религии: 1) Босяки, которых он готовил для охраны жел[езной] дороги в Вост[очной] Сибири и 2) как у него в роте напился, как он показал ему проповедь (дело было в Велик[ую] Пятницу) и как тот зарыдал... перестал пить. Дим[итрий] Серг[еевич] готов остаться у меня в качестве бриг[адного] ком[анди]ра. Завтра надо ехать в штаб корпуса.

25 октября 1916 г., Бряза

Были с Серг[еем] Иван[овичем] в Селетине (шт[аб] корпуса), спектакль совещания об атаке. Был Ваденшерна и Гнида, последний — апоплексический старик, который завтра может лопнуть. Граф Камен[ский] (Серг[ей] Ник[олаевич]) поговорил (после обеда, на котором я был предметом внимания), мы ответили и больше ничего. Мне сменяют два полка, дадут всего 6 легк[их] бат[арейных], 4 мортир[ных] и 20 тяжелых орудий, и я должен буду

[1] А. М. Каледин.

[2] А. А. Брусилов.

взять Кирлибабу. Оттуда я проехал в Сипитуль[?] — в обоз 2-го разряда, а потом на хлебопекарню (№ 133); лошади худоваты, остальное — в порядке, второе — очень интересно, но осмотрел очень бегло. Домой приехали замерзшие. Получил 15 Геор[гиевских медалей] 4-й степ[ени] и пять — 3-й степ[ени]. Завтра пойду раздавать.

26 октября 1916 г., Бряза

Прибавив своих 10 Георг[иевских] медалей, в 7 час[ов] выехал с Серг[еем] Иван[овичем] на «Орлиное гнездо». Прошли низом мимо 11-й роты. Здоровался, благодарил, а офицеров, больше отличившихся, целовал (как и В[асилий] В[асильевич]). Осмотрел бой: трупы, уничтоженный почти лес, вырытый за ночь в камнях окоп с гармоникой-проволокой впереди... Это было интересно и внушительно. Мне был поднесен стакан 8-дюйм[овый], перевитый проволокой, украшенный ножами, с подвешенными часами. Бледный и взволнованный В[асилий] В[асильевич], поднося мне подарок, прочитал: «Нашему лихому боевому орлу, генералу Снесареву, вовремя прилетевшему к своему „Орлиному гнезду“ и защищавшему его с беззаветной храбростью и доблестью от нападения злых хищников австро-германцев 23 и 24 октября 1916 года.

Благодарные и крепко любящие его Перекопцы 26 октября 1916 г.

„Орлиное гнездо“».

Я был страшно растроган, расцеловал подносителей (В[асилий] В[асильевич], тезка, Борис). Есть Георгий сверху, а это был мой Георгий, поднесенный снизу... пусть заслужат и дождутся другие.

Много интересных и трогательных эпизодов было в этой гигантской борьбе: 1) пленный офицер говорит, что выступ они называют «пальцем, указывающим на Вену», что они потеряли в день атаки много, т. к. русские были сильно укреплены, но еще больше во время нашей контратаки, т. к. она была неожиданна и наши солдаты были озлоблены... 2) один солдат был 2 раза ранен и, несмотря на совет офицера уйти, остался, но, будучи не в силах стрелять, бросал

с бруствера лежа бомбы, пока не был убит; 3) пр[апорщик] Воробьев выпустил все патроны из револьвера и умер... с пальцем, нажимающим на спуск; 4) прап[орщик] Спиваков, попав в кучу, работал прикладом и штыком... Он же вначале подгонял отставших палкой... Мальчикам и девочке солдаты собрали ранцы, медали, трубу, по сигналу которой началась атака.

Ходить вокруг «Орл[иного] гнезда» приходилось всегда с опаской: всюду открыто, не только фланговый, но даже тыльный огонь... Только счастливцы могут позволить себе такую роскошь. Кругом ямы и стаканы...

Пришел на набл[юдательный] пункт 4-го бат[альона], куда собрались и артиллеристы; здесь мы рассмотрели на местности предстоящую нам задачу, и я дал артиллеристам задачу. Тут же нас обстреляли (очень близко и точно), и мы ушли к штабу 4-го бат[альо]на, где докончили наше обсуждение. Потом пошли к В[асилию] В[асильевичу] обедать, а оттуда поехали к себе домой.

На «Орл[ином] гн[езде]» я роздал кресты и медали, говорил каждому «спасибо» и давал наставление, а кругом на склоне гор стояли ребята и слушали... противник стрелял несколько спереди и сбоку[1]. После раздачи снялись и потом завтракали у тезки.

1) Наградил добровольца (мальчик 16 лет — № 702636 — Николай Шарик); на вопрос, что он делал, он отвечал, что «по голове подгонял пленных»; очевидно, ребенку было жаль смотреть, как их прикалывают, и он торопил их в тыл. «А заколол кого-либо?» «Двух»... Дал Георг[иевскую] медаль; 2) солдаты рассвирепели и кололи даже невооруженных. Такие старались проскочить между рядом идущими, и кто успевал, оставался жив; 3) часто шли сдаваться в плен, но рука судорожно удерживала винтовку, или ошалевшая голова забывала подсказать бросить винтовку; в результате таких или прикалывали, или пристреливали... часто во имя самозащиты...

[1] Далее на полях синим карандашом волнистая линия и значки NB.

27 октября 1916 г., Бряза

Сегодня хоронили Андрея Ивановича Спивакова и Димитрия Филипповича Воробьева; была обедня, а потом панихида. В некот[орые] моменты не мог не плакать; даже как-то и не сдерживаешь себя, потому что после слез становится легче. Особенно жалко Спивакова, которого я заметил с 8 сентября, говорил, ободрял, и фраза которого «ну какой там придется — георгиевский или деревянный» — никогда не забывалась мною... он предвидел — обрел деревянный. Батюшка 3-го полка сказал слово: спокойное, слово религиозное на тему «Больше же сия любви...» и другие; слова, которые больше успокаивали, чем печалили; для него, верующего человека, в этой смерти нет ничего ни удивительного, ни страшного: они обрели венец и больше ничего— ясно, просто и трогательно. Служили три священника: [отец] Аркадий, 3-го и местный; первый нарушал общее настроение сытым видом и благочинческим притязанием. Из церкви заходил к местному батюшке, у которого больная матушка и две дочки; последние играли на рояле, младшая — так себе, старшая — хорошо; одна длинная вещь, составленная из румынских тем, интересна своим разнообразием и тем, и темпов; чувствуешь, что из некоторых источников черпал Лист.

Пришел домой, пообедали, поговорил с командиром 6-го полка о будущем нашем наступлении и... узнал, что ко мне едет Мих[аил] Васил[ьевич] Ханжин с Мих[аилом] Федос[еевичем] Будковым... спрашивал, застанет ли меня дома. Приехал часам к 14–15, я выскочил, мы нежно и страстно расцеловались, и я чувствовал, как я (да и он) был растроган и как люблю я этого простого, искреннего, скромного и вместе с тем удачливого человека. Я поволок его к себе (Невад[овский] Будкова — к себе), мы стали пить чай и болтать. Хороши и интересны его наблюдения во время командировок для управления артиллерией. Он говорит, что главное теперь — начальники дивизий: полки — малая единица, быстро исчезающая, а дивизия все же что-то более устойчивое; корпус — далекая и случайная инстанция (у корп[усного] командира нет воспитательных влияний и функций); где начальники дивизий хороши, там и дело

идет; для «хорошего» надобны храбрость, общение (окопы) и честность в труде[1].

Хороших начальников дивизий мало, а хор[оших] корп[усных] командиров еще меньше. Пехота была или истрепана (40-й, напр[имер], корпус), или с север[ного] и западного фронтов приходила сырой. В атаку пускали часто без оглядки, заставляли бить лоб, повторять без шансов на успех и т. п.[2]

Характерны его примеры: 1) из нач[альников] дивизий один старик (Бауэр) дошел и ходил перед проволокой, повторяя: «Видите, братцы, я — начальник дивизии, хожу здесь... вперед»... Голос сзади: «Ходи, ходи... а мы и здесь посидим»; 2) 6 полков пробивали фронт в 600 шагов (думалось, что 2 версты, но болота), и постепенно полк за полком выбивались; получилась каша, в которой нельзя было разобраться; один полк не шел, через него пускали другой; затем пускали два через 2 не пошедших и т. п. Значит: ни рекогносцировки, ни умного плана, ни распорядительности, ни влияния, ни дисциплины. А актерства хоть отбавляй: Лебедев (Г[енерального] ш[таба]), командир Тенгинского полка, идет под «Боже, Царя храни», игр[ая] оркестром... было ли это действительно, кто знает, но в реляциях до армии это дошло; 3) преображенцы занимают высоту, которую на другой день приказано взять... молчат о владении, а на другой день: бой, атака и... занятие; 4) между тем, что наблюдалось, и тем, что получается в реляциях, неизмеримая пропасть (Будков)... 5) немцы в артилл[ерийском] отношении не представляют ничего особенного; 6) артиллерии было столько (нашей), что на батарею приходилось не больше 40 сажен фронта, подготовка была страшная, но... ничего не выходило (Будков); 7) 9-я Сибирская прошла две линии врага и на пять верст вперед, а потом почему-то махнула назад и даже миновала свое... еле вернули...

---

[1] Последняя часть предложения выделена на полях красной карандашной линией и NB.

[2] Вдоль следующей страницы синим карандашом линия и знак NB.

Георгиевским оружием я награжден Высоч[айшим] приказом 24 февраля 1915 г. Текст приказа:

Командирам пехотных полков:

«133-го Симферопольского, Андрею Снесареву за то, что, будучи начальником штаба 2-й казачьей сводной дивизии, 12 августа 1914 г. под Монастыржиской, у опушки леса, когда обнаружился охват с трех сторон противником наших спешенных частей, вместе с хорунжими Голубинским (там же и убитым) и Ковалевым собрал рассыпанные части и в ста шагах от неприятельской цепи руководил огнем».

Вообще рассказ Мих[аила] Вас[ильевича] говорит или об общем утомлении, особливо пехоты, или о потере педагогических приемов (м[ожет] б[ыть], в этой стадии войны нужны иные), или о потере нами вообще секрета победы. Все же, раз люди честны в труде и мужественны, то этим обеспечено почти все... в это, по крайней мере, надо веровать.

28 октября 1916 г., Бряза

В 8 часов выезжаем с Мих[аилом] Вас[ильевичем] на позиции. Он с Невадовским, а я еду вперед с Мих[аилом] Федос[еевичем], и мы болтаем без умолку. Сначала он рассказывает мне завершение своей истории с малышом; бросил писать он, а она писала, даже отправляясь в отпуск. Пишет интересно и непосредственно, но удивительна бесцеремонность или лживость. Относительно Мурафа упоминала, и по письмам ее же можно было наметить этапы сближения... Затем Будков говорил мне то, что уже рассказал Мих[аил] Вас[ильевич]; у Будкова выходит откровеннее и сильнее (за словами меньше следит). Выясняет мне роль Мих[аила] Васил[ьевича] у Каледина, как выяснителя нравственного коэффициента войск... данная, которую может доложить. 1) бывающий всюду; 2) симпатичный и простой; 3) хороший наблюдатель и 4) человек, имеющий два ценза (артилл[ерист] и начал[ьник] дивизии). Рассказал о своей истории с Яниной (в Луцке, молодая польская девушка); тон милый и чистый «немного всплакнула... все как следует». В Луцке есть памятник павшим австрийцам, где есть и

русские. На нем есть латинская надпись: «Путник, остановись. Здесь лежат —... что пали... здесь погребены и враги, присоединенные сюда без злобы» (cum caritate conjuncti). Это дивно хорошо... присоединенные без злобы!

От перевяз[очного] пункта 3-го полка мы разъехались: они — на 2-ю бат[арею] 3-го Сиб[ирского] гор[ного] див[изиона], я — на наблюдател[ьный] пункт артиллерии; здесь они подошли, и мы отправились на наблюдат[ельный] пункт 4-го бат[альона] 3-го пол[ка], где я с Мих[аилом] Васил[ьевичем] рассмотрел будущую площадь атаки. Они уехали на другие батареи, а я пошел в другие роты с Вас[илием] Вас[ильевичем] и Владим[иром] Геор[гиевичем], чтобы обсудить будущий способ атаки. Здесь мы (с прицел[ом] 6) стреляем в двух австрийцев, которые (как оказалось) строили блиндаж для пулемета. Оттуда я заезжаю к командиру 3-го полка, обедаю и один с ординарцем возвращаюсь домой. Мих[аил] Вас[ильевич] приезжает 10–15 минут спустя.

Начинаем с ним болтать. Пулей влетает граф Каменский (Сергей Ник[олаевич]), много говорит, что, между прочим, придет 82-я дивизия, а «так как ею командует Козлов, то его полки будут розданы по дивизиям (1 мне), а его придется держать при штабе корпуса»[1]. Вероятно, хорош начальник дивизии, если его ставят ниже ген[ерал]-лейт[енанта] Гниды (нач[альник] 43-й п[ехотной] див[изии]). Он же рассказал, как он уговаривал Каледина не выпускать меня из дивизии («дивизия в прочных руках»), как он это же повторял Стогову и Покровскому. Касались с ним деловых вопросов, но... никакого результата. Вынимает кукиш из кармана: берите...

Относительно Потапова говорит, что Сав[в]ич не нашел возможным представить в кандидаты, а что Перминов не пропустит...

Болтаем в постелях с Мих[аилом] Васильев[ичем] пока, наконец, не засыпаем сном праведных (он привез мне корзинку с яблоками и грушами).

---

[1] После предыдущего предложения на полях синяя волнистая линия и знак NB напротив этого предложения.

29 октября 1916 г., Бряза

В 8 часов провожаем двух Михаилов[1], с нами едет и Кирей (Василий Фадеевич). Кирей приводит изречение Чингиса — какое высшее счастье в жизни: «Гнать перед собою бегущего врага, топтать его поля, ласкать его женщин». Целуемся на прощание... они направо, мы с Серг[еем] Ивановичем налево.

Еду в 5-й полк, где взбираюсь на 1178 и оттуда долго и старательно рассматриваю позицию противника и наши окопы. День роскошный, теплая прохлада, противник милостив; мы всюду едем верхом, и он ничего, на 1178 мы всюду ходим... и он ничего.

Развиваю перед Ник[олаем] Ник[олаевичем] (Полтанов) свою мысль о боевой тренировке... лучший для нее и наиболее доступный способ — разведка; она имеет три фазы: подсидка, нападение разведывательных партий и атака.

Мих[аил] Васил[ьевич] рассказывал, как бестолково был решен вопрос о 8-й армии: внезапно объявили, что вам переезжать на новую территорию и на новые корпуса; а 9-я куда? Также на новую терр[иторию] и новые кор[пу]са. А на наше место кто? Гурко, незнакомый ни с местностью, ни с корпусами. Почему же не его на юг (где Лечицкий) или хотя бы так, чтобы предстояло изучить или корпуса только, или только местность. А к этому еще: 8-я армия все там оставила, а 9-я все взяла с собою... Кому нужно было такое бестолковое решение? И не говорит ли оно 1) или о злых влияниях, или 2) о полном нравственном безразличии всех или многих (Потаповская идея)[2].

У ком[анди]ра 5-го полка обедаем и беседуем, домой прибываем к сумеркам.

На ночь Игнат характеризует ком[анди]ров полков: 3-го и 6-го называет хорошими и храбрыми, а 5-го говорит: «Что-то не хвалят, в окопы не ходит»! «Но со мною был же». «То он мусит[3]». О ком[анди]ре 4-го говорит пренебрежительно: «Старый и жидов напустил в Аккерм[анский] полк...» Молва бежит, не удержишь.

---

[1] М. В. Ханжина и М. Ф. Будкова.

[2] Этот абзац выделен синей волнистой линией и знаком NB.

[3] Мусить — быть вынужденным, обязанным сделать.

30 октября 1916 г., Бряза

Сегодня с утра занялся отбросом накопившихся бумаг и к вечеру сделал целую массу. Около 11 часов ездил верхом посмотреть постройку дороги (с Петром Павловичем), оттуда заехал к гейше (рыжеватая курсистка, очень нервная, но, кажется, добро настроенная), с которой рассуждали о войне, Гладстоне, Ключевском; я ее приподнятые речи дополнял вставками из лично виденного или прочитанного. Оттуда пришел к себе и вновь погрузился в бумаги. Около 15 часов приходит старший врач перевязочного отряда и приводит мне тысячу данных против намеченного мною перехода в горы (Паяны)... Тут все приведено, кроме главного: не хотят из халуп, не привыкли... Беседуем, и, кажется, уломал: завтра едем смотреть.

Серг[ей] Иван[ович] сообщает, что Главкоюз[1] допустил ко врем[енному] командованию 64-й пех[отной] див[изией] генер[ала] Эрделли... Сер[гей] Ив[анович] — вне себя, а особенно Сергей Ник[олаевич] (г[раф] Каменской). 1-й скрывает от полков («тягостно отзовется»), 2-й заготовляет телеграмму от Берникова и хочет тормошить Стогова и Покровского.

Рано или поздно это должно было быть.

Принцип усталости известным делом нам незнаком (у англичан не больше 5 лет на одной и той же должности); у нас некоторые, запоздало придя на должность или передержанные на ней, устают, раскисают и ничего не делают (Баташев, Жданко, Экк, Всеволожский — сам говорит, Демидов — ком[андир] 4-го бат[альона] 5-го полка, все ген[ерал]-майоры на должностях нач[альни]ков штабов дивизии и т. п.); это необходимо учитывать. Чтобы человек работал хорошим ходом и полным проникновением в дело, кроме знаний, опыта и чувства долга (плюс честолюбие, гордость, дисциплина...) должны быть еще: свежесть и новизна дела и не удовлетворенное еще чувство любопытства и интереса к все раскрываемому предмету изучения... Что можно ждать от Черкасова (Петр Федор[ович])[2], который

[1] Главнокомандующий Юго-Западным фронтом.

[2] По всей видимости, ошибка в отчестве: речь идет о Черкасове Петре Владимировиче.

до войны был уже 8 лет начальником штаба дивизии, или от Думбровы, который давно уже заснул на этой должности...[1]

Что я могу иметь? Вырвать дивизию, это был бы высокий взлет карьериста, но этому ли ремеслу я служу? Никогда. Я должен быть благодарен Судьбе за то, что она дала мне расстроенную дивизию и дала возможность в течение двух месяцев поработать над ее созданием. Предо мною стоит мой «Георгий снизу» и я... вполне удовлетворен и доволен, говорю это наедине моему белому листику бумаги... ему я скажу с большей искренностью, чем огромной или малой толпе народа.

Ну, говорю Игнату, пойдем еще куда-либо работать... Он грустно улыбается, и мне трудно понять, что он при этом думает.

За ужином Невадовский рассказывает, как он встретился с одним перекопцем и как он ему рассказывал про бой 24 октября: «Нас было 3 роты, а он наваливал 3 батальонами... Помощи не подали, а то бы взяли Кирлибабу... А далеко он вас отбросил? — 45 шагов. — Да так ли? — Сам мерял»... Так победа окрыляет и делает взгляд розовым... Раненый и разбитый говорят совсем иначе...

31 октября 1916 г., Бряза

Сегодня ездил смотреть помещение для перевязочного отряда вместе с доктором, а затем был у В[асилия] В[асильевича]. С доктором вчера много говорили, и он доказывал мне (как некогда артиллеристы о передовых наблюд[ательных] пунктах), насколько будет пагубно для дела, если они перейдут туда; лучше, мол, улучшить транспорт... Говорил и убеждал; думаю, что в глубине две причины: 1) привычка к халупам и 2) боязнь огня. Сегодня нашли начатые 78-й дивиз[ией] постройки... Волошинов (доктор) остался доволен.

Выслушал доклад В[асилия] В[асилиевича] и раскритиковал его план атаковать 1318... примыкаем к елизаветградцам одним батальоном, а другой — будет атаковать потом,

[1] Абзац на полях выделен волнистой линией синим карандашом и знаками NB, NB.

по достижении определенного рубежа тремя батальонами. Возвратился домой к 2 часам. После обеда писал большое письмо женушке и готовил ей посылку и столяра...

1 ноября 1916 г., Бряза

Сегодня предаю в[оенно]-полевому суду двух канониров 1-го бат[альона] 37-й арт[иллерийской] бригады (Петр Немцов и Андрей Артьемко), обвиняемых в грабеже, изнасиловании и т. п. Завтра будет суд, а затем, вероятно, расстреляние. Делаю это спокойно, для спасения других; их смерть — искупление. Если мы, решая ту или иную боевую задачу, заведомо предаем смерти десятки или сотни людей — лучших (лучшие чаще и гибнут), то что такое смерть двух мерзавцев!

Средняя жизнь прапорщика после производства — две недели. Грустно — зло, но правдиво...[1]

Прочитал повесть (или роман) Анны Мар «Женщина на кресте», книгоиздат[ельство] «Современные проблемы», Москва, 1916, 96 стр... Алина Рушиц — девица 26–27 лет, мазохистка, Генрих Шемиот — 52 лет, садист, Христина Оскерка — девица 30 лет, уже родившая — лесбийка... Пакость сплошная, а если правда есть, то научно, может быть, и интересная. Шемиот любит Алину, и, в конце концов, после порки, берет ее (сама приходит); Христина любит — Алину... тщетно. Юлий (сын Шемиота) женится на Христине, скоро она ему надоедает и мимоходом берет Алину...

«Земля», Сборник Семнадцатый, Москва, 1915 г.
М. Арцыбашев. «Женщина, стоящая посредине» 5
Евг[ений] Чириков. «Волжские сказки»:
1) Невесты христовы (29 монахинь Воскр[есенского] монастыря) 139
2) Иринова могила (Кудеяр, укравший монахиню) 155
3) Девьи горы (амазонки-разбойницы, Варвара) 173
Ив. Рукавишников «Убийство» 195–228

[1] Абзац выделен на полях синей волнистой линией и знаком NB.

Арцыбашев одинаков: Нину хочет изнасиловать студент Луганович — выскочила, попробовал инженер Высоцкий — выскочила, а затем, став курсисткой, отдалась литератору Арсеньеву... Потом стала кокоткой, отдалась Лугановичу и... ругалась.

У Рукавишникова — тон à la Достоевский, какой-то истеричный разговор лиц самих с собою... Николаю надоела его жена актриса Торопова, которую он называет развратницей, но сам увлекается Ольгой и гимназисткой Зиной, каких и берет... Зина, увидав его с Ольгой, кончает с собой... Николай, считая себя убийцей, выдает себя за такового... Все это нудно, вымучено-современно…

Сказки — прелесть: тепло, богато, с хорошим знанием народного языка и колорита легенд...

2 ноября 1916 г., Бряза

Сегодня выезжал с Серг[еем] Ивановичем к 6-му полку; поздоровался с людьми, поговорил с офицерами о предстоящей операции, а затем пошел к командиру 4-го полка, где устроил собеседование. Разобрали всю задачу, представил ход своего решения, мои доводы и как будем работать. Рассмотрел, как должен вести себя 4-й полк. Потом завтракали, снимались. Командир 4-го полка — человек старый, умудренный опытом, хороший администратор и человек храбрый; офицеры им довольны, о старом режиме (Константинова) вспоминают пренебрежительно. Мож[ет] быть, выйдет ничего; то, что воровал, дело житейское и наказуемое, а для военного дела он может и не оказаться препоной. Да и воровал ли?

Домой приехали и застали вновь прибывший 74-й передовой отряд. Играла музыка, смеялись и болтали. К 6 часам вечера суд кончил свой приговор. Обвинили, но просят о смягчении. Почему, сами не знают: не сделали большого зла, Артьемко — просто по глупости, так как проходило, свидетели говорят не ясно, артиллерист распинается и т. п. Просто не знали, во имя чего их собрали. В[оенно]-полевой суд — это военная педагогика, это лишний рычаг держать людей в руках и поднимать на подвиги. Если бы иногда не было подходящих злодеев, их надо выдумать. Завтра

посмотрю на преступников... и тогда еще подумаю. У меня близко будет дело; что мне больше нужно для его успеха — смягчить ли или казнить? Думаю — последнее.

3 ноября 1916 г., Бряза

Суд вынес обвинительный приговор, но ходатайствовал о смягчении... Большую навалил на меня ношу: судьи поступили как люди: им стало жалко людей и больше ничего; один — 18 лет, хотя и сифилитик, у другого — жена и трое детей, оба плачут. Они упрямо повторяют, что невинны и знать ничего не знают, но это их научили: хорошо выйдет, не ошибетесь... И вижу я: всегда, кроме суда, выносящего то или иное решение, будет работа для головы и сердца начальнику, утверждающему приговор. Судьи думают только о людях, совершивших преступление, и о степени (или наличности) их вины, а начальник думает шире: 1) так же, как и судьи и 2) педагогический смысл его приговора. Мне ясно, что 1) большого зла не сделано; 2) больная послеродовая женщина выздоровела; 3) ребята разбаловались благодаря явному недосмотру и подговорам других; 4) жители — лукавые и забитые — могли приврать, отыгрывая на двух пойманных многократное зло, чинимое им многими. Но за всем тем, я все-таки не задумался вынести смертный приговор, если бы чувствовал, что он будет полезен для дивизии, особенно для ее боевой части и, особенно, ввиду предстоящего дела. Для тыла имело бы смысл их казнить, но ведь и каторга достаточная угроза, а дойдет ли это до него, подействует ли на него лишняя смерть — он средь них ходит, — все вопросы, для меня не ясные. Посетил преступников: Петр Немцов — высокий розовый блондин, маляр Псковской губернии, глуповато-хитрый, расстроенный... бежал глупо, возвратился поздно, т. к. корреспондировал через жену... ехали на его хвастовстве: ты, мол, Немцов, корову найдешь и нас накормишь... Сначала легко, потом труднее и нужно вымогать для батареи, а разбаловавшись, стал вымогать и для себя... человек свежий и едва ли много пьющий. Андрей Артьемко — черноватый мальчишка, один глаз меньше другого, говорит в нос, охотно ревет... вырожденец и распустился, будучи без призору. Казнить,

а не за что, и жалко... для педагогики надо ждать других. Остановился на 20 годах каторги. Характерно, что никого не выдали. Серг[ей] Иван[ович] предлагал мне слукавить и обещать помиловать, если выдадут... не мог пойти. Он пошел, говорил, но ничего не вышло...

Заходили с Серг[еем] Ив[ановичем] к невесте князя[1]... Еще недурная умная грузинка, которая простоту князя держит в крепких руках. Вопрос зашел обо мне в том смысле, что в дивизии считают меня неосторожным. Князь, вспоминая эпизод 23 октября, находит, что я был неосторожен, оставаясь на наб[людательном] пункте 4-го бат[альона], когда, по его мнению, снаряды непрерывно летели через головы... Нат[алья] Ильин[ична] приводит разговор по телефону адъютантов: «Ну что, пришло высокое начальство?» «Пришло и по обычаю пошло в окопы под расстрел». «И зачем это?» «Да, кому это нужно». Я отвечаю, что князь иначе расценил обстановку, чем я, что я достаточно осмотрителен, а в опасные минуты рассчитываю на свою удачливость... привожу в пример ранение Попова, смерть Голубинского и т. п. Павлов еще, напр[имер], удачливее: ему только отбило каблук. Князя не выпустят...

Потом посетили сестер; я сижу около больной, и мы говорим на очень разнообразные темы: от меню начиная и кончая верою... Ксения Никол[аевна] верует и надеется, что «в пехоте все веруют». Я отвечаю утвердительно и привожу свои доводы.

4 ноября 1916 г., Бряза

Утром сижу за бумагами, а перед обедом долго гуляю по улице. С утра (еще с ночи) выпал снег, и все кругом бело. Читаю Лермонтова и заинтересовался, что я знаю наизусть. Припомнил: «Дитяти», «По небу полуночи...», «Русалка», «У врат обители святой», «Тучки небесные». Больше не приходило в голову, что вспоминать.

Думал над тем, что, чтобы поднять человека на бой, сделать его боеспособным, нужна широко захватывающая система, в которой ни от чего нельзя отказываться и в которую

[1] Речь идет о князе Николае Павловиче Мещерском.

бы входили: привитие долга, внушение страха, привычка к порядку, вызывание понимания и т. п. Не нужно презрительно махать рукою ни на смертную казнь, ни на порку. Нужно захватить всех, чтобы никто не избежал сетей: 1) интеллигентный или понимающий человек, с хорошими нервами и настроением? Система должна включать долговые элементы, идею патриотизма, гражданских обязанностей; 2) человек боязливый, путающийся смерти? Система должна ему предложить свою смерть или избиение до смерти... выбирай; 3) человек — свинья грубая без чувств — валяться бы укрыто да нажраться? Система должна отнестись к нему, как к животному и наказать его битием; 4) человек крепкий и исполнительный (татарин), но не разумеющий обстановки и дела? Система должна заключать объяснительные элементы: что, зачем и как; 5) человек мог бы, но разболтался, не привык к режиму? Элементы дисциплины...[1]

Читаю Е. Нагродскую : «Чистая любовь» (1–20), «Он» (20–78), «Аня» (78–178), «За самоваром» (180–192). Талантлива. Напр[имер], природа из первого рассказа, стр. 11: «Белая ночь, тихая и теплая, вся в нежно-лиловых тонах, медленно и ласково отбирала небо и гладь пруда у золотисто-оранжевой вечерней зари...» Или стр. 19: «Они оба сидели молча; легкий ветерок стряхивал цветы липы на подоконник»[2].

5 ноября 1916 г., Бряза.

Дочитал Е. Нагродскую. Особенно хорош рассказ «Аня»... козел отпущения в семье адвоката, который ее продает Григорьеву, чтобы выручить вексель. Она — все в доме: ухаживает за матерью, выручает отца (ухажера и бабника), учит Котика (диктует «Чуден Днепр...» в момент потока собств[енных] дум), играет на рояли сестрам... Все расклеивается в семье, и она идет к Григорьеву... «одна... всегда одна, а он ее... хоть как-нибудь да любит»... «Чистая любовь» — Подгира, знам[енитый] баритон, взял девицу, у которой «синие ножки и тряпочки вместо грудей», и не зна-

[1] Абзац выделен красной линией и знаками NB.

[2] Абзац написан карандашом.

ет, что делать. «За самоваром» — публичная Женя говорит с 2 дамами... жанровая картинка. «Он» — нечто оккультное. Сильную и прочную девицу забирает Он... забавно.

Е. Нагродская. «Борьба микробов», изд. 5-е, 160 стр. Все вертится около богатой Ирины Михайловны Ракитиной, которой владел Анатол[ий] Игнатьевич Барята, а у него перебил молодой Вит[алий] Андр[еевич] Ласкунский (тепла его любовь к Мане)... Есть и другие персонажи, желающие выплыть наружу... В этом и есть борьба микробов... повесть, вроде уголовной. Продолжай так, рискует выписаться...

Сегодня до меня дошла переписка командира 5-го полка с командиром легкого дивизиона: первый хочет, чтобы пришел второй к нему и чтобы были налажены передовые арт[иллерийские] наблюдат[ельные] пункты; команд[ир] дивизиона (подп[олковник] Соколов) говорит, что он сам знает, что передовые... в случае наступления, а не обороны, что он не подчинен. Полтанов отвечает, что он хотел поговорить, а будь подчинен, требовал бы, что передов[ые] наб[людательные] пункты рекомендуются и при наступлении, и при обороне... Все это сложно, но ясно одно: между пех[отой] и артилл[ерией] — пропасть; артилл[ерия], будучи соподчиненной, не хочет подчиняться и прикрывается своей специальной миссией, что, не отвечая за участок, она хочет выгородить себя от подчинения, т. е. занять какое-то барское положение силы, воюющей по своему настроению и пониманию и ничем не связанной... Над этим надо думать и думать много. Надо восстановить единоначалие, т. к. без этого нельзя, и единоответственность, а для этого: 1) придется артиллерию подчинять начальникам боев[ых] участков, т. е. опять-таки пехоте; 2) привить пех[отным] начальникам солид[ные] артилл[ерийские] сведения и 3) делать опыты и в мирное время, рассылая батареи по полкам, например[1].

6 ноября 1916 г., Бряза.

В Перекоп[ском] полку при выступлении было около 90 унт[ер]-оф[ицеров] на роту, (подп[оручик] на взв[од],

[1] Вдоль абзаца синим карандашом полоса, знаки NB и надпись: «Соотн[ошение] пехоты и артиллерии».

фельдф[ебель] — отделение и унт[ер]-оф[ицер] через 2–3... в рядах); все они легли зря), и потом на 250 — два унт[ер]-оф[ицера], а позднее и ни одного... То же и с офицерами: 19-я див[изия] под Рогатиным, 24–30 ав[густа] Львовские бои и затем под Перемышлем... вся легла, на взводах погибли опытные шт[абс]-кап[итаны], будущие не только батал[ьонные] ком[андиры], а и полковые... остались прапорщики... Таким образом, отсутствие организационной предусмотрительности лишило нас в первые же два месяца всякого запаса офицеров и унт[ер]-офицеров... глупее глупого. А между тем этот запас должен был бы быть распределен по разрядам так же, как и общий имперский состав пополнений, дабы на каждую сотню рядовых пополнения было бы, скажем, 1–2 офицера и 5–6 унт[ер]-офицеров... и так до окончания войны...

Был сегодня М. В. Ханжин, который ночевал и с которым мы много болтали. Говорил: когда он в октябре 15-го г. посетил Иванова, он, намекая на готовящуюся декабрьскую операцию, ныл и вдруг сказал: «Пора кончать войну». М[ихаил] В[асильевич] думал, что операция эта ему навязана. (Саввич: как Иванов мешал ему в развитии этой операции, как запасы оказались переброшенными на левую сторону Днепра, как Иванов Абраму Драгомирову, прибывшему командовать кавалер[ийской] армией, сказал: «Ничего из этого не выйдет» и т. п.). Вообще усталых и сомневающихся в армии, пожалуй, немало, и надо начать с того, чтобы удалить именно таких. Они могут быть храбры, крепки и знающи, но раз у них нет веры, то значит нет фундамента: всякое здание разрушится...[1]

Он же говорил, что наша артиллерия научилась стрелять, но ей не хватает научных данных — она зазналась на частных успехах и не хочет учиться (как теперешние зауряд[ные] врачи, подчас делающие самые серьезные операции... они доучиваться никогда не будут). Они невежды. Кроме того, наша артиллерия еще не поднялась до умения программной подготовки к бою, чтобы все изучить и в должной последовательности, чтобы все предвидеть и

[1] Вдоль абзаца синяя карандашная полоса и надпись: «Усталые».

заранее определить достигаемые в той или иной фазе боя результаты. Артиллерия еще дилетантка, с очень удачными успехами, с часто большой находчивостью... и только. Нет умения планомерно и программно работать[1].

7 ноября 1916 г., Бряза.

Выезжаю на позиции 3-го и 6-го полков для установления деталей наступления.

Вчера кончил Е. Нагродской «Белая колоннада», изд. 2-е, 156 стр. Богатая вдова Екат[ерина] Антоновна Накатова [любит] Никол[ая] Плат[оновича] Лопатова, делается его невестой и беременеет... Он живет с Зиной, готовящейся в актрисы и ухаживает за франц[уженкой] Маркизет. Еще: Жорж — беспутный, но исправляющийся, Таля — курсистка, непротивленка (как Кира... любимый и милый тип автора), таинств[енная] (вроде масонки) Ксения Нестеровна, добрая тетка и т. п. Полууголовная хроника... Накатова видит какую-то колоннаду, ищет ее с Талей... была ли она или вообразилась — никому не ясно. Роман, в общем, для продажи...

Был на позиции, обошел окопы ударного батальона 3-го полка и затем окопы (или часть) ударных батальонов 6-го полка. Здесь были почти все артиллеристы, оба коман[ди]ра полка, 2 батальонных, и мы шаг за шагом рассмотрели наши будущие шаги: где, что и как. Смотрели в планы, смотрели на месте... промеряли 7 раз, чтобы раз отрезать. И вся подготовка к бою сводится к массе разных расчетов — духовного, материального, топографического, организационного и т. д. содержания. Нет и тени чего-либо возвышенного, красивого, гениального. В основе успеха — труд — упорный и всепроникающий, конечно, при знании дела, вообще, и солдатского души и тела, в частности...[2]

Услыхали, что я могу уйти, и дружно горюют... особенно убит мой тезка, который обиделся даже, зачем это ему сообщили. В[асилий] В[асильевич] говорит, что они никогда

[1] На полях синяя линия и надпись: «Артиллерия».

[2] Абзац выделен синим карандашом и надписью: «Подготовка к операции».

не готовились так, а артиллеристов никогда и не видели... а теперь он зовет к себе артиллеристов, да еще выбирает: подайте мне, говорит, Урядова... Да и мне заметно, как многое изменилось: артиллеристы приходят без ужасов, держатся в окопах прилично... Окопы стали общим домом всех и не вселяют ни ужаса, ни осмотрительности; это и надо, с этого надо начинать...

8 ноября 1916 г., Бряза

Приезжал ком[андую]щий корпусом[1] и нач[альник] штаба кор[пу]са[2]. Доложил и выехал с Серг[еем] Никол[аевичем] на позицию. Доехали немного далее первой промеж[уточной] станции, сценировал некоторую осторожность («вы там, казаки, отстаньте-ка»). Все рассказал, что было видно, и поехали обратно.

С[ергей] Н[иколаевич] говорил интересно про штаб Армии: его докладную записку, резюме всех работ по дивизиям и ниже, читал только ген[ерал] Каледин, но ни Стогов, ни Покровский; первый был занят инспектор[скими] частями, а второй... каким-то еще большим вздором... Это страшно. Это-то и углубляет пропасть между строем (дивизия и ниже) и штабами (корпус и выше)[3].

Много интересного говорил из своей семейной хроники, как, напр[имер], сыновья (главнок[омандующий] и корп[усный] командир) не смели сесть перед своим отцом (фельдмаршал), как он заставил сына прожить еще два дня, хотя приказал Государь (сначала тебе отец, а потом Государь) и т. п. Те же глав[нокомандую]щий и корпусный переписывались с матерью, которая обращалась с ними, как с малыми, журила, присылала сласти, а они — полная корректность и почтительность. Все это страшно интересно, дышит стариной и непосредственностью. Дисциплина начиналась с пеленок и не была тяжела, так как была второй натурой.

---

[1] А. М. Зайончковский.

[2] Граф С. Н. Каменский.

[3] На полях красная волнистая линия и надпись: «Рознь между строем и штабом».

9 ноября 1916 г., Бряза.

Сегодня с Серг[еем] Ивановичем были в штабе корпуса. Вызвали потому, что не выяснили мою идею; боялись, что я дальше линии 1307–1318 не пойду. Я их успокоил, сказав, что это первоначальный рубеж, на котором я закрепляюсь и привожу в порядок людей, а в это время двигаюсь с 5-м полком для дальнейшего развития операции... Вероятнее всего, вызвали затем, что ввиду прибытия к 3 часам Зайончковского хотели, чтобы я ему лично все изложил.

Узнал мою аттестацию:

«Аттестация

Несмотря на кратковременное нахождение в составе корпуса аттестуемого в качестве временно командующего 64-й пех[отной] дивизией, он зарекомендовал себя храбрым, с большим боевым и служебным опытом, в высшей степени деятельным, знающим, очень требовательным и заботящимся о вверенных ему частях и чинах. Это дает мне право аттестовать его выдающимся начальником, достойным выдвижения на должность начальника пех[отной] дивизии „вне очереди“.

Подписал: комкор 18, генер[ал] от инфант[ерии] Саввич.
19.10.1916 года.

Верно: вр[еменно] и[сполняющий] д[олжность] старш[его] адъют[анта] штаба XVIII арм[ейского] корпуса, шт[абс]-кап[итан] Эндимионов».

В 3 часа прибыл ген[ерал] Зайончковский, которому я был представлен и который говорил много интересного... об этом ниже.

Серг[ей] Иванов[ич] много узнал интересного и забавного. Оказывается, водевильное посещение Сергеем Ник[олаевичем] [графом Каменским] «позиций» делалось неспроста. Оказалось, в штабе надеются получить Георгия Команд[ующий] корп[усом], началь[ник] штаба и старш[ий] адъют[ант], и начальник штаба уже выполнил сцену «рекогносцировки позиций под огнем»... Все три лица спекулируют на ожидаемый успех, главным образом, у меня. Одно их смущает, что я «ужасно рискую», могу быть преждевременно ранен, и тогда операция может сорвать-

ся... а с нею и три Георгия. В своем беспокойстве по поводу моей жизни они несравнимы. Диалог: Стар[ший] адъютант: «А ведь генерала Сне[саре]ва могут убить». Нач[альник] штаба: «Конечно, конечно... он все ходит по этим окопам, да ездит со своим значком». Ст[арший] ад[ъютант]: «Убьют, придется Вам вступить в командование дивизией». Вместо ответа — придавленное молчание и убитый вид... Оказывается, наш приказ об атаке также не был никем прочитан... Та же картина, как и в Армии, над которой Серг[ей] Ник[олаевич] смеялся... Делать решительно ничего не делают; у Боровского два донесения и больше ничего... «Сидят в оперативной и сплетничают»[1].

Зайончковский говорил главным образом о пережитом в Румынии... «Кошмар», как он повторял. Ком[андую]щий армией отозвался обо мне выше всяких похвал: тот и он жалеют, что меня нельзя удержать, но надеются. Вспомнив, что я предназначался к нему, повторил: «Хорошо, что не вышло...» То же сказал и г[рафу] Каменскому... Предвидя неудачу, он не хотел, то ссылаясь на неполное знание фран[цузского] языка (знаю, что не говорит, хотя в разговоре потом упоминал, как он «диктовал» приказы на франц[узском] языке... «для ускорения»), но ни Брусилов, ни Алексеев не пошли... С последним начал ссориться, тот назвал его «паническим», заботящимся более о личном деле, чем о государственном... Поехал. Опять молил, сообщал, пророчествовал, но ничего не вышло. Алексеев, «обладающий мелочным профессорским самолюбием» (слова Иванова), упрямился и не хотел уступить, прислав больше войска. Он не хотел и в начале, но настояли англичане и французы. Дал немного, чтобы отделаться. Жоффр признавал «отчаянное положение З[айончковск]ого» и отказывался от обещанных ему четырех бригад с тем, чтобы они были брошены к З[айончковско]му, но Ал[ексеев] соглашался из Архангельска послать их на Сев[ерный] фронт и, освободив 3-ю (или другую) стрел[ковую] дивизию, прислать ее З[айончковско]му... Делал все, чтобы освободили, ругался, писал дерзкие теле-

[1] Абзац выделен красной волнистой линией и надписью: «Штаб и строй».

граммы, не исполнил приказа короля и т. п. Просил прислать русс[ких] штаб-офицеров, ему отказали; французы прислали генерала и 50 офиц[еров] Ген[ерального] штаба, и теперь там захвачено влияние. Мы прислали «Мертвую голову»[1]... глупее не нашли. Интересно отметил неудачную с полит[ической] точки зрения мысль послать Сербскую дивизию (сначала дрались хорошо, а потом стали уходить с позиции, когда заметили несерьезность решения задачи... «нас обязательно расстреляют»): пленные болгары говорили, что у каждого болгарина дрожала рука, когда она поднимала ружье на русского, но когда рядом с ним они увидели презренного торгаша румына, а с другой стороны своего исторического врага серба, то они подняли руку и на русского. «Можно ли так детски решать вопрос?»...[2]

О румынской армии говорит с полным презрением. Трусы, болтуны и полны самомнения; врут, сколько влезет. Дисциплина — слабая: позицию займут аванпостами, а всю дивизию оттянут верст на 15 назад, в деревню: холодно.ю мол... Убегут назад верст на 20... и даже не скажут. С ними нельзя решать никаких тактич[еских] задач, просишь их, хотя пассивно, держаться, а начнешь со своими и сербами маневрировать, они назад — или от артилл[ерийского] огня, или без причины... Экипированы слабо: 1) телефонов нет, на батарею 100 метров линии; 2) попробуешь соединиться — М-me Минареско говорит с М-me Подареску... и ничего не поделаешь. Пришлось ставить часовых; 3) пушки постреляли (77 г.) и ушли за Дунай: расстреляли все патроны и больше нет...[3]

Личный персонал описывает пренебрежительно: 1) или бахвальство, или паника... «Катастрофа, Ваше Прев[осходительст]во!» 2) молодые офицеры на содержании, румянятся... и даже отцы сожалеют сына, когда он упустит богатую содержательницу: «Бедный мальчик!» 3) выгнал одного за другим шесть генералов...

Насколько все это отвечает истине, сказать трудно: много личного элемента, немало хвастовства, но большая

---

[1] Прозвище М. А. Беляева «Вейс Мишель».

[2] На полях синяя линия и надпись: «Воспоминания ген[ерала] Зайончковского».

[3] На полях надпись: «Румынская армия».

наблюдательность, политическая подготовленность и природный разум...

10 ноября 1916 г., Бряза

Вчера со мною приехали: кап[ита]ны Ген[ерального] штаба: японской службы Куроки (племянник знаменитого генерала, у которого шашке 1000 лет), Никанор Александрович и рус[ской] сл[ужбы] Инютин (Матвей Васильевич, брат Федора, который был в 17-м полку); последний прислан из армии для связи. Вчера же мы были с ними в 74-м, где много было смеху с плохим русским языком Никанора Александровича. Сегодня мы поехали на позицию. Были у ком[андира] 3-го полка и оттуда пошли в 4-й бат[альон], они в нем остались, а я прошел в окопы заставы, откуда рассмотрел, как пойдут роты 4-го батальона, где будут поставлены минометы, вырыты ли наступат[ельные] окопы и т. п. Все уже близится к очистке деталей. Дал Латию еще одну роту... Ком[андир] 3-го полка написал приказ...

Оттуда пошел на наблюд[ательный] пункт артиллеристов и затем назад в 4-й бат[альон], где соединился с компанией. Пошли к скале, где Шепель; здесь были собраны взвод[ные] унт[ер]-офицеры трех ударных батальонов (1 и 4 — 6-го полка и 4 — 3-го пол[ка]), при них я роздал Георг[иевские] кресты четырем 4-го полка, которые вчера выколотили непр[иятельскую] заставу (в долине Афаничул [Афиничелуй?] — Море), а потом сказал унт[е]р-офицерам слово, главные темы которого:

1) будем бить врага, и я на них расчитываю; 2) артилл[ерийского] огня по своим не бояться, противнику в 10 раз хуже; 3) надо разом всем и в атаку, кричать громче: противник шалеет и меньше жертв... 4) все обдумано, ошибок быть не может; 5) я и офицеры с ними: будем бить противника общим кулаком... Слова произвели несомненное впечатление; Серг[ей] Ив[анович] заплакал. Оттуда прошли вправо, почти к пупу, смотрели и мыслили. Шепель доволен и верует в успех: никогда так не было; все осмотрели; если бы и германцы были, все равно... если «уж тут не удастся, я ничего не понимаю»... Показатель, насколько широко обдуманная и обработанная подготовка операции внушает

веру в ее успех[1]. Вчера артиллеристы окончательно договорились с пехотой; выручил Урядов, который решил задачу (Ник[олай] Димит[риевич] только нервничал и охал... форменный рыжий в цирке).

Распрощались и пошли через штаб 4-го бат[альо]на в штаб командира 3-го полка, где обедали. Я поднял стакан в честь «славной дружеств[енной] нам армии и ее представителя», в котором вижу брата нашей боевой семьи. Вспомнил с похвалой, как он дорогой по поводу наших павших и погребенных спросил: «Это тут наши?» Выпил и за здоровье гостя. Он был растроган и сказал, что много ездил и нигде его так ласково не принимали; японец коротко сказал: «Благодарю Вас, Ваше прев[осходительст]во»... Криштопенко и В[асилий] В[асильевич] сказали тепло по моему адресу, особенно, В[асилий] В[асильевич], который вспомнил 23–24 октября, описал мою роль («прилетел помочь молодому, мало опытному командиру полка»), и все приписал мне...

Инютина, очевидно, сильно тронула картина подготовки операции; он хочет все отметить, записать и послать в училища, как образец для изучения... Он хочет иметь все, начиная от общих соображений и кончая нацеливанием взводов (по видимым предметам) ударной роты. Он видел, как пехота работает дружно с артиллерией, как все знают даже взвод[ные] командиры, как приходят изучать пути и связь офицеры дивиз[ионного] резерва (5-й полк) и т. п. Все это, очевидно, произвело на него большое впечатление. Японец говорит: ему еще никогда не приходилось так все видеть...[2]

На довольствии у меня теперь: 30811 людей и 7852 лошади. Кроме моих полков входит еще 336-й Челябинский полк. Артиллерия: 3-й Сибир[ский] горный дивизион — 16 ор[удий], 2 дивизиона легких: 1-й 37-й и 2-й 84-й, т. е. 32 орудия, 2-я и 3-я батареи 18-го мортирного — 8 мортир и 2 батареи Осовецкого арт[иллерийского] крепост[ного] дивизиона, т. е. 8 42-х сантиметровых, а $\Sigma = 16$ гор[ных] ор[удий] + 32 легк[их] плюс 8 морт[ир] + 8 тяжелых, а всего 64 орудия...

---

[1] Напротив этого предложения на полях волнистая линия и NB.

[2] Вдоль абзаца на полях синяя волнистая линия и надпись: «Подготовка операции».

11 ноября 1916 г., Бряза

Едем с Серг[еем] Ив[ановичем] в штаб корпуса... зовут к 11 ч[асам] 30 мин[утам]. Вероятно, услышим руководящие слова.

Оторванность штабов от строя, сказывается, между прочим, в условности контроля над последним. Думают, что, приближая штаб (дивиз[ии], полка) и их наблюд[ательный] пункт, приблизят и начальников к солдату и окопу. Далеко не всегда: 1) Жданко живет близко и бывает на наблюд[ательном] пункте, но везде спит, делом не занимается и ни за чем не следит; 2) подп[олковник] Попов никогда не бывает на набл[юдательном] пункте, а все делает из халупы: стреляет, наблюдает горизонт и т. п.[1]

Были в штабе корпуса, было заседание. З[айончковски] й рассмотрел подробно план 43-й дивизии, ограничил предел продвижения, хорошо охарактеризовал Лигнау, перевел туда свой резерв (полк) и подумал о контратаке. Есть интересные мысли; например, достижение первоначального рубежа, где надо остановиться и закрепнуть, а больше другими частями. Походило на то, что он экзаменовал Гниду (нач[альник] 43-й п[ехотной] див[изии]), меня почти не допытывал под предлогом, что «подробно ознакомился». На заседании был Эрделли, который пока останется в штабе корпуса. По его словам, он покинул 2-ю г[вардейскую] к[авалерийскую] дивизию, где нечего делать: все пассивные участки; Брусилов имел предложить ему 82-ю, но Промитов [Промтов] вернулся и осталась 64-я. Расспрашивал мало: тел[ефонная] связь... и больше ничего. С Брусиловым на «ты». Дорогой туда к нам пересел Ваденшерна, который Крузенштерна называл дураком и большим трусом перед начальством, теряющимся пред началом операции; предупреждал против гр[афа] Камен[ского], который, мол, хитер, злопамятен и интриган... вообще сплетничал много. Рассказывал про Чистякова, как тот издевался над дивиз[ионным] интендантом, лгал у телефона (Радко-Димит[риев] чуть не попал в плен)... Тигранов ушел по трусости...

---

[1] Абзац выделен синей волнистой линией и надписью: «Штабы и строй».

По-видим[ому], Зайон[чковски]й хочет добыть себе Георгия и потому примазывается к слабой стороне, которую он якобы починил... Там не скажут, что сделал Гнида... Остается, значит, мне тут быть не более недели... А там, что будет, посмотрим... Дивизию я не удерживаю, это факт, но нельзя было на это и рассчитывать. Да и богатая ли это данная? Теперь можно завершить успехом и доказать свое понимание и труд, а потом: 1) командиры Побилевский — 3, Криштопенко — 4, Г-н... — 5 и Стугин — 6... шансы не важные; 2) Серг[ей] Иван[ович] уйдет; 3) остальной персонал условный... После удачи можно потерпеть и фиаско; нет ничего мудреного. Место найдется и более интересное, напр[имер], в Румынии... Что ни делается — делается к лучшему.

12 ноября 1916 г., Бряза

«Жизнь начинается завтра», роман Гвидо де Верона, стр. 355; перевод с итальянского. Андреа Ференто — профессор, врач, сверхчеловек — живет с Новеллой, женой своего друга Джиорджио Аурелио Фиеско, крупного инженера. Он его убивает (ядом, по его же просьбе), а потом женится... Тема — его духовная борьба и философия. Другие лица — отец, мать и сестра (Мария Дора) Новеллы, Маркуччио — ее брат-дурачок и др[угие] персонажи. Роман хорош в тех частях, где на сцене философия или любовь, где быт, там средне... Новелла обрисована сильно, страсть рисуется полным махом... Много стиля, сравнений, красоты... 308–309... Все чувства — дружба, преданность... прах и дым. Одно сильно и могуче, то, что стремится «к новому чувству — беззаветной любви к другому существу, к продлению своего „я“ — истинному и единственному бессмертию человека, свою догорающую жизнь переливающего в юные вены своего ребенка, который будет жить завтра...»

Эта интересная идея, с которой я всегда ношусь, повторяется у автора не один раз... Например, 354 «повторение самого себя — способ не вовсе умереть».

Сегодня с Серг[еем] Иван[овичем], с японцем и Инютиным ездили к полк[овнику] Криштопенко (Вас[илий] Кондратьевич), где обедали очень плотно и сытно, говорили речи и пели. Много говорил Серг[ей] Ив[анович], Петров

(стихами), говорили Криштоп[енко], Полтанов, Инютин, Куроки... Петров сказал очень приподнято и задушевно по моему адресу, упомянув мое посещение окопов, секретов... «Вас всюду видели офицеры и солдаты»..., как все переменилось с моим приходом, как все в меня верят и как он хотел бы, чтобы я вел дивизию до победоносного конца... речь завершали стихи:

Пусть враги на скалах диких...
Нам не страшен пушек рев:
Ведь для подвигов великих
С нами вождь наш Снесарёв.

Выслушав все речи, я сказал на ту тему, что все то, что я слышал, свидетельствует о прекрасном предбоевом настроении, а это — залог победы. Мы можем научить приемам, правилам, порядку, но не многим дано создать настроение... В данном случае — оно показатель, что я стоял на верном пути, а этот путь — вера в людей и готовность личного самопожертвования, а отсюда, как техника, личный показ. Я сказал о моем первом посещении 8 сентября секретов, о случае с Невадовским 20 или 19 сентября (когда не проходили на «Орлиное гнездо», я обещал пойти сам)... Закончил пожеланием 64-й дивизии боевого счастья и успехов, просил не забывать моих заветов... Тут же я намекнул, что скоро уйду, и это, очевидно, произвело страшное впечатление (особенно на Петрова). Петров, между прочим, сообщил мне, что какие-то 2 унтер-офицера подговаривали не идти в атаку, что он одевался в солдатское и был в ротах, чтобы проверить настроение ребят, и что сегодня днем подговорщик (унт[ер]-офиц[ер] 14-й роты 4-го полка, с белыми усами) был убит... Что-то это слишком путано и похоже на какую-то интригу... жду рапорта.

Вечером приехал и говорил по телефону с Лихачевым и Шепелем. Противник от 11½ до 1½ выпустил 2–3 т[ысячи] снарядов; у первого 7 уб[итых] и 25 ран[еных], у второго — 8 убит[ых] и 1 ран[еный]. Σ =15 уб[итых]+26 раненых. За ночь противник вырыл наступательные окопы против Лихачева. Люди себя держали хорошо (что говорит против версии Петрова), ждали, что противник перейдет в атаку, чтобы ему накласть...

13 ноября 1916 г., Бряза

Только что прочитал операцию 64-й пех[отной] дивизии по овладению высотой 729 в 19–24 июня 1916 г. Рванули горн и пошли в атаку, взяли, но не обратили [внимания] на южный выступ, а потом здесь германцы накопились, задушили артиллерией и выбили, сначала с высоты, а затем и из воронок. Пытались 4 дня, и ничего не вышло, кроме потерь (один 5-й полк потерял 28 офицеров). Казалось бы, операция была обдумана и подготовлена, но, как анализировали: 1) слабость нашей артиллерии по сравнению с германской; 2) слабое управление со стороны младших (бат[альонных] и ротных) начальников и 3) еще что-то. По-моему главное: непродуманность операции внизу, т. е. в сфере огневой тактики... Никто на это не обратил внимание, и операция сорвалась. Продолжение ее в следующие дни было форменной авантюрой, опять-таки с точки зрения огневой тактики: 1) упадок духа у нас и приподнятие у врага; 2) вывод более сильных; 3) сгущение со стороны противника огневых площадей и усиление прежних слабых и т. д.

Всегда чувствуется какая-то демаркационная линия между общей тактикой и огневой: 1) по слабому учету духовн[ого] элемента в первой и по преобладающему в второй; здесь — такой-то батальонный выбран: он то-то и то-то; а ротные, а взводные... а сколько старых. В первой говорят об этом, но чисто формально; 2) в первой местность рассматривается по карте, свысока, об обстреле говорят легко, по грубым признакам; во второй — местность изучают на местности и жадно вдумываются в огневые, средние, и безопасные поля; 3) в первой забыли, что такое настроение и как оно приподнимается, во второй это помнят, блюдут его, говорят или пишут теплое слово... 4) по законам первой — приехал начальник и завтра ведет часть в бой, а по второй он должен ответить: пушками или местностью я возьмусь распоряжаться хоть сейчас же, а сердцами людскими — нет, для этого дайте время: я должен их понять и они меня. Разве первые дни так смотрели на меня офицеры и солдаты, как теперь?

Если бы учитывали грань между об[щей] и огн[евой] тактиками и особенно учитывали законы последней, мно-

гое было бы яснее: 1) назначение и удаление начальников; 2) время операции; 3) характер подготовки к ней и т. п.

Нам история оставила в наследство ку-ка-ре-ку и причуды Суворова, белого коня с бел[ым] кителем Скобелева, приемы других... все это область огневой тактики: приподнятие настроения и связь начальника с подчиненными... Говорят ли у нас об этом, сохранились ли правила или традиции? Ничуть. Многие из наших начальников: 1) не показываются на люди, и их не знают; 2) ходят и ездят бабами; 3) не умеют создать ничего оригинального, вдохновенного... Духов[ная] область огневой тактики спит непроб[удным] сном[1].

Численность 64-й пех[отной] дивизии — людей и лошадей к 8 ноября 1916 г.

Наименование частей	Людей	Лошадей	Примечание
1. Штаб 64-й пех[отной] дивиз[ии]	500	150	
2. 253-й Перекоп[ский] п[олк]	4431	405	
3. 254-й Никол[аевский] –//–	4477	406	
4. 255-й Аккер[манский] –//–	4618	455	
5. 256-й Елизаветг[радский] –//–	4631	456	
6. 336-й Челябинский –//–	4600	360	Примерно
7. Перевязочный отряд	329	100	
8. 1-й лазарет...	120	65	
9. 2-й –//–	115	68	
10. 133-я хлебопекарня	458	174	
11. Ружейные взводы 64-й див[изии]	255	309	
12. Дивизионный обоз	452	548	или 348?
13. 159-й транспорт	253	355	
14. 762-й –//–	294	382	
15. 629-й вьючный –//–	74	143	
16. 98-й Дезинфекцион[ный] отряд	19	9	

[1] На полях вдоль записи вплоть до таблицы синим карандашом надпись: «Общая и огневая тактики».

17. Управл. 3-го Сиб[ирского] горн[ого] дивизиона	100	56	
18. 1-я батарея …	471	329	
19. 2-я –//–	469	335	
20. 1-й парк …	278	210	
21. 2-й –//–	276	214	
22. 1-й дивиз[ион] 37-й артил. бригады	941	520	
23. 2-я батарея 18-го морт[ирного] дивиз[ион]а	245	205	
24. 3-я –//–	250	227	
25. Упр. 1-го дивиз[иона] Оссов[ецкой] тяж[елой] бригады	144	88	
26. 1-я батарея –//–	256	181	
27. 2-я батарея –//–	248	182	
28. 1-й парк …	180	104	
29. 4-я батарея 84-й арт. бригады	254	189	
30. 5-я –//–	256	187	
31. 6-я –//–	257	186	
32. 4-я рота 18-го сапер[ного] бат[альон]а	220	42	
33. 13-я воздухоплават[ельная] рота	200	64	
34. 74-й перед. отряд К[расного] К[реста]	120	125	
ИТОГО	30.811	7.582	
С 12 ноября присоединился:			
35. 15-й Оренбург[ский] каз[ачий] полк	689	818	Примерно штыков к 10 октября было11.608
С 13 ноября	31.500	8.400	
36. Собствен[ный] Ее Имп[ераторского] Вел[ичества] Г[оспожи] Им[ператрицы] Алек[сандры] Федоровны Санитарно-автомобильный отряд	20		

Сегодня у нас был парадный обед с оркестром, на котором я поднял бокал в честь кап[итана] Куроки...

Е. Нагродская. «Злые духи», изд. 2-е, стр. 262. Математик Чагин держит во власти (какой-то) Варвару Трапезонову; эту любил худож[ник] Алекс[ей] Петров[ич] Ремин. Он влюбляется в Дору, сестру Чагина; последний уже разлучил ее с первым мужем; начинает разлучать с Реминым, на которого демонически влияла Варвара... В этом — вымученном тоне — ведется все. Варвара живет с Моисеенко, наездником, которого в конце концов провожает солдатом на войну... Есть другие лица, среди них Тая, секретарша Чагина (девственника, между прочим) — любимый тип — и другие... Есть тоны Достоевского, есть вымученность на почве пороков... Вообще слабо... усталость...

14 ноября 1916 г., Бряза

Готовимся к бою духовно. Молимся Богу, служит свящ[енник] 6-го полка Арефа и говорит слово: надо всем трудиться, не лениться и просить помощи у Бога... говорит просто, повторяясь, но убежденно. В церкви я, Серг[ей] Ив[анович], сестры, уполном[оченный] соб[ственного] Ее Величества транспорта и... хор полицейских. Заходим домой и затем, севши верхом, двигаемся (я, Сер[гей] Ив[анович], япон[ец], Инют[ин]) на 1-ю батарею 3-го Сиб[ирского] г[орного] див[изиона], один праздник (вместо 8 ноября). Решено завтра утром раздать листки с возбуждением людей на подвиг, нач[ин]ая словами: «Слушайте все», и говорящий о том, что я с ними, около меня... Куроки, я чувствую биение их сердец... с нами Бог. Праздник прошел очень шумно и оживленно, пропели дружно «Боже, Царя храни» и полились речи... Я сказал в честь Микадо... выслушали стоя японский гимн. По моему адресу сказано много, и Цвеленев [Цвиленев] (ком[андир] батареи) напомнил, как он наблюдал меня под огнем и дивился: «Все кланялись, а нач[альник] див[изии] продолжал спокойно свой разговор»...

Покинул обед с темнотою. Меня выносят на руках, и батарея стреляет по врагу в момент моего сажания верхом. Яп[онец] и Инютин остались. Едем темной ночью, светит серп луны, стоящий над горизонтом... Настроение

славное, тихонько беседуем с Серг[еем] Иван[овичем]: что даст завтр[ашний] день? Заезжаем на перед[овой] пер[евязочный] пункт 3-го полка, затем в штаб его, а оттуда еду в штаб 4-го бат[альона] 3-го полка... Объявляем всем, что я прибыл... Скоро ложусь спать.

15 ноября 1916 г., набл[юдательный] пункт в окопах 15-й роты 253-го Пер[екопского] полка или в штабе 4-го бат[альона] [25] 3-го [Перекопского полка]

Утро прекрасное. Арт[иллерийская] подготовка начата в 8½ час.; 9–10 на поражение, 10–10.10 — перерыв, 10.10–11.10 — поражение, с усилением последние 20 минут. Я выхожу на наб[людательный] пункт (С[ергей] Ив[анович], яп[онец], Инют[ин], Вас[илий] Вас[ильевич]), начинается артилл[ерийская] подготовка, а вокруг нас начинает класть тяжел[ыми] снарядами. (Как оказалось, о моем наблюд[ательном] пункте австрийцы знали, там вначале нашли даже какую[-то] палку, перевязанную белой тряпкой); некоторые из них ложились не далее 20–30 шагов: падали деревья, взрывались столбы вышиной в 30–40 саж[еней] и груды камней и грязи летели кругом; одним из комьев пробита у Серг[ея] Ив[ановича] (был в 2-х шагах от меня) шапка и ушиблена (или ранена) голова. Когда дело артилл[ерийской] подготовки наладилось, я со всеми вернулся в штаб 4-й батал[ьона]. (Мой нач[альник] артилл[ерии] — Ник[олай] Дим[итриевич] Невадовский, хотевший быть рядом со мною, предпочел обосноваться за скалой... Он хорошо сообразил: там была полная безопасность, почему там и очутился также и Н. Н. Полтанов. Их дальновидность была блестяще подтверждена.) На своем пути мы находим прижатых к отлогости окопа ребят, одного тяжко раненого, а позднее на обратном пути — одного убитого... Их начинают подбирать только после моего личного приказа; все при таком огне цепенеет и теряется, люди прилипают к передней отлогости окопа. Я иду последним, остальные бегут впереди, японец в своей теплой шубе спотыкается и падает...

Артилл[ерийский] огонь — это тот период, когда потери могут быть и невелики (*они всегда, как правило, малы*), но когда *потрясается и понижается дух*... Нужно видеть, что

делается с людьми и существенно необходимо, *чтобы в это время офицеры и вз[водные] командиры обходили людей, успокаивали и намечали более безопасные места*... Люди не всегда в этом разбираются...[1]

Чтобы не забыть: прапор[щик] Ник[олаевского] (4) полка, тяжко раненный в ногу, руку и еще куда-то, скатился к проволоке противника и, видя, что ему не избежать плена, вынул револьвер, сказал: «Братцы, прощайте»... и покончил с собою.

Прапорщик Елиз[аветградского] (6) полка Рудь, раненный в ногу, был вынесен из огня австрийцем и принесен к нам; австриец сам был, кажется, ранен. Теперь эти «боевые братья» все время вместе, и австриец не хочет разлучаться... Это только на войне и увидишь...

Прап[орщик] 3-го полка Моисеев (в августе), раненный в лицо, не дал себя перевязать и покончил с собою... говорят, по мотивам, что он обезображен...[2]

Пред 11 час[ов] 10 м[инут] (за ¼ часа) я вышел со всеми, исключая японца, который некоторое время лежал без памяти: сердечный припадок. В 11 час[ов] партия 6-го полка попробовала выйти, но скоро отошла... думали, что произведет впечатление, но ничего... В 11 час[ов] 10 м[инут] люди крестятся и, вышед[ши] вперед, идут в атаку. Лежащая перед нами впереди рота 3-го заминается; мы вскакиваем на бруствер, кричим «ура», машем шапками... и они, а далее и другие бросаются живее... Вслед за нами ком[андир] полка посылает роты 3-го бат[альона]; я выскакиваю впереди одной их них и, когда вижу, что она настроилась и побежала, возвращаюсь, становлюсь во главе другой и прихожу с ней; третья рота, вышедшая из более глубокого места, мнется и путается в окопах: мы с Серг[еем] Иван[овичем] понукаем, вытаскиваем солдат (он за руку, я под ж...) и также выпускаем вперед... все это под немолчный артилл[ерийский] огонь и свист пуль...

Окопы опустели, все скрылось куда-то вниз. Мы с Серг[еем] Ив[ановичем] и Инютиным идем по пустым

---

[1] На полях красным карандашом волнистая линия, знак NB и надпись: «Огн[евая] т[актика]».

[2] Этот абзац и два предыдущих выделены синей волнистой линией и надписью: «Эпизоды».

окопам к средине между 1527 и Скалой, где я жду сосредоточения 2-го бат[альона] Аккер[манского] [полка], чтобы во главе его идти за ударными полками. Роты не показываются. Сер[гей] Ив[анович] начинает бояться, что не выйдут. Мы поднимаемся из окопов (чтобы нас видели), идем к нашей проволоке, проходим и идем вперед (кругом противник кладет на удар, руж[ейный] огонь ослаб); это производит впечатление: взвод 5-й роты, скорчившись и пригнувшись, проходит к нам... мы идем назад, и я посылаю Серг[ея] Ив[ановича] за остальными. Он идет, кричит: «Идите, чего робеете, нач[альник] дивизии открыто ходит»... и мы, малопомалу, втягиваем 2 роты, а за ними сзади располагаются остальные две.

Когда Сер[гей] Ив[анович] уходит, и я остаюсь с Инют[иным] и одинокой связью, ударные снаряды учащаются, и мы делаемся математиками: двигаемся вперед — назад, от поражаемой площади; это едва ли нас «спасает», но, несомненно, успокаивает. Когда возв[ращается] Сер[гей] Ив[анович] и все водворено, мы — рысцою — спускаемся от окопов и северным склоном направляемся к «Скале»... Нас кроет, и Сер[гей] Ив[анович] падает; я его сейчас же успокаиваю и показываю рукой на место удара... нас обсыпает комками земли, ветками и т. п. Я сгибаюсь (Сер[гей] Ив[анович] чаще лежит), а когда все обсыпется, идем дальше. (Оказывается, со Скалы все наблюдали за всеми нашими перипетиями, видели, как падал Сер[гей] Ив[анович], как клались снаряды... много опасались, критиковали и пошли легенды: 1) я вынимал шашку и бросался вперед, со словами: «Ребята, за мною»; 2) я и Сер[гей] Ив[анович], бросив свои шашки, взяли в руки винтовки и пошли вперед с ротами; 3) я пошел вперед в немец[кие] окопы... «сам видел», говорил раненый; 4) у меня в трех местах пробита и прожжена накидка, 5) я убит...; 6) старые солдаты писали домой: «Третий год воюем и никогда не видели в окопах нач[альника] дивизии, а этот ходит в атаку впереди рот»... Игнат многое наслышался, бегал в горы, хотел бежать ко мне, плакал... (Место, откуда все это повелось, то, о котором говорил выше.)

Мы приходим к скале, где Невадов[ский], Полтанов, Шепель и нек[оторые] ротные. Люди кланяются, образуя

спинами волнующуюся поверхность; я их успокаиваю и показываю направление и падение снаряда. (Оказывается, наибольшее впечатление производит то, что я не кланяюсь.) Здесь уже выясняются причины сравн[ительной] неудачи на правом фланге: 1) малый подъем, вызванный кислыми сомнениями Шепеля и особенно Подкосова... слабо ринулись вперед и замялись, а потому и много потеряли; 2) верхний проход — возле голого пупа — бросили и, значит, оторвались от николаевцев, а те почти не пошли; 3) сам Шепель, да и батальон[ный] Ржечицкий (кроме таков[ого] 4-го) задержались сзади, не подняли людей, хотя Шепель убил троих, а Подкосов 2, но это, по-видимому, мало полезно и в 100 раз менее помогает, чем личный пример; 4) Ник[олаевские] батальоны не пошли: а) Константинов правил с наблюд[ательного] пункта и думал по старому отойти на вранье, б) елизав[етгра]дцы оторвались; 5) Подкосов (ком[андир] 1-го батальона), а затем его заместитель были ранены в самом начале боя...

(Типичен кап[итан] Николаев, ком[андир] 3-го б[атальона], сейчас же оказался контужен, охал... и его два солдата привели в халупу ком[анди]ра полка, где он и заснул (брат его отдался в плен): скверная, трусливая и притворная кровь. Подп[олковник] Млоцкий (хочет перевестись в Челяб[инский] п[олк]), ком[андир] IV [батальона] 5-го полка, заступивший место Ляхомского — убитого, ком[андира] I [батальона] 5-го, так и не догнал нового батальона и остался у скалы)[1].

Начал накрапывать дождь, прибывать пленные; 1307 — занятая нами — переходит из рук в руки, Шепель отказывается от помощи 1-го бат[альона] Аккер[манского полка]. (Серг[ей] Ив[анович]: не хочет брать лишней ответственности — «Вам дали, а Вы ничего не сделали»; я: «С движением бат[альона] вперед надо и самому идти»... Поэтому, напр[имер], и Полтанов любит подчиненных полка и артиллерию, чтобы с полным правом не сходить с набл[юдательного] пункта); Полтанов сидит у телефона, укрытый скалой, и «энергично» и деловито отдает распоря-

[1] На полях этого абзаца синяя линия и пометка: «Эпизоды».

жения... Пленные три офицера тоже кланяются, я, смеясь, их укоряю, а они отвечают: «Когда мы воевали, мы жизнью не дорожили, а раз мы в плену, она нам дорога»... рассуждение как раз обратное моему пониманию.

Мы видим, как австрийцы расстреливают своих пленных, поднимающихся по тому склону, где мы так недавно разгуливали с Сергеем Ивановичем; 7 было убито; наблюдаем интересные картины смелости, трусости и т. п.; раненый, заложив руки в карманы, спокойно идет к нашим окопам; он, среди разрывов, производит впечатление маньяка; другой бежит от воронки до воронки, где падает камнем и набирается духу для дальнейшего пути; некоторые бегут кривыми линиями... Большинство бежит; один несет на спине пулемет и боится меньше: он отвлечен обязанностью и трудом... Приказываю Константинову вести батальон в атаку; он говорит, что ему далеко: он на наб[людательном] пункте, а что он пошлет Петрова... Отрешаю от командования и поручаю Петрову.

Надвигаются сумерки; мы, по-видимому, более ничего не сделаем. Приказываю закрепляться на старых местах, приводить в порядок и кормить людей. (Инютин нас находит потом: храбрый и несколько флегматичный человек, как и его брат Фед[ор] Вас[ильевич]... кровь храбрая, честная, флегматичная.) Мы трое в сумерках идем в штаб 4-го бат[альона]. Побежав[ший] на наших глазах с ротами В[асилий] В[асильевич], махавший палкой и снятой фуражкой, уже там... В темноте мы приходим домой, обедаем и делимся впечатлениями. Мы приподняты и чаще вспоминаем смешные эпизоды, почему много смеемся... Видел 2 плен[ных] германцев: смотрят зверями; один готов был разговориться, но мне было противно говорить с ним. За 15-е взято в плен:

Офицеров 12
Кадетов 7 } 19

Н[ижних] чинов — 708 + 4 германцев = 712
Больных н[ижних] чинов, не менее 38... 38 } 750

Из этого числа 3-й полк захватил не меньше 15, 6-й — 4 офицера, а н[ижних] чинов почти пополам, хотя 6-й, вероятно, несколько больше. Кроме того: 3-й полк взял 9 пулеметов, 4 бомбомета и 2 прожектора, а 6-й — 2 пулемета. В сумме: 19 офицеров, 750 н[ижних] чина, 11 пулеметов, 4 бомбомета и 2 прожектора...

Убыль выражается следующей таблицей:

Потери за 15 ноября в бою под Кирлибабой

	В полках				Всего	Примечание
	3-й	4-й	5-й	6-й		
Офицеров						В 3-м полку убыль: 6 офиц[еров], 48 уб[итых], 285 ран[еных] и 10[пропавших] = 6 оф[ицеров], 343 н[ижних] ч[ина]. В 6-м полку: 20 офиц[еров] и 867 н[ижних] чинов
убито	1	–	3	2	6	
ранено	4	2	2	13	21	
контужено	1	1	–	5	7	
Ниж[них] чинов						
убито	48	11	61	133	253	
ранено	285	69	159	556	1069	
контужено	–	37	3	178	218	
Проп[авшие] без вести	10	–	–	–	10	
Больны	26	20	35	20	101	

Таблица показывает, что значит подъем и почему я правильно был впереди: в 3-м полку офиц[еры] втрое меньше выведены, чем в 6-м, а также и н[ижних] чинов, а взято в плен много больше...

Рассказывают, что один офицер, перед движением в атаку, колол себе задницу пероч[инным] ножом, а другой — дергал в нос никотин[1].

16 ноября 1916 г., штаб 4-го бат[альона] 3-го полка

Весь день туман с проморзлотою... Ставлю задачу захватить 1318 и овладеть «голым пупом»... Люди истомлены,

[1] На полях рядом с этим предложением волнистая красная линия и надпись: «Эпизоды».

на помощь артиллерии рассчитывать нельзя. Чувствуется, что успеха не будет. Сначала ждем артиллерии, а потом пробуем почти обойтись без нее. На правом фланге невязка, меня смущающая (Полтанов — только распорядчик, Петров не оказался на высоте, и Шепель собою недоволен, хотя и признает, что нужно сейчас, иначе будет поздно), почему Сер[гей] Ив[анович] уже раз бросил фразу: «Нач[альник] дивизии приказал вести бат[альо]н, иначе он придет и сам его поведет». Это помогло, но немного. Я решаюсь послать Серг[ея] Ив[ановича], свою последнюю ставку, за которой остаюсь только я. Он идет и скоро мне говорит по телефону, что он организовал удар с 3-х сторон и что только ждут 2 Ник[олаевские] роты, которые не оказались там, где их ожидали (опять николаевцы). Скоро мне сообщают, что немцы сбиты с пупа и бегут, а скоро вслед за этим, что Серг[ей] Ив[анович] ранен... Меня кольнуло, как укор, хотя на прощание я просил его «не горячиться», а японец заметил, что он это предчувствовал... Операция, как и нужно было, застопорилась, 2-я рота 5-го оказалась слишком далеко впереди, и я приказал всем возвратиться на свои места. Точно так же я приостановил операции против 1318: не видно было настроения, да и люди были утомлены двухдневным боем при сырой и холодной погоде. Это все была дань приказу, но почти без шансов на успех. Сер[гей] Ив[анович] не выходит у меня из головы, и я получаю об нем разные слухи: туда и сюда ранен, тяжко или нет. Наконец, уже в темноте я говорю с ним по телефону и узнаю, что рана, по-видимому, не опасна, хотя вопрос о задетой брюшине еще не выяснен.

Потери за сегодня и за 15–16 ноября выражаются такой таблицей:

	В полках				Всего	За 15 и 16 всего
	3-й	4-й	5-й	6-й		
Офицеров						
Убито	–	1	–	–	1	7
Ранено	1	3	–	–	4	25
Контуж[ено]	–	1	–	–	1	8

Ниж[них] чин[ов]						
Убито	30	25	13	5	73	329
Ранено	218	137	77	14	446	1515
Контуж[ено]	–	39	14	15	68	286
Проп[авшие] б[ез] вес[ти]	–	–	3	–	3	13
Больных	25	12	44	–	81	182

Остаток вечера мы проводим в спорах. Невадовск[ий] (ушедший от меня за Скалу) не согласен: рискую зря, не будет управления и т. п. Японец согласен со мною: нужно. Мих[аил] Алек[сандрович] Стугин критикует с теорет[ической] точки зрения, но осторожно: если я обеспечил продолжение управления. Я защищаюсь: 1) в 3-м меньше гибели; 2) тут, потому что проволока цела и сзади резерв... Резюме: можно, но слишком долго ходил без дела под огнем.

17 и 18 ноября 1916 г., в штабе 4-го б[атальона] 3-го п[олка]

Оба дня стоят густые туманы, так что в 100 шагах ничего не видно. Операция 16-го не удалась, и не хочется ее возобновлять. 3-й и 6-й полки измотаны, и чувствуется потребность использовать 4-й и 5-й, и в частности, перен[?] Криштопенко. Я даю директиву о поисках, и ее подхватывают в корпусе. Мысль выливается в желание взять «голый пуп» и прорвать ур[очище] Францеа... 18 ноября только на полчаса светлеет, а потом опять туман. У нас каплет с потолка, то душно от жел[езной] печки, то холодно; японец мерзнет и, как сурок, спит по целым дням. Развлекаемся тем, что спорим с Невадовским: Инютин похвалил артиллеристов, и тот возгордился: и более умные, и внутр[енняя] дисциплина выше и т. п. Сбиваем его с высоты и доводим до слез. Иногда высасываем японца, и он нам говорит интересные вещи; особенно относительно самураев.

Жена — раба; она изменить не смеет, всегда идет за мужем, просит у него разрешения пойти куда-либо и т. п., а муж может забавляться с гейшами... просто. Дуэли запрещены, но есть, и всегда до смерти; оставшийся в живых делает себе

харакири. Когда офицеры в плену, жена требует развода, а офицеры, возвращаясь из плена, делают харакири. Куроки боится, что амер[иканские] и англ[ийские] идеи все изменят, и офицеры потеряют свою силу.

Борзяков говорит ему, что у него была контузия, и он вспыхивает... у них нельзя иначе: или дуэль, или харакири... Спорим, объясняем, что он мешает контузию с конфузией и... кажется, успокаиваем. Он вообразил, что я ушел с набл[юдательного] пункта (15 ноября) потому, что хотел его отвлечь, а сам потом возвратился... Это его очень огорчило. Узнав про самоубийство Невзорова, с пафосом заметил: «Это хорошо». Вообще, он — смесь дикаря с новыми веяниями и с интересным отблеском гордого духа древних самураев. Интересны его характеристики Оямы, Нодзу, Куроки. Он над ними любовно смеется, подчеркивая их воен[ную] отсталость, детскую наивность и странную, непонятную для Куроки, прозорливость. Да, это старые солдаты, умудренные опытом и знаниями военной жизни до прозорливости.

Прилагается таблица потерь за три дня

	В полках				Всего	15–17 всего
	3-й	4-й	5-й	6-й		
Офицеров						
Убито	–	–	–	–	–	7
Ранено	–	–	–	–	–	25
Контужено	–	–	–	–	–	8
Ниж[них] чинов						
Убито	2	1	2	–	5	331
Ранено	8	22	32	–	62	1577
Контужено	3	5	3	–	11	297
Пр[опавшие] без в[ести]	–	–	–	–	–	–
Больных	109	22	74	–	205	205
[Итого] офиц[еров]						40
[Итого] н[ижних] чинов						2205

19 ноября 1916 г., утром в штабе IV[батальона] 3-го [полка], с 12 час[ов] — Бряза

С утра хорошая погода, Невадов[ский] нас будит в 7½ час[ов], и мы вскакиваем, как встрепанные. Все у них готово рвать у «гол[ого] пупа» и около ур[очища] Францеа, и только мысль о том, продержится ли туман нужные два часа заставляет нас отложить несколько атаку. В это время получается директива: ввиду изменившейся обстановки и намерения усилить группу ген[ерала] Снесарева, надо щадить живую силу, хотя и не отказываться от активности... Я прекращаю атаку, велю переходить к поискам и иду до штаба IV–3 пешком (вместе с Куроки), а оттуда верхом домой... Куроки в открытых местах приказывает свертывать мой флаг...

Приезжаю домой, выпрыгиваю догола из грязного боевого наряда и вскакиваю в более чистый. Приезжает Зайончковский, и он меня знакомит с обстановкой. Там катастрофа: в 43-й дивизии осталось 2400 штыков, т. е. погибло 8 т[ысяч] (много убитых), а всего погибло не меньше 10 т[ысяч] ч[еловек] (Ф[он] Нэрике говорит: люди были не кормлены, в полках по 4 пулемета, ружья запущены и не открыть затвора... привели на убой.) Каледин спрашивает, что думает. Комкор: мог бы послать Снесарева. Кал[един]: не годится — тут будет незнающий Эрделли, там незнающий Снесарев... З[айончковский] предложил усилить мою группу, но Калед[ин] сомневается: не исчерпаны, мол, резервы, а узнав, что осталось 2400, соглашается, но только скорее...

В результате я получу 22-й тяж[елый] дивизион (6–8 пушек) и 2-ю бригаду 37-й дивизии: 147-й Самарский (полк[овник] Финкстэн [Пфингстен]) и 148-й Каспийский (г[енерал]-м[айор], ф[он] Нэрике) и, значит, у меня будут: 64-я пех[отная] дивиз[ия], 2 полка — 37-й, 1 полк (Челябинский 336 84-й) = 7 пех[отных] полк[ов] + 15-й Оренб[ургский] каз[ачий]. Затем: 2 див[изиона] легких, 18-й мортир[ный], 3-й Сиб[ирский] гор[ный], Осовец[кая] бригада и 22-й тяж[елый] див[изион], 4-я сап[ерная] рота 18-го бат[альона], воздух[оплавательная] рота — 2 станции. Словом, целый корпус. Я буду заправлять в серьезной операции целым корпусом, а дать мне дивизию не могут — молод. Страшно забавно.

З[айончковский] не хочет меня ни в каком случае выпустить. У него, по-видимому, есть планы, т. к. он говорит: мы еще посмотрим. Мы обедаем очень прилично, хотя это было и неожиданно. З[айончковский] очень жив и остроумен; он, действ[ительно], очень умный и интересный человек. Он повторяет про суфражисток (дайте нам мужчин), как адм[ирал] Колчак советовал ему оборонять Констанцию [Констанцу][1] (Поменяемся... Я люблю Севастополь.)

Для характеристики Румынской армии: 1) он выслал своего офицера с 2 вестовыми, и они увидели роту румын; началось махание платком, а потом на колени: сдавались, думая, что болгар[ский] офицер; 2) эскадрон улан Ее В[еличества]ва (немецкий) взял в плен 1200 чел[овек] + неск[олько] пулеметов + орудия и т. п... После обеда мы расстаемся.

Вечером мы беседуем с Серг[еем] Ив[ановичем], к которому я захожу очень часто и который был принесен во время обеда. Я бросаюсь к нему, целую его и глаза, треплю рукой по щеке, он целует мои руки, на глазах у него слезы... Его рана оказывается совсем легкой...

20 ноября 1916 г., Бряза

Инютин экстренно вызван: ему будет нагоняй. Он дает показание Серг[ею] Иван[ови]чу. С ним едет и Ник[анор] Александр[ович] [Куроки]. Он много сидит у Серг[ея] Ив[ановича] и беседует. Между прочим, он сказал, что у них иностранцы получают ордена редко, но он похлопочет (для меня и Серг[ея] Ив[ановича]) и, чтобы достигнуть, готов довести дело до Микадо. Мы их провожаем, и я пишу Покровскому письмо. После обеда прибывают офицеры 22-го тяж[елого] дивизиона: полк[овник] барон Майдель и 2 ком[анди]ра батареи. Я им рассказываю о своем плане, ориентирую и за подробностями прошу обратиться к Невадов[скому].

Барон Майдель, оставшись со мною один, говорит мне, что он старше Невад[овского] и что ему трудно подчиниться;

[1] Констанца (рум. *Constanţa*) — крупнейший морской порт Румынии и крупнейший город в регионе Добруджа. 22 октября 1916 г. город был оккупирован войсками Центральных держав.

он все подготовит, а затем просит разрешения заняться хозяйством, которое запущено. Я: Но можете ли Вы в 2–3 дня усвоить то, на что мы с Нев[адовским] потратили месяц? Он: я не претендую, не могу, но мне трудно подчиниться...[1]

Мы много разговариваем с Серг[еем] Ив[ановичем]. Женка прислала мне открытку от 11 ноября, где говорит о получении «Георгия снизу»: она переполнена чувством восторга... Я мою золотую женку понимаю.

Я ложусь спать и уже думаю заснуть, когда мне говорят о прибытии двух полк[овых] командиров: полк[овника] Финкстена [Пфингстен] — 147-го Самар[ского полка] и г[енерал]-л[ейтенанта] фон Нэрике — 148-го Каспийского.

Я выхожу, и они меня поражают: они кислы, все критикуют, не верят в успех, не верят солдатам и т. п. Совпадение с этим типом немецких фамилий усугубляет дело. Я начинаю с ними спорить (другого пути вначале нет), вышучиваю их, поддеваю их «пессимизм» и понемногу сбиваю их с позиции. Мы расходимся спать в 2 часа, и я от волнения и массы ожидающих меня хлопот долго не могу заснуть[2].

Вот состав моего отряда с сегодняшнего дня:

Левый участок
Ген[ерал]-майор Снесарев

64-я пех[отная] дивизия	16 бат[альонов]
37-я пех[отная] див[изия] (147-й и 148-й)	8 бат[альонов]
84-я –//– (336-й и Челяб[инский] п[олк])	4 –//–
[Итого]	28 бат[альонов]
37-я арт[иллерийская] бригада (1-й див[изион])	18 оруд.
84-я –//– (2-й див[изион])	18 –//–
3-й Сиб[ирский] горн[ый] арт[иллерийский] дивиз[ион]	16 –//–
18-й Морт[ирный] арт[иллерийский] дивиз[ион] (2 и 3)	8 –//–

[1] На полях синяя волнистая линия и надпись: «Воен[ное] воспитание».

[2] На полях красная линия и надпись: «Настроение».

22-й Отд[ельый] тяж[елый] арт[иллерийский] див[изион]	7 орудий
Осовецк[ий] тяж[елый] арт[иллерийский] див[изион]	8 –//–
[Итого]	75 –//–
15-й Оренбург[ский] каз[ачий] п[олк]	4 сотни
18-й сапер[ный] батальон (4-я р[ота])	1 рота
13-я воздухопл[авательная] рота	2 станции

Итого: 28 батал[ьонов], 36 легких ор[удий], 16 гор[ных] ор[удий], 8 морт[ир], 15 тяж[елых] ор[удий], 4 сотни, 1 сап[ерная] рота, 2 возд[ухоплавательные] станции.

Я думаю над тем, неужто Потапов прав, что у нас много потерявших надежду? Положим, это внутренние немцы... Таких-то и надо выбрасывать.

21 ноября 1916 г., Бряза

Вчера, видя, что автомобильные транспорты — Ее Величества и земский — работают дурно, а шоферы создают разные предлоги — поломки, нет бензина — чтобы улизнуть от дела, я послал князя и велел сказать: если мне к ночи или завт[рашнему] утру не вывезут всех раненых, то всех шоферов я перепорю нагайками, а наиболее злостного прикажу расстрелять. Князь передал. Начались возражения: мы — Ее Вел[ичества], мы ведь приданы. Кн[язь]: нач[альник] дивизии — полный властелин. Они: мы можем уехать. Кн[язь]: нач[альник] див[изии] прикажет стрелять... Сейчас же принялись за работу: все нашлось и пришло в порядок[1].

Я призываю ком[анди]ров полков, знакомлю их со своим планом и, в конце концов, прошу их забыть разговор вчера и проявить полную веру в успех. Если они не послушают, я оставлю за собой право принять все меры, какие найду нужными... до крайних включительно... Поняли и стали веселыми...

Пишу письмо женке, посылаю все карточки и 900 рублей денег. Прощаемся с Серг[еем] Ивановичем: мы одновременно крестим друг друга (смеемся над совпадением),

[1] На полях вдоль абзаца надпись: «На войне нужно идти на все».

целуемся, я целую его глаза, и оба ревем. Он говорит: «Вы меня возьмете с собою?» Я отвечаю: «Всюду». Я еду с командирами полков в штаб 3-го, куда я вызвал Нев[адовского], Криштопенко, Полтанова, Лихачева и Стугина. Мы там все обсуждаем. Я вначале читаю мой благодарст[венный] приказ Вас[илию] Вас[ильевичу], а затем говорю речь, начиная ее указанием на веру в успех и необходимость настроения, а потом мы подробно обсуждаем план. Гости, видимо, берут наш — бодрый и веселый — тон и уезжают. Я со своими говорю еще о делах: о Константинове (остался на наб[людательном] пункте, когда мы все [были], не пошел, поручив Петрову, ослаб), об осторожности с гостями и о подробной работе. Мы снимаемся.

Я возвращаюсь к началу сумерок и нахожу письмо Серг[ея] Ивановича: «21 ноября. Ваше Пр[евосходительст]во, дорогой начальник и учитель. Уезжая с мест, где наши жизни и интересы шли, переплетаясь друг с другом, я не могу не бросить тоскливый взгляд назад, так как Вы здесь остаетесь. Эти одиннадцать недель будут самым лучшим моим воспоминанием. Спасибо Вам за все: за учение, за расширение военного моего горизонта, за привитие мне принципов огневой тактики, за последнюю, наконец Вашу ласку... за мое представление. Дай Вам Бог успеха, и да сохранит Вас Господь. Искренно преданный и сердечно любящий Вас Сергей Соллогуб»[1].

Вечером я заготовляю с Мих[аилом] Алек[сандровичем] приказы, заношу все в дневник и ложусь спать... Пора, в прошлую ночь я спал не больше 4 часов...

22 ноября 1916 г., Бряза

В 10:30 приезжал кор[пусный] к[омандир][2], с которым мы говорили... Я ему передал мои впечатления от гостей... Фон Нэрике «уходит» по его приказу...

Сер[гей] Ив[анович] говорит о пережитом во время его уноса. Был страшный огонь, чувство желания спасти жизнь в это время наиболее сильное. Разорвался вблизи

[1] Вдоль абзаца волнистая линия и надпись: «Письмо».

[2] А. М. Зайончковский.

снаряд, его бросили и влипли в землю. Он с носилок покатился куда-то вниз... и застонал. Минула «опасность», его вытянули и опять погрузили. «Вы уж меня, братцы, хоть тихонько опускайте»... Так потом и делали... Огонь был все время ужасный, и Серг[ей] Ив[анович] держал в руке образ Сергия Радон[ежского] и тихонько молился. Показались люди, предположили, что австрийцы. Остановились. Сер[гей] Ив[анович]: «Револьвера нет, яд далеко под шинелью». «Есть у вас винтовки?» «Какие винтовки... куды нам»... Нельзя и с собою покончить. Оказались свои саперы, идущие в роты... Облегчало, и пошли дальше[1].

Встав ото сна, я всегда иду к телефонам и беседую поочередно с командирами... Первый вопрос, который я ставлю: «Как офицеры и люди себя чувствуют, каково настроение?» Задаю потому, что это: 1) важно и 2) хотя мне говорят глупость и вздор, все же я заставляю своим вопросом думать, наблюдать и работать в этом направлении. Второй вопрос: «Что люди ели и ели ли горячее?» Вопрос понятен: пища — основание всего духов[ного], телесного и воен[но]-педагогического. Третий и следующие: тактика... о боевой обстановке, состоянии окопов, рекогносцировках и т. п.

Борзяков говорит, что раньше мы вели телефонную войну, что соверш[енно] противно духу огневой тактики. Н[ачальник] див[изии] должен уметь и иметь право приказать ком[анди]ру полка идти во главе, может быть, на верную смерть, но для сего: 1) он должен внушить веру, что и сам это сделает, а для этого и 2) он должен быть в окопах часто, т. е. намекать на это, а если будет удача, и показать это (как я в бою 15 ноября).

Сергеев (шт[абс]-к[апитан] ком[андир] II-6-го) был в Юридич[еской] акад[емии] и теперь командует бат[альо-но]м. Говорит, что 15 ноября был в первый раз в огневой обстановке и огорчен тем, что когда он с рот[ным] ком[анди]-ром Петровым бросился вперед, за ним пошло не больше 20 [человек]... начали подходить потом. Я: опыт огневой тактики говорит, что 1) об этом нужно оповестить раньше,

[1] Вдоль абзаца синяя волнистая линия и надпись: «Сер[гея] Иван[овича] выносят санитары».

чтобы люди готовы были видеть впереди своего командира... иначе увидят только ближайшие и 2) пример командира потянет за собою лишь имеющих прочное сердце и доступных боевому пафосу; есть другой сорт, для которого нужны другие приемы — окрик, палка, может быть, револьвер — и для посылки которых вперед нужно быть позади... только совокупностью 2-х приемов можно послать на движение под огнем maximum людей...[1]

Мой отряд раздувается: сегодня прибыл еще в мое распоряжение 7-й перед[овой] отряд Кр[асного] Креста, бывший в составе 37-й пех[отной] дивизии...

Гр[аф] Алексей Н[иколаевич] Толстой, V т., Книгоизд[ательство] писателей в Москве. «Хромой барин» — 5–171. «Овражки» — 171–207 и «Маша» — 207–242. Интереснее всего первое: расслабленный толстовец Алек[сей] Петр[ович], князь Краснопольский, который в конце — ползет к своей жене Кате несколько верст; остальное — пустяч[ное]. Манера вроде Шмелева, но гораздо менее талантлив.

В приказе по 253-му п[ехотному] Перекопск[ому] полку от 30 окт[ября] 1916 г. № 364 о моей роли 23–24 октября сказано:

§3. 23 октября сего года, не успели австро-германцы навалиться на наши позиции ураганным артилл[ерийским] огнем, как в наши передовые окопы на наблюд[ательный] пункт прибыл Его Пр[евосходительст]во нач[альник] дивизии. В течение двух дней боя 23 и 24 октября Его Пр[евосходительст]во безотлучно был с нами и лично руководил боем, подымая дух бодрости у защитников «Орлиного гнезда». Не успели бои закончиться, как 26 октября к нам на позиции в «Орлиное гнездо» снова прибыл нач[альни]к дивизии. Обходя передовые окопы, Его Пр[евосходительст]во благодарил как г.г. офицеров — участников боев 23 и 24 октября, так и нижних чинов.

За бои 23 и 24 октября Его Пр[евосходительст]во изволил пожаловать и лично приколоть к груди более отличив-

[1] Вдоль этого и двух предыдущих абзацев волнистые линии и надписи: «Огневая тактика».

шихся ниж[них] чинов 4 Георг[иевских] креста 3-й степени, 13 Георг[иевских] крестов 4-й степ[ени] и 6 Георг[иевских] медалей 4-й степени.

Объявляя о таком внимании и сердечной заботе о нас Его Пр[евосходительст]ва, уверен, что перекопцы не останутся в долгу и новым своим делом постараются порадовать Его Пр[евосходительст]во[1].

23 ноября 1916 г., Бряза

Сегодня утром выезжал в окопы 4-го и 336-го полков. Утром беседую с Инютиным (Матв[ей] Вас[ильевич]), который прибыл из Черновиц для роли нач[альника] штаба. Он много и долго докладывал ком[андую]щему армией и начальнику штаба. Описал все: заботливость, подготовку и самый бой со всеми деталями. Ком[андующий] ар[мией] благодарил меня (в начале и конце своего слова) и командиров Перекопского и Елизаветградского полков. Покровский — свинья — прислал только поклон: некогда, мол, Ханжин болеет... Миша Будков прислал письмо с латинской выпиской на черной мраморной доске, внутри мавзолея (в Луцке):

Siste viator! Hi tumuli tegunt illos fortes admirantos, qui vitam in magna bella pro patria et Jmperatore dil[l]ecta posuerant. Hic etiam hostes guondam cum caritate conjuncti reguiescant. Avete piae animae![2]

K. u. K. 4. Armee[3]
Cs. es Kir 4 Hadsereg[4].

Поехал в валенках и, переобувшись в сапоги в штабе 3-го полка, пошел к штабу 4-го... Там поговорили с командирами 3-го, 4-го и 5-го и ком[анди]ром ударного батальо-

---

[1] Этот и предыдущие два абзаца отмечены красной волнистой линией с надписью: «Награды снизу».

[2] Путник, остановись! Здесь погребены те люди удивительной силы, которые отдали жизнь в великой войне за родину и дорогого императора. Здесь также покоятся враги, некогда к ним с почтением присоединенные. Поклонись их верным [долгу] душам! (*Пер. с лат. К. Л. Тарасова.*)

[3] Императорская и королевская 4-я армия [в Австро-Венгрии] (*нем.*).

[4] Императорская и королевская 4-я армия (*венг.*).

на — 4-го (Ник[олай] Филлип[ович] Перекрестов), пошел по окопам левого флан[га] никол[аевцев] и правого челябинцев. Понаблюдал места ударов, поговорил и вернулся к тому же блиндажу. Обедаем, болтаем и снимаемся.

(Оказывается, Петровым Сергей Иванович остался не особенно доволен, но от меня скрыл... все есть, нет только боевого пафоса, сводящего («пат») к нулю все преимущества в горячие минуты боя.[1]) Оттуда с В[асилием] В[асильевичем] идем к штабу, обуваю валенки и верхом назад. Чувствуется какой-то темный тяжелый туман, вроде фога; солнце, пробиваясь сквозь него, дает желтую окраску своим лучам; у Савлаева и у меня головы тяжелы. Что это: пожар ли недалеко, или враги заразили воздух гадостью... с них станется.

Серг[ей] Иванович, пока был рядом со мною, по ночам кричал: «Вперед, ребята, вперед» или «Ком[андую]щий дивизией, вперед» или «Вперед, что там за ура»... Оказывается, он и в Черновцах, будучи у Инютина, продолжал кричать... Напр[имер], «Николаевцы, вперед»... Как долго держится иногда травматич[еский] нервоз.

В Ник[олаевском] полку в ударе идет батальон Перекрестова. Я вижу сегодня 4 ротных командиров сего батальона — безусых мальчиков — и, готовясь послать их почти на верную смерть, я внимательно всматриваюсь в их лица... как внимательно рассмотрел вчера на панихиде лица пяти елизаветградцев, убитых в бою 15 ноября...

Сегодня всматриваюсь в живых, завтра буду всматриваться в мертвых... И так всюду и везде. Здесь на боевом поле шагаем по трупам, бодрим и поощряем на смерть живых, чтобы потом оплакивать мертвых. (До сих пор не делалось прощание с умершими: «Придите, отдайте последнее целование»... приказал, и вчера делали.)

24 ноября 1916 г., Бряза

В 8 час[ов] утра, надев валенки, тронулся в окопы Самарского (147-го) полка, чтобы выслушать соображения и посоветовать, а также повидать офицеров и поговорить с унт[ер]-офицерами 2 ударных батальонов. Чувствую, что

[1] На полях рядом с этим предложением надпись: «Огн[евая] такт[ика]».

я должен буду говорить с чужим полком, т. е. более доказательно и сильно: свои натерты уже раньше, и они — как алкоголики — начинают «пьянеть от одной рюмки». Со мною едет Борзяков и, как обычно, Савлаев с 5 казаками и дивиз[ионным] флагом. Прекрасное свежее утро, в низинах морозный туман, земля покрыта густым инеем... Хороши ели, укрытые инеем, искривленные, фантастичные, с грязновато-белым цветом. Мы много говорим.

Начинаем с обычая самураев — строгой семейной дисциплины (такая же и у кавказ[ских] горцев) и переходим к общему вопросу о дисциплине... Б[орзяков]: «Ее не понимают, она основа всякого порядка»... Затем мы переходим к боевому типу и приходим к дружному заключению, что он совместим с поэтическим настроением и даже слабостями (Серг[ей] Иван[ович], Лихачев...).

Б[орзяков] приводит интересный пример: я совершенно теперь понимаю, почему грозные рыцари, махая целый день мечами, ходя по крови и трупам, а вечером, со слезами на глазах, слагали мадригалы в честь своей дамы сердца... Это понятно[1].

Позднее мы на ту же тему говорим с полк[овником] Смирновым (к[омандую]щий 148-м Касп[ийским] п[олком]), и он с этим вполне согласен. Это тип офицера (Георг[ий] и два Георг[иевских] оруж[ия]), который командует отдел[ьной] частью 1 мес[яц] 29 дней, и далее вновь 1 мес[яц] 29 дней, но с лукавыми перерывами в 2–3 дня...[2] Интересный показатель, как у нас мошенничают: «Господинчик и воевать не хочет (дело «грязное» и ненадежное), и деньги хочет получать»...

Приезжаю к штабу 3-го полка, где знакомлюсь со Смирновым (Ив[ан] Павлович). Здесь же ошибочно собраны выбранные к награждению велик[им] князем (Георг[ием] Михайл[овичем]) по 108 человек от 4-го и 5-го полков. Я пользуюсь случаем и говорю им на две темы: 1) не бояться своего артилл[ерийского] огня (случайность, можно

[1] Абзац выделен на полях синей волнистой линией и надписью: «Огнев[ая] такт[ика]. Боев[ой] тип».

[2] Это предложение выделено на полях красной волнистой линией и надписью: «1 мес[яц] 29 дн[ей]».

пожертвовать, но лишь бы не прекращать, не давать оправиться) и 2) в атаку надо идти быстро и неудержимо, всем и громко «ура» (враг шалеет, руки дрожат, артиллерия не успевает и т. п.). Говорю, что я и все офицеры будут с ними. Благодарю за ответ, хорошие глаза, вяжу начальн[ическим] словом и желаю всего хорошего.

Оттуда к скале, где между Шепелем (плюс Стугин) и Лихачевым начинаются пререкания... Шепель потрясен «неудачей», боится новой и торгуется: он готов поменяться и с В[асилием] В[асильевичем], и с самарцами, боится расстрела с трех сторон и жаждет «красивого» дела. Я выслушиваю и говорю: 1) распределение сил вытекает из сложных и глубоких соображений; 2) Лихачева нельзя тянуть для обеспечения задачи 6-го полка (частной), и надо хранить общую идею — работать общими флангами; 3) горю же 6-го полка поможем частными мерами, не нарушающими плана: возьмем грозные фасы под пулеметные батареи, а круглую гору под артиллерию (выкроим)... А спорить не годиться: это принижает настроение. Затем раздаю кресты по общему приему (за что, пиши письмо, поднимаю словами и целую... подчеркиваю спасительность подвига для сохранения жизни)... Говорю коротко с унтер-офиц[ерами] ударн[ых] николаевских батальонов... и иду к самарцам. Хочу поворачивать налево к окопам, но Пфингстен (Кузьма Кузьмич, к[оманди]р 147-го Самар[ского] п[олка]) просит меня идти прямо... Иду, а Цезарский (Леонид Антонович), ком[андую]щий правой группой, идет туда... и его ранят в плечо пулей. Я шел бы вперед, вылезал бы, и внимательный (в этот день) стрелок ранил бы меня...[1]

Подхожу к самарцам, знакомлюсь с офицерами, здороваюсь, а затем говорю с унт[ер]-офицерами 2 ударных батальонов... Говорю на те же темы (арт[иллерийский] огонь и бешеный ход в атаку), но с таким приподнятым настроением, как никогда (весь дрожу); очевидно, внутр[енний] голос подсказывал мне, что я должен этих чужих людей и больше убедить, и сильнее согреть... По глазам видел, что

[1] На полях вдоль последних предложений красная волнистая линия и надпись: «Случай».

достиг... Говорю с ротными командирами 4-го удар[ного] бат[альона] и ухожу...

На обратном пути Смирнов знакомит меня с Гитисом (подп[олковник], георг[иевский] кав[алер]), храбрым и скромным офицером, и с другим (Вяткин), у которого только что мальчишка-прапорщик застрелил жену (дочь инт[енданта] Алексинского) и который, бросив полковое хозяйство, возвратился в строй... Другие бат[альонные] командиры послабее. Мы со Смирновым говорим одним языком (боевой пафос, выдохся и т. п.). Он говорил про Саввича (будучи ком[анди]ром 16-го корпуса не поддержал соседа, а затем хотел сам взять... прогнали на 18-й) и про его первое свидание: не боевой и жестокий деспот... На войне ничему не научился и ничего не понял). Мы много говорим на ту тему, что в боев[ом] типе должно быть много и поэзии, и мягкости... отвоевали и друзья "cum caritate conjuncti"[1]... У В[асилия] В[асильевича] обедаем, болтаем и в сумерках в лунную, холодную ночь выезжаю домой. Последние полчаса еду в тумане и встречаю идущий на свою «позицию» 7-й перед[овой] отр[яд] К[расного] К[реста]... лошади выбиты из сил.

Прибываю, 74-й зовут ужинать; иду — хохот и болтовня. Зовет кор[пусный] ком[андир] и говорит: если налево начнут 25-го, то и вы, известив меня, 37-ю и 84-ю... Возвращаюсь, ужинаем, а в 9 к себе и тяну 148-й, 5-й, т. е. в ночь принимаем предбоевое расположение... Готовы драться... Кажется, все готово... Что Бог даст...

25 ноября 1916 г., Бряза

В 6 часов к[омандир] кор[пуса] спрашивает: могу ли я атаковать, если возьмут у меня 3 полка. Отвечаю: если в ночь 25–26 возьмут, то 26-го мне — при 19 верстах — не с чем будет атаковать, а если возьмут в ночь с 26–27, то не с чем будет удержать завоеванное... В 8 час[ов]: наступление отменяется, но помочь 26-му корпусу. Приказываю взять голый пуп, а налево демонстрировать по долине Валеа-Стыней двумя ротами...

Приехал профес[сор] Пирс (нач[альник] санит[арного] автомоб[ильного] транспорта), я поговорил с ним (англича-

[1] «Без злобы присоединенные» (*лат.*).

нин, говорящий по-русски): у меня от него нет секретов — пусть смотрит, что хочет...

К полудню 23 ноября румыны очистили Бухарест. 3 ноября умер Сенкевич, 8 ноября умер Франц Иосиф...[1]

В эту войну дивизии играют самую крупную роль, как в японскую — полки. (Так думает и Ханжин), поэтому роль нач[альник]ов дивизий сугубо серьезна и подбор их — великое дело. Это объясняется тем, что дивизия — предельная устойчивая единица, что полки из-за слабого состава командиров и скоропреходящей истории свелись на роль батальонов (даже рот) старого времени. Был полк — направлен на удар или попал под добрый огонь — и нет полка: новые люди, новые ротные командиры, даже новые батальон[ные] командиры... Единица случайная, условная, быстро умирающая. Значит, навыки, преемственность, тактическая боеспособность сохраняется в теперешней войне только за дивизией, отсюда ее значение и значение ее начальников. А между тем, общий тон последних крайне ненадежен: Жданко (64) уже месяца 3–4 труп; Гнида (43) — старик, не могущий ездить верхом, никогда не бывающий даже в штабах полков (шестью лошадьми тащили на позицию); Ваденшерна (37) — тупая чухна, тактически неподготовленная, упрямая и бестактная, 5 месяц[ев] не был в окопах, в офицерах Ген[ерального] шт[аба] видит личных врагов, до 6 раз готов был быть отставленным, но спасался перескоком в другую армию; Бачинский (11) — нервная баба, со всеми ссорится и окисляет всякий порыв и надежду; Стрелок [Вирановский] — пустобрех, фантазер и трус, еще может уложить дивизию, но не создаст новой; Козлов (84) — совсем ничтожная величина, ничего не смыслящая; Троцкий (65) — совсем больной человек; Добророльский (78) — штаб[ной] франт, ничего не разумеющий ни в строю, ни в военном воспитании; и многое множество лиц, совершенно ничего не дающих полкам и даже вредящих фактом своего стояния во главе дивизии.

Вторая данная — отсутствие программы и направления работ начальников дивизии. Что они должны делать

[1] Абзац записан карандашом.

в современный фазис войны? Только ли управлять, или иногда и командовать? Что такое телефон (орудие связи, управления, осведомления, но ни воспитания, ни командования)? Наб[людательный] пункт? Каков день нач[альни]ка дивизии, какая работа на протяжении? О чем он должен спросить, подходя к телефону утром (настроение, пища и обстановка)? Все это вопросы неясные, нетронутые, все работают наугад, а многие и совсем не работают. Стрелок думает, что он тактический расходчик полученной силы, не больше; другие — что они старые помещики, власть имеющие и живущие по настроению или капризу (Жданко не любил френча, бил солдат за палку, не любил тихих ответов, ругал за громкие...), другие, наконец, ищут и что-то делают ощупью...[1]

В Приложении к Приказу по 253-му пех[отному] Перекопскому полку от 17 ноября сего года № 385 значится:

«15 ноября сего года в районе Кирлибаба временно ввер[енный] мне полк атаковал и выбил противника из 2 сильно укрепленных линий окопов „большого входящего угла“ с резервной скалою, захватив при этом в плен 10 офиц[еров], 4 кадета, 366 н[ижних] чин[ов], 8 пулеметов, 1 прожектор, 2 бомбомета, массу оружия, снаряжения и патронов. Большая часть перечисленных мною трофеев приходится на долю 4-го батал[ьо]на, который во главе своих доблестных: командира батальона и офицеров, несмотря на ураганный заградительный огонь неприятеля, дружно ринулся вперед и, преодолев сильные проволочные заграждения, выбил неприятеля из двух линий окопов.

Обозначившийся успех в 4-м батальоне был вовремя поддержан ротами 2-го и отчасти 1-го батальонов, атаковавшими неприятеля во фланг. В то время когда густые цепи 4-го батальона ринулись в атаку, бывшие со мной на наблюд[ательном] пункте в передовых окопах 15-й роты Его Пр[евосходительст]во начальник дивизии и его начальник штаба кап[итан] Соллогуб под сильным заградительным огнем противника с криками „ура“ выскочили на бруствер и

[1] Предыдущие два абзаца выделены синей линией и надписью: «Нач[альни]ки д[ивиз]ий».

своим появлением вселили необычайный энтузиазм в ротах 3-го батальона, которые с неудержимым порывом ринулись в атаку. Благодаря Богу и дружной совместной работе всех, начиная от нашего доблестного и бесстрашного генерала до последнего солдата, сильно укрепленная позиция противника была взята.

Считаю своим служебным долгом выразить свою искренне сердечную благодарность всем г.г. офицерам, принимавшим участие в атаке 15 ноября, а молодцам родным землякам объявляю свое сердечное спасибо.

О тех же, кому суждено было положить душу свою за Царя и родину, вознесем Господу Богу свои горячие молитвы. Вечная память вам, родные герои! Вы умерли, но память о вас будет жить и никогда не умрет! В душе каждого перекопца имя ваше будет священным, и каждый из нас в трудную минуту с радостью подаст руку помощи Вашей осиротевшей семье».

Подлинный подписал: вр[еменно] командующий полком
подполковник Лихачев.

Верно: полков[ой] адъютант подпоруч[ик] Чайковский[1].

Но особенно, что недостает началь[ник]ам дивизии, это 3) (подбор и программы) сознание и постоянное проявление мысли, что они также носители идеи самопожертвования, что они также должны в ту или иную минуту жизни дивизии становиться во главе какой-то единицы и идти на смерть... Эта 3-я причина — духовная и высокая — многое выясняет, дополняет и освящает...[2]

26 ноября 1916 г., Бряза

Сегодня празднуем праздник Св[ятого] Георгия. Я получаю поздравления от полков, и сам поздравляю по телефону, а к[оманди]ру корпуса шлю телеграмму... Настроение славное, чувствуешь что принадлежишь к семье храбрых,

[1] Текст документа сопровождается волнистой линией и надписью: «Награды снизу».

[2] Абзац выделен синей линией и надписью: «Нач[альни]ки див[изий]».

к специальной аристократии духа (другие — ума, денег, таланта, происхождения и т. п., т. е. ума, таланта или денег — в прошлом. Идея историческая: деды поработали и сделали почти все, что положено их роду, дети отдыхают, но пользуются благами...); нас потом затрут другие аристократии, когда минует военная гроза, но ведь мы работали не для толпы и печати; мы делали свое дело по внутреннему голосу, и с минованием войны мы скромно станем в сторону, создав для других жизнь, которой некогда мы умели рисковать.

В 13 час[ов] я иду на площадку, к 1-му и 2-му бат[альона] м 3-го полка, где мы молимся Богу, поздравляю с праздником, провозглашаю «ура» Высок[ому] Георг[иевскому] кавалеру и пропускаю церем[ониальным] маршем; ребята подтоптались, исхудались, но носы держат кверху.

В 14 часов у нас обед, всего до 23 человек; ком[андир] полка 3-го и 2-го бат[альона], представители 7-го и 74-го перед[овых] отрядов Кр[асного] Кр[еста]. Обед идет дружно и живо. Я говорю речь на тему об аристократах духа, храбрости, которые сегодня празднуют свой праздник, заключая речь несколько элегически: после войны на сцену выйдет другая аристократия, но не для толпы мы работали; мы ей дали жизнь, рискуя своей — это наш девиз, а «славы» ее нам не нужно...

В 16 часов я посетил больную Нат[алью] Ильин[ичну] (невесту князя), где завязался спор на тему, что к уполномоченным относятся офицеры с пренебрежением. Я провожу мысль: всякому свое, но между боевой частью и частью, прилегающей к боевой, должна всегда проводиться строгая линия, а в боевой части на первом плане должна стоять пехота... А процесс путаницы очень простой: у тыловых оттенять 5% молодцов и рисковавших жизнью, и ими прикроют 95% трусов и бездельников, а в пехоте оттенят 5% — контуженных и малодушных, и ими закроют 95% — великую и многострадальную семью храбрых и умирающих...

Потом я гуляю с сестрами и вечером у них ужинаю, где мы оживленно болтаем и спорим на тему о храбрости, типе храбрых, о возможности приучить себя к опасности и т. п. Сестры очень критикуют Рерберга (храбрость напоказ и на минуту, а в минуты боя и в момент неудачи спокойно у

сестер ест цыпленка за 30 верст от места боя), графа Келлера (позер, интриган, мелочный до глупости)... Граф Броницкий (владелец 30 милл[ионов], но ходит оборванный), приводит слова, как Тамерлан определял храбрость: «Храбрый тот, кто в минуты опасности сохранит терпение до конца» (вроде этого — хорошо и метко). Вспомнили слова [Петра и] Чингиса[1]: 1) «Надлежит вверять войска — умным и храбрым, обозы — энергичным и расторопным, гурты скота — ленивым и неповоротливым»; 2) «Высшее наслаждение в жизни: „Гнать перед собою бегущего врага, топтать его поля, ласкать его женщин“». Я ухожу в 21 час и дома еще немного занимаюсь. 65-я див[изия] завладела щеткой, 78-я, по слухам, взяла 3 т[ысячи] пленных и 30 орудий...

Целый день прошел по-праздничному: полки молились, поздравляли георгиевск[их] кавалеров, и кормили их получше...

27 ноября 1916 г., Бряза

Утром занят тем, что кончаю жене письмо, упаковываю два пуда сахару, письма и револьвер; посылаю 600 рубл[ей]. Письмом женка будет довольна, т. к. оно захватило интересные темы. Уезжают Борзяков (Влад[имир] Алек[сеевич], у него что-то неладное в семье) и Капустин (Ал[ександр] Никол[аевич]). Потом я долго гуляю по доскам. В ясный морозный день... кругом бело, забавно рядом сидят лягаши[2] Жданко и следят за Зигфридом[3]. Потом я еду к перекопцам, где мы обедаем; едут только две сестры-перекопки. Обед проходит живо, тепло. Я говорю речь на тему о 3-м полку, как он работал предо мною и как я полюбил его... упомянул, что он мой любимец. Закончил «ура» в честь командира и полка. Командир — в мою честь (учитель боевой — главная тема). 3-й — за гостей. Потом я сказал в честь милой троицы, моих друзей: Вас[илия] Вас[илиевича] Лихачева, Андр[ея] Агапит[овича] Гавриленко и Влад[имира] Георг[иевича] Ла-

[1] Чингис-хану принадлежит высказывание под номером два. Под первым номером приведено высказывание св. Петра.

[2] Лошади.

[3] Вероятно, кличка животного.

тия; я описал мои с ними встречи, завтрак у тезки (в два счета), сказал, что их не забуду, что их образ — живой на фоне лихого полка. Затем говор[ил] Вас[илий] Вас[ильевич] с подъемом и вдохновенно об Орле (я), орлятах и описал под углом этого сравнения бои 23–24 октября и 15–19 ноября... Это было картинно, горячо и оригинально. Кричали с чувством. Затем он упомянул о Кон[стантине] Дмитр[иевиче] — тоже «ура» и З) о сестрах... хорошо. Затем говорил о сестрах старший врач: суховато, но обстоятельно. Ком[андующий] полком в честь англ[ийского] гостя, профессора Пирса, на что он ответил длинной и умной речью: они не знали России, но теперь поняли... Она их спасла наступ[лением] в В[осточную] Пруссию и на Карпаты... Они в долгу, т. к. они дают металл и технические средства, а Россия самое дорогое — сынов. Они только теперь поняли величие и самопожертвование нашей великой страны и они преклоняются перед гением ее народа и ее культуры и земно кланяются ее несравненной армии... Кричали много. Пирс по окончании был бледен и взволнован.

Нач[альник] штаба докладывает, что на меня опять хотят взвалить операцию, и я даю ему материал для ответа. Он уходит, а я для видимости сижу еще несколько минут.

При моем уходе мне играют марш и офицеры качают меня на руках, а потом на руках же выносят и сажают в экипаж (это второй случай качанья...).

Мы уезжаем, и Пирс говорит мне, что у нас очень сердечно и тепло, и на всем печать сильной любви ко мне... а это залог успеха.

28 ноября 1916 г., Бряза

Встал в 7.15 и выезжаю с Мат[веем] Вас[ильевичем] в штаб корпуса (Селетин). Армия 8-я дала директиву операции на Кирлибаба, с целью волновать противника и вызывать изнурительные контратаки. Я приготовил соображения, выбрав урочище Францеа для удара и прося полк пехоты, а против общей идеи представлю возражения.

1. Дивизия загрязнела, обмалокровила и завшивела, имел в виду ее подправить, полечить, согреть и обучить. Это нужно в программном смысле, а не просто по

дилетант[скому] смыслу «отдохнуть»... Планомерный и программный отдых лучше и победоноснее случайных, беспрограмных боев... Воевать надо на даль.

2. Обстановка не для боев: раньше 15% убитых, 15% тяжко раненых, 60–70% раненые, идущие потом назад. Теперь холодно (до 15°), раненые замерзают и гангренируют, все будут гибнуть, а полки не временно слабнуть, а вымирать. Организовать помощь нет сил. А затем: земля мерзлая, лопатка не берет, окопаться трудно: погибнут от огня и мороза и победители.

3. Кирлибаба тактически взята: нет жителей, ночью проскок по шоссе случайный, поезда не подходят... Взять для того, чтобы напечатать? Слишком много политики.

4. Контратаки мы вызываем и теперь теми средствами, которые мы применяем...

Почему, если указ стратегии не слишком повелителен, операцию лучше отклонить.

Прибыл в штаб корпуса около 10 с лишним. Скоро заговорил с к[омандиром] к[орпуса]... Он меня выслушал и согласился, но просит меня поехать в Армию и все изложить. Он говорит, что у него опускаются руки, и он также себя чувствует, как и в Добрудже. Он кричит, просит Пеха приехать... не едут, а бумаги под сукно. Кал[еди]на считает упрямым и глупым («может быть, влияет то, что он кавалерист?»). Никакой нет организации или объединения, тыл не оборудован, ничего нет... все висит на воздухе... «Если так, то донесу, что я не в силах командовать...» Что здесь правда, что интрига, что оскорбленное самолюбие, как сказать? Рассказал историю с Драгомировым; он изложил невозможность одной операции для 8-го и 1-го гвард[ейских] корпусов, направил в Армию и копию соседу. За это его упрекнул Кал[един] в недисциплинированности и бестактности, тот себя не счел виноватым, тогда его в резерв (а Брусилову: «в резерв по болезни»). Раскланялся и уехал. Заходил к графу; лежит с флюсом и с 38°, согласен, что «дети»... Эрдели поворачивает хвост и уже хлопочет, чтобы 64-я дивизия [не] осталась за мною, сам, по-видимому, целит на 64-ю[1]. Неразбериха какая-то...

[1] Так у А. Е. Снесарева.

Нет ничего причудливее и уродливее русского штаба. Я уже говорил о типах. Вот — что рассказывает Инютин об 8-й кав[алерийской] дивизии. Ком[андую]щий — ген[ерал]-м[айор] Киселев: 1) штаб работает до 3 час[ов] ночи, затем ложиться спать. Генер[ал] ложится рано, встает в 5... Будит: «Черт вас знает, все спите, а еще офицеры Ген[ерального] штаба»; 2) поест как-то наспех, а затем говорит штабу: «Когда же Вы нажретесь?... а еще оф[ице]ры Ген[ерального] штаба». Ген[ерал] Крассовский — бригадный, замещая нач[альни]ка дивизии: 1) тянет в полночь старшего адъютанта (Инютина): «А что, у пограничников (было продано 3 сотни) есть хлеб?» «Вероятно есть, иначе говорили бы. Спросите у див[изионного] интенд[анта]». Ген[ерал]: «Пошлите узнать. Вы — оф[ицер] Ген[ерального] штаба, все должны знать»; 2) «Разослали ли приказы?» «Да». «Получены?» «Да, вот расписки адъютантов». «Почему адъютантов? Пошлите, чтобы расписались командиры полков»; 3) сбился с дороги с начальником штаба (полк[овник] Прохоров) на автомобиле, а потом пилил его без конца... «А еще офиц[ер] Ген[ерального] шт[аба]?»; 4) писали с нач[альником] штаба приказ и ругались без конца; наконец, нач[альник] штаба подавал рапорт о болезни, его замещал Инютин... до завтра. Завтра опять то же самое... Чему тут больше удивляться: грубости ли, невежеству или еще чему-то: люди получили власть, но по знаниям и нравственности до нее еще далеко не дошли...[1]

29 ноября 1916 г., Бряза

Вчера вечером вновь прибыл Куроки (Никанор Александрович), в сопровождении поручика князя Ухтомского. Встретились, как старые знакомые. Сегодня утром собирался посетить позиции вместе с проф[ессором] Пирсом и кап[итаном] Куроки, но узнал, что ком[андир] кор[пуса] желает в 13 час[ов] поговорить с командирами полков. Все отставляем и готовимся к встрече.

Назначение князя Мещерского (Ник[олай] Павл[ович]) исполнять должность вызывает бурю в стакане. Одесситы

[1] Вдоль абзаца красная волнистая линия и надпись: «Наши штабы».

заволновались: посторонний человек влезает в их тесный круг и еще отбирает деньги. Македонов, мол, уже исполнял, Серг[ей] Ив[анович], мол, приказал и т. п. Натирают Матв[ея] Васил[ьевича] и, в конце концов, ко мне приходит Димит[рий] Савостьянович Романенко, бледный и волнующийся; его доводы за Македонова: 1) был; 2) Серг[ей] Ив[анович]; 3) князь — посторонний и уйдет; 4) с ним история — разыгрывает роль то див[изионного] врача, то еще чего-то. Я: 1) нельзя обижать должность старш[его] адъютанта, и надо на нее назначать пригодных... Мы возмущаемся Жданко, Гнидой, Козловым и т. п., а сами сейчас же готовы сделать по знакомству и кумовству; 2) Македонов не может; 3) а если князь в бытовом отношении не гож, возьмем его в оборот...[1]

С 10½ гуляю по улицам и вижу беспорядочно идущих по 1, 2, 4, 7 анапцев. (Полк 335-й, 84-й дивизии, 333-й — Глазовский, 334-й — Ирбитский, 336-й — Челябинский, бывший у меня). Спрашиваю, каких рот, получаю: 1-й, 2-й, 4-й, 7-й, 8-й, 12-й, 14-й, 15-й, 16-й, т. е. почти всех. Полк вчера пришел в 23 часа и расположился здесь, а это все отставшие. Значит, нет порядка, дисциплины, приемов и навыков. Хочу сказать об этом ком[анди]ру полка чрез 2 офицеров, но они сами внушают подозрение. Бат[альонный] командир вчера приехал вперед и расположился в халупе. Что можно ждать от такого полка, от такой дивизии? На переходе нет 1/3 людей, а пред атакой? Не будет 1/2 и погибнет лучшая часть. Военному тяжело смотреть на это[2].

Был корп[усный] командир, толковали (мысли хорошие и правильные). Из мыслей ком[андира] кор[пуса] наиболее интересные: 1) ком[андир] полка опирается на батальонных, которые ведают всем; 2) бат[альонный] ком[андир] на ротных и на 16 взвод[ных] командирах... и все будет хорошо; 3) строгая дисциплина в тылу: пусть работают втрое... Пообедали и поехали посмотрели перекопцев. Ком[андир] кор[пуса] поговорил с некоторыми (очень живо и остроум-

[1] Вдоль абзаца красная волнистая линия и надпись: «Наши штабы».

[2] Вдоль абзаца надпись: «Отставшие на походе».

но) и благодарил за службу... Говорил и я, когда тот уехал... Кричали «ура»...

Потом поговорили с командирами полков: 1) бодрый дух; 2) дисциплина (здороваться, осмотреть, похвалить, поругать... не окриком, а системой); 3) занятия с офицерами и унтер-офицерами; 4) подарки и развлечения...

30 ноября 1916 г., Бряза

Сегодня решил посетить наиболее выдвинутые роты 4-го полка. Вчера узнал, что г[енерал] Эрделли назначен нач[альни]ком 64-й пех[отной] дивизии, почему в душе была мысль, что я «навязываюсь», но потом мысль задушил: работать надо до последних минут. Выехали с Матв[еем] Васил[ьевичем] в 8 ч[асов] 30 мин[ут], в штабе 4-го полка переодевание, на сапоги надеваю «горные подковы» и иду до 2-го бат[альона]. Здесь под[полковник] Петров, у которого все подлизано: чисто, уютно, елочки, выстроены люди... Тип интересный (Петр Миронович): умный, знающий, энергичный, с поэтической жилкой, даже с готовностью умереть (более теоретической... завещание...), но нет боевого пафоса, нет боевого самозабвения, мож[ет] быть, излишний запас робости, которой не может победить гордость, или недостаточно боевая нервная система... до боя — 12+, с момента боя — средний начальник, а пожалуй, и ниже среднего[1].

От 2-го батальона через мой набл[юдательный] пункт (15 ноября) идем на язык, где нас встречает пор[учик] Петренко — к[омандую]щий 1-м бат[альоном] — и ходом сообщения общей длиной идем до конца языка, где сначала я прохожу по окопам 3-й роты, а затем — слабо закрытыми лесом местами — во 2-ю и из нее в передний выступ... Всюду экзаменую или беседую с ротными командирами и офицерами. Ком[андир] полка до конца не доходит: устал, а Мих[аил] Вас[ильевич] после отдыха меня нагоняет. Теоретически, по мысли М[ихаила] Вас[ильевича], мы делаем вещи непозволительные, а на практике по нас не дают ни одного выстрела. Назад путь трудный, и от меня отстают и Мих[аил] Вас[ильевич] и, особенно, Вас[илий]

[1] Вдоль последних предложений синяя волнистая линия и надпись: «Боевые типы».

Кондрат[ьевич] [Криштопенко]. Пьем — с хлебом и салом — чай у бат[альонного] командира, а затем поднимаемся по второй, еще более трудной половине длинного пути. На пути перед высотою 1527 встречаю англичанина и японца. Они заметно враждуют друг с другом. Японец говорит, что англичанин хитрый, а японец — простой и храбрый, а англичанин говорит: он, вероятно, не был в Европе, поэтому он немножко «наивный»... Сыны двух стран-контрастов, похожих только тем, что они расположены на островах, но одна — упадающая и базирующаяся на мозги и хитрость, а другая — восходящая, могущая базироваться на сердце.

Снова идем к Петрову, а оттуда в штаб полка. Я иду нижней дорогой, остальные идут верхней. Англичанин думает следовать за мною, я нажимаю и на пространстве, проходимом мною в 35–40 мин[ут], бросаю его на 10 мин[ут]. Говорят, что он упал, а пришел он конченный... «Спортсмены», которые не умеют драться, но очень любят соревновать по всякому спортивному г...ну...

Обедаем у Вас[илия] Кондр[атьевича] (к Петрову еле дошел... старая лисица, хорошо подмечает не только идеи начальника, но и все его слабости), все обхаживает меня хитрыми словами, обнаруживая удивительную память к моим выражениям: «учитель», да еще со словом «боевой», так и мелькают... Здесь же незаметно мы обсуждаем некоторые темы...

Назад мы трогаемся в 17 ч[асов] 10 мин[ут] и идем уже темной ночью: тихо, прохладно и звездно; звезды дают настолько много света, что горы видны достаточно, и весь горный ландшафт, покрытый ночным флером, встает пред нами в каких-то причудливых, волшебных тонах; на горизонте горят редкие ракеты. На душе ровно и спокойно-весело, как это бывает всегда, когда только что ходил в опасных местах, а теперь, исполнивши свое дело, мирно и безопасно возвращаться домой. Я пою песни или свищу, изредка перебрасываясь мыслями с Матв[еем] Васил[ьевичем]; он не из разговорчивых: оттого ли, что стесняется, или по недостатку идей... а сердце боевое — спокойное и дерзающее. В 21 ч[ас] 15 м[инут] валюсь как сноп, а в 7 ч[асов] 15 м[инут] утра я просыпаюсь чуть ли не на том же боку.

1 декабря 1916 г., Бряза

Сегодня нас покинул англичанин (Bernard Pares, Бернард Иванович Перс. Адрес: University Liverpool или British Embassy, Petrograd, Бассейная, 28). Кто он такой? Профессор русской литературы (офиц[иально]), или корреспондент, или шпион, или контролер, или связник («будить союзническое настроение»)? Не догадаешься, да и не нужно пробовать. Англия — страна умная и практичная, она имеет свои вековечные приемы. Начать с Вильсона, бывшего при Кутузове! Перс — хороший наблюдатель, болтун, занимательный рассказчик, хотя масштаба узкого, более технического. Сегодня мы с ним много говорили, и он мне рассказал немало любопытного.

По плану Германии Австрия с началом войны передала всю свою тяжелую артиллерию на Западный фронт, и потому-то мы так живо и победоносно прошли всю Галицию. В начале 15-го года Тосса был в Берлине и грозил заключить сепаратный мир, если в Галицию не передадут весь тяжелый арсенал, с прибавкой своего, что и было выполнено, после чего нас и поперли из Галиции... у нас ничего не было, и против металла мы могли противопоставить только грудь человеческую... вместе с жизнью.

Перс думает, что Англия нам должна дать пулеметы, бомбометы и тяжелую артиллерию, т. к. этого у нас мало. Я добавил еще рельсы и вообще матер[иальный] состав узкоколейки.

Он наводил справки и узнал, что до января 1916-го года мы потеряли 3 800 000 человек. Когда эту цифру он назвал Китченеру, тот бросил все свои расчеты и ответил: «Теперь начнемте думать сначала». Перс хорошо знаком с Ллойд Джорджем. Англичане слабо ориентированы, и наш посол в Англии старательно скрывал цифру потерь... «Ничего, не так плохо»...

Мысль Перса основная, что у союзников должен быть общий тыл, что в этом смысле весь материал должен направляться туда, где требует обстановка... надо победить.

У них в вопросе о министерстве было три фазы: 1) либеральное; 2) составное, из представителей всех партий, чтобы не было спору, а теперь 3) деловое, талантливое... теперь не

до политики, она будет после, когда кончим войну. Теперь надо искать и ставить людей, которые сумеют сделать дело...[1] После обеда Перс попрощался и уехал в 9-ю армию, откуда он поедет в Яссы, а оттуда в 26-й корпус. С удовольствием возвратится ко мне.

2 декабря 1916 г., Бряза

Перс и Куроки — антиподы; первый — парламентарий и хитроумный Одиссей, второй — монархист и черный. Когда он стоит пред трудным вопросом, то он говорит: «Император прикажет»... и шабаш: значит, нет труда, нет невозможного. Перс называет Куроки каменным человеком, на что тот отвечает: «Хорошо, так и надо». П[ерс]: «Но ведь харакири — это старый, дикий обычай?» К[уроки]: «Хорошо, пока могут; повлияют американцы, и тогда харакири людям трудно будет... тогда хитростью надо». П[ерс]: «Но одолеет сила, и придется уступить... отдать, например, Токио». К[уроки]: «Нельзя отдать Токио... тогда харакири». П[ерс]: «Ну, если все-таки возьмут?». К[уроки]: «Возьмут, значит там никого нет»... И так без конца: и не могут они договориться, и чует англичанин, что ему японца не сдвинуть с места, чует, что его страна уже пережила такое время и стоит на других устоях: политика, деньги, хитрость...[2]

Состояние патронов в 64-й пех[отной] дивизии
к 30 ноября (фактич[ески] проверенное)

В 253-м Пер[екопском] полку	
В рот[ных] и парн[ых] двукол[ках]	220 800
На руках н[ижних] чин[ов]	191 520
Всего руж[ейных]	412 320
Пулеметных	92 900
В 254-м Ник[олаевском] полку	661 290

[1] Предыдущие пять абзацев выделены линией и надписью: «Мысли Перса».

[2] На полях этого абзаца синяя волнистая линия и надпись: «Два мира».

(В том числе получ[ено] от 3-го — 147/ т[ысяч])
В 255-м Аккерман[ском] полку
В рот[ных] и п[арных] дв[уколках] 160 600
(На руках ?) 395 565

Всего 556 165
Пулеметных 37 995

В 256-м Елазаветград[ском] полку
Руж[ейных] 501 285
Пулемет[ных] 81 000

Всего в полках дивизии 2 343 955

В 3-м — 505 220; в IV — 661 290; в V — 594 160; в VI — 582 285.
Надо: [соответственно] 868 т/[ысяч] 868 т/[ысяч] 868 т/[ысяч] 868 т[ысяч]

ВСЕГО: 3 472 000.

Расчет должен быть: на полк в 16 однок[олок] двук[?] по 6 т[ысяч] = 96 т[ысяч] и в 8 парных по 14 400 = 115 200, а всего на полк 211.200. Кроме того, штатное число винтовок — 4123, да на каждую полагается 120 пат[ронов], а всего 494 760, а на полк — 705 960. Считая еще на пулемет 9 т[ысяч], да по 18 в среднем на полк, получим еще пулеметных 162 т[ысячи], а ∑∑ = 867 960 или 868 т[ысяч][1].

За 15 и 16 ноября патронов истрачено:

253 п[олк]	ружейных	154 190	пулемет[ных]	55 250
254 [полк]	[ружейных]	43 000	[пулеметных]	3500
255 [полк]	[ружейных]	86 110	[пулеметных]	10 000
256 [полк]	[ружейных]	169 900	[пулеметных]	23 000
[Всего:]		453 300		91 750

[Итого:] 545 050[2].

[1] На полях синяя волнистая линия и надпись: «Число патронов на дивизию».

[2] Последний расчет сопровождается надписью: «Трата патронов в бою».

В бою 17 нояб[ря] (у Кирлибабы)... — небольшой бой

253 Пер[екопский]	ружейных	50 110	пулеметных	15 150
254 Ник[олаевский]	[ружейных]	14 200	[пулеметных]	2 250
255 Аккер[манский]	[ружейных]	54 400	[пулеметных]	—
256 Елизав[етградский]	[ружейных]	53 000	[пулеметных]	800
[Всего:]		125 010		18 200

[Итого:] 143 210.

В бою 18 нояб[ря] (у Кирлибабы)... усиленн[ая] рекогносц[иров]ка

253 п[олк]	ружейных	1460	пулеметных	–
4 п[олк]	[ружейных]	11 000	[пулеметных]	5000
5 п[олк]	[ружейных]	3000	[пулеметных]	–
6 п[олк]	[ружейных]	2000	[пулеметных]	500
[Всего:]		17 400		5500

[Итого:] 22 900.

Командир 253-го Перекоп[ского] п[олка] полк[овник] Никол[ай] Маркович Побылевский
[Командир] 254-го Ник[олаевского] [полка][полковник] Василий Кондратьев[ич] Криштопенко
[Командир] 255-го Акк[ерманского] [полка] [полковник] Матвей Константин[ович] Романико
[Командир] 256-го Елизавет[градского] [полка] [полковник] Михаил Александр[ович] Стугин

Командиры батальона 253-го Пер[екопского] п[олка]:

1-го батальона шт[абс]-кап[итан]	Андрей Агапитович Гавриленко
2-го [батальона]подп[олковник]	Вас[илий] Вас[ильевич] Лихачев
3-го [батальона]капит[ан]	Михаил Иосифов[ич] Евсеев
4-го [батальона][капитан]	Владим[ир] Георгиев[ич] Латий

К[оманди]ры батал[ьонов] 254-го Н[иколаевского] п[олка]:

1-го батал[ьона]	поруч[ик]	Михаил Иван[ович] Петренко
2-го [батальона]	подп[олковник]	ПетрМироновичПетров
3-го [батальона]	кап[итан]	Прокопий Викторович Клюйко
4-го [батальона]	подп[олковник]	Николай Филиппович Перекрестов

К[оманди]ры батал[ьонов] 255-го Ак[керманского] п[олка]:

1-го бат[альона]	шт[абс]-кап[итан]	Георгий Иосифович Бонч-Асмоловский
2-го [батальона]	[штабс-капитан]	Владим[ир] Степанович Поплавский
3-го [батальона]	подпол[ковник]	Владислав Сигизмундович Млоцкий
4-го [батальона]	полков[ник]	Николай Николаев[ич] Полтанов

Ком[анди]ры бат[альон]ов 256-го Елиз[автградского] п[олка]:

1-го батал[ьона]	шт[абс]-кап[итан]	Констан[тин] Степанов[ич] Ржечицкий
2-го [батальона]	полков[ник]	Владимир Георг[иевич] Шепель
3-го [батальона]	подпол[ковник]	Владим[ир] Владимир[ович] Смерчинский
4-го [батальона]	подполк[овник]	Анатолий Францевич Марценко

3 декабря 1916 г., Бряза

Чтобы не забыть: нынешний начал[ьник] штаба фронта Сухомлин обычно говорил: какой я стратег, я ничего в этом не понимаю... мне бы по администрации: это я знаю и люблю... И такой «стратег» решает теперь крупные стратег[ические] вопросы.

Когда поднимался вопрос о направлении войск в Добруджу, Брусилов говорил: там какие-то болгары... Пошлю им Зайончковского. Пусть он там им втирает «очки»[1].

Чтобы править полком или дивизией, начальнику ее надо знать или чувствовать коэффициенты, т. е. цифровые нормы, которые говорят о нормальности жизни и переход которых должен заставить начальника подумать и искать исцеления. Напр[имер]: 1) при оборонительном состоянии потеря в день на полк ранеными или убитыми (при рекогносцировках) может колебаться от 3 до 10... выше, это уже нехорошо: шляются зря, нет траверсов, нет ответа и т. п.; 2) амбулаторные могут быть от 40 (160) до 200 на полк и это допустимо... выше — надо подумать: о мерах санитарных и воспитательных; 3) число отправляемых в госпиталь 3–10 на полк; (12–40)... терпимо; если выше, надо задуматься; 4) на тысячу раненых и убитых может быть до 100 контуженых, но если больше, то надо задуматься и врачевать; 5) пропавших без вести может быть много отдел[ьных] кучек, но целая единица (рота и больше), да еще с офицером, должна заставить задуматься и т. п. Знание или, точнее говоря, чувствование этих коэффициентов есть практическая необходимость для начальника; чувствуя их, он ведет часть нормальным путем и легко (бессознательно) предусматривает опасность уклонения с пути. Иначе дилетантизм и капризы: почему выругал, почему похвалил; мож[ет] быть, и в том, и в другом случае неправильно... А между тем только путем общения, постоянной связи со строем и изучения в душе оседает знание этих норм, которое и делает начальника действительным хозяином, владыкой и водителем. Всякое уклонение в штаб есть или вытирание усвоенных знаний, или потеря времени в смысле шансов их усвоения...[2]

Сегодня ездил в 5-й полк, чтобы наметить 2-ю линию обороны за Акк[ерманским] полком. Были на Обчине, ходили, лазили, стараясь решить задачу. Надо было бы гораздо

[1] На полях вдоль первых двух абзацев синяя волнистая линия и надпись красным карандашом: «Наши назначения». Еще левее запись простым карандашом: «Знание коэффициентов: больных, раненых, контуженн[ых], патронов, винтовок, пленных и т. п.».

[2] На полях красная линия и синяя надпись: «Коэффициенты».

больше времени и работы ногами, чтобы правильно выполнить это дело. Завтра будет заниматься ком[андир] полка.

Дорогой с Романико много говорим. Он повторяет мои мысли, иллюстрируя их примером. В доказательство того, что боевой человек есть человек жалостливый и не сухой, он приводит случай: был бой, и он ходил среди поля, покрытого трупами и ранеными; сердце его оставалось спокойным, полно покоем нужды и необходимости. Но вдруг он находит лань, которая была подстрелена, лежала и смотрела на него грустными глазами, со слезою, застывшей в одном из них... и ему стало до боли жалко и грустно, и целый день он не мог найти себе места...[1]

В Москве, на случай бунта, готовы пулеметы, пулеметчиками при них молодые купчики Москвы, уклоняющиеся от германских пулеметов... Я узнаю тебя, либеральная передовая Москва! Говорят, нач[альник] штаба Оболешев нажил с этих либералов много сотен тысяч... Хорошо, а либеральных криков не оберешься[2].

Кадровых офицеров в полках 64-й дивизии
к 1 декабря 1916 г. оставалось:

в 253-м Перекоп[ском] ..... 5 офицеров
в 254-м Никол[аевском] .....7 [офицеров]
в 255-м Аккерм[анском] .....6 [офицеров]
в 256-м Елизаветг[радском] ..... 8 [офицеров]

Всего 26 офицеров в дивизии.
А было около 40 в полку, или всего 160... в 6 раз меньше...[3]

4 декабря 1916 г., Бряза

25 или 26 ноября 78-я дивизия взяла высоту 1343 и 10 офиц[еров], 260 н[ижних] ч[инов] и 5 пулеметов. Потери 65-й див[изии] с 15 ноября по 30 ноября: офиц[еров] убито 16, ранено и контужено 75; н[ижних] ч[инов] — 481 убито, ранено и контужено 3539, на поле сражения осталось 249 (15–16 ноября было больше 200 плен[ных], 6 пул[еметов], 1 орудие). 3[0?] ноября 78-я наступала на высоту 1225 и взяла ее...

[1] На полях красная волнистая линия и надпись: «Случай с ланью».
[2] На полях синяя линия и надпись: «Москва».
[3] На полях пометка: «Остатки офицеров 1/6».

Значит, за 15 дней 65-я потеряла 91 офицера и 4269 н[ижних] ч[инов], т. е. два (или больше) полка...[1]

Сегодня проводили Инютина и Куроки; последний, видимо, привык и уехал с грустью. Мое дело таково: ком[андир] кор[пуса] просил Каледина, чтобы я был назнач[ен] временно нач[альником] штаба 37-й дивизии с тем, чтобы потом принять ее. Кал[един] отказал: я ближайший кандидат на нач[альника] штаба корпуса, и нет смысла перемещать меня как начальника штаба дивизии... Ком[андир] кор[пуса] говорит об одном, к[омандую]щий армией о другом; причина: скрытая вражда и политика. Этак можно дойти до пределов и до несчастий...

В настоящ[ий] период, при составе ниж[них] чинов и младших офицеров, успех будет тогда, когда сила и власть, и опыт полк[овых] командиров, и особенно нач[альни]ков дивизии, будут использованы полностью; они обязаны дать труда и помощи общему делу на 100%; если же они дадут по своему месту только 20–30% (Гнида, Козлов, Ваденшерна...) или еще меньше, то общая машина не даст той работы, которая нужна. Отсюда нач[альни]ки, которые недостаточно продуктивны, для переживаемого момента вредны[2].

Теперь в тылу все политиканствует и на страданиях страны хочет построить новый порядок и свое благополучие. Для них война — не война, а благоприятный момент: общее неудовольствие, войска нет, впечатлительность огромная: настраивай, как хочешь. Армию — эту жертвующую собой, умирающую, лучшую часть России — не слушают, ее мнения знать не хотят. Ее похваливают, как некогда хвалили гладиаторов в цирке, и думают, что этого и довольно. Армия скажет им свое слово и 1) умаление прав своего Верх[овного] вождя, с нею страдающего; 2) губительное политиканство и 3) преследование других целей она им не простит...[3]

Очень опасный симптом — ослабление активной упругости и слабое (почти нулевое) достижение поставленных

---

[1] На полях абзаца красная волнистая линия и надпись: «Дела и потери».

[2] Вдоль абзаца на полях надпись: «Полное напряжение строя».

[3] Вдоль абзаца красная волнистая линия и надпись: «Армия и... „тыл“».

задач, а между тем потери громадные. Это говорит о том, что директива дана крепкая и настойчивая, и проводится она до корпуса включительно, а в исполнении заметна слабость, неумение, недостаток настроения и т. п. Напр[имер]: 1) вся 9-я армия не может сдвинуться с места, между тем как это для спасения положения сугубо необходимо; 2) 43-я дивизия за операции 15–18 ноября потеряла 8–9 т[ысяч] человек (11 рот пленными, с бат[альонными] и ротными командирами)[1] и отброшена в исходное положение; 3) 65-я дивизия за бои 15–30 ноября потеряла 91 офицера и 4269 н[ижних] чинов и почти отброшена в старое положение... Ведь это очень серьезно, над этим надо думать и лечить раны. Ведь при таких потерях мы погубим все мужское население, а наш гениальный стратег — русская баба — не сможет народить новых людей для заполнения пустующих рядов...[2]

За мое командование[3]:

[Дата]	Офи-ц[еров]	[Ниж. чинов]	Пуле-м[етов]	Бом[бо-мета]	
6–IX	12	608			
24–X	3	185	2	3	2 мин[омета]
15–XI	19	750	11	4	2 прож[ектора]
Итого	34	1543	13	7	2 мин. 2 прож.

Прочитал рассказы Джека Лондона (оказывается, он умер)[4]: «Алая чума» и «Храм гордыни». Содержание:

Гавайские рассказы:

«Алая чума» (одичание спустя 80 лет... старик и внук)..... 3
«Храм гордыни» (удаление... брата) 99
«Кулау-Прокаженный» (Осада прокаженных войском)... 125

[1] Сверху надпись: «стр. 184, что соответствует записи от 10 декабря 1916 г.»

[2] На полях надпись синим карандашом: «Слабость актив[ной] упругости, слабая тактика вообще [вторая часть предложения дописана простым карандашом]».

[3] Следующие подсчеты написаны простым карандашом

[4] Слова в скобках приписаны сверху строки простым карандашом.

«Прощай, Джек» (отъезд прокаженных... певица).....154
«Aloha Oe» (Песнь любви... Американка влюблена
в цветного).....172
«Шериф из Коны» (Красавец-атлет заболел проказой)...185
«Чён-а-Чён» (Китаец из кули в миллионеры...
бросил семью) 211
Джек Лондон. Автобиография (хожалый) ..... 236–246.

Как всегда живо, талантливо и много милой рассудочной фантазии.

5 декабря 1916 г., Бряза

Сегодня на автомобиле Кр[асного] Кр[еста] ездил в штаб корпуса. Там говорили о многих вопросах: питании, укреплении позиции, надзоре за тылами, о работе на период обороны, о занятии с офицерами и т. п. Все начиналось и кончалось Дмит[рием] Иванович[ем] (Гнидой), дивизию которого и тыл нач[альник] див[изии] хочет лечить. Относительно меня ком[андиру] кор[пуса] не удалось, но он не оставляет надежды добиться своего и удержать меня в XVIII кор[пу]се.

Ком[андир] кор[пуса] думал меня или представить к Георг[ию] 3-й степ[ени] или к чину ген[ерал]-лейтенанта; я сказал, что второе никогда не пройдет, и он остановился на первом. Завтра начнем работать в этом направлении. Что-то выйдет?

Проводы прошли оживленно, много говорилось и от сердца. Мне подарена Георгиевская шашка с надписью: «Нашему доблестному бесстрашному орлу командиру с ангельским сердцем генерал-майору Снесареву в память славных боев 64 пех[отной] дивизии в Лесистых Карпатах в 1916 г. В. К. Криштопенко, Н. Д. Невадовский, М. А. Стугин, Н. Н. Полтанов, В. Г. Шепель, В. В. Лихачев, С. И. Соллогуб».

В[асилий] В[асильевич] прочитал стихотворение:

«Слушайте все» — вот тот клич боевой,
Что пред штурмом писал наш любимый герой.
Но не только пером он нас всех ободрял,
С обнаженным мечом за собой увлекал.

* * *

Не страшился ни пуль, ни снарядов, родной,
Помня свято и честно долг свой святой.
Он в атаку ходил с Перекопским полком,
И с тех пор он слывет нашим храбрым орлом.

* * *

Так угодно судьбе — наш орел боевой
Улетает от нас в край другой.
Дай Бог счастья ему и удачи во всем!
Будем помнить всегда мы о нем.
Ура!

Подп[олковник] Лихачев 5 декабря 1916 г.

Подполковник Петров сказал слово и, развивая мою речь, закончил стихами:

Мы же все, оставшись тут,
Часто будем вспоминать
Боевой наш с Вами труд,
Как ходили наступать.

* * *

Опыт, лихость, трудолюбье
Снесарев, наш генерал,
Всюду с нами побывавши,
Все нам это завещал.

* * *

Мы ж ему докажем это,
И порадуем не раз...
Грянем дружно: многи лета,
Не забудет и он нас.

Подп[олковник] 254-го Ник[олаевского] п[олка] Петров.

Люди привыкли и горюют, как в семье по уезжающему члену: Гавриленко поводит кругом глазами и насупился, Шепель — грустен и задумчив, Лихачев — весь воодушевление... Меня качают, я наиболее близких целую (Лихач[ева], Гавриленко, Шепеля... почувствовал необходимость). Около меня сидят перекопские сестры, и они проникаются настроением. Если это все пустяк, то об этом, конечно, и говорить не стоит, но это, несомненно, фактор, учитывать который

необходимо... как иначе? «Духа не угашайте» или «дух живите», эти формулы — существо военного дела.

6 декабря 1916 г., Бряза

Готовимся сегодня к штабному празднику: все убрано елками, гостей будет до 60 чел[овек].

Только что прочитал докладную записку генер[ала] Зайончковского под заглавием «Добруджа. Август (18) — Октябрь (14) 1916 г.».

Краткое содержание: в начале июля решено сформировать корпус и направить в Добруджу. Ген[ерал] Брусилов назначил «меня». Отказывался, но видя безрезультатность, стал стараться, чтобы «избежать в этом важном деле неосторожности и возможных вследствие этого катастроф». Состав: 61-я пех[отная] дивизия, 3-я кавал[ерийская] и сербская дивизия из австр[ийских] пленных. Штаб сформировался быстро из неизвест[ных] лиц и приказано плыть в Черноводы, а оттуда до Мангалии, в полное подчинение Румынск[ой] армии.

В личных докладах 11 июля и 7 авг[уста] З[айончковский] предостерегал г[енерал]-а[дъютанта] Алексеева от того риска для чести русского имени, который вызывался неосторожным характером организации русского корпуса для Добруджи. Основания докладов:

1) немцы будут мстить восставшему Гогенцоллерну[1] и тем больше там, где еще есть шансы на успех;

2) из двух театров — Трансильванского и Добруджского — против[ник] выберет Добруджу: а) легче и б) для Болгарии важнее, а ее интересы для Германии выше австрийских;

3) для всей Болгарии — первост[епенное] нравств[енное] значение — разбить русский корпус... приложат все меры;

4) придача сербской дивизии или обессилит, если в ней сохранились австр[ийские] традиции, или подорвет престиж русской поддержки;

5) подчинять рус[ский] корпус рум[ынскому] генералу рискованно; может стать в критич[еское] положение благодаря эгоистическим стремлениям и неумению рум[ынского] главн[ого] ком[андова]ния;

[1] Речь идет о румынском короле Фердинанде I.

6) выкидывать русск[ий] корпус на 180 верст вперед с водяной базой на флангах... риск, близк[ий] к катастрофе.

Не затрагивая целей посылки корпуса, высказал следующие пожелания:

1) не назначать в состав корпуса сербской дивизии: а) величина X и б) дикари...

2) не меньше двух русских дивизий...

3) нельзя послать хотя одну первоочередную, то дать любую из 30-го корпуса...

4) организовать тыл между линией Констанца — Черноводы и Измаил-Рени;

5) предоставить в тылу известную территориальную власть... З[айончковский] предсказывал, что иначе выйдет.

Г[енерал]-а[дъютант] Алексеев 7 авг[уста] ни с чем не согласился в оценке изложенного, с точностью осуществившегося...

Из Одессы З[айончковский] 10 авг[уста] написал длинное письмо:

После извинений... «мне кажется, что 47-й кор[пус] и генер[ал] З[айончковский] есть та кость, которую бросили Румынии для того, чтобы она выступила на стороне Согласия... На этой кости поставили крест, а выйдет... то неожиданный для России приход. Иначе не понимает: а) подчинение Рум[ынии]; б) выброс на 180 верст; в) без тыла; г) кормежка от румын; д) ужасный климат. Не помогут, приму такие меры:

1) буду свято исполнять обязанности... 2) после обеспечения всем нужным для избеж[ания] катастр[офы]; 3) буду бороться с задачами (капитаны[?]) и кровь... 4) оборудую при помощи Веселкина тыл...; 5) призову на помощь дипл[оматические?] спо[собности?] и Рум[ынию]... преферанс[?].

Но, не веря, что поставлен крест, доношу о мерах, которые могли бы помочь: 1) Румыния вступит... можно с нею не считаться; 2) желательно русский отряд сделать ровным, чтобы я [был] больше самостоя[тельным]... директивы, а не приказы; 3) штат отдельного корпуса; 4) террит[ориальные] права... Мне грустно расходиться, на свою задачу, как на наказание... Смените, а пока буду работать. Серб[ская] дивизия подозрительна.

Вся 2-месячная операция протекала в неблагоприятной обстановке, в условиях расхождения с Алекс[еевым].

Старался ориентировать: более 30 личн[ых] докладов...

I. Состояние румынских войск и их начальников

1 сент[ября]. Познак[омился] с двумя дивиз[иями] и многими генералами... Впечатление отвратительное: полное непонимание ведения современной войны, страшная паничность в действиях, ужасные сплетни угрожающего и всегда лживого характера. Артиллерия старинного образца. Пленн[ые] болгары справедливо говорили: вы будете только спасать и подпирать румын. Им нужны русские учителя.

2 сент[ября]. Просит учителей; просим послать инженера для командования дивизией. Инсп[ектор] артилл[ерии] учит; у артиллерии нет телефонов.

2 сент[ября]. Считаю рум[ынскую] армию в периоде большого разложения. Ни одна часть, бывшая под огнем, не желала драться после нескольких выстрелов. Есть полки, которых нельзя собрать в течение суток. Паничность ужасающая. Паничность среди штаб[ных] офицеров еще большая, чем среди войск. Занимаю позицию 20 верст южнее линии Черноводы — Констанца и убежден, что румыны при первом болгар[ском] выстреле разбегутся.

Характеристики: генер[ал] Ильеско — выскочка, не знающий основ воен[ного] дела, смотр[ящий] на воен[ные] операции, как на орудие полит[ической] борьбы... пользуется общим презрением почти всей армии.

Ген[ерал] Авереско — человек высокого благородства, но челов[ек] предвзятой идеи и одностороннего взгляда; надобен строгий надзор. Высшие воен[ные] начальники Рум[ынии] не умеют ставить определенных целей, составить определенный план, ежеминутно меняют отдаваемые распоряжения, оттуда путаница... рус[ским] корпуса[м] ставят невыполнимые, нелепые задачи, ведущие к катастрофе; от паники быстро переходят к оптимизму и обратно. З[айончковск]ого надували, скрывали факты. Нач[альни]ки дивизий непозволительно уходили с полей сражения... и, как венец, — доклад рум[ынского] нач[альни]ка дивизии, что его дивизия находится в состоянии полного разложения.

II. О мерах, как сделать Р[умынскую] армию боеспособной

След[ующие] меры: посылка наших офицеров; на каждом опер[ативном] направлении иметь больше русских войск; в Добр[уджанской] армии больше офицеров для принятия ответств[енных] постов; приучить румын к точному и действит[ельному] исполнению своих обязанностей. Офицеры при рум[ынских] див[изиях] — для науки и контроля.

29 сентября. Г[енералу] Алексееву... На Балканах наша сила нужна, но хорошо ею заменить румын, а последних на наши пассив[ные] участки. Короля оставить, а нач[альник] штаба при нем русский (послали мертвую голову[1]). Французы нацеливают и все захватят: Бертелло и 50 офиц[еров]...

III. О рискованности положения русского корпуса при большом превосходстве на том же театре войск румынских

Тактика болгар во всех боях была: определить, где русские и румыны, давить на этих, на русских под огнем. Результаты: сначала после оруд[ийного] огня румыны отскакивали на большой переход, а после выходили из сферы огня. Выработались к концу и у румын дивизии, например, 12-я и 19-я, а также генералы Рашко, Сочек и Скоришерано. Русским оставалось или переходить в контратаку с риском окружения или пассивно оттягиваться назад. При такой обстановке всякая операция для русских — полна сюрпризов и всегда могла повести к катастрофе.

IV. О необходимости устройства тыла

Самый жгучий вопрос. 180 верст, питание водное с флангов, нет территор[иальной] власти. 15 сентября — скученность в селениях, антисанитария, нет нач[альника] санит[арной] части.

Посылал о тыле сотни телеграмм... Тыловое безобразие... Примеры: 1) чтобы запретить частным лицам включаться в телефоны, нач[альник] штаба угрожал револьвером нач[альни]ку телеграфов; 2) чтобы двинуть войска по жел[езным] дорогам, пришлось сменить инспек[тора] ж[елезных] дорог и поставить корп[усного] инженера;

[1] Прозвище М. А. Беляева.

3) данное слово, что к Гиросову [Гирсову] проведены телеграфы и шоссирован спуск к мосту, оказалось ложным...[1]

Праздник штабной прошел очень оживленно и шумно: я говорил за Государя и за трех ком[андир]ов: главнок[омандующего], ком[андира] ар[мии] и корпусного командира... Потом хорошо говорил н[ачальник] штаба Рябинин (Алек[сандр] Алекс[андрович]), после чего я долго говорил и проводил линию между тылом с его мелкими страстями и фронтом с его страшной и веселой жизнью.. Кричали мне без конца и требовали к музыкантскому столу, откуда несли на руках до большого... Все привыкли, и это чувствуется. После обеда обрабатываем с Ал[ександром] Алек[сандровичем] мое представление... Все готовы «показывать» и уж напоказывают...[2]

Вечером был в 74-м, и прошло довольно скучно. Глупые сетования на глупую организацию Кр[асного] Креста.

7 декабря 1916 г., Бряза

Сегодня писал женушке большое письмо, а про представление меня к Георгию 3-й ст[епени] пока умолчал: выйдет — хорошо, а не выйдет, не говорил зря.

Продолжаю выписку из докл[адной] записки З[айончковск]ого:

V. Оперативные доклады

Доносил подробно об операциях, чтобы фактами подкрепить правильность предположений. 16 сент[ября] № 343: операция в Добрудже имеет важное влияние на весь ход войны; надо закончить до начала зимы. 26 сент[ября] № 382: в случае наступления в Трансильвании новые войска лучше всего сосредоточить в районе Галац — Фокшаны — Бузео — Браилов (Фокшанская группа): 1) если неприятель от Кронштадта на Бухарест, то бить во фланг, усилив русск[ими] войсками из Добруджи; 2) если немцы на Фокшаны, то можно принять на себя расстроенных румын и прикрыть Россию и 3) в Трансильвании наступления не

[1] Содержание записки Зайончковского на полях выделено красной линией.

[2] Абзац выделен на полях зеленой волнистой линией и надписью: «Штабной праздник».

будет, то Фок[шанская] группа поможет быстро развить наступ[ательную] операцию в Добрудже... Во главе двух групп русский генерал...

28 сент[ября] прик[аз] Ал[ексеева] выяснить, сколько З[айончковский] может выделить для помощи в Трансильвании. Отвечал: (№ 386) с большим риском мог бы направить 1 пех[отную] и 1 кав[алерийскую] дивизии, если бы к моменту телеграммы были, которые раньше. Но румыны приказали снять 12 бат[альонов] и приготовить еще к снятию 22 бат[альона]. При так[ой] обстановке на 70 верст останется 51 т[ысяча] штыков против 84–97 батал[ьонов] болгар, не считая ожидавшихся 3 новых дивизий. Зацепиться негде. Надо уговорить румын не брать ничего. Если нет, то обучу и, может быть, могу отдать 2-ю дивиз[ию] и даже 3-ю стрел[ковую]. Иначе Констанца на воздухе. В результате румыны взяли 12-ю и 19-ю дивизии (34 бат[альона]), да 2 окт[ября] взяли у меня русские одну пех[отную] и одну кавалерийскую дивизии... Остался на позиции вытянутым в тонкую линию и без резервов.

VI. О зловредности для России поведения нашего военного представителя в Румынии

Полк[овник] Татаринов неправильно обрисовывал Румынскую армию. 8 сент[ября] № 332: два раза румыны хотели его в авантюру, и Татар[инов] упрямился больше других; он слишком обрумынился; нельзя поговорить с глазу на глаз. 20 сент[ября] № 360: он — зловредный тип военного агента, вдавшегося в высшую политику вместо своего прямого дела, а для этого он не имеет ни ума, ни достаточных военных и исторических познаний, почему и является игрушкой в руках Ильеско. Он по своей недалекости не может даже для вида играть роль представителя русских, а не румынских интересов.

Резюме: такова деятельность, чтобы выяснить вопрос и обдоказать его решение. Но приписывали дурному характеру, грозили судом за оставление Констанцы (тел[еграмма] Ал[ексеева]) № 4810)... и оставляли с двумя русскими дивизиями там, где нужна цел[ая] армия. «Я играл роль русского призрака там, где должен был быть показанным русский кулак во всем величии своего возмездия. И если

после двух месяцев борьбы с призраком немцы распознали этот призрак, то так и должно было случиться, и призрак здесь не виноват».

Краткая фактич[еская] сторона операции

18 августа прибыл в Меджидие, куда собрался 47-й корп[ус]. Обстановка: от Туртукая до Черн[ого] моря 19-я рум[ынская] дивизия, только что сфор[мированна]я (18 бат[альонов]) и бригада каларашей[1]. Артил[лерия] — 77-го года. Ген[ерал] Аслан: отбивать удары, а нельзя отходить на русский корпус. Замучил маршами и кон[тр]маршами, отдал Базарджик и отвел дивизию к северу, потеряв за всю операцию два чел[овека] ранеными. Подчин[ил?] З[айончковско]му 19-ю бол[гарскую][2] дивизию (1-е ослабление русского корпуса). З[айончковский]: с 61-й, 3-й кав[алерийской] и 19-й болг[арской] взять Базарджик для опоры на левом фланге. Но, прежде чем это сделать, борьбу пришлось выдержать против Татаринова и рум[ынской] Главной квартиры... против посылки разрозненных частей к Туртукаю.

24 августа русск[ие] и 19-я румын[ская] оттеснили болгар на главн[ую] позицию... З[айончковский] видит тактику 80-х годов... Хотел продолжать на другой день, но: Туртукай взят, Силлистрия очищена Асланом и приказ («единственно разумный») отступить на позицию в 20 вер[стах] южнее Медж[идийской] долины. 25 августа в Меджидие прибыли Татар[инов], англ[ийский] и франц[узский] в[оенные] агенты и румын[ский] офиц[ер] Г[енерального] шт[аба] с приказом короля двинуться к Туртукаю. Спорил 4 часа (гибель...), упрямился Татаринов, но слов не подписал... 25 августа [во время] боя 19-я рум[ынская] отпрянула на 30 верст назад, обнажив лев[ый] фланг и тыл русских, но... мы победили, а преследовать не могли. З[айончковский] занял центр[альную] позицию между Базарджиком и Силлистрией уступом на север.

25 августа авг[уста] подчинены З[айончковскому] все войска в Добрудже: 2-е ослабление русского корпуса.

---

[1] Калараши — румынская конница ополченческого типа.

[2] А. Е. Снесарев допустил описку: имеется в виду 19-я румынская дивизия.

26 августа. Кор[оль] Рум[ынии] назначил З[айончковского] ком[андую]щим Добруджской армией, подчинив и русс[кий] корпус. «Это окончательно погубило меня и русск[ую] дивизию, которым безвинно приходилось нести на своих плечах все то нехорошее, что нам дали рум[ынский] союз и румын[ская] армия».

Рум[ынский] кор[оль] по своей [воле?] не назнач[ил] в помощь главных лиц управления румын[ской] армией: до конца сентября, имея армию до 120 бат[альонов] и 400 орудий, командовал при посредстве слабого штаба и имел непосредственное сношение с 9 начал[ьниками] дивизий, двумя ком[андую]щими эскадрами, двумя коменд[анта]ми тет-де-понов[1] и всем нижним Дунаем во главе с адм[иралом] Веселкиным.

Армия была сосредоточена после оставления Силистрии на фронте Мангалия — Караомер — Дунай, имея на флангах румынск[ие] д[ивиз]ии и в центре русско-сербские. Основа всех действий З[айончковского] была: сильный центр, несколько поданный вперед из русск[их] войск, и более слабые фланги из румынских. При наступлении сильным центром тянул за собой морально слабые фланги, а в случае атаки болгар на них центром переходил сильной контратакой во фланг... румын просил только держаться. Так все время, кроме октября, когда З[айончковский] был слаб, и о контратаках не было и речи.

31 августа сил[ьный] натиск болгар на прав[ый] придун[айский] фланг, на 9-ю рум[ынскую] дивизию, на 1 сентября З[айончковский] решил ударить во фланг. [В] 6 час[ов] болгары открыли арт[иллерийский] огонь, а в 7 9-я бежала, обнаж[ив] фланг сербов; нач[альник] дивизии донес о бегстве в 10 час[ов], когда беглецы отошли на 15 километров. Сильно тянуло назад и 19-ю рум[ынскую], но удар был, Черновод[ский] т[ет]-де-пон спасен, но притянули на себя, были окружены... но спокойно отошли, нанеся бол[гара]м

[1] Тет-де-пон (*фр.* tete de pont — «голова моста») в военном деле — предмостное укрепление, плацдарм, используется преимущественно для создания защитного периметра, в котором могут размещаться войска или имущество.

тяж[елые] потери... Особ[енно] отлич[илась] серб[ская] див[из]ия.

Отошли на Копаданскую[?]позицию, которую раньше указывал ген[ерал] Аслан. Румыны усил[или] Зайончковского 28 бат[альонами] и артиллерией.

4 сент[ября] с утра болгары, получив подкрепления, перешли в решит[ельную] атаку, но ошиблись, и главный удар направили не против румын, а [против] сербов. З[айончковский], заменив русских румынами, перешел в контратаку. Сам[ый] ожест[оченный] бой продолжался 3 дня («пленных мы не брали»), и к утру 7 сент[ября] болгары отошли на 10–15 верст. После боя подошла 115-я див[изия]... единственн[ый] резерв из России...

После боев 1–7 [сентября] король объединил действия 3-й и Добруджанской армий в руках ком[андую]щего 3-й — ген[ерала] Авереско. Он решил перепр[авиться] через Дунай между Рущ[уком] и Туртукаем и двинуться в тыл... Решил устроить Седан[1]. Готовились две недели с шумом: известно всему свету. 18-го, 19-го и 20-го З[айончковский] атакует, а 21-го, 22-го и 23-го еще сильнее, берет 13 орудий и отбрасывает болгар на 10–15 километров, а Авер[еско] так и не переправился («дурная погода», «напутал»)... «В этом бою серб[ская] дивизия круто изменилась к худшему, — начало[сь] нравств[енное] разложение, как естественное последствие нежизненной организации». (Письмо Павлову нач[альника] сер[бской] дивизии полк[овника] Хаджича: дивизия выдохлась, боятся быть повешенными; офицеры покидают стрелковые цепи, некоторые кончают самоубийством)...

В конце сентября на несколько дней прибыла 3-я стрелк[овая] дивизия (она по прибытии взята скоро в Трансильванию). Ген[ерал] Жоффр отказался от 4 бригад русской пехоты в пользу З[айончковского]; пришли две бригады стрелков и 8-я кав[алерийская] див[из]ия, вошедшие потом в Дунайскую армию.

---

[1] Имеется в виду битва при Седане в 1870 г. во время Франко-прусской войны, битва привела к капитуляции Наполеона III и его армии и определила исход войны в пользу Пруссии и ее союзников.

Конец сентября отмечен демонстративным натиском немцев в Трансильвании, румыны отошли за перевалы, а туда все потянули из Добруджи; в перв[ых] числах октября 20 лучш[их] рум[ынских] батальонов, 12 лучш[их] русс[ких] бат[альонов] (3-я стр[елковая]) и 24 эскадр[она] русск[ой] кавалерии (35 т[ысяч]). З[айончковский] боролся, Алексеев настаивал и упрекал его в эгоизме, прося «щадить самолюбие потерявших равновесие союзников».

Такова обстановка перед началом последнего сражения в Добрудже. 80 верст делились на три части: оба коротких фланга, прикрывавших Констанцу и Черноводы, и длинный центр. Фланги укреплены, центр З[айончковский] — не успел. Было 93 бат[альона], числом 50 т[ысяч] человек. Расположены были так: налево — 44 бат[альона], для длинного центра — 20 батал[ьонов] и для Черновод (+ Дун[айская] флотилия) — 17 бат[альонов]; в резерве — клеву [слева] — 12 бат[альонов] и 24 эскадр[она]. А Ал[ексеев] упрекал в слаб[ом] обесп[ечении] Констанцы (№ 5491)...

Бой начался 6 окт[ября], наступали на оба фланга, нащупывая, где румыны. 6 и 7 октября не вводили резервов, но видя, что моей контратаки нет, с 8 октября напрягли все силы против лев[ого] фланга. 6–8 октября удерживали позиции, а в Ставке все думали, что демонстрация... Начштаба убедил, и решили направить с Карпат 3 дивизии... Подходили по 2–3 бат[альона] в сутки, а румыны и сербы 9 сентября[1] окончательно сдали, не желая драться... их прикрывала наша кавалерия. З[айончковский] удержал линию Меджидие — Черноводы. 10 октября румыны не только очистили Констанцу, но так отошли, что З[айончковский] мог быть отрезан от моста у Иссакчи... Было страшно, но З[айончковский] держал Черноводы еще сутки, рискуя потерять 2-ю рум[ынскую] армию ген[ерала] Рашко.

В ночь с 11-го на 12-е и с 12-го на 13-е З[айончковский] приказал отойти на два перехода от болгар, что и было исполнено. На этой позиции оставались войска до сдачи ген[ералу] Сахарову...

[1] Видимо, описка: 9 октября.

Так окончилась Добруд[жская] операция под начальст[вом] З[айончковского]. Со стороны врагов — Макензен и наслед[ник] болг[арского] престола, не меньше 130 бат[альонов] + все; с нашей: «простой русск[ий] корпус[ный] командир», которому дали разнохаракт[ерные] войска, без органов управления и связи, без тыла и штаба, и у которого, когда враг усиливался, постепенно сняли с фронта три пех[отных] и одну кавал[ерийскую] дивизии...

И все же горсть боролась два месяца, обратила внимание врага и отошла на позицию при той обстановке, при которой другая положила бы оружие. «И я протестую всем моим сердцем против вступительной фразы ген[ерала] Сахарова... и не заслужено было слышать обвинение их в спорте отступательного бега».

Отдельные эпизоды: сплошное бегство румын[ского] народа и сутолока в Браилове (Тальгрен...)

События последних дней вызвали со стороны ген[ерала] Алексеева ряд замечаний (телеграммы № 5605, 5603, 6626, 5551, 5491), в которых он обвинял З[айончковского]): 1) в отсутствии управления и руководства войсками; 2) в отсутствии связи с подчиненными (около двух суток не было с Павловым... вероятно это) и 3) в беспорядках в тылу и единичного случая грабежа Гирсова.

З[айончковский] защищается: 1) все, что намечалось, все и делалось.. Не управлял же таинств[енный] кто-то; 2) связь — дело началь[ник]а штаба... и вообще была... С Павловым: 1) у него станция слабой силы: он слышал, но не мог дать; 2) тыл — труден, но упорядочили...

Король Рум[ынии] оттенил деятельность З[айончковского]; сам же он (телеграммы 436 и 439) просил расследования...

Заключение: «1-й период Балк[анской] войны закончился для России неудачно. Вся вина и перед Государем, и перед общественным мнением легла и ляжет на меня?» Но нет ли кроме меня? Предвзятость освещения, односторонний взгляд... Брал резкий тон, чтобы убедить... «Буду надеяться», что поймут и признают важность Балканского вопроса...

Может быть, документ и пристрастный, но очень интересный, и прежде всего, как продукт талантливого человека.

Сегодня целый день писал записку и письмо жёну [жене]. Мое представление подвигается вперед. Показания — теплы и ярки. Вечером был уполномоченный 58-го перед[ового] отряда К[расного] К[реста], член 1-й Гос[ударственной] Думы Сафонов. Забит и очень сконфужен оборотом дела... Успокаивал. Вечером ходил смотреть поле, где будет раздавать кресты Вел[икий] Кн[язь] Геор[гий] Мих[айлович].

8 декабря 1916 г., Бряза

Сегодня три месяца, как я откомандовал дивизией... путь длинный, и обернуться есть на что.

Вчера во время вечер[него] доклада узнал, что рядовой Книга, имеющий Георгия 3-й и 4-й степени, до сих пор значился в разряде штрафованных. Оказывается, он был даже за фельдфебеля, руководил ротой в бою и т. п. Волнуюсь по этому поводу до сих пор. Приказал заготовить рапорт по поводу законодательного упущения, ибо полагаю, что «украшенный великим крестом ни одной секунды не может быть штрафованным и вообще порочным... все смыто белым крестом, вся прошлая духовная грязь»... Сегодня приказал Книге явиться ко мне, извинился перед ним, что был невольным виновником его лишнего пребывания в разряде штраф[ников], поцеловал, объявил прощение и поздравил его млад[шим] унтер-офицером, минуя ефрейтора[1].

Вчера за ужином много было интересных разговоров о типах. Ком[андир] 45-го полка (Белевич), занимаясь подсчетом числа офицеров, нашел в тылу 8 капитанов; один из таковых за ранением занимался в школе прапорщиков. Удивило, так как ни разу не был в бою. Исследованиями установлено, что он сел в санит[арный] поезд — (1), на Кавказ уже прибыл контуженным (2), а с Кавказа до города, где школа, уже раненым (3)... постепенность нравственного падения.

[1] Абзац выделен красной линией на полях и надписью: «Книга Геор[гиевский] кавалер — штрафованный».

В бою был случай, когда один офицер уходил из боя под предлогом контузии, но встретил товарища, который ему сказал: «Опомнись, что ты делаешь»... и тот повернул, уцелела гордость.

Досаднее всего, что среди тыловых, несомненно, есть люди храбрые, но: тыловые ужасы, басни, влияния юбок... все это удерживает их в тылу и вызывает «отыление»...

Рассказы про Шипова, нач[альника] 74-й пех[отной] дивизии: 1) на автомобиле не ездит: «москов[ские] бояре ездили верхом и делали Государево дело»; 2) на праздник Ахтырцев поехал верхом (20 вер[ст]), застал прапорщика с обоз[ом] II-го раз[ряда] и угощен был только чаем; 3) по окопам ходит со священником и доктором... первые рапорты: «по состоянию своего здоровья»...; 4) раз отсутствовал пять дней, затесался в разъезд... еле вызволили 2 сотнями; 5) можно уговорить. Если упрямится, то сказать: этого закон требует, а на законе написано «Быть по сему»... Ш[ипов]: «Это надо исполнить»; 6) из 5–6 дней одну [ночь] ночует в штабе, а то в полках... ходит по окопам, любит на шубе помечтать вслух — о красоте звезд, о боевой поэзии и т. п.; 7) «Нельзя подавать руки октябристу или кадету», его девиз, нарушенный им в отношении кн[язя] Павла Долгорукого... «Почтенный человек»... Ругал Колюбакина, а когда узнал, что тот погиб, перекрестился и сказал: «Он не подлежит осуждению»... Вообще, тип Дон Кихота со всеми его смешливыми странностями и трогательно-благородной наивностью[1].

9 декабря 1916 г., Бряза

Сегодня ждем приезда В[еликого] Кн[язя] Георгия Михайловича. Утром я занят текущими делами. К 11 час[ам] приезжаю на парад, где сделаны из елок арки и на двух «Б[оже] Ц[аря] Храни»... мило и уютно. В[еликий] Князь приезжает почти, как указал [в] 11½ ч[асов], я ему рапортую о боев[ом] расположении дивизии, а затем сопровождаю, причем он просто спрашивает, что у меня нового. Говорю.

[1] Этот и предыдущие три абзаца выделены на полях синей линией и надписью: «Тыл на войне и вне ее».

Пот[ом] церемония раздачи крестов, — очень трогательная. Ребята настроены возвышенно, видя пред собою царева вестника милости, благодарят и целуют крест. Из сестер кроме трех прибавлено еще 2, которые после упрямства соглашаются. В[еликий] Князь ведет себя очень просто. Назад идем с ним вместе, нас все время фотографируют, и мы ведем простую беседу... Я говорю про Храпова (3-го пол[ка]) и получаю на него Георгия 3-й степ[ени].

На пути В[еликий] К[нязь] заезжает к раненым и награждает их... делает это очень тепло. Солдаты растроганы, все норовят вскочить, но он их удерживает; у одного безнадежного только глаза загорели ярче, другим чем он не мог выразить ни своего волнения, ни своей признательности. Эта сцена вся глубоко трогательна и тепла, и В[еликий] К[нязь], хотя делает ее в сотый раз, заметно взволнован... Награда не «morituris» , «mortuis»[1].

Потом приезжаем к нам, и так как завтрак не готов, В[еликого] К[нязя] развлекаем сестрами милосердия... Обо мне говорят немало, и В[еликий] Князь записал в свою книжку, так как «часто проваливают» (дело идет о моем Георгии 3-й степ[ени])... Завтрак идет сначала сдержанно, но потом лед тает, и форменное веселье; поем (и В[еликий] К[нязь]) кавказские песни, спорим, кричим. Свита говорит, что так нигде не было, а В[еликий] К[нязь] заметно доволен... Я сижу против, и мы много говорим. В[еликий] К[нязь] прост до застенчивости и очень добр. Нехорошо, что его все хотят обобрать просьбами о наградах и др.; я стараюсь уклониться, а надбавок крестов (как у других) решительно отказываюсь выпросить. В[еликий] К[нязь] охотно говорит обо всем и не политиканствует. О Государе тон почтительно-теплый. Провожаем Князя громким «ура». Обо мне он все узнал (лично спросил, как я ходил в атаку) и кое-что записал.

Потом с ком[андиро]м корпуса заезжаем в 74-й, где полчаса протекает сплошное дурачество. З[айончковский] меня целует за смотр и низко кланяется. Смотр прошел действительно прекрасно, В[еликий] К[нязь] обещал в тот

[1] Не «идущим на смерть», «мертвым» (*лат.*).

же день телеграфировать Государю. У одного из присутствующих вырвалась фраза: «И это второочередная дивизия».

Заезжаю домой, переодеваюсь, даю последние указания и выезжаю на двух автомобилях. Один, вероятно, ломается и отстает, а на другом мы страдаем — на расстоянии версты 4 перемены колеса, ночуем у каких-то немцев и только к 11 час[ам] 10 декабря прибываем в Черновцы. Немка — жена офицера (95-й п[олк]); брат ее также офицер в 24-м п[ехотном] полку. Бабье царство; привыкли и не боятся; молодая говорит хорошим нем[ецким] языком, старуха — больше по-швабски.

10 декабря 1916 г., Черновцы

Остановился в русской гостинице, где холодно, грязно и неуютно. Нарядился и в Штаб армии, где много говорил с Гришей[1], меньше с Димит[рием] Федоровичем[2], а затем познакомился со своими сочленами по Думе:

1) 125-го пех[отного] Курского п[олка], полковник Шпаковский;

2) 145-го [пехотного] Новочеркасск[ого] п[олка], полков[ник] Кривицкий;

3) 45-го [пехотного] Азовского п[олка], подпол[ковник] Петровский;

4) 325-го пех[отного] Царевского п[олка], [подполковник] Антипин;

5) 7-го драг[унского] Кинбургского[3] п[олка], подп[олковник] Самохвалов;

6) 82-й артилл[ерийской] бригады, подполк[овник] Рацуцкий...

С Арсением Петровичем Петров[ским] мы встречаемся, как старые знакомые. Они все очень недовольны Вирановским и считают, что он уехал воровски. Относительно 28 мая общее негодование и, кажется, пишется какая-то жалоба шефу... Мою роль определяют так же, как и я, и хотят о чем-

[1] Вероятно, речь идет о Григории Васильевиче Покровском, генерал-квартирмейстере штаба 8-й армии.

[2] Речь о графе Д. Ф. Гейдене, и. д. дежурного генерала в штабе 8-й армии.

[3] Правильно — Кинбурнского полка.

то меня просить. За завтраком сижу рядом с Калединым, а Бачинский с другого боку... как и всегда, доступен и прост. Разговор идет непринужденно, много говорит Кусонский (Ген[ерального] шт[аба] подполковник).

После завтрака иду домой, много гуляю. Номер свой меняю на более теплый. Покупаю себе к чаю: масло — 2 руб. фунт, лимон — 80 коп. и т. п. Сахару нигде нет (купил брусничное варенье), чаю также... Встречаю сестер (лодку[?]) с младш[им] доктором... ходим и покупаем. Они все растерялись и когда придут к порядку, никто не знает...

Получил потери 43-й дивизии с 15 по 19 ноября

За время	Офицеров			Нижних чинов		
	Убито	Ранено	Без вести	Убито	Ранено	Без вести
15 ноября 1916 г.	5	12	–	288	797	250
16-го –//–	6	10	–	389	1.368	180
17-го –//–	2	3	–	40	257	8
18-го –//–	4	6	2	149	371	454
19-го –//–	–	–	–	1	4	–
Итого:	17	31	2	867	2797	892
За это время в 333-м (глав. образом) и в 335...	9	23	–	433	983	–
Общий итог	26	54	2	1300	3780	892
	[82]			5972		

Или за пять дней, когда ровно ничего не было сделано, потеряно 82 офицера и 5972 ниж[них] чина, т. е. по офиц[ерскому] составу — 2 полка, а по составу людей — 3 полка.

11 и 12 декабря 1916 г., Черновцы

День каждый походит один на другой: от 10 до 13 часу работаем, потом завтракаем, а от 14 до 19 вновь работаем, в 19 обедаем и в 20 часов домой. Вчера вечером провел время с Эрделли и Покровским. Первому характеризовал полки и командиров их, а второй нам рассказывал о своих прошлых мытарствах с «Мертвой Головою» (он же Ми-

шель Вейс)... Писал двойным хлюстом[1] (из переписки с Минутом... ни Гр[игорий] Васил[ьевич], ни тот ничего не поняли... Такой же был ответ Минута, на чем и кончили... «Канцелярский разврат»). Эрделли схватывает быстро, но каких-либо запасов, отправных данных не видно... «Хочет иметь дело с полками и не иметь такового с бумагой», вот одна-единств[енная] определенная формула, но что за нею скрывается?

Я — 49-й кандидат и 6-й снизу. Запрошен был Кондзеревский, который отвечал: «Если будет со стороны глав[нокомандую]щего сильно и мотивированно, то отчего и нет? Брусилов — не пошел... Да и так ли уж настаивал Эрделли?

Сегодня у меня был Петровский (Арсений Петрович) и пространно мне рассказал всю свою историю и взятие форта № 7... В последнем эпизоде характерно: 1) попытка началь[ника] штаба Западного сектора полк[овника] Гаврилова вернуть обратно бежавших свирцев. «Ну, с Богом в атаку», и вперед. «Что же пойдем, пойдем», — отвечают, а обернулся, ни одного нет, и сам — ранен. (Нарушение законов «Огневой тактики»: за случайным человеком не пойдут, должны знать и быть связаны: чувством подчиненности, привычкой, наслойкой чувств к нему и т. п.)[2];

2) свирцы напились, повесили своего пра[порщика? — слово не закончено] и бросили форт. Когда Петровский их возвращал, то избил о них всю палку, бил по морде офицеров и т. п.; 3) чтобы воодушевить людей и чувствовать всю свою линию наступления, двум ротам приказал петь «Спаси, Господи», а другим двум — «Боже, Царя храни» и плотной стеной пошел на противника.

Много интересного говорил о политике, о наших «младоруссах» или «желтоблочниках». Питирим награжден, т. к. на него нападали: распутинец. На Кавказе был съезд: Милюкова, Гучкова, Сазонова, Кривошеина и Поливанова... Зачем? Черт их знает. Одна дама последнею страшно

---

[1] «Двойной хлюст» — способ изложения текста, при котором ни разработчик, ни пользователь не понимают, о чем в данной статье закона или ответе чинуши написано.

[2] На полях абзаца линии, NB и надпись: «Огневая тактика».

говорила красно, — м[ожет] б[ыть], жена, которой много было интереснее быть министершей. Пуришкевич — полевел. Маркова оправдывает (душили слова, и вывели из себя): открыл делишки Парамонов[а], Шехтеля [Шефтеля], Бродских [Бродского], и т. п. столпов Блока[1]... Питирим уйдет, а будет Антоний, который сейчас в загоне. Тип парламентария: Демченко был правый, а теперь залевел (в восторге от французов и немцев, а русские — дрянь). Хотел Владим[ира], переговорил с Игнатьевым (попечитель чего-то); а затем Деревицкому (попечителю); тот представил, а когда узнал, что Демченко может попасться за гнилое мясо, послал письмо приостановить... Демченко не находит в Правит[ельственном] Вестн[ике], за 25 руб. получает письмо и показывает, а затем «до свидания». В результате Деревицкого просят на старое место, в Оренбург... Его прощание: «Я верно служил Царю и Родине»... Типичный парламентарий: ни пред чем не постоит...[2]

Арсений Петрович полагает, что делают серьезные натиски на прерогативы Г[осуда]ря, и что 10 декабря Дума будет распущена... м[ожет] б[ыть], совсем. Об эпизоде Маркова говорит уверенно, держа его сторону... Родзянко — хитрая и полевевшая лисица... Хорошего не ждет...

Из 22 дел рассмотрели 19 и из них двух удостоили: Лихачева и Зибера (поручик, захвативший с разведчиками 108, а затем и орудие), командира 7-го Турк[естанского] стр[елкового] полка Габбина отклонили по п[унктам] 1, 2 и 3 ст[атьи] 112, но подвели под пун[кт] 2 ст[атьи] 8, а остальным 16 отказали (в том числе и Невадовскому, чем я внутренне доволен)... Артиллеристам (около 5) отказали за отсутствием руж[ейного] огня и явной опасности, кавалеристам и другим за натяжки, выдумку и выторговывание Геор[гиевского] оруж[и]я после проваленного Георгия...

---

[1] Прогрессивный блок — объединение депутатских фракций IV Государственной думы и Госсовета Российской империи в годы Первой мировой войны, получившее в правых кругах название «желтого блока», так как ни «красные» (левые), ни «черные» (правые) в него не вошли, а вошли туда «все промежуточные цвета между черным и красным», от смешения которых получился «желтый» блок.

[2] Вдоль абзаца волнистая линия и надпись: «Черная политика».

Вчера узнал, что Серг[ей] Иван[ович] удостоен Георгия, баллотировали закрытой баллотировкой, председ[атель] отказал рассматривать дело офиц[ера] Ген[ерального] штаба, и сам ответил отрицательно... В чем дело?[1] Не боялся ли моих просьб, или вражда ко мне, как начальнику дивизии, дошла и до этого старика? А у него не все в дивизии благополучно. Сам он говорит, что наши не переходят, а с другой стороны, что нельзя, мол, помешать приближению к нашим окопам и уносу, например, валенок... Очевидно, умысел: у него ушло 18 человек, да еще хотели унести с собой 2 пулемета... Разведчики отбили...

13 декабря 1916 г., Черновцы

Вчера то же самое. Больше свободы и споров. Раскрывается Самохвалов и оказывается молодцом (до 1/3 эскадрон держался в окопах, отбил много атак... Дал чин и ст[аршему] шт[аб]-офиц[еру] и Геор[гия] бригадному... сам — Анну)... Страшнее всего воровство боевой награды; это воровство крови, чести и гордости... А мы встречаем на каждом шагу: ком[анди]ры арт[иллерийских] дивизионов — у команд[иров] батарей, ком[анди]ры батарей — у младших, старшие шт[аб]-офицеры — у ком[андир]ов эскадронов, эти — у корнетов, нач[альни]ки штабов дивизии — у кого придется и т. п. Делается это назойливо, с брехней, даже с унижением и критикой обворовываемых[2].

От 16 до 17 был у Куроки, который был в своем костюме кимоно. Много с ним говорили: мало интересно, — слабо говорит... Ищет все девочек — для удовольствия и науки. Ком[андую]щий не был ни на обеде, ни на ужине... Жигалин занят наблюдением за конским составом. Когда его отстранили, он телеграфировал жене: «Карьера моя кончена», а другим говорил: «Брусилов взял грех на душу»... Судейский (ген[ерал] Гречко) говорит о нем, что сразу видно, что он для боевой деятельности не годится.

Вечером был с Арс[ением] Петр[овичем] в кино: была американская чепуха (две собаки и кость), птицы и в двух

[1] До конца абзаца на полях волнистая линия и надпись: «Начал[ьник] дивизии».

[2] Вдоль абзаца линия и надпись: «Кража крови».

действиях «Дитя, не тянися весною за розой»... Тепло и много сцены: река, парк, поляны, богатый дом... Девочки и мальчики играют, является старик-профессор и влюбляет одну, мальчик ревнует... Она любит старика, а товарища жалеет. Чувствуя, что увлекается, професс[ор] уезжает, а мальчик кончает с собою... Славно, особенно юная и детская прелюдия...

Потом гуляем с Арс[ением] Петр[овичем], и он передает разговор Протопопова с стар[шим] совет[ником] немцев в Стокгольме... Без подачи руки.. Сначала запрос, но Неклюдов: мы сотни тысяч платим... Подходит и говорит: не странно ли, В[аше] Пр[евосходительство], что две правос[лавные] страны, 150 лет не лившие крови, льют ее против заветов Христа? Что хочет Россия? Дадим Галицию, восстановим Сербию и Черногорию; Бельгия... Хочет Дарданеллы, об этом у Англии... Мы и на это пойдем. Но замечают ему: вы победители, а такие условия? Он: «Если хотите, да, но допустите — за зеленым полем игроки, и один выигрывает, но вот восходит ясное солнце... не пора ли прекратить азарт?» Прот[опопов]: «У нас мораль другая, и ту смертную борьбу, которую ведет сейчас моя страна, мы не можем сравнить с борьбой за зеленым полем»... Подали руки, и взаимный поклон...

14 декабря 1916 г., Черновцы

Письмо посылаю жёну с Арсением Петровичем, который выедет, вероятно, завтра. Завтра же кончаем и разъезжаемся.

Сегодня разбирали дела летчиков... и даже не спорили: шантрапа и врали. Самохвалов говорит, что идут туда никудышные, чтобы получать хорошее содержание и катать на автомобилях сестер. Брусилова они извели, и приказал им из Ровно лететь в Колывань. Пировали в это время с дамами, и все готовы были с ними лететь, но... вдруг они «не замогли» и продолжали кутить. Один (скромный, не пьющий, не принимаемый ими в компанию) сел, полетел и возвратился. Из школы прапорщиков тоже уходят наиболее слабые... вольнее, больше денег и фактически безопаснее[1].

[1] Вдоль абзаца линия и надпись: «Наши летчики».

Сегодня снимались два раза. За завтраком спорили много. Ген[ерал] Бачинский заступается за полк[овых] адъютантов и считает их мучениками. Он же восстает против привлечения ген[ерал]-м[айоров] Ген[ерального] штаба на должности нач[альников] штаба дивизии; кроме моих соображений: нач[альник] дивизии стесняется, осложнения со штабом корпуса (у него Шиманский) и т. п.

Пример, «плевое дело»: исчезли 11 человек (+ 5 пулеметчиков), загорелся сыр-бор. Ком[анди]р полка (больше прав), спасая шкуру, отстаивает мысль, что люди бежали сами, смущенные контрабандою, а нач[альник] дивизии проводит мысль, что они «выкрадены» австрийцами; не понимает, что его версия — самая опасная, т. к. намекает на разложение дивизии. Когда предложили офиц[ер]ам Ген[ерального] шт[аба] читать[?] (все содержание + 4 т[ысячи]), то Бачинский заявил согласие... К[омандую]щий армией думал, что тут какое-то недоразумение, а Бач[инский] упорно повторяет: «Отчего нет... на 4 т[ысячи] больше...». Это было бы слишком забавно, если бы собака не была зарыта в дурных отношениях графа Баранцова и Бачинского... Вообще генер[ал] Бач[инский] — удивительный тип нач[альни]ка дивизии: уснувший, слабый, не знающий сути боевой обстановки... Говорит: 1) «приказать-то, приказать, а исполнимо ли»... Приказ — нечто священное, а исполнимость — секрет начальнической совести, труда и боевой необходимости... 2) находит, что замучены работой (Покровский: скорее спят и бездельничают...)[1].

Сейчас на улице встретился с полк[овником] Гончаренко (ком[андир] 19-го драг[унского] полка), который рассказал о своих делах. Надеется получить кирасир[ский] полк (гв[ардейский]). Имеет Геор[гиевское] оружие и надеется, что пройдет Георгий. Простой и хороший. Идеи его те же: 1) не нужно пьянствовать, но не ломаться полным воздержанием; 2) на войне надо быть веселым... Его пол[к] в свод[ной] кавал[ерийской] дивизии (1-я + заамур[ская] бриг[ада]), начальник — Вадбольский — 1) вежливый и хороший, но

[1] Вдоль абзаца надпись: «Нач[альни]к дивизии». На полях напротив последней фразы красная черта и знак NB.

2) знания чисто теоретические, а практических и бытовых кавалер[ийских] знаний нет... Сарбозами[1] командовать одно, а здесь другое. Расспрашивал меня и интересовался состоянием обстановки в Лесистых Карпатах и в Румынии (войска — «сволочь»?)...

В Думе Геор[гиевского] оружия очень хорошее, свободное и гордое настроение. Люди решают вопросы серьезные и решают их по совести, тщательно выискивая трусов, мошенничество, словоговорение и т. п.

15 декабря 1916 г., Черновцы

Сегодня прибыли Бранкевич и [2]. Рассказали много интересного про 12-ю пех[отную] дивизию. Пархомов жмет пресс, стравил графа Баранцова с Вирановским и придирался до мелочей (например, 1) присылался соглядатай, находится ли стрелок на наблюд[ательном] пункте; 2) сколько потерь с момента занятия и оставления одной высоты и т. п.). Вир[ановский] написал целый синодик[3] промахов Пархомова, но... остыл. Аттестация начал[ьника] 11-й дивизии —Бачинского — очень плохая.

15 ноября 11-я дивизия, забросав химич[ескими] снарядами высоту 1378, без труда взяла ее, а 19 ноября была сбита подошедшим герман[ским] полком и бросила высоту. Потери людьми около 2 т[ысяч][4].

Вчера в 9 часов был у Куроки и обедал японский обед. Меню: 1) скияки — зажареное мясо под луком и соей (как в Туркестане, но кисло-слащеватый придаток); 2) мисокоро — тушеная гусятина (курица); ели с рисом, размоченным в соку... рис хозяин поедал ужасно много и с аппетитом; 3) суп — уха из засушенной рыбы, которая одна может хватить на два дня (решение вопроса о питании в тяжелые периоды боя и движений). Говорил про свои аттестации и

---

[1] То есть солдатами.

[2] А. Е. Снесарев пропустил место, видимо, расчитывая вставить фамилию позже.

[3] Синодик — список (или книга) с перечислением имен живых и умерших для поминовения во время богослужения или в частной молитве.

[4] На полях волнистая линия и надпись: «Слабость тактики».

оказывается, что у них подробно прописывают отца, мать, деда, бабку, — какие, что имеют, отчего умерли, а затем идет подробнейшая характеристика самого лица, даже с упоминанием, храбр или труслив, хотя в мирное время «это очень трудно» установить...[1] Японский Георгий называется Кин-Си (Кин — золотой, Си — сокол) или орден Золотого Сокола. 7 степеней: 7-я и 6-я — солдатам, 5-я — 1-я офицерам. Выдается за них пенсия: 7-я — 100 иен, 6-я — 200, 5-я — 300 и т. п. Убитые всегда получают Кин-Си, проделавшие хорошо всю кампанию — также (просто могли не иметь случая оказать подвиг)... правильно и человечно.

В Думе говорим про жидов, и все в единодушном недоумении, как можно за эту нацию поднимать голос. (Оболешев, оказывается, педераст). Самохвалов говорит, что когда к нему попадают жиды, он дает ему 5 рублей и говорит: «Беги, чтобы я тебя больше не видел, не стащи только винтовку и обмундирование»... обыкновенно жид проваливался, как в воду... Попался один (на много десятков), который не согласился, лошадей чистил, от поручений не отказывался, рубился молодцом. Теперь представлен к Георгию. Просится в отпуск в Одессу. Сам[охвалов]: «Погоди, поедешь с Георгием»... Все приходим к заключению, что за них хлопочут, потому что боятся (у них деньги и печать).

Самохвалов говорит, почему я не служу в кавалерии; там бы был для меня больший простор, там «нужны такие сердца»; Брусилов, вероятно, меня знает и назначил бы. Я говорю, что считал нужным серьезно изучить пехоту, как дно современного боя, а сердце мое может пригодиться и для пехоты. Самох[валов]: «Вы слишком рискуете... можно погибнуть». Я: «Никто как Бог, а теперь такой период, когда нужны сгущенные сердца, конденсированные. Это будет такое сердце, в котором живут только Царь или страна, или просто Царь, как олицетворение страны, но нет доступа другим идеям (Дума, ответ[ственное] министерство, равноправие и т. п.); они, войдя, лишь раздуют сердце, сделают его более жидким и водянистым... и не будет прежней густоты, а с нею и горячей воспламеняемости[2].

---

[1] На полях вдоль этой фразы синяя черта и NB.

[2] На полях линии и надпись: «Сгущенные сердца».

Вот почему на войне, как правило, монархисты и черные — люди храбрые (Павлов, я, Петровский, Розанов, Лихачев...), а левые люди — малодушные (поклонник Англии — стрелок, Бенаев, ...). Не берусь это утверждать, м[ожет] б[ыть], скорее чувствую, но имею достаточно наблюдений[1].

В два часа доложил ком[андую]щему войсками[2], и все мы с ним распрощались. Он поговорил со мною наедине, сказал, что не хотел бы меня выпустить, что Черепенникова (нач[альника] штаба 23-го корп[уса]) он представил на нач[альника] 12-й пех[отной] дивизии, а меня прочил на его место; но раз Пустовойтенко — эта версия отпадает. Он со мною согласен в моих воззрениях (по свидетельству Самохвалова и Петровского — Каледин очень храбрый человек... ходит в окопах и не прочь пойти с цепями... мож[ет] быть, это верно, и он недостаточно лишь храбр за других) и, как доказательство, упомянул о рекомендации им моего приказа (после боя 15 ноября)... В конце концов, он меня поблагодарил (Спасибо).

Бач[инский] рассказал: один офицер был тяжко ранен, поднесли его к санит[арному] поезду, но доктор сказал: «Этот не выживет, не стоит грузить». Денщик где-то шушлился с вещами. Возвратился и слезами уговорил сестру взять барина. Погрузили. Вертается доктор и видит, что нет, говорит: «Значит, умер и понесли, — говорит, — так я и говорил». Прибежал денщик и просит, запыхавшись, документы на барина. Доктор махнул: «Умер»; денщик — документ за пазуху и айда с барином. Барин выходился и спрашивает у денщика свои документы. Тот дает с отметкой «умер»; шарахается, а затем шарахает и других, которым представляет свой единственный документ.

16 декабря 1916 г., Черновцы — Бряза

Утром встал в 7 ч[асов] 30 м[инут] и к 8 ч[асам] 15 м[инутам] уложился и был готов. За комнату не платил, сахар отдал горничной (солдатка, у нее двое маленьких детей... велел отдать детям), 1 р. 45 к. — за все (за стакан чаю — 15 коп.,

[1] На полях красная черта и надпись: «Черные».

[2] А. А. Брусилов.

за стакан горячей воды — 20 коп.). Подали, и я покатил в 8 ч[асов] 40 м[инут]. Погода свежая, идем хорошим ходом, когда ветер дует в лицо — не закутаешься. Мои шофера одеты слабо, и мне их жаль; говорят, что более теплого ничего не дают. За 10 верст пред Селетином опускается левая задняя шина, но через 15 мин[ут] мы катим дальше. В штабе корпуса обедаю и делюсь своими впечатлениями. Корп[усный] очень хочет меня иметь; он послал просьбу к[омандую]щему сделать меня начальником 43-й дивизии, но ответа не получил (и тогда, когда 17 декабря я был на обратном пути). Он очень не хочет меня выпускать и потому против моей попытки уехать. Весело обедаем, а затем я уезжаю в Брязу. Здесь я обгоняю Эрделли (Иван Егорович), который производил смотр командам. Много подписываю наградных листов (много аккерманцев), пишу прощальную телефонограмму, говорю по телефону с командирами полков, а затем ужинаю...

Много говорим про Драгомирова, про Новую Академию (ископаемые профессора, про то, что хорошо бы мне (Геруа) прочесть что-либо свеженькое и т. п.). А затем в постелях все еще долго болтаем с Иваном Егоровичем... Он говорлив и уступчив, не уловишь, во что он верит и чего желает... Ком[андир] 79-й арт[иллерийской] бригады Сытин (мой товарищ по Академии) — «мерзавец и жулик», и в мирное время его «опасно пустить за порог гостиной», но он «умный» и в военное время что-то может придумать... Вот и пойдите!... Мерзавец может в военное время пригодиться! Его, во всяком случае, Ив[ан] Ег[орович] назначил начальником артиллерии, а Ник[олая] Дим[итриевича] [Невадовского] его помощником. Что выйдет?

17 декабря 1916 г., Бряза — Черновицы

Утром готовимся к отъезду; со всеми расплатился и расцеловался. Все люди выползают наружу, и заметно общее волнение: повара, конюха, телефонщики... офицеры штаба. Ник[олай] Дим[итриевич] выходит провожать меня из своей квартиры (там подсообразил, что его темный тон может не понравиться новому владыке), но прощается тепло и приподнято (хотя он и актер неплохой); он благодарит

меня за все, как «боевого наставника», (у которого он все же выпросил вместо отказанного Георг[иевского] оружия Монар[шее] благоволение), и мы громко целуемся. На пути выстроились 3-й и 4-й батальоны 3-го полка, оркестр играет, и люди кричат «ура». Я слезаю, говорю несколько фраз (сжимает горло), ко мне подходит Латий, с глазами, полными слез и... я прощаюсь: целую офицеров и еду вдоль фронта, отдавая честь, качая головой и посылая поцелуи... Крик «ура» стоит страшный; шапки летят в воздух или колышутся в руках, или надеты на штыки... чувства много: они меня любят, эти серые представители любимого мною полка...

А там пролетели дома Брязы, и все осталось в прошлом... и былой труд, и бои, и пережитый риск, полный пафоса, и любовь людской массы, и думы, и боевые мечты... все мимо, все туда, в ту пропасть, что зовется прошлым, где все будет засосано и покрыто волною забвения... Это не все равно, это не грустно... Это крепкий закон природы и человеческого бытия... А извилины мозга сохранят в себе память об этом былом еще долго, до удивления долго, и в нужный момент все оживет с такой ясностью, как будто прошлое оживает вновь: и сердце вновь стучит, в ушах вновь звенят боевые звуки, в глазах встают и кровавые, и великие картины боя...

Игнат развлекает меня рассказами о новом начальнике дивизии. Он сближает его со стрелком и говорит: он начал так, как будто он выше и лучше всех, как будто он один... Игнат очень впечатлителен и умеет наблюдать, хотя имеет один недостаток: он слишком меня любит, и все принижает, что со мною пересекается в пути... Он говорил: 1) явившись, Эр[делли] с места начал учить, как готовить на кухне, как сбивать масло и т. п.; 2) сначала подали сестрам, а потом ему... Он тут же прочитал, к общему смущению, нотацию разносчику: «Всегда давать мне первому»; 3) сказал, что здороваться не будет (подумают, что презирает); 4) молился с батькой в одиночку... никого из офицеров не звал; 5) командиров полков собрал, долго говорил и... вышли все очень кислые...

Вообще, пропасть между ним и подчиненными будет огромная, и эту пропасть вторые воспримут, как презрение

к себе аристократа, а результат ясный: улитичное закрытие, лицемерие, вранье, т. е. то духовное наслоение, с которым теперь не победишь. От 13 до 16 [часов] еще не был на позиции, занимается командами... что уже трактуется определенным образом...

18 декабря 1916 г., Черновцы

Сегодня утром принял ванну. Живем мы у Инютина (Матвея Васильев[ича]) в прекрасной обстановке. Ответа все нет. Очевидно, к[омандую]щий армией решил вопрос юридически: я в 12-й дивизии и, значит, она решает дело. Теперь и граф, и Кусонский (Павел Алексеев[ич]) нажимают, а ответа от Стааля все нет. Я сижу и жду у моря погоды. После ванны пришел в штаб армии; новостей нет, и мы с Григ[орием] Вас[ильевичем] идем в церковь, уже к концу службы. Оттуда гулять, но я боюсь простудиться и иду к графу... 14 декабря в IX армии будет мой доклад об Анне 1-й степени... и разве к концу декабря все это добредет до Петрограда.

Потом я иду к Григ[орию] Вас[ильевичу], и он (источник — Никольский), рассказывает мне злобные темы современной России. 1) С отъездом на фронт Г[осуда]ря в Иркутск идет телеграмма: «Хозяин уехал, приезжай» и подпись... Поехал, заехал в Москву, и в Яре дебош. Вынул член, выходит плоть, а бабы прикладываются. Вытирает и говорит: «Вот если бы узнала, не поздоровилось бы... Впрочем, я ее разговорю», потом повальный грех и удовлетворение всех, ибо у него сухостой (приапизм); 2) Джунковский ушел, т. к. все открыл, включая и щупку царевен. Г[осуда]рь расцеловал, а после приказал представить письменный доклад. Сделано и послано супруге; требует расследования, которое поручено фл[игель]-ад[ъютанту] Свечину... Он: все вранье... и Дж[унковск]ого нет; 3) хозяйка в связи с Распутиным, вне сомнения, а хозяин не может пикнуть... нахлест и больше ничего... 4) Протопопов ненавистен, как ставленник Р[аспути]на, у которого свой человек — Маклаков; 5) Питирим — педераст. Я замечаю, что и Оболешев такой, на что ответ: этому — что угодно, а Питирим — особа духовная, высоким материям учит...

Прочитал у него последние речи в Думе; страшно стараюсь поднять настроение, боясь, что оно пойдет на убыль...

Завтракал в армии. За столом были — г[енерал]-л[ейтенант] Гаврилов — нач[альник] 79-й п[ехотной] дивизии и инсп[ектор] артиллерии 23-го корп[уса] ген[ерал]-лейтенант князь Кантакузен. Оба старика толковали о делах, обнаруживая полную далекость от текущей боевой жизни. Гр[игорий] В[асильевич] говорит, что дивизия дрянь, как и сам начальник дивизии.

Разговаривая с людьми, проверяя свои мысли и натыкаясь на новые факты, все более и более убеждаюсь, что «Огневая тактика» являет собою ясно очерченный объем идей и правил и отчетливый предмет исследования. Входя, как часть тактики, он отделяется от нее ясными, резкими гранями. Образование особого отдела (или даже науки), «Огневая тактика» является результатом общего закона дифференцирования, которое выдержали все другие науки с расширением их объема и с углублением их содержания.

Прочитав «Иностранные наставления для боя» (изд[ание] Управ[ления] ген[ерала]-квар[тирмейстера] при Верховном главн[окомандую]щем) — выпуск I, я неожиданно для себя нахожу много идей из моей «Огневой тактики». Французы пришли к ней с самого начала, т. к. их живая сила давно уже слаба, я натыкаюсь на мои идеи в 3-й год войны, когда по разным причинам ослабла наша живая сила. Одинаковые причины вызывают одинаковый ход мыслей, приводящий к одинаковым выводам.

У Жоффра в I выпуске я нахожу следующие интересные мысли: 1) войска будут всегда таковыми, какими их сделает начальник; 2) войска должны быть дисциплинированы и обучены... Мало; моя формула: войска должны быть победоносно настроены, дисциплинированы, одеты-накормлены и обучены; 3) главными начальниками оттенены: начальник дивизии и батальонный командир, а командиры бригад и полков названы просто передаточными ступенями... В этой правде для современной тактики большой смысл; 4) в рекогносцировки предбоевые входит «пробуждение настроения» (в смысле бесед, внушений, обругать-высмеять и т. п.), причем большую роль в этом должен играть начальник

дивизии; 5) начал[ьник] дивизии производит сложную и обстоятельную рекогносцировку, причем ясно указано: не только по карте и с наблюдательных пунктов, а из передовых окопов... Все это очень интересные броски, и их только тогда можно понять и совместить, когда нападешь на идею «Огневой тактики». Так, как в истории математики долго боролись с идеей геометрического представления мнимой величины, пока условно не обозначили ее перпендикуляром к какой-то из осей...

Сегодня я развивал графу Гейдену свои идеи: 1) духовный элемент (с частью надо сродниться, иначе я не поведу рот в атаку... Не пойдут, или тот начальник, который шел до проволоки, а за ним никто); 2) тщательное изучение огневых полей, иначе нельзя предвидеть течения боя, 15 июля; 3) начальник должен посещать окопы: а) родниться с людьми и б) тщательно изучать местность... Теперь Огн[евая] тактика при ужасной силе огня — всяческого — и при уйме препятствий получает сугубое значение... да и человек не тот, как раньше: не только тщательнее надо подготовлять для него боевое поле, но и самого его надо тренировать шире и систематичнее; иной боец не сможет выдержать соврем[енных] тактич[еских] задач[1].

Захожу к полк[овнику] Фалееву и устраиваю свою поездку на почтовом автомобиле в Каменец. Сижу у Григ[ория] Вас[ильевича], и он мне говорит про Плеве: 1) жена его встречала каждый день на вокзале и провожала домой. Раз опоздала на 14 минут, и встретилась уже в пути. Плеве: «Верочка, ты сегодня опоздала на 14 минут, и я с тобой не буду говорить 14 дней. Теперь 3 часа и 10 июня; с 3-х часов 24 июня я начну с тобой разговаривать»... сказал и сделал; 2) обедал он в 5 час[ов]. Приходит и садится, но никого нет, и обед не готов. Посидел и к себе в кабинет. В 5 ч[асов] 15 м[инут] все готово, и его зовут. «Нет, я обедаю в 5 часов и теперь пообедал»; 3) преследование Никольского: «отказать» и «опять отказать». Покровский его ненавидит, называет кретином и... правильно, но с оговоркой плюс сумасшедший, каковым он и умер[2].

---

[1] На полях четырех предыдущих абзацев надписи: «Огневая тактика».

[2] На полях надпись синим карандашом: «Плеве».

«Иностранные наставления для боя». Выпуск I.

Войска таковы, какими их сделал начальник.

Если войска обнаруживают невысокие качества, единственный ответчик за это — их начальник. У него имеется достаточно средств для того, чтобы заставить войска исполнять им приказанное; начальник этого не делает, значит, он этого не хочет. Обязанность высших начальников — понудить его к тому.

Начальник должен иметь войска дисциплинированные, обученные.

Дисциплина достигается ежедневной неослабной настойчивостью в действиях всеми начальниками. Дисциплину нужно вкоренять и развивать во всякое время, где бы ни находились войска: в передовой ли линии или на отдыхе[1].

Опрятная одежда, поддержание полного порядка на стоянках, в окопах, строгое исполнение правил отдания чести — являются, до известной степени, признаками хорошей дисциплины...

Неряшливая одежда, беспорядок не должны быть терпимы ни в каком случае...

Не следует рассчитывать, что для войск передовой линии окопы будут построены вспомогательными частями...

Человек никогда не будет работать до полного истощения, и когда про войска говорят, что они утомлены, это значит, что сами начальники не хотят более работать.

19 декабря 1916 г., Черновцы — Каменец-Подольск

Вчера вечером я получил отпуск, а также любезное обещание Димитр[ия] Федоровича прислать мне свой автомобиль. Таких людей, кажется, и нет на белом свете — истинный и искренний либерал. В 8 часов мы целуемся с Мат[веем] Васил[ьевичем] (у которого я забыл свой крест), он мне дает для подарка дочке 6 аршин какой-то белой материи и 4 бутылки вина. Сели на автомобиль и покатили. «Что, ваш граф — хороший человек?» — спрашиваю шоферов. «Конечно, хороший», — отвечает один, небрежно повернув ко мне голову... Мы едем в дождливую неприветливую

[1] Предыдущие три абзаца выделены на полях красной чертой.

погоду, проезжаем Залещики у Днестра, далее Новоселку, Борщов, Скалу, Оринин... В Каменец приезжаем в 13 часов, пробираемся по грязи на вокзал, оттуда в Техническое за билетом... Дорогой вижу белого квартиранта, батюшку муж[ской] гимназии и Максимова; никто меня не узнает: война людей меняет, делая их иными.

Заезжаю к Истомину [Евстафий Константинович], где болтаем без конца. Он страшно рад моему Георгию, так как он дает ему огромные шансы в его частых спорах и защитах моих достоинств (против, например, графа Игнатьева, Алекс[ея] Никол[аевича]). Вопросы его нервные: когда же мы перейдем в общее наступление (он ему придает значение)? Каков наш начальственный состав? и т. п. Приходит Таня; она очень красива, но вяла и имеет неважную фигуру... Говорит, что учиться очень трудно (все наше учебное дело теперь расползлось). Еду назад, у подъезда извозчик пристает к какому-то господину, который уже выплатил ему 7 рублей; приказываю городовому вышвырнуть извозчика за шею и получаю многие благодарности от господина. Швейцаром Попов (из хора штаба 2-й каз[ачьей] свод[ной] дивизии), который мне охотно помогает. Усаживаюсь, целуюсь с Игнатом и качу до Киева, любуясь из окна зимним пейзажем. Выручаю даму с мальчиком, которых усадил штабной, обманув и предоставив судьбе... А там сон и боевые видения; что-то у меня неудачно выходит с батальонами.

20 декабря 1916 г., Киев и вокзал

Прибываем в Киев в 13 час[ов]. Встречаю Невского (Ник[олай] Ал[екс?]), который в какой-то зап[асной] бригаде адъютантом. Высматривает почти как прежде, новость — недобритая седая борода. Меня считал на том свете, что делается в дивизии и полку — не знает; про Ив[ана] Вас[ильевича] Шишкина говорит, что тот считает себя слишком старым и отказывается выступать на боевую сцену. Живет Невский в Черновцах на площади Шиллера и зовет к себе... Где все, кто жив, кто умер — не знает: голосом и прочим тот же, но оторвался в какую-то одинокую личную жизнь, помнит ли прошлое, не знаю, но текущим бытием прежней семьи не интересуется.

Посещаю графа Ал[ексея] Ник[олаевича] Игнатьева, причем натыкаюсь в коридоре на графиню. Ведем с нею светский разговор до прихода графа. Графиня похудела, пожалуй, постарела и потеряла свою прежнюю непосредственность; на лице легли тени, словно намеки на что-то переживаемое или уже пережитое.

(На пути беседую с извозчиком, у которого на войне четыре сына. Он согласен, что все жиды остались дома и торгуют, хотя и если там, мало от них толку: бегут, сдаются или ложатся... «Слышно, таких прикалывают». «А у вас тут что-то говорят о правах для жидов?» — я. Извозчик поворачивается весь ко мне, на лице его решительное несогласие. «Чтобы насчет правов жидам, это никак нельзя... Да и об этом что-то не слыхать»).

Приходит граф, и мы ведем беседу на наши темы. Пара ими интересуется, многое слыхала (интересно: в Питере или Москве говорят, что Брусилов покончил с собой, а в Черновцах — что это с собой сделал Лечицкий). (Инютин говорит, что Брусилов назначил на юг не Лечицкого, более даровитого, но могущего его затмить, а Сахарова — среднего и безнравственного... у которого, по словам Пуцилло, всегда жены — у него, начальника штаба, офицеров, и который прежде всего поднимает с интендантами вопрос о дойных коровах), но каким-то односторонним ухом[1]. Мы с графом целуемся, пара очень любезна, но любезность — светская, а расспросы лакея говорят мне о чувстве обязательного визита... И, конечно, паре не могло придти в голову, что окопный человек голоден и иногда хочет есть...

До 24 часов томительно жду поезда. Сажусь и попадаю на сплошные страдания: все забито, кроме военных, едут лишь такие, у которых «умерла мать»: коридор забит людьми, позднею ночью всюду на полу видны ноги спящих офицеров или сестер милосердия, возле меня, прислонившись к ногам моим, дремлет на чемодане девочка-полька, а возле нее на краешке скамьи спит сидя ее мать-старуха, качая седой головой. Один полковник, имея «и билет, и плацкарту», спит на полу; возле меня на противоположной

[1] На полях данного абзаца простым карандашом надпись: «Слухи и случаи».

скамье лежат водоливами две сестры милосердия... Война на все наложила свою железную руку и свела к нулю людские удобства и людскую нужду... Надо всем посмеявшись и заставив все служить себе и только о себе.

21 декабря 1916 г., в пути между Киевом и Петроградом

Еду в обществе полковника, трех сестер милосердия, ученика комм[ерческого] училища в Харбине (Виктор Ильи[ч] Байда) и старухи Владыкиной, вдовы в[оенного] врача. Она очень образованная старуха, родила 12 детей, вырастила 8. Мы с ней болтаем без конца. Она большая поклонница материнства и считает его источником и силы, и героизма. Она стоит за предоставление прав женщинам потому, что они осветят женскую половину и явятся выразительницами детского мира; в других отношениях старуха — консервативна. Она резко осуждает Францию и ее вымирание, ее слабую живую силу объясняет ослабленным материнством: нет людей, нет источника героизма. Много говорит она о воспитании и в этом обнаруживает много практических навыков. С нею во многом приходится согласиться... О женщине, как якобы только термостате, говорит с нескрываемым презрением...[1] Ночуем с теми условностями, которые наложила война. Утром умываемся часа 4–5, т. к. стоит длинная очередь... Старуха описывает де-Витта, Гернгросса и еще одного офиц[ера] Ген[ерального] штаба и дивится, найдя во мне что-то новое.

22 декабря 1916 г., путь и Петроград

Утро в том же духе, как и раньше. Все утомились, извелись. Поезд опаздывает на 6 часов, что всех изводит окончательно... Подъезжаем... и новые испытания: нет носильщиков. Многие ждут, я беру все свои тяжести и с трудом волоку их. Меня встречает какой-то человек и начинает мне помогать. Дотаскиваем... Но нет извозчиков. После беготни моего знакомого удается за 4 рубля найти, и я прибываю домой. Звоню с баловством, и на мне виснут все четверо. А там спускаются папа с мамой, и идут обычные разговоры...

[1] На полях абзаца надпись простым карандашом: «Материнство».

(Чтобы не забыть! Яша Ратмиров, в разговоре у деда 24 декабря приводит пример, как Вячик не мог убить немца, случайно показавшегося на прицеле... жаль стало бить зазевавшегося человека. Я ответил, что он сделал это по недостатку военного кругозора. Цель войны — убить дух сначала отдельного бойца, потом — массы их, а затем — всей нации; и для этой единственной и довлеющей цели нельзя ничего забывать, нельзя давать перерывов или уступок; нужно жать непрерывно и всюду. Отсюда смешны писательства корреспондентов, описывающих братания врагов в дни праздников; этот кислый сентиментализм показывает только одно — непонимание сути в[оенного] дела. Отсюда возражения против налетов циппелинов (якобы поражающих только мирное население), против жестокости и т. п.; во всем — одна идея: угнетать дух, и если это достигается, значит война ведется, а не намечается только. Свои войска мы всячески покоим: кормим, поим, бьем малодушные сплетни, даем спать... противника жмем все время: слухами, огнем, рекогносцировкой, ядовитыми газами и т. п.)[1].

23–29 декабря 1916 г., Петроград

Кружимся: ходим по делам и людям. Петроград интересен как тыловой центр в дни тяжкой и великой войны. Он — нервен, полон пересудов и сплетни, лишен нормальной, уравновешенной перспективы. Конечно, война — дело большое и трудное, она несет с собою различные лишения, но всю эту трудную и сложную картину надо понимать, надо уложить в ясные рамки, чтобы создавать верные выводы. Путаница причин с последствиями, смешное расширение размеров тех и других, создание новых причин, смешных и карикатурных по своему содержанию... Это всюду, на каждом шагу.

Напр[имер], взять одного Распутина. Сколько легенд с ним связано, сколько силы (и политической, и половой, и какой угодно) ему приписывается. Мож[ет] быть, он в действительности является марионеткой какой-то скрытой, но определенной и большой силы? Теперь он убит; по естеству вещей ему должна найтись замена. Арсен[ий] Петрович

[1] Вдоль абзаца на полях синяя черта, красный знак NB и надпись простым карандашом: «Философия войны».

правильно определяет его явление: «Это нездоровый продукт современного неверия и гнилого политиканствующего Петрограда». Примеры: 1) его вызов из Тобольска, пир в Яру и дебош; 2) его случай с Орловым; 3) его сила: желание дамы, чтобы у нее обедала Гос[удары]ня; 4) наконец, картина его убийства, о которой теперь трещит весь Петроград. Второй пример: сумма слухов и гаданий вокруг молодой Гос[удары]ни: 1) ее отношения к убитому... в разных красках и вариантах; 2) поведение, связанное с его смертью («месть»: капелла, панихиды); 3) ее влияние на общие дела, власть над Хоз[яин]ом... до путешествий по образу... 4) слух о передаче в ее руки всего внутреннего управления, как несомненный венец сплетнического творчества Петрограда...

Этих двух примеров достаточно, чтобы представить нервную и нравственную физиономию Петрограда; откуда что идет, кто, чем и для чего дирижирует, какая основа для слагания всяких слухов и сплетен, кто на это может дать определенный ответ? (Чтобы не забыть; одна из версий изобретательного града относительно Влад[имира] Драгомирова: в дни отхода 3-й армии, когда Ратко[Радко]-Дмитриев просил фронт о подержке, Влад[имир] якобы отвечал, что Св. Димитрий (или какой-либо другой святой) ему в этом отношении еще не дал указаний (или не советовал)... И эта чушь — о мнимом умопомешательстве — разносится серьезными людьми, вроде моего кузена [Ратмирова], а когда ему смеешься в лицо, он отвечает, что дыму без огня не бывает).

Что касается до политического настроения, то оно однообразно-левое: все повторяют упорную мысль, что правительство не хочет работать с обществом, что оно не считается с общественным мнением, что мы стоим на краю пропасти и т. п. И, конечно, в его грозные слова каждый всовывает свое содержание... говорят-то как будто одними словами, а под ними лежит масса разнородного, несказанно перепутанного духовного материала.

24 декабря 1916 г. — 7 января 1917 г., Петроград

Время летит незаметно. Новый год встречаем с женкой на службе в соседнем монастыре; батюшка, к сожалению, произносит очень глупую речь. С женкой живем не без ше-

роховатостей, возникающих спорадически почти без повода и своим существом напоминающих сцены из повести Ольги Шапир «На разных языках». Как корень, приходит в голову несколько причин: 1) условность и «неестественность» брака как социального установления, оттуда неизбежность шероховатостей и нажимов для скрепления; 2) ценность брака и привычка к нему, а отсюда боязнь его потерять или разрушить; 3) бессознательное выравнивание прав и т. п. В сценах были и комизмы: 1) мое, якобы, желание уехать раньше; 2) мысль, что мною правит женка (Истомин: у Евгении Васильевны только Андрюша и трое детей... и ничего более), и я «даже рад этому»... Дети вызывают некоторые думы своей нервозностью и упорством, но если это и тревожно, то как возмездие за удобства заслужено... Два раза Генюша вывел меня из себя, и в первый раз я его сильно трёс и даже ударил: чувствую стыд и сейчас, хотя мать это делает и часто, мож[ет] быть, но она — мать... Ровнее всех Кирилл — мальчик спокойный и прочный.

На досуге обдумал программу по Огневой тактике. Думаю, что в первой сырой стадии это будут отдельные темы, связанные между собой лишь отдаленно.

А) Предмет Огневой тактики: дифференциация наук, необходимость особого учета действий под сильным огнем, момент, с которого начинается власть и законы Огн[евой] тактики.

Б) Начальник: его первая данная — способность в нужную минуту во имя дела стать перед лицом смерти, а затем — знания, энергия, свежесть — духовная и физическая, темперамент и т. п.

В) Нижний чин: каков он должен быть, что от него нужно, каким мы его получаем, и в каком направлении мы должны работать.

Г) Военное воспитание: понятие, что такое, в частности, настроение; те пробелы, которые видим повсюду: карьеризм (стр. 43 дневника[1]) (сначала личная удача, а затем общая), вранье, отсутствие чувства взаимной выручки (даже злорадство по поводу неудач), гражданское малодушие... примеры.

[1] Соответствует записи от 24 августа 1916 г.

Д) Отдельные темы:

1) огневые площади (три стадии); 2) поднятие роты в штыки (впереди, сзади, слова, действия); 3) накапливание и сохранение настроения (общее и предбоевое накопление, сохранение в период артилл[ерийского] обстрела, борьба с паникой как провалом настроения и т. п.)[1].

8 января 1917., Петроград, а с 17 час[ов] 50 м[инут] вагон

В час дня ем у мамы блины, которых давно или никогда не ел. Генюша хочет со мною ехать, Кирилл, когда узнал, что не возьмут, от волнения взялся за голову, но что-то пробурчал в объяснение («голова закружилась»), а Ейка примирилась сразу. Когда я стал уговаривать Геню, он выскочил из-за стола и заплакал, но мать доводом (о чем ты больше думаешь, о своем настроении или о папином) его успокоила, и он возвратился с красными глазами, но держа себя в руках. Заезжаем к Соллогубам, где знакомлюсь с мамой Серг[ея] Иван[овича] и княгиней Вяземской, а оттуда на вокзал. Несколько перипетий с Осипом, но затем все улаживается, и в купе с Сер[геем] Ив[ановичем] мы едем удобно. Жуем старое, о чем не договорили в Петрограде. С нами едет уездн[ый] предводитель дворянства (уезда, где было имение м-me Соллогуб), который, оставшись со мною, говорит мне многое интересное. Сначала мы проверяем друг друга, — кто из нас более силен в петроградских сплетнях, а затем он переходит на свои специальные темы.

Много пережил в моменты нашего наступления: 1) когда матери умирали на пути, то в их наскоро вырытую могилу бросали и грудных детей; 2) таковые вообще устилали собою весь скорбный путь отступления; рассказчику удалось собрать несколько десятков и эту группу молодых граждан России пристроить в каком-то из специальных учреждений; 3) у телеги ломалось колесо и... все гибли: люди, имущество; давали за колесо, сколько могли. Это скорбные картины, а вот и мерзкие: 1) на купле играли, как хотели... выводи-

[1] Со второго абзаца запись выделена линией и надписью: «Огневая тактика».

ли 40 к[опеек], а жидам платили 7; 2) боевые инстанции спорили с главно-штабными и, боясь «разозлить гусей», махали рукой; 3) всякие организации — включая городские и земские — сплошные грабители, которых мало вешать[1].

9 января 1917 г., Ставка

Приезжаем утром и попадаем [в] номерную клетушку, за которую требуют 3 рубля... нечего делать. Нахожу Вас[илия] Игнатьев[ича], с которым иду завтракать. Там вижу Лукомского, который со мною мило беседует и передает впечатления своей дочки, мимоходом Кондзеровского, графа Ромеи (с которым здесь не удается много поговорить), с ген[ералом] Исазака, с Базаревским и т. п. После завтрака устраиваем через коменданта жилье в вагоне, а затем я иду к Кондзеровскому: он на этот раз встречает меня по-родственному, много говорит о раненом сыне, о ранении сынка Вержбицких, о Павлушиной семье и т. п. Он мне показывает кандидатский список, где я стою по Ю[го]-З[ападному] фронту 52-м сверху и 7-м снизу.

Оказалось, что Эрделли о своем разговоре с ним по Юзу все наврал: Конд[зеровский] по Юзу говорит очень редко, почему такой бы разговор он бы не забыл, а особливо, если таковой касается меня... зачем это? Моя кандидатура на дивизию очень сомнительна, ввиду слишком низкого стояния в кандидатском списке... Но зато кандидатом на шт[аб] корпуса я значусь пятым или даже третьим, почему и должен получить таковой еще в январе. Это последнее мне объясняет Киященко, очень обязательный подп[олковник] Ген[ерального] штаба...[2]

До Кондзер[овского] был у полков[ника] Г[енерального] ш[таба] Моторного, который объяснил мне технику новых формирований: 1) на Север[ном] ф[ронте] — 10 див[изий], на Зап[адном] — 14 и на Юг[о]-Запад[ном] — 21; 2) от каждого полка берут батальон и 2 роты, т. е. 1½ бат[альона], что в двух дивизиях дает 12 бат[альонов] или одну дивизию с полками 3-х батал[ьонного] состава; старые полки также

[1] Вдоль абзаца на полях волнистые линии и надпись: «Случаи при отступлении».

[2] На полях вдоль этого абзаца надпись: «Вранье».

переходят на такой же состав. Это даст 45 нов[ых] дивизий, а с Румын[ским] фронтом до 60. Что за цель, как справятся с материальной частью, где возьмут артиллерию, — на все эти вопросы главное колесо реорганизации не дал мне никакого ответа.

В Ставке вижу Скалона; он все еще полковник, постарел, опустился, слегка будирует (полк[овником] 11 лет, Самойло — генерал)... мы с ним грустно вспоминаем былые дни первого гнезда Гл[авного] упр[авления] Ген[ерального] штаба. (Базаров тоже еще полковник, но он после войны уходит). По его совету все же являюсь к Лукомскому, у которого расписываюсь. Потом захожу с визитом к гр[афу] Ромеи, которого жду, беседуя с его секретарем. Он нам показывает свои фронты, что отняты итальянцами, и много говорит об итал[ьянских] боев[ых] наградах.

Золотая медаль — высшая боевая награда и ее 1) получил генерал, обходивший передовые окопы («чего до него никто не делал»), где он и был убит и 2) авиатор, который пробился назад, хотя его два товарища были убиты и он уже «слышал» (при пропеллере-то) крики: «Сдавайся»... Оба примера характерны и намекают на слабую боевую ценность итал[ьянской] армии и на царящее (м[ожет] б[ыть]) в ней наивное вранье... Затем приходит граф Ромеи, и мы переходим на воспоминания: он еще теперь полон когда-то пережитым и говорит о нем с волнением. Обедаю по-старому, вижусь с Эрастом Эрастовичем Шляхтиным, с япон[ским] генералом и едва-едва вырываюсь в кинематограф... Здесь дают «Кармен» по Мериме; играет ее красивая итальянка с большой экспрессией, дивной мимикой и неописуемой страстностью: это дает ряд удивительных картин и положений... Я в ложе иностр[анных] офицеров и время от времени перекидываюсь впечатлениями с графом. Я, пожалуй, говорю по-франц[узски] не плохо, но 1) слишком повторяюсь; 2) не разнообразен в словах и фразах; 3) часто пускаю в оборот переводимые или переведенные раньше фразы... Единственная вещь — пройти внимательно грамматику и программно попрактиковать[1].

[1] На полях вдоль этого абзаца красным карандашом линия и надпись: «Герои итал[ьянской] армии».

После спектакля мы с Серг[еем] Иван[овичем] идем до извозчика, и граф Ромеи нас провожает. Он много говорит про Ставку, про ее манеру жить, про женщин, которые все здесь заполняют, и все это находит по многим и сложным отношениям глубоко неправильным. Это создает сплетни, пересуды, интриги, глубоко мирный тон, принижает боевое настроение и кладет целую площадь между Ставкой и более низкими боевыми инстанциями. «Здесь нет войны, здесь далеки от нее и духом, и телом», — повторяет он, как основной припев. По его словам, итал[ьянская] Ставка каждый день в окопах (а генерал, по версии его секретаря, за это получил золотую медаль), т. е. король и Кадорна; весь их штаб ограничивается оперативной частью... Граф Р[омеи] полагает, что дежурная часть и многое другое могли спокойно пребывать в Петрограде... я над этим не думал, но полагаю, что в этом есть смысл, особенно с боевой и нравственной точек зрения[1].

Мы целуемся с графом при расставании и желаем друг другу всяческих успехов; мы разного воздуха и разной страны люди, но нас соединили минуты «опасности» и совпадение боевых взглядов. Мы спим с Серг[еем] Иванович[ем] в купе вагона; он еще уходит, чтобы напиться чаю, а я ложусь сейчас же и быстро засыпаю.

10 января 1917 г., Ставка, а с 11½ час[ов] вагон в пути

Еще вчера я два раза видел ген[ерал]-ад[ъютанта] Иванова, который гулял по улице, ведущей с вокзала в город; он шел по тротуару, дал одному нищему денег, а [при] проезде моем обернулся и долго смотрел мне вслед. Узнав, что он живет в вагоне, я решил его сегодня навестить до отхода моего поезда. Я пришел, он отослал подполковника и встретил меня словами: «Я Вас не узнал. Вы как будто стали выше... что скажете?» Мы сели. Ген[ерал] Ив[анов] почти не изменился, глаза только несколько впали, да в бороду прибавилось 1–2 лишних седых волоса. Вопрос намекал на допущение какой-то с моей стороны просьбы; очевидно, визитеры Иванова по большей части просители и — как позд-

[1] Вдоль этого абзаца кроме первого предложения на полях красная волнистая линия и синим карандашом написано: «Ставка».

нее я убедился из разговора, часто жалобщики: нормального интереса и вопросов военно-научного порядка, очевидно, г[енерал]-ад[ъютант] Иванов ни в ком не вызывает... кроме меня. Я ответил: «К В[ашем]у В[ысокопревосходительст]ву у меня никакой просьбы нет, но я решил посетить своего старого начальника, чтобы приветствовать его и справиться о здоровье». «И что же, — подхватил Иванов, — Вы ждали согбенного, пришибленного болезненного старца?» Отвечал отрицательно... «И потому-то мне странно, почему В[аше] В[ысокопревосходительст]во не у дел». И[ванов] сделал насмешливо-недоумевающее лицо, а затем начал выяснять причины, уполномочивая меня неоднократно говорить о всем, где угодно... «Напишите, подпишусь... Не откажусь». «Я и сам не знаю, за что, но думаю: 1) тыл у меня страшно плохо работал, иногда фронт не дополучал 65% ему полагавшегося (благодарить ген[ерала] Маврина, который нас спасал в таком положении); об этом я посылал систематические телеграммы то министру земледелия, то внут[ренних] дел, а копии г[енералу] Алексееву. Конечно, это не было приятно, но что же было делать. Когда я прибыл на совещание перед мартовскими операциями, я ему и сказал: „Я, М[ихаил] В[асильевич], вынужден был надоедать Вам телеграммами, что и впредь буду делать“. На это он с неожиданной для меня резкостью заметил: „А я на каждую телеграмму буду отвечать Вам контр-телеграммой“... Мне бросилась в глаза эта страшная нервозность. Конечно, и раньше были между ними события, но все это кончалось хорошим...; 2) на заседаниях перед март[овскими] событиями мы работали до завтрака, причем Эверт и Куропаткин (последний, как обычно говорят, все жаждал переэкзаменовки) все хотели драться... Алексеев, который все мечтал овладеть Берлином, поддерживал скорее их сторону. Я был в одиночестве, и мне не давали слова сказать. Ал[ексей] Ник[лаевич] [Куропаткин] обрывал меня при каждом случае: я ему про распутицу, а он: „Выпадает 2–3 дня и хороших“; я: „Этого для большой операции мало“, а он: „Бывают и 2–3 недели хороших“... а я-то ведь служил в крае и знаю его.

После завтрака предполагалось, что Алексеев будет резюмировать все, о чем мы говорили... И что же? Я вижу,

он говорит гладко, как будто читает, и притом, не всегда так, как решили или как было. Поливанов со мною переглянулся. Всматриваюсь — он, Мих[аил] Вас[ильевич], читает по печатанному, косясь на стол. Хорошо обсуждение! Тут мне удалось высказать свои возражения против намечаемой операции: 1) несвоевременность по климат[ическим] условиям; 2) неподготовленность людского персонала; 3) слабость и недостаточную подготовку низшего командного персонала и 4) трудность организации тыла и питания... Когда операция сорвалась, и Эверт с Куропаткиным приводили свои причины, то они точь-в-точь повторили первые три моих причины; четвертая — не была упомянута по той простой причине, что не вышло никакого наступления... Мое злое пророчество, к сожалению, блестяще оправдавшееся, вероятно является второй причиной моего удаления... Приводили еще разные догадки, связанные с посторонними влияниями — извне или сверху, — но когда мне называли имена, я мог только отмахиваться руками (не намекал ли И[ванов], что его особой занялся даже сам Григорий?)... Вот те две причины, — закончил И[ванов], — о которых я могу строить то или иное предположение...» После этого И[ванов] много говорил, как при первой встрече М[ихаил] В[асильевич] уверял его, что он тут ни при чем и что тут другие данные, вроде приведенных в 3-й причине.

Но самая худшая часть его беседы, это та, где он всячески вылавливает самое худшее в нашей армии и в ее действиях, лукаво сомневается и со злорадством распространяет перед каждым, его посетившим.

1) Например, по поводу наших больших потерь. «В деревнях уже начинают поговаривать». С этим — как нашей тактической несуразностью — я охотно соглашаюсь. «Мне говорил председатель Геор[гиевской] Думы в Петрограде, что часто отказывают в Георгии... мало, мол, потерь». И[ванов] приводит примеры потерь: А) 21-й Сиб[ирский] стр[елковый] полк за лето 1916-го потерял 6 т[ысяч], при среднем числе штыков около 3 т[ысяч]; Б) гвардия, считая сапер и придатки, — всего 56 т[ысяч] — за время с 22 мая по 9 сент[ября] — потеряла 96 т[ысяч]; В) потери на Юго-З[ападном] Фронте за 22 мая — 9 сент[ября]: 620 т[ысяч]

раненых, эвакуированных + 130 т[ысяч] распределены на местах, 1/5–1/6 убитых, т. е. 150 т[ысяч], в плену — 93 т[ысячи], беглых — 120 т[ысяч], а всего — 1120 т[ысяч]... Этот подсчет И[ванов] делает с видимым злорадством, подкапываясь под успехи Брусилова...

2) Сильно подчеркивает ослабление войск, неподготовленность и сомнительность прапорщика... Тут уже я критикую и защищаюсь. «Правда, говорят, в атаку идут 2–3 человека?». «Врут... За 1/3 всегда можно ручаться». «Ну, хорошо... (скороговоркой) я думал о половине... Ну, слава Богу».

3) «А вот пищи горячей не получают, теплой одежды нет, а в городах запасы гниют». Я горячусь: «Это, В[аше] В[ысокопревосходительст]во, форменное вранье... кто Вам это говорил»? И[ванов]: «Да вот человек, сидевший на этом самом месте» (указывает). Я: «Кто он такой?» И[ванов]: «Командир полка, теперь отставленный от командования». Я: «Но ведь это люди врущие, больные, как обиженные... мы никогда не верим раненым и держим их подальше»... Я описываю, как в течение 10 дней я получил на 64-ю дивизию полуторный комплект теплой одежды, снабжал ею других, а относительно горячей пищи передавал мою систему... Эта правда, по-видимому, не нравилась И[вано]ву, он хотел бы более мрачных красок. На прощанье мы расцеловались, и он пожелал мне успехов; я на любезность отвечал тем же.

«Кланяйтесь, если кто помнит», я: «Что Вы, В[аше] В[ысокопревосходительст]во, как Вам не грех... все помнят»... Мы расстались.

Г[енерал]-ад[ъютант] Иванов производит самое безотрадное впечатление. В этом историческом человеке — будирующем, интригующем, болтающем направо и налево с целью злословия, и все великое топчущем под пятою личного благополучия — я узнаю мою некультурную, грязную и узкую родину, ее изнанку, ее больную сердцевину... Как могли эти люди достигать высот? Как могли они править людьми? Как могли они решать исторические вопросы?[1]

[1] С начала записи до слов «Я вышел с подавленным сердцем» на полях красная волнистая линия и надпись: «У ген[ерал]-ад[ъютанта] Иванова в Ставке».

Я вышел с подавленным сердцем и с помутненным разумом; пред моею совестью стояло что-то уродливо-грязное, кошмарный нарыв на прекрасном теле России и... только встреча с Эрастом Эрастовичем Шляхтиным и воспоминание о прошлом прогнали наваждение. Так, крик петуха или близость ребенка, по народным поверьям, прогоняют бесов, сатанинское наваждение и делают душу вновь свободной, светлой, способной к надеждам и радостям...

11 января 1917 г., утром в вагоне и с 8 — Киев

Прибываю в Киев к 8 часам. В вагоне часть пути проехал с артилл[ерийским] генералом (нем[ецкая] фамилия), 56-й (кажется) дивизии. Мы с ним много говорим на разные темы; у него много знакомых, и среди них есть люди, очень сильно поднявшиеся.

Много говорит о Булатове, ныне командире 1-го корпуса, говорит с негодованием, как об артил[лерийском] выродке.

По его словам, это человек умный и жизненный, но страшно грубый, безжалостно жестокий и трусливый. Все его знают и бранят, но Алексей Ермолаевич [Эверт] от него без ума; импонирует ему, как это часто встречается, «строгостью» и «настойчивостью». Про Эверта говорит, что это человек, ухода которого давно все ждут и желают; одна операция была совершенно готова, и на вопрос, удастся ли, ген[ерал] Леш ответил: «Несомненно, на всяком другом фронте, но не на Западном». Про Корнилова говорит с восторгом: «Такого обаятельного начальника не видел в жизни». Три раза у него срывалась операция (дали очень много дивизий и страшную артиллерию), в 4-й созвал начальников и в присутствии Гурко [Ромейко-Гурко] остановился на совете ком[анди]рам полков стать во главе последних и вести их в атаку[1].

Много говорим на тему о назначении г[енерал]-м[айо]ров Г[енерального] шт[аба] на штабы дивизий. Находит идею никуда не годной. Кроме доводов Каледина приводит тот, что нач[альни]ки штабов обезличиваются,

[1] Вдоль этого и предыдущего абзацев на полях красная линия и синяя надпись: «Булатов, Эверт, Корнилов».

изленяваются и делаются к моменту получения дивизий очень слабыми. Нач[альни]ки дивизий стесняются с ними, держат их в черном теле и без дела. Как правило, стар[шие] адъютанты заменяют своих начальников, что ставит этих молодых офицеров в фальшивое положение и развращает. В смысле экономики боевого труда — большая потеря. Он дает примеры: а) Российский и Мандрыка в 56-й дивизии; б) раньше Российский у кого-то; в) Люпов и Сербинович (на «ты») и г) мой [пример] в 12-й [пехотной дивизии] с Геор[гием] Ник[олаевичем] [Вирановским]... Да, таких, конечно, много[1]..

{Для памяти: К 26 ноября 1916 г. значилось Георгиевских кавалеров: солдат (всех) — 1401043, из них — первой степени 16216; офицеров — 3097, из них убито в сражениях — 319... Последняя цифра едва ли верна.[2]

Прибываю в Киев в 8 час[ов] утра. Устроив все на вокзале, отправляюсь в Киев и намечаю программу хорошенько осмотреть Владим[ирский] Собор и Лавру. В Соборе меня водит сторож сначала по верху, а потом внизу. Центр написан Васнецовым — сильный византийский сталь с сильными людьми, с большой мускулатурой. Он же писал главный притвор, причем шесть картин на иконостасе его... Интересна Богоматерь (здоровая красивая еврейка) с Христом: бледный, задумчивый ребенок с приглаженными волосами; такого никогда не видел. Особенно хороши: Богоматерь в алтаре (украшение Собора), пророки (жиды приходят в восторг), Страшный суд и Крещение Руси. Верхние два притвора обрисовал Нестеров его нежными одухотворенными тонами (художники все же его одолевают, а Васнецова лишь с большим трудом), образы с худыми телами и условным ландшафтом... Остальное — Катаржинский [Котарбинский] и Сведомский, уже отошедшие от византийского письма; из их икон очень хороши: «Вход Христа во Иерусалим», «Суд Пилата» (особенно хороша) и «Воскрешение». Эта многим

[1] На полях предыдущих трех абзацев синяя волнистая линия и красная надпись: «Ген[ерал]-м[айо]ры Г[енерального] ш[таба] нач[альни]ки шт[абов] див[изий]».

[2] Вдоль абзаца на полях синяя волнистая линия и красным карандашом надпись: «Число Георг[иевских] кавал[ер]ов».

очень нравится, мне не особенно. Врубель рисовал только орнаменты, Пимоненко — очень немного, а что — не заметил.

Из Собора (подтянув на Фундуклеевской команду) иду по Крещатику, сажусь на трамвай (здесь жители сами держат очередь) и еду в Лавру. Здесь я посещаю ближние и дальние пещеры, заставляю подробно говорить монаха и углубляюсь теплым и растроганным сердцем в седую старину моей страны. При переходе назад в Собор подслушиваю разговор придверных попрошаек: «Ты как Гришку увидала, как хвостом-то винтишь»... «А ты-то, стерва, поди из невинных»... Скверный хриплый хохот компании. Увидя меня, все принимают смиренные позы и запевают: «Подайте, Христа ради, милостивец»... Мне, не знаю почему, пришла на мысль наша Гос[ударственная] Дума...

На Крещатике вижу Кирея, целуемся, наскоро делимся новостями (ему не разрешают печатать его «демагогические» думы), а затем в ресторане Гладынюка я прекрасно обедаю и шажком возвращаюсь на вокзал. Здесь я вижу хорунжего Исаева, с которым вспоминаем старину (оказывается, он все знает: 1) 13 сент[ября] 14 г[ода] Павлов страшно нервничал, а на вопросы, что нас обходят, отвечал: «Я послал начальника штаба, и все будет в порядке»; 2) обо мне вспоминал чуть ли не каждый день; 3) история с Черным имела место), мимоходом расцеловался с В. В. Лихачевым и в 19 ч[асов] 50 м[инут] выехал из Киева, поместившись в одном купе с подпол[ковником] Алимовым [Алымовым?]. Мы ведем с ним очень интересную беседу, на разные темы, пока не ложимся спать. Он меня уговаривает ложиться внизу, я противлюсь, ссылаясь на его 65 лет, но, в конце концов, уступаю...

12 января 1917 г. до 11 час[ов] в вагоне, а с 11 — Кам[енец]-Подольск

Я иду со старым (65 лет) полковником-инженером Алымовым. Это хороший, прекрасно настроенный человек, который добровольно пошел на войну и теперь недоволен, что много получает денег (напр[имер], на две лошади, которых у него нет), получил уже, оставаясь в тылу, четыре награды и, наконец, вынужден быть далеко от огня. Он представляет собою прекрасную смесь монархиста с прогрессистом и

искренно болящим за текущие внутренние неурядицы. Он сильно против Сухомлинова, но ненавидит жидов, много горюет по поводу распутинской катастрофы, но не верит англичанам и боится, что они нас, в конце концов, надуют. По поводу жидов он привел интересный случай: он ехал с одним прис[яжным] поверенным, и тот, узнав о его смоленском имении, рекомендовал таковое продать по мотивам: 1) получит миллион; 2) все равно крестьяне его ограбят. «Вы какой национальности?» «Вам зачем это?» «Да Вы мне скажите». «Ну, положим, еврей». «Так вот, видите, в Ваших расчетах и выкладках много правды, но Вы забыли одно: мое имение — это мое родовое гнездо, в котором я буду умирать, а с продажей его мне умереть негде...» Жид не понял и в душе посмеялся, вероятно, над наивностью арийца[1].

(Только что — 19 января — говорил с Нечволодовым, который хозяина характеризовал так: человек холодный, незлобивый, глубоко религиозный и слабовольный; влюблен в жену, которой верен, никогда не изменял и которая была бы рада его измене: е...ь, по-видимому, плохой... Прямой потомок, несомненно, сын Ор[ло]ва[2], который просто пьяница, умерший в Египте ест[ественной] смертью... Хоз[яин] глубоко безразличен и настолько слаб, что никому не может в чем-либо отказать, но легко уступит другому... О Калед[и]не Нечв[олодов] говорил ему так: преданный, способный, трудолюбивый и храбрый, но мало воспитанный и грубый... Пришел Анастасий, когда тот углублен был в работу, и когда Кал[еди]ну доложили, он воскликнул: Ах, е... его м...)[3].

Мы говорим с Алимовым [Алымовым?] непрерывно, я стараюсь успокоить его тревоги по поводу внутренних недочетов, и он несколько правеет... Он в Москву «ни за что больше не поедет», т. к. она слишком кисла и революционна. У Алимова [Алымова?] есть приемная дочь, которую он был вынужден взять из Смоленской гимназии, т. к. гимназисты окончательно развратили гимназисток, и последних спаса-

[1] Со слов «По поводу жидов он привел интересный случай» до конца абзаца на полях синяя волнистая линия.

[2] Орлов Алексей.

[3] Этот абзац, по всей вероятности, вписан позже.

ет от беременности какой-то жид-врач, делая выкидыши. Репетиторша его дочки — старшая гимназистка — навязывалась ему, 65-летнему старику, и он вынужден был читать ей резкую отповедь... «Значит, ведь действительно наши министры народ[ного] просвещения ничего не делают?» Я: «Они ли одни виноваты? А общество, а семья! Общий грех всех, и все должны его лечить»... Я ему рассказываю образцы подвигов офицеров, денщиков и героизм матерей, он плачет и закрывает в купе дверь... «Нервы на войне совсем разошлись», — конфузливо замечает он каждый раз... Мы трогательно расстаемся с ним по прибытии в Каменец, куда прибываем в 11 часов.

Я иду к Истоминым (Евстаф[ий] Констан[тинович]), где попадаю на именины Тани и на гостей; переодевшись, иду на фронт (сегодня Брусилов уезжает в 11-ю армию), говорю с Н. Н. Духониным и захожу к Кортацци, потом обедаю и вновь возвращаюсь к Георгию Ивановичу [Кортацци]. Узнаю, что 1**)** моя Анна прибыла 7 января; 2) что дивизия до меня не дошла, хотя Брусилов очень обо мне хорошего мнения и хотел дать дивизию... Вечером играем в карты (я, Ев[стафий] Кон[стантинович], Алек[сандр?] Ефим[ович] [Жданко?] и Владимир Милсантович... товарищ по выпуску из Моск[овского] Университета Леонида Андреева и Собинова)... Мы много говорим, и мы много ругаемся. Они все «затылели» окончательно, полны тревог, кислы и клюют на всякую сплетню и гадость. Моя позиция в спорах такова: когда относительно внутренних дел, я говорю, что я — военный и не знаю, но... и начинаю их настраивать на благой тон, а когда они пустят гадость или сплетню по адресу армии, я становлюсь на дыбы и бью их нещадно — и как специалист, и как наблюдатель, и как обладающий бесконечным числом иных фактов... Они повторяют, что я — идеалист и верю в розовые зори, но я не унимаюсь и делаю, что могу... Расставаясь, я говорю: «Мы боремся и победим, а от вас ждем немногого — не будьте только кислы»... На что Ал[ександр?] Еф[имович] бросает: «Да мы-то верим, но ведь со всех сторон нас бьют по нашим упованиям»...

Еще в постели мы много говорим с Евст[афием] Конст[антиновичем]. Относительно Женюши он говорит:

«Она-то прочная, у нее кроме Андрюши да 3-х детей ничего нет». Сам он как-то слабо смотрит на слабости женщин, считая их половые увлечения не грехом, а чем-то вроде протеста, и не видит в этом чего-либо опасного. Что его привело к этому: характер ли жены, смерть ли дочери или еще что-либо, но этот кусок в его миросозерцании дает таковому какой-то легковесный характер... Девочка Таня ушла из гимназии, вся она — вялая, о чем-то думающая, ленивая, рано развитая... она странна и опасна, она может повторить драму своей сестры, она вообще ненадежна... пока хороша, но скоро подурнеет...[1]

13 января 1917 г. до 11 ч[асов] Каменец, а потом автомобиль (чрез Мельницу, Похорлоуцы, мимо Коцмана, Садагуру) и Черновцы

Утром, узнав, что Щедрин получает дивизию, я иду к г[енералу] Раттэлю и хочу просить о предоставлении мне штаба 12-го корпуса. Узнаю здесь, что ген[ерал] Казнаков уже попросил меня к себе телеграммой; я пишу вдогонку ген[ералу] Лукомскому свою, и в 11 час[ов], позавтракав (Таня еще не встала), на возвращ[ающем]ся автомобиле 9-й армии трогаюсь в путь. Путь новый и интересный, от Окны я проезжаю знакомые места и к 17 часам приезжаю в Черновцы к Инютину. Он мне рад, прибегает из штаба армии, в который я иду к 19 часам ужинать (обедать). Делюсь своими впечатлениями (Каледин у себя), ем плохой обед и заворачиваю к жене Покровского[2] (дочь Маркова I). Здесь идет обычная болтовня, поддерживаемая противным типом (Пилонский)... Гриша [Покровский] у телефона и бумаг. При возвращении застаю Куроки, с которым делимся впечатлениями. Он тот же и по-старому меня любит. Говорим с ним о[б] Адагири, Хасимото; он говорит об них тепло, но без пристрастия; 2-й — его друг и «очень хорошая голова» (по-видимому, голова Адагири не из важных, что и возможно).

Ложусь спать рано.

---

[1] Вдоль абзаца на полях надпись красным карандашом: «Жён».

[2] Речь о Г. В. Покровском.

14 января 1917 г. до 11 Каменец, потом автомобиль (чрез Коломыю) и к 17 часам Тартарув

Утром узнаю, что пошло из Ставки для отдания Выс[очайшим] приказом моего назначения на должность нач[альни]ка штаба 12-го корпуса, — скоро, когда попадаешь в точку. Посылаю телеграмму женке и пишу ей письмо, а затем в 11 часов выезжаю... Мне по телеграмме выслан из 12-й дивизии автомобиль (Бутков [Будков]). В Коломые останавливаюсь немного, где обедаю и всех будоражу. Щедрин (Конст[антин] Федор[ович]) ничего не знает и шлет телеграммы. Я немного беседую с Гершельманом (Влад[имир] Констант[инович]), а затем сажусь и чрез Делятин к 17 часам прибываю в Тартарув, где осматриваюсь...

Начальник див[изии] и штаба живут в отдельной постройке, где довольно холодно, хотя в их прежнем расположении, по их словам, было еще холоднее. Прежде всего, я поражен приказом Королькова, который им был отдан и который произвел понятную сенсацию.

Вот он в его неприкосновенности:

Приказ по 48-му пех[отному] Одесс[кому] Имп[ератора] Алек[сандра] I полку № 351
12 декабря 1916 г.

С чувством глубокой скорби довожу до сведения всех чинов полка, что после каждой серии отпуска в полк обязательно привозятся сифилис, шанкр и трипер. В одном из моих приказов я уже обращал внимание всех чинов полка на то, что в военное время надо одного бояться, одного страшиться — это женщин. Особенно надо бояться так называемых честных давалок. Каждый дурак мужчина обязательно почему-то думает, что его любят, что обязательно только ему одному дают. Ах, дурак, дурак! Поверь своему командиру полка, что у твоей честной давалки столько же кобелей, то есть, виноват, столько же мужчин, сколько у любой бегающей весною суки. Поверь, что дающая тебе обязательно дает и другому. Всем хорошо известно, что теперь все страшно вздорожало: вздорожал хлеб, мясо, ситец, сукно: ну, словом, все вздорожало, и только женщины подешевели. Почему же это так? Да очень просто: потому,

что этот товар ныне на рынке продается только в гнилом, только в испорченном виде.

Братцы, я решительно советую Вам, уж если кому невмоготу, если кому невтерпеж, так лучше подрачи в кулак. Это, во-первых, будет тебе стоить очень дешево, а во-вторых, это будет и безопасно и для тебя, и для других, ибо ты так не захватишь сифилиса. Ведь сифилис это — бич, это тягчайшее наказание и наказание не только для тебя, но и для всех, кто тебя окружает.

Что же касается Г. г. офицеров полка, то я вам, Г. г. офицеры, решительно рекомендую обзавестись гондонами. По нынешним ценам это немножко дорого, но не дороже своего здоровья.

Г. г. офицеры, я предупреждаю вас, что если вы не последуете моему доброму совету, если после Нового Года кто-нибудь из вас заболеет сифилисом или иною венерическою болезнью, то на такого офицера я буду смотреть, как на труса и труса отъявленного, который, значит, вполне сознательно ищет случая заболеть и тем дать себе возможность перебраться в тыл, подальше от пуль, подальше от шрапнелей. То есть, повторяю, такой офицер в моих глазах будет считаться отъявленным трусом.

Начиная с Нового Года буду отдавать в приказе фамилии тех нижних чинов и Г. г. офицеров, которые заболеют сифилисом или венерическою болезнью, со внесением этого в послужной список, дабы на всю жизнь остался след, — как он служил Родине в годину тяжелых испытаний»[1].

И что характерно! Этот дикий, безнравственный и развращающий приказ, говорящий только о сумашествии составителя, не встретил сразу же достойного и негодующего отпора со стороны начальства: немецкая дура в лице Стааля, раньше осудившего приказ того же Королькова о неподании руки офицерами, в данном случае промолчала; старый разумник — гр[аф] Баранцов — такой находчивый и остроумный на пустяках, до сих пор не знает, как ему поступить, и запрашивает Стааля, что тот сделал... Таков

[1] Вдоль текста приказа красная линия и надпись синим карандашом: «Характерный приказ по полку».

кругозор двух старших начальников. Приказ недопустим: 1) по безнравственности проповедуемых в нем идей, осуждаемых нашей Государ[ственной] Церковью, с которой военные люди связаны, на которую опираются и которую защищают... мы не живем вне религиозно-нравственных норм, а более других их воплощаем; 2) по вульгарности и грязности тона и выражений... в военном должны воплощаться красота, благородство и изящество, кабак и публич[ный] дом должны быть нам чужды; 3) по опасности практических результатов (люди начнут онанировать, что и так бывает, и что, в случае массовой болезни, может принести страшные результаты); 4) по созданию целого ряда насмешек, издевательств («учите не рассказом, а показом», «не можем сдать позицию онанистам» и т. п.), унижающих и обижающих часть; 5) по унижающему влиянию на дух части, который должен быть систематически поднимаем...[1]

Вечером нач[альник] дивизии затягивает меня в 74-й пер[евязочный] отряд К[расного] К[реста], который раньше был у меня в 64-й дивизии. Меня встречают криком и писками, видимо, очень рады; мы беседуем очень оживленно около часу, причем сестры делают резкие выпады против Эр[делли], язвя над его манерами, ломотством и кривляниями, а по адресу Пустов[ойтенко] делают самые милые реверансы... Все это носит очень наивную еще форму, но говорит об умелом вступлении девиц в нашу грешную жизнь... Скоро мне все это надоедает, и я прицепливаюсь к сестре-голландке, и мы без умолку болтаем с нею (по-французски) до самого моего ухода... о географии, ее значении и интересе, о тюркских языках и т. п. При уходе она искренно мне признается, что никогда не думала в диких Карпатах вести с русск[им] генералом такой длинный и захватывающий разговор...

15 января 1917 г., Тартарув

(20 января написал и послал с Осипом женушке письмо на 8 листах)[2].

---

[1] Вдоль абзаца на полях надпись красным карандашом: «Иллюстрация отсутствия военно-воспитательн[ых] норм».

[2] Это предложение написано карандашом.

Живу в дивизии. С утра иду, чтобы посмотреть Ужка. Он производит впечатление взрослого мужчины; Галя — красота: чистая, спокойная, с полным животом. Лошади — в порядке, конюшня очень хорошая. Иду в штаб и застаю компанию, играющую в какую-то азартную игру (Худ[олей] Ник[олай] Потап[ович], Бранкевич Антон Юлианов[ич], Семенов, Галущенко); ассигнации лежат кучами, менее рубля не ставят... В 9 часов (с лиш[ним]) до конюшни заходил к Гольдбергу, ст[аршему] ад[ъютан]ту по хоз[яйственной] части, — он спал... Картина жизни штаба довольно ясная: одни бьются в карты, другой — спит днем, спит утром... Говорят, бумаги запущены, писаря измотались, автомобиль трепется, потеряв распорядчика, офицеры, равные в правах, спорят друг с другом по всякому поводу...

Худолей дает мне оперативное дело с телеграммами за ноябрь месяц, и я могу ознакомиться с делами дивизии за это время. Идет целая драма. Стрелок [Вирановский Г. Н.], никогда не бывающий на позиции (в окопах), тем самым никогда не знает, что у него на ней совершается; полки этим набалованы и при первой же возможности отлынивают от боевой работы: не атакуют, когда надо, бросают занятое под ложным предлогом «понеся тяжкие потери» и т. п. Штаб корпуса это чувствует, старается тянуть нач[альника] дивизии, доходит до фактической проверки, но... дело ни с места: телефонный или телеграфный нажим штаба нач[альник] дивизии телефоном передает ниже, часто в более резком тоне и ничего больше. Полки, мож[ет] быть, больше нервничают и обижаются, но продолжают, зная, что контроля и личного примера не будет, ту же линию поведения, мож[ет] быть, еще более закусив удила. Сбоку все это виднее, почему соседи (напр[имер], 19-я див[изия]) 12-й дивизии не верят, подозревают ее в увертках, нервно поощряют ее при первой же хорошей помощи...[1]

Вот наиболее типичные телеграммы за это время:

1. Начдив 12, 15 ноября, 19 ч[асов] 10 м[инут]. «Позвольте поблагодарить Вас за дружескую поддержку артиллерией

[1] Абзац выделен на полях красной линией и надписью: «Ог[невая] так[тика]. Что бывает, если н[ачальник] д[ивизии] не видит окопов?»

атаки вверенной мне дивизии. Надеюсь, что завтра при развитии одержанного нами успеха я получу от Вас столь же полновесную помощь. 12421 Бачинский» (начдив 11);

2. начдив 11. «От души поздравляю Вас с боевым успехом молодецких частей Вашей дивизии. Завтра и всегда с радостью поддержу родную соседку. Ген[ерал] Вирановский» (Начдив 12) .

3. Начдив 12, 20 ноября, 21 ч[ас]. «13017. Поступить в зависимости от обстановки, ближе известной начальнику дивизии, нежели мне. 5069 Баранцов» (Вероятно, Вир[ановский] хотел, испросив разрешение, выкрутить себя) .

4. Начдив 12, 21 ноября, 17 ч[асов] 28 м[инут]. «В сведениях о потерях за вчерашний день комкор обратил внимание, что в 48-м полку таковые составляют всего: 1 офицер и 37 н[ижних] чин[ов]. Между тем в донесениях указывалось, что части полка понесли большие потери и этим отчасти объяснялась необходимость отхода их от высоты 1064. Комкор приказал сообщить, что он ожидал более решительных действий со стороны 48-го полка и более проверенных донесений. 5101. Пархомов» (Вир[ановский] и для первого, и для второго бессилен... с наб[людательного] пункта не досмотришь и не повлияешь).

5. Начдив 12, 22 ноября, 8 ч[асов]. «Комкор приказал немедленно донести, какие потери понесли части Азовского полка уже после занятия ими высоты так наз[ываемой] 1041 и за время владения ею до отхода сегодня ночью. 5106. Пархомов» (Оказалось, потери очень малые; о них Вир[ановский] докладывал Комкору лично) .

События на 43-й дивизии 15–18 ноября 16 [года] были отмечены специальной телеграммой Каледина (к[омандую]щего 8-й ар[мией]) № 5064, 18 ноября, 22 ч[аса] 18 [минут]: Сказав в начале о необходимости продолжать операции, телеграмма говорит: «Захваченные у противника позиции нужно удерживать во что бы то ни стало и без особого приказания ни под каким видом не очищать. Слабосильных и слабонервных начальников устранять от должностей без снисхождения...» Ген[ерал]-от-кав[алерии] Каледин, г[енерал]-м[айор] Стогов.

(В первый раз вижу приведенной чисто нравственную причину без технической смази).

Кавалеры Георгия 3-й степени

1. Ген[ерал-]ад[ъютант] Иванов — 2-й и 3-й ст.
2. Ген[ерал от] инф[антерии] Юденич [— 2-й и 3-й ст.]
3. Ген[ерал-]ад[ъютант] Рузский — Георгий 3[-й] ст.
4. [Генерал-адъютант] Эверт [— 3-й ст.]
5. [Генерал-адъютант] Брусилов [— 3-й ст.]
6. [Генерал-адъютант] Щербачев [— 3-й ст.]
7. Ген[ерал от] инф[антерии] Лечицкий [— 3-й ст.]
8. [Генерал от инфантерии] Радко-Дмитриев [— 3-й ст.]
9. Ген[ерал] от кав[алерии] Сахаров [— 3-й ст.]
10. [Генерал от кавалерии] Каледин [— 3-й ст.]
11. [Генерал от кавалерии] Гурко [— 3-й ст.]
12. [Генерал от кавалерии] Драгомиров (Абр.) [— 3-й ст.]
13. Ген[ерал] от инф[антерии] Горбатовский [— 3-й ст.]
14. [Генерал от инфантерии] Леш [— 3-й ст.]
15. Ген[ерал] от кав[алерии] Экк [— 3-й ст.]
16. Ген[ерал] от артил[лерии] Михмандаров [— 3-й ст.]
17. Ген[ерал]-лейтенант Веселовский — Георгий 3-й ст[епени]
18. [Генерал-лейтенант] Корнилов [— 3-й ст.]
19. [Ген[ерал]-лейтенант] Гутор [— 3-й ст.]
20. [Генерал]-лейтенант] Ступин [— 3-й ст.]
21. Ген[ерал]-майор Вирановский [— 3-й ст.]
22. [Генерал-майор] Архипович [— 3-й ст.]
23. [Генерал]-майор] Оссовский [— 3-й ст.]
24. [Генерал]-майор] Рафальский [— 3-й ст.]
25. Ген[ерал]-лейтен[ант] Баташев [— 3-й ст.]
26. [Генерал-лейтенант] Альфан [— 3-й ст.]
27. Ген[ерал]-майор Савельев [— 3-й ст.]
28. Ген[ерал]-лейтен[ант] Ханжин [— 3-й ст.]
29. (Полк[овник]) Зыков [— 3-й ст.]
30. В[еликий] к[нязь] Ник[олай] Ник[олаевич] [— 3-й ст.]
31. Г[енерал]-м[айор] Снесарев [— 3-й ст.]
32. [Генерал-майор] Духонин [— 3-й ст.]
33. Г[енерал] от арт[илерии] Никитин [— 3-й ст.]
34. Г[енерал] от ин[фантерии] Ирманов [— 3-й ст.]

35. Г[енерал]-м[айор] (к[омандир] 1 Заам[урской] к[авалерийской] бриг[ады]) Карницкий [— 3-й ст.]

36. Полков[ник] Удовиченко [— 3-й ст.]

37. Г[енерал] от ин[фантерии] Селиванов [— 3-й ст.]

38. Пол[ковник] (ком[андую]щ[ий] 1 Латыш[ской] стр[елковой] бригадой) Карл Гонтр [— 3-й ст.]

39. Г[енерал] от кав[алерии] Граф Келлер [— 3-й ст.][1].

Вообще, на всем фоне 12-й дивизии развал и непорядок: легкая, развратная и трусливая рука стрелка наложила на все здание свой отпечаток, разложила прекрасное здание, сложенное трудами и мужеством Ханжина, не внесла ничего полезного и, воровка, ушла восвояси...

Вечером мы (я, Зноско, Иосиф Донатович [Белевич] и дивиз[ионный] интендант) играем в карты, а в соседней комнате, кажется, дуются в азарт...

16 января 1917 г., Тартарув, а с 3 часов автомобиль, а с 5 ч[асов] Коломыя

Лошади отправлены утром, а я привожу в порядок дела, буду обедать и затем выеду. Я много разговариваю с новым нач[альником] дивизии[2]. Он тих, скромен и трудолюбив — говорят, политик, — но без всякой боевой практики. (Вып[уска] 94-го г[ода] из Академии, одес[ский] стрелок.) Он мне много говорит интересного из своих наблюдений в Ставке: «Государыня хорошо говорит по-русски, с легким, еле заметным акцентом, женщина властная и сильная духом; думает, что с проход[им]цем, несомненно, жила; во внутренних делах имеет большое влияние. Хоз[яин] пишет ей каждый день (так же как и Георг[ий] Михайлович)... Раух еще говорил мне, упоминая Н[иколая] Ник[олаевича], что основная черта Романовых — женолюбие, привыкание к одной женщине, семейность, и вообще это примерная пара. Хоз[яин] никому не изменял, хотя Х[озяй]ка, кажется, была

[1] Напротив фамилий с номерами 1–5, 7–15, 17–22, 25, 26, 30, 33, 34, 37 синим карандашом проставлены минусы.

[2] Речь о начальнике 12-й пехотной дивизии Михаиле Саввиче Пустовойтенко.

бы не прочь, чтобы это случилось. Государь — не от мира сего; он, кажется, ближе к Богу, и иные минуты кажется, что он очень далек от земли и грешных людей, и взирает на них с какой-то рассеянностью и холодным безразличием. Он находится под несомненным влиянием хоз[яй]ки. Явление Гришки [Распутина] — загадка; он очень умен, смел и находчив. Свою силу он иллюстрирует так: вытягивает пальцы правой руки и говорит (начиная, скажем с указательного): «Был Штюрмер» — пригибая — «и нет его», «был Игнатьев» — пригибая безымянный — «и нет его»... доходит до мизинца: «был Протопопов»... подумав, оставляет: «Нет, пусть еще побудет»...

Про Мих[аила] Вас[ильевича] Алексеева рассказчик большого мнения и в смысле ума, и в смысле труда, и в смысле большой воли. «М[ихаил] В[аильевич] человек очень властный». «У Государя никогда не будет такого самостоятельного и стойкого докладчика». «Министров, которые перед ним заискивали, он держал в ежовых рукавицах, на Штюрмера, в одном случае, просто кричал»... Это совершенно ново для меня и расходится с общим хором мнений, что М[ихаил] В[асильевич] человек честный, исключительного трудолюбия, больших знаний, но ни Америки не откроет, ни пороху не выдумает...

В честь меня устраивается обед, на который приглашают сестер + Рыбальч[енко], ком[андира] 45-го п[олка] и др[угих]. За столом ничего особенного. Н[ачальник] д[ивизии] говорит речь — умную, ровную, но вялую, Худ[олей] — свою, такую же; я отвечаю коротко... и неважно. Мне вспомнилось:

Из равнодушных уст я слышал смерти весть,
И равнодушно ей внимал я.

После обеда я, закутавшись очень плотно и сев с Осипом — большим холодом — едем через Черешмэзэ в Коломыю. На пути останавливаемся у Георг[ия] Мих[айловича] Савченко (Пархомова нет), пьем чай и затем прибываем к себе в Коломыю к 17 часам... Комната мне готова. За ужином являюсь к[омандую]щему корпусом[1].

[1] Речь идет о Д. И. Невадовском.

17–21 января 1917 г., Коломыя

Так как приказа о моем назначении и о назначении Конст[антина] Федоровича [Щедрина] еще нет, то я должности не принимаю, постепенно присматриваюсь к делу и кое-что предрешаю. Боюсь говорить определенно, но, по-видимому, кое-что придется направить по-своему; главное: 1) больше обставить себя в смысле карт и ориентировки; нет данных о нашем общем фронте на западе, о соседних корпусах, о кавказ[ском] фронте и о Солунском... совершенная темнота; 2) люди, кажется достаточно забыты: что едят, что пьют, как одеты, какой распорядок; 3) больше аккуратности и подтянутости в самом штабе; 4) слишком всюду грязно... Это все оседает под первым и быстрым осмотром, может быть, я не все досмотрел и не разобрался ...

Боевое расписание частей, войск и учреждений, входящих в состав XII арм[ейского] корпуса, к 20 января такое:

19-я пех[отная] дивизия

73-й пех[отный] Крымск[ий] п[олк]
74-й Ставропол[ьский] [полк]
75-й [пехотный] Севастопол[ьский] [полк]
76-й [пехотный] Кубанск[ий] [полк]
19-я арт[иллерийская] бригада
19-й парк[овый] арт[иллерийский] дивизион
Перевязоч[ный] отряд
Див[изионный] лаз[арет] № 1
[Дивизионный лазарет №] 2
Дезинфекц[ионный] отряд № 26
20-й Петроградский п[ередовой] о[тряд] К[расного] /К[реста]
5-й санитар[ный] транспорт К[расного] /К[реста]

117-я пех[отная] дивизия

465 пех[отный] Уржумский п[олк]
466-й [пехотный] Малмыжский п[олк]
467-й [пехотный] Кинбурнский п[олк]
468-й [пехотный] Нарымский п[олк]
43-я артилл[ерийская] бригада
43-й парк[овый] артил[лерийский] дивизион

Перевязочн[ый] отряд
Дивиз[ионный] лазарет № 1
[Дивизионный лазарет №] 2
Дезинфекц[ионный] отряд № 128
316-й Воен[но]-санит[арный] транспорт
94 Передов[ой] отряд К[расного] /К[реста]
42-я летучка 3-го Строительн[ого] отряда
119-я полевая хлебопекарня

Части, не входящие в состав дивизий

Конница: 2-й линейный Каз[ачий] полк
12-я отдел[ьная] донская казачья сотня
Артиллерия: 12-й мортирн[ый] артилл[ерийский] дивизион
12-й парк[овый] мортирный арт[иллерийский] дивизион
внештатная германская батарея 15 с/м [сантиметровых] гаубиц (при 19-й ар[тиллерийской] б[ригаде])
Инж[енерные] части: 5-й Инженерный полк
12-е корпусное радиотелеграфное
Мотоцик[летные] части: 32-е мотоциклетное отделение

Корпусное интендантство

Корпусный продовольственный транспорт
[Корпусный] расходный магазин № 1
[Корпусный расходный магазин №] 2
Починочная мастерская
Корпусный вещевой склад
Полевые подвижные хлебопекарни №№ 77 и 79
Корпусной гурт порционного скота
Армейские транспорты: 212, 519, 763, 772 и 1 взвод 239-го.

Учреждения при Корпусе

Санитарные: Корпусный санитарно-гигиенический отряд № 14
[Корпусный] этапно-ветеринарный лазарет
Полевая почтовая контора № 14
Полевое телеграфное отделение № 14
Корпусный контроль
Корпусное казначейство

Время мое течет в спокойной праздности: присматриваюсь лениво, готовлю к отъезду Осипа и пишу длинное письмо женушке (оно взяло 8 листов). Осип вчера (20 января) уехал, я его три раза перекрестил, поцеловал и пожелал счастья; советовал все сделать, как следует — поститься, молиться и т. п.

Сделал визиты нач[альник]ам дивизий и начальникам их штабов. Ко мне часто заходит г[енерал]-л[ейтенант] Нечволодов, у которого имеется ко мне просьба — направить его представление к Георг[ию] 3-й ст[епени]; представление написано хорошо, особенно 2-я часть, но не видно самопожертвования и органического влияния на ход событий. Чуткая и духовно строгая Дума может отказать. Нечвол[одов] говорит много интересного (см. стр. 221 и 222[1]), но насколько это правильно? Интересно прочитать его Историю; я предрасположен против нее по двум причинам: 1) автор слишком экспансивен, жив и впечатлителен; историческая объективность будет для него очень трудна; 2) откуда он возьмет нужную эрудицию, начитанность... Боже, сколько для солидного труда надо прочитать! А он занимался другими вещами... одна профессия офицера Ген[ерального] штаба чего стоит. Не применимы ли будут вещие слова Крылова: «Беда, коль пироги...?»

22 января 1917 г., Коломыя

Сегодня был в униатской церкве. Достоял ихнюю обедню, а потом прослушал почти всю свою. Хор (зап[асной] бригады), устроенный ген[ерал]-л[ейтенантом] Веселаго (его адъютант — полк[овник] Козачковский, 66 лет — беспокоится, что он простудится: «Да ты застегнись»), поет хорошо, хотя слишком непростые все вещи, и перепианивает (просто не все поют); есть очень хороший баритон и славный лирический тенор. Совсем в церкви замерз; Игнат, кажется, простудился...

Читаю «Сборник руководящих боевых приказов и приказаний Командующего VII армией[2]» с 19 ноября 1915 по 30 ноября 1916 г. (стр. 79).

---

[1] Эти страницы дневника соответствуют записи от 12 января 1917 г.

[2] С 1 октября 1916 по 1 июня1917 г. XII армейский корпус относился к 7-й армии.

Каковы мои отдельные впечатления, лучше всего видно из моих заметок: Стр. 2 «Прежде всего обороняемся мы или атакуем. Затем, — 2 версты — частный фактор. Да и изложено неясно». Стр. 3: «Ничего не понимаю». Стр. 5: «Это уже пережитая тактика. Теперь не в этом дело и не в этом интерес»... «Общие места». Стр. 7: «Думаю, что трудно вынести что-либо ясное и определенное из столь общих, устарелых и неясных положений «Указаний». Стр. 9: «И нескладно, и невыпукло, и часто несущественно». «Пустяки». «Не потому только». Стр. 10: «Пустяки; можно все разбросать». «Верно». «Идиллия». Стр. 11: «Нехорошо: не дает прочных и ясных отправных данных. Много мелочи, много того, что не бывает, и что не надо предполагать. Откуда собран материал для этих „истин?“» Стр. 15: «Вообще слабо, а частности хороши. Много технических советов, которые лучше предоставить исполнителям». Стр. 19: «Много интересного, но не мало и ошибок. А главное, как поздно за событиями тянутся обобщения и выводы, которые в идеале должны предусматривать события».

И т. д. в этом духе. Вообще, начиная с января 16, положения более современны, менее шокируют, но отсталость все же чувствуется, а особенно, оторванность от строя и «бездушие»... учета из-за души человеческой (одинокой или массовой) совсем нет.

Вообще, у нас писание в моде — разных инструкций в армиях, фронте, и Ставке, т. е. в тех инстанциях, которые менее всего осведомлены в огневых операциях и судят об них по слуху, а не по пережитому. Это похоже на то, если бы происходящее на театральной сцене обсуждали и делали выводы не господа, сидящие в креслах и ложах, а лакеи, держащие в коридорах их шубы и набирающиеся впечатлений или сквозь случайно открывшуюся дверь, сквозь расщелину, от выходящих, по подслушанным разговорам и т. п. Что они могут сказать дельного и впопад? Сколько они могут сказать глупостей и случайностей? Правда, Жоффр говорит, что у него есть специалисты — докладчики, которые не покидают ни строя, ни боя, и натирают фельдмаршала до степени личного переживания. Оттого-то в его руководствах мало глупостей, а нередко — удивительные искры блестящего

анализа или пророческого предвидения. Наши инструкции из рук вон как слабы: они всегда запоздалы, болтаются в мелочах, фиксируются на увлечениях, совсем лишены нравственного расчета... Напр[имер], две версты от окопов для артиллерии, вырытие наступательных окопов и т. п. Об этом повторяют, как кукушки: дошло до их лавочки, и они выпирают наверх фактор, равный по силе, м[ожет] б[ыть], десяти другим. Иногда они шутят опасными вещами, вроде отступления несколько назад в период артиллерийской подготовки. Если бы Щербачев мог вообразить, сколько он сгубил душ православных своим советом, он ушел бы в пустыню и прожил бы отшельником остаток своих дней... Еще больше убеждаюсь в необходимости обособления отдела «Огневая тактика»[1].

Вечером приехал ком[андую]щий корп[усом] (ген[ерал] Невадовский) и заявил, что XII корп[ус] должен будет к 30 января сменить 41-й на позиции в районе Станиславова, и что завтра я должен выехать в штаб XLI корпуса, чтобы оговорить порядок и детали смен. Он же сообщил, как большой секрет, что к маю месяцу в Германии будут закончены какие-то большие переформирования, и что Ан[глия] с Францией (нет Жоффра) хотят предупредить этот срок, перейдя в феврале месяце в общее наступление на своем фронте. (Война так или иначе в 17-м году будет закончена.) Мы же короткими, но энергичными ударами должны задержать или помешать переброске резервов на запад. Предполагается в 9-й и 8-й армиях — пассивное состояние, у нас — частые попытки (севернее, в VII Сиб[ирском] корп[усе]) и более сильный удар в 11-й армии (VI корпус на Львовском направлении) ... Что-то выйдет, но, во всяком случае, кое-что, как фонарь, есть[2].

Готовимся с Игнатом к завтрашней поездке.

23 января 1917 г., Коломыя

В 8 ч[асов] выезжаю с Карпинским (нач[альник] связи) в штаб XLI кор[пуса] (Палахиче), где подробно оговариваем

[1] На полях вдоль абзаца красная волнистая линия и надпись: «Наши инструкции и Огн[евая] так[ти]ка».

[2] Абзац выделен на полях цветными линиями.

modus[1] смены корпусов. Вырабатывается очень сложная манера, вызываемая суровым временем (нельзя войскам стать открыто), и забитостью войсками прилегающих деревень. Много говорим с Ханыковым [Хануковым] (Алек[сандр] Павлович), который страшно силен во всем житейском, но в военном деле и по своей специальности тотчас же суетит, вдается в мелочи, на которых стоит больше нужного, и многое воспринимает трудно и запоздало. Командир корпуса — Белькович — производит прекрасное впечатление простотою (несколько грубою), непосредственностью, отсутствием формализма и разумностью в суждениях, но... как будто, некоторым ущербом в волевой части и способностью больше сомневаться и дольше, чем следовало... Полк[овник] Запольский (быв[ший] нач[альник] штаба 12-й пех[отной] див[изии], ныне 74-й, откомандов[авший] 9-м Сиб[ирским] полком; прорицатель) дает впечатление разумного и доброго толстяка, расположенного где-то на перепутье между небом и землею, но ближе к небу... С ним хорошо говорится и рассуждается. За обедом была жена корп[усного] врача, с которой корп[усный] командир внимателен. Баба, конечно, придаток плохой. Из Палахиче еду в Станиславов, где получаю схему из 3-й Заам[урской] дивизии и где нахожу некотор[ых] знакомых... говорим о старых днях, которые оживают, как будто не было прослойки времени... Из Станиславова (чистого и милого городка) еду в фольварк Городыще, где присматриваю будущее помещение для штаба — уютно и красиво, но тесно. Приезжаю и все докладываю ком[андую]щему, который и разрешает заготовить приказ в духе выработанного.

В 9 часов собираемся на проводы г[енерал]-м[айора] Щедрина (Конст[антина] Фед[оровича]), где нас угощают очень обильно; около меня (вин[овник], Л[еонид] Аф[анасьевич] [Савчинский] и Плен) пьют бесконечно, пока не хмелеют (теперь только разбавленный спирт). Говорятся речи, причем заметна тенденция виновника оттолкнуться от грубости и раздражительности, подвернув «сердце», как основной и все оправдывающий аргумент.

[1] От *лат.* modus — «способ», «вид», «режим».

Дым стоит коромыслом, лампы чуть не гаснут... внешне — атмосфера кабацкая, но настроение теплое и хорошее... Конечно, со мною приходит что-то совершенно новое, иное: мож[ет] быть, оно хуже прежнего, но оно не такое. Я говорю речь: «Я — чужой человек, пришедший в добрую и сердечную семью»... В час (ком[андую]щий корпусом ушел 1½ часами раньше) я ухожу, чувствуя, что к утру или ночи сидение с трубокурами даром мне не пройдет... Интересно говорил по моему адресу старик доктор Быковский, который знает брата Павла, и посему мою речь понял несколько шире и своеобразнее (предположил ширину и глубину моего поведения)...

24 января 1917 г., Коломыя

Сегодня отдан приказ о моем вступлении в должность начальника штаба корпуса, и я приступаю к работе, по своему обычаю, тихо, незаметливо и постепенно. Встаю я с головной болью, весь зеленый, еле могу побриться и, уже одетый, вновь валяюсь... С 9 час[ов] с Влад[имиром] Константинов[ичем] [Гершельманом] начинаем писать приказ. Зовем Пюля (Якова Иван[овича]), который помогает нам расчетами для 19-й дивизии. К 12 час[ам] приказ готов, читается к[омандую]щему, и затем мы идем обедать. После обеда я принимаю доклады, которые делаются спорадически (часто докладчики гнались вон, часов не было, часто было «некогда»)... словом здесь что-то надо: или когда угодно, но один раз (за исключением спешного), или определенные часы.

После ужина (я не ем), я еще докладываю ком[андую]щему корпусом, а также в моем присутствии делают это интендант и инженер, а потом к 9 часам иду к Леон[иду] Афан[асьевичу] Савчинскому, у которого устроены опять проводы Кон[стантина] Фед[оровича]. Я играю в винт, а потом ужинаем. Знакомлюсь с Петрог[радским] п[ередовым] от[рядом] К[расного] К[реста]. Состав сестер — средний по соц[иальному] уровню, но приятный намеком на трудолюбие и многое пережитое (две дамы и одна вдова... совсем иначе, чем в других отрядах). Тон за ужином — неважный: шутки около женщин и выпивки, пьют досадно много... Мое

присутствие как будто стесняет, и я сам не знаю, как себя вести... только к концу как будто дело упрощается... Хорошо, что курят меньше, и я надеюсь, что к завтра у меня не повторится вчерашняя история. Игнат меня принимает с улыбкой: он и рад, что я развлекаюсь, и боится, что я вновь могу заболеть. Он мне успевает рассказать, что у него был «старик», очень веселый и разговорчивей; он рад месту, хотя и упоминает, что от Передерия ему достается... но ругает-то его в этом случае один, чего раньше никогда не было: всегда ругателей было больше.

25 января 1917 г., Коломыя

С утра вступаю в работу, и колесо идет своим обычным суетливым ходом...

Я думаю над тем, сколько опытов, инструкций и нововведений дала война, и как во многих вопросах мы шагнули вперед, и только мы ни одного шагу не сделали в принципах и приемах подбора и формирования начальнического персонала. Мы готовимся к 3-му году, много введено, вводится, а сказано хоть что-либо новое в смысле подбора, кроме преходящих фраз? Выдвинуты ли отмеченные даром и духом люди? Уловлены ли шансы и способы выделения? Вообще, духовная сторона дела не затронута, мы с ней играемся, не более. И в этом сказывается недочет отсутствия Огневой Тактики и невыпуклость некоторых ее основных положений[1].

Налаживаю свои доклады по такому принципу: когда угодно днем, лишь бы я был свободен, но не более одного разу... экстренные исключаются. Работники не плохие, но недочетов (хозяйственных и бытовых) немало. Вечером у Вас[илия] Димит[риевича] Зноско, который много говорит о новом начальнике дивизии, подчеркивая его теоретичность, неопытность в боевых операциях и нерешительность... Прим[ер]: две недели тянется организация дивизионного приюта для ослабевших и исхудавших. А полицейских заставляет рыть окопы, бросать бомбы... стрижет бороды.

[1] На полях вдоль абзаца красная линия и синим карандашом надпись: «Огн[евая] такт[ика]».

Удивил меня его вывод, что молодежь от Врановского в восторге: его «даровитость», решительность, панибратство, размах... Так ли он наблюдал? Не вяжется ли все это с осложнением из-за 28 мая, неудачами 22 июня, 15 и 25 июля и в ноябре 16-го г[ода]; мож[ет] быть, молодежь не учитала [учла] этих факторов... Это было бы и печально, и забавно: пусть история врет, и в будущем будет все спутано, но хотя бы современники знали и чувствовали правду.

26 января 1917 г., Коломыя

Автомобиль, заказанный к 9 часам, «может» прибыть только к 11 час[ам], а затем не прибывает совсем. Вас[илий] Дим[итриевич] приходит ко мне, жалуется, а затем пишет письмо... В результате я в дурацком положении... приказал произвести расследование... Этак не должно быть. Работа идет своим ходом и выливается в такой тип: утром я прочитываю телеграммы, затем докладываю ком[андую]щему корпусом, а затем выслушиваю доклады... До обеда эта работа и кончается; после обеда или случайные доклады, или мои работы по ознакомлению и моей организации дела. После обеда умудряюсь соснуть 1–1½ [часа], т. к. три ночи подряд спал не более пяти часов...

Перед темнотою гуляю — морозно и совершенно тихо, на западе тухнет багровая заря, предвестница завтрашнего мороза; на моем пути вижу мальчика лет 8–9, который упорно играет с каким-то обрубком от колеса, хотя ему холодно, и он закрывает обеими руками свои уши. Дети должны играть, бегать и скакать, хотя бы это делалось на страшном фоне войны; природа физич[еской] жизни говорит в них сильнее, чем природа восприятий и восприятий обобщенных... Это хорошо, т. к. война идет мимо их, мимо их нервов и, к счастью, бессильна над растущим поколением. Как играл, например, (в начале авг[уста] 1916 г.) в Надворной мальчик 5–6 лет, которому было поручено доглядывать над своим годовалым братом, сидевшим возле него с холодной задницей на земле (еще полицейский глупо его обругал); как скакали дети по улицам Коломыи на другой день после взятия ее нами (17 июня 1916 г.), не подозревая, что произошло накануне... Я стою и подолгу смотрю на ребенка,

который продолжает ногами толкать обрубок, не замечая меня: он занят своим делом, а я — своими мыслями, которые целым роем клубятся в моих мозгах... Дети, дети! Они везде одинаковы — вне времен и национальностей, они только вступают в мир, и никто не скажет, что они дадут: деятеля или злодея, великое или малое, какие взгляды, какую «национальность», на каком языке заговорят окончательно...

Я иду дальше и мне приходит на мысль, до чего унижены и значение, и эмблема Геор[гия] 4-й степ[ени]. И когда видишь орден на чьей-либо груди, то первым делом возникает вопрос: не грудь ли это лжеца, или вора, укравшего награду у убитого друга или скромного подчиненного, а мож[ет] быть, это грудь человека, имеющего связи или знакомства... Это приходит в голову, а должно бы приходить другое: вот человек, который некогда был на волосок от смерти, но который не пал духом, сделал подвиг, а Бог сохранил ему жизнь...[1]

Вечером посещаю спектакль, даваемый н[ижними] чинами Технического батальона 5-го Инжен[ерного] полка.

Программа:

1) «По ревизии»;

Старшина — Разсохотский; сторож — Кульчицкий; писарь — Шишлов; Рындычка — Михальченко, Прыська — Егоров; Гараська — Поважук.

2) «Бувальщина».

Панас Базюра — Разсохотский; Химка (жинка) — Егоров; Галька (дочка) — Хотин; Васыль Крушко — Гладышко; Акакий Ферапонтович (дьяк) — Поважук.

Дивертисмент

1) «Закувала ты сыва зозуля», «Ой щож тому рокив двисти». (Хор);

2) Соло (баритон) с аккомп[анементом] хора балалаечн[иков] — Зубенко;

3) «Зима» Пушкина… исп[олняет] Поважук;

4) Хор балалаечников;

5) «Як умру, то поховайте», «Та забилели снеги»», Муз[ыка] Лисенко, хор;

6) Гопак под писню: «Ой, лопнул обруч»... Кульчицкий.

7) Имитация: Шансонетки. Исп[олняет] Сорокин(а).

[1] Этот абзац выделен синей линией на полях и знаком NB.

Начало было в 8 ч[асов]. Перед началом «Боже, царя храни». Ничего нельзя себе представить лучше этой милой идеи: повеселить своим искусством товарищей в военной обстановке. Игра в пьесах была очень хороша, без наивностей и шероховатостей, а Кульчицкий, Поважук и Михальченко были положительно хороши. Особенно же хороша была публика — офицеры, н[ижние] чины, сестры милосердия и немного местных — настроенная, внимательная и благодарная. Хор — бесподобен, и слушать его — наслаждение — такого давно не слышал, а мож[ет] быть, и никогда не слышал.

Домой пришел около 13 часов и нашел два письма от женки; причем одно в 28 страниц, за дни 7–17 января. Женка хандрит, находит, что мир Господом Богом не так устроен, как она желала бы, но в конце концов она становится веселее; имей она среднего мужа, давно бы впала в кислое критикантство, а со мною эти болести — временные. Дети — Генюша и дочка — немного приболели. Источник тона — или воспоминание о 22 декабря — 8 января, протекших условно, или разговоры обо мне, или, наконец, запоздалые предположения или догадки обо мне же[1].

27 января 1917 г., Коломыя

Сегодня пришла моя Георг[иевская] Шашка, обычная, но с хорошей надписью. Офицер внес ее скромно, а я его расцеловал... и все. Игнат с ней носится и понес к столяру, чтобы сделать футляр. Напутствовал столяра словами: «Если плохо устроишь, готовь ж..у...»

Сегодня в германской радиотелеграмме (от 9 февраля) сообщается месячный итог воздушной войны: “Wir verloren im verflossenen Monat 34 Flugzeuge. Die Engländer, Franzosen und Russen büßen in Luftkämpfen und durch Abschuss von der Erde 55 Flugzeuge ein, von denen 29 jenseits der Linien erkennbar abgestürzt, 26 in unserem Besitz sind»”[2].

---

[1] На полях рядом с абзацем пометка: «Жён».

[2] За прошедший месяц мы потеряли 34 самолета. Англичане, французы и русские в воздушных боях и от обстрелов с земли потеряли 55 самолетов, из которых, как установлено, 29 разбились уже за линией фронта, 26 оказались в нашем расположении. (*Пер. с нем. В. К. Белозерова.*)

Кроме того, радиотелеграмма упоминает, что немцы сожгли 3 аэростата, а у них — все целы. Конечно, из приведенных немцами цифр надежна только 26, а другая вполне гадательна: желание видеть чужой аэроплан погубленный, настроенное на этот лад воображение и искание заслуг пилотом (дабы, кстати, увеличить число сбитых аппаратов) — эти данные вольно или невольно, но всегда раздувают цифру потерь...

К 26 января состав дивизий был таков:

Дивизии	Всего	Штыков
19-я	15 191	9 582
117-я	11 873	7 396
164-я	13 088	9 327
Всего	40 152	26 305

Из пришедшего пополнения 5 рот (1064) одна рота для полного комплекта направлена в 164-ю дивиз[ию], а остальные 4 (800 с лиш[ним]) — в 117-ю дивизию. Вечером меня посещают Новик, зовущий к себе на обед, потом Труфанов, рассказывающий интересные детали. Образчик 30-летнего войск[ового] старшины из 2-го очередного полка, выполнявшего всю войну полицейско-связные обязанности и, как редкое исключение, попадавшего в боевую обстановку, и рядом Агоев, весь израненный и ходящий на костылях, и до сих пор еще под-эсаул... А мало ли таких?[1].

28 января 1917 г., Коломыя

Вчера лег в 9 ч[асов] 30 м[инут], выдрыхался вволю и уже в 8 часов за работой. Вчера написал письмо женушке и боюсь, не задел ли ее, а между тем необходимо: пробуждающееся в ней кислое недовольство пороками сего мира (наследие папы), может вырасти в нечто постоянное, в худшем случае в фарисейство, и лишить ее элементарных основ жизнерадостности... А если это с ее стороны только замаскированная ревность, то с этим тем более нужно бороться,

[1] Последние строки выделены на полях синей линией и надписью: «Служебные контрасты».

т. к. эта черта и теперь похожа у нее на нечто очень упорное, не всегда имеющее под собою реальную почву, на манию... чтобы не сделалось это патологической ревностью[1].

Сегодня, сделав доклад ком[андую]щему корпусом и приняв свои, выеду в Коршув на обед во 2-й Лин[ейный] полк. Полк для моей встречи был представлен в конном строю; я поздоровался, выразил радость видеть их живыми и здоровыми и поблагодарил за молодецкий вид. Затем мы обедали; из кадровых были: Гливенко (Конст[антин] — к[омандую]щий), полк[овник] Протопопов, войск[овые] старшины Новик и Труфанов, эс[аул]ы[2] Безродный (сидел отдельно), Кузьмин и Юзефович, под[полковник] Бибиков, под[полковник] Завадовский (Алек[сей] Федор[ович]). Ели и говорили. Сначала были воспоминания о 2-й Каз[ачьей] свод[ной] дивизии; увлечения Ал[ексея] Фед[оровича], сказавшего, что потом нечем вспомнить дни, вызвало возражения командиров сотен: в штабе — да, а в отдельных сотнях кое-что было... Биб[иков] (получил письмо с лиловой подкладкой) говорил на тему, что он — одинок, что у него семья — военная, и что я встретил его приветливо, все вспомнил и все понял. (Говорил грустно по причине, которую я могу уяснить.) Я говорил длинно и вещи, м[ожет] б[ыть], интересные, но аудитория, значительно тыловая и жизненная, не настраивала меня достаточно вдохновенно... Послана Женюше телеграмма, написанная тепло и складно. Взад и вперед еду с кучером Певнева (Александра Леонтьевича), и мы болтаем с ним неумолчно... Казаки хотят более боевой обстановки, рвутся в окопы; он и сам много подавал докладных, но не пущают... бежать не осмелился... Лошади бегут дружно, кругом бело, холод ослаб, и вывернулись только один раз: легко на сердце и болтается...

29 января 1917 г., Коломыя

Сегодня в церковь попал только к Большому Выходу, задержался докладами. Читаю «Русский Инвалид», начиная

[1] Первые строки выделены на полях линией и надписью: «Жён».
[2] Есаулы.

с 1 января, и в № 6 (6 января) натыкаюсь на статью «Конные заметки» (труд Б. А. Панаева). К. Житков говорит в предисловии, что после ротмистра Ахтырского гусар[ского] полка Бориса Аркадьевича Панаева осталась рукопись, датированная 27 июня 1911 г., под заглавием «Конные заметки»... Теперь она «по настоянию друзей и с разрешения семьи» и печатается.

Вначале мой покойный друг проводит (очень рискованную параллель) между главнокомандующим и начальником разъезда, а потом идут следующие вещие слова:

«Решает задачу (разумеет военная, боевая) сила духа, способ приложения которой у каждого свой, чисто личный. Остальное — знание, опыт, подготовка, состав и прочее — много способствует в положительном решении, а в отрицательном служат только к изворотливости в оправданиях слабости духа. Победа даруется тем, кто искренне готов купить ее ценою своей жизни. Стремление вождя на победу, либо смерть всегда чувствуется подвластными, заражает их и неудержимо тянет вперед, даже тогда, когда никакие приказания, никакие карательные меры уже не подействовали бы». Или ниже мысль. «А ведь боязнь ответственности — одно из крупнейших преступлений старшего начальника»[1].

Эти мысли я прочитал с волнением; сколько раз я думал в этом духе, говорил или писал, и вот теперь от моего друга, из потустороннего мира, я слышу авторитетную поддержку... Я еще живой, мож[ет] быть, и не имею права решительно говорить о таких великих и «необсудимых» вещах, не имею потому, что в решительные минуты могу ослабеть духом и не выполнить того, во что верую, но он — положивший душу за други своя — сказать это мог и умел сказать голосом властным и решительным...

И я думаю сейчас над тем, говорят ли у нас таким языком — честным, прямым и решительным, дерзают ли говорить, глядя спокойно в глаза подчиненным, готовы ли постоять за сказанное? Боюсь, что нет. А оттуда, воспитывают ли части — искренне и глубоко, затрагивают ли

[1] Выше на полях синяя линия и надпись: «Ог[невая] так[тика]. Бор[ис] Панаев».

святая святых нашего дела, говорят ли, что все начинается и кончается силою духа и готовностью самопожертвования? А это так ясно; об этом так просто и убежденно говорит Борис Панаев.

Приняв под свое покровительство «Всероссийское Общество памяти воинов Русской Армии», Государь Император указал: «Увековечение доблестно павших воинов является священной обязанностью великого народа, умеющего чтить своих героев». Лучше сказать нельзя... у нас не часто это сознается; если бы мысль имела широкое распространение, умиралось бы в бою много легче[1].

В № 7 «Рус[ского] Инв[алида]» (8 янв[аря]) во второй и последней половине статьи Бор[иса] Панаева встречаются следующие интересные мысли:

«Надо в мирное время проводить, а на войне неумолимо требовать: роты и эскадроны сторожевого охранения, в случае наступления сильнейшего, даже во много раз, врага, обязаны оставаться на своих участках и погибать — им выпал такой жребий».

«А конная атака на победу либо смерть, как и атака в штыки, не их дело» (говор[ит] о слабых начал[ьника]х).

«Особенно в коннице таким начальникам нет места, ибо каждая конная атака, даже крупных частей, ставит жизнь самого начальника на карту».

«После войны пехота увлеклась перебежками одиночных людей, накапливанием, особливо заботливым применением местности в смысле закрытия от пуль. Это очень опасное увлечение одной из мелочей военного дела. Опасное потому, что уж очень много места отводится инстинкту самосохранения».

«Надо воспитывать пехотные части к штыковому удару, тогда стойкость под огнем явится сама собой. Неуверенные же в своем штыке стрелки не найдут в себе нужного подъема сил для приближения к врагу на его длину. Отрицающие возможность штыковой атаки — вредные воспитатели пехоты».

---

[1] Абзац выделен линиями и надписью простым карандашом: «Родина и павшие за нее».

27 июня 1911 года. Бор[ис] Панаев.

Манчжурия.

В области технических соображений я еще бы поспорил со своим другом, но в сфере духа ему дано было, как великому духом человеку, мыслить безошибочно.

В № 12 «Русс[кого] Инвалида» в статье, посвященной памяти В[еликого] К[нязя] Конст[антина] Никол[аевича], старо приведенное мотто[1] проф[ессора] А. Васильева: «Крупные люди, как высокие горы, оцениваются тем правильнее, чем дальше мы от них отходим».

Сейчас только что был Неймирок, который мне представлялся по приезде, и с которым мы много говорим. Он — говоря о Булатове, Епанчине, Чистякове, — подчеркивает ту мысль (которой торгуют и на которой делают карьеру), что у нас грубость и наглость отождествляют с большим характером. (К категории этих же явлений он относит и приказ Королькова, и бужение хлыстом Щедрина)... Он же согласен со мною, что грубияны чаще всего трусы, и дерзость служит им ресурсом, «заменяющим» отсутствующее нравств[енное] влияние[2].

Потом ко мне пришел батюшка зап[асного] полка, который томится здесь и хочет в боевой полк. Ему 32-й год, он пред войной потерял жену и пошел на войну добровольцем, был в боях, пробовал быть в цепях, да запретили: был черно одет... «Стараешься наставлять паству, — говорит он, — да верят ли? Другое дело, если сам можешь в первом деле показать примером, что верен сам-то своим словам». Хочет в бой, что я и обещал ему устроить... Идея-то самоотвержения скользит всюду, кто не лицемерит пред самим собою...

В своей статье «Конные Заметки» Б. Панаев мельком говорит, что ошибочно думать, что разъезд — достояние младшего офицера; разъезд может повести эскадр[онный] командир, может повести даже командир полка или бригадный. Он говорит мельком и не чувствует, как на него

---

[1] Мотто (*итал.*) — остроумное изречение, эпиграф, стихотворение, которое ставят иногда в начале произведения и определяющее его основной тон и общее настроение.

[2] Следующий абзац выделен на полях синей линией и надписью: «Трусы и грубияны — носители „большого характера“».

насядут техники и «материалисты»... Как, с разъездом командир полка? Такая сила для такого малого дела? Борис сказал, то, что выстрадал в своей ясной душе, провел идею самоотвержения, а так как он много занимался разъездами, то эта идея именно и вылилась у него на разъезды... Это случайная иллюстрация той общей мысли, которую он выше характеризовал словами: «Победа даруется тем, кто искренне готов купить ее ценою св[оей] жизни»[1].

30 января 1917 г., Коломыя

Сегодня отправился вперед весь штаб; завтра к[омандую]щий корпусом, я и оперативная часть. Сегодня я купил себе сукна; обедал у генерала Веселаго.

Характерно: как только XVI корпус стал на позицию, В. Драгомиров обошел его весь и на многих листах пространно и красноречиво доказал, что 1) направление самое важное, а 2) корпус сидит слишком широко... что может быть прорыв, за который он не ручается... Пошли слухи даже между жителями, что австрийцы что-то замышляют, взяли уже Моняву и т. п. Армия поддалась, растянула более скромный корпус, а Драгомиров успокоился. Та же школа, из которой вышел стрелок: люди, себя обеспечивающие, а общее дело — для них фикция; они воюют для себя, для личных успехов, для избежания личного риска; соседи они скверные и ненадежные, исполнители лишь дела, сулящего успех, где нет — там будут кричать, нервничать, а поручить — врать и отталкиваться... до сваливания на чужие плечи...[2]

Неймирок говорит, что нач[альник] штаба XVI корпуса — Буймистров — все делает сам: принимает и отправляет по Юзу, все пишет, пишет периодические донесения... Больше: заказывает меню, учит денщиков офицерских чистить платье... Офиц[еры] Ген[ерального] штаба у него никакой работы не несут; теперь они занимаются в школе прапорщиков...

---

[1] Этот и предыдущий абзацы выделены на полях линиями, знаками NB NB и надписью: «Огн[евая] такт[ика]. Идея самоотвержения».

[2] Этот абзац выделен на полях синей линией и надписью: «В[оенное] воспитание. Слабые духом».

Вечером проводим время у ген[ерала] Веселаго, ужинаем, а оттуда отправляемся на поезд. Рекогносцировка обнаружила, что автомобили пройти не могут, почему вместе с ними мы садимся на поезд. Я, ком[андую]щий корпусом, кор[пусный] врач и Влад[имир] Конст[антинович] (Гершельман) в одной каюте. Последний много мне рассказывает про декабристов, которых он очень хорошо знает (его жена — правнучка декабриста); Гер[шельман] поражает подробностями и точностью передаваемых им сведений (Шервуд, Май-Борода и пр.). Между прочим, он говорит, что люди эти и их дело перекрашены, что, по существу, — как и думает, например, Платонов — это было чисто дворянское движение, а не влечение широких слоев к более просвещенным формам жизни. Я засыпаю под его интересный разговор; когда я проснулся ночью и затем утром, мне было стыдно за свою неделикатность и слабую заинтересованность. Около меня спят трое — две старые, полуразрушенные человеч[еские] машины: они кашляют непрерывно, просыпаются, ворочаются, стонут (корп[усный] ком[андир] и врач), и одна свежая и исправная (Герш[ельман]): его не слышно, он лежит, не ворочаясь, не кашляя... его ровное дыханье тихо и спокойно. В 5 утра мы прибываем.

31 января 1917 г., Тысмяница

В вагоне мы спим до 8, после чего на автомобилях переезжаем на новое место. Очень холодно. Здесь еще ничего не готово; при мне вносят диван, койку, ковры... Сначала моя огромная комната прямо меня пугает, но когда внесли вещи и побелили печку, я вижу, что она принимает приличный вид... огромность ее — теперь большой плюс, особенно в солнечные дни, когда в 4 ее окна, смотрящие на юг, льются снопы света... Я беру увелич[ительное] стекло и прожигаю у Игната сначала кожу, потом полотенце... Он — бедный дикарь — таращит глаза.

После обеда я еду в Станиславов, где посещаю обе дивизии, ориентирую их, ориентируюсь сам... Артил[лерийская] стрельба близко; кажется, что некоторые снаряды разрываются в городе, но я дошел до такого состояния, что меня все

это нисколько не трогает: сердце соверш[енно] каменное и боевым нажимам совершенно недоступное... мои шоферы как будто несколько волновались. Город С[танисловов] очень мил, сохранившийся, по улицам много народу; его, по-видимому, щадят или же надеются отобрать обратно; жидов, во всяком случае, очень много, что, конечно, показательно.

Домой возвращаюсь в темноте, и меня ждет кипа бумаг, а позднее ряд докладов... Ложусь я в 9 ч[асов] 30 м[инут]... пред сном хожу, и мой шкаф отвечает мне нервным дребезжанием... Игнат что-то в нем делает, заставляющее шкаф замолчать...

1 февраля 1917 г., Тысмяница

Сегодня среди докладов были два интересных: один — начальника радиотелеграфной станции, с которым я вырабатываю инструкцию мешания корректированию стрельбы с непр[иятельских] аэропланов; и второй — начальника бронебойных отделений. Последний мне доложил свой план обороны и наступления... Все это были идеи, для меня значительно новые, и я слушал их с большим интересом.

В 9 часов я смотрел Крымский эскадрон, сделал выводку лошадям и опросил претензии у людей. Все татарчуки, народ прочный и простой; они смотрят внимательно и бодро, «все получали, претензий не имеют»... Ком[андир] эскадрона рассказывает случай, что к ним пришли совратители. Результат был неожиданный: их связали, наколотили всласть, а потом представили начальству... «Люди верные, прочные и Царя любят» говорит эскад[ронный] командир.

После обеда солнце светит ко мне полным махом, я открываю 3 окна и принимаю озон... Игнат с сумрач[ным] лицом закрывает их, как только приходит... Такова сила солнца: оно светит и, как ладан — бесов, гонит из души все мрачные мысли...

2 февраля 1917 г., Тысмяница

Работы много, и приходится заниматься с 8 час[ов] до 22... Бумаги плывут непрерывным потоком, и, если пропустить, то они накапливаются свыше предела.

Кончил Льва Жданова (историк, о котором с таким пафосом говорил стрелок) «Последний фаворит» (Екатерина II и Зубов (1789–1796)), к[нигоиздательст]во «Прометей» Н. Н. Михайлова. Роман-хроника, 200 стр.

Стрелок перехвалил, но Жданов все [же] интересен: объективной художественностью историка, знанием языка того времени и простотой. Екатерина — очень хороша: велика, способна и исключительна, как государыня, и — особо и примирительно обычна, как женщина, но и в этом женском незаурядна. Влияние Валишевского чувствуется. Потемкин (Григ[орий] Александр[ович]) нарисован сильными мазками, как человек необычайный и в работе, и в страстях... Типичны — товарищески-супружеские — его отношения к Государыне, которая находилась под его влиянием, но скорее уступала ему, чтобы удержать и использовать великого человека... Безбородко — поляк по происхождению, всю жизнь игравший «хохла»... Содержание: расставание Ек[атерины] II с предпоследним фаворитом Дмитрием Мамоновым[1] (увлекшимся княжной Щербатовой), сближение с Платоном Зубовым и выдавливание последним Потемкина. Вот и все, но написано живо, тепло и примирительно; чувствуется и художник, и историк... Особенно ценно, когда он без иронии и шаржа рисует чувства современников, напр[имер], их полуобожание монархини, о которое, как о скалу, разбиваются их обиды, горечи (напр[имер], разговор Потемкина), и даже возможность шутки над нею, как над грешной женщиной...

Стр. 26: 29 мая 1729 г. день появления на свет принцессы Софии Ангальт-Цербст[с]кой, которую теперь, уже при жизни, современники, весь цивилиз[ованный] мир называл Екатер[ин]ой Вел[ик]ой.

Стр. 71: Памфлет на царствование Ек[атери]ны II, приписываемый ею Екат[ерине] Ром[ановне] Дашковой.

«Ведомость приходу и расходу по „маленькому хозяйству“ Екатерины Великого, как ее бескорыстные хвалители, свои и иноземные», именуют.

---

[1] Александр Матвеевич Мамонов-Дмитриев.

Со дня «Ропшинского действа»[1] роптания достойного, и до наших дней, кроме предбудущего, как Господь нам еще да поможет.

Приходу		Расходу	Человек
(Согласно с письмом, кое к господину барону Гримму в Париж послано)		(С тем, что и малым детям ведомо у нас, согласовано)	
Губерний, по новому положению учрежденных	29	Братьям пятерым Орловым г. Высоцкому г. Васильчикову	17 000 000 300 000 1 100 000
Городов вновь выстроено	144	г. Потемкину г. Завадовскому	50 000 000 1 380 000
Заключенных договоров и трактатов	30	г. Зоричу г. Корсаку г. Ланскому	1 420 000 920 000 7 260 000
Одержанных побед	78	г. Ермолову г. Мамонову	550 000 690 000
Достопамятных указов о законах, либо новых учреждениях	88	г.г. Страхову, Левашеву, Стоянову, Казаринову и прочим с ними	1 500 000
Указов для народной участи облегчения	113	На всякие плезирные расходы	7 000 000
А всего дел	492	А всего тут	92 000 000
		На войны, земель не давшие	150 000 000
		Людьми утрачено до	500 000

А балансом счеты уравнять, сие всяк сам легко сможет. Счетоводитель Нелицеприятный».

Стр. 73: Ек[атерина] II говорит Мамонову в последний разговор пред расставанием: «Волю дала я на высоте своему сердцу и показала, что ни вреда, ни стыда нет от этого умной жене... Такой, которая свято держит свое чувство, каждый раз, когда загорается оно. А что чувство не единожды в

[1] Драма, разыгравшаяся летом 1762 г. в Ропшинском дворце, — убийство Петра III.

жизни... не дважды, не трижды загораться у нас, у жен может, про то весь мир ведает. Укрывать же зачем, лукавить, лицемерствовать? Нет! Кто смеет, пускай смеет... И слабых надо учить смелее быть».

Стр. 75–76: Екат[ерина] II, по уходе Мамонова, предается воспоминаниям... «Мало ли я любила смолоду... Вот и здесь, под этими деревьями... чего не было... В этом покое»... Екатерина оглянулась... Вдруг словно ожила эта комната, наполнилась тенями, призраками. Не пугающими, белыми, в одеждах смерти, а веселыми, радостными, сверкающими любовью и страстью... Красавцы-великаны Григорий и Алексей Орловы... Ловкий Зорич. Пылкий, сверкающий и быстро тухнущий Васильчиков... Увлекательный, пышущий здоровьем и негою Корсаков. «Пир, царь Эпирский», как называла она его... Философ в теле Гектора — Ермолов, переживший то, чем, по словам Мамонова, страдает сейчас последний фаворит... Сознание стыда из-за положения мужчины, попавшего на содержание к своей повелительнице...

Вот умный, извилистый и сухой, внешне пламенный, ледяной внутри Завадовский... Вот нежный, капризный, причудливый, но такой ласковый, обаятельный красавец-дитя Ланской (умерший от принятия форт. мер[1])... Не только ласки мужчины, и он сам по себе был ей так дорог, так мил...

Наконец, заслоняя всех, зареял крупный, величавый образ человека с одним настоящим, но сверкающим, как бриллиант глазом... С причудами балованного принца, с умом вождя, с характером смешанным, порою непреклонным до ужаса, порою изменчивым как у женщины, охваченной жаждой любви...

Все они стали перед Ек[атерин]ой... Всех помнит она... И, как ни странно, любит всех и сейчас, далеких, полузабы-

[1] Смерть Ланского окружена легендами. Согласно одной из них, однажды, когда флигель-адъютант проезжал на охоту в павловские леса, из кустов неожиданно выбежал заяц. Лошадь Ланского испугалась и сбросила седока, который вскоре скончался от полученных ушибов. Однако существует и другое предание. Будто бы фаворит императрицы Екатерины II скончался от «слишком сильного приема секретного лекарства, известного в медицине под названием Aphrodiesiacum», то есть препарата, увеличивающего половое влечение.

тых, истлевших в могиле или случайных, как Страхов, как гвардеец Хвостов...

Вот они, далекие, милые, полузабытые друзья ее юных лет...

Очаровательный, вкрадчивый и смелый Салтыков, отец ее первого ребенка... Блестящий рыцарь Запада, царственный и чарующий Понятовский.

Вот они все... тут, в ее памяти, в ее остывающем сердце, которое все тише и медленнее бьется с каждым месяцем, с каждым днем...

Все тут...

И нет никого. Вихрями жизни отвеяло их. Отлетает и последний».

Стр. 180 и 181: «Хорошо воспитанный (Плат[он] Зубов), прекрасно болтающий по-французски, прочитавший много книг, особенно с той поры, как попал в клетку радом с покоями Екатерины, Зубов обладал всеми аппетитами здорового мужчины, среднего человека. Был он корыстолюбив, любил прекрасное — и женщин, и произведения искусства. Мог понимать и прекрасные порывы души, сам не проявляя их. Недурно играл на скрипке, тоже не внося захвата, огня в свое исполнение. Словом, это был вполне уравновешенный, достаточно одаренный, но бездарный в высшем смысле слова человек. А, главное, в нем было пассивное женское упорство хотения и не было характера, активной энергии, мужской властительной замашки».

Стр. 200: Потемк[ин] скончался 5 октября 1791 г. в степи, около Ясс (астма и сердечные припадки).

Вообще повесть написана интересно, и красивого разбросано немало на ее страницах.

Сегодня нахожу время погулять ½–¾ часа по шоссе в направлении на Станиславов — пустой город. Тихо, морозно; днем устал, и даже ни о чем не думается; что-то поднимается порою, но скоро же летит прочь, как галки в снежную бурю... После ужина захожу в конюшню: дневальный сидит на мешке с фуражом и поет «Отче наш». Ему хочется петь, а как человек религиозный, он считает, на ночь глядя позволительно петь что-либо религиозное; а знает он всего две молитвы — «Отчу» и «Богородицу»... И мурлыкает он тихо

эти трогательные молитвы под аккомпанемент жевания и случайного шороха лошадей...

4 февраля 1917 г., Тысмяница

По поводу дознания о пропаганде в 270-м п[ехотном] зап[асном] полку подпрапорщик Люльчишен говорит: «В чем заключается учение Толстого, я не знаю, и кто такой был Толстой — не знаю»; унт[ер]-офицер (3-й роты, 270-го з[апасного] п[олка]) Бондарь говорит: «Учения Толстого не знаю; слышал только, что Толстой был граф». Ун[тер]-офиц[ер] Слепец (3-я р[ота]): «Слышал, что был какой-то Толстой, но кто он, того не знаю»; унт[ер]-оф[ицер] Ратушняк: «Толстого я не знаю и даже не слышал о нем»; ст[арший] унт[ер-офицер] Боровик говорит, что людей, идущих на позицию, уговаривали быть твердыми, не сдаваться в плен и т. п. «Германия — страна маленькая и скоро должна нам сдаться»... Сеин (денщик), по словам фельдф[ебеля] Зозули, говорил, что «наши неправильно воюют. Неправильность была в том, что офицеров прятали, а в бой посылали н[ижних] чинов». Прапорщик Иван Тихонович Кухарь (ком[андир] 3-й роты, 26 лет был фельдфебелем): «Относительно учения Толстого я ничего не могу показать, потому что и сам этого учения не знаю»[1].

Ст[арший] ун[тер]-оф[ицер] Мих[аил] Евдоким[ович] Нишкур (3 раза ранен): «У меня во взводе и в роте никаких глупых разговоров не ведется; глупыми разговорами я понимаю разговоры против правительства». М[ладший] у[нтер]-оф[ицер] Лука Григор[ьевич] Штанько: «Никаких разговоров про войну и против правит[ельст]ва в роте не велось».

Вчера, вместе с корреспондентом «Вестника Армии» Швец-Шевченко (Иван Данилович — «Днепровский») в 7 часов я выехал на позицию 117-й дивизии. Доехали на автомобиле до Мыкетинцы (к вост[оку] от Станиславова) и повернули на Храплин до Чернеюва, но автомобиль не мог пробиться по снегу, пришлось его отпустить и идти

[1] На полях вдоль этого абзаца синяя линия и надпись: «Толстой и ... народ».

пешком. Навстречу выехал экипаж, в Чернеюве 2–3 слова с начальником штаба и затем до Радчи. Здесь 2–3 слова с командующим див[изией] г[енерал]-м[айором] Ивановым, пересаживаемся в санки и айда в Лысец... Сидим задом к кучеру, холодно, крутит снег, ведем беседу со Швецом. Тема: нужно быть фаталистом и верить в лучшее... «обреченные»...

Я говорю ему о своих беседах с новыми прапорщиками и увлекаюсь величием их ратного подвига. «Пехота — несравнима по величию своей работы, по многотерпению и по степени риска. Худо, если это забудут и на 1-е место поставят других: артилл[ерист]ов, летчиков и т.п... 2 недели — «средний век прапорщика» — сущая правда. «Да, вероятность страшная, — согласен он, — сидеть непрерывно под шестью огнями — артиллерия, пулемет, бомбомет, миномет, газ, минная галерея, — сколько нужно счастья и удачи, чтобы выскочить... о слове „окоп“ я говорю с благоговением». Я: «А предел? Тыловой господин вне себя, когда он 2 часа не доспал, или назначили министром Петрова, а не Иванова, а у ротного командир[а] предел благополучия, когда он только не спит всю ночь и никогда не раздевается... Что немного хуже, то хуже этого. И все же он ровен, весел, свеж; он поднят своим великим делом и боевой нервозностью». Швец говорит, как он привык угадывать (что-то в губах, в выражении общего облика), кто умрет... Смотрит на роту и заранее делает вычитание... Ему всегда жутко думать о этом... берег по такому предчувствию одного унт[ер]-офицера и не уберег...[1]

Лысец совершенно разрушен, и я не узнаю в нем красивого места, каким он был в начале августа прошлого года. Я ориентируюсь в штабе, нахожу, что сведения о противнике почти отсутствуют, и сажусь с сап[ерным] офицером на лошадей; едем по шоссе, а потом к Стебнику идем пешком... тихо, тепло, слегка тает, и мы трое называем себя пилигримами и перекидываемся разными шутками. Швец признается, что он потому уехал, что разорвал с женщиной, и его миросозерцание на переломе. Я отвечаю, что из-за юбки не переменю и кальсонов, не то, что миросозерцание. В ожидании в Стебнике батальонного командира беседую с

[1] Вдоль этого абзаца красная и синяя линии, знак NB и надпись: «Окопные герои».

рот[ным] командиром 1-й роты Хрумским, нижегородцем, который удивляет своим говором, деловитостью суждений и меткостью своих определений. В Стебнике уцелели жители; мимо нас едут бабы — здоровые и веселые: они давно покончили с некоторыми из сомнений и пустили в оборот свой капитал; это дает им пищу и удовлетворение. Из Стебника иду в окопы и здесь начинаю свой обход, выворачивая весь свой обширный арсенал окопных знаний. В 647-м [полку] встречает меня полк[овник] Носович, мой ученик (вертун и спортсмен), он идет без шапки (у него-де такой обычай) и говорит без умолку. Он все знает и все может, он здоров, жив и тренирован. Я у него обедаю, а от него на его лошадях еду в Мыкетинце, а оттуда на автомобиле к себе... Я никуда не иду, пью чай и рано ложусь... Окопы — моя сфера, и я чувствую себя удовлетворенным.

Сегодня вечером омовение ног с обычной церемонией.

5 февраля 1917 г., Тысмяница

Сегодня в 7 час[ов] с корп[усным] инженером и Швецом отправился в окопы полков 19-й дивизии; посетил 75-й Севаст[опольский] и 2-й бат[альон] 74-го Ставрополь[ского]. На мою телеграмму (Издалека радуюсь Вашему успеху, с которым и поздравляю), сегодня получил от В[асилия] В[асильевича] телеграмму: «XII арм[ейский] корпус генералу Снесареву. Тронут до слез Вашим вниманием примите мой поклон земной наш далекий но бесконечно близкий родной герой. Лихачев». Да, нет более близкой связи, как связь людей, страдавших и боровшихся в бою бок о бок.

Из доклада воен[ного] цензора при XII арм[ейском] корпусе за период с 4 янв[аря] по 3 февраля значится: 1) Два письма наиболее характерны своим тоном и мыслью, что война будет доведена до победоносного конца; 2) попадаются жалобы на плохую пищу (даже хлеб!); 3) сообщаются по-старому вещи преступного и антидисциплинарного характера (переход частей, переформирование и т. п.); 4) среди воинских чинов, по-видимому, продолжает процветать крайне азартная игра в карты[1].

[1] На полях синяя волнистая линия и надпись: «Настроение по письмам».

Приехал в штаб 19-й пех[отной] дивизии, все спали кроме дежур[ного] офицера. Отсюда с провожатым пошли в штаб Севаст[опольского] (75-го) полка. Вчерашняя стрельба дел наделала немало: в 40 шагах от штаба разрушенный дом; в другом видим разваленный бок... Было много суеты, выноса подушек и т. п. В одном доме убита женщина, в другом — погибло много людей Полтавской дружины (8 уб[ито] — 8 ран[ено] или 18 уб[ито], 80 ран[ено] или 6 уб[ито], 58 ран[ено])... Мы быстро идем; гулко звучат наши шаги. Народ уже бежит по улицам, съежившись от холоду...

В штабе 75-го встречает помощник, а затем вылезает нач[альник] команды связи (полячок, еще на позиции не бывший... он и не будет); хочу взять последнего, но он еще сам не был: бесполезно. Идем к окопам. Прекрасное морозное утро, горизонт затянут мглистым туманом. На душе славно. Тишина, ружейные выстрелы очень редки. Еще в штабе достаточно выясняется стрельба накануне: 1) по городу, как отместка за пробу нашей тяжелой артиллерии и как доказательство, что и они не без артиллерии и 2) по окопам заградительный часто огонь, чтобы предупредить «начатую» усил[енную] рекогносцировку... Накануне была такая... В наших донесениях много общих фраз, но мало подсчету и пониманий. На средней роте левого батал[ьона] (3-го) — попадаю в окопы и иду дальше... захожу в секреты, откуда порою вижу во враж[еском] секрете (150–200 ш[агов]) сгорбившегося от мороза австрийца, гуляющего взад-вперед. Я говорю бесконечно с рот[ными] ком[анди]рами и батал[ьонными] и делюсь с ними своим богатым опытом... За мною ходят (не всюду) кор[пусный] инж[енер] и Швец... первый все бурчит и придирается... Из 3-го бат[альона] в 1-й (73-го п[олка]), где ком[андиром] шт[абс]-к[апитан] Артюхов, Георг[иевский] кав[алер]. У него пьем чай. Переходим во 2-й бат[альон] (74-го п[олка]), где особенно интересен пор[учик] Минин, ком[андую]щий 5-й ротой... потомок Минина. Он говорит нижегород[ским] говором, деловит и весел... Он не спит ночи: «Нельзя, все равно разбудят»... Он говорит только о деле, будто и не знает, какое великое дело он делает.

Из 2-го бат[альона], перейдя шоссе Калуш — Станиславов, идем в тыл по мертвому пространству, потом в город, захожу к ком[андиру] 74-го п[олка] (старая строевая крыса: «ходит по окопам, следит за пищей...»), на его лошадях в шт[аб] 19-й див[изии], а отсюда с карт[иной] «Наполеон в Кремле» (маленькой) домой... Вечером потоки бумаги.

6 февраля 1917 г., Тысмяница

После вчерашнего посещения позиций день прошел в борьбе с бумагой: страшной и назойливой. А бумага — это такой фактор, что ее не минуешь... Улучаю время, чтобы написать женушке письма и, кроме того, обдумать два вопроса: 1) инструкцию, как мешать корректированию непр[иятельских] аэропланов и 2) идею помощи войскам и обороны Станиславова бронированными автомобилями... для последнего мне представлена схема, но она доказывает... только лень составителя. Между 12 и 13 купаемся с Игнатом в бане: нет ни холодной (замерзли трубы), ни горячей воды, но в чане много такой, которой я как раз обычно и пользуюсь... Мы полоскаемся вволю... Вечером у Л[еонида] Аф[анасьевича Савчинского] едим блины.

7 февраля 1917 г., Тысмяница

Сегодня собираю начальников штабов дивизий, других офиц[ер]ов Г[енерального] штаба и корпусн[ого] инженера. Занимаемся 1) вопросом об обороне позиции корпуса и 2) нашими «делишками» по работе Г[енерального] шт[аба]. Первая часть распадается на 3 вопроса:

1) Понимание позиции, занимаемой корпусом:

а) на какой обороняться, как на основной;

б) как понимать теперешнюю, и что с нею сделать;

в) обдумать р[еку] Быстрицу (Солутвенскую) и

г) как понять г[ород] Станиславов (отдельная задача или нет? Какая часть будет оборонять? Что делать с населением?);

2) тыл и дороги, что с ними делать? Жизнь корпуса (питательная...), как определяющая данная, и

3) вопрос о доставке на позицию строит[ельного] и отаплив[ающего] материала... его там совершенно нет. Нуж-

но, мин[имум], 250 повозок. Откуда взять? Надо 1) привезть по ж[елезной] дороге оставшийся груз...

Философия собрания: решить и обдумать вопросы с точки зрения Г[енерального] штаба. Даже в обществе это понимают и часто пробуют злословить (чаще всего). Они — правы. В XLI корпусе то, что должен был обдумать Г[енеральный] шт[аб], сделано не было: Быстрица не проанализирована, Станиславов — не учтен, принципы обороны не установлены... Чувство совести одно уже заставило меня подумать над этими вопросами.

Вторая тема касалась наших обязанностей, как офицеров Г[енерального] штаба вообще, и начальников штабов в частности. Обсуждалось (больше говорил я):

4) надо знать людей (нравств[енный] учет) и позицию (техническая и тактическая стороны).

(Каледин говорит, что офиц[еры] Г[енерального] штаба должны преподавать в школах, для чего штабная работа должна свестись к мин[имуму] и шаблону; я: должны изучать людей и позицию, а тогда шт[абная] работа сама сведется к шаблону). Цель — стать во всеоружии знания нравственной и материальной стороны. Офиц[еры] Г[енерального] штаба должны основательно знать начальников (до рот[ных] ком[андиров] включ[ительно]); люди бывают: трусливые, упрямые, лгуны, фантазеры. Командиры полков часто совсем офицеров не знают: слепота, любимцы, упорство 1-й мысли. Способ — частое единение; тон: мы — старшие братья, больше видевшие... Результат: 1) отчетливое, выношенное в сердце знание начальников до ротного ком[анди]ра включительно и 2) знание обстановки до способности предоставить таковую в воображении до деталей;

5) необходимость обстоятельных донесений, с выводами о целях противника. Нам дают сырой, неосмысленный материал; в штабе дивизии его систематизируют и дают ход первым тактическим предположениям; в штабе корпуса они суммируются и перерабатывают[ся] в такт[ические] допущения более широкого порядка и т. д., пока они где-то наверху переходя[т] в догадки стратегического характера[1].

[1] Со слов «Философия собрания:» и до конца этого абзаца на полях синяя волнистая линия и надпись: «Раб[ота] Ген[ерального] штаба».

Идеи новые; даются они слушателям туго, да и я сам — их создатель — формулирую их неясно, неуверенно, более прибегая к чувству... Мих[аил] Вас[ильевич] [Алексеев] начал уже понимать, что создание хороших идей начинается снизу, а не сверху. Мож[ет] быть, он скоро одолеет и мой, слабо еще оттеняемый, людской фактор.

Уезжает Эйсмонд, я посылаю с ним женке 1 п[уд] сах[ару] + ½ п[уда] масла + 2 п[уда] крупчатки. Как-то это все доедет? Пишу короткое, сумбурное письмо. Совсем затрепался. Гулял не больше ½ часа, бегом...

8 февраля 1917 г., Тысмяница

В два дня кончил «Гнев Диониса» Е. Нагродской (271 [стр.]), изд. 10-е, посвящено Елене Никандровне Клакачевой. О романе много говорилось, но он не оправдывает ни крика, ни напрасных опасений. Написан он прилично, и теория о «людях, переменивших свой пол», примешана между прочим. Она рассказана на 260–263 страницах, т. е. пред концом романа, передана ненаучно и легко может быть выкинута из него без ущерба для чего бы то ни было. Содержание: Татьяна Александровна (Тата, Таточка), особа мужского склада, кандидатка в лесбиянки, живет с теленком Ильей, а в пути встречается со Старком (Эдгар Карлович, сын англичанина и караимки, агент по закупке дерева), который является существом, убивающим по красоте, но ближе к женщине... случайно не впавшим в мужеложество... Сразу пылают друг к другу, но держатся, пока Тата не приезжает в Рим кончать свою картину «Гнев Диониса»... Связь страшно пылкая продолжается 3 месяца, после чего она идет к Илье и... остается. Теленок все прощает и женится, Старк страдает... Потом Тата рожает и оставляет сына (писаного красавца Лулу) у Старка; приезжает и... во имя блага отдается Старку вновь... Живет с двумя, обманывая и того, и другого. Обратнополое открывает Латчинов, который страшно всем друг, проводник идеи двойного обмана и который сам обратнополый: он давно влюблен в Старка...

Произведение обычного тона, отсутствуют некоторые излюбленные автором типы, но ничего нового: обычная живость сцен и красок, сильные любовные места, повторность,

но все же яркость характеров. Пикантная и квазинаучная идея об обратных полах создала рекламу...

У нас кор[пусный] инженер подп[олковник] Виноградов (Хрисанф Иван[ович]), который все забирает в руки, смотря на инж[енерный] полк, и на понтон[ный] батал[ьон], и на гидротехническ[ий] отдел, как на свои орудия. Части эти он не разбрасывает в руки дивиз[ионных] инженеров, а командиры остаются не у дел, «переведенными в резерв» без вины и власти.

Я много говорю с Виноградовым, но он, как ошалелый какой-то, не в силах чего-либо понять; высказав свою мысль, он поднимает как-то вверх голову (как Пархомов) и, видимо, ничего больше слушать не хочет. Мои доводы: 1) люди, прослужившие много и желающие работать в дни великой войны, устранены от дела пришельцем, младшим в чинах и менее опытным в боевом смысле; они, конечно, обижены и устанавливаются такие отношения, которые не обещают успеха делу и 2) сильные военно-рабочие единицы — опытные и готовые работать — выброшены за борт (ком[анди]ры 5-го инж[енерного] полка, 2-го понтон[ного] бат[альо]на и т. п.) и обречены на безделие, когда дорог каждый трудящийся муравей... Мы много говорим, но он, видимо, не понимает: он приводит пример, как у них работают по укреплению линий и на каких-то постройках... Там так (дело денежное), а около огня — иначе.

Вечером иду большим шагом по шоссе на Станиславов и прохожу до поселка (не менее 3 верст); назад встречаюсь с Савчин[ским] и Тихомировым... идем уже тихо и ведем деловые разговоры.

9 февраля 1917 г., Тысмяница

Утром уехал Вл[адимир] Конст[антинович] Гершельман, и я дал ему письмо к Кае в Москву на тот случай, если он их посетит... Встал сегодня в 7 час[ов] с лишним и почти до 10 часов никто меня не трогал, и я мог свободно заниматься своим делом. Кор[пусного] командира еще нет. Если он будет вставать в 12 часов, то у меня будет утром свободных часов 4–5, и я все свои доклады буду в состоянии перенести на утро...

Сегодня посетил радиотелеграфную станцию. Застал момент перехватывания германской радиотелеграммы. Телеграфист сидел с машинками на ушах и писал. Я надел себе и слушал, как тонким звуком звенела телеграмма (по системе Морза [Морзе]); что-то вдруг расстраивалось, была задержка, а потом опять все пошло гладко... Это было удивительно: я слышал человеческую (скажем, моего врага) мысль, отраженную точками и линиями, и слышал эту мысль с расстояния 900 верст (прямая линия между Берлином и Тысмяницей)... перелетевшую по воздуху... Это меня сильно заволновало. Потом начальник подробно изложил мне идею приема телеграмм, улавливания волны, подделку ее и т. п., а затем пускание своей волны и т. д. Это совсем просто, если припомнить хотя самые первичные истины об электричестве... На обратном пути встретился с мотоциклетом-коробкой, сел в нее и немного покатался... В голову приходят строфы (не помню, чьи):

О прошлом не храни больного сожаления:
Протекшую волну ты не увидишь вновь.
Предай минувшее спокойному забвенью
И смехом вспомяни ты старую любовь[1].

Слова шли в голову, когда я летел со скоростью не меньше 40 верст, и мне навстречу резал лицо холодный как сталь ветер... Дома ждал меня мой песик (какая-то помесь бульдога), который ко мне заметно привыкает.

Приехало сразу пять дам: две нач[альни]ков штаба 19-й и 117-й дивизий, одна — Павловского, тех не знаю. Начнется бабье царство... Интересно будет понаблюдать, что из этого получится...

10 февраля 1917 г., Тысмяница

В «Рус[ском] Инвалиде» интересен подсчет сил противника в зависимости от фронта:

1) на 1650 вер[ст] (Рига — Дунай) … 165 герм[ано]-австр[ийско]-венг[еро]-болг[аро]-турецк[их] дивизий (1 дивиз[ия] на 10 верст) (около 2 милл.);

[1] Стихотворение выделено на полях синей скобкой и знаком NB.

2) на 650 вер. (Франко-Бельг[ийский] театр) ... 132 див[изии] (почти все герм[анские]) (1 див[изия] на 5 вер[ст]) (1,5 милл.);

3) на 35[6?]0 верст (Итал[ьянский] фронт) … около 30 австр[ийских] див[изий] (1 див[изия] на 12 вер.) (360 т[ысяч]);

4) на 400 –//– (Македоно-Албанский) … около 20 дивизий сложн[ого] состава (1 див[изия] на 20 верст).

Всего 350 дивизий, а считая 12 т[ысяч] штыков, более 4 милл[иона] (4 200 000) штыков на протяжении 3050 верст (у нас больше половины).

На прошлой неделе член франц[узской] палаты Г. Фавр заявил в заседании, что число мужчин, состоящих на военной службе в союзных странах, можно выразить в следующих пропорциях в отношении к общей цифре мужского населения: во Франции в армии находится один на 6 чел[овек]; в Великобритании — один на 10 чел[овек]; в Италии — один на 11 чел[овек], а в России — один на 20 чел[овек].

Что это — темнота или глупость, или наглость? И кто же виноват, если женщина Франции не хочет выполнять своей государ[ственной] работы? Если же взять Великобританию, с ее 400 милл[ионами], т. е. с 200 милл[ионов] мужчин и допустить, что у нее есть 5 милл[ионов] (4½ на суше и ½ на морях), то получим 1 на 40 чел[овек]; а у нас — из 200 милл[ионов] всего и из 100 милл[ионов] мужчин под оружием 12 милл[ионов], т. е. 1 на 8. Тогда таблица будет такая[1]:

Франция	1 челов[ек]	на 6 мужчин
Россия	1 [человек]	на 8 [мужчин]
Италия	1 [человек]	на 11 [мужчин]
Англия	1 [человек]	на 40 [мужчин]

На 8 февраля 1917 г. в XII корпусе состояло на продовольствии войсковых частей: 64 717 чел[овек] и 19 288 ло-

[1] Вдоль этого абзаца и предыдущего на полях надпись: «Союзническая ложь или инсинуация».

ш[адей] и в организациях: 7789 чел[овек] и 1496 лошад[ей], а всего: 72 506 чел[овек] и 20 784 лошади.

День прошел обычно. Вечером думал над тем, что цена жизни страшно возросла и, с другой стороны, как ценность, ее нигде не кладут, не рискуют, не гарантируют ею, как последним достоянием, как крайним нравственным доводом. Оттуда не хотят воевать, не понимают (не чувствует) дуэлей!

Чтобы доказать, что нравственно правы, будут много говорить, ссылаться на «авторитеты», на «общественное мнение», но... не поступятся жизнью: вкус утерян, а оттуда никогда и никто не знает, в какой мере и кому дорога та или иная нравств[енная] мысль; об ней одинаково сильно и чувствительно говорят Керенский, Чхеидзе, Милюков, Маклаков, Львов, Марков II, Пуришкевич, Дубровин и т. д., одинаково горячо, а люди разные и думают разно...

А вот на войне люди тотчас же классифицируются до ясности голубого неба или текущего прозрачного ручья: одни могут умереть за други своя — спокойно и радостно, другие под напряжением или подъемом, а третьи — не могут, ценят слишком жизнь... А в тылу, не они ли оказались бы на язык сильнее, ярче, страстнее? И не они ли бы убедили других в большей готовности жертвоприношения?[1]

Вечером приехал корп[усный] командир ген[ерал] от кав[алерии] Казнаков (Ник[олай] Ник[олаевич]), он встречает меня приветливо и просто, каков он весь: простой, ясный и добрый, но вместе с тем, по принципам, требовательный и в случае нужды даже жестокий. До 10 час[ов] вечера я докладываю ему существенное: он уже на половине корпуса был и схватывает все на лету (больше припоминает), и лишь на правом фланге, как для него новом, ему приходится разбираться заново.

11 февраля 1917 г., Тысмяница

Встал в 7¼, но многого не успел сделать, т. к. доклады ком[анди]ра 5-го инж[енерного] полка и корп[усного]

[1] Вдоль этого абзаца и предыдущего на полях синяя линия и надпись: «Цена жизни».

инженера заняли мое внимание. В 11 ч[асов] пришел кор[пусный] ком[андир] и вплоть до 13-го часу длился доклад. Он читал, кое-что спрашивал, а я занимался рядом. Инструкция о мешании непр[иятельскому] коррек[тирова]нию с аэропланов ему понравилась. Много мною записано под его диктовку и постепенно мною выполняется в течение дня.

Среди доклада приезжает Щедрин (Конст[антин] Федор[ович]), с котором ком[андир] корп[уса] целуется. Ком[андир] кор[пуса] рассказывает, как случайно наткнулся на фамилию Черкасова и мою; 1-й предназначался для штаба XLI корп[уса], а я на командирование к главн[окомандующему] англ[ийской] армии[1] (от фронта — я и Огородников), а вместо меня Желтухин[2]. К[орпусный] к[омандир], который видел его в роли ком[анди]ра Юрьевского полка, когда он при отступлении бросил 3 батальона своего полка, а сам с рез[ервным] бат[альоном] перешел чрез мост (на котором к[омандир] к[орпуса] оставался еще часа 3) и ушел... словом, в тяжкие минуты бросил свой полк, который был арьергардным. Узнав, к[орпусный] к[омандир] сказал, что если Жел[тухин] будет назначен, он откажется от корпуса, и доложил Брусилову. Тот тоже: «На свой фронт Жел[тухина] принять не могу, а если дадут, уйду с фронта»... в этом роде, но мягче передали в Ставку, и скорый ответ: Жел[тухин] на фронт послан не будет... Правильно: трусость и предательство должны получать свое возмездие и оценку; какие бы ни были данные у офиц[ера] Ген[ерального] штаба, с этими качествами он — нуль. Почему это не применяется к генералу Черемисинову?[3]

---

[1] Хейг Дуглас (Haig Douglas) (1861–1928) — командующий английскими войсками во Франции (с 1915 г.).

[2] По всей вероятности, речь идет о В. А. Желтышеве.

[3] Этот абзац выделен на полях красной волнистой линией и надписью: «Трусость и предательство».

Боевое расписание корпуса
(к 5 февр[аля] 1917 г.)
19-я пех[отная] дивизия

	Бат.	Пулем.	Бомбом.
1. 73 Крымский п[олк] (Тимонов)	3 бат.	8/6[1]	4/2[2]
2. 74-й Ставр[опольский] [полк] (Плахов)	3	8/13	5/1
3. 75-й Севаст[опольский] [полк] (Григорьев)	3	8/11	4/1
4. 76-й Кубан[ский] [полк] (Бек-Бузар[ов])	3	8/14	6
5. 1-й взвод 6-й роты 1-го Чеш[ско]-Словацкого п[олка]			
6. 19-я арт[иллерийская] бригада	6 бат[арей]		35 оруд[ий]
7. 19-й парк[овый] артил[лерийский] дивизион 3-го отдел[ения]			
8. Отдельная инжен[ерная] рота (19-й п[ехотной] див[изии]) 1 рота			
9. Дивизионный обоз			
10. Перевязочный отряд			
11. Дивизион[ный] лазарет (№ 2)			
12. Дезинфекц[ионный] отряд № 26			
13. 20-й Петроградский перед[овой] отряд К[расного]/К[реста]			
14. 5-й санит[арный] транспорт К[расного]/К[реста]			
Итого: 12 бат[альонов], 6 бат[арей], 35 л[егких] ор[удий], 6 тр[аншейных] оруд[ий], 32/44 пул[емета], 19/4 бомбомета, 3 отдел[ения], 1 с[аперная] рота			

[1] В числит[еле] русские, в знам[енателе] австр[ийские.] (*Примеч. А. Е. Снесарева.*)

[2] В числ[ителе] Г. Р., в знам[енателе] Аазена. (*Примеч. А. Е. Снесарева.*)

117-я пех[отная] дивизия[1]

	Бат.	Пул.	Бомб.	Мином.
15. 465-й Уржумский п[олк] (Рогожин)	3	0/12	4	–
16. 466-й Малмыжский п[олк] (Носович)	3	0/12	4	2
17. 467-й Кинбургский п[олк] (Кривдин)	3	0/12	4	2
18. 468 Нарымский п[олк] (Баранов)	3	0/12	4	2
19. 43-я артилл[ерийская] бригада 6 бат[арей] 34 ор[удия]				
20. 43-й парк[овый] арт[иллерийский] дивизион 3 отдел[ения] (только 1 двуколоч[ный] взвод, а 2 — пар[?] 43-й д[ивизии?]				
21. Отдельная инж[енерная] рота 117-й п[ехотной] д[ивизии] (1-я Сиб[ирская] от[дельная] с[аперная] рота)				
22. Дивизионный обоз				
24. Дивизион[ный] лазарет № 1				
25. [Дивизионный лазарет] № 2				
26. Дезинфекц[ионный] отряд № 128				
27. 316-й военно-санитарн[ый] транспорт				
28. 94-й Перед[овой] отряд К[расного]/К[реста]				
29. 42-я летучка 3-го Строител[ьного] отряда				
ИТОГО: 12 бат[альонов], 6 бат[арей], 36 оруд[ий], 0/48 пул[еметов], 16 бомб[ометов], 6 мином[етов], 3 парка, 1 с[аперная] р[ота]				

164-я пех[отная] дивизия

	Бат.	Пулем.	Бомбом.
30. 653-й Перемышльский п[олк] (Богачев)	3	8	2/13*
31. 654-й Рогатинский п[олк] (Галат)	3	8	1/03
32. 655-й Драгомирчанск[ий] п[олк] (Гладкий) (нет)	3	0/0/84**	
33. 656-й Богородчанский п[олк] (Михайлов)	3	0/0/104/	
34. Дивизионный обоз			
35. Дивизионный лазарет			

* В числ[ителе] Г. Р., в знам[енателе] Аазена. (*Примеч. А. Е. Снесарева.*)
** Система Кольта.

[1] К колонке «Бомбометы» направлена линия с надписью «Сист[емы] Г. Р.», к колонке «Минометы» — линия с надписью «Сист[емы] Ф. Р.» .

Части, не входящие в состав дивизий:

Конница

36. 3-й эскадрон Крымского конного полка..... 1
37. 12-я отдел[ьная] Донская каз[ачья] сотня..... 1
38. 35-я особая Донская [казачья сотня]..... 1

Броневые автомобильные части

39. 26-е броневое отделение 1 лег[кое] оруд[ие], 7 пулем[етов] (русс[ких] Максима)

40. 31-е [броневое отделение] 1 [легкое орудие], 7 [пулеметов]

Артиллерия

41. 12-й Морт[ирный] артил[лерийский] дивизион 3 бат[ареи] 11 орудий

42. 12-й Морт[ирный] парк[овый] арт[иллерийский] дивизион.... 2 парка

43. 3-й отдельный осадный арт[иллерийский] дивиз[ион] 2 бат[ареи] 5 оруд. (+3 неисправ[ных])

44. 15 с/м [?] герман[ская] нештатн[ая] батарея....1 [орудие]....(+1 неиспр.)

45. 2-й дивиз[ион] 6-й тяжел[ой] бригады.... 3 бат[ареи]... 10 [орудий] (7 — 6 д[юймов] 120 п[удов] и 3 — 42")

ИТОГО: 9 бат[арей], 2 легк[их] ор[удия], 11 морт[ир], 16 тяж[елых], 3 сотни, 14 пулемет[ов].

Инженерные части

46. 5-й инженерный полк 2 батал[ьона];

47. 2-й понтонный батал[ьон] 1 [батальон];

48. 429-я пеш[ая] Полтавская дружина 1 [батальон] (4 роты);

49. 4-я рота воен[но]-дорожного отряда 1/4 [батальона];

50. 12-е корп[усное] радиотелеграф[ное] отделение.

Мотоциклетные части

51. 32-е мотоциклетное отделение

Корпусное интендантство

52. Корпусный продовольственный транспорт.

53. [Корпусный] расходный магазин № 1.

54. [Корпусный] расходный магазин № 2.

55. Починочная мастерская.
56. Корпусный вещевой склад.
57. Полевые подвижные хлебопекарни № 77, 79 и 119.
58. Корпусный гурт порционного скота.
59. Армейские транспорты: 212, 519, 763, 772 и 1 взвод 239-го.

Санитарные учреждения

60. Корпусный санитарно-гигиенический отряд № 14.
61. Корп[усный] этапно-ветеринарн[ый] лазарет.

Приданные корпусу учреждения

62. Полевое телеграф[ное] отделение № 14.
63. Корпусный контроль.
64. Корпусное казначейство.

Комкору докладываю 2 раза в день — от 11 до 13 и от 17 до 19. Вечером доклад идет среди разговоров. У Комкора хорошая память и целая уйма пережитого и виденного. Говорит он охотно и интересно... В общем 3–4 часа надо считать примененными для доклада.

12 февраля 1917 г., Тысмяница

Сегодня хотел выехать в 7 час[ов], но забыли сказать шоферам, и авто разогрет только в 8 часов... ругаюсь и, ворча, сажусь в авто. Тот же путь, как и раньше. С маленьким заездом к Ник[олаю] Васил[ьевичу] и Симону, и затем к Носовичу. С ним много разговору, проектов, возражений и т. п. Затем мы идем в окопы, осматриваем его третью линию — хорошо сделанную — и затем по долине Быстрицы идем в Ст[арый] Лисец, и потом направо по окопам. Противник лежит в 1200–1500 шаг[ах] от нас, и потому мы спокойно вылазим из-за бруствера и делаем свои наблюдения.

Носович (Анат[олий] Леонид[ович]) не дает мне говорить ни с бат[альонными], ни с ротн[ыми] ком[андира]ми; он весь в деле, все знает и на все дает ответы. У него много живости, энергии и пробы, его приемы (полное нестреляние, отход перед партиями непр[иятельских] разведчиков и затем охват их в клещи, обучение всех пулемет[ному] делу, система распределения рот — обязательно взвод в кулаке

ротного командира...) заслуживают полного внимания, а многие — и подражания... Его лестница, набрасываемая на проволоч[ное] заграждение, как подспорье очень занимательна. Вообще Нос[ович] — человек живой и пытливый, молодой и хорошо подготовленный — прекрасное боевое явление (при его несомненном мужестве) на нашем довольно сером начальническом фоне...[1]

Из 466-го я перехожу в 465-й, встречаю на пути ген[ерала] Иванова, и затем с рот[ным] командиром следую дальше... Мы заходим в ходу в место, где два дня пред этим погибло 2 офицера (ком[андир] 12-й роты Малафеев, млад[ший] оф[ицер] 9-й роты [2]), и смотрим это печальное место: снаряд попал в точку, конечно, случайность, а рядом в 3–4 шагах телефонисты в своей землянке уцелели. Да и там погибло 2 офицера, а 3-й ранен, денщику же, растапливавшему печку, ранило руку... Мы говорим об этом факте спокойно, как о случайности, не более, и мне подробно рисуют картину последних минут погибших... были люди и нет их, остались другие, которые будут продолжать дело. Теперь здесь новый рот[ный] ком[андир], который знакомится с людьми и изучает обстановку; пока фельдфебель еще ему много подсказывает.

Иду далее, захожу к ротному командиру 2-го бат[альона] и пью чай... Бат[альонный] ком[андир] из кавалеристов, Желтухин (поруч[ик], 49 лет), который долго был зем[ским] нач[альни]ком в Вятской губернии и который много мне передает интересного и забавного об этих людях: простые, молятся двум Богам, повинуются, но... горькие пьяницы; пьют особый сорт водки (кумышка) и умирают... накануне свадеб иногда исповедываются: «Пришел к тебе, батюшка, исповедуй — свадьбу буду играть». Чай пьем под разговор, весело и уютно; у окна вьется зелень, кругом приятно. Много суеты вызывает мой приход, но все обходится...

Иду далее, тот же разговор, пока не подхожу к 75-му полку, откуда из 11-й роты меня уводит к рез[ервному]

---

[1] На полях вдоль этого абзаца красная волнистая линия и надпись: «Коман[дир] полка!»

[2] В тексте пропущено место, вероятно, для того, чтобы вставить фамилию позже.

батальону (I) «ротная связь» Данилов. У бат[альонного] к[омандира] вновь пью чай и болтаю, появляется ком[андир] полка, и мы переходим речку, а от разрушенной мельницы едем на лошадях. Ком[андир] полка кучеру: «Ну теперь, брат, гони». Я: «Нет, брат, не гони, а спокойно». Едем по шоссе, влево и вправо воронки от снарядов, полк[овой] адъютант тревожно водит крагом(?), и благополучно подъезжаем к Станиславову...

Вечером долго сидим за ужином и ведем беседу на тему о литературе — новой и больше старой, о новом типе купцов (Пав[ел] Рябушинский «propriété oblige»[1]), о крокодилах и т. п.

13 февраля 1917 г., Тысмяница

День обычный — сбрасывание накопившейся бумаги. Ее очень много, т. к. вчера был на позиции. Много беседуем с комкор[ом]. По поводу гибели 2 офицеров он философствует на тему о судьбе: в книге судеб прописано о каждом из нас, когда ему надо погибнуть. 1) У ген[ерала] Казбека 3 сына, волынцы: 2 в полку и убиты, 3-й в тылу: восстановлю в полку фамилию, и собирается идти; мать в слезы и чрез одну из Государынь [дошло] до Государя. Царь: «Скажите генеральше, что я поберегу ее сына», — и назначил его в автомобильную роту в Петрограде... ехал в Цар[ское] Село, не досмотрел шлагбаум, и снесло ему полчерепа; 2) рота идет под руж[ейным] огнем в атаку, залезает в воронку, и так как крайне тесно, вытирает вне наиболее слабого... Тот с ругательствами ложится в открытую в шагах 5–10 вне... Падает снаряд, попадает в воронку, и все в лепешку, а цел, который был вне... «И если, — заключает комкор, — мне суждено погибнуть от штукатурки, свалившейся с потолка, то она свалится вовремя, и голова моя подставится также вовремя», — закончил Н[иколай] Н[иколаевич] [Казнаков], покуривая трубку и мечтательно повел глазами на потолок[2].

Е. Нагродская — «Сны» (из[дательство] М. И. Семенова, Петрог[рад]), (199 стр.).

---

[1] Propriété oblige — собственность обязывает (*фр.*).

[2] Этот абзац выделен на полях волнистой линией и надписью: «2 случая — от судьбы не уйдешь».

«Сны» (вдова-купчиха с Ваней выдумывают сны) 5
«Сандрильона» (семья де Каскарю, хромая — замуж) 43
«Мальчик из цирка» (Соф[ья] Арк[адьевна?]
любит «мальчика из цирка», артиста... demi-vierge[1],
расстается с женихом 73
«Романтическое приключение» (жених влюбляет[ся]
в разбойника, которого спасает, — невесту теряет) 95
«Невеста Анатоля» (помешанная графиня, такой
становится и ее сиделка, потеряв жениха).....123
«Клуб настоящих» (собрание людей полусумасшедших,
ведущих себя без лжи) 145–199

Обычная манера автора: живо, интересно и без притязаний... Всякие темы удаются...

Земная жизнь моя — звенящий,
Неясный шорох камыша,
Им убаюкан лебедь спящий —
Моя тревожная душа.

М. Лохвицкая.

14 февраля 1917 г., Тысмяница

Содержание на должности командира корпуса в чине Ген[ерал]-Лейтенанта:

Жалование	2472	(206 руб./мес.)
пол[ный] г[енерал]	245 руб.	
Столовые	5700	(475 руб./мес.)
На прислугу	240	(20 руб./мес.)
Полевые порц[ионные]	7300	(600 руб./мес.)
Фуражные	2400	(200 руб./мес.)
На дрова для варки п[ищи]	144	(12 руб./мес.)
[Всего:]	18 256	(1513 руб./мес.)
На дрова для отопк[и]	90 руб.	
На освещение	20	
[Итого]	18 366 руб.	

20 руб./день на 7 лошад[ей]

[1] Полудевственная (*фр.*).

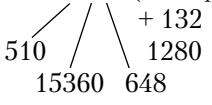
В чине полн[ого] генерала жалование на 468 руб. (39 руб. в м[есяц]) больше, т. е. 18834 рубля.

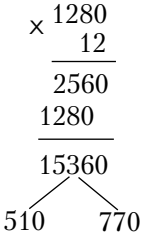
Содержание на должности нач[альни]ка штаба корпуса:

Жалованье .....2014 (167 [руб.]/мес.)
Столовые.....3000 (250 руб./мес.)
На прислугу.....240 (20 руб./мес.)
Полев[ые] порцион[ные] .....3650 (300 руб./мес.)
Суточные дополнит[ельно] ....900 (75 руб./мес.)
Фуражные на 6 лошад[ей] .....2280 (190 руб./мес.)
На дрова (вар[ка][1], от[опление][2])
и освещ[ение][3].....432 (36 руб./мес.)

Итого .....12516 (1038 руб./мес.)
Жена .....1320 (110 руб./мес.)

ВСЕГО:.....13.836 (1148 руб./мес.)





День обычный, полный бумаг... Вечером с 17 часов было заседание; 1-я половина под председательством г[енерала] Невадовского (вопрос об ознакомлении пех[отных] офицеров с артиллерией) и комкор (о средствах борьбы с тэнками[4])... Вопросы интересные, и говорили немало (больше старшие), но все-таки вопросы, трудные для решения: или нет времени (1-й), или слишком малые и общие исходные данные... Много крику, который

[1] 12 руб. 50.коп.
[2] 19 руб. 37 коп.
[3] 4 руб. 4 коп.
[4] Танками.

зря создает много нервозу... Кончили около 20 ч[асов] 30 м[инут]; в комнате моей много дыму, пришлось долго держать открытыми окна... За ужином говорим о «Ремесле Сатаны» Бр[ешко]-Брешковского... Торгующий модными настроениями «писатель»... Вечером прибыл из 253-го Перек[опского] полка вестник; В. В. Лих[ачев] пишет мне теплое письмо с 4-стишием:

«Разорили гнездо нам Орлиное,
И орла-то от нас унесли,
И оставили нас сиротиною
От героя родного вдали!...»

Письмо, (хотя и есть в конце просьба, но за другого... это большая разница) написано от сердца:

«Ваше Пр[евосходительст]во, дорогой Анд[рей] Евгеньевич!

... Пишу Вам эти строки, и не верится мне, что Вас уже нет среди нас, что Вы, дорогой, родной наш герой, где-то там далеко-далеко. Так и кажется, что загудит телефонная трубка и услышу знакомый, ласковый голос: „Здрав[ствуй]-те, В[асилий] В[асильеви]ч, а чем Вы сегодня кормили людей, а что у Вас на фронте“ и т. д. Давно ли все это было? Давно ли ходили мы с Вами по „аллее любви“ на „Орлином гнезде“ и пили „в два счета“ чай у Андрея Агапитовича [Гавриленко]? Так и кажется, что это было только вчера и что завтра снова Вы придете к нам, и мы снова будем любоваться красотою Лесистых Карпат. К сожалению, к великому сожалению и огорчению, все это только кажется, а на самом деле: (Стихи)...[1]

Теперь вот старички перекопцы соберемся и начинаем вспоминать дорогое прошлое. Пройдут не только месяцы, но и годы, а бои в Лесист[ых] Карпатах не забудутся никогда. И долго, долго будут еще говорить о бое 15 ноября, когда сам начальник дивизии ходил в атаку и под огнем помогал людям вылазить из окопов. Да, В[аше] Пр[евосходительст]-во, такие дни никогда не изгладятся из памяти».

[1] На полях вдоль этого абзаца красная черта и знак NB. От слова «стихи» проведена красная стрелка к четверостишью.

15 февраля 1917 г., Тысмяница

Читаю Егора Егорова (3-й сборник) и страшно хохочу... это ближе к фарсу, но очень порою забавно. День, как и всегда — штабной. С корп[усным] инженером все никак не договоримся...

Предо мною «Сводка отчетов по цензуре в частях 7-й армии за период с 15 января по 15 февраля 1917 г.» Выводы:

№ 1 — общее настроение — это примирение с необходимостью вести борьбу до решительной победы... И тут разница: фронт верит, а тыл ноет, и больше о мире. Примеры: 1) о том, что после войны со мною будет, я перестал думать; одно в голове, как бы побольше убить немцев и австрийцев; 2) Грязовецкого полка уч[ебной] ком[анды] Журавлев: «Нам живется хорошо, и в будущем верим в скорое разгромление противников и возвращение на родину»; 3) ряд[овой] Ароненко: «Я в надежде, что мы врага побьем»; 4) Оренбург[ского] каз[ачьего] полка под[ъесаул] Ф. Иванов: «Желаем победить немцев; когда победим, тогда вернемся домой, а раньше не желаем. Желаем воевать до победы»... и т. д. Таков фронт, но 5) охранной команды 22-го корп[уса] Н. Надаев: «Все ждем мира, но, кажется, вряд ли осуществится эта заветная мечта»; 6) Интенд[антского] управления 16-го корпуса «Василий»: «Не могу тебе уже описать, как уже надоела несчастная война. Наверное, вам еще хуже надоело»; 7) 107-го дорожн[ого] отряда Обертинский: «На скорый мир здесь никакой надежды нет»...

№ 2 — вооружением, количеством снарядов и действиями артиллерии вполне довольны... не как раньше;

№ 4 — внутр[енняя] жизнь рассматривается осторожно. Хлебно-продовол[ьственная] разверстка встречена недоверчиво;

№ 6 — разглашаются тайны, но, по-вид[имому], н[ижние] ч[ины] не отдают себе отчета в преступности подобных сообщений;

№ 7 — одеждой довольны. На пищу встречаются кислоты только в тылу;

№ 8 — к боевому начальству отношение хорошее;

№ 10 — пьянство попадается...;

№ 11 — много жалоб на медленность почты и неаккуратность получения посылок;

№ 12 — говорят о взяточничестве (освобож[дение] от в[оенной] службы);

№ 13 — из Франции шлются порнограф[ические] картинки...[1]

16 февраля 1917 г., Тысмяница

Сегодня обошел окончательно позицию всего корпуса. Начал с 1-го бат[альона] (правого) 74-го п[олка] и прошел весь 73-й. На пути перешел 2 линии жел[езной] дороги: Станис[лавов] — Калуш и Станисл[авов] — Галич. Окопы наши лежат очень близко от окопов противника, до 150 шагов. (Конечно, говорят по обыкновению страшнее... 70–80). Ходить, во всяком случае, надо осторожно, т. к. малая задержка... и вы будете взяты «на мушку». При мне минут за 5 до моего прохода ранило одного, который, производя работу, несколько закопался: он сильно побледнел (больше от испугу, вероятно) и жалобно стонал; страшна не рана, а та грязь, которой он весь облеплен. Бат[альонные] командиры — очень интересные люди. Например, кап[итан] Мельников, командир 1-го бат[альона] 73-го п[олка]: худенький, черненький небольшой человек, живой и искренний; кавалер всех орденов, которые он мог получить плюс Геор[гий], Геор[гиевское] оруж[ие] и Британ[ский] в[оенный] Крест.

Он ясен, как ключевая вода, и говорит то, что думает и что переживает: счастливая доля людей мужественных, живущих в военной обстановке. Ранен был 3–4 раза, отняли правую руку и он, в противоположность Семенову, и не думает об этом: да и нужно ли человеку две руки. Он, по его словам, и в первые минуты не предавался горю, и когда доктора пробовали спасти руку, он им советовал оставить попытки: «Я уже чувствовал, что рука гниет...» Мы с ним делимся впечатлениями, говорим свободно и легко, словно знакомы сто лет[2].

---

[1] Вдоль абзаца линия и надпись: «Фронт и тыл в вопросе о войне».

[2] Абзац выделен на полях линией и знаками NB NB.

Командир 2-го б[атальона] 73-го — кап[итан] Осипов, розовый и плотный; только что похоронил жену, о чем сказал с едва заметной запинкой: «Поспешил в окопы, т. к. получил бат[альо]н на закон[ном] основании... — знаем эти закон[ны]е основания, — конечно, все еще щемит, да не до этого». Тип исполнительный, живой, человек с хорошими нервами, но психологически сырой, простой, без тонких складок...

Ком[андир] I [батальона] 73-го[1] — подп[олковник] Талматский, геор[гиевский] кавалер. Трудолюбивый, хлопотун, формалист и исполнительно — строг, исп[олнительно] — настойчив. Я у него обедаю и пью чай. Он страшно много говорит, спеша высыпать пережитые наблюдения, опыты и выработанные приемы. Некоторые из таковых ужасно совпадают с моими.

Вот его наиболее интересные идеи: 1) венцом налаженной дисциплины и порядка в части будут малые потери (как, например, в его I [батальоне] 73-го: хорошо и дружно идут в атаку, а значит, нервируют врага; окопы — лучше, значит, люди сохраннее; для грабежа, бродяжничества и т. п. не отстанут, значит, роты полные и сжитые; зря из колодцев не пьют, с..ут, где нужно — санитар[ное] состояние лучше; сторож[евые] и охранител[ьные] службы — точны и надежны, значит, другие спокойно отдыхают и нагуливают здоровье и т. п.; 2) много беседует с офиц[ера]ми, унт[ер]-офиц[ерами], отделенными, заместит[елями] отделенных: разговор — дело большое, он учит и настраивает человека; дисциплина прививает исполнительность и точность, а воспитывает больше добрый внушительный разговор; 3) главное — систематическая проверка приказанного; 4) офицер — личный пример прежде всего: в мужестве, дисциплинированности и в настроении[2].

Все это меня страшно интересует. Боевой философ (очень довольный всеми своими офицерами и ун[тер]-офицерами) провожает меня до гор, откуда я долго рассматри-

[1] Первого батальона 73-го Крымского пехотного полка.

[2] Вдоль этого абзаца линии и надписи: «Огн[евая] такт[ика]. Мысли боевого бат[альонного] ком[анди]ра».

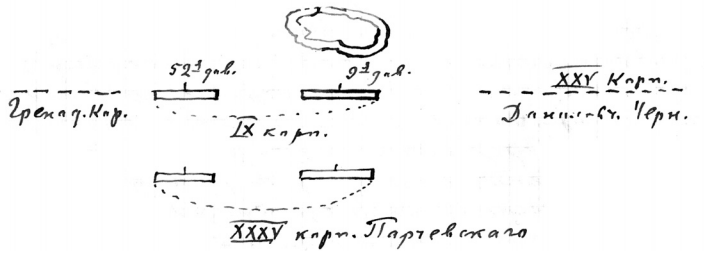
ваю покинутые мною позиции, при тишине кругом и тихом спаде солнца, затем пью чай у ком[андира] полка, откуда через штаб 19-й див[изии] возвращаюсь к себе[1].

(Он же говорит: офицеров надо тормошить; окопная жизнь затягивает человека в сон, дремоту, прививает валянье на кровати... Кроме боевых момент[ов] жизнь скучна, без горизонта, без освежений, без женщины, в коридорах).

17 февраля 1917 г., Тысмяница

Обычный штабной день. Комкор рассказывает о причине ухода Шатилова (комкор 34) и Российского (начдив 56). Одоевский полк (223-й, полк[овник] Крамаренко) не захотел больше сидеть в окопах и просил смены. Его сменили. Полк пошел дальше: он не захотел идти на позицию, когда пришла очередь. Начальство растерялось и заерзало. Брусилов (и правильно) прогнал комкор[а] и начдив[а], назначив Скоропадского и Потапова. Был суд, по которому кое-кого расстреляли... и полк сел в окопы. Брусил[ов] был недоволен назначением суда: надо бы зачинщиков сразу. Интересно бы узнать, как и почему создалось развращение 223-го полка? Бригадный — князь Макаев — «окопный генерал»; ходить-то он ходил, да видеть-то он ничего не видел[2].

Комкор рассказывает, как пример такт[ического] невежества или нескладицы на Зап[адном] фронте.



[1] Этот абзац выделен на полях синей линией и надписью: «Ог[невая] т[актика».

[2] Этот абзац выделен на полях волнистой линией и надписью: «Бунт полка».

Задача: IX корпусу прорвать фронт, XXXV — развить действия IX, а гренад[ерскому] и XXV — обеспечивать операцию. Технически операция намечена так: 9-я дивизия — овладевает высотой, 52-я — помогает обходом, слева, XXXV следует непосредственно соседа — идут вперед, чтобы быть на уровне с передними. Управлял всем Абрам Драгомиров. Как вышло: 9-я взяла и вырвалась вперед, 52-я не пошла, XXXV — разорвался... и не пошел, XXV — подвигался вяло, гренад[ерский] — стоял на месте. Германцы подтянулись, охватили 9-ю совсюду, и она, все потеряв, спасла лишь жалкие куски... Задумано, м[ожет] быть, неплохо (если вообще Абрам что-либо может придумать приличное), но исполнение — ужасно: нет воен[ного] воспитания...[1]

18 февраля 1917 г., Тысмяница

День обычный, штабной. Написал женке письмо. Комкор выехал на позиции в Станиславов осматривать набл[юдательные] пункты и позиции батарей Станиславской тяжелой подгруппы. Пользуюсь случаем и иду гулять по шоссе на Стан[иславов], иду далеко, версты за 2, рассматриваю все в бинокль и возвращаюсь... Навстречу Ф[едор] Кон[стантинович?] летит с женой в Ст[аниславов]... отпрашивается... Вечером приезжает комкор и свои впечатления излагает в Приказе.

19 февраля 1917 г., Тысм[яница]

День обычный. После обеда, приняв доклады, выезжаю на автомобиле в Тлумач, чтобы установить с началь[ник]ом почт[овой] конторы modus по отправке и приему корреспонденции. Он — чиновник, прослуживший 36 лет (с 15 лет) и дошедший в мирное время до 85 руб. содержания; теперь он получает до 400 [руб.] и безмерно доволен милостью Государя. Я у него пью чай, отчего он в восторге и не знает, где меня посадить. Усердию его нет конца, он привязан к корпусу и готов все сделать: «Они там пред смертью ходят,

[1] Этот абзац выделен на полях синей волнистой линией и надписью: «Недочеты воен[ного] воспитания».

мы еще больше должны для них стараться», — его искренний и красивый девиз. Мы с ним вырабатываем некот[орые] нормы, которые послужат для создания инструкции. Казначей, по-видимому, аристократ, который «подчинен только комкору»... Взад и вперед еду на автомобиле, порою смотрю на карту и сближаю с нею местность; очень холодно, и я укрываю лицо от встречного ледяного ветра.

Все эти чинуши — скромные, тихие, трудолюбивые и забитые — очень почтенные люди на нашей болтливой и звучной ниве; они несут страшный труд, но несут его безропотно и честно. А что за это получают? Крохи со стола. Иногда случается, что они и рискуют, о чем они передают тоном приподнятым, горделивым и не лишенным наивности. Как, например, он командовал 4 стражниками! Как прикрывался от пуль телегой![1]

По приезде застаю у себя комкора, который прочитал массу бумаг и, очевидно, ждал меня. Делюсь впечатлениями и иду с ним ужинать.

20 февраля 1917 г., Тыс[мяница]

Сегодня встал в 7 часов. От женки получил грустное письмо (от 13 февраля). Что с нею, не могу понять, но вероятно, новый припадок обычного страдания, свойственного всем любящим женам, а моей в особенности. Но чем это вызван новый прилив? Пишу ответ и затрудняюсь, какой взять тон: эта болезнь требует особого подхода. Когда задумаешься даже над таким браком, как наш, склонен бываешь думать, что это учреждение искусственное, часто чреватое горем и подсказанное только несовершенствованиями (узким эгоизмом, дрянностью, неблагородством и отсутствием сострадательности) человеческой натуры...

Про князя Бегильдеева слышу много странного: с одной стороны, полная пассивность и растерянность (случай с австр[ийским] бат[альоном], который был атакован 10-й кав[алерийской] див[изией] и разбит, а затем разбита его же кав[алерийская] бригада, а князь... стоял и послал в

[1] Этот абзац выделен на полях синей линией и надписью: «Скромные люди».

цепь...), а с другой: 1) битье по морде офицеров (найдены у н[ижних] чин[ов] разрыв[ные] пули); 2) избиение палкой до смерти солдата, разбиравшего забор... Совпадение, которое я уже давно наблюдал. Таков ком[андир] 46-го п[олка]...[1], таков — Александр Ивашина, таков, вероятно, Колумбов, т. е. люди злые и жестокие — люди не боевые, не храбрые. Люди боевые — мягки, добры и сострадательны... Красивая игра природы. Таковы Ханжин, Лихачев, Соллогуб, Чунихин, Черемухин[2].

Состав 133-го Симф[еропольского] полка (к янв[арю] 1917 г.)

1 батал[ьон]
Командир батал[ьона] — подполк[овник] Бревнов
1 р[оты] .....шт[абс]-кап[итан] Дементьев
2-й роты.....[штабс-капитан] Мамайлов
3 [-й роты] .....[штабс-капитан] Писанский
4 [-й роты] .....?
2-й бат[альон] — .....подп[олковник] Волнянский
5 [-й роты] .....[штабс-капитан] Данилов
6 [-й роты] .....[штабс-капитан] Кременчуцкий
7 [-й роты] .....?
8 [-й роты] .....[штабс-капитан] Перонко
3-й бат[альон] — .....подп[олковник] Колумбов
9 [-й роты] .....[штабс-капитан] Ник[олай] Петр[ович] [Кондаков]
10 [-й роты].....[штабс-капитан] Юкин
11 [-й роты].....[штабс-капитан] Медин
12 [-й роты].....[штабс-капитан] Черемухин
4-й бат[альон] — подп[олковник] Шепилов
13 [-й роты].....[штабс-капитан] Гостев
14 [-й роты].....[штабс-капитан] Краснокуцкий
15 [-й роты].....[штабс-капитан] Тарантаев
16 [-й роты].....[штабс-капитан] Сергеев

[1] В тексте дневника пропущено место для того, чтобы позже поставить фамилию командира полка.

[2] Этот абзац выделен на полях подчеркнутой надписью: «Люди злые и жестокие — люди не храбрые».

21 февраля 1917 г., Тысмяница

Сегодня встал в 7 час[ов] и много успел сделать. К моменту доклада прибыл Щедрин (Конст[антин] Федор[ович]), у которого есть закваска лично докладывать комкору. Этот еще находится под его влиянием, но 1) сказал о пристрастии его к Савчинскому и 2) сегодня «живой, но сначала доложит, потом проверит» (ошибка на 1/милл[ион] патр[онов]).

[...]

Егор Егоров. Третий сборник (Армейские рассказы, очерки и шаржи), 1915 г.

1. Мухи (марля для виду...) 1
2. Любительский спектакль 8
3. Сквернословие 23
4. Perpetuum mobile (ряд начальников) 27
5. Вициум кардис (требов. “ “) 32
6. Прогрессивное обучение 37
7. Поросячьи деньги 43
8. Из повседневного 47
9. Экзамен по гигиене 52
10. Собачий бульон 57
11. Портретная галерея 62
12. Мобилизационная комиссия 68
13. Сектанты 72
14. Конское переименование 79
15. Казарменная идиллия 83
16. Устав уставов 88
17. Единая доктрина 95
18. Шведиш-Торнау 101
19. Командирши 116
20. В гостях у полк[овника] Скалозуба 126
21. На госпитальной койке 132
22. Максимум и minimum 155
23. Долг чести 163
24. Колесо жизни 174
25. Генерал Аким Аким[ович] Настоящев 196
26. Наклонная плоскость ..... 227–240.

Обычная живость, наблюдательность и юмор, но слишком много поучительства (наставительности) и опасная склонность к шаржу, м[ожет] б[ыть], и сознательному.

Лучшие: 1, 3, 6, 9, 11, 12, 13, 18, 22, 24, 26.

22 февраля 1917 г., Тысмяница

Встал сегодня в 7 часов и уйму уже успел сделать. В «Арм[ейском] Вестнике» в № 460 (от 15 февр[аля] «Среди них» В. Днепровского) и 461 (от 16 февраля «По лобному месту» В. Дн[епровского])... Ив[ан] Данилов[ич] Швец-Шевченко описал мое посещение с ним окопов Кинбур[нского] и половины Малмыжского [полков]. Манера уже достаточно зрелая, местами только видна шероховатость или куцость, но теплоты много, и есть красивые надумки... Я описан лестными штрихами (не стоят ли мне эти краски 60 рублей?), и теперь №№ читаются нарасхват.

Вчерашний еврейский вопрос навел меня на новые мысли. Ив[ан] Ник[олаевич] говорит, что докторская профессия в Москве за 2–3 последние года вся забрана жидами... Не в том ли коренится радикализм Москвы? Врачи — жиды, присяж[ные] повер[енные] — жиды, газетчики — все жиды, из купцов — многие жиды; словом, свободная, т. е. говорящая, пишущая и делающая «общественное мнение» группа — жидовская, а отсюда и Москва становится жидовской... полевение и космополитизм — понятны.

[...] А что говорит вчерашний пленный, фендрих [прапорщик] 52-го (36-й австр[ийской] див[изии]) о жидах в австр[ийской] армии, об их трусости, финансов[ом] засильи, наговорах, издевательстве! Австрия давно погибла бы, прослоенная жидами и гнилая во всем своем тыле, если бы не Германия...[1]

23 февраля 1917 г., Тысм[яница]

Сегодня выехал в 9(–¼) в Станиславов в 76-й Куб[анский] полк для экзамена прапорщиков, кончивших повторительный курс при дивизии. Их 5 чел[овек] (вместо 8): Медяников, Сериков (недавно возвратив[шийся] после ранения, отвечает слабо, в бою молодец), Дренясов (очень живой, хочет в бой), Ильинский и Корвин-Пиотровский (очень красивый). Натерты в деталях окоп[ной] тактики,

[1] Вдоль этого и предыдущего абзацев на полях синим карандашом линия и надпись: «Еврейский вопрос. Жидовская Москва и ее радикализм».

но: 1) артиллерию не понимают; 2) ротн[ого] хозяйства также и 3) мало проложено духовного элемента. Мы долго и много беседуем, затрагивая и развивая разные темы. Но души, светящиеся сквозь окна молодых глаз, но веселость и оживление, но неугомонные надежды и готовность на подвиг... это лучшее, что наблюдаешь в них.

Потом иду к ком[андиру] полка (Бек-Бузарову) и обедаем. Идут рассказы один другого занимательнее: 1) Бахалина, ком[анди]ра 1-й роты, дикого в смелости и неукротимого в наступлении. «Эта батарея будет моя... или я умру». Раненый, он не хочет уходить и лечится походя, заворачивая в роту... уйдет с ротой, исчезнет и вновь является... В тыл надо гнать, выдумывают командировку в Одессу (рекорд); 2) Жарковский — «ладно», гражд[анский] человек, не знает сначала, как идти в атаку. Бат[альонный] ком[андир]: «Перекреститесь и вперед»... Он: «Шапки долой, перекрестись, братцы...» и сам: «А теперь с Богом, ура...» Во время атаки его оглушает, и он в обморок; млад[ший] офицер подбегает, чтобы помочь. Придя в себя: «Ты что делаешь... с ротой вперед»; 3) младш[ий] его офицер, сифилитик и Георг[иевский] кавалер... ищет смерти умышленно...[1]

24 и 25 февраля 1917 г., Тысмян[ица]

24-го ездил в Радчу, где мне собирали прапорщиков, прослушавших повторительный курс в 117-й дивизии. Я доезжаю до Чернеюва по пути, а оттуда с начальник[ом] дивиз[ии] Симоном (Ант[он] Петр[ович]) на санках через Чекалювку еду в Радчу. Нас конвоируют офицер и люди конной команды, наши лошади горячатся и пробуют нести. Симон — очень умный, с характером и тактически довольно набитый человек; его беседа умна, интересна и звучит определенным, внутренне или внешне мотивированным тоном. Он — католик, офицер 1881 года выпуска Конст[антиновского] училища, Варш[авской] гвардии. По службе несколько отстает. Говорил про нач[альника] училища Шмитта, покончившего [с] собою (или из-за любви, или

[1] Вдоль абзаца на полях красная черта и надпись: «Эпизоды и люди».

из-за служебных неудач), про своего бригад[ного] Иванова, про Воробьева, не имеющего боевых наград... сам имеет все до Влад[имира] II, но не Георгия.

Прибыли в халупу, и началось собеседование. Эта школа явно сильнее вчерашней, особенно в сведениях по артиллерии и в знании ротного хозяйства. Как и там, формулировка нетвердая, торопливое сползание на частные случаи, путаница крупного с малым, отсутствие нравственной подоплеки. Симон вставляет свои вопросы и с толком, хотя касается порою только частностей (исполняются ли его указания). Вообще нач[альник] дивизии, входящий в дело, следящий за ходом и запоминающий, т. е. знающий. Закусываем с припивкой чая.

Назад едем чрез Марковце (недалеко церковь с ее кивками из прошлого), с нее поворачиваем на Хомякув хорошо сделанной дорогой. Санный, хороший путь, умеренно свежо, бело кругом, и умный хороший рассказ... Своеобразное доброе впечатление; часть слушаешь, часть пропускаешь, предаваясь своим думам. Хомякув разорен, но старая церковь по-прежнему красива, укрытая рощей высоких деревьев; влево на теперь снежной поляне одиноко стоит какое-то молодое деревцо. Школы, штаб, избы возле разрушены и имеют жалкий вид; кому они нужны, кто их разрушил? На том месте, где я когда-то уже в сумерки перебродил через Быст[рицу] Надворную, теперь построен мост с ½ версты длиною. Все прошлое промелькнуло мимо, коротким ожогом, как выпуклое, хотя прошло уже более полгода; немного для мирного времени, но для военного — целая пропасть времени. И как почувствовалось? Никак. Немного грустно, но и хорошо... Прошло, ну и прошло, как проходит все в жизни, сваливаясь в ту пустоту, которую люди зовут прошлым. «О прошлом не храни больного сожаления...».

Симон переходит на описание своих делопроизводителя и священника, из Союза Рус[ского] Нар[ода], которые занимались сыском и доносами... Мож[ет] быть, в нем немножко говорит и поляк. В Чернеюве меня ждет автомобиль, и я в минут 20 доезжаю до себя... Доклад корп[усному] ком[анди]ру, а затем целое бумажное наводнение + разговор с гидротехником.

25 февраля обычный штабной день, начатый спором с кор[пусным] инж[енером]. Он готов со всеми поссориться. В 3 часа еду в баню и наслаждаюсь ею. Г[енерал] Нечволодов подарил мне 4 тома своих «Сказаний о Русской земле», и я, как только улучу минуту, разрезываю страницы и любуюсь гравюрами, прочитывая то те, то другие места. Это не история, это — сказания: национально-русский перепев своей истории с ее религией, чудесами и т. д., по программе Пимона, без прагматизма. Много исторических неточностей, но национ[альные] и художественные правды соблюдены, а они, может быть, выше всяких других.

26 февраля 1917 г., Тысмян[ица]

Поднялся с головной болью, от бани ли или от печки, не знаю. Успеваю женушке написать письмо; лиризм только в начале, а потом много фактов. Доклад, а затем выезжаем в Слободку на праздник рождения 656-го Богородчанского полка. Молимся Богу, потом н[ижние] чины прикладывают[ся] к кресту и Евангелию, а потом церемониал. Потом обедаем в отдельном охотн[ичьем] доме. Обед идет тепло, добрый и простой тон задает комкор, который много говорит, дополняет многие речи и все это делает от сердца, житейски-умно и без доктринерства. Создается хорошее приподнятое настроение, судя по сверкающим глазам и страшному гулу от дружного «ура». Были все командиры полков: Богачев (Алек[сей] Ив[анович]) 653-й Перемыш[льский] — умный, хитрый и говорливый чел[овек], Галат (Алек[сандр] Тимоф[еевич]) 654-й Рогат[инский] — флегмат[ичный] и хитрый хохол, Гладкий (...) — 655-й Драг[омирчанский] — толстый и добродушный; команд[ир] 656-го Богородч[анского] — полк[овник] Михайлов — жизненный, ловкий, мож[ет] быть, храбрый, хлебосольный (служил на Кавказе). Некот[орые] темы комкор[а] я нахожу своими (раньше он говорил идеи Щедр[ина]), что едва ли удивительно: память у него хорошая, доброе он воспринимает живо, а затем, забыв источник, передает, как свое... Загулялись до 19 часов...

Приехал и вечером парад докладчиков... до 22 час[ов], когда и лег. В постели я думал об этих многих парах глаз и

о живых, освещенных восторгом лицах, о всех этих morituri, которые слишком высоки и подняты настроением и чувством величия задач, чтобы думать о горестях земли и о смерти. И когда ночью они встают пред моими глазами, я вижу всех их не в форме мрачных теней, хотя тень смерти висит над каждым из них, не в саванах, не грустными со слезами на глазах, а веселыми, лучезарными, с усмешкой на молодых лицах и с очами, полными восторга и надежд... они стоят у моего изголовья и в темноте ночи шлют мне радостную улыбку...[1]

27 февраля 1917 г., Тысмяница

День обычный. Умудряюсь погулять с полчаса, но грязно, меня пачкают летящие мимо автомобили, и я прячусь домой. А тепло, солнце светит, и в воздухе чувствуется весна, хотя еще с легкими прокладками зимы. Приходит рота 8-го с[ловацко]-чешского полка, и я разговариваю с офицерами. Ротн[ые] командиры — русские и чехи, ком[анди]ры полков и бригадный — русские, ниже все чехи. Большинство — из пленных, офиц[еры]-чехи из живших уже давно в России. Не видны, одеты по-нашему, но заметна отчетливость мысли и исполнительность. Чувствуется идея. Завтра посмотрю остающуюся у меня 2-ю полуроту[2].

Вечером поднимается оживленный разговор. На темы о влиянии на опер[ативный] план учетов из-за народного настроения (план Мольтке), осуждение Японской войны, якобы непопулярной (post factum)[3], возможность нестреляния по бунтарям и т. п. Мы с комкор[ом] бьем в одну точку, я — с одного, он — с другого боку. Одновременно нам приходит в голову, что Г[осударственная] Дума память Алексеенко, действительно хорошего и трудолюбивого человека, почтила бездельем, бросив крупное и неотложное дело, каковы все теперь. У нас: у ген[ерала] Лопухина убивают единственного сына, он ежится, крестится, а затем говорит:

---

[1] Вдоль абзаца на полях волнистая линия и надпись: «Morituri» [идущие на смерть (*лат.*)].

[2] На полях этого абзаца надпись: «Чехи».

[3] После сделанного; после того, как что-либо уже произошло; задним числом (*лат.*).

«Помолимся и погорюем потом, а теперь надо продолжать дело». Порадуется ли хороший Алексеенко, узнав, что его память (труд[олюбивого] человека) почтена безделием в роковые минуты жизни государства[1].

А у нас Лопухин теряет в бою единств[енного] сына, крестится и говорит: «Погорюем и помолимся потом, а теперь будем продолжать наше дело», — есть, значит, вера в свое великое дело, и оно не опозорит память почившего[2].

28 февраля 1917 г., Тысм[яница]

Я читаю Выс[очайшие] приказы, и в таковом от 27 января 1917 г. (дан в Царском Селе) я натыкаюсь на святые, кровавые и яркие страницы 50 и 51 — 8 георг[иевских] кавалеров, запечатлевших подвиг кровью... Вот они и последние строки о смерти:

20-го Галицкого подп. Иоакиму Беляеву... Во время этого боя был убит, смертью своею запечатлев содеянный им подвиг.

167-го Острожского Иннокентию Завадовскому... На бруствере второй линии был поднят немцами на штыки, геройской смертью запечатлев свой подвиг.

207-го Новобаязетского п[олка] Михаилу Закутовскому... Во время этой атаки пал смертью героя, запечатлев кровью свой подвиг.

Прапорщикам:

17-го Архангелогородского В[еликого] К[нязя] Влад[имира] Ал[ександровича] Мирону Опанащуку. Во время атаки п[рапорщик] Оп[анащук] был убит, запечатлев смертью свой выдающейся по геройству и самоотвержению подвиг.

35-го Брянского ген[ерал]-ад[ъютанта] князя Горчакова, Василий Павленко... но в эту минуту был убит вражьей пулей, смертью героя запечатлев свой подвиг.

165-го Луцкого Николай Сахаров... Во время этого боя был смертельно ранен и скоро скончался, запечатлев смертью свою службу Родине.

---

[1] Вдоль этого абзаца надпись: «Споры». Ниже надпись: «Алексеенко».

[2] Эта запись сделана после перерыва.

167-го Острожского Моисей Долинин... сам пал в неравном бою смертью храбрых, запечатлев своей кровью содеянный им выдающийся подвиг.

121-го п[ехотного] Пензенского ген[ерал]-фельд[маршала] графа Милютина Николай Рыбчинский... при резке проволочных заграждений был убит, запечатлев смертью свой геройский подвиг[1].

Найдешь ли другие две страницы, на которых бы сказано было так много... и так просто, почти одними и теми же словами! Поистине кровавые и великие страницы! Но от них не страшно и не грустно. «Не рыдай так безумно над ним»... Наоборот, от них веет надеждами, порывами духа и светлыми горизонтами Будущего![2]

Вчера посетил чешскую роту, и они пропели мне несколько песен. Нет голосов, нет совершенно теноров и басов. Песни хороши, особенно одна сербская. Воодушевления особенного нет; больше неволи, чем доброй воли. Типа чешского нет, все разные. По расск[азу] рот[ного] командира, свободу потеряли в 1620 г., а теперь воюют если и не для освобождения Чехии, то хотя [бы] по чувству общеславянского долга; чтобы не было упрека, что не приняли участия в великом моменте. Много Европы, сдержанность, отдельные смотрят исподлобья. Комик-мимист показывал смех и слезы: ловко и выдержанно. Почти все холостые, приняли православие. Религиозная идея как орудие политики понимается ясно, и религия ближе к политике, чем к молитве; оттуда быстрая перемена религии.

1 марта 1917 г., Тысмяница

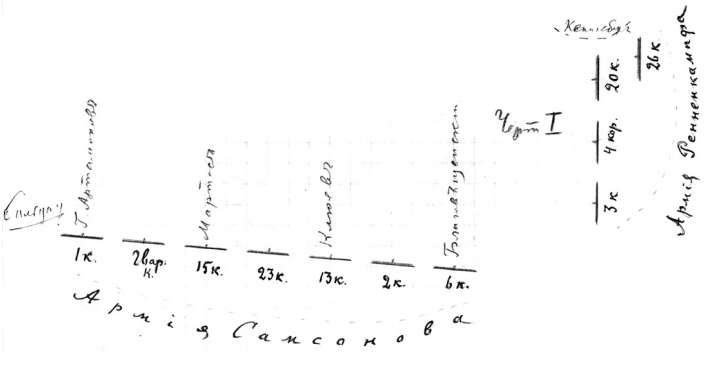
Написал женке письмо. Среди споров выясняются интересные подробности, особенно силен Иван Никол[аевич] Быковский. 1) Он, напр[имер], говорит, что председ[атель] Головин (кадет) был первый из членов, взявший концессию... об этом слышу в первый раз, — скрыто умело; 2) у членов Госуд[арственной] Думы, а в частности у Шингарева,

[1] Со слов «20-го Галицкого» до конца списка на полях красная линия и надпись: «Святые и кровавые страницы».

[2] Этот абзац выделен на полях красной волнистой линией.

нет ни книг, ни источников... «Где же находишь справки?» «Да разве не знаешь? Все пишут чиновники для правых, левых, средних... по трафарету, который предложат... Вот тебе и обстоятельность Шингарева, купленная у либерального чиновника... Есть целые группы профессоров (больше юристы и политико-экономы), которые заготовляют материал для речей, 3) я рассказал про Синадано[?][1].

Корпус[ный] командир обстоятельно знает Сольдаускую катастрофу. Насколько можно понять, она состояла в следующем. Исходное положение было к началу августа, как показано. Задача: Рен[ненкампф]у подвигаться на запад, на Кенигсберг оставить заслон, а Самсонову прорвать Пруссию с юга, затем по соединении идти до линии Вислы, где закрепиться, и оставив небольшие силы, броситься на юг...[2]



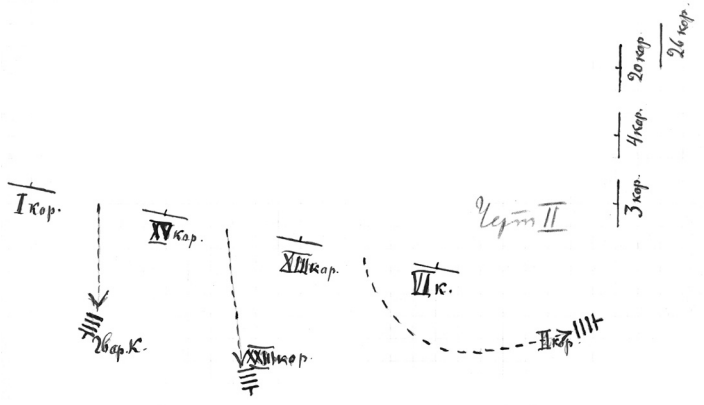
Черт[еж] I

Но уже с самого начала в плане произошли резкие изменения. «Храбрый» Ренненкампф заныл, что у него мало корпусов, и что он не чувствует себя обеспеченным; ему

[1] Вдоль этого абзаца на полях линия и надпись: «Народные представители».

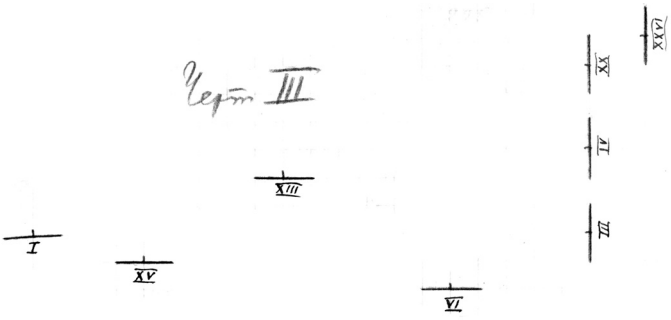
[2] К карандашной записи «Кенигсберг» направлена стрелка с надписью: «Смотри стр. 639». Эта страница относится к пропавшей тетради дневника А. Е. Снесарева (стр. 447–739). Далее на полях до записи 2 марта надпись: «Сольдауская операция».

послали 2-й кор[пус]. 23-й корпус еще не был вполне мобилизирован, и Самс[онов] хлопотал, чтобы он мобилизовался поблизости, но корпус был потребован в Белосток, к месту своей мобилизации по расписанию.



Черт[еж] II

И, наконец, поднята была мысль, что Варшаву нельзя оставлять без прикрытия, и туда оттянули гвар[дейский] корпус: бригаду в Варшаву, а остальные части возле. 1) Между двумя армиями с места получился разрыв, т. к. Ренненк[ампф], боясь диверсии герман[ского] флота, прикрыл себя справа XXVI корпусом (Гернгросса), II корпус пока болтался на походе; 2) между оставшимися 4-мя корпусами Самсонова остались пространства по 60–80 верст, и корпуса шли без связи и равнения. Жилинский (Орановский) указал на эту опасность, на что Самсонов дал ответ, что он выравняет на марше. И действительно, по-видимому, отдал распоряжения, но в результате какого-то из них Благовещенский (VI кор[пус]) стал отрываться еще более вправо. Самсонову сказали, он ответил: Благовещ[енский] меня не понял, и я ему отдам дополнительные распоряжения... При таком исковерканном старом плане и импровизированном новом развертывании началась операция. Ход ее был следующий:



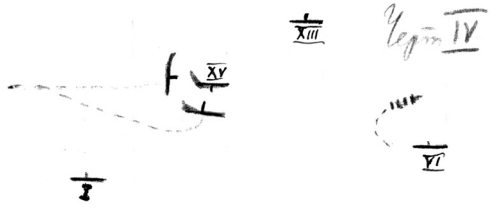
Черт[еж] III

Приказано было во исполнение плана наступать. Клюев (XIII) пошел вперед, оторвался и завладел г[ородом] [1]. Мартос (XV) подвигался осторожно и отстал от Клюева и по фронту, и в глубину. Благовещенский (VI) наткнулся на Режанскую позицию и начал танцевать (лишь бригада Нечволодова прошла вперед и била немцев, делая обход позиции). Артамонов (I) пошел вперед, но затем почему-то повернул назад и ушел сначала на 30 верст, а потом и еще на 30. Ренненкампф, не имея никого перед собою, шел вперед. 3 нем[ецких] корпуса (XX, XVII и II... кажется), оставив пустяк у Люцена и арьергарды, оттянулись к Висле, и сюда же был притянут еще корпус из района Познани. Когда Артамонов отошел, был сменен Дудышкиным [Душкевичем], и у последнего нач[альником] штаба стал...[2] (который и главный рассказчик), корпуса разошлись окончательно, потеряли связь, и два нем[ецких] корпуса двинулись в разрез между I и XV, начав окружать последний. Положение дела в армии Самсонова стало такое, как показано: [см. черт. IV].

I — стоял далеко сзади целых 4 дня, VI — топтался на месте. Мартос отбивался 4 дня и ... сдался, по-видимому более или менее исчерпав ресурсы. I с Дедушкевичем [Душкевичем] пошел вперед «выручать Мартоса, положение которого очень трудно», и Крымов отдал приказание, но разом

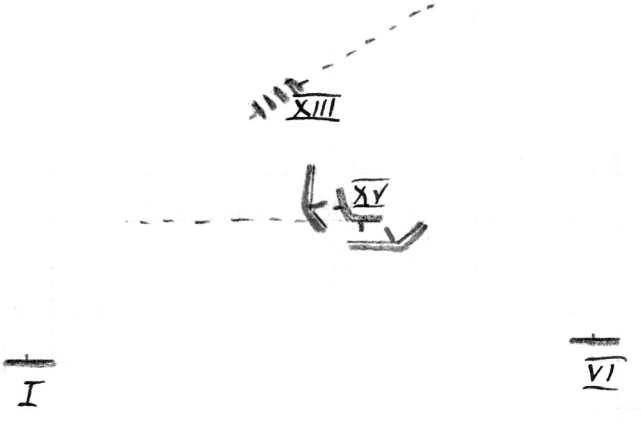
[1] Пропущено место для вставки названия города позднее.

[2] Фамилия отсутствует, оставлено свободное место.



Черт[еж] IV

Сирелиус (в центре), по словам Кр[ымова], отступил, а за ними и фланговые части (I кор[пус]), и пока им передали приказание, они ушли на 15 верст и ... дело стало непоправимым. XIII корпусу было приказание также выручать Мартоса, и он пошел на его старое место, получилась картина:



[Чертеж V]

Когда Мартос сдался, оба немец[ких] корпуса повернули на отбившийся совершенно в сторону XIII, который, постреляв несколько минут, сдался... Покончив с Самсоновым, оба нем[ецких] корпуса пошли на левый фланг Ренненк[ампфа], облическим[1] ударом его смяли,

[1] Облический (*лат.* obliquus) — обходный, не фронтальный.

прижали к северу, и вся армия в беспорядке отошла какой-то одною дорогой. Результат: 2 нем[ецких] корпуса успешно дрались с нашими 8 и два взяли в плен целиком. Причины: (без связи и без удельн[ого] веса): 1) Самсонов от Петра Арк[адьевича] [Столыпина] получил обещание дать ему Варшав[ское] ген[ерал]-губ[ернаторство]; Петр Арк[адьевич] умер, и ген[ерал]-губ[ернаторство] занял Жилинский, которому он попал в подчинение... отсюда взаимная вражда; 2) связи не было ни между корпусами, ни далее. Уезжая к корп[усам], Самсонов порвал связь с Фронтом, а значит, и с Ренненкампфом... отсюда разрозненные и неупорядочные действия; 3) одни корпуса рвались вперед, другие топтались — не было выравнивания по фронту; 4) план был разработан для 11 корпусов, а исполняли его 8, да и то не все; и все же в прежний план не было внесено никакой поправки; 5) беспричинные отступления, вызванные, как, напр[имер], в I кор[пусе], сведениями от какого-то чиновника; 6) неисполнение правил походной службы; 7) наличность исключительно плохих (Благовещенский) или соверш[енно] безнравственных (Реннен[кампф], Артамонов, Клюев) начальников; 8) фельетонность выполнения плана... И вот пред нами и несчастнейшая, и позорнейшая (XIII) страница военной истории.

2 марта 1917 г., Тысмяница

В 3 часа был разбужен канонадой; похоже было, что над Тысмян[ицей] летает цеппелин и сбрасывает бомбы. Пошел в телефонную и там пробыл у телефонов до затишья. Ориентировал корп[усного] командира. Оказалась усилен[ная] рекогносцировка по новому шаблону, которая стоила австрийцам не меньше 4 т[ысяч] снарядов, 5 — пленными и немалым убит[ыми] и ранеными. У нас убит ком[андир] 2-й роты подп[оручик] Творогов и скончался от ран млад[ший] офиц[ер] 4-й роты Сидорченко, н[ижних] ч[инов] 20 убитых, 73 ран[еных], 12 отравленных и 17 без вести пропавших. В 11 часов, как только комкор прибыл, я выпросился и отправился в окопы, где происходила атака. Сверху дождь, снизу слякоть, в окопах вода; больше был на

спине Яковенко (сильный малый из 11/74[1]. Был во 2/73[2], до 1/73 не дошел, т. к. вода стала выше колена. Испачкался, падал несколько раз, вымок и к 18½ часам дошел до штаба 19-й дивизии. Картину, кажется, выяснил полную. Приехав домой, застал комкор[а] с Носовичем, переодел валянки и стал докладывать. Комкор завтра едет в Армию и поделится моими впечатлениями. Потом говорил с Носовичем, который по обыкновению жив и творит... Спал как убитый.

В Петрограде 25–27 февраля были беспорядки по поводу дороговизны, назначен Иванов с подчинением ему всех министров. По этому поводу Щербачев написал много и жалобно, не по военному, но решился говорить прямо, вчистую, что хорошо. Германцы на русском языке пустили такую радиотелеграмму: «Всем. По сообщению Петербургского телеграфа в Петербурге революция, к которой присоединились 12 членов Думы. Все министры соединились с революционерами. Комендантом Петербурга назначен Энгельгард». Вероятно, по этому случаю сегодня около 19 часов на фронте 74-го и 73-го полков австрийцы пели и кричали «ура». Спасибо петроградцам, порадовали они немцев... несчастные тыловые, которые не могут обойтись без удобств...

3 марта 1917 г., Тысмяница

Корп[усный] ком[андир] уехал в Армию (Бучач). [В] эту ночь Галя принесла[3] (2–3 марта) жеребенка — рыженького, худенького, на длинных ногах. Все толчется взад-вперед. Сосет, уже брыкается. При стуке вздрагивает. Я начал говеть[4].

4 марта 1917 г., Тыс[мяница]

Моя белая страница, между тем, что написал вчера, и тем, что пишу сейчас, лежит целая пропасть, а ты все — белая и спокойная — воспринимаешь так же равнодушно и сегодняшнее, как восприняла вчера рождение рыженького жеребенка.

---

[1] 11-й роты 73-го полка.

[2] 2-м батальоне 73-го полка.

[3] В 2 часа 3 марта. (*Примеч. А. Е. Снесарева.)*

[4] Вдоль абзаца на полях надпись: «Рождение жеребенка».

Вчера и позавчера были телеграммы Щербачева и немецкая радиотелеграмма, вчера же вечером приехал Гершельман и передал: 1) в Пет[рограде] более 1½ [тысяч] убитых; 2) войска отказались стрелять, даже гвар[дейская] кавалерия (кроме финлянд[ских] драгун); 3) ответств[енное] министерство: Родзянко, Милюков и т. д. Общее, видимо, удовлетворение и покой. Вечером прибыл комкор: 1) хозяин отказывается; глав[нокомандующий] — Ник[олай] Ник[олаевич], уже в Ставке; 2) войска не стреляли, а гвар[дейский] экипаж привел сам Кирилл Владимир[ович]... Ждет условной телеграммы: «печатают» (Манифест об отречен[ии]) или «не печатают»... И, наконец, ночью от Брусилова приказ: 1) об Н[иколае] Н[иколаевиче]; 2) об ответствен[ном] министерстве... Меня разбудили в 1 ч[ас] 20 м[инут], за переданной по юзу телеграммой следовала добавка юзиста: «Момент проверки... (мамент праврку) ура, ура, ура, ура, ура поздравляю со свободой русской вел нашей родины да пошлет Бог в добрый час новую жизнь на благо всего русского народа ура, ура, ура мамент праврку»... Что это, доброе ли пророчество или карканье вороны, эти слова восторженного, [по-]видимому, юзиста?

Во всяком случае, совершилось. Говорят, много убитых, а, судя по герм[анской] газете (пойманной радиотелеграфом), в Петрограде была форм[енная] революция с бомбами и баррикадами... Потом узнаем все. Сегодня вечером к 10 комкор вызывает начдивов и окончательно все будет ясно относит[ельно] Государя. Говорят, врем[енное] правительство его просит, но с условием, чтобы он отослал жену. (Комкор рассказывает случай с Треповым, когда Госуд[арь] согласился, чтобы он выбирал министров... Да, но приехала Государыня в Ставку, и Государь: всех, кроме Протопопова... Все расстроилось, Трепов ушел). Две мысли стоят в голове:

1) веровый порядок государственных перемен... Теперь лозунг — Ответств[енное] Минист[ерст]во. Когда-либо и он минует, и человечество будет строить дома на иных основаниях;

2) в тылу, за спиной трудящ[ейся] армии, ею прикрытые и не угрожаемые, люди делают свои дела: Милюковы и Гучковы добиваются портфелей, евреи и дельцы — делаются

миллионерами, лабазники — «мародерствуют». Свободная профессия (3-е сословие) вырывает власть у бюрократии и дворянства...[1]

Разница между тылом и фронтом: там укусит блоха, и тыляк чувствует себя несчастным и жалуется, на фронте — его ранят серьезно, а он говорит «ничего» и возвращается в строй...

5 марта 1917 г., Тысмяница

События протекают крупные, и люди подгибаются под их тяжестью. Я и мне подобные, 3 года ходившие перед ликом Смерти, не склонны бояться людей и их деяний, а только Бога и его суда. Наша задача — победить, и мы победим, а что делается в тылу, чего ищут тыл[овые] люди, этим мы заниматься не будем: некогда. Если они правы, мы первые порадуемся, т. к., умирая за Родину, мы ей не враги и любим ее не менее других...

1. Болховитинов ~~Булатов~~ ~~Лукомский~~
2. Флуг
3. Надежный ~~Огановский~~ Янушевский
4. ~~Алиев~~ Карепов
5. Балуев
6. Нотбек ~~Гутор~~ ~~Дмитриев~~
7. Пржшехайло [Пержхайло] ~~Сычевский~~ ~~Шишкевич~~ ~~Юнаков~~
8. Елчанинов ~~Деникин~~ ~~Ломновский~~
9. Киселевский
10. Цихович ~~Данилов~~
11. Гильчевский ~~Гр. Баранцов~~
12. ~~Казнаков~~ Черемисов
13. ~~Войш[ин]-Мурд[ас]-Жилин[ский]~~
14. Войш[ин]-Мурдас-Жил[инский].
15. Одишелидзе ~~Фон Торклус~~
16. Стогов ~~Драгомиров (Вл.)~~
17. Огородников ~~Яковлев~~
18. Геруа г[енерал]-л[ейтенант] ~~Зайончковский~~ ~~Эрделли~~

[1] Этот абзац выделен на полях красной линией и надписью: «Переворот».

19. Антипов г[енерал]-л[ейтенант] ~~Весеповский~~
20. Ельшин
21. Широков
22. Бескровный ~~Обр[учев] ф[он] Бринкен~~
23. ~~Экк~~ Промтов
24. Некрасов
25. ~~Корнилов~~ Болотов
26. Миллер
27. Куз[ьмин]-Караваев
28.
29. Ген[ерал]-л[ейтенант] Михэлис
30. Гаврилов
31. Мищенко
32. Федотов
33. Крылов
34. Скоропадский
35. ~~Парчевский~~ ~~Ванновский~~
36. Короткевич
37. Третьяков
38. ~~Соковнин~~ Довбор-Мыслицкий [Мусницкий]
39. Стельницкий
40. Берхман
41. Мельгунов ~~Белькович~~
42. Ванновский
43. Болдырев (г[енерал]-л[ейтенант])
44. Волкобой
45. ~~Гулевич~~ (Лайминг) ~~Г. Л. Новицкий~~ Добророльский
46. ~~Истомин~~ Володченко
47. Вебель
48. Артемьев
49. ~~Селивачов~~ Люпов[1]

Гв[ардейский] 1 ~~Потоцкий~~ ~~Илькевич~~ г[енерал-м[айор] Май-Маевский

Гв[ардейский] 2 ~~Раух~~ Врановский

Гренад[ерский] Парский

[1] Напротив номеров 1, 6, 11, 12, 16–18, 23, 25, 41, 44, 49 проставлены красным карандашом минусы. Напротив номеров 7 и 45 — синие минусы.

Кавк[азский] 1
[Кавказский] 2 ~~Калитин~~ Чоглоков
[Кавказский] 3 ~~Ирманов~~ Иванов
[Кавказский] 4 Де Витт
[Кавказский] 5 ~~Турбин~~[1] ~~Яблочкин~~ ~~Баратов~~ Яблочкин
Турк[естанский] 1 Шейдеман
[Туркестанский] 2 ~~Иржевальский~~ Чаплыгин
Сиб[ирский] 1 Плешков
[Сибирский] 2 ~~Гандурин~~ г[енерал]-л[ейтенант] Новицкий (В. Ф.)
[Сибирский] 3 Трофимов
[Сибирский] 4 Сирелиус
[Сибирский] 5 Воронов
[Сибирский] 6 Васильев
[Сибирский] 7 ~~Ступин~~ Г[енерал]-М[айор] Лавдовский[2].

Возникает многое множество вопросов: как молиться, что говорить татарчуку Крымского эскадрона на вопрос: «Кто царь?»... другие его не интересуют, во имя чего ставить часового и т. п. Кое-как выходим до поры до времени. Вчера были в 456-м Мал[мыжском] полку и смотрели прием Носовича по преодолению проволоки. В 11 мин[ут] весь полк перешел два ряда проволок (по 6 рядов — каждая). «Парламентарии» все такие же, какими были раньше: веселы, преданы, исполнительны, оживлены... Неужто и они по чьему-то приказу сразу могут заговорить иным языком? После смотра обедаем, и живо течет наша речь. Комкор говорит немного, удачно развивая тему о часовом и... просит более не говорить ничего. Проходит мило, хорошо поет хор («Сказание Питирима», «Як умру, то поховайте», слабее «Ой у лузи» и т. п.). Приезжаем домой, а тут газеты. «Киев» от 3 марта: арестованы министры, чуть не разорван Сухомлинов (кто из толпы хоть немного знает, что тот

[1] Вероятно, Андрей Евгеньевич допустил ошибку. Командовал 5-м Кавказским корпусом Истомин Н. М. (с мая 1915 по апрель 1916 г.). Турбин А. Ф. был командиром 5-го армейского корпуса, но не Кавказского, а Сибирского.

[2] Фамилии Янушевский, Одишелидзе, Широков, Михэлис, Довбор-Мыслицкий, Лайминг, Новицкий, Чоглоков, Гандурин, Лавдовский вписаны карандашом.

сделал... сила натирания печати и голосов), убит Вирен и т. п. В[еликий] К[нязь] Кирилл Влад[имирович] явился к Родзянко и предложил услуги: благодарили и просили ждать... очутился среди журналистов. Думаю, что Мих[аилу] Влад[имировичу] [Родзянко] (кавалергарду) было не по себе от этих великокняжеских услуг...

6 марта 1917 г., Тысмяница

Мысль, подавленная неожиданностью, желает вырваться из гнета, создает логику и ищет блага; в ней говорят два начала: логическое и нравственное, даже последнее я скорее бы назвал началом благожелательности. Плюсы будут: 1) вскроются преступления и гадости; 2) создастся ответственность и 3) м[ожет] б[ыть], улучшится подбор людей; но минусов много: а) земледельческая Россия — больше 80% — сидит в окопах и борется, помогает же делу фабрично-промышленная Россия, т. е. кусковая... нет гарантий по количеству и преимуществу основного труда; б) «войска» — отброс, убежавший от окопов и уже по тому одному омерзительный... он помог, но эта помощь худшего (как и Кир[илла] Влад[имировича])... Отсюда нравственного оправдания для построенного не будет, и его придется искать... м[ожет] б[ыть], после войны, но, как и какою ценою, кто знает?

Многочисленные аресты — нервоз, который подает повод к толкованиям. Кому помешали вчера назначенные министры? Они и в технику-то не успели войти! ... И в результате может получиться вывод о мародерстве власти, не более, а это было бы печально! Нельзя было, дальше будет анархия! Допустим, но кто ее вызвал? Теперь мы напрасно бы ждали ответа. Ответит история и воздаст каждому по делам его[1].

Сегодня говорил с начальником юзистов и установил modus: они — ничего лишнего, а если извне, то под надзором дежурного офицера или моим. С Бобковым (нач[альник] 22-го гидрот[ехнического] отд[еления]) говорил и провел

[1] На полях воль этого и предыдущего абзацев синяя волнистая линия и надпись: «Думы по поводу переворота».

главную мысль: дисциплина нужна, предупредите людей, чтобы они себя не сгубили... ни уступки, ни снисхождения быть не может; учить дисциплине нам некогда, а исполнена она будет.

Что-то там поделывает женушка с цыплятами, как-то она все пережила, и что теперь чувствует...?[1]

7 марта 1917 г., Тысм[яница]

Газеты несут одну новость за другою, вскрывая странные и неожиданные вещи. Все, очевидно, нервничают и трусят, особенно это заметно по руководящим статьям газет. Слова «надо трудиться», «защищать Родину» и т. п. нового ничего не говорят: когда же не нужно было трудиться? Корнилов вызывается в Петроград главнокомандующим. Что это за шаг? Он может оказаться и ошибочным, но в нем чувствуется идея: взять в свой круг военные имена... и тем закрепить себя.

Получил от женушки Лермонтова и фран[цузскую] сливу: шли больше месяца. Думал, что она что-нибудь черкнет, как она, кажется, говорила... Письмо ее от 1–2 февраля, в котором все так спокойно, так много насмешек над «слухами»... А они, как теперь ясно, были предвестниками...

Государя уже запросто называют Ник[олае]м Романовым; срывают все импер[аторские] эмблемы, Сухомлинова проводят между рядов преображенцев... Зачем это? Это говорит о страстях и мстительности: его ведь еще не судили.

Получен «Приказ военного министра А. И. Гучкова по Воен[ному] министерству» 4 марта 1917 г. № I.

1) Сего числа я вступил в управление военным министерством и т. д. Пять пунктов. Подписал в[оенный] министр А. Гучков. Верно: делопроизводитель полковник Белопольский... И все как по маслу. Формулы, когда-то священные и, казалось бы, незыблемые, отброшены спокойно и заменены простыми... Ведь только привычка к формам и смешение их с содержанием тревожат в этих случаях наше воображение... Содержание-то ведь то же самое.

[1] На полях надпись: «Жён».

Кавал[ерийские] корпуса

1. Орановский
2. Рооп
3. Гр[аф] Келлер
4. Гилленшмидт
5. Вельяшев
6. Павлов
7. ~~Рерберг~~ кн. Туманов

Гв[ардейский] кор[пус] ~~Арсеньев~~ Хан Гуссейн Нахичеванский

В Москве выдуманы какие-то в[оенные] комиссии, где появляются рядом представители от офицеров и солдат. Кто эту глупость мог выдумать? Какое может быть панибратство между офицером и солдатом? Последний начнет после «судить» и приказы, и боевые решения... таковые часто с его солдатского горизонта могут быть грешными, да и вообще критиковать можно все, был бы язык. То же может дать и фланирование Сухомлинова: сегодня идет генерал-изменник, а за ним и вообще генерал... Этим можно расшатать дисциплину очень быстро. Да и вообще теперь будут бороться 2 идеи: в тылу — личной свободы и широких прав, на фронте — строгого единоначалия и железной дисциплины...

8 марта 1917 г., Тысмяница

События идут. Следует приказ А. И. [Гучкова] о 1) на Вы; 2) господин полк[овник]; 3) не «нижний чин»... Все исполняем. Чувствуется сдвиг с монархии констит[уционной] на демок[ратическую] республику, вторжение в дела армии и т. п. Или обалдели, или взяты во власть рабочими депутатами. Все на нас ляжет: мы-то должны все перемолоть... они распорядились, блеснули, показали свой либерализм и «равенство», а мы все же должны победить и при этой разрухе... Мысль, что со свободами к нам и победа, только вера. Дай Бог, чтобы все это привело к хорошему. Мы, по крайн[ей] мере, мыслим иначе: строгая дисциплина и гипноз власти — главное, и они должны проявляться всюду, на всех шагах... только таким путем человека можно послать на смерть и победить... Подъем — дело короткое, не на три года и не в окопах...

Савчинский был в Киеве и сообщает свои впечатления за 6 марта: 1) на шее Столыпина красный бант... вечером хотели стаскивать; 2) было посягательство и на памятник Александра II... 3) какой-то пьяный тип матерно ругал двух милиционеров (один — рыжий жидок), а когда они хотели его арестовать, набил морду и ушел; 4) 6 пьяных солдат ссаживают 5 милиц[ионе]ров с лошадей, бьют, отбирают оружие и уезжают; 5) вечером клич: «бей жидов»... и началось: жидов стало меньше; 6) настроение умеренной интеллигенции удручающее; на улицах подростки, рвань и жиды; 7) ком[андир] запас[ного] батал[ьона] (№ 200...) в отчаянии: требуют 8 т[ысяч] человек, а они все разошлись: часть по деревням, а часть — по Киеву; едет на фронт: хоть пулю в лоб; 8) в Чорткове арестовали 2 н[ижних] ч[ина]... требование их выпустить; то же в телегр[афной] роте... эпизод... Если он прав, то начинает[ся] «демократическая республика». В Москве, по его же словам, девиз: «демократическая республика». В Петр[ограде] страх: Родзянко получил коллег[иальное] заявление: если не кончится, то армия выберет Ник[олая] Ник[олаевича] и даст ему полные уполномочия. Будет ли это хорошо? Во всяком случае, настало время двойственности мысли и всеобщее развращение[1].

Сегодня получил от женки телеграмму от 22 ч[асов] 33 минут от 5 февраля[2]: «Здоровы, благополучно веселы, целуем, благословляем». Слава Богу, отлегло[3].

9 марта 1917 г., Тысмяница

Савчин[ский] еще говорил о бунте в Чорткове зап[асного] бат[альона], требовавшего выпуска 2 арестованных, и там же о бунте телеграфной роты... Описание его черно и односторонне... Конечно, не надо ни снимать гербов, ни стаскивать Столыпина: это пристрастие и говорит о недостатке достоинства. Это теперь, мож[ет] быть, прошлое, а к своему прошлому всякая страна должна относиться с уважением, иначе у нее не будет будущего.

---

[1] У абзаца на полях надпись: «Рассказы Савчинского».

[2] Вероятно, ошибка, правильно — марта.

[3] На полях пометка: «Жён».

Теперь все заняты раскрепощением личности, но, увы, это подрывает государственную идею. Во Франции, с тех пор как она стала республикой, нет ни памятников, ни общественных великолепных построек, женщина не хочет рожать, все замкнулись, живут личной жизнью и копят деньги... Свобода полная, а о государстве искренне никто не думает. Чему тут завидовать?

Сегодня пришел текст присяги: он хорош, написан достойно (хотя и с повторениями) и не назойливо. Сегодня был молебен в Касперовском лазарете[1], и священник все повыбросил: как легко выбрасываются слова, отражающие те мысли, которые создавались столетиями. Слов нет, правда, но разве и мысли также скоро исчезли?

Вводим новости, вытекающие из нового титулования. Сегодня (утр[ом] 10 февраля)[2] в 1) меня приветствовал нестроевой: «Здр[авия] ж[елаю], г-н генерал». По этому поводу Игнат говорит: «Все одно, наломаться можно так и иначе... как прикажут». Конечно, все в отражении на простодушном зеркале солдата, лишь бы не принял это, как разнузданность...[3]

По всему видно, что армии там боятся; Милюков прямо говорит, что если бы Гучков не задержал подхода, их бы никого не осталось. Оригинальны эти речи перед «народом», собравшимся в Екатерининскую залу... Кто же туда пришел? Какая случайная группа, и что она в действительности отразит? По-видимому, забастовки были, т. к.: 1) Коновалов приказывает заплатить за дни переворота и 2) видно по воззваниям товарищей... И царская эпоха отлетит, как будто бы ее и не было; мои дети к новому порядку также скоро привыкнут, как к телефону, и только как легенду будут воспринимать рассказ истории о том, что когда-то были цари, как они жили и как правили землею... Давно это было, скажут и задумаются, как после выслушанной сказки...[4]

---

[1] Лазарет Красного Креста Касперовской общины сестер милосердия, созданной в 1878 г. в Одессе и названной так в честь местной иконы Касперовской Божьей Матери.

[2] Так у А. Е. Снесарева. Вероятно запись, относящаяся к 9 марта 1917 г., была записана позже, а в номере месяца допущена была ошибка.

[3] Вдоль этого абзаца на полях пометка: «Приказ 2. Новый»

[4] У абзаца на полях надпись: «Старое и новое».

10 марта 1917 г., Тысмяница

Наблюдаются сотни случаев, которые можно констатировать, но нельзя делать выводов: 1) у полк[овника] Швамберга, начавшего на «Вы», вестовой: «Если В[аше] В[ысокоблагородие], вы будете на Вы, то Вы, значит, мне чужой...» на глазах слезы; 2) сап[ер] солдат — руки в штаны и во рту папироса... Офицер: «Как ты смеешь?» Ответ: «Теперь свобода»... Шашкой по голове...3) командиру Крым[ского] эскадрона денщик: «Ваше Бл[агород]ие»; солдат-броневик делает офицеру замечание: «Теперь так не полагается»... 4) Ник[олай] Мих[айлович] Крыжановский, поклонник нем[ецкой] дисциплины (любит рассказать, как эскадрону пулемет подбил ног[и], и как опешив[шие] люди бежали... Но крик «Halt!», и все остановилась, звеня шпорами), сильно восстает против подрыва дисциплины и говорит: «Им бы теперь послать такого, чтобы Пугачев по сравнению показался доброй пепиньеркой[1]»... Но все это отдельные эпизоды; 5) в пехоте быстро по-новому, и на вопрос, как приняли солдаты, один и тот же ответ: «Нам всэ одно, лишь бы гудували[2] так добрэ, як теперь»... Словно ждали, заключает командир Рогатинского полка...; 6) начальник команды собирает таковую и кратко говорит: «Вас приказано называть на „Вы“; по морде бить запрещают. Так знаете, если кто что сделает, буду предавать суду»... Парламентарии пошли, повесив носы[3].

Сколько страданий и нервов несет некоторым переживаемая суета. 1) Гулдари пор[учик] говорит генералу Невадовскому, что он не может больше пережить, он должен в строй, где все ясно теперь и просто... с ним происходят истерики; 2) поручик Станюкович — атлет, отчаянный летчик — идет к комкору, чтобы поговорить и успокоится... он почти плачет; 3) узнав сегодня о назначении в Сенат Грузенберга и Винавера, я почувствовал, что меня ударили по щеке и со всего

---

[1] Пепиньерка — девушка, окончившая среднее закрытое учебное заведение и оставленная при нем для педагогической практики (*устар.*).

[2] Кормили (*укр.*).

[3] У абзаца на полях надпись синим карандашом: «Отдельные эпизоды».

размаха; 4) ген[ерал] Невадовский не спит по ночам, кричит и нервничает.. он стар, и ему совершенно трудно; 5) многие пришиблены и не знают, что это делается; 6) Савчинский и Крыжановский ругаются... наедине говорят по три часа...[1]

11 марта 1917 г., Тысмяница

Вчера пришла Присяга, форма ее хороша и проста. Эпизоды: 1) писарь говорит полк[овнику] Швамбергу: «Зачем нам это „Вы", лучше бы нам дали воспитание и образование»; 2) солдаты, приведшие лошадей в части корпуса, так объясняли прапорщику своему смысл новых реформ: «Раньше жали солдата, а офицера гладили по головке, а теперь будет наоборот: будут дуть офицеров, пока они не разозлятся и не скажут: „Довольно воевать"»... Так!![2]

Михаилу Стаховичу

Да, жертвовать легко сословной середою
И золотой Ваал влачить на суд в пыли
Владеющему лишь Толстовской бородою,
Да цензовым клочком родительской земли[3].

В газетах начинаются курьезы: 1) В[еликий] К[нязь] Ник[олай] Мих[айлович] выбрасывает всю семейную грязь наружу (хамство форменное; Н. М. говорит: да никто их и не воспитывал); 2) г[енерал]-ад[ъютант] Русский [Рузский] лягает тоже копытом павшего монарха заодно с жидами; 3) «Киев[ская] мысль» на основании крика идущей бригады: «Да здрав[ствует] демок[ратическая] респуб[лика]!» говорит в передовике, что к таковой и нужно идти... 4 т[ысячи] серых шинелей проорали два непонятных слова... Основание! 4) Вр[еменное] Прав[ительство], видимо, нервничает, попав под «охрану» 60 т[ысяч] взбунтовавшихся солдатиков, и надеется спастись длинными воззваниями... Очевидно, оно в таком же положении, как еще недавно был Государь... Пути революции те же, пока не появляются Наполеон или Галифе...

---

[1] У абзаца на полях надпись красным карандашом: «Настроение офицеров».

[2] На полях пометка красным карандашом: «Эпизоды».

[3] Стихотворение написано карандашом.

Сегодня А. И. Гучкову (письмом за № 17) написал следующее:

М[илостивый] Г[осударь] Алек[сандр] Иванович!

Наша великая и честно исполняющая свой ратный долг армия стоит сейчас, как часовой, на страже достоинства и величия страны. Смущать ее в эти многотрудные дни какими-либо реформами или новшествами, не вытекающими непосредственно из существа поставленной армии задачи — победить во что бы то ни стало, я считаю и несвоевременным, и опасным. Армия в массе может не понять этих новых идей как следует, не связать их с устоями военного дела, т. е. строгим единоначалием и престижем — скажу даже гипнозом — власти, и в результате начнутся шатанья, рознь, действия вразброд. А такая армия, я глубоко убежден, не выполнит своего победного долга и даже будет опасна тому новому порядку вещей в нашей родине, который только что появился на свет и который, естественно, нежен и хрупок, как новорожденное дитя.

Уваж[ающий] Вас Ваш пок[орный] слуга А. С[несарев][1].

Был Нечволодов и рассказывал (со слов броневика), как их привезли в Петроград, всюду угощали, как рассказчик убил 6 городовых. В Петр[ограде] и Москве солдатики насилуют женщин вовсю... Очевидно, все было сорганизовано заранее, и отречение ни при чем...

О Мышлаевском две версии. Комкор: он составил Сарыкамыш[скую] операцию, но заболел, а Н. Н. Юденич выполнял... В[еликий] Кн[язь] сгоряча прогнал Мышлаевского. Нечволодов: Сарык[амышская] операция разбиралась заранее на играх, и Мышлаевский ее знал, как и другие. Погиб он из-за телеграммы жене: «Собирайся и уезжай, Тифлис не удержим...» Бежал и сам, все бросив...[2]

Хорошо Нечволодов шутит: денщик просит: «Г[осподин] генерал, нельзя ли мне посланником при Мадридском дворе,

---

[1] После слов обращения и до конца абзаца на полях надпись красным карандашом: «Письмо А. И. Гучкову».

[2] У абзаца на полях пометка красным карандашом: «Мышлаевский».

я женюсь на экспроприаторше, а она в Сибири простудилась и нуждается в теплом климате». В том же духе посольство у Викт[ора] Федор[овича].

12 марта 1917 г., Тысмяница

Вчера был с Комкор[ом] на крестинах в 454-м Рогатин[ском] полку. Тлумач удалось проехать на авто, а далее застряли, прошли пешком и затем поехали на высланной к нам навстречу трандулетке... Здорованье, «г-н генерал» и все прочее. Затем молебен, на котором так же все выброшено, «синклит»[1] и т. п. Церемон[иальный] марш прошел обычно, нет лишь подъема, да и тот у некоторых ун[тер]-офиц[еров], заметен. Все, как будто ничего не было: не понимают ли «православные», что совершается, замкнулись ли они... кто их поймет, кто скажет определ[енное] слово?

Комкор произнес за Рогатин[ский] полк, а затем за командира и офицеров, музыка играла полковой марш... много слабее, вялее и бледнее, чем это было раньше... вероятно, боевой пафос, разжиженный теперь суммою новых идей и не фиксированный на определенном лице, исчезнет навеки. Все имеет свои законы и свою благоприят[ную] обстановку. С опытами электричества в сырости не разойдеш[ься].

За обедом дело шло обычно, но были на галерке какие-то возгласы... думал, что либерального тона, а оказалось более черносотенского. Комкор говорил, но менее удачно, чем обыкновенно: не на что опереться, нет почвы и были какие-то возгласы (черносот[енские])... Чувствовалась необходимость согреть, успокоить, возвратить вырванную из-под ног скамейку. Я попросил разрешения и сказал:

1) я — боев[ой] офицер и Геор[гиевский] кав[алер] — ложь, лицемерие и скрытность мне чужды...;

2) теперь там (на родине) не так легко — много страданий, сомнений, горя, труда. Ангел смерти, получив[ший] наряд доложить Создателю о сумме чувств, сказал бы: «Крылья мои сломаны, ноша слишком тяжела»...;

---

[1] Синклит (*греч.* σύγκλητος, *букв.* созванный), в переносном смысле (обычно иронически) — полное собрание, заседание избранных или высокопоставленных лиц.

3) мы стоим особо. Мы — часовой... Пример наводнения: «и останется один штык на поверхности бунтующего моря»... И понимаем мы задачу, и умираем иначе. Там три «жертвы революции» вызывают кортеж, флаги, одобрение толпы, а мы помрем, и первые часы разве ветер обласкает холодеющее тело, а затем — скромный холм, и путник не догадается потом, кто лежит под холмом, и чем билось когда-то горячее сердце... Этой скромной смертью мы и горды; ни почестей, ни рекламы нам не надо...;

4) будем же крепкой семьей, возьмем крепко друг друга за руки и выполним свой ратный долг перед нашей великой страной, а теперь за наше великое военное дело прокричим наше «ура»... [1]

Речь произвела страшное впечатление, у очень многих были слезы на глазах, меня схватили и долго качали...[...]

Вечером ко мне заехал гр[аф] Каменский с 2 кап[итанами] Г[енерального] ш[таба] и с женой одного из них... Рассказали о пререкании подполк[овника] с унт[ер]-офицером, которые хотели друг друга арестовать, пока у первого [не] оказалось больше народу, и он сделал свое дело... Разговор одинаков, т. к. все мыслят одинаково... M-me находит, что арест Государя мог иметь известный raison d'être[2]... М[ожет] быть, кто знает, но чувство-то говорит иное: «Это прошлое, но прошлое государственного порядка, а к такому прошлому надо относиться с уважением». Граф по-старому разговорчив, но боюсь... только разговорчив.

Заходил полк[овник] Карцев, ныне к[омандую]щий 3-й Финл[яндской] стрел[ковой] артилл[ерийской] бригадой, когда-то ком[андир] батар[еи] у А. Н. Антюкова... Не сразу опознались, но потом поцелуи и сердечный разговор... У них н[ижние] чины не хотят по-новому и приходится насиловать... Они мыслят одинаково. Время у Павлова вспоминает хорошо и тепло... Еще приедет. Хлебом накормил: надо было на 1 т[ысячу] человек.

---

[1] Вдоль абзаца на полях надпись синим карандашом: «Моя речь 12 марта на крестинах 454-го Рогатинского п[олка]».

[2] Французское словосочетание, означающее смысл, смысл существования, разумное основание существования.

13 марта 1917 г., Тысмяница

Дни можно назвать, в некот[ором] отнош[ении], днями хамства и предательства. В[еликий] К[нязь] Н[иколай] М[ихайлович] позирует перед корреспондентами и выворачивает семейную наготу Романовых, пороча, как может, главу. Г[енерал]-ад[ъютант] Русский [Рузский] (1-й предложивший Государю отречься) тоже старается лягнуть поваленного событиями недавнего вершителя судеб нашей родины. Эверт, Щербачев и т. д. чуть ли не заделались «товарищами»... Г[енерал]-ад[ъютан]ты!... Протопопов спасается выдаваньем секретов... Спешат, упали, о достоинстве забыли. Можно признать и неизбежность, и даже величие переворота, но все обязаны сделать это с достоинством. А вот венец («Киев[ская] М[ысль]» от 10 марта): в пути Керенский подал Воейкову моск[овскую] газету, в которой сказано, что он советовал Н[иколаю] II открыть Минский фронт, чтобы немцы «проучили русскую сволочь». И верный слуга Н[иколая] II заявил, что приписываемые ему слова корр[еспонденц]ией принадлежат Николаю II, и добавил, что, произнося эти слова, Николай II находился в состоянии сильного возбуждения, почему им не следует придавать значения. Совсем красив! Но и вообще, они ли только пали! Эти пали слишком резко и грубо, — оно и бросается в глаза. Вообще, после революции оподление будет сильное, и только после годов начнется оздоровление...[1]

Кир[илл] Влад[имирович] («К[иевская] М[ысль]» 10 марта): «Мой дворник и я — мы одинаково видели, что со старым правительством Россия потеряет все и в тылу, и на фронте. Не видела только этого царствовавшая семья».

14 марта 1917 г., Тысмяница

Новые формы создают новые факты: 1) по жел[езно]-дор[ожным] станциям прошла телеграмма, что мы прорвали фронт у Барановичей и забрали 15 т[ысяч], также у Риги — забрали 10 т[ысяч] плюс ... «официально». Вот уже почти 20 час[ов], а подтверждения нет; 2) в 132-м зап[асном?]

[1] У абзаца на полях красная линия и надпись: «Около Иеуды Искар[иота]».

полку (Залещики) все прошло спокойно: гуляли в день присяги и в воскресенье с красными флагами, а потом на работу... Не только не убавилось, а пришли 42 чел[овека], почти год укрывавшиеся...; 3) в Коломее походили и успокоились... тоже с красными... Мотоциклисты только смотрели. А один унт[ер]-офицер сказал: «Не годится гадить строя... нам говорили про его святость; 4) обещание не есть расточительность (чтобы не забыть)... Сегодня получил сведения, что Ник[олай] Ник[олаевич] ушел, и на его место или Алексеев, или Русский. Брусилов мылит во всю: то через жену, то сам, «товарищ» да и только. Жена говорит, что он всегда был «социал-демократом». Но Русский оказался просто талант: перемылил и предупредил...

Но все же есть признаки начинающегося успокоения или отрезвления: 1) о Государе тон более приличный; 2) офицеры Ген[ерального] штаба поехали в Каменец, чтобы телеграфировать Гучкову коллективное заявление о недопустимости некоторых (элементарно ясных) вещей...; 3) в Киеве собрание «солдат, в[оенных] чинов и офицеров» сделало постановленние, что на службе солдаты не должны носить красных придатков; 4) начинают вспоминать обывателя, который ждет чего-либо более реального, чем фразы, хотя бы и красивые...[1]

Вчера прибыл пол[ковник] Меньшов Ген[ерального] шт[аба] (командир бывший 4-го Финляндского полка, Орест Владимирович), который рассказал: 1) Хануков — жид, тетушки бежал[и], мать хоронил по евр[ейскому] обычаю... Находил за 25 руб[лей] девочку товарищу, стоящую 5 руб[лей], и сам пользовался 4 раза... (говор[ил] Серебренников); во время командования полком так далеко держался, что не хватало т[елефонной] проволоки...;

2) ком[андир] 189-го револ[юционного] полка (зап[асного]) кап[итан] Иванов сообщает, что прапор[щик] (так[ой]-то) решил примкнуть к революционным войскам и на фронт не прибудет; 3) офицеры-летчики не вылетают,

[1] На полях у этого и предыдущего абзацев надпись синим карандашом: «Эпизоды». Последние четыре предложения этого абзаца выделены на полях красной скобкой.

т. к. солдаты отказываются летать; 4) подп[олковник] Муттерперль имел дело с унт[ер]-офиц[ером] телефонистом 3-го Кавк[азского] корпуса, которого он обругал и на «ты», и тот хотел его арестовать... Что будет, неизвестно... Обвиняет, что наше высокое начальство сдрейфило, закраснело и не сделало Врем[енному] Правит[ельст]ву заявления о недопустимости некот[орых] явлений... Будут поправлять оф[ицеры] Ген[ерального] штаба[1].

15 марта 1917 г., Тысмяница

От женки вчера получил славное письмо от 7 марта — бодрое и прочное. Мои мальчики ведут себя с достоинством: старший не хочет ни за что надевать красного банта, младший негодует, что вынесли портрет Государя... Словом, ведут себя благороднее и строже, чем Рузский, Брусилов, Войейков и большинство вел[иких] князей. Женушка — и говорить нечего: смеется над «бабами», которые собираются на митинги, жалеет В[еликого] К[нязя] Мих[аила] Алекс[андровича], смеется над жидами и «твоя всеми помыслами, и душой, и молитвами, и мыслями всегда с тобой»... Вчера написал ей короткое письмо, чтобы успеть, а также открытку Генюше, где пожурил его за капризы...[2]

Эпизоды растут: 1) в Петрограде 3 пьяных матроса ограбили и убили 2 (или одного) жидов при белом свете. Кер[енский] велел произвести «строжайшее расследование»: мож[ет] быть сам себе нанес 80 ран...; 2) поручик Одесск[ого] полка с 6 т[ысячами] казен[ных] денег закутил в Коломее с солдатами в угаре свобод; напились, а потом хотел на свою кровать, но мотоциклист занял, а офицер на коврике на полу. Выронил 6 т[ысяч], другой подобрал и унес в казармы. На другой день очухался и с полицией на поиски. Солдат отдал со словами: «Сволочь, Петька, мы к тебе по хорошему, а ты полицию вводишь»... Только 400 руб[лей] взяли на пропой; 3) в Черновцах в кино солдаты, пущенные по льготе, заняли лучшие места, курили, матерно ругались...

[1] У абзаца на полях надписи красным карандашом: «Солдат[ские] эксцессы». Синим карандашом: «Факты».

[2] Абзац на полях выделен двумя линиями и пометкой: «Жён».

Местная публика ушла. Хозяин взмолился, помогли офицеры. Солдаты поговорили, и представитель «комитета» заявил офицерам: «Вы, г.г. офицеры, не суйтесь, куда не нужно, а то мы вам набьем морду». Один выстрелил, другие сг..няли. Солдат арестовали... Дальше неизвестно[1].

В[еликий] К[нязь] Ник[олай] Ник[олаевич] ушел, и ушел с достоинством, как и следует В[елико]му Князю.

16 марта 1917 г., Тысмяница

Москов[ские] купцы: 1) Морозов, Дербенев, Журавлев, Мельников, Некрасов (сибиряк)... сидят в ложе на скачке (у каждого больше 10 миллионов). Европ[ейски] образованы. Дергунов [Дербенев?] (Ник[ола]ю Мих[айловичу]): «Вы не спешите кончать войну, дайте нам еще поднажиться». Мельников: «Будет тебе (потягиваясь), надоела нам всем эта война»... Вот и весь патриотизм; 2) на фронте нет ни убитых, ни раненых, да и вообще нет. Один в качестве шофера ездит с Леонтовичем, но и вместе насилует гер[манских] сестер. Переворот, мож[ет] быть, сделан ими, но... промахнулись: не предвидели...[2]

Нечволодов: «(16 марта) Наштакор 12 (на мое имя): Прибывшие офицеры из отпуска и командировки докладывают, что многие солдаты в тылу отбирают на улицах у офицеров шашки и револьверы, а в жел[езно]дорожных поездах в вагонах 1-го и 2-го классов солдаты ездят без билетов, но сидят в купе, а офицеры стоят в коридорах. Происходят многие прискорбные и вредные для дисциплины недоразумения, почему прошу ходатайства [о] разрешении офицерам вне расположения своих частей по примеру всех республиканских армий носить штатское платье. 15 марта 1917 г. 148. Г[енерал]-л[ейтенант] Нечволодов».

В Коломые в авиац[ионном] отряде один солдат украл у другого деньги; командир хотел выпороть, но поднялись солдаты, вырвали, он заперся и отстреливался до прибытия подмоги...[3]

---

[1] Вдоль абзаца на полях красная линия и надпись: «Солдатские эксцессы».

[2] У абзаца на полях надпись: «Московские купцы».

[3] На полях пометка синим карандашом: «Эпизод».

17 марта 1917 г., Тысмяница

Сегодня ездил в Бучач, по вызову наштарма[1]. Сначала пообедали у командарм[а][2]: он, жена (около 40–42 лет), две дочки — сестры милосердия (одна тут с мужем, другая — без) и мы — начальники штабов корпуса. Обед общий, неинтересный, но с иронией по адресу некоторых эксцессов... Затем было заседание: к[омандую]щий, Головин, Незнамов, Черкасов (XLI), я (XII), гр[аф] Каменской (XXII), Степанов (VII Сибир[ский]), Энгелъ (XVI), пол[ковник] Шуберский (вр[еменно исполняющий] III Кавказ[ского]). Поднялась речь о комитетах: что скажут, и что изменить? Граф — ни то, ни се. Я провел две идеи: 1) необходимо поставить общую идею в направлении комитетов, которой и нужно держаться, а именно: мы — воины, все для войны и для победы, остальное приложится... Под этим углом выборы, темы, случаи и т. п. и 2) конечная цель, т. к. наличность комитетов глубоко противна духу в[оенной] дисциплины, свести их на роль хозяйственных контролеров... Возражали сильно и нервно, особенно Головин: надо вызвать доверие, иначе все пропало; надо мирней, утишать страсти и т. п. Я начинал запальчивее: не надо ходить вокруг да около, надо держать военный лик прямо и гордо... И так солдаты передают, что офицеры с ними не говорят, т. е. говорят уклончиво и расплывчато, так же как и Головин и комп[ания]... Было много разговору. Другие высказались против регламентации, якобы против меня, но другими сторонами отстояли. Шуб[ерский] сказал мелочи, Энгель более солидно: что это за орган — исполнительный ли или совещательный и т. п. Во всяком случае в заключительном слове к[омандую]щий повторил мою мысль: будем держать воинский лик...

Много рассказали интересных эпизодов: 1) во фронте еще более сдрейфили... Брусилов — форменный Трусилов. Молодежь Ген[ерального] шт[аба] советовала ему переехать в Киев и объявить этот город в сфере войны... Вечером: «Да, да, это пожалуй», а на другой день — гордый вид и: «Какая-то группа... Мне...»; 2) молодежь Ген[ерального] Штаба во

[1] Н. Н. Головин.

[2] Д. Г. Щербачев.

фронте ослабла и не поддержала арм[ейскую] молодежь... Общий закон нервоза: усиливается от периферии к центру; так и во время боев...; 3) в XLI кор[пусе] жид-доктор собрал комитет, много себя хвалил, а когда стали выбирать, то выбросили и выбрали подп[олковника] Ген[ерального] штаба; 4) в армии 7-й есть провокаторы: не слушать офицеров... Один прапорщик бил в грудь за соц[иал]-демок[ратические] идеи, но был сбит кап[итаном] Ген[ерального] штаба; 5) в Бучаче ходили, солдат стоял на коленях перед к[омандую]-щим, давал клятву... Говорило и начальство: к[омандую]щий прилично, остальные — глупо и низко; 6) в Монастыржеске ходила полурота с красн[ыми] бантами и с надписью: «Долой Самодержавие!»[1].

Назад я взял Тимонова с супругой... Ждал меня комкор, который все жадно выслушал. Письма от прошлого [комкора?]... жалеет царя...; 7) в Петрограде поднимается в обществе солдат и рабочих вопрос о 8-часовом дне. Солдатик из окопов: «Это справедливо. Вот и нам позвольте 8 часов подставлять лоб под пули, а затем бросать окопы»... Табло. Тема осела; 8) Москов[ский] комитет рабочих посылает телеграмму Петроградскому: «Вы что-то против войны. Мы во всем поддержим Вр[еменное] Правительство. Не пойдете, уединим Петроград и не пропустим ни одного вагона»...

18 марта 1917 г., Тысмяница

Вчера были на крестинах 655-го Драгомирчанского полка. Церемониал прошел блестяще; офицеры производят впечатление слабое: черны, нескладны... Обед очень хороший. У Сергея Ник[олаевича] Гладкого оказалось много пафосу (приподнятого на крику). Комкор сказал неплохо.

Я говорил: «Пред нами дилемма — гражданин или воин. Стоим, как витязь на перекрестке трех дорог: направо — сохранишь воина, погубишь гражданина, налево — наоборот, посредине — и того, и другого. Мы прежде всего воины: 1) иначе вместо «Россия» будут русск[ая], фин[ская], тат[арская], польск[ая], малор[оссийская], жидов[ская]... республики и 2) от нас, как воинов, сохранность 200 жизней... А матери и сестры спросят... За русского офицера»...

[1] У абзаца на полях пометка синим карандашом: «Эпизод».

Первую половину с подъемом, 2-ю — как-то сразу упал. Настроение молодежи более культурное, чем в Рогатинском, «бей жидов» — нет, но подъему как будто меньше... Крику много, проводы теплые...[1]

Кап[итан] Тимофеев — одна нога до колена искусственная — говорит мне со слезами на глазах: я отказался присягать Вр[еменному] Правительству; оно слабое, оно слушается какой-то шайки рабочих и солдатов... Я примирился с уходом прежнего-то только потому, что оно было слабое; какой смысл одно слабое — заменять другим слабым... Кажется, уговорил[2].

У Крыжановского новые идеи: Англия и Франция, использовав нас, пустили по ветру... что выйдет, и сквозь пальцы смотрят, как мы катимся в пучину небытия. Они уцелеют и свое возьмут, а мы — как угодно. Мы ведь не знаем: 1) за февраль немцы потопили 600 т[ысяч] тонн (более 300 судов); мож[ет] быть, у нас ни снарядов, ни тяж[елых] орудий нет... Одна сибир[ская] дорога, но что это такое; 2) осталось людей 1 400 т[ысяч], а что это при 7,5-милл[ионной] армии... А это там знают. Он не удивится, если через 2–3 недели Госуд[арственная] Дума заговорит о мире; 3) биржа до сих пор не открывае[тся], а за границей с нашими бумагами «слабо»... Прав ли он или нет, но два серьезных и сильных фактора: 1) биржу все не открывают; значит: финансовый фактор слаб; 2) армия, за протекшие три недели, не дала ни намека на успех, значит «Народная Армия Свободной страны» подъема не обнаруживает и драться не охоча...[3]

Крыжановский говорит интересное о выводах Энгельгарда: 1) обслуживают одного окопного солдата: во Франции 1,6 тылового, в Германии — 1,8, в Англии — 2, в Австрии — больше 2, в России — 3½; 2) у нас осталось 1,7 милл[иона], погибли 5,5 милл[иона] — пленных, убитых и калек. Оказывается, 900 т[ысяч] беглых, но на них корм

[1] Вдоль этого и двух предыдущих абзацев на полях линия и надпись синим карандашом: «Крестины в Драгом[ирчанском] (655-м) полку». Красным карандашом: «Моя речь».

[2] У абзаца на полях пометка красным карандашом: «Эпизод».

[3] У абзаца на полях надпись: «Мысли Мефисто».

идет, т. е. воруют до ½ миллиона в день; 3) франц[узская] и английская армии — дрянь, но организация в первой — совершенство; 4) мы подходили к людскому краху и с этой стороны — неожиданной — не могли бы вести войну[1].

19 марта 1917 г., Тысм[яница]

Сегодня было заседание по вопросу о комитетах. Я настаивал на двух идеях: 1) директива — прежде всего мы — воины, и победа и 2) конечная практ[ическая] цель — сведение к хозяйственно-бытовым функциям... Иначе все расшатается, а тогда какой смысл воевать?

Сергей Никол[аевич] Гладкий говорит, что ложка дегтю испортила бочку меда: два бат[альонных] командира подрались и собралось 100 солдат... Пришлось ком[анди]ру поговорить, а потом арестовать... Начдив хочет предать суду... Я предложил исход...

Нечволодов хочет ехать; у него какая-то серд[ечная] связь из придворного круга... Мож[ет] быть только говорит, а хочет пройти куда-либо!

Из его фактов: 1) Ему (царю) оставалось только год до «Белого царя», а он ушел, значит, скоро конец войне; 2) а за то, что он (царь) с царей-то ушел, ему ничего не будет? 3) теперь уж верно земли прибавят; 4) мы слыхали, как выбирают президента, а все-таки, как же без царя? Все бы знали, да и милость Царская была бы...[2]

Биржа не открывается и в «Послед[них] Новостях» есть статья, поднимающая завесу. Дело, очевидно, дрянь, и если открыть, то может оказаться паника. Некоторые (кулиса) хотят открыть сейчас, а другие — банки — 10 апреля.

Армию хотят утопить или развратить, или сделать небоеспособной... Кто? — не знаю, к чему? — еще меньше.

Вслед за «Вы» и «г-н генерал» был отдых, но затем последовали комитеты, а сегодня предложение убавить дисциплин[арную] власть начальников, ограничив замечаниями и выговорами. Прислали в 5 часов, а ответ приказали

[1] У абзаца на полях волнистая линия и надпись: «Идеи Энгельгарда».

[2] Абзац выделен на полях надписью: «Солдатские думы».

прислать к 8 часам. Комкор (по моему вдохновению и редакции) ответил так: «Военная наука и вековой опыт войн говорят, что в боевые времена начальник в целях достижения победных результатов должен быть облечен полной мощью и, конечно, также дисциплинарной. Убавлять ее в настоящие минуты недопустимо, страшно и грешно, т. к. это угрожает дисциплине, из-за этого погибнут в бою лишние тысячи душ, и притом лучших, и под сомнение будет поставлен весь вопрос о конечной победе. Говорю это, как старый солдат и верный слуга моей великой родины за себя и всех начальников вверенного мне корпуса до командиров полков включительно, которые в этом великом для нас вопросе высказались одинаково». Казнаков[1].

Я боюсь, что в лицемерной и малодушной нашей армии будет создан какой-либо скользкий и дрянной ответ, но 12-й корпус ответил честно и по долгу службы. Мож[ет] быть, да и наверно, с нами не согласятся, но мы свое слово сказали, и в грехе последующего разгрома армии с нас должна быть снята значительная доля содеянного греха... Кем? Кто скажет?

20 марта 1917 г., Тысм[яница]

Сегодня был в Лысце на набл[юдательном] пункте 4-й батареи. Об этом ниже. Эпизоды растут: 1) в 33-м тяж[елом] дивизионе не отдана честь инсп[ектору] артилл[ерии] и Савчинскому... «Не полагается, об этом в газетах написано»; 2) в Станиславове офицеру не отдали честь 2 солдата 33-го див[изиона] (того же); он потребовал объяснений, они — ругаться; он — шашку, выбили, избили и сами же к коменданту... дело идет; 3) того же 33-го 1-я батарея: «Не желаем нашего батарейного, он немец, и на наблюд[ательный] пункт приходил с сестрами милосердия»... пришлось пока заболеть; 4) в 12-й дивизии назначен был или поиск, или наступление; назначены были сначала три роты — не пошли; затем батальон — не пошел... Мотоциклист в Армию. Стогов: «Вот и дождались»; 5) комкор XI — граф Баранцов

[1] Вдоль этого и предыдущего абзацев на полях надпись красным карандашом: «Ответ Комкор[а] XII [корпуса]».

отказался присягать и оставляет должность; 6) солдатских листков — миллионы, читаются нарасхват; 7) мать Аничкова, пережившая в Петрограде революцию, пишет: «Я была левой, теперь я правая. Береги себя, сын: погибать теперь не из-за чего».

Хорошо, если это уже ягодки, а если только цветики![1]

На позицию — для изучения ударного участка — поехал на автомобиле, перед Храплиным застрял и пошел пешком; минуя его, встретил экипаж. На поле учатся парламентарии, — одно горе: 20 раз выстраивают фронт — вялым бегом, — унт[ер]-офицер в промежутках команд швыряет камушки... толку не будет. Дорога — дрянь, больше иду пешком: день хороший, слегка пасмурный... Выехал на шоссе у Драгомирчан и поехал по шоссе на Лысец в 4 верстах от окопов противника... Ни одного выстрела, вероятно из-за пасмурности. Мы с Носовичем (Анат[олий] Леон[идович]) из его дома (ком[андир] 465-го Уржумского полка еще спал) идем на набл[юдательный] пункт 4-й батареи; отсюда я шаг за шагом, пользуясь работами Носовича, изучаю ударный участок: он оказывается труднее, чем я думал, особенно площадь у дороги из Ст[арого] Лысца на Посеч[?]... Непр[иятель] не стреляет из орудий, слышны только изредка ружейные выстрелы. Мы изредка говорим — среди работы — на полит[ические] темы, и речь наша звучит тревожно: что-то нас ждет, до чего мы дойдем; как бы не выпустить армию из рук? Приходит Аничков (кап[итан], ком[андир] 4-й бат[ареи]) и делится впечатлениями: о матери, о пережитом и т. д. Он сознательно проповедует конституц[ионную] монархию (А жид будет президентом? Жену за волосы нельзя при правах драть, что вызывает протест).

С наб[людательного] пункта идем обедать (кап[итан] Баглов, командир 3-го бат[альона], член Гос[ударственной] Думы 2-го призыва)... Речь и здесь не веселая. Затем по шоссе (в 4 верст[ах] ок[оло] окопов) еду через Драгомирчаны (совсем разбиты) — Креховице — в Станиславов. Неймирок говорит мне новости, и я на автомобиле приезжаю к себе.

[1] Вдоль этого и предыдущего абзацев на полях красная линия и надпись синим карандашом: «Цветики революции на фронте».

Ужин. Мы с комкор[ом] гуляем долго в тихую лунную ночь: «Если бы в России так же было спокойно и приятно, как сейчас в эту теплую лунную ночь». Комкор не все понимал в работе Вирановского и в моей ему боевой помощи...

21 марта 1917 г., Тысмяница

1) Полк[овник] Макеев, командир автомоб[ильной] роты, имеет своих 4–5 т[ысяч], да казенных 4–5 т[ысяч], скупает картины, фарфор и т. п.; комната — бонбоньерка[1]. В роте его беспорядок; он пошел налаживать, а в это время, как рассказывает писарь-еврей, «пришли солдаты чужой части и немного неприятности наделали». «В чем дело-то?» «Да картины порезали, фарфор побросали в печку, а 4½ т[ысячи] каз[енных] денег унесли»... 2) в Умани стоит 14-й запас[ной] полк и а) из двух рот, отправленных на фронт и имевших каждая по 250 человек, дошли в одной — 12 и в другой — 40; б) в роте, имеющей 500 человек, на занятия приходят 40–60 чел[овек]... Сведения к 10–11 марта: пишет офицер этого полка своему брату в один из полков 19 дивизии; 3) комиссия Поливанова решила честь оставить только на службе, а вне — по соглашению... 4) Совет рабочих отказывается и от Константинополя, и от окончательной победы, т. е., как верно анализирует Богачев (Алек[сей] Ив[анович]), одинаково боится и поражения (Герм[ания] насадит «порядок»), и полной победы (возрастет престиж России); 5) в Рогатинском полку 1½ батальона не хотели присягать, под разными «соображениями», главное: «Российское государство», т. е. опять, мол, Государю, нет подписи «Гучков» и т. п. Галат (ком[андир] п[олка], Алек[сандр] Тимоф[еевич]) воспользовался, что вышли отпуска, и заявил, что не подписавшие листа не поедут в отпуск; моментально все подписались. «За чечевичную похлебку, — говорит Галат, — продали старые верования; появись Ник[олай] III, и отпуском или чем-либо подобным можно купить молодцов в 2 минуты»... В словах сквозит явно заметное презрение...[2]

---

[1] Бонбоньерка — маленькая коробочка для конфет, шкатулка прямоугольной, круглой или овальной формы с крышкой.

[2] У абзаца на полях пометка красным карандашом: «Эпизоды».

В 1 час приехали в Калинце. Полк — 656-й Драгомир[чанский] стоял покоем, на правом фланге каждого батальона красное знамя с надписью: у 1-го — «Слава павшим за свободу»... что-то в этом роде, у 2-го: «Да здрав[ствует] Своб[одная] Россия...»; у 3-го — «В единении офицеров и солдат — сила», «Борьба до окончат[ельной] победы»; у этого же батальона у офиц[еров] и солдат были красные банты... Почувствовалась жуть, но комкор взял себя в руки и сделал вид, что все по-старому... Но на всем лег отпечаток вялости; идеи распылились, и не было единства. Прошли (исключая 2-ю и 3-ю роты) плохо, отвечали еще хуже. Говорил комкор совсем мало и вяло... спешили разойтись. Носители 3 знамен простояли еще дураками на всеми покинутой площади, пока кто-то из офицеров не догадался их отпустить по домам. Оказалось: выборный комитет решил одновременно с парадом отпраздновать и свой праздник. Поговорили, поспорили... и вышло, как сказал. Обед прошел недисциплинированно, кучками, запели до тостов, частные тосты пошли раньше общих, многие скоро опьянели... дисциплина застольная оказалась потерянной. Много иронии в воздухе: «граждане», «отсталые» и т. п. Комкор сказал умно; Щедрин закончил хорошо: «У вас написано „победа“, и я с Вас это потребую, чтобы это было действительно, а не реклама...».

Ком[андир] полка — Богачев, не севший в седло (по меткому выражению Плена) и выпустивший полк из рук (мысль комкора), говорил плохо, скороговоркой... не было настроения, а лишь сплошная тревога... Я говорил на тему: «В первый раз подошел к фронту иначе, чем подходил много раз раньше. Необычная картина. Мысли хорошие, но их много. Мне вспомнилось давнишнее. Рассказал эпизод с киргизом в Алайск[ой] долине. Исполнил ли бы он свою смертную миссию, если бы думал о многих вещах: ауле, семье, Ал[айской] долине, далекой России? Нет. Вы разбросали свое сердце, оно распылено, а в нем должна быть только одна мысль — победа. У кого нет этого пламени, нет конденсатора, тот дрогнет, погубит себя и других. Тому я советую вырвать этот ненужный кусок

мяса и бросить его в сторону... За горячее боевое сердце русского офицера. Ура!»...[1]

Сказал не плоше обыкновенного и цельнее, с удержанным до конца подъемом, но... публика была полупьяная, и эффект вышел не цельный.

Инсп[ектор]-адъют[ант] штаба 164-й див[изии] (шт[абс]-кап[итан] Забелло) сказал (довольно складно) на тему, что он меня слышал на всех 4 крестинах (ошибся) и призывает всех воплотить проповедуемое мною... Закончил: «За великую Россию и за генерала Снесарева»...

22 марта 1917 г., Тысм[яница]

Вчера, после моей речи, когда я гулял, подходил офицер и от имени 42 офицеров, т. е. «большинства», заявил мне, что они совершенно примыкают к моей идее, они враги эксцессов, стоят за окончательную победу и, значит, за дисциплину; к сожалению, меньшинство галдит и кричит. Я его поцеловал и заметил: «Я рад, что я не один».

Прибывший генерал для очистки тыла рассказывает: 1) прапорщик вел пополнение и не мог довести: сидят, лежат, думают, курят. Вышел из себя, схватил за шиворот и закричал: «Слушай, ё — т... мать, т[... лист испорчен] гражданин, с-ин сын, ср...я ж..а, если ты не встанешь, я ... ». Парламентарии поднялись и пошли как следует; 2) полков[ник] и прапорщик беседуют в вагоне, а писарь встревает в разговор. Полковник, потеряв терпение: «Ты видишь, разговаривают: оставь нас в покое». Писарь: «а) г-н полковник, не забывайтесь, теперь на „ты“ не говорят, а б) теперь свобода, и всякому разрешатся иметь свое суждение»; 3) в купе 1-го класса едет дама и пять бесплатных филек. Дама — что остается делать — говорит, что видела в Петрограде и как ораторы говорили. Один из филек: «Пусть, пусть приедут сюда, да назовут меня „оратором“: я им покажу „оратора“. Дама: да Вы не понимаете, очевидно, что такое оратор; тут ничего нет бранного». Филька: «Знаем, что знаем... пусть попробуют»...; 4) в Петрограде, при разгроме армии и флота

[1] Этот абзац выделен на полях чертой и надписью синим карандашом: «Моя речь 21 марта в 656-м п[олку]».

один из серых освободителей стащил несколько десятков ножей и вилок. Заметили уже прохожие и настояли, чтобы он вернул...[1]

Врем[енное] Правительство сбежало в Ставку. Что это значит, не ясно; некоторые думают, что убежали из Петрограда от солдат и рабочих под защиту армии, а оттуда, мож[ет] быть, в Москву. Говорят, что 2-й кав[алерийский] корпус уходит в тыл, не на усмирение ли крестьян? На погромы намекают: 1) радиотелеграмма немецкая о Воронеж[ской] и Саратов[ской] губерниях; 2) задержка некоторых отпускных «для прекращения беспорядков»; 3) статья «Русской правды» (с Керен[ским]), в которой проводится параллель между отчуждением и погромом... Все это законы жизни, их же не перейдешь...; 4) неблагополучно и в Симбирской (Лыгин)[2].

23 марта 1917 г., Тысм[яница]

Вчера прибыл комкор с Мефистофелем [Крыжановским]. Существенное в словах комкор следующ[ее]:

Гучков (9–10 марта) написал Алексееву письмо: «Теперь надо говорить только правду: а) правительства сейчас нет, надо признаться и б) то, что я ввел, знаю скверно, но было сделано под давлением Комитета солдат и рабочих... Мы хотели Ответ[ственного] Министерства и только, и дай 25 февраля Государь его, все пошло бы иначе, но совершилось то, что мы не предвидели... Рабочие сорганизовались первые, и нам грозила полная всероссийская забастовка... Дальше буду бороться. Что вы думаете о положении? Ж[елезные] дороги в их руках, заводы, телеграф... Хотя я и не военный, но 3 года присматривался и имею довольно ясную картину: запасные бат[альо]ны будут ходить с крас[ными] знаменами и под предлогом оберегания знамен в окопы не пойдут, но часть пойдет, а затем мы вам дадим новобранцев, только обучите сами (35 [тысяч] на 7-ю армию). Из тяж[елой] артиллерии та, что застряла в Цар[ском] Селе и т. п., пропала, но часть будет, а из снарядов если не 1000, то 500–700 все-таки. Политика такая: собрать запасы

[1] У абзаца на полях красная линия и надпись: «Эпизоды».

[2] Этот абзац выделен на полях синей волнистой линией.

и снаряды в районе армий, где жел[езные] дороги в наших руках, на ½–1 месяц, а затем предъявить требование...»[1]

Алексеев ответил: «Положение, вижу, серьезное, и надо создать выход». Письмо перебито письмом Жанэ, который написал Алексееву: «Союзниками было решено переходить в большое наступление весной. Англ[ия] и Франц[ия] перейдут 26 марта старого стиля; мы знаем, что германцы получили резерв сокращением фронта и сформированием частей, но не боимся; только бы не потянули с русск[ого] фронта. Выполнят ли русские свои союзные обязательства при новых обстоятельствах». Вопрос не в 10 днях, конечно. Алексеев ответил уклончиво, ссылаясь на неожиданные стихийные обстоятельства, «конечно, и революция».

Потом Алексеев продолжает: можно а) отойти в более слабых участках; б) сделать большой отход на более прочные позиции и в) перейти в наступление, в какое можно... Предложено на обсуждение фронтов.

В Юго-З[ападном] фронте начал Щербачев и сказал: Алексеев заработался и устал, да и вообще строя не знает, почему его предложения неприемлемы. Отходить частично нельзя, здесь что ни есть, все-таки есть; отходить всюду — при тепереш[ней] обстановке вызовет панику и срыв всего фронта. Остается — переходить в наступление: а) можем; б) да и обязаны пр[ед] союзниками, ибо иначе грош нам цена... К этому примкнули и в таком духе ответил Брусилов...[2]

Крыжановский привез: 1) Бал[тийский] флот — перестреляли друг друга в упор: Андреевский флаг против Красного... погибли, вероятно, суда, и немало; Вр[еменное] Правительство не существует, как правительство, и все министры врут напропалую: Гучков, Керенский и т. п. Бежали они в Ставку по одиночке, тайком: конечно, об этом не пишут; 3) Сила остается за комитетом рабочих: в Кронштадте все офицеры в плену и чистят денщикам сапоги... 4) Москва с неделю тому назад перешла к Петрограду в оппозицию и ждет до 2–IV, а затем примет свои меры... Принимались

[1] На полях надпись красным карандашом: «Письмо Ал[ександра] Ив[ановича]».

[2] Вдоль этого и двух предыдущих абзацев полях надпись синим карандашом: «Переписка Жанэ и Алексеева».

проекты: а) атаковать самолетами Петроград, б) отрезать подступы и питание и т. п. 5) Все, что выше изложено, сплошное вранье и недомыслие... И Кер[енский] (о боеспособности Бал[тийского] флота), и Гучков все врут... и Алексеев также: нашли детей...[1]

Сегодня прибыли летчики-истребители, мальчишки один лучше другого: сухие, тренированные, с красивым — живым и печальным — взором. Они охотно говорят о своем деле, о своих союзниках и врагах — одинаково без горечи, но с восторгом, но совсем не касаются современных дел, как чего-то для них далекого и неинтересного. Один из них — Георг[иевский] кавалер — разбился насмерть при перелете сюда. Начальник отряда — пор[учик] Орлов — фанатик, сбивший 7 (2 во Франции и 5 здесь) аппаратов и представляет собою тип сухого юноши, пожалуй, несколько перетренированного, с воспаленным взором... Говорить с ними — наслаждение: переходишь от политических дрязг в сферу нервно-спортивных и вокругосмертных интересов и настроений...[2]

Из Харьковского запасного артилл[ерийского] дивизиона пошло 27 человек в арт[иллерийский] дивизион 117-й бригады; на пути старший с деньгами и книгами и 24 остальных разбрелись по свободам, а 2 православных, побираясь милостыней, добрели до дивизиона (да еще были прогнаны дивизионером)... Бедная «черная» пара, верная своему чувству...[3]

24 марта 1917 г., Тысм[яница]

Сегодня день, полный переживаний, но сначала, чтобы не забыть, факты Мефистофеля:

1) адм[ирала] Вирена поставили под шашку, навешав мешков с песком; подбадривали ударами под подбородок. Когда он заругался, то раздели, одели в простыню, облили керосином и сожгли... были в Кронштадте;

---

[1] У абзаца на полях надпись синим карандашом: «Мысли Мефистофеля».

[2] У абзаца на полях надпись: «Смертники».

[3] На полях надпись: «Эпизод».

2) из-под ареста выпускали офицеров и спрашивали, готов быть денщиком и чистить сапоги. «Нет», — застреливали, а остальные — чистят и до сих пор;

3) береговая артиллерия работала хорошо и много подводных крейсеров (нап[ример], «Ад[мирал] Макаров»);

4) в Москве дали понять Грузинову, и он уже начинает солдатиков брать в руки...;

5) в «Утре России» есть заметка о силе комитета солд[атских] и рабочих депутатов; они заявили себя Государ[ственным] учреждением и потребовали 10 милл[ионов][1].

Около 7 часов я выехал к летчикам отряда истребителей, где обсудил с офицерами задачу, видел, как Орлов поднимался, и поехал дальше. Меня сопровождает Орлов, который, оказывается, падал 15 раз и весь изломанный... «Я весь составной», — говорит он и поворачивает нос (хряща нет), заворачивает как-то большой палец, щелкает вставной челюстью и т. п. «У немец[ких] летчиков плохое сердце, удирают, а французы по природе искусны, но больше летают за деньги... жадны, мало спортивного. Англичане, как летчики, дрянь, и аппараты дрянь: практично прочные... Говоришь с летчиками, — душу отводишь...»

Поехал в Поднетары — в 12-й воздух[оплавательный] отряд, — где много говорил с ребятами об их начальнике отряда, о свободах и т. д. Очевидно, дело тут было дрянь: били, не додавали и т. п. Милые и разумные, но форменные дикари: больше что-то чуют и о чем-то догадываются, чуют опасность и пересола свобод, но все это так далеко от способности практически использовать полученные свободы. Остановились на том, что будет Инспект[орский] смотр, на котором они и заявят, что нужно, а начальство обсудит и вынесет свой суд. Каж[ется,] по-хорошему, но надолго ли, и не поблажка ли...

Возвратился назад и в 10 часов пошел на заседание солдат Управления штаба, выбирающих депутатов. Боялись, что поведу, но я им объяснил приемы: выбор председателя, секретаря, значение платформы, намечание кандида-

[1] Вдоль списка на полях надпись синим карандашом: «Данные Мефистофеля».

тов и т. п. А в заключение сказал, что отнестись надо серьезно и хорошо, если бы они вынесли свое решающее слово о необходимости воевать до конца или что-либо в этом роде... В конце предложил тем, кто верует, осенить себя крестом. Ушел, — благодарили.

25 марта 1917 г., Тысм[яница]

Вчерашняя радиотелеграмма немцев говорит между прочим: «Beim Wegnehmen des Brückenkopfes von Toboli am Stochod am 3.–4. April sind in unsere Hand 130 Offiziere über 9500 Mann, 15 Geschütze und etwa 150 Maschinengewehre und Minenwerfer auch viel Kriegsgerät aller Art»[1]...

И такое несчастье после месяца мелких неудач и ни одного успеха с нашей стороны, когда уже объявлены «свободы», и руководители все лелеют надежду на подъем армии от громких фраз и посланий при систематическом разложении армии. Какие же надежды и права? Нужно же послушать голос жизни. Отменили смертную казнь, а губят сотни лучших людей!..

В «Последних Новостях» от 21 марта в телеграмме «Мертвая зыбь на бирже» (От соб[ственного] кор[респондента]). Петроград, 21. Биржевая жизнь замерла с некоторыми капитальными ценностями, сделок почти никаких. Курс только приблизительный. С дивидентными бумагами вакханалия: цены тают не по дням, а по часам. Биржевики, благодаря небрежности отдельных банков, застряли с большими портфелями дивидентных бумаг. Многим грозит разорение. Банки отказываются выдавать по онкольным[2] счетам какие-либо суммы. Биржа по слухам откроется после праздников... Это — вторая тяжкая данная, которая подводит горький итог переживаемому времени.

А ген[ерал] А. А. Брусилов доносит А. И. Гучкову, что на в[оенном] совете Ю[го]-Зап[адного] фронта единогласно

---

[1] «При отбитии плацдарма у Тоболи на Стоходе 3–4 апреля в наших руках оказались 130 офицеров, свыше 9500 солдат, 15 орудий и около 150 пулеметов и минометов, а также много техники всех видов...» *(Пер. с нем. В. К. Белозерова.)*

[2] Онкольный счет — текущий счет в банке, открываемый под залог товаров и ценных бумаг, от *англ.* on call account.

установлено, что армия находится в состоянии полной боевой готовности! Наст[роение] войс[к] прекрасное... Войска не дождутся, когда выйдет приказ о наступлении... Каков, этот вчерашний соц[иал]-демократ, а позавчер[ашний] — военный автократ! Воспитанный в конюшне В[еликого] К[нязя] Н[иколая] Н[иколаевича] и пропитанный духом подхалимства, он пополз теперь животом пред M-me Революция![1]

26 марта 1917 г., Тысмяница

Начинает понемногу чувствоваться отрезвление, напр[имер], в «Арм[ейском] Вестнике», раздаются умные голоса на собраниях и т. п. 1) С другой стороны, Вр[еменное] Правительство отдает к исполнению приказ об убавлении рационов, «обсудив его с Исполнит[ельным] Комитетом солд[атских] и рабочих депутатов»..., а офицер 75-го Севаст[опольского] полка, как очевидец, рассказал ген[ералу] Нечволодову такие картины: 2) на станции Жмеринка раненый прапорщик идет мимо группы солдат и отвечает им на отдание чести; но один солдат продолжает курить. Прапорщик: «Почему ты не отдал мне чести?» Солдат: «Вр[еменное] Пр[авительст]во приказало говорить на „Вы“ и не отдавать чести». Прапорщик: «Тогда прошу меня извинить». Солдат уходит, приводит толпу (в 200 чел[овек]), подходит к прапорщику и со словами: «За то, что Вы на мои слова ответили дерзостью» убивает его наповал. Офицеры к коменданту: «Примите меры к аресту...» Комендант: «Теперь каждый заботится о своей жизни... Прошу не поднимать истории»; 3) в Одессе идет полковник, мирно и тихо, чтобы подышать свежим воздухом или купить что на базаре, подходят лица и говорят: «А, Вы за Старое Правительство! Пойдемте под арест», и тянут раба Божия; 4) в тылу уймы немецких шпионов, которые переодеваются в солдатское платье и в программном порядке вызывают эксцессы[2].

Ал[ександр] Дмит[риевич] Нечволодов отправился в Петроград. Я ему дал письмо к Лавру Георгиевичу. О чем

[1] У абзаца на полях надпись красным карандашом: «Брусилов».

[2] На полях абзаца надпись красным карандашом: «Эпизоды».

он хочет просить, не догадываюсь. Есть у него женщина, из близких к царскому кругу (догадываюсь по его же словам): хочет ли он ее [текст испорчен]дить или что-либо другое, сказать трудно: Ал[ександр] Дмит[риевич] — человек нервный, наскока, и может выскочить, хотя и себе на уме... там где-то внутри. Во всяком случае, что-то удержало меня от дачи ему письма для передачи женушке.

В 11 часов состоялось заседание под моим председательством (входило человек 60 = командиры отдельных частей + офицеры комитетов). Вопросы мною были намечены так:

1) отношение офицера и солдата друг к другу: а) сохранение дисциплины и порядка в целях победы; б) убережение солдата от крайностей политики и быта; в) сохранение его за собою и усиление им рядов нашего политического круга;

2) подготовка к избирательной кампании: а) наше credo; б) способы взаимного опознавания и организации; в) практические задачи;

3) реагирование на текущие события: а) путь выступления и заявлений; б) наша программа...;

4) какие-либо иные вопросы...

Все свелось к обсуждению взаим[ных] отношений офицера и солдата; более старые (боясь или не веря новому порядку) гнули к практике: как заставить солдата исполнять приказание или поставленную задачу... в речах много мраку; более молодые сводили речи ко взаимному доверию, отталкивали временные эксцессы и смотрели бодро на настоящее и будущее. «Отдание чести» заняло всех и нельзя было стащить: старые — внешнее выражение дисциплины, а молодые — лишний повод к недоразумениям... Ни к чему не пришли. Назначена комиссия, которая во вторник сформулирует, а в среду в Станиславове новое собрание от 10 сколько влезет...

27 марта 1917 г., Тысмян[ица]

Сегодня производил инспект[орский] смотр 35-й отд[ельной] сотне: поздоровался, смотрел на выводке лошадей, а затем обмундирование. После в кружку спрашивал претензии и поговорил. Корил, что не обратились прямо ко мне, а стали слушать орателей, которые [Бог] знает, куда

гнут, и читать жидовские газеты... Разобрал с ними отпуска, установил норму и настроил... Как после говорил сотенный командир, они просили у него прощения. Комкор был в Чернеюве, где решал попутные вопросы; его увлечение: вырыть погреб под брошенным домом и из-под него стрелять, а дом засыпать землею...

От женушки получил два письма, одно с описанием торжеств дня рождения (18 марта) Кирилки, которому теперь 9 лет... Чувствуется, что женка находит примирительные пункты; оно и понятно: помимо однообразного крика, нервная атмосфера в воздухе дрожит в унисон... Как только у нее там, в глубине, где так много годами было заложено военного, монархического и государственного! Первые два туда-сюда, а последнее... с ним расстаться трудно...[1]

Слишком много страсти, много мстительности обнаружили страницы революции, что лишает и ее, и возвещенные ею свободы спокойствия и благородства. Или это нервность, иль боязнь, или недостаток кругозора? На Марсовом поле тщательно отделяются жертвы — защитники Н[ового] пор[ядка] от защитников Старого (Боже, упаси!... А последние не более, как люди, верные тому, чему принесли присягу и во что веровали... словом, не были плясунами, как Брусилов, Рузский, Леш и т. п.); арестованных переодевают в арестантское платье, льют непрерывные помои на семью Романовых, доходя до глубоких интимностей; относительно Иванова кричат, пусть сам несет багаж (ведь старый человек, оставляя прочее) и т. д., и т. д. Разве не приобрела бы Революция больше красоты и благородства, разве не красочнее и лучезарнее были бы свободы, если бы это все было избегнуто![2]

28 марта 1917 г., Тысм[яница]

По поводу катастрофы 21 марта в 3-й армии (где генер[ал] Леш оказался первым генер[алом]-гражданином) Алексеев дает след[ующую] телеграфную директиву:

---

[1] На полях этого абзаца пометка: «Жёнка».

[2] На полях этого абзаца — красная черта и надпись: «Мстительность и нервность».

«В течение последних 5 недель по сведениям, получаемым как от пленных, так и путем воздушной разведки, совершенно о[пре]деленно намечалось стремление противника произвести атаку против нашего плацдарма на левом берегу Стохода в районе Тоболы-Червище. Представлялось вполне определенным, что противник попытается произвести наступление с наст[уплени]ем оттепели, когда явится затруднение и т. д. (у меня есть копия). Наиболее интересны потери: офиц[еров]: убито — 2, 32 — ранено, контужено, отравлено и 150 пропало без вести; солдат: убито — 76, 994 — ранено, контужено (17), отравлено газами (740) и пропало без — вести 11 014.

Потери матер[иальной] части: винтовок — 7351, винчестер[ов] — 62, карабинов — 281, пулеметов: Мак[сима] — 48, Кольта — 36 = 84, бомбометов — 32, миномет[ов] — 7, противоштурм[овых] орудий — 10... То есть, сгибло 1½ дивизии, а разбит целый корпус...

Алексеев дает свой инт[ересный?] анализ: 1) артил[лерия] — на пределе; 2) плацдарм для наступл[ения], но не для обороны; 3) на Стоходе переправы не обеспечены... Я же нахожу намеки на результаты новой политики: 1) сопротивляемость ничтожная — 70 уб[итых] и 200 раненых: не дерутся; 2) 5 т[ысяч] убежало к противнику, бросив винтовки, и из таких мест, где брошенные винтовки не пропали; 3) не оттого ли что Леш — первый ген[ерал]-гражданин, и, значит, развал начался рано и дружно; генералы-граждане работают отвратительно на ратных полях...; 5) 2 уб[итых] оф[ицера] — ком[андиры] полков[1].

В ночь с 26 на 27 марта в 23 ч[асов] 45 минут пришла шифрованная телеграмма через Головина от Брусилова; так[ое] содержание: «Согласно оснований, приведенных в такой-то телеграмме (о беспощадном омоложении армии) и с указания воен[ного] министра отчисляю комкора XII Казнакова от командования корпусом. О заместителе последует дополнительно». До утра не объявлял, а утром разбудил Крыжанов[ского] и уговорил его идти... Дал гро-

[1] На полях этого абзаца надпись: «Политические причины разгрома».

моотвод: Лодзь и «указания в[оенного] министра»... Жаль мне старика, присягнувшего спокойно, сохранившего в покое корпус и целый год не имевшего неудач... Человека кристалл[ически] честного, верного принятому долгу, будто суровому (под диктовку долга), но страшно доброму и без конца тактичному...[1]

29 марта 1917 г., Тысм[яница]

Сегодня проводили старика, расцеловались, я сказал ему, чтобы он не падал духом. Выстроилось 4–5 офицеров, он сел и уехал: был человек (бол[ьшой] начальник) и нету; так и все человеческое — скоро преходяще и условно-ценно.

Потом я поехал в Станиславов, где председательствовал в собрании 99 офицеров. До моего приезда Тимонов выпустил все из рук, и поднялись новые вопросы — о правомочности и т. п. Этот вопрос решен положительно. Затем уже при мне: какая цель и не законодательная, т. е. та, что уже общими чертами намечена. Поговорили вновь на тему об отдании чести, обнаружилось два течения: приказанное, красиво и искренно иллюстрированное ген[ералом] Николаевым (проявление воли до конца, впереди смерть надвое, а сзади неизбежно) и новое, говорящее о внутренней дисциплине и новом солдате... нечего, кроме фраз, конечно, не давшее... Замечали, что даром потеряли время. Я резюмировал в трех течениях и предложил переизбрание, так как комкор[а] нет, и нужна нравственная поддержка общего избрания. Я был избран 92 голосами (из 99), а Дешевов — секретарем. Мне много аплодировали и вообще привыкли... Составлена комиссия открытым голосованием. Дома был около 5 час[ов]...

Кап[итан] Махров от имени командарма спросил меня, согласен ли я принять сейчас же 159-ю пех[отную] дивизию. Я: «Прошу доложить командарм, что дивизию принять готов и благодарю за доверие». Дивизия стоит в районе Трембовли, в резерве командарм[а]; ее полки: 633-й — Ахалкалакский, 634-й — Сарыкамышский, 635-й — Киселинский и 636-й — Сокольский. Завтра мне уже телеграфировали, кого

[1] На полях этого абзаца пометка синим карандашом: «Казнаков».

я хочу вместо Иелиты фон Вольского (ком[андир] 634-го), я: полк[овника] Петровского 45-го Азов[ского] полка.

Крыжан[овский] (по поздним заявлениям злой сплетник) говорил: 1) Вр[еменное] Правит[ельство] идет на заключение мира, т. к. чувствует, что не может справиться с задачей; 2) аграрное движение идет по периферии (центр в Москве); очаги — Воронеж[ская], Тамбовская, Самарская, Саратовская, Калугская [губернии]; 3) болтают об ультим[ативном] заявлении Англии: если Вр[еменное] Правит[ельство] не заявит себя сильным и дисциплина в войске не будет восстановлена, то Ан[глия] заключит сеп[аратный] мир ценою оставления за Германией, что она в России имеет и уступкой В[осточной] Сибири в пользу Японии. Ужин прошел скучно и тихо... не было старика, беседующего и покуривающего[1].

30 марта 1917 г., Тысмяница.

Вчера прибыл Димитрий, привез от женки письма и подарки. Вынесли они немало, и все счастье, что дети — малы, что все пролетает мимо их узкого и эгоистического дет[ского] любопытства. Осипу надо будет оставаться, пока он не отвезет их к Ане или Лиле. Сегодня ездил в Марковце к летчикам, где завтракал, провел на аэродроме время, давал директивы и болтал... Один — наблюдатель — оказался моим учеником по Ташкент[скому] р[еальному] училищу. Орлов говорил много забавного про французов: 1) все на артиллерию; заберут артиллерией линию и идут к себе, выкуривая немцев; 2) скупы до безобразия: едут за франк и считаются, ругают свои дешевые медали и т. п.; 3) гнилье, рвань и дрянь, от 3 рюмок коньяку мокр[ые]; 4) в трамваях мужчины сидят, женщины стоят... франц[узская] вежливость исчезла; 5) религиозность с войной возросла, число браков усилилось очень... Народ — дрянь...[2]

Приехал Толстой-Милославский, который все страшное время прожил в Петрограде. Он говорит ужасы, хотя, как развратный, изленившийся и трусливый мальчишка, он

[1] Вдоль этого абзаца надпись синим карандашом: «Мысли Мефистофеля».

[2] На полях этого абзаца надпись синим карандашом: «Французы».

слишком темнит: 1) в России анархия, и страна погибла... спасения нет; 2) Вр[еменное] Правительство хотело бежать в Москву, но перехватили и обещали повесить; у каждого министра «адъютант»; 3) Москва в оппозиции, и оттуда спасение... ездят в Петроград уговаривать; есть: «ни одного вагона»; 4) на юге самозванец, внук Алек[сандра] II, около которого группируются и о котором Львову доносят каждый день; 5) в гвард[ейских] частях на фронте выборные начальники... там были ужасы; 6) в Петрограде было столпотворение, если и тише, все [...][1] тишина ужасная. Цензура — страшная, тайных шпионов в 10 раз более, чем прежде; нем[ецкие] шпионы кругом работают; 7) в Кронштадте убито 300 офицеров, а всего более 1 т[ысячи]; сам видел, как два солдата держали, а третий бил по морде полк[овника] Ген[ерального] штаба; 8) Бутаков (адм[ирал], родст[венник] Казнакова) сам стал к стене и скомандовал себе «пли»; 9) Вирену отрубили голову и катали в присутствии жены и дочери, затем последнюю многие насиловали, пока она не покончила с собою; жене приказали себя угощать, пока с нею не [случился] удар; 10) Англия и Франция, в лице послов, заявили, что если свору не возьмут в руки, то они [заключат] сеп[аратный] мир, а Японии — Вост[очную] Сибирь... Все это стишком мрачно и страшно, чтобы быть справедливым.

Вечером, по той же редакции как и Казнаков, отчислен А. Д. Нечволодов; вероятно, за сказания о Русской Земле[2].

31 марта 1917 г., Тысм[яница]

Вчера был летч[ик]-истреб[итель] Бычков, который много говорил на тему, как им грустно, что я ухожу. Он намекал, что к ним вообще пристрастны и требовательны, вообще — чужая жизнь своей дешевле. Сегодня они одержали две победы: Макионек (при помощи Янченко) сбил непр[иятельский] аппарат, который сгорел; и Гильшер сбил (сомнительно) другой; я им послал благодарность комкора, и они сияют.

---

[1] Страницы дневника, следующие далее, испорчены в нижнем углу, поэтому некоторые части текста — трудно, а отдельные — невозможно восстановить.

[2] Этот и предыдущий абзацы выделены линиями и надписью красным карандашом: «Ужасы Толст[ого]-Милосл[авского]».

Утром написал женке большое письмо и по письму каждому их трех малых. Все послал с Устиновым, которому дал наказ вывезти из Петрограда... Надо убраться оттуда по 3 причинам: 1) высадка десанта; 2) паника при неудаче на Северн[ом] фронте и 3) изолирование Петрограда со стороны Москвы...

Начинается отрезвление: 1) статья Кирова в «Русс[ких] Вед[омостях]»; 2) призыв к работе 75 т[ысяч] штыков... «Иначе примем свои меры»... Но лозунг «республика» — всеобщий, и о монархии все забыли...

1 апреля 1917 г., Тысм[яница]

Приказ по 7-й армии от сего [дня], касающийся смены VII Сибир[ского] корпуса XXII, начинается такими словами: «Чтобы дать отдых частям VII Сибирского корпуса, стоящего на особенно трудном участке бессменно уже семь месяцев, приказываю»... и т. д. Это уже форменная слезника[1], а не приказ: позорное и подлое явление; если уже к[омандую]щий армией начинает провоцировать критику и резонирование, то что сказать про других начальников...[2]

Получена сегодня на имя комкор[а] 12 бумага, от 25 марта за № 2560 об омоложении армии; подписал в[оенный] министр Гучков и пом[ощник] в[оенного] м[инистра] ген[ерал]-лейт[енант] Филатьев. Эта тихая бездарность, как блоха, всюду и при всех порядках пролезет. Бумага написана неряшливо, с повторениями, без подъема... очевидно, быстро выполняется наряд. Содержание: война 3 года, удачи, но и неудачи. Одна из причин — неподготовленность высшего команд[ного] состава: механ[ическое] замещение, частные соображения, боязнь характеров... Плохо, но и то, что было, не умели использовать. Есть и хорошие (часть погибла), но есть и плохие. Приближается решительный момент, который решит судьбу нашу и всего мира. Теперь надо выбирать лучших людей, выжимки из великого народа. Самый широкий пропуск вперед талантливых. «Лишь люди,

[1] Слезная просьба (*устар.* или *шутл. ирон.*).

[2] На полях надпись красным карандашом: «Декларация об обмолож[ении] ком[андного] состава армии».

исполненные истинного патриотизма, одаренные крупными талантами, люди с сильными характерами должны иметь доступ к тем ответств[енным] постам, от которых зависит судьба Армии, а с нею и (судьба) страны. Не сомневаюсь, что принятие такой системы и проведение ее быстро и беспощадно, вызовет в войсках доверие к своим вождям, а у страны укрепит доверие к Армии и веру в победу». Далее: порядок, и куда деть выброшенных. Спрашивается личное мнение (без запроса следующих по старшинству):

1) годен к немедленному выдвижению на высшую должность и какую именно;

2) годен к оставлению на заним[аемой] должности;

3) не вполне соответ[ствует] зан[имаемой] дол[жнос]ти, но без вреда для дела может быть оставлен на так[овой] впредь до под[ыскания] соот[ветствующего] замест[ителя];

4) настолько не соответ[ствует] занимаемой должности, что подлежит немедл[енному] устранению.

Прочитал в один присест Марка Криницкого «Женщина в лиловом», стр 201. Очевидно испод[нее] романа — нервнополовая платформа. Мужиковатый архитектор Колышко собирается жениться на «нормальной» разводке Сусанночке и вдруг внезапно и настойчиво вклеивается женщина в лиловом Вера Николаевна Симсон. Берет архитектора нахрапом: в 1-ю ночь ведет его по пути новых испытаний, во вторую достигает того, что он ее бьет стэком... 3-я ночь не описана: Нумми (она) у Ненни целовала ноги... Сусанночка застрелилась револьвером, умышленно оставленным Верой, а эта внезапно бросила Колышко и уехала за границу. Что-то из области новой, в[о] всяком случае, больной любви. Хороши диалоги, сравнения и отдаленные горизонты неизведанных, но не обыденных страстей...

В немецкой радиотелеграмме от сегодня потери союзников от подводной войны за первые два месяца (Ausbeute unbeschränkten Unterseebootkrieges während beider ersten Monate) определяется в 1 640 000 тонн, из которых 781 т[ысяча] приходится на февраль и 861 т[ысяч] — на март. По меньшей мере, 1 милл[ион] приходится на долю торгового флота Англии. «Значение этих цифр вытекает из факта, что к началу февраля, за уменьшением судов на военные нужды,

[Англия] располагала только разве 7 милл[ионами] тоннажа и, значит, в первые два месяца потеряла 1/7...»[1]

Образец из «Женщины в лиловом»; она говорит в первую отдачу ([стр.] 83): «Мой друг, я не гожусь для роли жены. Я не знаю: может быть, должно существовать то, что зовется женою и матерью. Женщины с широкими бедрами и большим бюстом, похожие на молоч[ную] корову и предназначенные родить детей. Я питаю к этой породе отвращение и страх. Мне кажется бессмысленной жестокостью разведение детей. Повторение жалких копий из поколения в поколение, когда люди еще не научились всех заложенных в них самих и в жизни возможностей. М[ожет] быть, этот процесс, как говорится, должен идти параллельно? Я не знаю. Между [мною] и такими нет ничего общего. Ведь я — то, что [назы]вается развратна. Потому что разврат — это любовь ради любви. Так называют люди. Почем я знаю. Вас это пугает, мой друг?

Она чувственно коснулась его лица тоненькими пальцами, и ее дыхание щекотало ему шею. Она рассмеялась долгим, гаснувшим в конвульсиях смехом.

У любви есть свои законы и лабиринты, как у брака и семейного быта. Милый, я бы хотела увлечь вас в эти сады утонченной и нежной ласки.

Ее голос делался певучим и ласкающим. Обвивая его шею осторожным объятием, она нашептывала: „Я бы хотела научить вас больше любить и понимать законы и извилины страсти. О, иначе я никогда не удержу вас при себе. Вы слишком свежи и девственны. Вы не знаете, что человеческий дух и тело должны вибрировать, как звук самой искусно выделанной скрипки“.

Голос ее был немного жуток. Он шевелил новые желания. М[ожет] быть, только преступные, м[ожет] быть, только изощренные. Целомудренный в ласках, он чувствовал и прежде, как в нем копошится зверь мучительно-острых, еще ни разу не утоленных желаний.

Покорный, он отдался в ее власть».

---

[1] На полях абзаца надпись красным карандашом: «Подводная война».

2 апреля 1917 г., Тысм[яница]

Ночью помолились в походной церкви 335-го госп[италя] (певчие пели славно), потом разговелись в нашей столовой, украшенной елками и освещенной электричеством, а потом (около 3) лег спать, и в 7 уже встал. День прошел празднично, а после обеда поехал в XXII кор[пус] (Коломыя), в который я вхожу и от которого хотел получить ориентировку. Тут ходят со знаменами («Да здрав[ствует] Своб[одная] Россия!», «Да здрав[ствует] Демократическая Республика!»), граф Кам[енский] со смотра приехал с красным бантом (пришлось одобрить)... У них тихо, но нет шансов на атаку... А данные такие:

1) в VII Сиб[ирском] корпусе (его поэтому и сменяют) 2 полка отказалась идти в окопы; начдив и комкор исчерпали все, приехал командарм, говорил 4 часа (до хрипоты) и: «кажется, уладилось»... решил сменить, давши XXII корпусу только две недели...

2) подп[?] Левицкий (в 7-й армии письмо от 28 марта [...] 4 пишет: «В 10-й армии в одном из корпусов солдаты изгнали нач[альника] дивизии и командира корпуса... словом, развал начинается»...;

3) в нашем эскадроне Крымского полка с началом свобод перестали чистить лошадей, и начался бардак. Сошлись и решили, что так нельзя, надо восстановить старое и дисциплину, а кто против — будут сами бить. [...]

4) Обручев (комкор 22) «хорошо говорит и успокаивает», по словам графа (по нынеш[ним] временам большое достоинство); устроил парад и говорил (за Родину, Вр[еменное] Правит[ельство], Гучкова, глав[нокомандую]щего), кричали «ура» ему, хотели качать... Энтузиазм. Я: «А в атаку пойдут?». Граф: «Кто знает... Сомнительно». Я: «Тогда все это нереальный вздор»[1].

Мне приказало быть 4 апреля у своей дивизии. Она первая должна сменить 23-ю дивизию (штаб которой в Сюлко) и будет на правом шланге XII корпуса. Участок самый плохой и со стороны противника наиболее активный:

[1] Вдоль списка на полях надписи красным карандашом: «Случаи. Случаи».

прут, германцы и турки, ведут минные галереи, работают бомбометами и минометами и т. п.

3 апреля 1917 г., Тысмяница

Прибыл офицер с пополнением из Житомира. Говорит: у них прошло довольно спокойно, жиды подняли голову, на пути ни одного отставшего. Из Житомира отказывались ехать, если с ними не поедут кадровые, т. е. обучающие унт[ер]-офицеры; раненых оставили. Пришлось уступить. Ехали по жел[езной] дороге до самой Тысмяницы («иначе едва ли бы дошли»), отстали в пути около 500, 1 т[ысяча] прибыла... Вероятно из-за Пасхи, и скоро прибудут. Трудно, и маленький предлог, начинается галдеж. Один крик поворачивает толпу, и приходится отделываться ссылкой на шпиона. (Выраж[ение] гр[афа] Гейдена: среди соц[иал]-демократов, конечно, попадаются и люди умные, но соц[иал]-демократическая партия более всех других пригодна для дураков.)

4 апреля 1917 г., Тысмяница (до 7 ч[асов.), а с 10 час[ов] — Струссов

Вчера был на спектакле 5-го Ниж[егородского] полка; давали «Мельник аба[?]», «На перший гули» (ряд красивых монологов), оркестр (поваров) и т. д. Игралась «Марсельеза», но странно: ни энтузиазма, ни повторения; вероятно, не узнали или хотели не задеть «староверов». Спектакль прошел мило, солдаты — сама деликатность и спокойствие... Потом меня провожали; говорили: Невидов, Калишевский, Ларченко, Меньшов, Гершельман («настоящее»... «прошлое» и наоборот), Андреев (Владимир Назар[ович]... хорошо), Люстиг (крымец), Быковский (Ив[ан] Ник[олаевич]... дрянный и пьяный старик), Яцин (заика... поезд...).

Превознесли: на первом плане мое «джентльментство» в курьезном переплете с посещением окопов. Я говорил, но вяло: стыдно было и выставлять себя, и благодарить... Разошлись в 2 часа... Встал в 6, быстро собрался и в 7, провожаемый группой человек в 5–7, выехал... из людей никого не было, хотя говорил обозному офицеру...

Ехал через Нижниюв — Коропец — Бучач — Струссов, страшно холодный пронизывающий ветер... чуть не окоче-

нел... Со мною почти одновременно возвратился Черемисов (Влад[имир] Андреев[ич]) — встречаемся просто, отдаленно дружески. Он меня знакомит с обстановкой: дивизия бедна и обделена, но политически успокоена и надежна... много интересных деталей. В 12 часов собирал командиров полков, среди которых (33-го) Вл[адимир] Георг[иевич] Шепель... он уже готовит мне почву. Поговорил с ними насчет настроения, офицерства и т.п... бодрости достаточно... видимо, хотят быть подкрепленными больше. Мож[ет] быть, завтра поговорим еще. После обеда сидим, а потом гуляем с начдив[ом] и все говорим и говорим... Его точка [зрения] отвечает моменту; хороши 2 запретных положения: проповедь «долой войну» и — неповиновения или похода на офицеров. Утвердил приказ о смене...

5 апреля 1917 года, Струссов

Встал позже обыкновенного. Холодное тихое утро. Сегодня прибывают члены Госуд[арственной] Думы. В 10½ часов выехали, чтобы участвовать [в] их митингах. Их двое — Дуров (немного левее) и Деми[дов] (немного правее) — кадеты. Они говорят: один много, [другой] — меньше, и наоборот... поочередно. Говорили солдаты. [Когда] об общих вопросах, то приличны: готовы воевать, но когда переходят на личные вопросы (еда, жалованье), то страшно левы, узки, жадны и мстительны. Есть природные ораторы, но мало... Члены говорят слабо, неярко, хрипло. Слушал их 3 раза, и резко бросается их повторяемость. Ребята — православные: их повернешь, куда хочешь; свобода — их радость, чувства прав расширены и остры, чувство обязанностей еще туманно и вяло...

На дороге встретил Пюлля с Носовичем, и этот вручил мне письмо женушки: довольно правая и черная, вероятно, много страдает, «гостей» давно нет: осенью ждет наследника или наследницу... Смутило меня слово Носовича, что «лучше им послать сахарцу»...[1]

Шепель рассказывает, как оруж[ейный] мастер 256-го полка, объяснял солдатам политич[еское] credo. «Кон-

[1] На полях напротив последних предложений пометка: «Жён».

ституция — это такой порядок, когда вы будете получать 15 коп[еек] при своих харчах, а при Республике — 5 рублей на хозяйс[ких] харчах». Что хотите? Кричат: «Республику»[1].

6 апреля 1917 г., Струсов

Сегодня 33-й и 35-й — первый в 9 часов, второй — в 7 часов — выступили на позицию; Бог в помощь! Остается общее впечатление, что слишком взято влево: много флагов, много критики, вожжи слишком опущены. Из вчерашних речей видно, что ребята занимаются совсем глупыми вопросами (жалованье, винтовка...) и притом в стиле озлобленном и недоверчивом... Шепель вчера передавал разные "сомнения": послать людей вперед (а самим подождать): все ли будет оставлено на позиции; разведчики не хотели брать с собой хлеб — подвезут, мол, и т. п. Все это уляжется, и флаги надоедят, но вопрос: пойдут ли в атаку? Если этот вопрос наметится утешительно, то все остальное приложится, да и вообще не будет носить назойливо-тревожного характера. Кто знает, м[ожет] быть, наша «дисциплина», скорее мунштра, была предрассуд[ком?], и на верную смерть можно послать и [иным?] манером? Кто может предвидеть роль [...] комитетов? И нельзя ли их сделать ор[ганами?] своей власти, дисциплины и проводниками своих намерений? Ведь больше средств нет, а тогда единственный исход приспособить имеющееся под рукой средство.

Думаю утро о женушке, которая ждет «наследников»; как она дорога мне сейчас! М[ожет] быть, это эгоизм, даже дурно, но это естественно. Утро холодное, ветер поднимает пыль, что я так ненавижу, а я между тем полон радостного подъема: я думаю о моей женушке и шлю издалека ей мои признательные восторги и умиление[2].

После обеда ходил смотреть дивиз[ионный] обоз: лошади — сам ужас — малы, худы, заморенный и застарелый отброс. Телеги — новые распадутся на первом пути, а из старых есть тяжелые молоканские... Идем с див[изионным] интенд[антом], пыль режет глаза... говорим о новых време-

[1] Вдоль последней записи на полях надпись: «Эпизод».

[2] На полях абзаца пометка: «Жён».

нах: у него веры нет. По приходе домой застал возвратившегося Черемисова (Влад[имир] Андреевич); он делится впечатлениями от VI корпуса. Потом его провожаем; мы целуемся и... он исчезает на «Пирсе», извивающемся на дорожках парка... Я остался со своей дивизией — ничего не имеющей, бедной, обуреваемой новыми бурями. Что-то мне удастся сделать с нею, сумею ли повернуть ее в победоносное русло?

Мы много говорили с Черемисиным [Черемисовым]. Он человек простой, несложный, жизненный. Когда-то он перекрестился на пути с Бончой[1], а значит, и с Сухомлиновым, откуда его шансы в переживаемое время. На войне он: 1) 10 мес[яцев] командовал Серпуховским полком; 2) 10 мес[яцев] был ген[ерал]-квартирм[ейстером] 5-й армии (Плеве и Миллер), откуда его вышибли из-за шулера офицера; 3) затем был бригадным 32-й пех[отной] дивизии (ею 2 мес[яца] командовал) и начал[ьником] штаба XI корп[уса], 4) затем 6 мес[яцев] генер[ал] для поручений у Щербачева и 5) больше 2 месяцев командует 159-й пех[отной] дивизией... Теперь командир 12-го арм[ейского] корпуса... Хорошо складывается, а шансы — немного выше среднего[2].

7 апреля 1917 г., Струссов

Сегодня выступил 34-й полк. Всю ночь шел дождь, а утром дождь и снег, свежо. Игнат собрался и уехал с вещами, я остался до завтра, имея слабый расчет на получение автомобиля. Делать сейчас мне нечего, и я читаю Григория Брейтмана рассказы; в каждом убийство или несколько, все передергано, перетянуто, люди страдают сильнее, чем они могут, кричат, ёрзают... послать бы автора под хороший огонь, где больше смертей, и он увидел бы, что жизнь проще и нормальнее, и только через очки нервности и преувеличения она рисуется иной... надо снимать такие очки.

Двум транспортам приказано сегодня прибыть в Струссов; часть одного прибыла, а к 14 час[ам] соберется весь, а

[1] Очевидно, имеется в виду М. Д. Бонч-Бруевич.

[2] Далее приписка синим карандашом: «Сегодня послал Жёнке семьсот (700) рублей».

другого нет, хотя он и близко... А приказ из Армии! Можно ли теперь иметь расчет, что какой-либо приказ будет исполнен точно, когда он рискует даже быть совсем не исполнен! А дороги, не будут ли они теперь совсем запущены, так как продуктивность работы едва ли догонит естественную разрушаемость?[1]

8 апреля 1917 г., Струссов

Сегодня выступил 36-й полк. В нем 200 оказались босыми, и их пришлось оставить. Незадолго все сапожные нужды были форсированно покрыты (1,3 т[ысячи] сапог запаса выданы), в остальных полках все обуты... значит, начальник хоз. части 36-го п[олка] — шляпа и не принял мер: без починки сапог горит.

Утро сегодня тихое, прохладное и пасмурное. Ночь спал нервно — чудился конец мира: вероятный отголосок суммы недавно пережитого. Кончил Григория Брейтмана «Рассказы», Том I «Арест снят»...

Заглавие ..... Стр.
Невинно осужденный (показал палач...хорошо).....1
Митька Корявый (убивает Рябинина, душит сыщика...) 23
Убийца (спас городового, а нападавших повесили... что-то больное) 61
Дети в гостях у палача (арест[ант] убив[ает] взаимно палача).....69
Кафе-шантан (Дубровина трав[ят] «берт[олетовой] сол[ью]», Рылеев — стреляется) ..... [?]
Пропавший труп (повар угощает повеш[енным] братом...гадость) .....
Удар (муж-сиф[илитик] заразил жену, к-рая это скрыла..) .....
Бунт (больные забунтовали, и их избили...) .....
Встреча (муж с женой встречается... «он не ревновал») .....
Коля (бросается из окна: мать выходит замуж) .....[2]

[1] На полях абзаца линия и надпись красным карандашом: «Н[овые] эпизоды».

[2] Концы предыдущих строк дневника испорчены.

Автор — слаб, хлеб добывает трактовкой ужасов, да модно-висельными темами. В каждом рассказе смерть, а чаще две и больше; при чтении нервирует, а потом остается неприятное чувство, вроде гадливости... В 10 рассказах 16 смертей, почти 2 на рассказ... Гадость. Красок никаких, тональностей нет, психол[огический] анализ — путаный, нудный, натяжной, природы нет...

5 апреля, в 36-м полку один солдат — красивый, худоватый, довольно наглый — держал речь: «Мы босые... куда мы пойдем; винтовки — 2 раза выстрелил и бросай; кухни — в походе вода выльется, и останется одна каша; жалованье — пустяк; деньгами возвращают по старой оценке; если бы собрать дровяные, на теплую одежду, то собралась бы такая масса, что заему не надо делать»... Его толпа одобряла зловещим «правильно». Чувствуешь себя не совсем приятно: еще 2–3 оратора, и толпа может разорвать в клочья. Вот что значит строить что-либо на настроении! А теперь на нем хотят построить государство... А в 33-м и 34-м вышел дружинник, толстый как боров: «Мы голодаем, нам кушать хочется; один офицер съедает, сколько нас и 1 т[ысяча] не съедает...» Что можно построить на этом темном и несуразном красноречии? А остальные тысячи еще темнее. И при народном голосовании (выбор, напр[имер], президента) куда пойдут эти голоса: сколько будет куплено, спаяно, обмануто, затуркано, зажжено... а скажут: народ захотел... Как все это несовершенно, хотя, м[ожет] быть, другого исхода нет...[1]

В 12 часов я сажусь с наштадив (Ник[олай] Димитр[иевич] [Ещенко]) на ауто, и мы чрез Бучач, Монастыржеска едем в Подгайцы, где штаб XLI кор[пуса]. Черкасова уже нет, его заменя[е]т г[енерал]-м[айор] Михайлов (наштадив 108-й). Здесь подтверждается версия о назн[ачении] Гутора, Веселовского, Киселевского, Бельковича, Крылова и Квицинского к[омандую]щими армией. Мы обедаем; за тот же стол, к моменту нашего окончания, садятся депутаты корпусного комитета; мл[адшие] братья держат [се]бя очень мило, делают при выходе поклон, ста[рают]ся не стесняться, но говорит не более 1–2, очевидно инте[...] [...]ов». Потом мы

[1] На полях абзаца пометка синим карандашом: «Образцы народного красноречия».

мило разговариваем с Белько[вичем]; взаимно поздравляем друг друга с новыми [назнач]ениями. Я говорю ему про пропасть, которая пала между 2 нашими беседами (31 января и сегодня), он вздыхает и говорит: «Кто мог это предвидеть... действительно, пропасть»... И он говорит, как ему приходилось уговаривать 108-ю дивизию... «Сейчас, — замечает он, как свое главное опасение, — не пойдут в атаку, а через месяц — я думаю — все уляжется; нужно, чтобы все улеглось, и люди нашли себя при новой обстановке»... При прощаньи он ласково говорит мне: «Дай Вам Бог всего доброго»... Простой, слегка даже угловатый человек... вынужден был говорить! Досадует, что не выступают офицеры... и правильно.

На заседании в Станиславове секретарь подсунул мне афоризм: Si Vous allez contre le courant, il Vous brise, si Vous allez avec, il Vous emmène, devansez le, il Vous suivra[1].

9 апреля 1917 г., Сюлко

Вчера я прибыл сюда на экипаже (ауто застрял), уже пред сумерками. Зашел к начдив 23-й г[енерал]-л[ейтенанту] Курдюкову [Кордюкову] (старик, похожий на Ермолова), затем к себе, а потом говорим с Вандамом. Он сильно смущен: его волнуют и общие обстоятельства, и его личная отсталость, а также необходимость быть выбранным... Его мысли: 1) революцию сделала Англия, но не предвидела ее размаха; 2) комитет раб[очих] и солд[атских] депутатов направляется еврейством и большим капиталом; 3) армия ими разложена, между офицерами и солдатами проложена классовая рознь, и он очень боится 1 мая[2];

4) относительно армии у него собран самый темный материал. Мой рассказ о Москве его сильно оживил, и он с больным упорством повторял о 14 апреле. Богатства не видно (беспокоится, не лишат ли пенсии), жену не показал... Домой возвращаюсь с проводником, и Игнат угощает сплетнями: начдив живет с сестрой Краузе, а к ней после 12 час[ов] ходили офицеры, каждый день новый; она су-

[1] «Если вы идете против течения, оно вас ломает; если вы идете с ним, оно вас выносит перед собой, оно будет вас преследовать» (*фр.*). Этот абзац выделен на полях синим значком NB.

[2] На полях красным карандашом пометка: «Ориентировка».

пруга убитого во Фра[нции] офицера. Сука форменная, и скандал страшный. Кроме того, начдив оказывается вором... Добром [...] не кончится: ключевой воды нету[1].

Еще когда подъезжали к Сюлко, послышались [...] знакомые аккорды, а ночью был форменный [...]ган... думалось спросонья, что наступление, но через ½ часа замолкли. На сердце стало как-то легче: знакомая музыка.

С началом темноты 633-й начал сменяться, а 635-й застопорился, а затем отказался. Все разговоры не привели ни к чему. Я остановился на мысли сблизить комитеты; сошлись. 635-го — прокричали двинцам «ура», но эти назвали их «жуликами». Затем первые вынесли резолюцию, что не могут принять, так как позиция в дурном состоянии, проволоки нет и т. п., а двинцы, что такому дезорганизованному полку они не могут вверить своих позиций. Это было то, что я узнал после полуночи; Курдюков [Кордюков] донес, что 635-й полк отказывается вступить на позиции, а я — содержание телефонограммы командира полка. Предо мною была картина бунта военной части по мотивам, очень слабо закрытым. Я узнал после, что: 1) Черемисов был первым развратителем: требуйте себе все, красные банты, когда хотите, ко мне в любое время...; 2) в Дорохове научились многому от дорожного отряда; там же завели любовниц, к которым их и тянет... Теперь это часть совершенно развинченная и не боеспособная... У меня было страшное впечатление, сознание беспомощности, чувство нажима чего-то стихийного... Сон мой был прерывчатый, точнее — его не было... Были какие-то галлюцинации, обрывки картин...

10 апреля 1917 г., Сюлко

Сегодня поехал в Тростянец, где говорил сначала с комитетом (плюс выборные от рот) 635-го п[олка], а затем с комитетом 634-го. Говорил с 9 до 4; все перебрали и рассмотрели. Первый полк гнилой в корне, и его не поправишь — убил 5 часов: и доводы, и пафос, и брань... Люди не хотят и моральную наготу прикрывают фра[за]ми. Ком[андир] полка растерян, офицеров нет, ат[мосф]ера — лукавая и

[1] На полях этого абзаца надпись: «Отжитое».

бунтовщическая. В 634-м — [...] лучше — офицеры есть, говорят, солдаты [...] искреннее... Кругом разнузданная пальба: [... б]ух, куда попало; когда мы ехали, она продолжалась, а одна пуля просвистала мимо отставшего Ник[олая] Димитр[иевича]... М[ожет] быть, случайная, а может быть, и назначенная. Чувствуешь себя или в не совсем покоренном городе, или в Даниловом рву[1]... Могут подстрелить, могут забунтовать... Назад ехал более удобно, и на душе было легче: все пробовал, что мог. Что я могу больше? Голова болит, нервы ослабли[2]. Пробовал соснуть, не выходит, аппетита совсем нет. Вечером охаем с Игнатом, и он — полное недоумение. Завтра уезжает начдив 23-й в армию, где я советую ему все выложить, а сам послезавтра буду у комкор[а] 22-го [корпуса][3], где сам порасскажу. Сейчас (20 ч[асов]) буду писать подробную телефонограмму о событиях...

11 апреля 1917 г., Сюлко

Она вышла недостаточно энергична, но не в словах дело. Голова моя прошла только к утру. В сербско-герцегов[инскую] войну ген[ерал] Черняев отдавал серб[скому] офицеру какое-то поручение. Тот ответил, что таковое очень трудно (или невозможно) для выполнения. Чер[няев]: «И все же я прошу вас его мне выполнить». Серб: «У нас, ген[ерал], правило: если подчиненный заявил о невыполнимости, то доносится до сведения высшей инстанции, и она решает вопрос». Черняев: «А тогда вам остается раскланяться пред турками и прекратить войну»... Пример, о котором теперь уместно вспомнить[4].

Сижу у Курдюкова [Кордюкова], там и Вандам. К нам едет армейская делегация (2 оф[ицера] + 2 солд[ата]), которая будет уговаривать идти в окопы. Хорошо с той стороны, что с меня несколько отпадает моральная тягота.

---

[1] Библейский пророк Даниил был брошен в яму ко львам на растерзание, но, согласно легенде, чудесным образом спасся.

[2] На полях рядом со словами «Что я могу больше? Голова болит, нервы ослабли» пометка красным карандашом: «Я».

[3] Н. А. Обручев сменил на этой должности скоропостижно скончавшегося 22 марта 1917 г. А. Ф. Бринкена.

[4] Этот абзац выделен на полях чертой и надписью: «Подходящий пример».

Вандам по обыкновению красиво фантазирует: 1) нет расчета здесь наступать им, раз мы Галицию все равно отдадим; нас как врага нет, почему зд[есь] нитка, а все на запад, где идет конечный иск[лю]чительный бой. Германцы выигрывают, если даже [...] держат англо-французов, что им сделать [совсем?] не трудно: отсюда умолчание о Стоходе, [...] тон, провокации и т. п., словно усыпление [...] сказками; 2) еще раньше В[андам] говорил, что революцию сделала Англия (лор[д] Мильнер), но не предусмотрела разнузданного конца; Милюков давно жил в английском посольстве, а в карете ездил с Бьюкененом; 3) появление Америки, это — поднятие мира англо-саксов, объединенного, грядущего властителя земли...; 4) факты из действительности говорит такие:

а) К Волкобою, нач[аль]нику 3-й финл[яндской] дивизии, приходит санитар, представитель пер[евязочного] от[ряда] К[расного] К[реста] или чего-то санитарного и говорит: «Пока вы действуете правильно, мы за вами, а плохо, повесим». Волк[обой]: «Хорошо, рад слышать человека, от которого веет храбростью; произвожу в ун[тер]-офиц[еры] и назначаю ком[анди]ром 1-го вз[вода] 1-й роты гол[овного] полка»; и вот, братцы, первый бой, он вперед, за ним полк, а там я с дивизией. Санитар опустился: «Я ведь по своей специальности». Волк[обой]: “Так ты санитарная рвань, ну тогда я и говорить не буду». Депутация сконфузилась, а затем исколотила представителя до смерти; б) полк[овник] Ежевский был окружен, и кто-то крикнул: «Арестовать его». «Разводящего!» Крикуну: «Дурак, не знаете, как поступать... Сам и должен поставить»... Конфуз, но поставили. Затем принесли красное знамя: «Кто за нов[ый] порядок — к красному знам[ени], а за старый — в сторону». Ежевский: «Болваны, я присягнул раньше вас, и мне у вас не учиться»... В результате ушел...[1]

Мы единодушны, что армия не только акт[ивных] операций вести не может, но не способна и на предбоевые, напр[имер], сближение, требующее колос[сальной] энергии в течение 2–3 дней, а значит, вообще как армия почти

[1] На полях абзаца отметка синим карандашом: «Эпизоды».

не существует. Мы очень кислы, особенно мы волнуемся, когда кто-либо произносит слово «Россия» или «родина»... мы вскакиваем и в волнении ходим по комнате: а) ее нет, как могучего целого и б) она — дрянь пред лицом [сво]их союзников: не будет больше к ней веры...

[Арм]ейская делегация состоит из кап[итана] Г[енерального] ш[таба] Аметистова [...]в. див.), пор[учика] N из Заам[урской] див[изии], унтер-офиц[ера] и [вольнооп]ределяющегося. Мы обедаем, и кап[итан] делится сведениями. К[омандую]щий 7-й армией Белькович (Крылов заболевает), Лечицкий остается и т. д. Из новых фактов: 1) резолюция от комитета армии (стряпал какой-то приват-доцент) социалистическая, в духе большевиков, одинаковый привет Вр[еменному] Прав[ительству] и Совету депутатов и т. п.; от дивизий и особенно полков лучше, комитет не упоминается, правит[ельство] обещают поддержать и говорят о полноте его власти; 2) от 9[-й] дивизии 3 представителя: мотоциклист, какого-то отделения, которое ушло, и что-то вроде санитара... Словом, идея представительства на практике носит уродливую форму: окопных представляют те, которые в окопах никогда не были и не будут...; 3) тыловые комитеты — чистые социалисты, чаще большевики...; 4) В Бучаче — Вр[еменное] Правительство в лице Головина и его штаба и Комитет депутатов — какая-то солдат[ская] организация...[1]

А у нас идет все дальше: беспорядочная стрельба, против которой отдал приказ. Приказ о взаимной смене 635-го и 636-го не прошел: первый готов хоть до Струссова, 2-й — только пошли 3 роты: у 635-го нет ничего, и у нас нет, — нет причины нам меняться местами с 635-м полком, останемся на местах. Депутаты поехали, и что это даст, будем смотреть. «5-я и 6-я роты [6]35-го готовы идти...»

12 апреля 1917 г., Сюлко

Сегодня с армейской делегацией проехали в Тростянец. Они поехали дальше, я остался. Та же толпа, но больше разошедшаяся и критикующая. С ней говорит Ник[олай]

[1] На полях абзаца надпись: «Представители армии».

Федор[ович] Станюкович, но лишь вызывает раздражение. Выхожу я, и мы вновь расходимся на те же темы и теми же приемами... Я стараюсь настроить ребят «частным образом»... Мало удается. Приезжает Черемисов и начинает говорить, повторяя то же и теми же приемами, как и я, — это совпадение было интересно наблюдать. Он тоже «чужой» (как я «новый»), но только прибыл разобраться и долож[ить]. Ему не дается ни убедить, ни создать настроение... приемы его исчерпаны, и его начинают заговари[вать]... Но тут появляются члены финляндские: ма[трос...], унт[ер]-офицер, рабочий и офицер. Последн[ий ...] говорит тепло, но мало и бессодерж[ательно]... остается теплота и красота оратора. Унт[ер]-офицер говорит складно и примирительно, но не видно платформы, и отсюда туманность ораторского облика. Моряк — роскошь: красивый брюнет с глазами, горящими правдой, с низким голосом. Он социалист и проповедует его, но его главная тема — вызвать готовность борьбы. Они имеют успех и приподнимают настроение, но потом возражают и против них, а когда Чер[емисов] хочет использовать настроение, вновь критика, замечания, сетования и т. д. Чер[емисов] начинает терять терпение и прибегать к ругани: ловит офицера (пр[апорщика] 34-го Падетского), унт[ер]-офицера и т. п. Гости, держась ближе к теме, стараются побороть, но все напрасно: настроение падает, а с ним и надежды. Но вот один унт[ер]-офиц[ер] поднимает вопрос об окопах, я придираюсь и предлагаю выяснить хоть это. Приказываю Карпову доложить факт его вчерашнего посещения, обещая, если соврет, тут же его расстрелять. Он докладывает веселую картину, Чер[емисов] спрашивает унт[ер]-офицера, как же он смеет врать, он сам видел? Оказывается, нет. Выступает матрос с упреком, настроение растет... «Мы, што... Да мы пойдем». Вырывается обещание, а за ним и благодарность, крики «ура» и качанье... Обещали, что сегодня станут... Посмотрим.

Эпизод[1] с прап[орщиком] Падетским: он подстрекал, стоял за солдат, за уход. Чер[емисов] призвал, предположил трусость, упрекнул в бунтовщичестве и приказал

[1] На полях абзаца черты и пометка красным карандашом: «Эпизод».

свои рассказы об окопах проверить их личным осмотром с Карповым. Когда пришел момент ухода, тот сдрейфил, сорвал погоны и сказал, что он не присягал ни царю, ни Вр[еменному] Прав[ительств]у, что он свобод[ный] гражданин, а затем стал молиться Богу... оказался подлый трус... Оффиц[иально] толстовец...

Моя дивизия в пути на позицию: 1) 35-й не хочет идти из Дорохова, из Подгайцы; на пути стреляет в гусей, в кур; не идет в окопы; провоцирует Двинцев и т. п.; 2) [36?]-й стреляет в Литвинове, солдаты врываются к сестрам [мило]сердия, кричат «ура» не пошедшему в окопы 35-му п[олку]... [...] позиции идет, но 4 квартирьера на походе стре[...] [...офи]цера и 4-х других, которые пошли вперед и не стали ждать лежебок... как все это взять в русло боеспособности, буду думать...

13 апреля 1917 г., Сюлко

Вчера вечером получил сведение, что 35-й полк сегодня станет на позицию, если дадут обоз и т. п., а сегодня, что он вообще станет.

Но интереснее, что на моей дивизии выяснил наголо «принцип уговоров»: 1) дивизию уговаривал 2 месяца Черемисов... 2) 5 апреля говорили члены Госуд[арственной] Думы (Дуров и Демидов); 3) уговаривали в пути начальники; 4) в ночь с 9-го на 10-е уговаривали офицеры и комитет Двинцев; 5) 10 апреля я уговаривал 5 часов; 6) XI — Исполнительный комитет Армейской организации (кап[итан] Аметистов, пор[учик] Михайлов и 2 солдата); 7) XII — ген[ерал] Черемисов, я и финляндские депутаты (офиц[ер], рабочий, матрос и унт[ер]-офицер)... и такая сумма уговорителей (да еще каких!) не могла дотянуть полка до окопов (которые уже занял 33-й рядом). А за сиденьем в окопах есть еще две ступени и более крутые: предбоевые действия и бой... Какие же шансы поднять на них людей словом? Нужно, как это было ясно и раньше, считать этот прием гнилым[1].

[1] На полях абзаца надпись простым карандашом: «Огневая тактика. Принцип уговоров».

В 11 часов я выезжаю с Марковым и в Литвинове обедаю в пер[евязочном] отр[яде]; люди смотрят дикарями, чести не отдают. Слушаю истории: ворвались к сестрам, — к кап[итану] Пестичу... словом, арестанты. Оттуда проезжаю в Подгайцы и из них на пути в Завалув. Здесь я докладываю комкор[у] 22-го (Обручев, Н[иколай] Аф[анасьевич]) всю историю, и мы приходим к одинаковому выводу: дивизию посадить, а затем в резерв, подробный разбор, может быть, расформирование всей дивизии, а во всяком случае — 635-го полка.

Он мне говорит интересные вещи про членов Гос[ударственной] Думы: официально с Ком[итетом] раб[очих] и солд[атских] депут[атов] — контакт... [...] армия пылает, рабочие усердствуют, а на деле... как они искренно рассказывали Обручеву: 1) [Петро]град держится на честном слове; «мы совсем [не] уверены, что завтра же [не] будем повеше[ны, не] смотря на отмену смер[тной] казни»; прав[ит... ...] мы под арестом; 2) en masse[1] русс[кая ... про] изводительность — нулевая (работают малые частности), рабочие получают за 8 час[ов] усиленную плату и в ус не дуют; держимся мы англ[ийской] и французской доставкой; 3) армия развалена; в 7-й — их еще слушают и одобряют, а в 8-й — «что они нам там говорят; они — кадеты, приверженцы старого строя» и т. п... Оттуда-то и критические темы Дурова... Вообще положение России не из ярких...[2]

Возвращаюсь назад, за 4–5 верст ауто стрянет, и я иду пешком. Немного жутковато, но солдаты вежливы, некоторые даже отдают честь, и все приветливо указывают дорогу. Застаю инсп[ектора] артиллерии (каж[ется], г[енерал]-м[айор] Иордан), который говорит, что комитеты его замучали (их до 26): жалобы, притязания, удаления и т. п. Мотивы: отпустил, хотя сверх нормы, но такого-то, допустил, что один солдат долго говорил ему «Ваше Высокоблагородие» и т. п. Всюду искание тем, желание расширить власть, придирчивость, месть... Говорил с Кивекэсом: он ком[андир] 113-й ар[мейской] бр[игады]...

---

[1] В массе (*фр.*)

[2] На полях абзаца надпись красным карандашом: «Чл[ены] Гос[ударственной] Думы на словах и в действ[иях]».

Алексеев на съезде в Каменце высказал: 1) в 7-й ар[мии] еще благополучно; а о 8-й ком[андую]щий ее ответил: еще не знаю, есть ли у меня армия: Бачинского в 11-й див[изии] арестовали; были случаи убийства офицеров с издевательствами и т. п.; 2) работа рабочих сведена к нулю; живем только франц[узской] и английск[ой] помощью... Тон Алексеева — невеселый, о Гучкове как-то небрежно: «Где он там теперь, чтобы с ним связаться»... Ложусь спать в 10, чтобы в 5 встать...[1]

14 апреля 1917 г., Подгайцы — Бучач — Сюлко

Рано съезжаю в Бучач, говорю с Незнамовым (он все знает, даже мою речь и готовность выводить каждую роту на позиции), он высказывает нескладно афоризм о том, что на войне вся дисциплина построена на вероятной смерти впереди и обязательной сзади. Потом я докладываю все подробно к[омандую]щему армией (Белькович), вызываю его негодование и согласие дивизию немного подержать, а затем в резерв и разби[ратель]тво. Я прошу снять с меня эту ношу и [... ди]визию, но он, соглашаясь с моим несчастьем, [...] [н]ести крест... С Незн[амовым] я уговариваюсь, что [он будет имет]ь меня ввиду на ближайш[ую] дивизию...

Все согласны, что случай имеет принцип[иальное] значение, и его нужно ясно изложить пред Врем[енным] Правительством. Еду обратно (полк 35-й в ночь с 13-го на 14-е сменился), в Литвинове сажусь на кляч и добираюсь восвояси. В окопах ходит комкор, потом вечером он прибывает и делится впечатлениями: плохо, надо снимать, но и окопы не важны. Ему пришлось много уговаривать.

За ужином он говорит про 22 атаки у Козюовки (15 января, 1915 г.). Он сменил на другой день 1-й Фин[ляндский] дивиз[ион?], а сам приехал 17 января — все поле было чисто, ни трупика. А вышло все так: Фостиков (Прохв[остиков?] — ком[андир] Брацл[авского] полка) сидел на одном конце деревни, ген[ерал] Матвеев (нач[альник] 65-й див[изии]) — на другой, а Альфтан — где-то дальше. Влево была канонада, и Фостик[ов] создал 22 атаки («душа всего дела»); он донес

[1] На полях абзаца красным карандашом пометка: «Тон Алексеева».

Матвееву — тот видит подпись Фост[икова] — далее, со своей фамилией, а Альфтан — еще далее... Чрез 1–2 часа все трое получили Георгия, а солдаты — все до единого... Матвеев о 22 атаках и трупах, покрывших поля, Обручеву — ни слова... Комкор 22-го о всем деле говорит с наслаждением, как о непревзойденном образчике вранья: Прох[востико?] ва он считает гением по этой части[1].

15 апреля 1917 г., Сюлко

Сегодня около 6 часов утра я выехал в расположение 635-го полка. Утро прохладное, пасмурное, обещало дождь. В Тростянце тихо. Люди отдают честь плохо, команды «смирно» не подают. Говорю, объясняю. «Где офицеры?» «Не знаем, их нету...» Подъезжаю к резервному 636-му полку: 7-я, 9-я роты строятся в баню, офицеров нет. Здороваюсь, шучу, спрашиваю, кто я... Здороваюсь с одиночными людьми... Назойливо и упорно т[ре]бую со мною здороваться. Подъезжаю к бараку ком[андую]щего 35-м полком, который вскакивает с посте[ли...] Оставляю его в покое, беру двух связей (один [– мо]лодец, другой — трусоват) и иду к левому [флан]гу. Молодец нас выводит под расстрел [...] расстояния не больше 200 шагов. Проси[м ... ...] сообщения и идем по страшной [...]. Затем я шествую по окопам с левого фланга до правого; замечаю недочеты, говорю с офицерами и солдатами, читаю целые лекции, с солдатами шучу, корю, удивляюсь... Скоро начинается мелкий дождик, и далее иду в слякоти и мокроте. Я весь грязный, Карпов падает и похож на свинью. Он дает мне булочку, которую я жадно ем. В окопах настроение хорошее, люди измучились недавним прошлым и не понимают, как оно могло случиться; теперь они веселы, так как рано или поздно они исполнили свой долг. В душе мне их жалко, как заблудшихся овец. Назад еду, пробую пищу (как и в окопах), и люди уже здоровают-ся лучше... Беседую с 7-й ротой 34-го о прошлом. «Вышло маленькое недоразумение», — объясняет мне один — разум-

[1] На полях абзаца красным карандашом пометка: «Козювка 15 января, 1915 г.». В тексте число 15 подчеркнуто карандашом и напротив него стоит на полях вопрос.

ный и уравновешенный — солдат, которого я заметил еще на митинге... «Маленькое!» неисполнение священного для воин[ской] чести долга! В Тростянце спокойно, был лишь один выстрел... Я возвращаюсь к 1½ — к обеду.

Беседую с дивиз[ионным] инженером, который крутит взад-вперед и проговаривается на том, что он хотел бы видеть черновики моих приказов по обороне; у него так было. Я отвечаю: «У меня вы будете получать приказы в чистом виде, а начал[ьники] дивизий, не понимающие своих обязанностей, мне не указчики»... Очевидно: 1) ленив; 2) болеет болезнью властолюбия или расширения власти.

16 апреля 1917 г., Сюлко

Встал [в] 6½ часов и написал свой приказ о посещении полка. Жму офицеров, а к парламентариям подхожу исподволь. Прошу для 635-го [пол]ка офицера Ген[ерального] штаба. Утро тучевое, с прослойками [солн]ца — холодно и ветрено, как бы вновь не пошел [до]ждь.

Прочитал «Волосы Самсона», Матильда Серао, к[нигоиздательст]во [...]еум", 361 стр. «Посвящается итальянским [...]м»...Описывается история журналиста Рикардо [...] [начи]ная с его детства... как он сын Паоло [... ...]кого сотрудника газетного, провел детство, был чиновником, корректором, блестящим модным писателем, неудачным издателем газеты «Человек, который смеется», затем издателем огромной газеты «Время», спустившимся до нищеты... Написано живо, интересно, со специальным знанием дела. Многие страницы задели меня лично, и сердце грустно оборачивалось на прошлое — многое мне понятно по опыту...

267 стр. Иоанна: «А впрочем, Болоньетти, не будем обманывать друг друга; ведь ни у меня, ни у вас, ни у министерства, ни у ваших друзей, словом, ни у кого из нас нет никаких идей. Идей, вообще, более не существует.

— Это верно. Но существуют же интересы!

— Поставим это лучше в единственном числе. Существует один интерес — свой собственный.

— Само собою разумеется».

Очень характерный диалог, и не только для Италии, а для всей Европы: идей нет, высохли, изжиты...

17 апреля 1917 г., Сюлко

Сегодня посетил роты 1-го батальона 633-го полка. Выехал в 6 ч[асов] 20 м[инут]. В Тростянце тихо, здороваются неважно. Заехал к Шепелю, с которым пошли на позицию. Он полон мрачных дум. О 1-й роте говорит с тревогой: чуть не убили пулем[етного] офицера, пригрозили даже бат[альонному] к[оманди]ру: «Стрельбой артиллерии должна распоряжаться пехота... Будут стрелять, прикончим наблюдателей». Зная пессимизм, все беру на полуверу. К 1-й роте идем открыто, в 400–500 шагах от клюва, занятого турками. Очевидно, договорено. Захожу в первую роту: люди как люди... говорю и объясняю. Касаюсь и переговоров... дали обещание не делать. Полроты — ничего, в дру[гой] грязно: крутая липкая глина. Оттуда осматрив[аю] путь отхода этой роты, а затем иду частью по окопам, а частью поверху 2-й, 3-й и 4-й рот... Ок[опы] глубоки, но есть грязь и оползни... По нас да[ют ...] выстрела, но условные вверх. Погода хорош[ая ... пас]мурная, очень бы хорошо, если бы все б[... ...] но мы очень грустим с Шепелем: цел[... ...] между нашим прошлым... Куда все эт[о ... ...] кончится, где получим упор, как будем демобилизоваться? Мы не находим ответа. Одно нам ясно, что Вр[еменное] Правительство будет повешено... Крестьяне ясны: «Дайте нам земли и царя». «Зачем царя?» «Для порядку»... Увы, здравый смысл им ясно говорит, что прежде всего нужен порядок... А там права, свободы... отделка Государ[ственного] фасада.

Солдат прибыл вчера из Петрограда и рассказывает: Плохо. Все больше ходят и говорят, делом не занимаются. Ленин, живя в доме Кшесинской, проповедует коммунизм и уступки Германии. Его спрашивают: “Вы ругаете капиталистов, а вы на что живете?” “Получаю от товарищей”. “ А как же вы устроились в таких хоромах?”... Мнется. Вероятно, нем[ецкий] шпион...[1]

На фронт 635-го полка перебросили газету «Неделя» два номера 2(15) апреля, 42-й и 9(22) апреля 43-й... Передовики говорят о миролюбии Германии и атакуют Англию... Ведет-

[1] На полях абзаца красным карандашом надпись: «Дела в Петрограде».

ся газета развращающе; попутно пугает любителей плена дурной у нас жизнью и рисует картину продолжающейся у нас разрухи.

Собрались полковые комитеты, и я им сказал, что они — мои помощники. Нужно достигнуть, чтобы все у нас было прекрасно. Не достанет слова, то поставляет комитет о наказании дисциплинарном (ротный ком[андир] и выше), бойкот, удаление из роты, лишение пайка и даже земли... «Докажите, что мы сознательные и достойны свобод», — с этими словами я подал им руку и ушел[1].

18 апреля 1917 г., Сюлко

Вчера прибыл генер[ал] Попов, для выяснения нужд дивизии, ее настроения и т. п. Он вчера и сегодня на позиции. Я встал в 7 часов, написал приказ о вчерашнем посещении окопов, прочитал бумаги [и] могу пофилософствовать. Игнат пошел за цветами. [Оп]ять раза два налетали думы о смерти, но я к ним [уж]е привык, и они быстро отлетают.

Прочитав «Неделю», я вновь задумываюсь о нашей [револ]юции. Она началась видимым пустяком, где-то [...] криком «хлеба», дня 2 длилась бессистемно [...]ванно, пока 27-го на сторону революции [... ...г]вард[ейские] запасные батальоны... тогда все вошло в победоносную колею. Кадеты были озадачены и совершенно не готовы, почему власть попала в руки рабоче-солдатской группы, которая и правит сейчас Россией (Чхеидзе, по «Неделе», прямо сказал, что они возьмут власть в руки, когда найдут это нужным); кадеты сделали, что могли; чтобы сохранить свое существование, они поплыли по течению: стали за демокр[атическую] республику, за отчуждение земель... А товарищи распоясались во всю: им, ничего не имеющим лично и изжившим чувство государственности, жалеть было нечего, и они «дали»: крестьянам землю, рабочим 8-часовой труд, германцам и Турции — проливы, Австрии — Галицию. Что им наша история и наши мечты о Св[ятой] Софии? О присоединении к государственному стволу Галицийской

[1] На полях абзаца надпись красным карандашом: «Полковые комитеты».

ветки? О неизбежном обеднении России в лице крестьянина, лишенного хозяйственных побуждений?[1]

Бедная Россия, в которой не только «повесить толком не умеют», а не умеют провести хотя бы несколько целесообразную и разумную революцию. И опять-таки думаю, что пред нами обычный дворцовый переворот, но без обычного конца.

19 апреля 1917 г., Сюлко

В пятницу, 14 апреля, в 3 часа дня неизвестные, одетые в солдат[скую] форму, и один штатский вошли в дальние пещеры и, по словам иеромонахов, сперва сняли покрывало с мощей Св[ятого] Тита, а затем совершили надрез одеяний и подняли из раки мощи Св[ятого] Паисия («Киевск[ая] Мысль», 16 апреля). Эта кощунственная мерзость естественно заволновала всех, и в том же № мы видим одно воззвание за подписью 4-х организаций: «Испол[нительного] Комит[ета] совета объединен[ных] организаций г. Киева», «Исп[олнительного] Ком[итета] [Со]вета рабочих депутатов», «Исп[олнительного] Сов[ета] депутатов войск[ового] в[оенного] округа», «Коалиционного студенческого совета»[...] Другое воззвание от «Президиума епархиальн[ого] съезда [ду]ховенства и дворян»... И в том, и в другом в[ыражается?] негодование, объясняется или «безчинст[...] [...]нов, или это злая, подлая провокац[ия], [рассчитанная?] на эффект»... Это вернее всего озорст[во] [...] «дикарей, не верующих в мощи»; н[... ...] как на это событие будут реагировать «дикари, верующие в мощи»... И в результате всюду дикари и дикари, а теоретические посылки, положенные в основу преобразований, предполагают или делают нужным массовую сознательность... И всюду молодость, которая, как мои дети, реально мыслит на 10 %, а на 90 % фантазирует, мыслит молодыми картинами...[2]

Как Ейка — натянула юбку матери, и она — королева, перевязала руку платком — она сестра милосердия... и по-

[1] На полях абзаца красным карандашом пометка: «Революция».

[2] На полях абзаца синим и красным карандашами пометка: «Святотатство в Киеве 14 апреля 1917 г.».

очередно живет то во дворце, то на поле боевом, не выходя из своей детской комнаты...[1]

20 апреля 1917 г., Сюлко

В ночь на сегодня 34-й полк сменил на позиции 33-й; смена произошла спокойно, без причуд и закончилась в 23 часа 40 мин[ут].

Руковский, произведя вчера расследование в банном отряде С[?] Гор[?], нашел, что каша заварена давно: о людях не заботились, таковые 37-й дивизии вещевого довольствия не получали, кормовые получали неравно и должны были побираться, заведующий подторговывал сахаром и т. п.; обо всем молчали, боясь, что пошлют в окопы. Заведующий — безвольный человек, живет с женою, вероятно, плутоват... в наше время только чистые, как вода ключевая, спасутся. Решил: 1) заведующему устранить недоразумения и донести; 2) написать в штаб корпуса о замене людей моими, а тех откомандировать...

Внешние признаки тепереш[ней] дисциплины: 1) винтовки запущены; 2) до ветру ходят всюду; 3) работа — вяла; 4) разведки — нет; 5) в тылу все скорее рушится, чем восстановляется; 6) походная колонна растягивается бесконечно; 7) бесконечные беседы с врагом... словом, как говорит Обручев, довоевываем... Распоряжений или приказов нет, а слезницы... все [ва]лится из рук. Комитеты поднимают уже вопросы [о] суточных в размере 1 р. 50 коп. во время ко[мандиро]вок...[2]

[...] окончательно нет; нет, кажется, и на [... ...]танции повторяют, что они заявили в [... ... ло]шади этим будут сыты?» Хорошо, что [... ...] и лошади сумеют не подохнуть...

21 апреля 1917 г., Сюлко

Вчера, когда уже был в постели, меня поднял к телефону Шепель и сообщил, что 9-я и 10-я роты не идут на работы под предлогом, что 34-й в свое время им не помогал. Шепель

---

[1] На полях этого абзаца две цветные линии и пометка: «Ейка».

[2] На полях абзаца частично сохранившаяся пометка: «[Дисцип]лина».

бился с ними 4 часа, все разбивал и вызывал согласие, а на вопрос: «Теперь пойдете?», следовал гул: «Нет»... Попутно обнаружилось, что они за мир, что еще не знают, кто такие Англия и Франция, что (еврей) «2 года провоюем, а немец все равно одолеет, что и под германцем жить неплохо: те же подати, а свободы не отдадим» и т. д. Словом — психика гнилая, испорченная, а все остальное уже к этому вяжется...

Сегодня в 6½ часов выехал в окопы 2-го (левого) батальона 34-го полка, поговорил немного с ком[андиром] полка и, взяв химика пр[апорщика] Васильева, двинулся к команд[иру] батальона. Его долго искали (пор[учик] Марков, студ[ент] 4-го курс[а] Петр[оградского] политехникума) и наконец нашли под 4 соснами. Оттуда в 4-м пошли в 5-ю роту; идем в открытую, влево в 100–150 шагах по долине бьет непр[иятельская] артиллерия. Иду по окопам 8-й — 7-й — 6-й — 5-й, беседую с ротными командирами, с людьми: объясняю, журю, советую... Василь[ев] записывает. Ротные командиры — ничего: 5-й — бывший фельдфебель, 6-й — исполнительный и молодой прапор[щик] Кожевников, 7-й — пр[апорщик] Вильсон, 8-й — заместитель. Осмотра не производят, крестов нет. Назад иду по ходу сообщения в 6-ю роту, а затем опять открыто... стрельбы нет. Марков говорит о тяжелом [по]ложении офицеров, что он на 8-ю роту не р[ассчи]тывает (удалил 2 унт[ер]-офицера, предает суду Пет[...],] а на приданную 12-ю и подавно... Окопы нич[... ...]но положение батальона. У батал[ьонного] ком[андира] выпив[аю] стакан чаю и иду к команд[иру] полка. Очень [...] тепло, прекрасный день, чувствую себя почему[-то] усталым. У ком[андира] полка даю некот[орые] указания, [там] же узнаю, что пр[апорщик] Кожевников убит — да[вно ли ...] видел его молодого, несколько робкого, [... ...] Оказывается, поднял трубку от снаряда [... ...] действия, посмотрел и бросил... Раз[... ...] размозжило голову... Ком[андир] полка гов[орит ...] судьба». Конечно, и это. Сажусь [... ...] еду обедать с офицерами З[... ...]

Офицеры все сумрачны, особенно Шепель, природный пессимизм которого находит для себя теперь хорошую почву. Они передают отдельные эпизоды, один другого мрачнее, а Шепель повторяет, что, видно, по нашему вре-

мени не годится: «Мое дело приказать, показать и явить пример, а уговаривать пусть приезжают Церетели, Чхеидзе и др.». Сначала я мало говорю, только выслушиваю, а затем поддерживаю бодрых и говорю несколько коротких фраз... Шепелю сообщаю план: «Посылаю бригадного, а не успеет, завтра приеду сам...» Это и постановление комитета (осудил и меры до расформирования рот) его немного успокаивают... Когда я приехал, то он по телефону меня уведомил, что еще до чтения постановления комитеты все изъявили согласие работать. А Гужов доложил, что настроение хорошее (9-я из его полка, а 10-я — почти из его полка), что он приподнял, и на работу пойдут... Все, значит, пока уладилось.

В 16 часов ко мне явился г[енерал]-м[айор] Шорин, которому с Гужовым и шт[абс]-кап[итаном] Кирилловым приказано произвесть подобное расследование о 635-м полку. Он моложе меня годом по Академии, топограф, и я его вспомнил. Комкор 22-го отдал очень сильный приказ, и это, может быть, дивизию немного образумит... [От мо]его хождения по окопам, а главное от волнений [у мен]я болит голова и проходит только после пер[...]ночного «спеня»... Ничего себе, задачка!

[22 апреля 1917 г.], Сюлко

Встал в 6 час[ов], поднимался в горы, чтобы [посмот]реть, как гоняют Ужка. По непр[иятельским] 2 аэропланам [... ба]тареи выпустили до 100 снарядов (насчитал 65), [... безрезул?]ьтатно. Затем написал и снес Никол[аю] Димитр[иевичу] при[каз о вчераш]нем обходе мною окопов... День солнечный [...]ка приветливо и задорно смотрит на меня [... ...]тов, как парных часовых...

[... ...]ывается неподготовленность масс к [... ... сво]бод, которые пред ними развернулись [... ...]ьном ареоле: тревожное дезертирство [... ... п]роявления неповиновения и нарушения дисциплины, аграрные злоупотребления, произвол и леность рабочих, отвоевавших себе 8-часовой день, разгул газет, пьяно следующих за улицей, молчание и забитость трезвых голосов... Как кошмарны и страшны эти явления и как томительно хочется, чтобы откуда-то потянуло здравым голосом, чувством порядка, реальной

власти и все бы стало улегать в надежное русло... Но откуда это придет, за что зацепится, где создастся первоисточник для порядка? Все еще кругом колеблющееся море, и даже волны бегут в разных направлениях, причудливо между собою пересекаясь...[1]

23 апреля 1917 г., Сюлко.

Я уже говорил о моей дивизии на походе (350 стр.)[2]. Вот ее главные этапы: 1) В ночь с 9 на 10 апр[еля] 635-й полк отказался сменить двинцев (он не имеет ничего и не надеется удержать позиции, окопы — плохи и много друг[ого]); 2) 10-го я говорил и также с 634-м, которым думал сменить... он также отказался (633-й сменим, а двинцев — нет... сзади будет 635-й); 3) В ночь с 11 на 12 хотел обменять из Божикува 636-й на 635-й... 3 роты пошли, остальной полк идти отказался... 4) после занятия позиции с 13-го на 14-е проходят дни тихие, но работа на позициях не выполняется: от полруоты приходят 40, остаются 15, от 34-го полка в помощь 33-му не идут (может быть, не было шанцев[ого] инструмента, может быть, наштадив...; 5) за эти дни 1-я рота 33-го ведет переговоры с в[...] дает слово не делать (16 апреля), но все-таки продолж[... ...] приносит к себе кофе, коньяк и т. п.; она-ж[е ...] чуть не избила пулем[етного] офицера, грозит бат[альонному] ком[андиру ...]; 6) в ночь с 20-го на 21-е 9-я и 10-я роты 3-го бат[альона] 33[-го отказы]ваются идти на работы («34-й не работал, и м[... ...] составляют 11-ю и 12-ю, готовых идти...; 7) на [... ...] ночь они пошли (и 2 бат[альон]), но в ночь с 22-го [... ... вы]шел на работы 1-й батал[ьон]... результатов и пр[... ...] не знаю... Таким образом за время [... ...] число, т. е. за 12 дней 6 крупных и [... ...] неисполнений приказа... А если [... ...] часовые уходят с постов, или пред з[... ...] спят...; 9) винтовки не чистят и он[и, ... в конце] концов испорчены; 10) 22-го полк. [... ...] постановление о производстве расследования над действиями нач[альника] хоз[яйственной] части подп[олковника] Абрамова и просят об его удалении (не так распределил ло-

[1] На полях абзаца надпись: «[Ре]волюция».

[2] См. запись от 12 апреля 1917 г.

шадей и др.); 11) разведки, конечно, никакой, и об ней никто и не думает...; 12) неисполн[ение] приказаний, опаздывания, самов[ольный] уход на кажд[ом] шагу...[1]

Сейчас ездил к Скобельцину (начдив 1-й ф[инляндской] див[изии]), который находится в версте от меня. Черкасов получает какое-то друг[ое] назначение, ген[ерал] Миллер арестован — сказал как-то: «Уберите эти красные тряпки» (да и нем[ецкая] фамилия), Вл[адимир] Драгомиров сходил с ума (закрыл лавочку, не улыбался манифестациям)... Корпусы получили: Духонин, Девбор-Мыслицкий [Довбор-Мусницкий], Крымов... VII Сиб[ирский] корпус совсем разложен — идут кучами, позицию при сдаче прямо бросили, работать в окопах не работали. Также слыхали, что в Петрограде солдаты начинают обезоруживать рабочих и, кажется, начинается резня... Тон его и Коломенского — слабый (Каледин прямо сказал Алек[сееву] (и Гучкову?), что за свою армию он не ручается). Карпов: ком[андую]щим не довольны; когда к нему пришли со знаменами, он задал вопрос: «А молились ли вы Богу?»... Не понравилось: «Это наше личное дело»... Команда при штабе 1-й ф[инляндской] дивиз[ии] (150 ч[еловек]), как только узнали о свободах, не пошла на исповедь... а на Пасху было полно народу, молились и ставили свечки... Коломенский: «Живем еще инерцией власти... толчок, и все разлетится в пыли анархии»... Сегодня в 13 [часов] у Скобельцина «контакт» с див[изионным] комитетом...

[24] апреля 1917 г., Сюлко

Вчера закончил роман Н. А. Лаппо-Дани[левской] «Княжна Мара», Петроград 1916,

4-е изд., 26 000, 295 стр.

Motto “Per aspera — ad astra”[2].

[...]ния Балкашова (урожд[енная] княжна Марина Верейская) [...] своим мужем, увлекается зн[аменитым] скульптором [...] а затем еще сильнее — Старосельцевым, с которым [...] Он попадается во время Московск[ой] Революции, [... ...]т отца Мары и бежит за границу, а Мара

[1] На полях абзаца синим карандашом пометка: «Моя дивизия».

[2] Эпиграф (*итал.*): «Через тернии — к звездам» (*лат.*).

[... ...]ась за ним, а затем, потеряв Алешу, воз[... ...] Автор — великосветский, но с поли[... ...] стиль и краски — сносны, но типы [... ...] На сцене мелькают и Столыпин, [... ...] дни, отсюда и раскупаемость...

Евгений Балкашов — ревнивый, злой и мрачный душевнобольной (иначе слишком глупо), Старосельцев (пов[?] князь Долгоруков) — богач, враг строя, революционер... ходулен), Борисов (идеалист, красиво проживший жизнь), Мара — неопределенность — и хочется, и колется... Хороша игра с тонами природы...

[стр.] 15. «Радость, это необходимое солнце каждого домашнего очага, с молчаливыми ясными улыбками, с мимолетным звонким смехом, с тихой бессознательно напеваемой песней, отлетела из их гнезда, и потому оно стало угрюмым, таящим в себе какую-то неясную заботу и предчувствие темных дней».

[стр.] 115. «Борисов был один из тех немногих натур, которые не вырывают пропасти на месте неразделенной любви».

[стр.] 290. «Прошлое (Мары), как прочитанная книга, мысленно перелистывалось с полным безразличием».

Вчера целый день прошел в переговорах; 3-й бат[альон] решил укреплять свою позицию, 1-й решил отдыхать, 2-й — не знаю; будут говорить еще сегодня; я тоже туда поеду. Причины уже совсем распутные: мало хлеба, пока дойдут — устанут, теплое белье — жарко работать. Очевидно, Петроградские новости повлияли и передались... Словом, все — гнило и еле держится...

И думаю я, чем заслужило офицерство той тяжелой кары, которая теперь выпала нам на долю? Разве мы честно и храбро не исполняли своего долга 3 года? Разве мало нас легло, мало изурод[овано?] Зачем нас отдали на растерзание и посмешище [...]ного люда? Зачем злоупотреблять расчетом, [что] мы, как часовые, не покинем своего поста... [... Из] всех печальных страниц революции, это сам[ая ...] она таит в себе зародыш несчастья и зер[... ...] осуждения, а с этим, может быть, и потерю п[... ...][1].

[1] На полях абзаца пометка синим карандашом: «Революция и офицерство».

После обеда ездил в Тростянец беседовать [... с ко]митетом 633-го п[олка], батальоны которого не хо[тят ...] корп[усную] позицию. Начинаю с того, что [... ... пре]ступники и не исполняют приказа [... ...] таких людей не убедишь... Гов[... ...]кали, что им не объяснял [... ...]кая газета и разбиваю «Правд[... ...] Затем отвечаю на вопросы о [... ...] будет, если оборвем (презрение, нищета и т. п.), развиваю целые политики... Поняли ли что, не знаю, но были полны внимания... Боже, как темны и как поэтому несчастны. Настроение в конце теплое... митинга не делал. Попутно эпизоды: 1) от них: унт[ер]-офицер из окопов участвует в процессии с плакатом «Война до победного конца»... Останавливаются; унт[ер]-офицер: «Кто за войну до конца, подними руки!» Поднимают все. Унт[ер]-офицер: «Ну хорошо... Я завтра еду в окопы, я в отпуску; кто со мною, пойдем сейчас к воин[скому] начальнику, подними руку»... Никого. Я и все смеемся; 2) казаки конвоя, едущие за прапорщиком Вильманом, тихо беседуют: «Бог с ней, с этой Россией, с ее порядками и непорядками... давайте от нее отделимся»... Не крысы ли с корабля? 3) полки 113-й див[изии] не пошли сменять 108, и один (или несколько) стреляли по тем (или одному), которые пошли сменять...[1]

25 апреля 1917 г., Сюлко

Чешский взвод работает хорошо... Поймали трех шпионов и ловят теперь австр[ийского] офицера... Коман[дир] был вчера в окопах немцев, видел их главного агента (русск[ий] офицер, со светлыми глазами и волосами), который ему сказал, что 2 наших офицера на автомобиле покатили в штаб дивизии... Словом, переговоры идут [по?]всюду, как напр[имер], и в 64-й див[изии] (письмо Шепелю); с другой стороны, нытье домой (40–43 г[ода?]), придирки, не идут [на] работы, ловят всякое поощрение печати... а [в об]щем, нравственная прострация: люди измота[ны, во]йна подошла к естеств[енному] вымиранию. Блиох [...] о матер[иальном] истощении и уповал на кратко[временно]сть войны, оказы-

[1] Последние строки этого абзаца выделены на полях надписью: «Эпизоды».

вается, это вздор, вопрос [...] системы, и она-то и не выносит долгих [...]й...

[...]ил. полк не хотел сменяться: плохие [... ...]орил с сыном); 2) в 3-м Финл[яндском] полку [... ... команд]ир полка; 3) из Тарнополя направля[ется ... ар]тиллерия для организации удара, [... ...]ты и сказали, что если она [... ...] они перестреляют и переколят [... ... д]альше не пошла; 4) в окопы к нам приходят люди оттуда и фотографируют малыми аппаратами или украдкой, или под формой снимания православного... наше «хамло» разрешает. Ком[андир] чешск[ого] взвода говорит наштадиву: «Вы меня извините, но ваш народ — глупый». «Я и сам вижу», — говорит наштадив... 5) в Москве начинают грабить на Кузн[ецком] Мосту чуть ли не при дневном свете. Кадетиков бьют в кровь, бросают камнями, одному пырнули ножом в спину; 6) в Кронштадте продолжают вешать офицеров, один крейсер не может двигаться за отсутствием людей (подают из Черного моря), на фортах комендантами выбранные рядовые... Поехавший уговаривать Керенский еле унес оттуда ноги...[1]

А штаб XXII кор[пуса], артиллеристы... все мечтают о плацдармах, сосредоточениях артиллерии и т. п.

26 апреля 1917 г., Сюлко

Вчера был пол[ковой] адъютант 34-го полка подп[оручик] Гизер, который очень тревожно рассказал о положении дел в полку: ком[андир] полка хочет эвакуироваться, на него могут посягнуть, как на немца («пусть только появится к нам в окопы»), на артилл[ерию] послали сказать: если будете стрелять, да противник ответит, переколем... Ждет эксцессов. Сказал: 1) ком[андир] полка — часовой и должен оставаться, пока не прибудет настоящий; 2) ему разрешаю перебраться в авиаторы; 3) что надумали прив[...] буду ждать не слухов, а официального, например, [поста] новление комитетов... А главное, они с ком[андиром] полка [зря] нервничают: надо быть покойнее и не бросать л[...]

Вот уже кончается второй месяц, как мы и[меем из] Ставки стереотипную фразу: «Перестрелк[...] разведчиков»,

[1] На полях абзаца пометки: «Слухи. Слухи».

говорящая нам, что армия ул[... ...] нет. Да и в этой фразе 2-я ее половина [... сплош]ное вранье: никаких поисков тепер[ь ...] Так, в 2 месяца к 0 сведена великая [...] решительница Государственных судеб о [...] открыты: «Иди и хозяйничай» [... ...] идет, — есть какой-то свой [... ...] имеет три момента: 1) Сосред[... ...] [раз]жижение частей на некот[... ...] [арти]лерии, глав[ным] образом тяже[лой ... ...] частей к ударному пункту, проверочные рекогносцировки и поиски); 2) предбоевые работы (сдвигание частей, постройка ударных плацдармов, наступательное сближение, окончательные рекогносцировки и пристрелка); 3) самый бой... 1) требует 2–3 недели и больше; 2) 5–8 дней и 3) сколько выйдет для успеха или до выдыхания... больше 3 попыток не выходит... Теперь мы не можем выполнить даже первого периода: а) 635-й не хочет сменяться с двинцами от 9/10 апреля до 13/14 апреля; 3 полка 113-й див[изии] и 1/3 4-го не хотят 20 апреля идти сменять 108-ю, стреляют по идущим на смену и т.д... значит, перегруппировок делать нельзя; б) 633-й отказывается рыть корпус[ную] линию окончательно, а дивиз[ионную] условно; VII Сиб[ирский] корпус совсем ничего не рыл до 10 апреля — ... значит, подготовок инженерных делать нальзя; в) артилл[ерия] тяжелая от Тарнополя не могла двинуться дальше: ей пехота угрожает расстрелом (старая вражда: прибытие тяж[елой] артиллерии говорит о переходе в наступление, чего теперь пехота не хочет); под Станиславовом тяжелая артиллерия разбита противником по доносам пехоты, указавшей ее расположение (слух)... значит, сосредоточение артиллерии невозможно. А отсюда, нельзя выполнить даже первый из периодов, тогда какая же может быть речь о втором (нужна страшная окопная и др[угая] работа [...]нем), а тем более о третьем... Армия не бое[способ]на, она — не армия, а вооруженная масса... [Пис]арь штаба Захаров (Тверск[ой] г[убернии]), бывший 9 дней [... на]зад в Москве и 3 дня ехавший до Киева, гово[рит:] [... В] Москве и на больших станциях кричат: [Долой Гуч?]кова и Милюкова»... реже «долой войну»... [...в деревн]ях тихо, но власти нет, волостной — в[... ...] грабителей могут уничтожить деревню [... про]бовали сместить писаря, но некем за[менить], [... ...и]збрали; 3) в уездн[ых] городах милиция

из[... ...] очевидно..; 4) депутаты солд[атских] и рабоч[их ... кресть]яне им «верят», но не пони[мают ...]жение: ходят, поют, празднуют [... ...] датами...; 6) рабочие говорят: [... ...] то железа нет, то — угля...; 7) отец Захарова имеет 175 десятин, недавно купили, и жалко будет расстаться: «Что ж, мы люди маленькие»...; 8) два больших поместья... спокойно. Лес запрещено рубить и лесопромышленники без дела... Как будет с дровами, не знает... Делает вывод, что нету ни порядку, ни покою...[1]

Состояние армии Гучковым понято так: в соединенном заседании Вр[еменного] Правительства с исп[олнительным] комит[етом] Г[осударственной] Думы и исп[олнительным] ком[итетом] совета рабочих и солдат[ских] депутатов 20 апреля он сказал, что в начале своей деятельности он был настроен в значительной степени оптимистически и питал уверенность, что русский народ, низвергши старый режим, обнаружит энтузиазм и способность сокрушить врага. Данные, которыми теперь министр располагает на основании личных наблюдений, лишают его окончательно оптимизма. Положение крайне тяжелое. Состояние армии внушает самые серьезные опасения. Министр не считает положение безнадежным, но повторяет, что оно может повлечь самые тяжелые последствия. Народные массы слишком прямолинейно понимают разговоры о мире и думают, что мира можно добиться, только немедленно сложив оружие... Слабо и ма[... ...] нет, вот честная формула), но спасибо...[2]

Председ[атель] полк[ового] комит[ета] 34-го п[олка] (ком[андир] 8-й р[оты] пр [...] делает мне доклад и говорит: 1) люди [... ...] и в окопах, и в секретах... ему с [... ...]всю ночь бодрствовать; 2) работать [... ...] сколько ни «проси», — не помог [... ...] не здороваются; 4) «мир какой [... ...] в деревню; знаем, что свобод[... ...]; 5) братанье непрерывное, за [... ...] клуб; 6) о власти не думают [... ...] На уговоры отвечают: «теперь [... ...] казни, ни закона»; 8) “дезертир [... ...] вот мне пишет, что 10 рублей [... ...] а мы тут голову под [... ...

[1] На полях абзаца синим карандашом пометка: «Состояние армии».

[2] На полях абзаца черта и надпись красным карандашом: «Мнение А. И. Гучкова».

под]ставляем (огня, в д[... ...] любили, а теперь как [... ...] 10) К полковому ком[... ...] еще к ротному — ничего...[1]

27 апреля 1917 г., Сюлко

Для соврем[енной] обстановки русскому человеку недостает двух данных: образования и чувства гражданственности, увы, не привитых старым режимом; раньше, первое заменялось опеканием бюрократии, второе выбивалось палкой. Не стало этой «помощи», и столбы рухнули. За примерами ходить недалеко: 1) армии нет, своего долга она не выполняет и не хочет выполнять (примеры выше); 2) рабочие, добившись 8-час[ового] рабочего дня, не работают (сообщение Алексеева в юго-зап[адном] фронте о питании англо-француз[ской] промышленностью и об частных очагах русск[ой] промышлен[ности]); 3) работа почтовых чиновников ослабла: залежи, уменьшены разы разносов (письмо почтмейстера, женино...)... что это значит в общей экономике государства, и какое страшное экономич[еское] рабство готовится нам в будущем, об этом и говорить страшно...[2]

Новые факты: 1) против 3-й Финл[яндской] дивизии противник стал возводить на Нараювке мост, наша артиллерия открыла огонь, противник ответил своим, и снарядом, попавши в наши окопы, убил 3... Пехота приказала нашей артиллерии прекратить огонь, иначе «переко[лем ...] пусть, значит, наводят; 2) в 74-й дивизии, где арти[ллерия ...]яла, пехотой был убит в передних [... ...фе]йерверкер; командир этой батареи увел [... ... ост]альные перестали стрелять. Противник [... ...]рии, пулеметов и т. п. садить [... ...] пехота просит нашу артиллерию [... ...] «нет». Пехота прислала ду[... ...пр]остить. Простили и по-хорошему. [... ...] какие-то не стреляйте, а те[... ...]исты: «Нам офицеры прика[зали... ... скаж]ите офицерам и заставьте их, [... ...] словом, картина развала. [... ...] Карпову) голову, спрашивает, [... ...] наштадив и думает сменить [... ...]ас в комкор 12... Но возни[... ...] нас 5-я фин.? Дорман, [... ...] подведем»... В этих 3 [... ... пер] еживаемого. С Крыловым [... ...] Петроград...

---

[1] На полях абзаца черта и надпись синим карандашом: «Армия под микроскопом».

[2] На полях абзаца пометка: «Русская гражданственность».

28 апреля 1917 г., Сюлко[1]

Разруха идет широкая; вот документ гл[авного] нач[альника] снабжений Юго-Зап[адного] края: «Из объезда моего помощника вместе с комиссией мастерских общественных организаций выяснилось: Земсоюзом не достроено 2 милл[иона] штук летнего обмундирования, обещает сдать 15 апреля, Московским комитетом не достроено 3 милл[иона] штук, обещает сдать 15 мая, Осамгу[2] не достроено 2 милл[иона] штук, обещает сдать 1 июня. Построенные же Земсоюзом 1 021 тыс[яча] штук, находящихся провинции и пути, еще не приняты Москов[ским] Земсоюзом. Построенные Комитетом 840 т[ысяч] штук непринятые еще им находятся провинции о перевозе их телеграфирую, построенные Осамгу 500 т[ысяч] находятся провинции отдельных кооперативах задерживается распутицей. Все обществ[енные] орга[низа]ции упомянутые сроки связывают работой мастериц, которые просят прибавки. Мастерицы Моск[овского] Ком[итета]та лично заявили моему помощнику...[3]

* * *

Станюкович (Ник[олай] Федорович

Веретенников (Алексий Порфирьевич) — ген[ерал] для пор[учений] при Главкоюзе

Носович (Анатолий Леонидович) ком[андир] 466-го Малмыжск[ого] п[олка]

1 мая 1917 года, Сюлко

Окончил Уильяма Дж. Локк[а] «Счастливец», роман «Северные дни», Москва, 1916, 268. Чистая выдумка, со случайностями доброго старого времени. Поль Кугеорти в

---

[1] Следующая запись от 28 апреля в начале содержит плохо сохранившиеся отрывки из Василия Немировича-Данченко «Развенчанная царица» (Очерки Венеции). Далее следует текст.

[2] Мастерская, занимавшаяся пошивом военного обмундирования.

[3] Абзац выделен на полях частично сохранившейся надписью: «[Н]ет у солдат белья». Далее следует текст обрывочно, последние две страницы первой тетради дневника утрачены почти полностью. Последующий текст написан во второй тетради дневника.

семье Бетонов, красивый ребенок, терпит муки, потом 12 лет убегает с Борнеем Билем; потом 4 года служит натурщиком, 4–5 лет плохим актером; в состоянии обморока попадает к мисс Уинвуд (есть и полковник), выздоравливает, делается секретарем, а затем пробирается в парламент... Женится на принцессе Софии Зобраска... Буржуазная идиллия старых времен. Еще Джэн — «сестра» юности, Фиш — отец и каторжник и т. п. обставочные персонажи. Читать от скуки можно, иногда «трогательно»...

109. «Аристократ (полк[овник] Уинвуд), независимый благодаря своему состоянию и положению, уверенный в себе, не склонный ни к каким иллюзиям, кроме гордости своим происхождением, свободный от всяких мечтаний, кроме мечты об Англии, мощной и процветающей под непрерывным в веках управлениемториев, не имеющий никаких воспоминаний, кроме памяти о неомраченных почестях — он храбро сражался за королеву, он жил как благородный джентльмен, он оказывал своей родине бескорыстные услуги — не стремящийся ни к чему, как оставаться на высоте давно уже достигнутого им идеала (полков[ник] Уинвуд... тип и идея аристократизма)».

157. «— Но когда я думаю о Нем (говорит Борней Биль), я чувствую, что Он... в ветре и в шуршании листвы, совсем близко и дружелюбно, и что он вовсе не следит гневным оком за каждой полупинтой пива, которую опрокинешь в пересохшую глотку, не ставит в счет каждое ругательство, с которым обратишься к старой лошади! Нет. Другой идеи о Боге у меня нет. И нет другой религии».

Плодовитость автора меня не удивляет — так можно написать, сколько угодно, раз имеешь навык и пишется. Интересна параллель между «Счастл[ивчико]м» и Bel Ami[1]; это та же тема, но разобранная с английским лицемерием или... опрятностью. Как и его собрат, Счастливчик идет через женщин — Меза Шепхерд, Джэн, мисс Уинвуд, принцесса, — но он не берет их тела, а тем сильнее забирает их душу...

[1] «Милый друг» (*фр.*), роман Ги де Мопассана.

2 мая 1917 года, Сюлко

Сегодня ездил в Котув, к к[оманди]ру 430-го Валкского полка полк[овнику] Терехову (Алексей Ефимович). Он почти не изменился. Встретились просто, поговорили. Он получает бригаду в 13-й Сиб[ирской] дивизии. Рассказал мне о 3-м Фин[ляндском] полку: Мозовский в плену, Терехов — не смог вынести арт[иллерийского] огня, Ржевский — подался под предлогом нервов, Ильинский — ни к чему (ухажер за подчиненными дамами и девицами). У него в полку ничего, но через комитет... словами да обходами. 3 полка 113-й дивизии выставили пол[евые] караулы — ни к себе, ни от себя — и выставили пулеметы; к ним приезжал какой-то, сильно уполномоченный... ни к чему. В XLV корпус просились потому, что он — по их сведениям — в Одессе держит караулы. «А если вытянем его сюда, пойдете на позицию?» «Нет»... В этом-то и дело.

Оттуда заехал в Пер[едовой] от[ряд] 95 К[расного] К[реста], где обедал. Здесь много всякой ерунды и борьбы с хоз[яйственным] комитетом; тот все захватил и не хочет уступать. Дал совет брать подписи... отвечают, мол. Проехался верхом с большим удовольствием. У Марьи Владимировны можно получить много книг.

Валер[?] Димит[риевич][1] полон надежд на наши крестьянские организации. Они хороши, как откристалливающиеся от фабричного элемента, — мы им даем простор в расчете на разум собственника... Делаем тайно, чтобы выпалить сразу...

3 мая 1917 года, Сюлко

Роскошный день, не находишься. Сегодня у меня был благочинный о. Иван (634-го п[олка]), и я с ним обсудил ряд мер: певчие, речи, посещение окопов без назойливости и т.п... Он больной человек и дает впечатление неопределенное; по-видимому, в Тростянце побаивается, а [из] 633-го п[олка] — хочет уходить.

Получил сегодня: полевых порционных — 310, особо — суточных — 75 и пособие на покупку лошади 345, т. е.

[1] Вероятно, имеется в виду Валентин Димитриевич Рудковский.

730, а за вычетом 54 за стол, 676 рублей... у меня теперь 1100 р[ублей] и мел[очь] (6 р[ублей]), деньжищ получаешь уйму, но и идут они зря...

Читаю «Камни» Федорова — описание первых лет царств[ования] Ник[олая] II... Когда-то пикантно, а теперь... историческая мелочь...

Кончил А. М. Федоров[а] «Камни». Роман, стр. 232. Описана под фамилией Лыгиных семья Романовых: умерший Платон — Ал[ександр] III, m-me — М[ария] Фед[оровна], Алексей — Ник[олай] II, Диц — Фридерикс, Хвостов — ~~Витте~~ Победоносцев, Елена Родионовна — Ал[ександра] Фед[оровна]... Описано венчанье, утонутие на реке (Ходынка), бунт и разгром... Сопоставление и сделало цену. Н[иколай] — хорош, Лыгина, а Елена — идеализирована. Читать можно, как историч[еский] пустяк, потерявший цену...

4 мая 1917 года, Сюлко

Сегодня, нак[онец], получил от женки телеграмму из Петрограда от 25 апреля, 16 ч[асов] 10 мин[ут]: «Начдив 159 Выезжаем 26 Деньги получила Здоровы веселы целуем благословляем», значит, телеграмму получил на 10-й день... В Соединенном Заседании 4-х дум говорилось и об Армии («К[иевская] Мысль», 29 апреля); главнейшие моменты следующие:

Родзянко: «Она (армия) — защитница народной чести. Она должна свято сохранить этот священный сосуд, врученный ей народом. Есть, господа, слухи (?) о разложении в нашей армии, о нежелании, будто бы, драться, о нежелании ее наступления. Я не верю этим слухам. Нельзя себе представить, чтобы доблестный рус[ский] солдат, которого я привык уважать за его бесстрашие и готовность лечь костьми за родину, мог, как говорят, якшаться[1] и сговариваться со своим противником на боевой линии...»

[1] Еще вчера на 3-ю Ф[инляндскую] див[изию] выходил офицер нем[ец], а с нашей 3 стрелка, и 1-й передал какую-то бумагу; потом с нашей стороны пошло 20 чел[овек] в окопы и понесли бумагу. А у нас? И всюду. (*Примеч. А. Е. Снесарева.*)

Гучков: «...казалось, что новая свободная армия, родившаяся в революции, затмит своими подвигами ту старую подневольную, но все же бесконечно родную и славную армию старой России. Но этого нет. Мы должны честно признать, что этого нет. Наша военная мощь слабеет и разлагается. Она переживает тот же недуг, как двоевластие, многовластие и безвластие... Эта проповедь международного мира во что бы то ни стало и гражданской войны, чего бы это ни стоило, этот лозунг должен быть заглушен властным окриком великого русского народа: «Война на фронте и мир внутри страны» (прод[олжительные] и бур[ные] аплодис[менты]). Господа, вся страна когда-то признала отечество в опасности. Господа, мы сделали еще один шаг вперед. Время не ждет. Отечество на краю гибели. (Голоса „верно“. Бур[ные] дол[гие] несм[олкающие] аплод[исменты] на вс[ех] скам[ейках] и на хорах)».

Шульгин: «Но когда все три признака (натравливание на Англию, агитация в деревнях против городов и натравливание солдат на офицеров) собираются вместе и говорят: вы накануне того, чтобы рассориться с союзниками, у вас нет армии, у вас нет хлеба, а потому заключайте мир во что бы то ни стало — вот это измена». (Ш[умные?] апл[одисменты] в зале и на хорах).

Церетели: «Вы говорите, что в армии сеется смута и дезорганизация. Предс[едатель] Думы тоже говорит о слухах, которые доходят из армии, будто бы там началось разложение. Но правильно и то, что он добавил: он не верит этим слухам, и мы им не верим (апл[одисменты]). Вопрос об отношении к войне поставлен в настоящ[ее] время так, что если бы в рядах армии, дейст[вительно], началось разложение, и если бы при торжестве демократич[еских] принципов, в области внешн[ей] политики армия оказалась менее способной вести войну, чем при старом режиме, когда империалистические цели определялись царизмом, в разрез с интересами народа, если бы это оказалось правдой, то над всей Россией следовало бы поставить крест. Но это, оказалось, к счастью, неправильным». (Апл[одисменты].)

Итак, Родзянко слухам не верит, Гучков говорит, что Россия на краю гибели, Шульгин — армии нет, а Церетели — над всей Россией надо ставить крест... И это группой переодетой сволочи сделано в 2 месяц[а], не больше...[1]

«В г. Изяслав прибыла партия л[егко]ран[еных] и л[егко] больных из Рожища, около 1 т[ысячи] чел[овек]. Сначала партия не хотела пройти пешком до приемных зап[асного?] госпит[аля] и требовала перевоза (автом[обилем]), но потом пошла. Приемниками она была недовольна: нары, давайте койки, тюфяки, одеяла, довольно, навалялись, как свиньи. Потом выразили недовольствие по поводу постной пищи..., а затем, категорически отказались оставаться „в так[ом] скверном городе, как Изяслав, мы желаем непременно ехать в Москву“... Сама толпа проговорилась: „Там (в приемниках) нас долго не держат и недели чрез 2 отправят в свои части“... Уговоры не подействовали, „больные отправились назад, сели в летучку и потребовали отправления далее в тыл“... „Ввиду угрозы разгромить город... начальство вынуждено было исполнить требование бушевавшей толпы, и отправили эту летучку в Киев“...» (главк[омандующий] арм[ий] Юго-Зап[адного] фронта 10 апр[еля] 1917 г. № 2784 Цирк[уляр] к[омандую]щему 7-й армией)... Картина знакомая: не хотят идти в окопы (могут не хотеть) и выдвигают нары, город, постную пищу... что угодно (у нас: плохие окопы, нет белья, нет обоза, пулеметов, босые, нет музыки, в свой корпус, устали, пусть скажут, зачем воюем, замирение...)[2].

5 мая 1917 года, Сюлко

Вчера со стороны начдива Осм[анской] дивизии было предложение убрать трупы: 1) затишье на всей дивизии; 2) в окопы не ходить: 3) аэропланы могут; 4) работа от 12–16. Имею сведение, что закопано 88 трупов (от окт[ября] прошл[ого] года)... Я согласился допустить в частном порядке... Подробностей не знаю...

---

[1] Со слов «Родзянко:» и до конца записи на полях надпись: «Заседание Дум четырех призывов».

[2] На полях абзаца черта и надпись синим карандашом: «Эпизод в Изяславе».

Согласно приказу по Ю[го]-З[ападному] фронту от 16 апр[еля] 17 г. № 461 отчислены:

а) от корпусов 14 = 11 пех[отных] + 3 кав[алерийских]; б) от дивизий — 25 = 20 пех[отных] + 5 кав[алерийских] и в) 8 инспект[оров] артиллерии... Допущены к дивизиям:

2-й гвард[ейской] — г[енерал]-м[айор] Рыльский (наштакор 1-го гв[ардейского]);

3-й пех[отной] — [генерал-майор] Музеус (ком[андир] бриг[ады]);

7-й [пехотной] — [генерал-майор] Гришинский (наштакор 2-го гв[ардейского]);

16-й [пехотной] — [генерал-майор] Белявский (ком[андир] бр[игады]);

20-й [пехотной][1] — [генерал-майор] Лавдовский (ко[мандую]щ[ий] 50-й див[изией]);

35-й [пехотной] — [генерал-майор] Ильяшенко (ком[андир] бр[игады]);

47-й [пехотной] — [генерал-майор] Гр[аф] Каменской (наш[такор] 22-го);

64-й [пехотной] — [генерал-майор] Гамбурцев (41-й п[ехотной] з[апасной] бр[игады]);

102-й [пехотной] — [генерал-майор] Лукашевич (к[омандир] 102-й ар[тиллерийской] бр[игады]);

125-й [пехотной] — [генерал-майор] Карликов (на[ч] ш[таба] 25-й [пехотной дивизии]);

156-й [пехотной] — [генерал-майор] Кадошкин[2] (начдив 3);

159-й [пехотной] — [генерал-майор] Снесарев (н[ачальник штаба] 12);

4-й Фин[ляндской] ст[релковой] — [генерал-майор] Гештовт (бриг[адный] к[омандир]);

8-й Тур[кестанской] стр[елковой] — [генерал-майор] Савельев (бриг[адный] ком[андир]);

6-й кав[алерийской] — [генерал-майор] Залесский (наштак[ор] 28);

---

[1] В. А. Лавдовский с 15 апреля 1917 г. командовал 2-й пехотной дивизией. А. Е. Снесаревым, по всей видимости, допущена ошибка.

[2] Правильно — А. Ф. Кадошников.

9-й кав[алерийской] — [генерал-майор] К[нязь] Туманов (1-й пог[раничной] З[аамурской] к[онной] бр[игады]);

3-й Кавк[азской] каз[ачьей] — [генерал-майор] Одинцов (начшт[аба] Заам[урской]);

Гвар[дейской] стрелк[овой] — [генерал-майор] гр[аф] Игнатьев (ком[андир] 1-й бриг[ады]);

4-й пех[отной] — [генерал-майор] Май-Маевский (к[омандую]щий 35-й п[ехотной] д[ивизией]);

10-й [пехотной] — [генерал-майор] Марков (ген[ерал] для пор[учений] при к[омандующем] 10-й [армии]);

19-й [пехотной] — [генерал-майор] Черкасов (наштакор XLI корпуса);

32-й [пехотной] — [генерал-майор] Рафальский (ком[андир] бриг[ады]);

46-й [пехотной] — [генерал-майор] Шокоров (наштакор 39);

50-й [пехотной] — [генерал-майор] Энвальд (ком[андир] бриг[ады]);

82-й [пехотной] — [генерал-майор] Новицкий[1] (наштакор 1);

105-й [пехотной] — [генерал-майор] Суханов (наштакор XXXII);

154-й [пехотной] — [генерал-майор] Семенов (ком[андир] 3-го г[вардейского] стрел[кового] пол[ка]);

157-й [пехотной] — [генерал-майор] Пестржецкий (наштакор 17);

2-й Фин[ляндской] [пехотной] — [генерал-майор] Иванов (к[омандую]щ[ий] 7-м Фин[ляндским] ст[релковым] пол[ком]);

6-й Фин[ляндской] ст[релковой] — [генерал-майор] Бредов (нач[альник] шт[аба] К[иевского] в[оенного] окр[уга]);

1-й пог[раничной] Заам[урской] — [генерал-майор] Оссовский (к[омандую]щ[ий] 13 Сиб[ирской] ст[релковой] див[изией]);

6-й Сиб[ирской] стр[елковой] — [генерал-майор] Казанович (начдив 6-й С[ибирской] ст[релковой] д[ивизии]);

[1] Имеется в виду Ф. Ф. Новицкий.

19-й Сиб[ирской] стр[елковой] — [генерал-майор] Швецов (бриг[адный] ком[андир] 23-й [пехотной бригады]);

7-й кав[алерийской] — [генерал-майор] Дуров (ком[андир] 1-й бриг[ады]);

Свод[ной] кав[алерийской] — [генерал-майор] Свечин[1] (наштак[ор] Гвар[дейского] кав[алерийского]);

Кавк[азской] туз[емной] к[онной] — [генерал-майор] к[нязь] Гагарин (ком[андир] 3-й бриг[ады]).

Див[изионный] инт[ендант] принес мне такой документик (на одной стр[анице] больше, чем четвер[ть?]):

Дух разрушающий, Дух созидающий!
ПЕРВОЕ МАЯ!

Первое мая по ошибке названо праздником рабочих. Первое мая — это день борьбы за полное освобождение от власти и капитала.

Первое мая — день сбора наших сил, день перечета наших рядов.

Первое мая — день призыва к борьбе, день объяснения наших целей, день заявления наших прав на все богатства, созданные нашими трудами!

Первое мая мы заявляем всем богачам, кулакам, помещикам, захватчикам, домовладельцам, банкирам и акционерам, что вся их собственность заграблена у нас под предлогом законности.

Первое мая мы заявляем, что не признаем никаких законов, ставящих какие-либо преграды нашей жизни и нашим правам.

Первое мая мы заявляем, что не признаем никакой власти, ставящей преграды хотя именем закона, свобод владения произведениями наших трудов или свобод нашей мысли, совести, слова и печати.

Первое мая мы заявляем, что Свобода, Равенство и Братство должны быть проведены во всех отношениях, а не только перед законом.

---

[1] Имеется в виду М. А. Свечин.

Первое мая мы заявляем, что не признаем никаких законов, дающих право одним получать больше жизненных благ, а другим меньше, одним роскошные дворцы, а другим сырые подвалы.

Первое мая настоящего 1917 года для нас тяжелой годины беспримерной в истории кровопролитной войны и в то же время *торжества беспримерной Великой Революции*, мы заявляем: 1) что требуем немедленно заключить мир на основах самоопределения народов и отрицания всяких захватов чужой земли и всякой уплаты расходов войны с какой бы то ни было стороны; 2) мы заявляем, что революция еще не закончена, что, покончив с самодержавным гнетом, мы продолжаем борьбу, чтобы покончить со старой системой собственности.

Первое мая революционного года мы провозглашаем:

Долой бойни, да здравствует мир всех народов!

Долой власти, да здравствует Анархизм!

Долой собственность, да здравствует Коммунизм!

Федерация анархистов-коммунистов

Типография М. Дрейшпуль и с[ыно]вья. г. Харькова[1].

Вероятно, эти господа, пассаж[ирский] поезд, шедший из Харькова, остановили на полустанке, высадили пассажиров, украсили флагами (вероят[но], черными) и сими плакатами и покатили... к генер[алу] Брусилову. Верно, он и пред ним раскланяется...

6 мая 1917 года, Сюлко

Сегодня рождение жёнки, которой стукнуло 32 года. Буду писать письмо. Затем, сегодня две новости: 1) веселая — от 33-го полка пошла разведка, «определила» проволоки противника, пол[евые] караулы и т. п. и 2) скверная — 2-й бат[альон] 36-го полка хотел идти на работы, но 1-й — не пустил: эксцессы, в ружье, возьмем в штыки, «избили» ком[андира] 5-й роты прап[орщика] Смирнова, сорвали погоны... Ком[андиры] 6-й (Фомин) и 7-й (Станкевич) приехали испуганные... говорят, что придется «бежать»... На

[1] На полях вдоль текста с листовкой надпись карандашом: «Новые факторы».

Гулина (шт[абс]-к[апитан] , ком[андир] 1-го б[атальона]): «Его надо было судить, а его на хоз[яйственный] покой»... До сих пор не имею сведений: м[ожет] быть, мне Карповым пересолено... Вчера был — комкор; нашел, что работы подвинулись слабо даже в 1-й линии, винтовки в запущ[енном] состоянии... Говор[ил] с ком[андирами] 36 и 34 — 1-й дрянное впечатление, от 2-го — лучше... Словом, все волны...[1]

7 мая 1917 года, Сюлко

Эпизод позавчера вырисовывается несколько полнее: 1) комкор несколько раз заканчивал свой уговор: «Итак, работать будете?»... гробовое молчание. Один унт[ер]-офицер писарь несколько раз пытался поддержать комкора: «Теперь не время говорить о демократиях и т. п., надо работать». Не успел он еще уехать, как его окружили, и кто-то каской пробил ему голову... теперь ходит с револьвером; 2) Смирнова заставили стать на колени и целовать ноги, прося прощение. Когда он не хотел, поставили силой и силой же нажимали; 3) Фомина предупредили не являться: ждали, чтобы взять на штыки... ночевал где-то... Гужову приказал произвесть расследование, а дивиз[ионному] комитету высказаться по этому эпизоду и по карточной игре...! А вот еще документ, уже более глубокого смысла:

По донесению начинарм[2] на тыловой позиции по р. Стрыпе некот[оры]ми частями производятся разрушения. Разрушения произведены войсками не по недоразумению, а насильственно, несмотря на заявления охраняющих позицию местных властей, причем даже заявления офицерами ни к чему не привели. Позиция эта представляет весьма важный тыловой рубеж, на укрепление которого затрачены большие силы армии. Разрушения, произведенные войсками, носят характер весьма серьезный, сильно ослабляющий позицию. Войска, распол[оженны]е так далеко в тылу для удовлетв[орения] своих хозяйс[твенны]х потребностей, совершенно не нуждаются в материалах, находящихся на тыловых позициях, а потому разбор их является не только

[1] Перед текстом записи стоит пометка синим карандашом: «Жён».

[2] Начальник интендантской части армии.

ничем не оправдываемым своеволием, но и преступлением. Командарм приказал принять все меры [к] прекращению такого преступного отношения к тыловым укреплениям...[1]

Тут уже пред нами стратегически-злая выходка... сознательная.

Комкор 22-го рассказывает, что маршевые роты приходится «уговаривать»... пошли, напр[имер], раз, когда узнали, что в рез[ервную] дивизию (5-ю Ф[инляндскую?] д[ивизию]). Напр[имер], эта же заявила с места: «У вас тут нету порядку... Пусть все, кто здесь, идут с нами, тогда мы пойдем...» Началась канитель: «Хорошо, если вы замените... есть у вас телеграфист, радиотелеграфщик, хороший писарь и т. д.»

8 мая 1917 года, Сюлко

В заседании комитета общественных организаций (Москва, 5 мая) А. Е. Грузинов дал объяснение по поводу отставки. Он заявил, что власть его превратилась в фикцию. Между ним и советом солдатских депутатов выросла стена. Президиум Совета производил у него вооруженные обыски и искал каких-то пулеметов. Это было в день, когда Грузинов заседал в ком[ите]те общ[ественных] орг[анизац]ий, участвуя в обсуждении вопроса о мерах успокоения взволнованной недавними петроградскими событиями толпы. Разруха дошла до того, что отдельные части отменяли его приказы. Возникла «тверская республика», совет которой отменил приказ Грузинова об отправке из Твери маршевых рот. Один полк отменил его приказ о выдаче 1½ фунта хлеба. Другой полк, находя, что он дурно одет, забрал обмундирование, предназначенное для маршевых рот. В одной из частей солдаты потребовали установления 6-часового рабочего дня, в другой — 8-часового для тех, кто ведет уборку лошадей. Одна из частей отказалась выдать оружие и лошадей бывшего жандармского дивизиона. Грузинов полагает, что на том же основании он, взяв с несколькими ротами арсенал и государств[енный] банк, мог бы объявить их своей добычей. Разруха во всем. Караулы уходят, не дождавшись смены, если последняя немного запоздала. Недавно умер один

[1] Далее на полях отметка: «Эпизод».

генерал. Полк, который послали для участия в похоронах, заявил, что не пойдет, ибо не сочувствовал этому генералу («Киев[ская] Мысль», 6 мая, № 115, 1917 г.). Некот[орые] члены в[оенного] совета говорили, что никто не мешал Гр[узинов]у, что он не умел организовать работу, писал приказы, которых не поймешь, обыска не было...[1]

Прибыл шт[абс]-кап[итан] 635-го п[олка] ком[андир] 3-го бат[альона] Щегольков[2], который был на съезде в армии (3–7 мая). 159-я див[изия], а особенно 113-я на особом счету... когда говорят, — улыбаются. В «закрытом» заседании (а было 1000 чел[овек], из которых большинство темные люди) были открыты секр[етные] данные: 1) положение дел с обеспечением плохо, разве с осени будет лучше; 2) русская воен[ная] промышленность почти прекратилась и питаемся иностранной; 3) союзники недвусмысленно дали понять, что в случае неисполнения Россией догов[орных] соглашений или сепарат[ного] мира, они блокируют Россию и обеспечат долги захватом территорий... Про другие дивизии говорил: 1) требовали смены одного комкора (Ирманова), 2 нач[альников] дивизий и ком[андиров] полков; 2) также случаи нежелания сменять, работать и т. п. Выработали резолюцию о наступлении и др.

Сегодня был на наблюд[ательных] пунктах артиллерии (на Радиотыле[?]), откуда приказал дать выстрел по виадуку... выстрел отнесло ветром. Ветер сильный, и холодно. Беседую с офицерами: все ребята хорошие, готовы идти в иностр[анную] армию, так как здесь пользы никакой не принесешь...

9 мая 1917 года, Сюлко

Сегодня ночью был холод, а сейчас солнечный, тихий, но свежий день. Жители говорят, что здесь летом бывает свежо и мух не бывает... очевидно, климат не из теплых. О том же говорит и то, что яблони хороший приплод (да и др. деревья) дают через год... Сегодня написал приказ о

---

[1] На полях вдоль этого абзаца надпись карандашом: «Власть Ком[андую]щего Моск[овским] Воен[ным] округом».

[2] Приват-доцент Петроград[ского] унив[ерситета] по Церковному праву. (*Примеч. А. Е. Снесарева.*)

посещении артиллерии и поблагодарил за начатую 33-м и 35-м полками разведку... Мож[ет] быть, и в самом деле пойдет дело к разумному! А в России чувствуется расхождение разгула: солдатские безобразия (Мценск, жел[езно]-дор[ожные] станции и т. п.), аграрные движ[ения] и т. п. Все подвержено определенным законам, и теориями — самыми даже красивыми — ничего не поделаешь... только принесешь общее горе...

Оставьте вопросы о форме правления... это глупость: поставьте Царя, поставьте президента, поставьте фонограф, это все равно, но дайте стране мудрые законы и строго блюдите за их исполнением. Две идеи теперь главенствуют: 1) воспитание народа и 2) обогащение страны. Сделайте народ правдивым, законопослушным, трудолюбивым, верным слову и проникнутым долгом... теперь он распущен, лжив, развратен, дик. А затем накопите в стране капитал, как хотите: внешним грабежом, выбросом людей на заработки, поднятием хозяйств[енной] независимости... как угодно; теперь страна нища, а народ такой страны будет дик и подл...[1]

Сегодня выслушал гневную резолюцию дикого[?]: Ваша великая революция действительно велика по размерам того зла, которое она принесла родине: 1) в два месяца она развратила дотоле победоносную армию до степени разгульной и небоеспособной банды; 2) Россию сделала мерзавцем, не исполняющим своих договорных соглашений, пред лицом не только своих союзников, но и всего мира; 3) страну ввергла в пучину анархии, подняв класс на класс, разъединив все окраины, разорвав дотоле целостную единицу на сотни клочков; 4) и без того бедную страну сделала нищей, банкротом, ежедневно теряет с войной на ослабшем труде до 100/милл[ионов] в день и готовит ей горькие тиски безутешного экономич[еского] рабства; 5) развратила население, обезленила его, отняла от труда, наполнила улицы праздной толпой, а поля и деревни сделала очагом пожаров и грабежей... еще бы не великая революция...[2]

---

[1] Вдоль этого абзаца надпись карандашом: «Текущие мысли».

[2] Вдоль этого абзаца на полях надпись: «Великая революция».

10 мая 1917 года, Сюлко

Сегодня утром во время умыванья получил телеграмму: из 105-й п[очтово]-т[елеграфной] к[онторы] № 4104–9–20 ч[асов]. Начдив 159-й генер[алу] Снесареву Думой при Штаюз[1] удостоены пожалование испрашивается чрез военного министра 94514. Кортацци... Запрыгал и заговорил «уу», как мой беленький сынок, когда он чему-либо чересчур рад. Все же женке пока, по глубокому во мне суеверию, не скажу... Вчера смена 34-м полком 33-го прошла благополучно; п[олковник] Поляков отдал бодрый и хороший приказ. Остается закавыка над 36-м, или точнее над его 1-м батальоном, так как остальные на работу так или иначе ходят.

В Приказе армиям Юго-Зап[адного] фронта от 6 апреля 17 г. № 433: «В последнее время при следовании на фронт эшелонов с маршевыми ротами наблюдается следующие явления.

К железнодорожной администрации и комендантам участков предъявляются требования об отправлении эшелонов далее назначенных станций высадок, поступают заявления солдат о нежелании выгрузиться в ночное время и требования о задержании эшелонов на станциях, где продолжительные стоянки для поездов не предусмотрены»... Далее следуют уговоры «сынов Свободной России», которые — «уверен» — поймут и т. д.[2]

Сегодня посетил меня Эд[уард] Кар[лович] Кивекэс, который явился с моим новым начштаба Андр[еем] Иван[овичем] Ларко. Много вспоминаем о прошлом, говорим о войне... Состояние XLI корпуса такое: 1) в 5-й Заам[урской] дивизии (пр[авый] фланг) — ничего не работают, max[imum] 2 часа, разобрали рогатки, находящиеся в дивиз[ионном] резерве: «Мы пришли отдыхать»; только поддерживаются позиции. В деревнях ужас: крадут коров, кур, свиней... зарегистрировано более 30 краж. Братанье было полное... и все же лучшая дивизия; 2) в 74-й — и в других — угрозы артиллерии; 3) в 3-й Заам[урской] держится

[1] Штаб Юго-Западного фронта.

[2] На полях абзаца пометка: «Эпизод».

еще 7-й, 9-й и 10-й — ненадежны, 8-й — ужасен. Не хочет даже принимать и слушать депутатов. Не хотели оставлять пулеметов: нас, мол, разоружают. Приходила в Козловку толпа в 50 [человек], чтобы распропагандировать, у некоторых были бомбы. Наткнулись на стойкий (17-й) полк...; 4) полки 113-й дивизии (3) бунтуют и по сию пору... Словом, полное гниение... О наступлении нечего и думать. «Долой войну» кричат в 113-й и в 3-й Заам[урском] общим голосом... Мельгунов не оратор, уклоняется от митингов... Случай с тяжелой батареей, преданной противнику (из расположенных в Станиславове) не единственный. 23-й тяжелый дивизион, расположенный в районе 3-й Финл[яндской] дивизии, также был донесен, и хотя позиции были замаскированы и совсем закрыты, по ним страшно стреляли... кругом воронки...

11 мая 1917 года, Сюлко

Получил от женки телеграмму: как здоровье и т. п. Ответил, что получил обе телеграммы, письмо 675, послал [в] Острог[ожск] 9 писем, здоров, целую... Вероятно, еще нет моих писем: с теперешней дикой почтой все возможно. Поздр[авление] от XLV полка с Пасхой, посланное 1 апреля, получил только 10 мая... на 40 день! Сейчас роскошное теплое и солнечное утро, позднее будет жарко...

Заезжал Шепель поделиться впечатлениями. Поляков (Ник[олай] Ник[олаевич]) потерпел некоторое разочарование. В ночь с 9-е на 10-е 1-й батальон, который готовил себе правый участок, а получил назначение на левый, застопорился и на позицию не пошел. Разведчики, пришедшие с участка, сообщили: «Там стреляют... нас всех перебьют...» Началась толчея, уговоры в темную ночь, значит выкрики сзаду, даже ругань. Н[иколай] Н[иколаевич] сам собрался идти вперед, но за ним... никто. Из [6]33-го [полка] прибежал солдат и прямо в точку: «Чего не идете... ён не стреляет». Сначала пошла 4-я рота на правый участок, самый спокойный, а затем — около часу ночи — остальные. Н[иколай] Н[иколаевич]: «Пусть идут ко мне, поговорим...» Пришли, а их место заняли другие, и они, как дураки, остались стоять в лесу...

По-прежнему, Вл[адимир] Геор[гиевич] (Шепель) полон забавными наблюдениями. По поводу наступления

православные говорят: «Это все охвицеры уговаривают, чтобы нашего брата больше было битово, а им больше земли достанется». «А офицеров мало легло? Ведь они вперед-то пойдут. Разве их не убивает?» «Да бывает...»

Сильно ждут комиссию из Петрограда: «Эти нам все доподлинно расскажут... а то неведомо, где она, правда-то?»

Приезжает кап[итан] Пестич и жалуется, что в его отсутствие команда сменила фельдфебеля, назначила вместо него другого и еще одного взвод[ным] командиром... Пестич не знает, как выкрутиться. Обсуждаем. Его помощнику, как чиновнику, а не офицеру, решено не командовать «смирно»... так и делают.

Дивинт[1] докладывает: с сапогами хорошо, с фуражом — тоже (есть уже запас на сутки), вопрос только за летним обмундированием и летним бельем... Передает слух, что в 1-й Фин[ляндской] (или 3-й... хорошо не знает) парламентарии подошли к наблюдател[ному] артилл[ерийскому] пункту и убили офицера, наблюдавшего с дерева и прикололи 3-х телефонистов... Думаю, что басни.

12 мая 1917 года, Сюлко

В заседании 8 мая («К[иевская] Мысль» от 10 мая, № 118) продовольствен[ные] дела. А. И. Шингарев сказал: «Положение необычайно тяжелое. Революция вызвала чрезвычайные стремления к расширению прав и совершенно притупила сознание долга и обязанностей. Расходы растут с каждым днем. Доходы государства совершенно приостановились. За последние 2 недели на государственный бюджет взвалены такие колоссальные обязанности: жалованье солдатам — 500 милл[ионов], увеличение жалованья железнодорожникам — 230 милл[ионов], почтово-телеграфным служащим — 100 милл[ионов]. Сокращение рабочего дня и увеличение заработной платы в металлургической и каменноугольной промышленности обойдется казне в 1½ миллиарда и так далее. В результате мы стоим у пустого сундука. Пополнить его возможно тремя способами: налогами, займами и новыми бумажными деньгами.

[1] Дивизионный интендант.

Косвенные налоги отвергнуты. Результат новых прямых налогов ничтожен. Емкость денежного рынка имеет предел. Об этом свидетельствует ход подписки на займ...» Если я спрошу свое боевое сердце, как оно все это воспринимает, оно может мне ответить одним словом «страшно»[1].

Вчера в 6 ч[асов] 30 мин[ут] выехал на левый участок правого полка. Тепло, а потом и жарко. Проезжаю мимо 1-го бат[альона] [6]33-го [полка], и ком[андир] бат[альона] доносит, что 3-я рота на работы не хочет идти... Говорят, что приходит в голову. «Жаль, что мне некогда...» еду дальше. Уговариваю ком[андира] полка не ходить со мною, но он упрашивает. Идем. Над нами воздушный бой, и летят пули от пулеметов, а затем стаканы и шр[апнельные] пули от нашей артиллерии. Идем в окопы. Правый ход роскошь. Затем обычный ход по окопам: разговор, брань, благодарность... В нас стреляют: разр[ывные] пули или щелкают по брустверу или свистят над головами... Хороша 4-я (правая), в которой и порядочно сделано, и хорош дух, ничего 1-я (левая), слабее 2-я (вторая левая) и слаба 3-я (вторая правая). В одном передовом окопе играют в карты; вскакивают, смущены. «Мы в дурака». Я: «Все равно, здесь святое место, смерть ходит, а убьет за картами...» Обещают. Винтовки в порядке. Назад идем по длинному ходу сообщения из 2-й левой — хорош, кроме самой низины, где плетень скрывает от взоров...

Поднимаем[ся] по крутому склону в лес, в котором пригрето и ярко — в воздухе звуков без счету. Мы хорошо настроены. У ком[андира] полка пьем чай и узнаем, что около 8 час[ов] погибли два наших летчика — прапорщик Серебряков (рулевой) и подпор[учик] Щукин (наблюдатель). Второй был убит наповал, по-видимому, еще в воздухе, а первый — расшибся при падении. Близкие артиллеристы говорят, что мотор был выключен, и они слыхали крик вроде — «спасайте жизнь»... Относилось ли к ним, к самому себе, послышалось ли артиллеристам, потрясенным картиной гибели, сказать трудно. Совсем грустный, я уез-

[1] На полях вдоль этого абзаца пометка красным карандашом: «Путь к банкротству». По тексту надпись: «Р[ечь] Шингарева».

жаю в Тростянец, откуда после обеда еду домой. На пути в лощине, что между Сюлко и Тростянцом (около ¾ вер[сты] отсюда) вижу толпу, возле изуродованного автомобиля[1]: крылья разорваны на деревьях, мотор в 2 саж[енях] в стороне — изломанный и искривленный. Говорим печально. Тут и летчики, у которых на глазах слезы (потом узнал, что один — родной брат погибшего Щукина). Нас снимают. Садимся на лошадей и быстрым аллюром к себе домой. Здесь вижу трупы, рассматриваю лица и крещусь... как сделал и там на месте гибели. Сколько ни переживи на войне смертей, но уж такая это вещь, что к ней не привыкнешь...

День очень жаркий. Переодеваюсь и поливаю свою дорожку, чтобы скорее заросла.

Приехал Рудковский, который в смысле крестьянского «движения» сильно преуспел: привез 500 пар белья, первый № газеты выйдет, заручился помощью... Но впечатления неважные: 1) в вагонах всеобщая ругань по адресу тепер[ешнего] правительства, а главное, ком[итетов] раб[очих] и солд[атских] депутатов, как незадолго пред революцией по адресу стар[ого] правительства... все единодушны; 2) в Тарнополе убийства и грабежи: убили приказчика Мос[ковского] Экон[омического] Общества, какого-то еврея... вообще, евреев обижают; 3) улицы кишат праздным людом — солдаты, публич[ные] женщины (в небывалом количестве) — все праздно, разнузданно, дерзко... Ходишь с оглядкой, как в местах, сплошь покрытых г...ом... Рудк[овский] убежден, что скоро вернут смертную казнь...[2]

13 мая 1917 года, Сюлко

«23 апреля наблюдателю 3-й батар[еи] 3-й Фин[ляндской] стрел[ковой] мл[адшему] фейерв[еркеру] Гомлякову арт[иллерийской] бригады партией в 10–15 солдат одного из пех[отных] полков было заявлено неудовольствие по поводу того, что артилл[ерия] наша ведет огонь по противнику; неудовольствие это сопровождалось словами и угрозой штыками в случае, если артиллерия будет стрелять, „так

[1] Речь идет о разбитом самолете.

[2] Вдоль полей этого абзаца надпись: «Рудковский о Тарнополе».

как мы желаем мира“... Заявившие такое требование поспешили скрыться”... Приказ по XXII ар[мейскому] кор[пусу] (№ 101) от 2 мая...[1]

Сегодня за обедом Рудковский рассказал, что в какой-то газете меньшевистского толка было рассказано, как под Двинском какой-то полк, бросив окопы, пошел на Двинск, чтобы грабить. Усилиями более сознательных он был удержан, но зато ряд имений под Двинском были разграблены дотла... очевидно, этим самым полком.

Прочитал А. М. Федоров «С войны», Московское книгоиздательство, 1915 г., 438 стр.

Описание в[оенного] корреспондента событий этой войны с ее начала до февраля 1915 г. Был и в Галиции (Галич, Львов), но больше в Польше, к западу от Варшавы, начиная с начала ноября до конца. Кругозор маленький — описание хвостов боя, не далее див[изионных] резервов... Следы битв, эвакуация раненых и тыловые разговоры... То, что мог бы наблюдать врач пол[евого] госпиталя, или дивиз[ионный] лазарет, больше тыловой... Перо легкое, без теплоты, но с трогательными прикрасами... Работал в «К[иевской] Мысли», почему евреи в фаворе... Очень характерны некоторые выводы (как это всегда опасно), которые теперь со свободами или сильно опровергаются (содружество офицеров и солдат), или обозначены в прямо противоположном свете, — сознательность и гражданственность рус[ского] воина.

Вот наиболее занимательные места: Стр. 112. Но история идет по земле непреклонной стопой и давит своими железными ногами всех, кто не сумел понять ее роковых предостережений (по поводу объявления Австрией войны... мысль хороша и для пережив[аемого] Россией момента).

Стр. 126. В самом деле, величайший гений (Л. Н. Толстой, о котором сын Илья заметил, что отец молчал бы о войне и ничего не читал бы), мудрец, всю жизнь искавший истину, учивший евангельски любить людей и ради апостольской проповеди добра и справедливости отрекшийся от своего божественного творчества — он не хотел поминать

[1] На полях абзаца надпись: «Эпизоды».

о войне и не сказал бы о ней ни звука и теперь, а вот мы рвемся увидеть войну, чтобы передать людям все, что она несет с собою: и ее кровавый ужас, и величавую доблесть, подобной которой не увидишь ни в каких явлениях жизни. Зверство и самоотверженность, жестокость и милосердие.

Стр. 140. Одно ясно для всех, кто соприкасается ныне с русским солдатом, это его кроткая, светлая, милосердная и беззаветно-героическая душа. И особенно дорого и радостно то, что тут не отдельные личности, что за ними вся Россия, такая же сильная, добрая и самоотверженная, когда ее долг и любовь призывают к подвигу. (А теперь?)

Стр. 167. Война — искусство, и творческий элемент играет в ней великую роль. Для творчества нужна соответствующая атмосфера, а с этой стороны русская армия обеспечена. Ни в одной войне не наблюдалось такого высокого подъема, как в нынешней, и не только каждый солдат, — каждый гражданин нашей родины зажжен ныне огнем пламени Божия, карающего и гневного для тех, кто явился гасителем его.

Стр. 178. Сестра милосердия: «Я получила Геор[гиевскую] медаль. Это я получила за то, что работаю на передовых позициях, в окопах».

«И много вас, сестра, работает таким образом?»

«Нет. По кр[айней] мере, в наших местах работаю я одна. Мой муж — гвардейский офицер, и потому я пользуюсь некоторыми преимуществами».

Это был ответ достойный, чтобы попасть в хрестоматию. (Бедный автор!)

Стр. 190. Я гляжу на эти обветренные, запыленные, небритые молодые лица (офицеров), на эти крепкие, сильные фигуры в грубых шинелях, мокших под дождем, прокопченных орудийным дымом и дымом костров, и вижу, что рядом с солдатами они — родные братья, несут с ними один общий крест, живут с ними не только одной жизнью, но и одной душою. Офицеры сообщили мне десятки случаев о трогательной заботливости солдат. (А что теперь говорят? Какую в 2 месяца провели пропасть!)[1]

[1] На полях абзаца пометка: «Офицеры».

Стр. 195. «И мне кажется, что не только лица (солдат, только что из рук командира получивших Георгия) у них становятся иные, но и сами они как будто преображаются.

Тут не только раздача наград героям отличившегося полка. Тут как бы совершается некое таинство, быть может, таинство приобщения к бессмертию, которое, конечно, имеет мало общего с дутым житейским тщеславием».

Стр. 233. В этих огромных тяжелых сапогах, в тяжелой амуниции на плечах, в полном боевом вооружении они успели пройти не десятки и не сотни, а тысячи верст, и все идут и идут, неустанно и грозно.

Остановятся, чтобы отдохнуть час-другой, и опять идут. Мокнут под дождем, стынут под ледяным ветром, тонут в болотах, проводят в залитых водою окопах долгие дни и ночи — и все идут и идут, не ропща, не жалуясь, каждую минуту готовые к жестокой борьбе, к великим подвигам. (А теперь? ...страшно сравнивать.)

Стр. 295. Они (т. е. солдаты) отлично разбираются в таких вопросах, которые раньше были совершенно недоступны им. Они не только понимают, что за враг перед ними, но и почему он враг. (Откуда же теперь полное непонимание и безразличие?)

Стр. 323. Гибка и упруга человеческая природа (по поводу шт[абс]-кап[итана] Гурдова), особенно в молодости, и особенно — при той дисциплине, которая подчиняет имеющиеся в наличности силы железной необходимости, а в случае крайней нужды вызывает к жизни и те запасы их, что у вялых и недисциплинированных натур плеснеют и погибают в замкнутых тайниках. (Забыты дурные натуры... хорошо для гражд[анского] писателя.)

Стр. 241. «Мертвецы не имеют ни национальности, ни родины. Родина их — земля. Из земли взятые, в землю и отошли».

14 мая 1917 года, Сюлко

Вчера Станюкович возвратился из Подгайц, где присутствовал на митинге в[оенного] министра (одет по-английски, в гетры, кэпи... красиво). Он кричит, прыгает, впадает в истерические возгласы, совершенно как митингов[ый]

оратор (напомнил рабочего 12 апреля). Отдельные периоды он заканчивает вопросами, на которые нет другого ответа, как в его духе («правильно», «лучше» — армия царя или нынешняя и т. п.). За ним Брусилов — также кричит, махает красным знаменем («Это революцион[ное] знамя вручил мне в[оенный] министр...» и т. д. Керенский иногда у него вырывает знамя и махает им еще быстрее и выше, становясь на цыпочки), играет на слове «царь»... Тоже делает из себя митингового оратора. Говорил еще какой-то профессор, содержательно выясняя нашу финансовую зависимость от союзников и наше обязательство, но не создавал настроения... После Керенского создавалось впечатление у Станюковича, что К[еренский] говорит искусственно, сам не верит своим словам и не верит, что пойдут в наступление. Брус[илов] вызывает и изумление, и сожаление: «Зачем он это говорит...» Словом, какая-то легкая митинговая комедия, не достойная ни грозного момента и сурового дела, ни самих руководителей, а Бр[усилов] заслуживает просто презрения. Впечатление минутное — на короткое время, пока Кер[енского] несли на руках, а затем ни следа, как от пены морской. Уже в наш[ем] дивиз[ионном] обозе и в 17-м Фин[ляндском] полку (Литвинув) говор: «Что он там нам говорит К[еренский]... мы сами знаем...» Ст[анюкович] обедал с комкор[ом] у начдив[а] 5-й Фин[ляндской], и общее разочарование: все грустно кивают головами. Не верят нашей разведке... Так невероятно п. н. вр. [по нынешним временам?][1]

Собранные слухи сводятся к следующему: 1) три полка 113-й див[изии] обнеслись проволокой и обставились караулами; по армейской делегации открыли огонь из пулеметов и не пустили (вчера вечером туда направились К[еренский], Бр[усилов] и Бельк[ович]...);

2) 20-й Фин[ляндский] стр[елковый] определенно говорит, что он со своего места не пойдет... Замиренье да и только;

3) в 3-м Финл[яндском] якшаются, но зато 10-й Фин[ляндский] прочен: по братающим открыл пулеметный огонь... 1 солдат только был против;

---

[1] На полях вдоль этого абзаца надпись: «Новый воен[ный] мин[истр] в Подгайцах».

4) в 12-м корпусе — 19-я прочная: сменив 164-ю, взяла в плен 6 австр[ийских] офицеров, ошибочно в нее попавших... вместо 164-й; эта — вечное братанье, 117-я — также, но меньше;

5) а правее 12-го корпуса; левофланговая дивизия, вероятно 44-го, обоюдно разобрали рогатки, и форменный мир: православные к ним за спиртом, немцы к нам с фотогр[афическими] аппаратами... Когда все саппаратили, то говорят: «Довольно, нам [вам?] не приказывают, а у нас строго — мы вам рогатки поставить поможем»... и немцы вместе с нашими поставили нам рогатки;

6) Черемисов, по словам кап[итана] 19-й арт[иллерийской] бригады, играет на две стороны и нравственно не надежен: солдатов боится и подлизывается, а офицеров гнет — все выговоры в приказах... Заявили своему бригадному, что примут меры[1].

На сцену выступают эконом[ические] факторы, которые, вооружась цифрой, как прочным бичом, лучше вобьют правду или в слишком горячие головы или в слишком подлые души:

1) в Петрограде городской бюджет на 1917 г. сведен с дефицитом в 70 милл[ионов]. Намечено: плату за трамваи с 10 поднять на 15 коп., на утренних с 6 на 9; плату за телефон с 80 (или 70) увеличить на 130 руб. в год, кажется, на воду и... получилось 20 милл[ионов]... Остальные 50 где? Сделать заем («дадут!») с обязательством платить ежегодно до 3 милл[ионов] по %... словом, хороший ход к банкротству Петрограда;

2) в Киеве солдатки потребовали 875 т[ысяч], город выдал 500 т[ысяч], а остальные на счет государства... А у самого бюджет в 3 милл[иона]... тоже скачок сделан к банкротству...;

3) Киевская гор[одская] Дума в заседании 10 мая установила грядущую дровяную нужду. Глас[?] Савенко: положение дровяного вопроса на предст[оящий] отопительный сезон катастрофическое[2].

---

[1] Вдоль этого абзаца надпись: «Эпизоды».

[2] На полях вдоль этого абзаца надпись: «Экономические намеки».

Нужно 143 т[ысячи] куб[ических] саж[ен], город сам заготовляет 60 т[ысяч]. Сделан заем в банках в 4½ милл[иона] рублей. В имении Скрыгалова заготовлено только 8 т[ысяч], а погружено на берлины[1] только 864 к[убических] с[ажени]. Дальше приостановилось: 1) крестьяне не разрешают рубить и свозить; 2) сарты[2] после переворота бросили работы и уехали на родину... А Скрыгалову задаток в виде 1 милл[иона]... Представители демократа не взяли на себя ответств[енность] по многим красивым причинам, а «причины» Савенко... явно злостного характера («К[иевская] Мысль», 11 мая № 119).

Пришла команда в 800 чел[овек]. Офицеры рассказывают (поручик Вроновский): 1) в Сердобске (Сарат[овской] губ[ернии]) стоит 161-й зап[асной] полк, с нов[ого] года приписанный к моей дивизии. С переворота никаких занятий, карты и орлянка; после 8 часов офицерам нельзя показываться, тоже бездельничают. Из 5 марш[евых] рот три ушли по домам. Ему массы писем с угрозами убить. Командир ген[ерал]-м[айор] Горский — был солдатами арестован. Теперь насилий нет, остальное — по-прежнему; 2) в Пензе ген[ерал]-майора Бема, который потребовал отдания чести, растерзали; 3) прап[орщик] Семенов, каторжник и вор, дезертир в бытность солдатом, играет роль в качестве члена гарнизонного комитета; 4) комитет существует, но его слушают, когда он потакает. Захотели уйти, просили телеграфировать в[оенному] министру. Отказано. «Тогда вас арестуем»[3].

15 мая 1917 года, Сюлко

Вчера был Шепель, у которого вновь понижение в настроении. Утром на работы он отправил 1-й батальон — пошли (за исключ[ением] сначала одного взвода 3-й роты) — ибо в тыл, зато оставшийся — 3-й бат[альон] — попросил командира полка к объяснениям. «Куда повели батальон, разоружать?» Показывает приказ. Удовлетворились. «А тог-

[1] Берлина — вид большой речной барки.

[2] Сарты — искони оседлая часть узбеков.

[3] Вдоль этого абзаца надпись: «Эпизоды».

да почему 1-й?» Объяснил. Ладно. Тогда третий вопрос: «А как же „открыли“ фронт? Было 3 батальона, осталось два». — «Не вам знать... знают начальники, да в тылу частей много». — «Мы-то тоже знаем, а те не пойдут»... Вступили те, что слышали в[оенного] министра, сцепились, а ком[андир] полка оставил их. Говорит: «Сейчас бы бросил, пошел бы младшим офицером в роту...» Тоже не сладко; да кому из офицеров теперь сладко. А в тылу, напр[имер], нельзя после 8 часов выходить... куда дальше.

Вчера получен приказ о смене моей дивизии 5-й Финл[яндской]. Смена в ночь с 17-го на 18-е. Полки отходят: Тростянец, район Сюлко, Литвинов и Рыбники. 2 батал[ьон] с 20-го ходят на работы, полк в Рыбниках, по изготовлению бараков к вост[оку] от Шумлян, переходит туда... Раньше и думать бы было не о чем, а теперь сумма вопросов: что из приказа будет выполнено? И как вести, что выхитривать и что говорить, чтобы побудить людей к выполнению приказа. Штаб отходит в Литвинув...

Брусилов на митинге задавал вопрос — какая армия лучше — прежняя царская или теперешняя революционная. Кричали: теперешняя. Тут сквозила передержка — разумели некоторые лучший уклад жизни, а не вопрос о боеспособности. Когда Бр[усилов] орал и махал красн[ым] флагом, повторялись голоса (кажется, и Бельковича): «Боже, зачем он это говорит». И грустно, и страшно, и гадко! Но характерно, тот же вопрос об армиях я задал Игнату, и он не сразу и очень сдержанно ответил: «Лучше, как будто, прежняя», но затем стал пересчитывать: «Били палкой, пороли ж..у, расстреливали...» Я не понял тональности, но как будто она была: «Армия-то, пожалуй, и лучше, но какою ценою это покупалось...»[1]

Товарищи становятся более разнообразными: на Волге пароходы ходят, куда прикажут солдаты... постоянный пикник. Сами солдаты, конечно, не платят, но запрещают платить и другим пассажирам. В Царицыне Совет раб[очих] и солд[атских] депутатов наложил на Царицын контрибуцию в 1½ милл[иона] рублей — для увеличения жалованья

[1] Вдоль этого абзаца подпись: «Две армии?»

солдатам и солдаткам. (№ 4478 «Последние новости» от 12 мая (3 стр.), жён). Очевидно, анархия эволюционирует... Надо ждать варягов с востока или с запада. Немцы обещают финансов[ую] поддержку, очевидно, уже учитывая наше банкротство, а у нас все еще тянут из «пустого сундука»... на будущее мы не смотрим уже не первую неделю[1].

Вроновский говорил, что в одном случае на пути следования команд был спиртовой завод; начались желания разбить. Говорил, просил... ничего, тогда силы оставили и расплакался. Помогло, удержались, а потом поехали далее. А предшествующая разломала, напилась, убила 6 офицеров, а 7-го, недобитого, «наградила чином полковника»: сняла погоны прапорщика и надела — полковника. Сами и говорили: шесть убили, зато 7-го произвели в полковники... Казаки на Кавказе ведут пленных, снявши со штанов все пуговицы и отняв кушаки: два казака ведут сколько угодно... пленные держутся руками за штаны... иначе упадут...[2]

Сегодня в 16 (−¼) получил приглашение полкового комитета прибыть к ним к 16 ч[асам] 30 мин[утам] на собрание в Тростянец, к халупе № 181. Сел и с Алек[сеем] Ив[ановичем] (Агапитовым) и 2 казаками поехал. Поговорили по-хорошему и снялись. Три вопроса: отпуск, дисцип[линарные] суды и нежелание 4-й роты идти на работы... Много говорил я, а мне подговаривал прап[орщик] Каламбур (Крумбольд). Много смешного, много и трогательного. Темнота, которая должна решать вопросы по разумению, отсюда боязнь, недоверие, ход ощупью. По поводу дисципл[инарных] судов (жаль, что не назвали дисцип[линарными] комитетами) пришлось развить целые теории наказаний и равномерности таковых... Поняли ли?

16 мая 1917 года, Сюлко

Шингарев в Москве на хлебном съезде 11 мая произнес речь по вопросу о монополии хлеба. Часть его речи кос-

[1] Вдоль этого абзаца надпись: «Эпизоды».

[2] Вдоль этого абзаца надпись: «Слезы — послед[ний] способ».

нулась современного положения в стране. Характеризуя таковое («Посл[едние] нов[ости]», 12 мая № 4478), Шингарев сказал, что заем не идет, армия не воюет, а население не слушается власти. Лет 300 назад Россию спас энтузиазм, зажженный Мининым и Пожарским, надо и теперь зажечь огонь народного энтузиазма. Если Керенский вызовет энтуз[иазм] армии, а Пешехонов — в области народного продовольствия — Россия будет спасена.

В газетах («Речь», «Новое время»...) имеются отделы «Анархия». Вот образчик («Речь», 11 мая, № 109): 1) В станице Александровской стан[ичным] атам[аном] Сидским, его помощником Сильцевым и 30 бездомниками уничтожен питомник деревьев... на 100 т[ысяч] р[ублей]; 2) в Енисейске и Барнауле пост[оянные] пожары. Поджиг[ают] дома бедняков; 3) в Рост[ове]-на-Дону угол[овные] преступники организовали "самоуправление" и грозят поджечь город, если не прекратятся самосуды; 4) в Евпатории повальные обыски среди приезжих...; 5) в Промзине (Симб[ирской губернии]) солд[ат] Петров вершит судьбы: сменил в гарниз[оне] 25 оф[ицеров] и командира, учинил скандал в церкви и т. п.[1]

Речь, 11 мая, 109.

В статье «Опасное явление» говорится о дороговизне тепер[ешнего] печатанья. Просят разрешить печатающим свои диссертации представлять [их] переписанными на машинках, т. е. «кустарным способом». Пособий не хватает и на 1/10. Печатанье одного листа в количестве 600 экз. обходится в 400–500 рубл[ей]. Придется допустить дисс[ертации] на иностр[анных] языках или печатать за границей. Учебники будут в 3–4 раза дороже... «Товарищи», подорвав экономику, принимаются за науки и ученье...! К варварству полным ходом![2]

Сегодня написал женке письмо на 10 страницах и вложил две карточки: я в своем садике 8 мая и проводы Н. Д. Ещенко 29 апреля. Когда я гулял, пришел пр[апорщик] Крумбольд и солдат Новицкий, оба члена

[1] Вдоль этого абзаца надпись: «Анархия».

[2] Вдоль этого абзаца надпись: «К варварству!»

комитета, и сообщили мне, что в батальон смерти записались от 9-й роты 635-го полка 33 человека. Я расцеловал и сказал, что пойду во главе этих батальонов... Что же, посмотрим! Если рассчитывать на идею энтузиазма, какой, напр[имер], Шингарев придает такое значение, то мы готовы ее использовать в полной мере... до решимости пожертвовать собою. Во всяком случае и в Армии, как в стране, коалиционное министерство, Керенский и, напр[имер], идея батальона смерти — последняя ставка: будет она бита... и все погибло[1].

17 мая 1917 года, Сюлко

В «Киев[ской] мысли» от 14 мая № 121 наиболее интересное:

А) сильный приказ А. Ф. Керенского от 13 мая и приказ ар[мии] и флоту от 11 мая с деклар[ацией] прав солдата — то, что уже знали, и что обработано в комиссии Поливанова: переделка на фабрич[ный] лад ... в[оенная] частушка;

Б) «Бирж[евые] Вед[омости]» телеграфируют из Парижа: начатые 3 апреля большие наступательные операции не дали удовлетворит[ельных] результатов, главным образом, вследствие бездействия русского фронта, позволившего немцам перевести во Францию 20 дивизий. Францу[зски]й Ген[еральный] штаб перешел к новой тактике медленного систематического продвижения (Ну, положим... Сначала мы одни на себе все перли и, конечно, духовно подорвались, а теперь они... начни они сильнее, — было бы иначе);.

В) "Worwärts"[2], по поводу речи Рибо заявляет, что после 3 лет ужаснейшей войны ни один германец не помышляет о восстановлении мира ценою возвращения Эльзас-Лотарингии. Война должна будет продлиться, по меньшей мере, еще 3 года, если Франция захочет принудить к этому Германию... (Вот и соц[иал]-демократы!);

Г) «Речь» посвящает статью разрухе, установившейся в нашей промышленности. Неимоверно высокие требова-

[1] Вдоль этого абзаца надпись: «Батальоны смерти».

[2] Германская социалистическая газета «Вперед».

ния рабочих делают фактически невозможным ведение предприятий. Близок день, когда рабочие, придя за получкой, услышат в ответ, что в кассе нет денег. В наст[оящее] время рабочими заявлены требования, которые увеличат заработную плату сравнительно с дореволюционным временем на 240 милл[ионов] рублей. За один год будет съедена не только вся прибыль, но почти весь капитал предприятий. Рабочие требуют, чтобы государство за счет остального населения, вовсе не капиталистов, но крестьян, у которых только имеется хлеб, содержало 2–3 миллиона рабочих. Мы быстро катимся в пропасть. Пора одуматься и остановиться[1].

В ночь на завтра должна 5-я Финл[яндская] дивизия сменить мою. Ходят слухи, что два полка не хотят идти сменяться, а комендант говорит, что не хочет двигаться 20-й... в нем крутят два офицера: пор[учик] Бранкевич и прап[орщик] Бабенко. Формула последнего: «Ни капли крови, ни шагу вперед или назад». Глупо, но коротко и определенно.

Сегодня утром стакан пробил потолок в халупе Станюковича и упал в 2 шагах от его кровати, слегка изуродовав пол. Много смеху, а див[изионный] врач сегодня спешит с отъездом. Хотел проситься у меня в подгайцы, но узнав о налете аэропланов, кажется, меняет свою мысль.

«Спасение» Станюковича настраивает нашу беседу за обедом на суеверный разговор. Ст[анюкович] говорит про командира своей батареи — 17-й кон[ной], кап[итан] Снежков, который убит 4 авг[уста] 1915 года под Спиридовицы на Днестре. До этого храбрый до безумия, а за 3–4 месяца пал духом; успокоения не подействовали. 26 июля написал прощальн[ое письмо] жене, 29 — отцу, в первых числах августа 2 братьям, а в 6 часов утра 4 авг[уста] с наблюдательного пункта Станюковичу. «Письмо жене» отправлено по адресу, остальные сохранены в батарее...[2]

Солдаты страшно по нем плакали.

---

[1] Пять абзацев выделены волнистой линией и надписью: «Киевская мысль» от 14 мая.

[2] Рядом с этим абзацем надпись: «Предчувствие».

Текст воззвания

Товарищи
Солдаты и офицеры!

Мы, триста человек, записавшихся в «батальон смерти», поднимаем свое красно-черное знамя. Два цвета на нашем знамени, ибо есть у нас две великие задачи:

Красный цвет — «мы защищаем свободу».

Черный цвет — «мы не желаем жить, если гибнет Россия».

Так понимаем мы свой долг гражданина перед свободной Державой Российской. Но не мы первые. Свобода наша куплена ценой крови многочисленных бойцов на фронте и в тылу.

«Мы свято храним память погибших бойцов и не ищем для себя лучшей доли».

Идите к нам, сильные духом и крепкие волею, гордые в сознании великого служения Свободной Родине. Идите к нам, кто презирает смерть, ибо тот свободный гражданин, кто сын свободного народа и кто верит, что нет жертвы, которая была бы слишком велика для приобретения свободы.

Идите к нам, мы братья по духу и крови.

Революция творит героев или умирает. Мы это знаем[1].

Справки можно получить в Организационном Комитете: г. Бучач, у[лица] Потоцкого, д. № 52, телеф[он] 7-го воздухоплавательного дивизиона.

13 мая в[оенный] м[инистр] Керенский посетил 8-й Заам[урский] и 10-й Заам[урский] полки. Первый был выстроен и взял на караул. Кер[енский] не поздоровался и начал вопросом, правда ли, что у вас не хотят воевать? Гробовое молчание. Правда, что не хотят переходить в наступление? Гробовое молчание. Начинает речь обычного типа, но в более нервно-раздражительном тоне. Из строя — ни звука, а сзади нестроевщина и посторонние — давали одобритель-

[1] Вдоль текста воззвания красно-черная надпись: «Батальоны смерти».

ные реплики. Личный адъютант напомнил Керенскому, что люди давно держат на караул, но он ничего не сказал, продолжая речь. Потом он не прощаясь, повернул обратно. Из-за правого фланга вышла группа в 5–6 человек и на блюде поднесла с привет[ственными] словами Керенскому солдат[ский] Георгий, но он, взявши крест в руки, сказал Брусилову: «Я приму этот крест, когда Вы мне донесете, что 8-й полк стал лучший на Вашем фланге...», — с этими словами он швырнул назад крест; галерка подняла его на руки и донесла до автомобиля... полк оставался в прежнем положении[1].

Та же картина повторилась и в 10-м Заам[урском], но с тем вариантом, что Кер[енский] сказал Брусилову: «Г[осподи]н главнокомандующий, отдайте приказание, чтобы те, которые не хотят воевать, вышли бы вперед». Брусилов сделал шаги, чтобы начать исполнение, но К[еренский], догнавши и как-то локтем остановивший глав[нокомандую]щего, стал продолжать свою речь... очевидно, почувствовал, что выйдет что-то худое. С 10-й здоровался, и взято было к ноге...

Относительно полков 113-й пех[отной] дивизии ничего точно не известно: кажется, Кер[енский] там был; по подполк[овнику] Беликову, действительно, открывался огонь; нач[альник] дивизии и штаб вместе с бунтовщиками, вероятно, арестованы.

Наблюдается определенное явление: Кер[енский] производит впечатление, м[ожет] б[ыть], даже энтузиазм в больших штабах — фронта (Каменец), армии (Подгайцы), где нет солдат, а рабочие, переодетые в солд[атское] платье (ауто, радио, телеграфы... солдаты), а они приветствуют в нем — бессознательно или сознательно — социалиста, товарища, а не воен[ного] министра; где же он подходит к настоящей солдатской массе, там контакта нет, там он чужой человек и... гробовое молчание. Там и Кер[енский] теряется, выбивается из колеи...[2]

---

[1] На полях вдоль этого абзаца надпись: «Керенский в 8-м и 10-м Заам[урских] полках — 13 мая».

[2] Вдоль этого абзаца надпись: «+ и — Керенского».

18 мая 1917 года, Литвинув (до 7 ч[асов] 30 м[инут], Сюлко)

Ночью к полчаса 2-го кончилась смена моей дивизии 5-й Финлян[дской]. И мои полки двинулись по своим местам. Я покинул свой штаб в 1½ час. Ехал с двумя казаками среди современного воинства: порядку ни в чем, все разбросано... если паника, все рванется в рассыпную... все дымит, кричит, хозяйничает, лошади дерутся и калечатся... Сколько убыли народным деньгам, не говоря про остальное!...[1]

Я[2] думаю, что переделка армии фабрикой — эксперимент наименее удачный: Армия и социализм два явления, друг друга исключающие, друг другу противоположные; и психика, и идеология рабочего (особенно, сознательного) совсем иная, чем у солдата (настоящего, конечно): 1) солдат — государственник, строитель и разрушитель царств, губящий гнездо столетий и строящий новое на столетия; рабочий — человек без историч[еской] перспективы, безгосударственник; еще вчера он мог быть миллионером... он член новой семьи, если он нищ, зол и завистлив... прошлое и общее для него вздор; 2) в рабочем столетиями и испытаниями накапливалась ненависть против имущих что-либо, эта ненависть — постоянный горючий материал; у солдат нет ничего подобного; в их массе — крестьяне, цеховые, рабочие... нет исходной одной платформы настроения; 3) рабочих 1 раз в 10 лет зовут на смерть и для этого момента разогреть его словом можно; в большинстве же случаев он сопротивленец, пассивный — ораторствует, голодает и т. п. Солдат ведут на смерть каждый день и в течение нескольких лет; тут словом не обойдешься, а за смерть надо платить смертью; 4) рабочие — однородная масса, одинаковая, тренированная; два-три трафаретных слова — и она готова; солдаты — масса сложная, глубокая, разная... толковать надо долго, да и то не дотолкуешься[3].

---

[1] Рядом с началом этого абзаца надпись: не успел ж[ене] написать.

[2] Армия и социалисты. *(Примеч. А. Е. Снесарева.)*

[3] Вдоль этого абзаца надпись: Думы на переезде из Сюлко в Литвинув.

Вообще, мы запутались в понятиях. Кер[енский] говорит, что русская армия самая демократическая в мире; надо же понять, что армии в России больше нет — ни на фронте, ни внутри. Прежде чем к вещи прилагать эпитеты — большой, малый, хороший, зеленый — надо установить раньше, существует ли сама вещь... м[ожет быть], не нужно терять зря слова. Ведь вернуть винтовки в руки группе детей или толпе, толкающейся на ярмарочной площади, это еще не значит сделать ее армией. Ведь это — группа вооруженная, обученная, проникнутая единым определенным духом и исполняющая приказы... Кер[енский] даже подчеркивает, что он ничего не понимает в военном деле, как будто даже скромное знакомство могло повредить его работе, как военного министра... прямо умопомрачение какое-то...

В Харькове (11 мая) решением совета рабочих депутатов реквизирована типография газеты «Утро», купленная для издания газеты комитета партии к[онституционных] д[емократов]: днем группа вооруженных людей в сопровождении одного милиционера путем взлома вошла в помещение типографии и стала распоряжаться машинами. Продежурив ночь, эти лица ушли, оставив свой замок рядом с прежним замком («Киев[ская] М[ысль]» 16 мая). Конечно, заявления к министрам, нервная статья Браза[?]...[1]

Вчера ездил к комкор[у] 22-го. Просил отпуска, говорил о винтовках, об оставлении в Рудниках, о случае с Сергеевым (636-й п[олк]) и о Гулином... М[ожет] быть, отпуск получу, о винтовках будет написано... остальное неясно. Комкор делится впечатлениями: 1) Кер[енский] производит большое впечатление на солдат, молодежь — офицеров, но по мне он — социалист-мечтатель (я вставляю свои слова о к[расной?] крови). Он — опытный оратор: умеет вовремя улыбнуться, сделать жест, помахать красным флагом и т. п.; голос хриплый — выговорился. Но, конечно, все это бесполезно: у нас, правда, нам помогло, напр[имер], в 20 [полку] Финл[яндской];

2) Гучков сознавал, да и говорил, что вводимые им реформы разложат армию, но а) ничего не мог поделать и б) старался дать minimum. Сознает ли Кер[енский]?

[1] Вдоль этого абзаца надпись: «Эпизод».

3) в 9-м Фин[ляндском] плохо. Комкору говорят, что офицеры из нас кровь пьют и, как пример, указывают, что ген[ерал] Бринкен садился на аэроплан, летал к немцам, все им говорил, а потом возвращался назад. Комкор спрашивает: «Да откуда вы все это берете?» Один из православных (глуповатый на вид) говорит: «Да я сам видел, как он летал». Комкор: «Ну вот, если это правда, он должен донести, чтобы его семью, как семью изменника, лишили пенсии. Суд рассмотрит, и если правда (если нет, то доносчика будут судить за клевету), то так и будет. Я не буду доносить, так как знаю, что он врет». Видевший своими глазами, конечно, ничего не заявил...

19 мая 1917 года, Литвинув

Вчера получил от женушки 5 писем (4 + 1 откр[ытку]) от 2–6 мая. До сих пор она еще ни одного моего письма не получила, — милая почта в свободной стране, у диких готтентотов, наверное, лучше.

Бедная моя женушка, которая живет, по ее словам, от почты до почты. Теперь она начнет их получать вволю.

Сведения из «Послед[них] новостей» (16 мая, № 4484):

1) в Petit Parisien[1] напечатана статья о согласных действиях Англии, Франции и Италии, как они вместе работают и дружны... о России сказано в скобках: «А Россия даже не включена в этот единый план — она ведь занята устройством собственных внутренних дел».

2) в Deutsche Tageszeitung[2] говорится до дерзости обидно: «Германскому народу нужно терпеливо выждать. Развитие событий в России идет совершенно определенно по пути внутреннего разложения и распадения на отдельные племенные, областные и даже войсковые части. Милюков и Гучков были вынуждены признать, что их народ еще не созрел для свободы. Все в России идет вверх дном. Начинаются голодные бунты. Армия покидает окопы, чтобы идти против собственной страны. Иноплеменные народности... начинают волноваться. Мы, германцы, должны

[1] Le Petit Parisien — «Маленький парижанин» (*фр.*).

[2] «Немецкая ежедневная газета» (*нем.*).

возлагать на них наши ближайшие упования. Приближается осуществление наших надежд; ослабление на многие десятилетия всегда грозившей нам мощной восточной опасности...

... соглашение теперь... будет достигнуто, причем не путем сокращения наших требований, но посредством хладнокровного использования внутренних осложнений в объятой революцией стране. Теперь, больше чем когда-либо, мы имеем право на контрибуцию и на необходимые нам колонизационные области»;

3) газета пестрит фактами разгула: в Саратове и Минске квартирная неурядица, пьянство растет чудовищно, в Барнауле и Бийске — поджигатели, в Петрограде в Таврич[еском] саду побоище хулиганов — два убиты, там же 15 мая из дезертиров явилось 20 чел[овек], а из уголовных — ни один, аграрные беспорядки (Рязань, Псков, Васильсурск), у Мюра Мерилиза[1] забастовка, громад[ное] предприятие замерло (прибавки требуют от 10% до 100%)...

4) согласно «Бирж[евым] Вед[омостям]» (11 мая, № 16228) не одна "D. T[ageszeit]ung", а и более серьезная "Russische Zeitung"[2] тоже заключает, что недалек день, когда русские убедятся, что им остается только принять выгодные условия мира, что можно будет «купить Россию финансовой поддержкой для восстановления русского хозяйства и отказом Германии от провозглашенной ею самостоятельности Польши...» «Ясно, — гов[орят] „Бир[жевые] Вед[омости]", — мы так низко пали во мнении врагов, что они считают возможным открыто нас третировать, совершенно не считаясь с тяжелым впечатлением, которое у нас произведет эта оценка».

Гофманский министр иностр[анных] дел Циммерман сказал: «Для нас русского государства больше не существует, как силы, с которой мы могли бы считаться» (из речи А. Ф. Керенского, сказанной в Гельсингфорсе 9 мая)[3].

---

[1] «Мюр и Мерилиз» — российский торговый дом (1857–1922).

[2] «Русская газета» (*нем.*).

[3] На полях предыдущих семи абзацев написано: «Новости из газет».

Образчик народной литературы

Цена 5 коп.

Поминание
старых правителей и врагов земли русской

Помяни, Господи, царя Николушку и жену его Сашку
и мать его Машку.
Наследника престола молодца, будущего продавца.
Придворного дворца блюстителя, их Чертей хранителя
И бывшего Главнокомандующего Николку
От которого с начала войны дня не было в России толку.
Его же наместника Кавказа помяни же Господи три раза.
И тех, Господи, помяни вдвойне, что затеяли войну.
Коменданта Григорова[1] молодца, Ковенской крепости
продавца,
И Сухомлинова генерала, всей России обдиралу, тоже помяни.
Не забудь, Господи, помяни наших России правителей,
Русского народа грабителей, а немцев просветителей
Кровопийцев генералов, министров, князей и всех
немецких друзей
Штюрмера, Протопопова, Войкова и генерала Иванова.
Всех их нужно поминать и спасти,
Ведь они же хотели немцев в Россию провести,
Чтобы усмирить милицию и установить полицию.
Как Трепов молодец — бывший России подлец,
Крестьян, свободы будителей, считал за грабителей.
Помяни, Господи, во царствии Твоем
Секретаря Маркова, руководителя,
В Германию хлеба нашего отправителя.
Все бывшее наше начальство управительств,
Жандармерии крючков и всех кровопийцев
Поставь, Господи, на Твоем счету,
Ведь они Россию привели в нищету.
Постригу Григория Распутина не следует поминать,
Потому что он любил Сашку обнимать.
А поминать Сашку, потому что она ему вышила рубашку.
Придворного советника Манасевича... Мануйлова
не следует поминать

[1] Григорьева.

Потому, что он советовал Николаю Россию продавать.
Священство, монашество и Тобою, Господи,
любимое управительство
Ты им дал землю и волю, а нам — несчастную долю.

Далее следуют строки в прозе, а затем:

Отдай Ты их в руки на вечные муки,
Пусть они там поминаются
И в горящей смоле купаются.

Производит ли это впечатление? Едва ли это агитация, а скорее торговля. Денщик Агапитова называет это глупостью.

20 мая 1917 года, Литвинув

В «Бирж[евых] Вед[омостях]» (13 мая, № 16230) наиболее интересное: руководящие статьи, показывающие отрезвление интелл[игентских] кругов и их кристаллизацию: «Новое слово демократии» — необходимость наступления; «Положение промышленности» — цифры промышленников: в Донецком районе — 18 металлургич[еских] предприятий с основ[ным] капиталом в 195 милл[ионов], с валовой прибылью последнего года в 75 милл[ионов] и дивидентом в 18 милл[ионов]. Увеличение заработн[ой] платы, требуемое рабочими, против прежних расценок, составляет 240 милл[ионов] рублей в год. Владельцы предприятий выразили готовность повысить плату рабочим на 62 мил[лиона] рублей, но соглашение не состоялось.

Большинство предприятий решило совершенно отказаться от прибыли, уступив ее рабочим; но рабочие и на это не соглашаются. Сумма их требований составляет 800 милл[ионов] рубл[ей] в одних лишь предприятиях юга России... Промышленности грозит крах. И тем не менее, ответы на просьбу промышленников от 3 министров-социалистов были просты и трафаретны. Скобелев: ... «по имеющимся у него сведениям в Дон[ском] бассейне требов[ания] рабочих на самом деле вовсе не таковы... Правительство больше, чем представители классов, обязано помнить, что

к острой государственной нужде нельзя подходить с меркой исключительной заботливости об одном классе».

«Последняя ставка» — разумеется ставка на энтузиазм (взято из речи Шингарева)... «В признании его (энтузиазма) основным, мы покажем всю теоретичность, всю отвлеченность своих определений настроения главной массы населения. Путь всяких эмоций давно порос травой забвения, давно уступил холодному эгоистическому расчету, особенно в народно-хозяйственной жизни. Зажечь энтузиазм народный возможно, для этого найдутся, б[ыть] м[ожет], люди, но не долго прогорит этот светильник святого чувства...»

Призыв к энтузиазму, конечно, необходим, но он переходит в транс, когда его выдвигают в качестве последней и притом отчаянной ставки. (К. Полферов.)

«Заметки»... Атмосфера отчужденности... не воспитала в революционерах чувства действительности. Только сильные умы и крепкие характеры могли без ущерба выдерживать это искусств[енное] отчуждение от жизни в атмосфере обсуждения отвлеченных программных вопросов и схоластических прений. У иных ожесточались и портились умы и характеры. Они озлоблялись, становились мелочно-раздражительными и мел[очно]-самолюбивыми...

Но кто их убедит в той печальной истине, что проклятый режим безнадежно оторвал их от жизни, что они не могут быть строителями новой России, что они не могут быть вождями великого народа? Они кричат пронзительно и громко, во взволнованные растерянные массы они бросают демагогические лозунги, гибельные своей примитивностью и грубой прямолинейностью... (Лукиан)[1].

Приехавший из 64-й див[изии] Сергеев передает о состоянии дивизии: она развалена; братанья во всю (как и в 37-й див[изии]), ходят кучами, стрельбы нет никакой. Акк[ерманский] полк стал на послед[нюю] линию — не хотел сменить на позиции Елизаветградский. В[асилий] В[асильевич] [Лихачев] командует 253-м Пер[екопским], сидит на пне, идут два парламентария (один Ник[олаевского]

[1] Предыдущая запись сопровождается на полях надписью: «Настроения буржуазии».

п[олка]); один прицеливается в В[асилия] В[асильевича] из винтовки; тот спокоен. Тогда парл[аментарий] тоже благосклонно усмехается, стреляет вверх чрез его голову и идет дальше... Словом, слабо[1].

Инж[енер] 7-й армии случайно заходит (поломался ауто), и мы беседуем. На съезде фронта выяснилось: 22-й кор[пус] — средний или ближе к хорошему, также 12-й (19 див[изия] — хороша, 117-я — плоха), но 16-й плох как и 41-й, а 33-й ужасен. 1-й Заамур[ский], напр[имер], полк совершенно развращен: австрийцы сфотографировали все, были в нашем штабе дивизии, артиллерия попросила себе прикрытия против своих; 1-й полк ходил бандами на артиллерию, угрожая штыками: «не стреляйте»; из него же офиц[еры] и люди пьянствуют у австрийцев...[2]

Шт[абс]-рот[мистр] Колесников (ком[андир] див[изионного] обоза) говорит, что посланный им в Киев офицер сказал ему: в союзах (городов ли, зем[ском] — не знает, но, вероятно, всюду) работают только от 9 до 12 часов...

В Крас[ном] Кресте стоит дело так: 1) сестра мил[осердия] Одесского этапного лазарета имела при себе собачку. Комитет постановил: «Сестре не полагается иметь слабости... или не люби собачку, или уходи»... Ушла; 2) в 95-м (нашем) назначили своего фельдфебеля, сменили взводных... так и остается. Уходит начальник и весь персонал. В Комитете в Бучаче сказали: пусть уходит... Значит, все показывается; 3) в 95-м же говорят: «Семетковская сестра с нами не разговаривает» (не далеко до: к нам ночью не ходит), помощник не называет «товарищами» и т. п.; 4) в 4-м Хирур[гическом] назначили своих взводных; 5) комитеты всем ворочают...

21 мая 1917 года, Сюлко

Утром выполняю дело, рассчитываюсь с Агапитовым, даю инструкцию Гужову и прощаюсь с командирами полков. Последним говорю, чтобы они не падали духом, что я надеюсь, прибывши, найти полки подвинувшимися вперед,

[1] Вдоль этого абзаца надпись: «64-я див[изия]».

[2] Вдоль абзаца надпись: «Наблюд[ения] фронт[ового] съезда».

после чего я сам присоединюсь к их работе и пойду в труде с ними дальше. От Шепеля и Полякова ответы бодрые (в 33-м все дисципл[инарные] суды выбраны), от Знамеровского — спокойно-тихий, от Никитина — исполнительно-ненадежный. Завтракаю, целуюсь и в 11 ч[асов] 30 м[инут] выезжаю со Станюковичем. Жарковато, нас часто нагоняет пыль, но ни разу не лопаемся. В гору ауто дает про...[?] и становится, мы в сомнении, но... В Бучаче берем бензин и катим дальше. Между прочим, посещаем вокзал — там в зале I и II класса почти солдат нет — 1–2, а больше офицеры и интеллигенция. Кругом же полон солдатчины — они свободны, чести не отдают, но назойливости не видно, разстреп[1] нет. Едем дальше; в Дорохуве, где стоит Двинский п[олк], чувствуется зараза: много флагов, повсюду солдаты с девками... Пред Струсовым встречаем польские полки — сначала 4-й полк, потом 3-й полк. Они идут прекрасно, не смотря на духоту и пыль, особенно головы колонн, офицеры хорошо одеты, знамена патриотические. Пробуют петь песни, но они пока не выходят. Приятно смотреть, старые воспоминания теснятся в грудь, и на душу набегает грусть.

В Тарнополь приезжаем за час до отхода поезда. На вокзале суета, грязь, беспорядок. В буфете, хотя и дорого, но найти можно кое-что. Закусываю с Станюковичем, он же находит билеты II класса (I класса нет). Наталкиваюсь на Ивана Львовича Чарторийского [Чарторижского] — он похудел и озлобился.

Мы начинаем беседовать. Он говорит об них — как они ничего не знают (больше педагоги и юристы), как им все равны, как они берут, но "по-новому", как они спешат увеличить содержание (уездн[ые] комиссары потребовали по 2 т[ысячи] на представительство, 200 — разъездных и 1 автомобиль на 2 уезда)... В Черновцах хотят войска применить для заготовки дров для жителей города. Рассказал про сынка Юру (его подвиг на Днестре, участие в патриотической манифестации в Киеве и т. п.). Рассказал, что в Министерстве внут[ренних] дел всюду перемены, а в М[инистер]стве финансов — все старые. Истомин страшно

[1] Так у А. Е. Снесарева.

поправел, уцелел и думает переходить в Киев. Он меня провожает, и мы расцеловываемся... Из его слов — опытного и довольно либерального администратора — становится ясно, насколько в этом отношении введено легкомысленного, невежественного и ужасного: ни разума, ни желания что-либо сделать[1].

В дороге идет беседа о переживаемом времени. Много рассказывают интересного, но все это на один план. Вот примеры: 1) от 1-го дивиз[иона] 1-й Финл[яндской] артилл[ерийской] бригады послан унт[ер]-офицер в Жмеринку за покупкой сена. За ним стали следить какие-то личности; он привлек милиционеров и начал контр-выслежку, — выловили партию в 5 человек и нашли у них много краденых вещей — золотых и т. п. «Ну, что же?» Унт[ер]-оф[ицер]: «Пришлось расстрелять». «А сколько?» «Да 5 человек». «А кто же расстреливал?» «Да мне и пришлось расстрелять». Предварительно было что-то вроде суда; 2) в 6-й Финл[яндской] дивизии 23-й полк не хотел идти сменять на позиции один из полков своей дивизии. Заявления: 1) если будет артиллерия... прошла, видели; 2) если дадут сапоги; 3) если пойдут к своим финляндцам (XXII кор[пус]) и т. п... Полк мучил полк[овник] Попов, завед[ующий] хозяйством... Керенский вызвал его, накричал, а затем приказал арестовать... После Керенского полк пошел... Спим ничего, хотя я только снимаю сапоги.

22 мая 1917 года, на пути из Тарнополя в Киев

В Киеве на вокзале форменная толкотня и беспорядок — всюду солдатчина (хотя залы I–II классов от них почти свободны). Поезд выходит на Харьков около 7 час[ов], почему я пошел гулять по Киеву, дошел почти до памятника Ал[ександру] II, который цел: но от памятника Столыпину остался лишь цоколь с фигурами и с полустертыми надписями... из них наиболее сильная — «Вам нужны великие потрясения, нам ...» сохранила несколько слов... А теперь-то мы видим, как про[ро]чески были эти слова — нужны только потрясения, а за ними любопытствующий взор: что-то из

[1] Вдоль этого абзаца надпись: «рассказы Чарторийского».

этого выйдет. Подпалили детишки собственный дом и пока еще не испугались, любуются...

Купил мимоходом фунт конфет (3 руб.) и 5 яблок (3 рубля). На вокзале меня находит Андрушкевич (из 117-й див[изии]), который был на съезде в Петрограде, и делится впечатлениями. Керенский ему лично сказал: «Мне-то что, мне терять нечего (у него чахотка), я ведь и смертную казнь могу вернуть». Рассказывал эпизод с m-me Коллонтай, которую он высмеял, придравшись к ее шелковой юбке и особым штиблетам, а также, как он сопоставил пролетариата (рабочего, зарабатывающего 450 руб. в мес[яц] с одной женой, зарабат[ывающей] 90 руб. в месяц... детей нет) и буржуя (солдата из окоп, дома жена и 6 детей, получает 75 коп. в месяц)... В 7 выезжаем, нашли отдельное купе со Станюковичем и прекрасно выспались.

23 мая 1917 года, путь из Киева в Харьков

Раздевался вовсю и выспался на славу. В вагоне просторно, солдат нигде нет — разве 2–3 в наружных коридорах. Так как вагон идет только до Полтавы, то перехожу в вагон прямого сообщения. Здесь хуже — теснее, жарко, а в соседнем 2-м (микст[1]) видны и солдатики, — один пробует ввернуться, я его гоню: «Извините... Я не знал»... Сильны только кагалом. Вот описание мытарства 180 офицеров в Кронштадте, как это описано проф[ессором] Кузьминым-Караваевым в «Бирж[евых] Ведомостях».[2] Этот документ, единственный в своем роде, говорит: 1) до каких уродливых форм доходит социализм на практике, когда он вступает в силу и 2) как на практике же осуществятся великие начала свободы, прав, гражданственности и т. п. Худо и для готтентотов!

24 мая 1917 года. Путь из Киева до Острогожска

Рядом в Полтаве садятся брат с сестрой, последняя — Петроградская консерваторка. Обсуждаем события. Сестра рассказывает, как она ехала в купе 1-го класса с 4 солдатами:

---

[1] От *англ.* mixed — «смешанный».

[2] В дневник вложены вырезки из газеты с цитатами из А. Н. Кузьмина-Караваева.

курили, плевали... Хотели оказаться на одной хоть скамейке, на парламентарий не пошли. Было душно, вонь, говорить не о чем... у сестры разболелась голова. До Полтавы говорил с одним мелким торговцем, который описывает дела в ужасном состоянии: крестьяне богаты, но распущены, рабочие потеряли всякую границу... все говорит о близкой разрухе. Рабочие взялись у него починить что-то (столяры), он не поторговался... За 2 часа за работу потребовали 10 рублей: «Почему не торговались?.. пойдем в комитет». Сошлись на 8 рублях. После Полтавы еду со стариком, управляющим имения кн[ягини] Нарышкиной (около Палешева); он говорит о настроении деревни: все сумбурно, права нарушены, сознание потушено; все балансируют или на теплых словах, или на уступках; внутренно все жаждут порядка, какой бы ценою он ни был куплен. Старик потерял портмоне с паспортом и очень удручен... вытянули православные.

На Харьковском вокзале сплошной гомон и суета, солдатни уйма, но говорят, что теперь стало гораздо меньше. В вагоны сажают под наблюдением солдат, они же (прапорщик + 12 солдат) провожают поезд... много ругани и криков при посадках.

Прибываю в 9 часов, легко нахожу извозчика, подъезжаю и... обычный крик и визг. Все здоровы, женушка на сносях, но высматривает хорошо и бодро.

25 мая 1917 года, Острогожск

Этот милый, спокойный и красивый город пережил бурную историю, особенно 4 марта. Теперь он грязен, запущен, с долгом в 40 т[ысяч] руб. при нулевом бюджете. Грязи и навозу ужас, обществ[енный] сад запущен, занятая жен[ская] гимназия загажена. На все наложена тяжелая лапка православного. Власть захвачена советом раб[очих] и солдат[ских] депутатов, президиум которого состоит из 5 человек (офицер-секретарь, в[оенный?] чиновник, представитель от рабочих + 3 солдата)! Этот комитет в агонии осуществления захваченной власти: 1) он закрыл лавки и переоценивает товары, назначая свои цены: по кускам, не зная ни числа аршин, ни качества материала; назначает наобум с прибавлением 33 %, в разных лавках по-разному;

расценивая выше, где «дадут», вваливаются в лавки, гонят иногда хозяина, курят, ломаются... Что-то невыразимо хамское и фантастичное: осуществляют по-своему социализм; 2) рассматривают церковные и др. земли для более равномерного разделения и исправления задним числом арендных условий; 3) собираются закрыть общественный клуб (к[онституционных]-д[емократов]); 4) вымогают у начальника почтово-телеграфной канторы копию телеграммы здешнего председателя (Сем[ен] Сем[енович] Шмыгалов) в[оенно]-промышл[енного] отдела[1] министру торговли и промышленности; 5) требуют к себе на поклон коменданта, нач[альника] гарнизона и т. п. В городе забито самосудом до 10 человек, пойман Майоров (нач[альник] шайки в 100 с лишн[им] человек). Типичный пример: в городе единств[енный] кинематограф, который солдаты «реквизировали»: ходят даром и приказывают показывать картины поинтереснее... «Ты нажился». «Не знаю, что делать... боюсь, убьют...»[2].

28 мая 1917 года, Острогожск[3]

Принесли для прочтения распространяющуюся по России «нелегальным путем», т. е. набранную на машинке «Брошюру Пуришкевича». Вот ее копия. Выписка из «Русс[кого] Сл[ова]» от 27 апреля 1917 г. за № 93. «Брошюра Пуришкевича». Минск. 25 апреля. Прибывший В. М. П[уришкевич] обратился в типографию шт[аба] Зап[адного] Фронта с просьбой напечатать его брошюру под заглавием: «Без забрала». Заказ был принят и признан срочным. Наборщики, ознакомившись с текстом, передали оригинал в фронтовой

[1] По всей видимости, речь идет об Острогожском военно-промышленном комитете (ВПК). ВПК — организации российских предпринимателей, созданные с целью мобилизации промышленности для военных нужд, работавшие во время Первой мировой войны.

[2] На полях надпись: «г. Острогожск. В тетрадь вложены вырезки из газет: «Разруха на железных дорогах», «Прощальный приказ ген[ерала] М. В. Алексеева 24 мая 1917 года», «Ген[ерал] М. В. Алексеев», «Отказ от исполнения воинского долга».

[3] Запись от 28 мая сделана рукою жены А. Е. Снесарева Евгении Васильевны.

комитет. Исполнительный орган фронт[ового] съезда — комитет — признал брошюру нежелательной. Наборщики ряда типографий, куда продолжал обращаться Пуриш[кевич], отказались набирать. Содержание брошюры — резкая полемика с с[оциал]–д[емократами] большев[иками].

Без забрала

Открытое письмо большевикам Совета петр[оградских] раб[очих] деп[утатов]. Пользуясь свободой слова, равной для всех, я, по обыкновению своему, выступаю открыто и, посылая Вам ряд нижеприводимых обвинений, требую на них категорического ответа. Я обвиняю Вас.

[1.]. Я обвиняю Вас, прежде всего в том, что в своих выпадах и целях [Вы] запугиваете русский народ и русскую демократию возможностью возвращения старого режима и торжества реакционной низвергнутой власти, чего быть не может в случае победы нашей над внешним врагом.

Вы знаете, что это ложь, но Вы провозглашаете ее заведомо с определенной целью, дабы не позволить народу успокоиться и вернуться к мирному труду, ибо Вам нужна смута, волнение, беспорядок, под именем которого Вы понимаете свободу, обращаемую Вами в анархию. Вы знаете, что старая власть не может воскреснуть, ибо весь старый строй государственной жизни, прогнивший сверху донизу, был карточным домиком, упавшим от легкого дуновения волны свежих, здоровых национальных чувств народных. Вы знаете, что защитников старого режима нет и быть их не может в России, ибо это было бы предательством против России, изменою Родине в тяжелые переживаемые нами дни военной брани и, тем не менее, зная все это, Вы продолжаете деморализировать народные массы, действуя на психику толпы и на ее инстинкты. В этом мое первое обвинение.

2. Я обвиняю Вас, что Вы дерзаете подрывать престиж власти Вр[еменного] Пр[авительст]ва в глазах народа. Что Вы, учредив какой-то сыск и установив какой-то контроль из членов своей среды, никем не призванных и от всего народа полномочий не получивших, создаете анархию в России, порождая мысль в непросвещенной толпе, что отечеством нашим распоряжаются две власти, из коих одна должна

находиться под подозрением в чистоте своих помыслов и в искренности своих намерений, и эта власть — Вр[еменное] Пр[авительст]во, а другая «бескорыстно служа народу», приведет его к молочным рекам и молочным берегам — и эта власть — Вы. Я обвиняю Вас в том, считая действия Ваши величайшим преступлением против Родины в настоящее время, когда сильный враг у Ворот наших, и над государственным существованием нашим занесен отточенный немецкий нож, готовый поразить Россию в самое сердце.

3. Я обвиняю Вас в том, что Вы, будучи ничем иным, как группою уполномоченных только петроградских рабочих, позволяете себе говорить от имени всей России. Дерзаете посягать на Управление всей Россией, забыв о крестьянской России и о том, что интересы русского 100 милл[ионного] крестьянства не только не имеют ничего общего с Вашими фабрично-заводскими интересами, но наоборот, взаимно противоположны: хлеборобу-солдату выгодно продать дороже свой хлеб. Вам — рабочим — купить его дешевле. Я обвиняю Вас в том, что Вы, самозванцами добравшись до власти занимаетесь политическим шантажом в недрах России, сеете в ней классовую рознь, возбуждая сословие одно против другого, и толкаете народ на путь погромов и аграрных беспорядков печатным словом своих органов, разбрасываемых рукою ловких агитаторов из Вашей среды, по медвежьим углам, по селам и весям России.

4. Я обвиняю Вас в том, что Вы преступно развращаете русс[кую] армию в тот час, когда одушевленная сознанием значения происшедшего переворота, она могла бы показать миру, не расшатай Вы в ней дисциплину, картину невиданного величия духа и военной мощи русс[кого] народа, что ускорило бы окончанием войны торжество победы русского оружия. Я обвиняю Вас в бесконечных и бесцельных жертвах разгула Вашего пера, проникшего в армию и посеявшего недоверие между солдатами и офицерами, которые в течение более 2½ лет, живя в дружбе и согласии, братьями в окопах отстаивали честь родины на ее границах, страдая, терпя и умирая вместе за родные святыни. Я обвиняю Вас в силу этого, во всех неудачах русского оружия последних дней и открыто говорю, что Вы и никто иной, явитесь от-

ветственными перед историей России за дальнейшие ее страницы, ибо судьба народа куется не роком, а является следствием создаваемых событий от рук человека.

5. Я обвиняю Вас в том, что, будучи совершенно чуждыми понимания государственных задач России, Вы учитываете политическую темноту и незрелость ее народа и преступно пользуясь свободою слова, позволяете себе не только искажать смысл, цели и задачи той мировой войны, в которую вторгнута Россия помимо своей воли, но и создаете в народных массах и в армии глухое брожение против осуществления после победы государственно-исторических задач нашей родины, — уложившей на полях брани во имя этих задач за 2½ года войны уже несколько миллионов цвета своего населения и красы своего народа. Я обвиняю Вас в том, что Вы подрываете к нам доверие союзников своими злонамеренными речами и призывами к преждевременному миру каких-то отвлеченных идеалов всемирного единства пролетариата, — возбуждающих насмешливую отповедь Вам со стороны нашего зарубежного врага, живущего мыслью, что он прежде всего нация, а потом уже член семьи международных пролетариев, и не допускающего компромиссов в вопросах защиты национальной чести, охраны своего государственного достоинства и сохранения в неприкосновенной целости своего государ[ственного] единства. Я обвиняю Вас в том, что преследуя эти задачи, Вы понижаете боеспособность русской армии, давая право каждому члену ее быть компетентным судьею Задачи исторической борьбы русс[кого] народа и усугубляя тем самым разномыслие в рядах армии, цель коей должна быть одна — победа, каковой быть не может при условии попыток отдельных ее единиц обсуждать приказания, идущие сверху и степень их целесообразности в смысле обороны или наступления.

6. Я обвиняю Вас в том, что Вы, примкнувшие к делу ниспровержения героев старого режима, под лозунгом «Долой изменников, предателей, шпионов, ставящих преграды России в деле борьбы ее с внешним врагом и стесняющих деятельность ее военных заводов», а теперь, когда этих героев русского позора нет, когда впереди Вас должно быть светло и ясно, позволяете себе кричать о преждевременном

мире, искажаете в глазах народа смысл и цели ведомой им войны и вливаете бодрость в душу германских империалистов, черпающих энергию наступления в Ваших призывах к миру и к той деморализации, которую вносят Ваши предательские крики в ряды русской армии и в толпу русского народа, безропотно отдававшего на алтарь отечества все свои духовные и материальные силы в течение всего срока беспримерной борьбы народов.

7. Я обвиняю Вас в том, что Вы призываете к праздности рабочую среду, что Вы вводите 8-часовой рабочий день сейчас, когда вследствие скудности фабрик и заводов военного характера у нас и недостаточного количества мастеров-специалистов, рабочий должен был бы напрячь все свои усилия, чтобы не отстать в героизме от русского солдата, бессменно в течение многих дней и недель сидящего полуобутым в холодных окопах. Я обвиняю Вас в беспримерном отсутствии патриотизма: в пренебрежении к насущнейшим нуждам русского воинства, в нежелании оборудовать его техническими средствами в высшей мере продуктивности Вашего тылового труда. Я обвиняю Вас в том, что числясь в большинстве на учете, как военнообязанные, Вы вносите полную разруху в деятельность тех заводов, которые должны работать день и ночь, ибо степень производительности является одною из существеннейших гарантий нашего боевого успеха.

8. Я обвиняю Вас в том, лицемеры, кричащие о свободе, что никогда в России цензура мысли, слова и дела не достигала таких ужасающих размеров, каких она достигла сейчас, благодаря Вам и только Вам одним. Я обвиняю Вас в том, что у каждого печатного станка Вы поставили своего шпика и филёра; что Вы зажали рот, как никогда, людям инакомыслящим и не желающим вместе с Вами петь акафисты[1] русской революции теперь, когда усилиями народа старое повержено в прах, и молодые побеги права и свободы требуют лишь укрепления здоровым и честным трудом и словом обновления русской власти, единой в России законной до Учредительного Собрания — Временного Правительства.

[1] Акафист — христианское песнопение, исполняемое в храме всеми присутствующими стоя.

9. Я обвиняю Вас в том, что среда Ваша кишит бесконечным числом провокаторов, раньше работавших на средства департамента полиции, а сейчас, несомненно, нашедших поддержку своему существованию в щедрых карманах Гогенцоллернов. Кто, как небезызвестные вожаки из среды Вашей в дни революции толкнули толпу громить суды в столице и охранное отделение. Кому, как не им, выгодны были пожары этих учреждений, в пепле коих погибли списки слуг старой охранки, занимавших одновременно и крупные посты в Ваших организациях и отдавшихся делу преступного провокаторства и на страницах партийных газет, и даже трибуны Госуд[арственной] Думы. Вам ли отрицать правдивость моего обвинения, Вам ли, давшим Азефов, Малиновских, Черномазовых, хранящих в недрах своих партий несметное множество им подобных, но Вам неведомых, и успевших в дыму пожаров сжечь следы своей прошлой работы на два фронта, дабы открыть себе новые пути преступного труда во славу благополучия немецкого оружия, черпающего надежды на будущее в смятении умов народных у нас, над чем работают многие из Ваших «идейных борцов за свободу» народа.

10. Я обвиняю Вас в том, что Вы держите в напряжении народную толпу, что обращаете ее в чернь своими призывами, своими митинговыми речами, своими процессиями, на знаменах коих Вы изображаете лозунги, дразнящие низменные инстинкты толпы и сулящие ей неосуществимые блага, к достижению коих может быть только один путь и этот путь — анархии и дикого произвола. Я обвиняю Вас в том, что, играя на нервах толпы, Вы заставляете ее искать хлеба и зрелищ, что в революции Вы видите не средство, а самодовлеющую цель, обращая в блуждающие стада мятущихся по столице манифестантов всех возрастов, всех полов, всех профессий, забывших о днях войны и ставших послушным орудием вашей злонамеренной воли. Я обвиняю Вас, наконец, в том, что под видом защиты завоеваний народа в области свободы, Вы держите в столице громадное количество войск, необходимых на фронте и, что привилегированное положение войск Петроградского гарнизона вызывает к ним неприязнь в рядах армии, отстаивающей грудью интересы

Родины от дерзкого врага и не признающей своей заслуги меньшею перед отечеством, чем заслуги тех, которые волею судьбы оставались в тылу, восстали и завоевали народам России лучезарные блага гражданской свободы.

Таковы Вам мои обвинения... Посмейте сказать, что я не прав, бросая Вам свой вызов с открытым забралом. Я один из первых глашатаев русской свободы, в коей на 17 декабря, в те дни, когда старая власть была сильна и, когда в борьбе с нею можно было пасть и погибнуть, — я зову Вас к ответу, я говорю Вам, что Вы толкаете Россию на путь реакции, что вы отбрасываете далеко назад тех, которые искали света и правды в силе народного движения. В лице Вашем и в характере Вашей деятельности я вижу сильнейшую угрозу развития нового строя, ибо каждый строй держится властью, а Вы посягаете на ту неокрепшую власть, которая должна опираться на доверие к себе России, будучи к тому же временной и обремененной задачами нового Государственного строительства на дымящихся развалинах проклятого народом его губившего старого режима. Станьте в защиту прямых своих задач профессионального рабочего характера. Подайте действительную помощь трудовому классу, установите взаимные отношения работодателя и рабочего, и страна Вам скажет спасибо на заре русской свободы, ибо теперь более, чем когда-либо перед всеми нами широкое поле организационной работы. Но не уполномоченные народом русским на дело его Государственного строительства, лишенные опыта, не смейте касаться скрижалей обновления всего русского Государственного корабля! Вы не народ, Вы один из классов своего народа и, посягая на разрешение задач государственных, Вы совершаете величайшее преступление против России, которая не простит Вам дерзновенных покушений на захват кормила власти и раньше или позже сметет Вас с тех гордых мест, куда Вы так дерзновенно и святотатственно забрались. Назовитесь, наконец, кто Вы такие? Дайте ответ России! Кто Вас призвал к власти? Какова профессия Ваша? Кто уполномочил Вас, наконец, говорить от имени народа и истолковывать его желания? Великое государство, будь оно монархией или республикой, не может управляться псевдонимами. Не

товарищи Петр, Василий, Нахамкинс (Стеклов) должны и вправе руководить 180-милл[ионным] народом, а только те, которые пользуются у него известностью, которых он знает, которым он верит и за которыми пойдет. Да здравствует же Временное Правительство, единая законная власть в России впредь до Учредит[ельного] Собрания. И да исчезнут с политического горизонта нашей родины самозванцы под видом защиты блага общественного, посягающие на честь, достоинство и величие России, созданной усилиями и трудом ряда угасших поколений не для того, чтобы стать игрушкою в руках безызвестных, быть может, провокаторов в тот час, когда над нею занимается заря величия, славы и свободы. К ответу Вас, к ответу, лицемеры, Вы с душою Каина, с руками Понтия Пилата!!!

2 апреля 1917 года.

Действующая армия.

Депутат Владимир Пуришкевич.

29 мая 1917 года, Острогожск

Интересные сведения о Кронштадте:

1) Домбровского, командира дружины, 2 раза спрашивали, — жена скрывала; наконец, дождались, взяли и повели... «Налево» (в тюрьму) или «направо» (в кру[ч?]у)... «Да что с ним возиться, направо», — т. е. смерть. Является денщик, умоляет... Решили в тюрьму, а оттуда домой. Дружинники водили «под конвоем». Затем 6 человек пришли: «Отдай 12 т[ысяч] казенных и выдай расписку, что выдал». «Нет». Потом пришли 10–12 человек. То же. Он: «Мне вы спасли жизнь, и деньги вы можете взять, но не мою честь... расписку не дам, берите жизнь...» Тогда они взяли деньги так; питал дружину месячным запасом... Затем его сделали больным и увлекли в Петроград;

2) с офицерами всевозможные унижения, особенно с генералами: заставляли чистить сортиры, носить мешки с хлебом и т. п. Если падал под тяжестью — били. Вели направо или налево, т. е. смерть или тюрьма; 3) произвели сплошной грабеж — отобрали все казенные деньги, много частных... словом, один ужас[1].

[1] Вдоль полей надпись: «В Кронштадте».

В Асхабаде тоже все кверх дном: режутся три народности — русская, текинцы и киргизы; много русских сел вырезано; текинцы закрыли арыки; кухарки потребовали 50 руб. в месяц и 8 часов работы — барыни взялись за работу сами. На ж[елезно]-д[орожной] станции рабочие распоряжаются всем: рабочие поезда в одну очередь, буржуйные в другую; все интеллигентное гонится[1].

1 июня 1917 года, Острогожск

Встаю в 9–10, утром валяюсь, потом читаю и гуляю; обедаю, гуляю, валяюсь на коленах женки... опять гуляю и т. д... время трудовое.

О Лечицком имеются такие сведения: 1) уход свой он мотивировал, придравшись к слову «демократия»: меня демократией не запугают, я сам мужик, даже человек необразованный; я, м[ожет] б[ыть], не плохой военный, но фабрике повиноваться не буду; 2) теперь он в Петрограде, ходит в статском и поступил на курсы Вост[очной] Академии... Когда-то он ухаживал за Варей (Варвара Григорьевна) Лапшиной и делал предложение; она ему отказала и вышла за казака. Он оказался навсегда холостяком, но Варю поздравляет с Пасхой и днем Ангела, а также сообщает вести о муже (у него); после, напр[имер], опасной рекогносцировки он сообщает: «Ваш муж здоров, Лечицкий»[2].

4 июня 1917 года, Острогожск[3]

Гимназисты Петрогр[адской] гим[назии] Петра Вел[икого] постановили подать петицию Род[ительскому] ком[итету] и учит[ельскому] персоналу в 37 §§. Среди них особенно характерен пункт: «Демократ[ическая] респ[ублика] с сохранением всех Царских праздн[иков] и присоединением республиканских».

В Острогожской муж[ской] гим[назии] постановление соединенного кружка гим[назист]ов и гим[назист]ок: 1) отменить в текущем году переэкз[аменовку], как нелепый

[1] Надпись на полях: «Асхабад».

[2] На полях надпись: «Лечицкий».

[3] Запись от 4 июня написана опять рукой Е. В. Снесаревой.

пережиток старой школы, отнюдь не своевременный. Оповещая об этом Вас (разумеются все старшие, причастные так или иначе к педагогическому делу гимназии), редакционная исполнительная комиссия предлагает Вам немедленно довести до сведения учащихся, получивших экз[амены], что таковых не будет, и что они переведены в след[ующий] кл[асс] без экзам[енов]; 2) о выселении директора из его квартиры, т. к. таковая нужна для общежития вследствие дороговизны и недостатка квар[тир] в городе. Освободить к 1 августа или все помещение или один этаж, а самому перейти в кв[артиру] инспектора; 3) учреждение согласительной комиссии с прилож[ением] Устава таковой: а) комиссия состоит из равного числа представ[ителей] уч[ащи]х, уч[ащи]хся и чл[енов] род[ительского] комитета; б) комиссия завед[ует] хозяйст[венной] частью обоих гим[наз]ий; в) решает все вопросы, касающиеся реформы средней школы; г) недоразумения, возникающие между уч[ащи]ми, уч[ащи]мися и чл[енами] род[ительского] комитета; д) решение согласительных комитетов не распространяется на ученические организации; е) решение сог[ласительной] ком[иссии] обязательны для всех элементов гимназий, представители которых в него входят; ж) решение сог[ласительных] ком[ите]тов не может быть опротестовано явочным порядком. Апелляция возможна к уч[ебным] организациям и родит[ельским] комитетам и к педагогич[еским] советам обеих гимназий.

6 июня 1917 года, Острогожск

Последние два дня женка все хлопается в обморок, и это меня очень тревожит: 1) перестала принимать пилюли и 2) нервничает ввиду моего отъезда... А в ночь с 4-го на 5-е всплакнула, вспомнив, что 13 лет тому назад я ее не так понял... но... успокоилась и заснула... На вокзал выехали (я, жён, Геня, Алеша и Нюня) в 9 часов, а поезд пришел около часу. Я поочередно гулял со всеми и рассуждал. Особенно много говорил с Геней: он растет, начинает разбираться и понимать; хорошо будет говорить. Ему не всегда задается благодаря соседству кузенов, но он, очевидно, обстановку

понимает и делает, что может. Некоторые из его замечаний очень интересны... Около часу я сажусь, — женушка не может быстро идти за поездом, но Генюша бежит долго, пока он не запыхался... И все исчезло — милое и родное, — я остался один и форсированно нашел себе место в маленьком купе, где, сидя рядом с ксендзом, заснул, а с 7½ перешел на верхнюю полку, где спал до 11 час.

7 июня 1917 года, переезд Острогожск — Харьков

Разговариваем с хозяином верхн[ей] полки: он богатый подрядчик-строитель в Харькове; дело закрывает. Его описание Харькова характерно: топлива на зиму (уголь) не будет, — придется закрыть и учебные заведения, трамваи разбиты (ездит солдат, висит всюду, не платит), улицы, общ[ественные] места загажены, — солдат пробрался и в последний оазис — Купеч[еский?] сад; серую орду надо кормить и оплачивать раньше себя; комитет делает, что хочет левая нога... тяжко, отвратительно, берет ужас... что выйдет, что будет? Надеюсь, что буржуй несколько пересолил... В Харьков прибываем с опозданием часов на 8[1].

8 июня 1917 года, переезд Харьков — Киев

Вчера сел на поезд в 7 часов, и в мое купе также Сухина (Ксения Никол[аевна]) выпуска из Оренбургского института 1905 г.; конечно, знает «Женю», что у нее «два сына» и что она была в Лондоне. Она разошлась с мужем (грузин-инженер) после 7 лет, имея красавицу-девочку лет 2–3... Они едут (она и мать) со мною часа три, и мы много болтаем, больше об их судьбе и о прошлом институтском... Они вынесли в пути страшно, а в конце концов в купе утеряли 25 руб... Она славная, полна забот о ребенке и бодро-фантастически собирается начать новую жизнь... Сегодня я ехал с прапорщиком, помощ[ником] нач[альника] полиц[ии] команды на станции Бахмач. Он ранен в руку, скромен, агроном и хоз[яин] 300 десятин в Подольск[ой] губер[нии]. Он много и интересно говорит мне о жел[езно] дор[ожных] безобразиях, о самосудах и т. п.

[1] Вдоль этого абзаца надпись: «Положение Харькова».

Слышал Керенского, который ему не понравился: обычный митинговый оратор... Рассказывает интер[есный] случай в Гомеле: офицер пьет чай, солдат его толкает. Оф[ицер]: я не требую от вас чести, но толкаться вы не имеете права. Солдат извиняется и идет далее. Два жидка бегут к эшелону, что-то там говорят и врывается толпа солдат. Офицер, почувствовав, ускользает в черную дверь, садится на извозчика и спасается, а толпа находит другого, избивает, волочит на поезд: «Поедем-ка с нами на позицию» и... путник умирает на первой из станций... К Киеву приходим в 6 час[ов], вместо 9... Успеваю втащиться, как попало, в вагон поезда, в 7 ч[асов] 25 [минут] отходящего на Тарнополь...[1]

1) В «Последних новост[ях]» 10 июня № 4526: «Ростов-на-Дону, 9 июня. Грузчики каменного угля на пароходы для снабжения северной части области топливом требуют плату 40–50 руб[лей] в день, грозя забастовкой. Примирительная камера признала домогательства неосновательными. Грузчики отказались подчиниться. Северу области грозит опасность остаться без топлива. Комиссар правительства созывает экстр[енное] совещание...;

2) в Одессе дворники потребовали таких прибавок (в сумме 15 милл[ионов]), что расход этот превысит весь общий доход домов... грозят забастовкой...[2]

9 июня 1917 года, переезд Киев — Тарнополь

В одном пролете нас 14 человек (еле успел сесть вчера): я, сестра мил[осердия] (жена г[енерал]-м[айора] Новицкого, начдив 82-й), девица, 2 офиц[ера], доктор и студент, гимназист, 2 жидка, 1 солдат и т. п.

Ночь я сплю сидя, клюя носом один рядом с 4-мя... Офицер передает эпизод: в Москве манифестация за «долой войну». Всходит некто и начинает говорить, что враг может взять Киев и Смоленск. «Согласны отдать?» «Согласны». «Но ведь может дойти и до Москвы... Ее отдать согласны?» Орут: «Согласны». «Но погодите, братцы, зачем отдавать

[1] На полях надпись: «Убили невзначай».

[2] На полях надпись: «Аппетиты демоса».

всю Москву, сохраним один дом». «Сохраним». «Но какой нам дом сохранить?» Молчанье. Оратор: «Сохраним, братцы, дом умалишенных, чтобы упрятать таких дураков, как вы, что все повторяют слова, не понимая их смыслу...» Убег, а то бы убили...[1]

Мы много говорим, так как все много пережили. Среди нас опер[ативный] адъютант штаба II гв[ардейского] корпуса, где комкор — стрелок[2], а начштаба — полк[овник] Синклер. Подмечены грубость и мещанство (рубахи) стрелка и с видимым удовольствием воспринято мнение о трусости. Опять поезд копается, и мы прибываем только к 7 часам вечера... Спешим на поезд, отходящий на Козово... Премся массой в единствен[ный] вагон 2 класса.

10 июня 1917 года, Носув

Едем, набитые селедкой, духота, но я узурпировал верхнюю полку и сплю, весь мокрый, в струях сквозняков. Говорили два доктора о событиях в Петрограде и их впечатления, как людей левых, довольно спокойные. На рассвете мы подходим к Козову, где расстегнутая толпа солдат снует всюду на загрязненной вконец станции. Здесь я пересаживаюсь в теплушку и среди солдат, их смешного и наивного говора, еду со скоростью 6 верст в час мимо Криве, Литятина, Божикувки к Божикуву, откуда сам пешком иду в Литвинов, а вещи направляю до Рудника. В Литвинове захожу к комкору, который меня ориентирует: 5-я, 1-я и 3-я финл[яндские] дивизии будут атаковывать, а моя — в корп[усном] резерве; день атаки от 12 июня и дальше. Приказы о наступлении вялые, безверные. Дивизия моя вела себя хорошо, на работу ходят. 2-я бригада заметно слабее первой, а во 2-й — кажется хуже 635-й полк. К 11 часам прибываю к себе, где мне все рады: навстречу бегут бегом без шапок. Знакомлюсь с делами, говорю с заместителем, наштадив и дивинтом... Летняя мундирная одежда получена, белье подходит, сапоги чинятся вяло... Нам грозит мясной голод...

---

[1] Вдоль полей надпись: «Случай в Москве».

[2] Г. Н. Врановский.

11 июня 1917 года, Носув

Сегодня в 6 ч[асов] 40 м[инут] выехал в полки 1-й–3-й, чтобы посмотреть и поговорить. Беру с собою Станюковича и валяем на дивизионной таратайке. Утро прекрасное, едем вдоль лесов по правому берегу Златой Липы. Я начинаю с 633-го (заезжаю к В. Г. Шепелю, от которого еду дальше верхом на крыле). В 633-м полку говорю с каждой ротой в отдельности, т. е. 7 речей. Есть роты, производящие слабое впечатление, напр[имер], 10-я, есть очень сильные, как например, 12-я. Порядок моей речи: осматриваю рубахи, кресты, ноги, затем говорю о переживаемых нами нуждах, а затем делюсь своими впечатлениями из поездки домой. В общем, подъема особенного нет, оттого ли, что не все понимают и осторожны или оттого, что сердце развалилось комитетами, свободами и т. п., потерявши всю нужную конденсацию... Но упорядочение и отрезвление наблюдается — лучше работают, неисполнения мельче и реже и т. п. В полках 634-м и 635-м говорю побатальонно, т. е. произношу 6 речей. Настроение в последнем полку заметно хуже, не видно офицерской работы, да и сам шеф испуган чем-то от рождения. Приходится во время речи отвечать на запросы, чаще всего касающиеся живота: мало хлеба, у финлянд[цев] гречневая каша давно, а у нас только первый день, сапоги меняют и т. п. Обычно, много вранья, говора по слухам, несказанная зависть и... темнота, темнота. Опровергаешь с некоторым нажимом, который только и действует. В 1-м батал[ьоне] 35-го дело было посложнее: один унт[ер]-офицер упорно возражал, сопоставляя дисцип[линарные] суды с пункт[ом] 2 (власть начальника в боевых действиях); пришлось нажать и вышутить. А когда, кончив все, уходил, унт[ер]-офиц[ер] 3-го бат[альона] (с ласковой улыбкой... социал-демократ больш[евистского] тона) мне два возраженьица: 1) Вы вот отказались от тех... что же мы без помощи... лучше уж бы здесь доучили. Я: средство понудить к работе — за 3 дня до отъезда начали; 2) Что-то не верится, чтобы совет (там наш брат) не захотел даже выслушать о наших нуждах, вероятно, там буржуи, фараоны, жандармы. Я: врать я не могу и не умею, а 20 т[ысяч] не наберешь буржуев... Настроение все же было понижено, и пришлось говорить еще минут 5. От-

туда заезжаем в 95-й от[ряд], где уныние, и где мы обедаем. Домой прибываю к 20 часам, усталый и охрипший.

12 июня 1917 года, Носув

Остаюсь дома. Исполняю уйму бумаг. Горло болит — напрасно вчера пил воду, чего никогда раньше не делал: слабеет воля.

В газетах наиболее выпуклые моменты: 1) Войсковой круг[1] (Д[онского] К[азачьего] в[ойска]) натянул нос Петрог[радскому] Совету солд[атских] и раб[очих] депутатов, желавшему влезть; он — Круг — полный хозяин в Войске, и для него Совет не существует; 2) Союз офицеров армии и флота (Ставка) сделал замечание Керенскому по поводу его резолюции на рапорт по Юзу ...ва[2]: он не дезертир и не большевик, он остается на посту, но имел мужество указать, что делают с армией и как тяжко положение офицеров, у которых оставлена только честь... «Резолюция К[еренск]ого односторонняя»...; 3) крестьянство Новой Одессы («Пос[ледние] нов[ости]» от 12 июня), захватив 12 воров, преступников и т. п., облило керосином, прогнало по улицам и дострелило. Комиссар хотел отбить, но сбился народ бить его... убёг. Ответ народа: «Теперь свобода, закона нет, делаем то, что хотим...» Много беседую с Вас[илием] Ник[олаевичем] (Чижевым), который в области социальн[ого] движения много кое-что знает: пошло не так, как мыслили руководители: слишком темна масса, да и капитал слаб, не дошел до пункта[3].

13 июня 1917 года, Носув

Горло все еще болит. Вычищаю дела. Казаки и чины команд находят мне землянику, и я ем ее до отвалу. Вечером много говорю с Осипом, который мне описывает течение революции в Петрограде (характерно его упоминание о самосуде — расстреле трех воришек... Вообще, в этом отноше-

[1] Вся полнота власти (законодательной, исполнительной и судебной) в войске принадлежала войсковому кругу, на котором все казаки, достигшие 17 лет, кроме провинившихся, имели право голоса.

[2] Оставлено место для начала фамилии.

[3] На полях надпись: «Случаи».

нии он упрям: отмена смертной казни — то другое, а самосуд это правильно, чтобы не повадно было). Его описание то же, что я и слышал, с оттенком, что все сделано «жидами» и грузинами, которых там — тьма.

Мальчишки ничего не боялись и рвались на улицу: малы; природа блюдет их нервы. Гуляя, прозевал ген[ерала] Веретенникова, который заезжал ко мне (Алексей Порфирьевич). Он генерал для поручений при Главкоюзе. Зачем он приезжал? Он слишком эгоистичен, чтобы завернуть даром.

Настроение казаков сложное — они в основе конст[итуционные]-монархисты (хотят выбрать короля), но свободы разжигают их страсти и выбивают из ясной платформы. Участие Родзянко и Гучкова на их съезде говорит или о чутье, или о крайней необходимости. Игнат болен животом.

14 июня 1917 года, Носув

Сегодня утром посетил 636-й полк и говорил в 2 батальонах (расположен в лесу к западу от Рудника). Ни одного возражения или просьбы, но подъем слаб, видна осторожность. Очевидно, мало офицерской работы. Горло еще побаливает. Особенно много говорил по поводу дисциплин[арных] судов. Езда туда и обратно — сама прелесть — слева лес, справа долина Зл[атой] Липы (или наоборот), мы со Стан[юковичем] впереди, сзади 3 казака (среди них Осип). Настроение хорошее, чувствуется единство мысли. Я говорю, что 2 т[ысячи] евреев переводятся в казачество. Ответ: «Видно, жизнь им надоела...»

К обеду приезжает кап[итан] Пушин (7-го Кавказ[ского] стрелк[ового] полка), который много говорит интересного о Кавказе: 1) питание — ужасное; люди гибнут от цинги, голод[ного] тифа и т. п. Тыловой развал; 2) ужасны примеры взаимного вырезания армян турками, турок — армянами, курдов — армянами и наоборот... 3) Болховитинов удален, а затем и арестован в связи с Янушкевичем и в вопросах, связанных со снабжением; 4) Юденичем Вр[еменное] Пр[авительство] было недовольно... из-за тыла...

В Киев за 2 послед[них] месяца («К[иевская] Мысль», 13 июня, 145) было совершено свыше тысячи краж и

30 разбойных нападений. Комиссия объясняет «по-своему — выпущенными 2855 уголовными и решение выносит „товарищеское“»...[1]

15 июня 1917 года, Носув

Получил письмо от Анатолия Леонидовича [Носовича], хочет ко мне. Офиц[иальная] причина: срыв его плана атаки... Буду писать письмо.

Я написал Носовичу, что рад его видеть хоть сейчас и предлагаю ему меняться с Ант[оном] Леопольд[овичем] Знамеровским или Федо[ро]м Мих[айловичем] Никитиным. У них в XII кор[пусе] смутно: в 19-й — прочно, а в 117 и 164-й — уговоры (458-й Нарымский, видимо, совсем плох). Прилагаю корреспонденцию о Колчаке, — она очень типична[2]. Никогда еще голос культурного военного не звучал так ясно и определенно — мож[ет] быть, это вразумит кого следует.

Ночью получил приказ: 16, т. е. завтра, пристрелка артиллерии у нас в XXII кор[пу]се, в XLI и в XI армии; пос[ле]завтра целый день с обозначением видимости целей артилл[ерийская] подготовка, а 18-го в час по приказанию движение на штурм... Что-то будет: социал[истическая] обработка армии в предбоевые периоды и вообще есть уничтожение и разложение армии, мож[ет] быть, она не вредит самому бою? Пока все приказы вялы, чтоб оттолкнуться, а у нас в корпусе, судя по предвар[ительным] переговорам, веры нет никакой: ссылаются на прошлое определение позиции, на трудности, изменена частным образом (что выйдет) на 3-й Фин[ляндской] дивизии директива армии... Все это предвестники недружного решения задачи...

16 июня 1917 года, Носув

Вчера приехал Рудковский (Вал[ентин] Димитр[иевич]), вероятно, с целым мешком новостей. Он сообщает о свидании Государя с Керенским. Последний не знал, как обращать-

---

[1] Вдоль полей надпись: «Киев за 2 месяца».

[2] В дневник вклеена вырезка из газеты «Киевская мысль» от 13 июня № 145 со статьей «Адмирал Колчак о событиях во флоте».

ся. Гос[ударь]: Называйте меня Ник[олай] Алекс[андрови]ч. Он же расспрашивал о положении дел, о мерах, о будущем: «Напрасно вы поспешили отменить смертную казнь... все была узда для слабых и дурных». Кер[енский]: «Мы отменили, чтобы жертвою ее не оказались Вы первый и Ваша семья». Гос[ударь]: «Напрасно вы так думали. Если бы нужно было для блага страны, то ни я, ни моя семья об этом не подумали бы». Наслед[ник], догоняя: «Вы, Кер[енский], ведь юрист?» К[еренский]: «Юрист». Н[аследник]: «Имел ли право папа за меня отказаться от престола?» К[еренский]: «Нет, не имел...» Царица — злая, смотрит исподлобья, кусает губы... Прямо немка да и только...[1]

Петроград — нечто дикое: грязь и запущенность, убийства и по сию пору. На улицах солдаты продают семечки, раки и т. п. На Дмитровке вошли в магазин, распродали все и ушли с деньгами... хозяин дрожал и рад, что спас жизнь...

«Речь», 10 июня, № 124. «Положение Православ[ной] Церкви». По словам «Русск[их] Вед[омостей], еп[ископ] Андрей Уфимский на московск[ом] съезде духовенства и мирян сделал заявление: 1) думает, что отдел церкви от государства все-таки произойдет... часть требует о передаче тотчас же земству церк[овно]-приход[ских] школ. Раздавались голоса: «Если вы не передадите школ земству, мы будем жаловаться в с[овет] р[абочих] д[епутатов]», точно это высшая церковная инстанция. Эти голоса характерны для того отношения, в каком находится церковь к демократии... чрез 2–3 месяца у духовенства не будет в руках уже ни одной типографии, и оно не может напечатать ни одного слова в защиту правос[лавной] церкви. В Киевск[ой] лавре все машины забраны и запрещено печатание молитвенников и Евангелий. В Троицкой лавре типография также отобрана, и там предполагают печатать Ренана. Московская синодальная типография отобрана у духовенства, в ней печатаются социалистич[еские] листки против церкви...

Вот вам и первенство православной церкви... Мне говорили, что Киевская лавра оставшуюся у нее старую типограф[скую] машину передала в аренду еврею, надеясь

[1] На полях надпись: «Государь в беседе с Керенским».

хоть таким способом возобновить печатание христиан[ской] литературы... Запуганность духовенства дошла до того, что один псаломщик при мне, вместо слов псалма «Силою твоею возвеселится царь» читал: «Силою тв[оею] возвес[елится] Врем[енное] Прав[ительс]тво». И такими путями мы идем к Учредительному Собранию!

17 июня 1917 года — Полевая центр[альная] станция у Сюлко

В 7(-¼) я, Станюк[ович] и 3 казака выезжаем из Носува на мой 1-й команд[ный] пункт. Я почти совсем ничего не беру. Едем весело, уже довольно жарким утром; незадолго пред пунктом напр[иятельские] аэропланы сбрасывают 2 бомбы, в 600–700 шагах пред нами. За веселою ли болтовнею или по другой причине, но я не переживаю никаких предчувствий: ни надежд, ни сомнений. Прибываем часам к 8½ и пока нам строится кое-что, я сижу в 95-м, где нас угощают какао. Потом я иду к себе (не больше 70 шагов); убежища залиты водой, и я жду, пока меня устроят. Это очень показательно: все делается до тошноты вяло, бездеятельно: труд стал втрое менее интенсивен.

Я прочитываю 7–8 номера «Киевлянина», который представляет собою «голос вопиющего в пустыне»; есть статьи воен[ного] характера, умно написаны, но угол зрения не решителен, — надеются на какие-то полумеры, которые «восстановят» положение; правильнее основной лейтмотив: армия уничтожена товарищеским экспериментом, ее нет и путь — полный сброс нас.

Обедаем и ужинаем в 95-м; Станюк[ович] и казаки отправляются посмотреть, как стреляет наша тяжелая артиллерия. Хожу в отхож[ее место] и ужасно пачкаюсь — к счастью, но белья переменить нельзя. Артиллерия гудит с самого утра, работая на поражение: она не дает большого впечатления, — вероятно, относит ветер. Много летают аэропланы, наши, чаще по двое — один больше и ниже, другой выше и меньше... День тянется нудно: ветер, пыль, ничего не взял... Начинаю сомневаться: хотя имеются и благоприятные признаки (испачкался), но окружающий меня православный люд: без времени жрущий, целый день пьющий

чай, по-мужичьи двигающийся (без пояса, расстегнутый, вперевалку... сырость) и без конца лениво работающий говорит моему чуткому сердцу, что шансы плохи, что он — развинченная и разобранная машина, конченый и подвига не даст, а без подвига нет в бою успеха.

Из штакора меня почти ни о чем не ориентируют — общие фразы о работе артиллерии, а что делается у соседей, — совсем не говорят. Я ложусь в 10¼ в своей землянке почти на голые доски, под старое одеяло (положена старая шинель, бурка, накидка) и засыпаю крепко.

18 июня 1917 года, мой командный пункт к западу от Малахува

Сажусь на ординарч[ескую] лошадь в каз[ачье] седло и мимо Сюлко и Тростянец еду на свой команд[ный] пункт. Утро теплое, мы полны молодого смеха. В 7½ часов мы прибываем (я, Станюк[ович] и Чижов), и я тотчас же еду на набл[юдательный] пункт. Все покрыто разрывами нашей артиллерии — черными, серыми, белыми, больше на удар, в воздухе мало. Мне не видна система и чувствуется разброска, т. е. отсутствие общей идеи и несгущенность артилл[ерийского] удара... Гулу много, но и только.

Ход боя был таков: не смотря на объявление, что за два часа будет объявлен момент атаки, он был объявлен командармом на 10 часов, и мы узнали об этом около 9. Огонь особенно не изменял, так что яркой напряженности не вышло. Финл[яндские] дивизии лежали так: на правом фланге 5-й Финл[яндская] (19 18)[1]; в середине 1-я Финл[яндская] (4 3)[2] и на левом фланге 3-я Фин[ляндская] див[изия] (10 12)[3]. В 10 ч[асов] двинулись в атаку: оба полка 5-й, 3-й — 1-й Ф[инляндской] и оба 3-й... 5-я чрез полчаса или немного больше левым [флангом] дошла с востока до 421, а 18-го — чуть ни до станции и южного края Мечижува?... 3-й — скоро залег, и левый фланг 19-го оказался на воздухе;

[1] Под числами нарисована стрелка↔, а ниже под числом 18 еще одна стрелка ←.

[2] Под числами нарисована стрелка ←.

[3] Под числами нарисована стрелка ←.

попытки поддержать его другими батальонами не удались; 4-й не двинулся с места, и у него гибли только офицеры и отдельные смельчаки. 12-й пошел дружно, нескладно, его левая — 8-я рота скоро отбежала назад; полк ходил взад-вперед («6 раз в атаку»), пока, наконец, не отвалился назад в свои окопы (желание было, но бежавшая 8-я рота и не двинувшийся 4-й полк делали попытки беспомощными). 10-й полк дошел до 4 окопов хорошим ходом и остановился (пройдя даже больше, чем нужно) на 4-й линии, ожидая приказаний; не получив прик[аза] и имея фланги голыми, отошел сам на 3-ю, а потом контратаками сбит до своих окопов. 5-я до часу держалась фронтом на запад, но когда ее взяли со всех сторон в переплет (с Обренч[овского] леса, с Топелих и пулеметами с фронта пред 1-й финл[яндской]), то она стала отваливаться, а в конце и побежала (раненые и убитые 18-го п[олка] все брошены). В общем, часам к 6–7 дивизия на всем фронте была отброшена в свои окопы, потеряв:

Дивизии	Полки	Офицеров			Солдат уб., ран., конт., бежав.
		Убитых	Раненых	Контуженых	
3-я Финл.	9	1	4	8	134
	10	1	12	7	1097
	11	2	5	3	547
	12	2	10	10	1000
		8	31	28	2878
[Всего]			67		
5-я Финл.	17		17		768
	18		19		581
	19		18		566
	20		12		390
[Всего]			66		2305
1-я Финл.			24		928
В 159			3		134
Во всем корпусе			**160** офиц.		**6245** солдат

Таким образом, стояние на месте 1-й Фин[ляндской] испортило начавшийся успех на всем корпусе и создало поражение, а недвижение 4-го испортило дело 3-й див[изии], а 3-го — 5-й дивизии... С началом сумерек позицию 5-й Фин[ляндской] занял мой 635-й полк, а 10-го — 634-й... Пленных взято около 200, т. е. 18 июня у Мечижува XXII корпус потерпел поражение, не смотря на никогда не виданную у нас артил[лерийскую] подготовку... Анализ приведу потом, а теперь эпизоды:

1) офицеры — как что-то отдельное, ненавидимое, потерявшее власть; вся выучка товарищей сказалась в бою: а) в 3-й Фин[ляндской] 3-й бат[альоном] сделано (бат[альонным] ком[андир]ом) постановление, чтобы офицеры бат[альо]на шли в 1-й шеренге (расчет, что откажутся), иначе не пойдем: офицеры пошли и были перебиты, а бат[альо]н нет; б) в 18-м Ф[инляндском] с[трелковом?] полку один офицер запрятался, выволокли и заставили идти, а когда отступали, и он был ранен, бросили: «Мат, издыхай тут»; другого (рассказчик) той же роты, который пошел, раненого вынесли; в) в 19-м полку рот[ный] командир, выскочив на бруствер, крикнул: «За мною, братцы, вперед»: никто. Офицер вынимает револьвер и говорит: «Буду стрелять, если не пойдете». Из роты раздаются 2–3 выстрела и офицера нет; г) видел, как атаковал батал[ьон] 12-го полка: офицеры болтались рядом, как рядовые; все шло толпой — ненацеленными, без границ, ведомые какими-то 2 солдатами; д) из раненых в 95-м значительное число повторяет: «Ничего не выходит, зря гибнем, надо возвратить власть офицерам»; небольшое число ругает офицеров, а очень многие сурово отмалчиваются: «Перевязывай, чего там говорить». Раньше любили поболтать и порассказать;

2) солдаты очень типичны; выучка сказалась в ужасную сторону: а) ряд телеграмм комкор — командарм говорит о перехватывании беглецов; комкор 22-го говорит, что волны отлива были ужасны: утекали реки, притекли ручейки. Постов не слушали, ругали, насиловали и шли дальше. По лесам сплошное бродяжничество; б) раненых в пальчики массы, но теперь они дерзки и самоуверенны; в) один раненый говорил: первый окоп взяли, а дальше шли все с

оглядкой, а стали стрелять, все повернули; г) идя, бурчат: говорили, что 130 аэропланов, а где они... все брешут (Шепель: знаю, что ни к чему, а пусть бы летали); д) в одном случае солдаты говорили: «Нам говорили, что немец ушел, мы и пошли, а раз ён стреляет (1–2 выстрела), то нам што ж идти на смерть...» Словом, разнузданность, трусость, грубость и т. п., пробужден зверь, только и думающий, что о животе...[1]

Оборачиваясь к анализу, нахожу: 1) план не был соображен с характером позиции противника и особенно не были учтены 2 контрфорсы: Обренчовский лес и Топелиха, а отсюда лезли в мешки и в них гибли; 2) безотносительное распределение сил; 3) движение всех дивизий одинаково, в определ[енный] момент... 4) арт[иллерийский] план не продуман и не соображен с обстановкой; стреляли много, но без толку; 5) неудачная заметка об ожидании особого приказания; 6) но главное: приниженный дух, развращенный солдат, разврат неисполнения приказания... словом, вдвинутое в армию «товарищество».

19 июня 1917 года. Пол[евая] центр[альная] станция у Сюлко

Вчера возвратился ночевать сюда, — усталый и с тяжелым сердцем: нет веры и надежды. Отдаю приказ о смене 5-й Фин[ляндской] тремя полками (1-м, 3-м и 5-м) моей; могу лечь только после 11 часов. Ночью, будя Станюковича, не дают спать и мне. Вчера немного успокоился, узнав, что 635-й полк занял позицию, прошенную 5-й Финл[яндской] стрелк[овой] дивизией... Пробудились надежды хоть на свою-то дивизию. В 8 часов выехал в окопы, до них не дошел несколько шагов, так как пошел ливень. Видел 9-ю, 10-ю и 12-ю роты 3-го, пул[еметную] команду 1-го полков; вид бодрый, благодарю. С командирами полков обдумываю атаку, которую хотят предпринять завтра; хочу ее срезать до самых мелких размеров: захватить клюв и выждать 1-й Фин[ляндской] стрелковой; для этого намечаю не больше двух рот. Впечатление не плохое. Домой являюсь к 2½, обедаю и отчитываюсь газетами.

[1] На полях этого и предыдущего абзацев надпись: «Эпизоды».

Собираюсь ехать к комкору, но он зовет к 5 в Сюлко. Здесь выясняется картина неудачи. Полк[овник] Бахтин (4-й Фин[ляндский], что-то в роде ½ большевика) старается объяснить стояние 4-го Ф[инляндского]; но только больше выясняет развал полка, — офицеры одиноко бросались вперед и гибли, лучшие люди бросались подбирать офицеров и... погибли, а стадо оставалось на месте, м[ожет] быть, злорадствуя. 3-й Фин[ляндский] тоже не двинулся... Все вышло разрозненно, а глав[ная] причина: нравственный развал, на фоне которого ничего нельзя предвидеть и организовать.

Комкор 22-го поздравил меня с удостоением Геор[гиевской] Думы Геор[гием] 3-й ст[епени], сказал ему Духонин. Ходил и возвратился с казаками, заходил к Катаринче... все помнят и обрадовались. В 95-м ругаюсь с православными, стоящими у входа в перевязочную. Вечером меня посещает Коринж ген[ерал]-м[айор] Дмитриев, который у нас ужинает. Он подтверждает сказанное мне комкор[ом] 22-го, что теперь успех саперных работ уменьшен в 10 раз: понизили на 50 % — не вышло, на 75 % — не вышло, тогда на 90 %. Раньше солдат в ночь прорывал окоп в 10 шагов при ½ шага глубины (или 2½ аршина полной (2 ар[шина]) профили); теперь он роет 1 шаг при ½ шага (одну четверть полной профили). На этом убогом продукте солдат[ского] дневного труда я вижу весь экономич[еский] ужас, переживаемый и еще больше ожидаемый Россией...

20 июня 1917 года, Пол[евая] центр[альная] станция у Сюлко

Ген[ерал] Юденич в прощальном приказе («Киевлянин», 17 июня, № 145) сказал как и Алексеев: «Расставаясь с вами, мои боевые соратники, я ухожу со спокойной душою и с гордым сознанием исполненного долга пред родиной. Вместе с вами, герои Сарыкамыша, Эрзерума и Трапезунда, герои кровавых боев лета и осени 1916 года, герои беспримерных походов, переживал я и горе, и радость, и всегда восторгался вами. Я ставил тяжелые, для других неисполнимые, задачи, — вы разрешали их. Вы завоевали богатую и большую область, вызвали на новую жизнь народы, ее населяющие. Честь вам и слава! Прощаясь, я благословляю

вас на новые подвиги. Стойте непоколебимо на страже интересов России и помните присягу на верность Родине и Временному Правительству. Да хранит Вас Бог!»

Мы рассуждаем с Рудковским — он видит на переживаемом слова Апокалипса: о желез[ной] саранче, летающей в воздухе и бросающей огонь, о взаим[ном] истреблении народов... и о приходе Антихриста, который всех объединит на принципе сытости живота. Теперь все идет к этому: в человеке пробужден зверь, и его право на сытость, догмы жертвоприношения, награды в будущем, важности умствен[ного] труда поколеблены. Класс встает на класс, и если кончится мировая война — начнется гражданская... И закричат все: приходи кто-либо, примири и дай покой, и придет Он, но не Христос, строивший мир на непротивлении злу и отказе от мирских благ, а Антихрист, имеющий собрать людей на идее сытого желудка при наименьшем труде.

21 июня 1917 года, Пол[евая] цент[ральная] стан[ция] у Сюлко

В «Киевлянине» № 145 интересен передовик Шульгина «Пусти, я сам», рисующий картину переживаемого: при самодержавии скрипач играет и, хочешь — не хочешь, слушай: при ист[орическом] демокр[атическом] строе — одобряют или гонят, при тепереш[нем] — лезут на сцену, вырывают скрипку и сопельные меломаны учат... Сам пример не нов: 1) служащие в Академ[ии] наук заявили право принимать участие не только в хозяйств[енных] заседаниях, но и в ученых...; 2) на переосвидетельствованиях члены-солдаты упорно спорят с докторами; 3) архитектор, строящий дорогу, должен защищать проект пред комитетом, в который входят фельдшер, слесарь и обозный, а они еще критикуют... скрипача учат действительно, а скоро ли ясно будет, как на Черн[ом] море, где с удалением Колчака сейчас же загулял «Гебен»[1] и т. п., почувствовав «отсутствие» врага...

[1] «Гёбен» (*нем.* Goeben) — германский линейный крейсер типа «Мольтке» времен Первой мировой войны. В 1914–1917 гг. вел операции на Черном море против русского флота и Кавказского фронта русской армии.

Телефонограммы из Армии рисуют положение в печал[ьном] свете; мы отбиты, отбивают и скромные завоевания на XLI и XXXIV корпусах... все отходит.

1) Вчера около 18 час[ов] 431-й полк (Тихвинский) отказался принимать участие в бою;

2) сегодня на заре солдаты (части) 108-й и 153-й дивизий, расположенные у Рыбника, отказались поддержать свои же части, отжимаемые от ф[ольварка] Малиновка...;

3) сегодня мой 634-й полк должен быть сменен и вот назначенный для смены 11-й ф[инляндский] стр[елковый] полк отказывается от смены... Комкор 22-го уговаривает несколько часов... Ужасные эпизоды[1].

22 июня 1917 года, Пол[евая] Центр[альная] Станция у Сюлко

Сегодня офицер из штаба XLI ар[мейского] корпуса рассказал нам новости: 1) 7-я армия потеряла по его мнению не меньше 40 т[ысяч] и отвалилась в свои места; офицеров в 108-й и друг[их] дивизиях (153-й, свод[ной] Сиб[ирской]) погибли 8 на 100 солдат, т. е. относительно больше чем вдвое... «Солдаты отдают должное их геройству»; 2) 74-я и 3-я Заам[урская] наступали на левом фланге XLI кор[пуса], пошли хорошо, взяли Лысонский лес и утюг, а затем с темнотой безо всякой причины отошли в свои окопы; потом еще пробовали, но также ушли; 3) 611-й пол[к] (153-й) совсем не пошел; 4) как закон, ⅓ остается на месте, не идет, ⅓ гибнет от огня и ⅓ доходит... но не держится... Солдата, словом, нет: нет и успеха; 5) офицеры впереди, командиры не далее 2–3 линий окопов...[2]

Закончил чтение: О. Пфлейдерер, проф[ессор] Богословия в Берлинском университете:

1) от иудейства к христианству (1–51);

2) образ Христа древнехристианской веры в религиозно-историческом освещении (51–126);

Перевод Г. Ф. Львовича. Петроград, 1910.

---

[1] На полях надпись: «Эпизоды».

[2] Вдоль этого абзаца надпись: «XLI, XXXIV и VII Сиб[ирские] корпуса 18–19 июня».

В первом рассматривается историческая эволюция идей в иудействе, приведшая к христианству и во втором: рассмотрение образа Христа, его обстановки и действий на фоне религиозного материала того времени... Идея может характеризоваться следующими словами:

«Все эти положения веры (Сын Божий, Победитель Сатаны, Чудотворец-Исцелитель, Победитель смерти и жизни Податель, Царь царствующих и Господь господствующих) уже существовали в религиозных культах конца древних веков в разных местах, на востоке и западе, в разнообразных формах иудейской апокалиптики, восточной мистики и гносиса греческой спекуляции и римского культа императора; недоставало еще только цельного субъекта для синтеза всех этих качеств, кристаллизационного ядра, вокруг которого эта хаотически бродившая масса религиозных идей могла бы отлиться в новый мир веяний и упований, охватывающий все видимое и невидимое. Этот центральный объединяющий пункт явился в лице Иисуса, галилейского народного Спасителя и Царя Иудейского, который через крестную смерть стал Спасителем мира и Царем всеобъемлющего Царства Божия»... Это всегда интересно. Многое нашел старое, что еще пришлось читать мне в университете... Чисто научный тон путает тенденция пастора...

К 22–VI в 159-й дивизии штыков

В 633-м	в 8 ротах (II и III)	825, командах	463	
634-м	в 11 —//— (кроме 12-й)	991, командах	187	(пул.)
635-м	в 10 —//— (кроме 4-х и 5-й)	942, командах	572	
636-м	в 6 —//— (II и III пех.)	704, командах	53	(пех[?]раз.)
В дивизии 35 ротах		3462	1275	

23 июня 1917 года, Полев[ая] Центр[альная] Станция у Сюлко

Встаю в 8½ час[ов]. Беседую с Густавсоном. Он говорит про историю с Сен-Галли — тот дал рабочим 2/милл[иона], все свое дело и заключил условие — «мы, мол, квиты». Через 7 дней деньги разошлись по дырявым карманам, попробовали кредитоваться в банках. «Мы вас не знаем, Сен-Галли знаем... вы кто?» — «Мы — комитет и т. д.» — «Мы вас не знаем».

Возвращаются к Сен-Галли: «Пусть будет по-старому». Сен-Галли: «Нет, довольно, я кончил...» Французы все свое требуют, и им наплевать на нашу политику и «демократич[еские]» тенденции... И в будущем они своего не упустят; им и теперь выплачивают, учитывая разницу курса, т. е. полностью. В Финляндии для русских — крах и хотят покрыть займом (в 300 м[иллионов] марок). Все займы да займы, кто-то их будет платить... в петлю лезут полным махом[1].

Петроград, выясняется еще больше: Александр[овский] рынок захвачен солдатами, которые торгуют внутри и вне, на Невском — всюду солдаты; идет солдат в панаме с офиц[ерской] кокардой, каки[2] и в туфлях... тип, в котором узнаешь современную Россию. Киев: на улицах попадаются солдаты без штанов; больные заходят в Купеческ[ий] сад в халатах...[3]

Образчик телефонограммы: «Н-ку штаба 159 пе див. № 78 23-го 17 по изж штаба 635 пе полка что доношу, что увереный мне полк сменился спозицыи и отошел влезерв науказанное место сменна произошла без задоржки. К-щий 635 пех. полком полков. Знаменовский Пер. Кириенко принял Ипасов»... очевидно, представитель Мануйловского[4] правописания и парламентарий в то же время.

Около 5 часов ком[андир] 364 зовет меня к телефону: «Я и офицеры еле ходим... убеждали, убеждали, из рук выбились... полк не идет сменять». Я: «Мотивы?» Он: «Хотят в свою дивизию (?), готовы сменить 633-й, раньше было 2 полка в передовой...» Я: «Комитеты?» Он: «Два раза собирались... да если уговорить полк, поднимется торговля, кому идти... так воевать нельзя (голос упавший)»... Я: «А если я

---

[1] На полях надпись: «С[ен]-Галли».

[2] Хаки (*устар.*).

[3] Вдоль этого абзаца надпись: «Эпизоды».

[4] Мануйлов А. А. будучи министром народного просвещения Временного правительства, выпустил циркуляр, содержащий основные правила нового, упрощенного правописания (эти правила стали обязательными после прихода к власти большевиков). Реформа орфографии 1917–1918 гг. состояла в изменении ряда правил русского правописания, что наиболее заметным образом проявилось в виде исключения нескольких букв из состава русского алфавита.

приеду?» Он: «Да не знаю... как Вам угодно». Я: «Сейчас еду...» Беру 3 казаков, Ник[олая] Фед[оровича] [Станюковича] и Вас[илия] Ник[олаевича] [Чижова]. Говорю побатальонно и довольно скоро уговариваю, открывая «под секретом» тайны (вы — мои) стратегии (успех в 11-й армии и необходимость оттяжки туда). Возражения разные: «Нет пулеметов, лент (вранье: 11 р[усских] + 3 австр[ийских] и 88 лент), плохо кормят (вранье... лучше финл[яндцев]), даже «в бане не были», не объясняют, вспоминают прошлое: 18 июня, когда не захватили бомб (в торопях) и были старые винтовки... Офицеры, как тени; даже при мне на них огрызаются, провожают матерным словом, не идут на позиции, хоронятся и т. п. Офицеры — герои, каких никогда не было... Успокаивал их, сколько мог. А амбиция: 3-я рота отказалась, а когда не вышло, то заиграли на недоразумении, а унт[ер]-офицер ее: «Снимите обвинение»... Делают на полпальца, а амбиции на целую руку...[1]

А на амбиции не только дома, и нужника не построишь... А это и есть социализм... Видали ли что-либо подобное: социалисты, враги армии и отрицающие войну, руководят ею во время войны...

К 8 часам был дома — тяжело вообще, но рад, что прошло.

24 июня 1917 года, Полев[ая] центр[альная] станция у Сюлко

Встал в 7½ часов. Беседуем с Густавсоном (Юл. Алекс.). Приходим к заключению, что в России ее отбросы, сорганизовавшись в группы, правят страной... Что может выйти? Что они теряют?

12-я рота 634-го полка, в ночь на 19 июня, бросила позицию, затем не исполнила приказание занять ее, провоцировала и насмехалась над занявшими, и все сделала не под аффектом, а сознательно. Комитет полк[овой], и за ним и командир полка от нее отказались, она пошла в Носув, оттуда в штаб корпуса, где ее обезоружили (не хотели давать, но ночью заснули и винтовки взяли). Мне частным образом

[1] На полях надпись: «634-й полк».

сообщил наштакор, чтобы об ней не доносить комиссару, а покончить частным порядком, раскассировав и на трудные работы... Борюсь, послал Станюковича. Она теперь лежит в 150 шагах от меня под наблюдением казаков. Комкор согласился со мною и послал в армию просьбу выбросить 12-ю роту из корпуса, судить... До сих пор ответа нет. Оказывается, что многие (около кухни) захвачены силою, приехавшие вчера (1 — позавчера) из отпуска увлечены обманом, некоторые (теперь орут) совращены... Сегодня роту напоил чаем, вечером накормлю...[1]

20-й Финл[яндский] полк (5-й Фин[ляндской] див[изии]) решил: в наступление не идти, в окопы также, не работать... довольно воевать: «Отпустите нас по домам». Сегодня туда поехал комкор, а также прибудет комиссар 7-й армии Савинков... уговаривать. Кроме этого, совершенно безнадежного, полка, очень слабы 11-й Фин[ляндский] и 2-й Финл[яндский], которые в окопы еще идут, но в атаку едва ли пойдут... Рев[олюционн]ая армия!

25 июня 1917 года. Там же

Бои 18 и 19 июня «К[иевская] М[ысль]» (22 июня, 159) описывает типично: Керенского носят, и он воодушевляет (фактически, издевается над офицерами «не умеют вести», а потом стыдится, увидав число жертв), солдаты кричат за «свободу», «революцию» и рвутся, как львы, или, венец всего, «С исключительным подъемом было принято известие, что руководство боевыми действиями происходит при ближайшем участии и контроле Керенского и комиссаров с.-р. Савинкова и с.-д. Кириенко»... дальше в лжи идти нельзя... Восхвален убитый Соломон Гандлер...

Керенский, Скобелев, Чхеидзе и Церетели высказались за будущий несомненный успех революционной армии и даже (Кер[енский]) упомянул про сплетни, что мол, демократические начала ее испортили... Дети малые, не надо спешить с заключениями... если так, мы все порадуемся, но ведь мож[ет] оказаться и иначе...[2]

---

[1] Вдоль полей запись: «Эпизод с 12-й ротой 634-го полка».

[2] Рядом с этим абзацем приклеена заметка из «Киевской Мысли» от 21 июня с цитатой из речи И. Г. Церетели.

Сегодня ездил в окопы один с одним казаком, но изъездил весь Обренчовский лес и не нашел высланного провожатого... м[ожет] быть, заснул: все возможно. Ехал мимо Литовского, Волынского, Кексгольмского, 2-го Гв[ардейского] стрел[кового], 4-го Гв[ардейского] Стрел[кового], 413-го... неорганизов[анные] и разрозненные группы, без офицеров, кое-где доигрывают в карты... Картина страшная. Возле Кексг[ольмского] полка отхожим является площадка длиною в 3–2 сажени и шириной в 1 сажень... вонь страшная... а никому нет до этого дела, как никому нет дела до России. В Радиатынском лесу шляющиеся фигуры солдат для связи: чего-то ищут, никто им ничего не говорит; я обращаюсь с просьбой меня проводить и в одном случае получаю ответ: «У нас нет свободных» (их было трое, один готовил цигарку). На наблюд[ательном] пункте 4-й и 5-й батареи (23 бриг[ады]) не могли ничего добиться — «Спят, что ли?» или нет связи... Все развалено и живет врозь: ни указателей, ни связи, ни общего содружества... И успели развалить в какие-либо 3½ месяца... Еду домой с заболевшей головой (на св[оем] наб[людательном] пункте нахожу Н. Н. Полякова, слова которого полны отчаяния: «Все кончено, шансов нет никаких». Так же ему пишет брат (пол[ковник] Г[енерального] ш[таба]), а жена говорит — не стоит рисковать, не из-за чего). Меня встречает Эсьмон (прап[орщик]), который в требоват[ельной] форме говорит, что ком[ите]ты не встречают сочувствия, известно 2 недели, а скрыто о выборах... конечно, лжет. Узнали 23 июня... Подхожу к помощникам, сначала объясняю, а потом держу речь: «Помогите... мы на краю гибели»... Говорю вяло (стена), но в нек[оторых] местах готов заплакать... Настроение ужасное, голова болит ужасно: принимаю средство.

26 июня 1917 года, Там же

Ночью узнаю новости: 1) Белькович, Попов (ген[ерал] для поручений) и инсп[ектор] арт[иллерии] армии ушли по интриге Незнамова; 2) у Черемисова большой успех (4 т[ысячи] плен[ных]) и 3) Скобельцын удален за то, что дивизия не пошла.

Адвокат-сенатор Соколов с 3 товарищами (все представители Петроград[ского] Совета солд[ских] и рабоч[их] депут[атов]) вздумали на Запад[ном] фронте уговаривать один полк, и были тяжко избиты... В воен[ных] кругах злорадствуют по этому поводу: Соколов — автор приказа № 1 (+ Стеклов) уже на себе почувствовал его результаты, мож[ет], мол, дойти и до Керенского...

Из Балашов[а] 3 марш[евые] роты согласны выступить на фронт при условии, если им дадут царя...

На заседании 22 июня Всеросс[ийском] (Петр[оград]) мин[истр] труда Скобелев высказал, что пролетарий мало помог «Займу свободы», а презрен[ная] буржуазия...

К 16 часам комкор собирал нас на собрание в Сюлко, чтобы обдумать наступление, намечаемое на 28 июня. Там получил новости: 1) в Литвинуве был А. И. Гучков, по «санитарным» делам, осведомлялся, как шансы Керенского и каковы дела... 2) А. Ф. Керенского оплевали в Гвар[дейском] гренадерском полку (полк от всего отказывается... попробовал уговаривать); а в 6-й Финл[яндской] дивизии вступили с ним в пререкания, грубо и нагло... Селивачев еле увел... 3) бродячих много: от 104-й дивизии около 400... живут к востоку от Заставчика, 20-го Финл[яндского] — 342 чел[овека]. Бродили от гвард[ии] (Божикув... взяли в приклады) до кавалерии (Кшиве... прогнали плетьми). Наше заседание кислое: рассуждаем, зная, что ничего не выйдет, никто не пойдет в наступление... В 8 час[ов] я дома[1].

[1] Следующая тетрадь дневника, относящегося ко времени революции, отсутствует. По мнению дочери А. Е. Снесарева Евгении Андреевны, вероятно, это та тетрадь, которую отдала его жена Е. В. Снесарева А. И. Тодорскому.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Выражаю особую благодарность историку Андрею Ганину, оказавшему неоценимую помощь при составлении некоторых пунктов данного указателя, историку Василию Каширину, специалисту по истории отечественной авиации Марату Хайрулину, а также создателю сайта о георгиевских кавалерах Юрию Ведерману за ценные замечания и дополнения.

Аазен Нильс — французский изобретатель и предприниматель норвежского происхождения. В 1915–1916 гг. бомбометы Аазена производились в России и применялись во время Первой мировой войны — *309, 310*

Абрамов — подполковник, начальник хозяйственной части из 159-й пехотной дивизии (1917) — *405*

Авереско — румынский генерал, командующий армией во время Первой мировой войны — *219, 225*

Агапитов Алексей Иванович — штабс-капитан (сентября 1917 г.), вероятно, офицер штаба 159-й пехотной дивизии — *439, 450, 452*

Агоев Константин Константинович (1889–1971) — подъесаул 1-го Волгского полка Терского казачьего войска (1917), затем войсковой старшина. Георгиевский кавалер. Участник Белого движения. С ноября 1917 г. в Терской области, участник Терского восстания. С июня 1918 г. начальник конницы Пятигорской линии. С ноября 1918 г. в Добрармии. Начальник 1-й Терской казачьей дивизии, затем Терско-Астраханской дивизии. С мая 1920 г. генерал-майор. В эмиграции в Болгарии, с 1920 г. в США. С декабря 1952 по 1970 г. терский атаман. Умер в Стратфорде, Коннектикут (США) — *285*

Адагири — японский офицер — *265*

Азарьев Николай Николаевич (1865–1933) — генерал-майор (1915), командовал в 1910 г. 5-м Закаспийским стрелковым батальоном им. М. Д. Скобелева, с июля 1910 г. командир 14-го Туркестанского стрелкового полка. Командовал 4-й Туркестанской стрелковой дивизией (1915–1917). Георгиевский кавалер — *73*

Азбукин Лазарь Павлович (1881–1916) — подполковник (1916) 3-го Финляндского стрелкового полка. Участник Русско-японской войны (1904–1905), окончил Императорскую Николаевскую военную академию (1912). Помощник ст. адъютанта штаба Кронштадтской крепости (1914–1916). И. д. помощника ст. адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 12-й армии. Убит в бою. Посмертно награжден орденом Св. Георгия 4-й степени — *48*

Азеф Евно Фишелевич (Евгений Филиппович) (1869–1918) — российский революционер-провокатор, один из руководителей партии эсеров и одновременно секретный сотрудник Департамента полиции. Как глава Боевой организации эсеров, организовал и успешно провел ряд терактов, в числе которых — убийство великого князя Сергея Александровича. В то же время, как агент Охранного отделения, раскрыл и сдал полиции множество революционеров — *462*

Акутин Павел Тимофеевич (1885–1947) — полковник (1919), в 1910 г. подпоручик 8-го Финляндского стрелкового полка. В 1916 г. служил с А. Е. Снесаревым в штабе 12-й пехотной дивизии. Окончил ускоренный курс Военной академии (1917). Георгиевский кавалер. В 1918 г. вступил в РККА. В ноябре 1918 г. прибыл в Архангельск. Командовал Пинежскими партизанскими отрядами, 3-м Северным, а затем — 6-м Северным стрелковым полком. С февраля 1920 г. — в эмиграции. Похоронен в Финляндии — *37, 58, 64, 66, 71, 75, 79, 89*

Александр I Павлович Благословенный (1777–1825) — император и самодержец Всероссийский [с 12 (24) марта 1801 г.], протектор Мальтийского ордена (с 1801 г.), великий князь Финляндский (с 1809 г.), царь Польский (с 1815 г.), старший сын императора Павла I и Марии Федоровны — *266*

Александр II (1818–1881) — Романов Александр Николаевич, российский император (1855–1881) — *346, 377, 454*

Александр III Александрович (1845–1894) — император всероссийский, царь Польский и великий князь Финляндский с 1881 г. Сын императора Александра II и внук Николая I; отец последнего российского монарха Николая II. Заключил франко-

русский союз. Именовался Миротворцем, поскольку в его правление впервые за долгое время Россия не вела больших войн — *416*

Александра Федоровна (1872–1918) — российская императрица, жена Николая II. Дочь герцога Людовика IV, до замужества Алиса Виктория Елена Луиза Беатриса. Во время Первой мировой войны — сторонница заключения сепаратного мира с Германией. В марте 1917 г. была арестована, выслана в Тобольск, затем в Екатеринбург, где расстреляна вместе со всей царской семьей в июле 1918 г. — *251, 272, 273, 339, 416, 449, 474*

Алексеев Анатолий Николаевич (1866–1922) — генерал-майор (1915). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899). С января 1916 г. начальник штаба Сибирской казачьей дивизии, с апреля 1917 г. командующий Сибирской казачьей дивизии. С сентября 1917 г. командир 6-го Кавалерийского корпуса. Георгиевский кавалер. С мая 1918 г. в Донской армии и ВСЮР. В феврале — октябре 1920 г. командующий 2-й армией. В эмиграции в Югославии — *43, 46*

Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918) — военный деятель России, русский генерал от инфантерии (1914), генерал-адъютант (1916). В Первую мировую войну — начштаба Юго-Западного фронта, главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта, с августа 1915 г. начштаба Верховного ГК; с марта по май 1917 г. — Верховный главнокомандующий. С 1917 г. член Донского правительства, один из организаторов Белого движения — *94, 108, 113, 125, 163, 217–220, 222, 226, 227, 257, 258, 273, 303, 354, 366–368, 373, 374, 381, 396, 412, 457, 480*

Алексеева Анна Николаевна — жена генерала Алексеева М. В. — *108*

Алексеенко Михаил Мартынович (1847–1917) — депутат 3-й и 4-й Государственной думы, автор курса лекций по финансовому праву. Председатель думской бюджетной комиссии, пользовался значительным авторитетом. Примыкал к «Союзу 17 октября», но сохранял по многим вопросам независимую позицию — *330, 331*

Алексей Николаевич (Романов) (1904–1918) — наследник цесаревич и великий князь, пятый ребенок и единственный сын Николая II и Александры Федоровны. Расстрелян 17 июля 1918 г. вместе с родителями, сестрами и слугами — *449, 474*

Алексинский — интендант — *194*

Алеша — см. *Тростянский Алексей Иванович*.

Алиев Эрис-Хан-Султан-Гирей (1855–1920) — генерал от артиллерии (1913). Командовал II Сибирским АК (1910), с февраля 1914 г. — IV АК. После революции в Добрармии и ВСЮР, в июле

1919 г. правитель Чечни, с декабря 1919 г. в резерве. Расстрелян в Грозном — *340*

Алымов — полковник (1917), инженер — *262, 263*

Альвици — маркиз, член итальянской военной делегации, посетившей в 1916 г. 64-ю пехотную дивизию — *41*

Альфтан Владимир Алексеевич (1860–1940) — генерал от инфантерии (1916). Окончил Николаевскую академию ГШ (1889), в январе 1904 — ноябре 1905 г. командир 77-го пехотного Тенгинского полка, генерал для особых поручений при ГК войсками Кавказского ВО (1905–1906), комендант Михайловской крепости (1906–1907), затем военный губернатор Дагестанской области. Командир 1-й бригады 12-й пехотной дивизии (1909–1914), затем командир бригады 42-й пехотной дивизии. В мае 1914 — июне 1915 г. начальник 78-й пехотной дивизии, в июне — июле 1915 г. командир XII АК, в июле — августе 1915 г. начальник 65-й пехотной дивизии, в августе 1915 — апреле 1916 г. командир III АК. Георгиевский кавалер. В эмиграции в Финляндии. Начальник отдела РОВС и отдела инвалидов — *122, 271, 396, 397*

Аметистов Тихон Александрович (1884–1941) — полковник, в 1910 г. подпоручик 10-й артиллерийской бригады в г. Лодзь. В 1915 г. окончил Академию ГШ (с 1909 г. Императорская Николаевская военная академия). С июня 1916 г. капитан ГШ, затем подполковник Крымского конного полка, и.д. начштаба 9-й кавалерийской дивизии. С мая 1917 г. обер-офицер для поручений при помощнике главнокомандующего армиями Румынского фронта. В Добрармии. Квартирмейстер Крымско-Азовской армии, начштаба 1-й Терской казачьей дивизии. С 1934 г. в эмиграции во Франции — *392, 394*

Анастасий (1873–1965) (в миру — Александр Алексеевич Грибановский) — православный деятель, богослов. С 1901 г. ректор Московской духовной академии. Архиепископ Кишиневский и Хотинский (1916). С 1919 г. в эмиграции, с 1935 г. митрополит, в 1936–1964 гг. глава Русской православной церкви за рубежом — *263*

Андреев — командир 3-й роты 253-го Перекопского пехотного полка, был тяжело ранен под Орлиным гнездом — *141*

Андреев Владимир Назарович — возможно, офицер 5-го Нижегородского полка — *382*

Андреев Леонид Николаевич (1871–1919) — русский писатель. Для его произведений характерен реализм с чертами декадентства — *264*

Андрушкевич — офицер 117-й пехотной дивизии (1917) — *455*

Анисимов Николай Владимирович (1873–19?) — генерал-майор (апрель 1917 г.). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899), с апреля 1913 г. инспектор классов Виленского военного училища, с марта 1917 г. — начальник Виленского военного училища — *44*

Аничков, вероятно, Петр Николаевич — капитан пехотного Царевского полка, член Георгиевской думы в 1916 г. — *362*

Аннибал (Ганнибал) (247–183 до н. э.) — карфагенский полководец. Один из величайших полководцев и государственных деятелей древности — *53*

Антипин — подполковник 325-го пехотного Царевского полка 82-й пехотной дивизии — *231*

Антипов Владимир Васильевич (1862–19?) — генерал-лейтенант (апрель 1917 г.). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899), с июля 1907 г. начальник Владимирского военного училища, начальник Санкт-Петербургского военного училища (1910). С июля 1916 г. командующий 36-й пехотной дивизией, затем начальник штаба II Гвардейского корпуса, с конца апреля 1917 г. командир XIX АК — *43, 47, 341*

Антоний (Алексей Павлович Храповицкий) (1863–1936) — митрополит, русский православный богослов и церковный деятель. Эмигрировал в 1920 г. С 1921 г. и до конца жизни возглавлял «карловацкий» раскол (Русскую Синодальную Зарубежную Церковь). Умер в Белграде — *234*

Антюков А. Н. — офицер-артиллерист — *352*

Аня (1870–19?) — младшая сестра Андрея Евгеньевича. Жена священника Богоявленской церкви г. Острогожска Тростянского Алексея Ивановича, зверски убитого 13 ноября 1918 г. за приказ звонить в колокола. У Тростянских было два сына: Антоний (р. 1904) и Дмитрий (р. 1908). С мая 1917 по февраль 1919 г. у Тростянских проживала семья А. Е. Снесарева, а с ноября 1917 по апрель 1918 г. и сам Андрей Евгеньевич — *376, 466*

Арапов Николай Иванович (1866–1915) — полковник, командир 15-го пехотного Шлиссельбургского полка. Окончил Николаевскую академию ГШ (1896). Убит на фронте в 1915 г. — *47*

Араи — капитан 1-го ранга, посетивший в июле 1916 г. 64-ю пехотную дивизию в составе делегации японских офицеров — *77*

Арефа (Слабый) — иеромонах, священник 256-го пехотного Елизаветградского полка 64-й пехотной дивизии (1916) — *102, 173*

Арефа Лидия Николаевна — *111, 127*

Аркадий — священник — *146*

Ароненко — рядовой — *318*

Арсений Петрович — см. *Петровский Арсений Петрович*.

Арсеньев Евгений Константинович (1873–1938) — генерал-лейтенант (1917), участник Русско-японской войны (1904–1905), во время Первой мировой командовал 1-й Гвардейской кавалерийской дивизией, в апреле — ноябре 1917 г. командир Гвардейского кавалерийского корпуса. После революции прибыл в Петроград, где начал организовывать отряд из офицеров гвардейской кавалерии; арестован в мае 1918 г., бежал в Финляндию. В Белом движении командир II АК Северо-Западной армии. После разгрома и отступления армии оставался в Эстонии. Переехал в Берлин, основатель и председатель Союза офицеров Российской армии и флота. С 12 декабря 1934 г. член правления Союза георгиевских кавалеров. Эмигрировал во Францию. Умер в Париже — *345*

Артамонов Леонид Константинович (1859–1932) — русский генерал от инфантерии (1913), путешественник, участник Ахал-Текинской экспедиции (1880–1881). Окончил Николаевскую академию ГШ (1888). Неоднократно совершал поездки с разведывательными целями по приграничным областям Турции, Персии, Афганистану. В 1897 г. начальник конвоя русской миссии в Абиссинии, с войсками Менелика II совершил экспедицию к Белому Нилу. Участник китайского похода против боксеров (1899–1901), участник Русско-японской войны (1904–1905). С декабря 1907 г. главный начальник Кронштадта. Командовал XVI АК. С марта 1911 г. командовал I АК. В августе 1914 г. отстранен от должности после неудачных действий в Восточной Пруссии, затем в резерве. С 29 января по 12 апреля 1917 г. командовал 18-й Сибирской стрелковой дивизией. Действительный член Императорского Русского географического общества с 1882 г. После революции жил в Москве, работал в Моссовете; с 1927 г. в Новгороде, с 1930 г. в Ленинграде. Похоронен на Волковом кладбище — *335, 337*

Артемьев — капитан, офицер штаба 64-й пехотной дивизии (1916) — *96*

Артемьев Василий Васильевич (1860–1929) — генерал-лейтенант (1913). Окончил Николаевскую академию ГШ (1887), начальник 2-й Туркестанской резервной бригады (1907–1910), затем начальник 2-й стрелковой бригады, с декабря 1913 г. начальник 52-й пехотной дивизии, с июня 1915 г. командир XXXVIII АК, с октября 1916 г. командир XLVII АК, в марте 1917 г. командовал XLVIII АК. С апреля 1917 г. в резерве. Участник Белого движения. Командовал войсками Приамурского военного округа, был помощником Верховного уполномоченного Всероссийского правительства на Дальнем Востоке, главным начальником Иркутского

военного округа. С августа 1922 г. начальник снабжения Дальневосточной армии. В эмиграции в Югославии — *341*

Артьемко Андрей — канонир 1-го батальона 37-й артиллерийской бригады — *153, 154, 155*

Артюхов Борис — штабс-капитан (февраль 1917 г.), командир 1-й роты 253-го Перекопского полка (1916), был ранен под Орлиным гнездом, затем, вероятно, командир 1-го батальона 73-го пехотного Крымского полка 19-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер — *141, 142, 144, 300*

Архангельский Алексей Петрович (1872–1959) — генерал-лейтенант. Окончил Николаевскую академию ГШ (1898). С апреля 1917 г. помощник дежурного генерала Главного штаба. С мая 1917 г. начальник Главного штаба. С декабря 1917 г. на подпольной работе в ГШ Красной армии. Участник Белого движения. В эмиграции председатель Общества офицеров ГШ. Начальник РОВС (1938–1956), председатель Совета российского зарубежного воинства (1949–1957). Умер в Брюсселе — *62, 63*

Архипович Николай Георгиевич (1869–19?) — генерал-майор (декабрь 1914 г.). Окончил Николаевскую академию ГШ (1889), преподавал в Александровском военном училище (1909–1911), в августе 1914 г. командовал 74-м пехотным Ставропольским полком. Участвовал в походе в Галицию, в Городокском сражении. С марта 1916 г. командир бригады 3-й Заамурской пограничной пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. С октября 1916 по июль 1917 г. начальник 12-й Сибирской стрелковой дивизии. С осени 1917 г. в распоряжении Украинского генерального военного комитета. Член комиссии по организации украинской армии (1918). В ноябре 1918 г. в гетманской армии, затем во ВСЮР; с 13 октября 1919 г. в резерве. При эвакуации из Новороссийска в Крым не прибыл. Либо погиб, либо остался на территории, занятой красными — *271*

Арцыбашев Михаил Петрович (1878–1927) — русский писатель, масон, после 1917 г. эмигрировал. Для него характерны натуралистические романы, картины аморализма — *72–74, 89, 153, 154*

Асеев Михаил Васильевич (1863–19?) — полковник (1906), известен своим кавалерийским пробегом из г. Лубен (Полтавской губ.) в Париж, совершенным в 1889 г. в бытность корнетом 26-го драгунского Бугского полка. За 33 дня он совершил путь в 2447 верст, после чего был переведен по Высочайшему повелению в лейб-гвардии Уланский Ее Величества полк. Окончил Николаевскую академию ГШ (1899), штаб-офицер при управлении 63-й пехотной резервной бригады (1904–1910), с июня 1913 г. командир 10-го гусарского Ингерманландского полка, затем начальник

штаба 3-й Кавказской казачьей дивизии. С ноября 1914 г. в резерве чинов — *43, 46*

Аслан Михай — румынский дивизионный генерал, командовал 3-й армией и Южным фронтом — *223, 225*

Атласюк Игнат Касьянович — денщик Андрея Евгеньевича, родом из Волынской губернии Старо-Константиновского уезда, село Западницы — *38, 70, 85, 93, 124, 126, 134, 150, 152, 176, 242, 247, 276, 278, 284, 291, 292, 301, 347, 385, 388, 390, 400, 438, 472*

Афанасьев Владимир Александрович (1873–1953) — генерал-майор (1917), военный историк, профессор, до революции член Русского военно-исторического общества, Кружка ревнителей памяти войны 1812 г. и др.; автор нескольких книг и брошюр по военной истории. Окончил Николаевскую академию ГШ (1899), с 1908 г. заведующий передвижением войск Московского ВО. С июля 1916 г. командир 65-го пехотного полка. С апреля 1917 г. генерал-квартирмейстер штаба 2-й армии, затем начштаба III Сибирского АК. С конца июля 1917 г. в резерве ГШ. С января 1918 г. в Красной армии, начальник отдела полевого штаба РВСР — *45*

Бабенко — с мая 1917 г. прапорщик 20-го полка 5-й Финляндской пехотной дивизии — *442*

Баглов — капитан, командир 3-го батальона, член Государственной думы 2-го созыва — *362*

Базанов Николай Иванович — подполковник, с марта 1916 г. офицер 12-й пехотной дивизии. Командовал ротой и батальоном — *30, 52, 73*

Базаревский Александр Халилевич (1884–1938) — полковник (декабрь 1916 г.). Окончил Николаевскую академию ГШ (1909), с февраля 1914 г. и. д. помощника делопроизводителя ГУГШ, с июня 1916 г. штаб-офицер для поручений Управления генерал-квартирмейстера. В сентябре 1917 г. и. д. генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии. Начальник отделения и доцент Академии Генерального штаба РККА (1937), был арестован 16 декабря 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 2 апреля 1938 г. по обвинению в участии в контрреволюционной организации. Расстрелян и похоронен в Коммунарке 2 апреля 1938 г. Реабилитирован в 1957 г. — *254*

Базаров Павел Александрович (1871–1948) — генерал-майор (ноябрь 1917 г.). Окончил Николаевскую академию ГШ (1900), помощник делопроизводителя ГУГШ (1906–1911), с 1911 г. военный агент в Германии, начальник 3-го отдела управления генерал-квартирмейстера при ВГК. В ноябре 1917 г. состоял в Управлении ГШ. В Добровольческой армии и во ВСЮР. С ноября 1918 г. в резерве чинов при штабе ГК ВСЮР. В эмиграции во Франции — *255*

Байда Виктор Ильич — ученик коммерческого училища в Харбине (1916 г.) — *249*

Балуев Петр Семенович (1857–1923) — генерал от инфантерии (с сентября 1915 г.), участник Русско-турецкой войны. Окончил Николаевскую академию ГШ (1882), преподавал военные науки в Новочеркасском казачьем юнкерском училище (1885–1889), командир 157-го пехотного Имеретинского полка (1901–1904), затем начальник штаба VI АК, с июля 1910 г. начальник 17-й пехотной дивизии, с декабря 1914 г. командир V АК. С апреля 1917 г. командующий Особой армией, с августа по ноябрь 1917 г. главнокомандующий армиями Западного фронта. В 1918 г. вступил в Красную армию. Инспектор военных сообщений Высшей военной инспекции (1919). В 1920 г. входил в состав Особого совещания при главкоме и Комиссии по исследованию опыта Первой мировой войны. Затем на преподавательской работе — *340*

Баранов Сергей Алексеевич (1869 — после 1923) — полковник (1915). Окончил Николаевскую академию ГШ (1903). С апреля 1916 г. командир 468-го пехотного Нарымского полка. Позже командовал бригадой (6 мес.). В РККА. Участник Гражданской войны. С октября 1919 г. Помощник по строевой части повторительных курсов. С июля 1920 г. штатный преподаватель 23-х Могилевских курсов — *310*

Баранцов Михаил Александрович (1857–1921) — граф (1881), русский генерал от артиллерии (1916). Сын генерала от артиллерии А. А. Баранцова, начальника Главного артиллерийского управления. Образование получил в Пажеском корпусе, затем в Николаевской академии ГШ (1883). С апреля 1903 г. командир лейб-гвардии 3-й артиллерийской бригады, с апреля 1909 г. начальник артиллерии Варшавского ВО. В январе 1915 г. направлен в действующую армию инспектором артиллерии XXX АК, с 3 ноября 1915 г. командир XI АК. Отказался присягать Временному правительству и ушел в отставку. После Октябрьской революции оставался в Петрограде, в сентябре 1918 г. был взят ВЧК в числе других заложником, смерти удалось избежать. После освобождения эмигрировал — *90, 132, 133, 237, 238, 267, 270, 340, 361*

Баратов Николай Николаевич (1865–1932) — генерал от кавалерии (сентябрь 1917 г.). Окончил Николаевскую академию ГШ (1891), преподавал в Ставропольском казачьем училище (1895–1897), участник кампании 1904–1905 гг. Начштаба II Кавказского АК (1907–1912), затем начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии, командующий группой войск на Кавказском фронте. С апреля 1917 г. командир V Кавказского АК, с июня 1917 г. командир Кавказского кавалерийского корпуса в Персии.

В Белом движении: с февраля 1918 по октябрь 1919 г. представитель Добрармии и ВСЮР в Закавказье (Тифлис). Тяжело ранен (с ампутацией ноги) при покушении 13 октября 1919 г. С мая 1920 г. в эмиграции во Франции, занимался организацией помощи инвалидам, с 1930 г. председатель Зарубежного союза русских военных инвалидов, редактор газеты «Русский инвалид» — *342*

Баташев Никита Михайлович (1854–191?) — генерал-лейтенант (1914), участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Окончил Николаевскую академию ГШ (1887), далее в основном на штабных должностях, командир бригады 34-й пехотной дивизии (1905–1914), позже командовал 71-й, затем 34-й пехотной дивизией, с 1916 г. в резерве. В 1918 г. в гетманской армии. Участник Екатеринославского похода, командир пехотной части — *122, 151, 271*

Батюшин Николай Степанович (1874–1957) — генерал-майор (с декабря 1915 г.). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899), участник Русско-японской войны (1904–1905), с июня 1905 г. старший адъютант Варшавского ВО, с октября 1915 г. генерал для поручений при ГК Северного фронта. Председатель комиссии по борьбе со шпионажем и разрухой тыла. Участник Белого движения. Состоял при начальнике штаба Крымско-Азовской армии. С 1920 г. в Югославии, затем во Франции и Бельгии. Был преподавателем Высших военных курсов — *43*

Бауэр Александр Федорович (1852–19?) — генерал-лейтенант (1911). Окончил Николаевскую академию ГШ (1887), комендант Михайловской крепости (1907–1913), с марта 1915 г. начальник 20-й пехотной дивизии — *147*

Бахалин — командир 1-й роты 76-го пехотного Кубанского полка (1917) — *327*

Бахтин, возможно, Михаил Николаевич — полковник 4-го Финляндского пехотного полка. *–480*

Бачинский Михаил Львович (1856–1937) — генерал-лейтенант (с апреля 1915 г.). Окончил Николаевскую академию ГШ (1889), командовал 36-м Восточно-Сибирским стрелковым полком во время Русско-японской войны (1904–1905), был ранен, контужен. С 1906 г. служил в отдельном корпусе пограничной стражи. С апреля 1915 г. начальник 11-й пехотной дивизии. В 1917 г. командовал VII Сибирским АК. В эмиграции во Франции. Умер в Париже — *195, 232, 237, 238, 240, 270, 396*

Бегильдеев Константин Сергеевич (1858–1920) — князь, генерал-лейтенант (1911), участник кампании 1877–1878 гг. Окончил Николаевскую академию ГШ (1885), далее в основном на штабных должностях, начштаба II АК (1905–1911), затем начальник 9-й кавалерийской дивизии, с 1914 г. офицер службы ГШ, командир

VII Кавказского АК. В Добрармии и ВСЮР; с 25 марта 1920 г. в Одессе. Убит или умер в эмиграции — *323*

Безбородко Александр Андреевич (1746–1799) — сын писаря малороссийского казачьего войска. Учился в Киевской духовной академии, в 1769 г. отличился на военной службе в первую турецкую войну. Достиг огромного влияния у Екатерины II и руководил дипломатией. В 1784 г. избран членом Российской академии наук. С 1797 г. сенатор, канцлер и светлейший князь — *293*

Безродный Александр Сергеевич — есаул 2-го Линейного полка Кубанского казачьего войска (январь 1917 г.) — *42, 286*

Бек-Бузаров Сослан Бек (1865–1930) — генерал-майор (1917), с 1908 г. смотритель зданий Полоцкого кадетского корпуса. В мае 1913 и в феврале 1915 г. в 48-м пехотном Одесском полку. С августа 1915 г. командир 76-го пехотного Кубанского полка. Командир бригады 19-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. В 1919 г. был назначен А. И. Деникиным правителем Ингушетии, но был смещен с этого поста. После ухода из Ингушетии частей ВСЮР проживал во Владикавказе, где занимал ряд руководящих должностей. В 1929 г. переехал в родное село Кескем. В 1930 г. арестован и был приговорен к ссылке на три года. Умер по дороге в ссылку от воспаления легких. Похоронен под г. Мурманском (ст. Майгуба). Реабилитирован в 1989 г. — *309, 327*

Белевич Иосиф Донатович — полковник (1911), с июня 1915 г. командир 45-го пехотного Азовского полка — *228, 272*

Беликов — подполковник, вероятно, 113-й пехотной дивизии — *444*

Беличенко — медсестра 74-го передового отряда Красного Креста Московского железнодорожного узла — *127*

Белозёров Василий Клавдиевич (р. 1968) — полковник запаса, доктор политических наук (2011). Заведующий кафедрой политологии МГИМО и социально-политических наук МГЛУ. Сопредседатель Ассоциации военных политологов — *34, 36, 81, 284, 370*

Белопольский Илья Александрович (1871–19?) — полковник (1914). Окончил Николаевскую академию ГШ (1902). И. д. помощника делопроизводителя, с 28 февраля 1908 г. — делопроизводителя канцелярии Военного министерства, с апреля 1916 г. делопроизводитель там же — *344*

Белоусов — капитан, был убит на войне — *48*

Бельгард Владимир Карлович (1863–1914) — генерал-лейтенант. Окончил Академию ГШ (1899), командир 1-й бригады 14-й кавалерийской дивизии (1910), с мая 1912 г. начальник 3-й кавалерийской дивизии. Участник похода в Восточную Пруссию

в августе 1914 г. Погиб в бою у Вормдита. Посмертно награжден орденом Св. Георгия 4-й степени — *48*

Белькович Леонид Николаевич (1859–19?) — генерал от инфантерии (с сентября 1917 г.). Окончил Академию ГШ (1889), участник Русско-турецкой (1877–1878) и Русско-японской войн (был ранен и контужен), с апреля 1909 г. командир бригады 3-й пехотной дивизии, с июля 1915 г. командир XLI АК, с апреля по июнь 1917 г. командующий 7-й армией, затем отправлен в резерв. Георгиевский кавалер. С 1918 г. служил в Красной армии. Участвовал в работе Военно-исторической комиссии по изучению мировой войны. В списках Генштаба РККА от 1919 и 1920 гг. — *279, 341, 387, 388, 392, 396, 418, 424, 435, 438, 478, 487*

Белявский Алексей Петрович (1867–19?) — генерал-майор (1915). Окончил Николаевскую академию ГШ. Участник Русско-японской войны (1904–1905). С мая 1913 г. командир 61-го пехотного Владимирского полка. С октября 1915 г. командир бригады 16-й пехотной дивизии, с апреля 1917 г. командовал 16-й пехотной дивизией. Георгиевский кавалер. Позже командовал 52-й пехотной дивизией — *419*

Беляев Иоаким — подполковник 20-го пехотного Галицкого полка, геройски погибший во время войны и ставший георгиевским кавалером посмертно — *331*

Беляев Михаил Алексеевич (1863–1918) — генерал от инфантерии (1914). Окончил Николаевскую академию ГШ (1893). Во время Русско-японской войны (1904–1905) начальник канцелярии штаба 1-й Маньчжурской армии и штаба главкома. Начальник ГШ (1914–1916), с 1915 г. также помощник военного министра, с 1916 г. член Военного совета, представитель в румынской Главной квартире. С января 1917 г. военный министр России. В феврале был арестован и посажен в Петропавловскую крепость, впоследствии расстрелян. Имел прозвища Мишель Вейс, Мертвая голова — *164, 220, 232, 233*

Беляев Николай Семенович (1866 — после 1931) — генерал-майор (1914). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899), преподавал военные науки в Александровском пехотном училище (1909–1913), затем начальник штаба 44-й пехотной дивизии. С ноября 1916 г. начальник штаба 17-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. С апреля 1917 г. начальник штаба XIII АК, затем командующий 70-й пехотной дивизией. В РККА с 1918 г.: инспектор ГУ ВУЗ, с конца 1919 г. преподаватель Военной академии РККА. Начальник Геодезического управления РККА (1923–1926). С 1928 г. преподавал военное дело во 2-м МГУ и Плехановском институте.

Арестован по делу «Весна». В 1931 г. осужден к пяти годам ИТЛ. Дальнейшая судьба неизвестна — *44*

Бем Михаил Антонович (1858–1917) — генерал-майор (1911), участник Русско-японской войны (1904–1905). Командир 102-го пехотного Вятского полка в г. Гродна (1910). С 1911 по октябрь 1915 г. командир 1-й бригады 38-й пехотной дивизии. С марта 1916 г. начальник 30-й пехотной запасной бригады. Погиб весной 1917 г. в Пензе от рук солдат — *437*

Бенаев (Бенашвили) Андрей Михайлович (1867–1941) — генерал-майор (1917). Окончил геодезическое отделение Николаевской академии ГШ (1899), в 1910 г. помощник начальника Управления треангуляции западного пограничного пространства в Санкт-Петербурге. С июля 1916 г. командир 404-го пехотного Камышинского полка. В мае — октябре 1917 г. начальник штаба XXXII АК. С октября 1917 г. командующий 105-й пехотной дивизией. Служил в грузинской армии, читал курс лекций по геодезии и топографии в Грузинской военной школе. Директор Тифлисской астрофизической обсерватории (1919–1923), читал лекции в Грузинском политехническом институте (1923–1941). Умер в Сухуми — *240*

Бенземан Давид Андреевич (1872–1916) — полковник (1911). Окончил Николаевскую академию ГШ (1903), правитель дел по учебной части офицерской стрелковой школы (1904–1913). С декабря 1913 г. штаб-офицер для поручений при штабе XIII АК, погиб в феврале 1916 г. — *47, 48*

Березин Алексей Андрианович (1870–1914) — полковник (1908). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899), участник Русско-японской войны (1904–1905), начштаба 11-й Сибирской стрелковой дивизии (1910–1914). С января 1914 г. командир 43-го Сибирского стрелкового полка, погиб в бою под Сольдау. Посмертно награжден — *43, 47*

Берников Николай Владимирович (1853–1932) — генерал-лейтенант (1907), участник Русско-турецкой войны (1877–1878). Командир батареи, командир дивизиона, командир артиллерийской бригады. Начальник артиллерии XVIII АК (1907–1910). С июля 1910 по апрель 1917 г. инспектор артиллерии XVIII АК. Остался в России. Умер в советской тюрьме — *151*

Бертелло Анри Матиас (1861–1931) — французский генерал, глава французской военной миссии в Румынии (1917), главнокомандующий войсками Антанты в Румынии и на Юге России (1918–1919) — *220*

Берхман Георгий Эдуардович (1854–1929) — генерал от инфантерии (1913), участник Русско-турецкой войны (1877–1878).

Окончил Николаевскую академию ГШ (1881), начштаба Кавказского ВО (1907–1913), затем командир XXIV АК, с января 1914 г. командир II Кавказского АК. С февраля 1915 г. находился в распоряжении ГК Кавказской армии. С ноября 1916 г. командир XL АК, с апреля 1917 г. в резерве. Во ВСЮР и Русской армии в распоряжении ГК до эвакуации Крыма. В 1922 г. в эмиграции в Софии, затем во Франции. Начальник района РОВС и председатель Союза инвалидов. Умер в Марселе — *341*

Бескровный Александр Алексеевич (1866–1948) — генерал-лейтенант (с августа 1917 г.). Окончил Николаевскую академию ГШ (1898), начштаба 44-й пехотной дивизии (1909–1912), затем командир 73-го пехотного Крымского полка. С июня 1915 г. начштаба XXXVIII АК, с ноября 1916 г. начальник штаба XX АК, с мая 1917 г. командующий 117-й пехотной дивизией, с июля 1917 г. командовал XXII АК. Во ВСЮР, с августа 1919 г. в резерве. В эмиграции в Турции. В 1936 г. председатель Союза инвалидов в Константинополе. Умер в Александрии (Египет) — *341*

Бибиков — подполковник, служивший, вероятно, во 2-й казачьей Сводной дивизии, затем офицер 2-го Линейного полка Кубанского казачьего войска — *286*

Бицютко Константин Яковлевич (1866–1916) — генерал-лейтенант (1916 — посмертно). Окончил Николаевскую академию ГШ (1892), участвовал в кампании 1904–1905 гг., далее на штабных должностях, командир 63-го пехотного Углицкого полка (1907–1908), затем 207-го пехотного резервного Кишиневского полка (1908–1910). Командир 5-го Калужского пехотного полка (1911–1913), с марта 1913 г. начштаба I Туркестанского АК. С сентября 1914 по ноябрь 1915 г. инспектор артиллерии XXVIII АК. Командующий 3-й Кавказской стрелковой дивизией (1915–1916). Умер от ран — *48*

Благовещенский Александр Александрович (1854–19?) — генерал от инфантерии (1912). Участник кампании 1877–1878 гг. Окончил Николаевскую академию ГШ (1878), начштаба Свеаборгской крепости (1890–1894), командовал 4-м Финляндским стрелковым полком, участник Русско-японской войны (1904–1905) в качестве дежурного генерала Манчжурской армии, дежурный генерал при ГК на Дальнем Востоке (1904–1907). Числился офицером ГШ. Начальник 2-й пехотной дивизии в Брест-Литовске (1907–1912). Во время Первой мировой войны командир VI АК. Совершил предательство, бросил свои войска и бежал. Был отстранен от командования после поражения наших войск под Ортельсбургом — *334, 335, 337*

Блиох Иван Станиславович (1836–1901) — железнодорожный деятель и писатель-финансист. Главные работы: «Влияние железных дорог на экономическое состояние России», «Финансы России XIX столетия», «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях» (6 т., 1888) — *408*

Бобков — начальник 22-го гидротехнического отдела из XII АК — *328, 343, 344*

Бобырь Николай Павлович (1854–1920) — генерал от кавалерии (1911), участник Русско-турецкой войны (1877–1878). Окончил Николаевскую академию ГШ (1882), комендант Осовецкой крепости (1900–1904), начштаба Сибирского, затем Омского ВО, с февраля 1907 г. комендант Новогеоргиевской крепости, в августе 1915 г. перебежавший к немцам. Отчислен от должности за нахождение в плену. В Гражданской войне не участвовал. Расстрелян большевиками в Ялте в декабре 1920 г. — *48*

Богачев Алексей Иванович (1869–19?) — полковник (1915), до 1916 г. офицер 73-го пехотного Крымского полка. В феврале 1917 г. командир 653-го Перемышльского полка 164-й пехотной дивизии — *310, 329, 363, 364*

Боде Августин Климентьевич, де (1871–1915) — барон. Окончил Николаевскую академию ГШ (1898). На штабных должностях. Военный агент в США (1908–1912). С 1912 г. начштаба 4-й стрелковой бригады. С ноября 1914 г. командир 16-го стрелкового полка. Георгиевский кавалер. Ранен в бою у д. Творильне. Умер от ран — *47*

Болдырев Василий Георгиевич (1875–1933) — генерал-лейтенант (с апреля 1917 г.). Окончил Николаевскую академию ГШ (1903), во время кампании 1904–1905 гг. был ранен, с января 1911 г. заведовал обучающимися в Императорской Николаевской военной академии. С февраля 1916 г. генерал для поручений при командующем 4-й армией, с сентября 1916 г. генерал-квартирмейстер штаба армий Северного фронта. С апреля 1917 г. командовал XLIII АК, с сентября 1917 г. командующий 5-й армией. Был арестован 13 ноября 1917 г. До мая 1918 г. находился в тюрьме, затем в Белом движении. С сентября по ноябрь 1918 г. ГК войсками Уфимской директории, затем выслан в Японию, в апреле 1920 г. вернулся во Владивосток, член правительства Дальневосточной республики, в 1920 г. ГК войсками Временного правительства во Владивостоке. Остался в СССР, в 1922 г. был арестован, освобожден в 1923 г., служил в советских учреждениях. Был расстрелян. Оставил воспоминания — *341*

Болотов Иван Михайлович (1868–19?) — генерал-майор (1913). Окончил Николаевскую академию ГШ (1895), участник

Русско-японской войны (1904–1905), начштаба 2-й казачьей Сводной дивизии (1905–1908), затем командир 170-го пехотного Молодеченского полка, с ноября 1913 г. начштаба V Сибирского АК, командовал XXV АК. С марта 1916 г. начальник Ташкентского военного училища. В октябре 1917 г. был уволен со службы с мундиром и пенсией — *341*

Болховитинов Леонид Митрофанович (1871–1927) — генерал-лейтенант. Окончил Николаевскую академию ГШ (1898), сослуживец А. Е. Снесарева по ГУГШ. В Первую мировую войну — на Кавказском фронте, а затем на Юго-Западном фронте командовал I АК. Служил в Красной армии, попал в плен к белым, после военно-полевого суда рядовой в Добрармии. Через год был восстановлен в генеральском чине. С 1920 г. в эмиграции в Болгарии. В Русской армии — инспектор классов Кубанского Алексеевского военного училища. Покончил самоубийством в Харманли (Болгария) — *340, 472*

Бондарь — унтер-офицер 3-й роты 270-го пехотного запасного полка — *297*

Бонч-Асмоловский Георгий Иосифович — штабс-капитан, командир 1-го батальона 255-го Аккерманского пехотного полка — *210*

Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич (1870–1956) — генерал-лейтенант (1944), в царской армии генерал-майор (1914). Окончил Николаевскую академию ГШ (1898). Начштаба Северного фронта (1914–1915), с августа по сентябрь 1917 г. ГК Северного фронта. Одним из первых царских генералов перешел на сторону советской власти. С ноября 1917 г. начштаба ВГ. Во время Гражданской войны руководитель Высшего военного совета, затем на научной и преподавательской работе. Автор трудов по тактике и военной истории — *96, 385*

Борзяков Владимир Алексеевич — офицер штаба 64-й пехотной дивизии (1916) — *192, 199*

Борис III (1894–1943) — второй царь Болгарии с 1918 по 1943 г. из Саксен-Кобург-Готской династии. Имел чин германского адмирала (1916). Вступил на престол после поражения Болгарии в Первой мировой войне, где она выступила на стороне Германии, и отречения отца — *227*

Боровик — старший унтер-офицер 270-го пехотного запасного полка — *297*

Боровский Федор Николаевич — штабс-ротмистр, офицер штаба 64-й пехотной дивизии — *38, 134, 163*

Браз (?) — вероятно, журналист — *446*

Бранкевич — поручик 20-го полка 5-й Финляндской пехотной дивизии — *442*

Бранкевич Антон Юлианович — офицер для связи штаба 12-й пехотной дивизии (март 1916 г.) — *238, 269*

Бревнов Георгий Степанович — подполковник, командир 1-го батальона 133-го пехотного Симферопольского полка (январь 1917 г.) — *324*

Бредов Николай-Павел-Константин Эмильевич (1873 — после 1932) — генерал-майор (1915). Окончил Николаевскую академию ГШ (1901), участник Русско-японской войны (1904–1905), с 1913 г. начштаба 33-й пехотной дивизии, с 1916 г. и. д. начштаба Киевского военного округа, с апреля 1917 г. командующий 6-й Финляндский стрелковой дивизией, с 9 сентября 1917 г. командующий XXIV АК, а с 30 сентября — командир XXI АК. С 12 октября 1917 г. командир XII АК. Участник Белого движения — *49, 420*

Брейтман Григорий Наумович (псевдоним Гр. Неволин) (1873–1949) — литератор, журналист. Редактор — издатель ряда киевских газет и журналов. Книга рассказов «Правда жизни» была уничтожена (1907), а автор приговорен к двум годам тюрьмы за рассказ «Преступление». С 1919 г. в эмиграции в Германии, редактор берлинской газеты «Время» (1921–1924), с 1925 г. в США, сотрудник нью-йоркской газеты «Русский голос», с 1930 г. редактор чикагской газеты «Рассвет» — *385, 386*

Брешко-Брешковский Николай Николаевич (1874–1943) — журналист, писатель, сын Е. К. Брешко-Брешковской. Автор ряда повестей и рассказов, а также этюдов о русских художниках. Имел псевдонимы: Мата д'Ор, Старый петербуржец, Василий Верига, Николай Белый, Фраскуэлло и др. Опубликовал в эмиграции свыше 30 романов — *317*

Бринкен Александр Фридрихович, **фон ден** (1859–1917) — барон, генерал от инфантерии (1914). Окончил Николаевскую академию ГШ (1886), преподавал военные науки в Елизаветградском кавалерийском юнкерском училище (1892–1896). Участник кампании 1904–1905 гг., с 1908 г. начштаба войск гвардии и Петербургского ВО. Офицер ГШ, служил в основном на штабных должностях. С 1912 г. командовал XXII АК. Скоропостижно скончался в действующей армии 22 марта 1917 г. — *341, 390, 446, 447*

Бродский Аркадий Ефимович (Арон Хаимович) (1862–1924) — адвокат, член партии кадетов. В 1909 г. был избран депутатом 3-й Государственной думы, но градоначальник Одессы отказался признать его избранным, так как Бродский баллотировался под христианским именем, использование которых иудеям

было запрещено Сенатским указом. Вынужден был сложить полномочия. В 1920 г. эмигрировал, жил в Париже, был директором правления и юрисконсультом Русского общества пароходства и торговли — *234*

Бронницкий [Браницкий], граф, вероятно, Иван Иванович — выпускник Тифлисского юнкерского пехотного училища (1904). Капитан 60-го пехотного полка (1914), с сентября 1916 г. полковник. В 1918 г. командир 1-го Уральского стрелкового полка, охранявшего царскую семью — *199*

Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926) — генерал от кавалерии. Под началом Брусилова Снесарев служил с 1910 г. и почти всю Первую мировую войну. С 17 марта 1916 г. — главнокомандующий Юго-Западного фронта. В 1916 г. провел известную операцию, вошедшую в историю под именами Луцкого или Брусиловского прорыва. С мая по июль 1917 г. Верховный главнокомандующий. В 1920 г. вступил в Красную армию. До конца жизни был в дружеских отношениях с А. Е. Снесаревым — *97, 125, 142, 163, 167, 201, 211, 217, 221, 233, 235, 236, 239–241, 243, 248, 259, 264, 271, 308, 321, 339, 354, 355, 357, 367, 370, 371, 373, 374, 418, 422, 435, 438, 444*

Брызгалин — однокашник Снесарева по Нижне-Чирской гимназии — *43*

Будков Михаил Федосеевич — артиллерист, офицер для поручений 12-й пехотной дивизии, исполняющий обязанности старшего адъютанта штаба — *37, 146–148, 150, 190, 266*

Буймистров Владимир Иванович (1868–19?) — генерал-майор (1914). Окончил Николаевскую академию ГШ (1894), далее на штабных должностях, командир 226-го пехотного резервного Бобруйского полка в Царицыне (1908–1910), офицер ГШ, с октября 1914 г. начальник штаба XVI АК. Весной 1917 г. командовал 160-й пехотной дивизией, с июля 1917 г. в резерве. Добровольно вступил в РККА. Командовал дивизией, был начальником оперативного управления 12-й армии; начштаба 14-й армии. В 1922 г. уволен со службы. В 1931 г. был арестован. Освобожден с запретом проживания в Московской, Ленинградской областях и на Украине сроком на три года — *290*

Булатов Николай Ильич — генерал-лейтенант (1908), начальник артиллерии XIII АК (1910). С июня 1916 г. в распоряжении командующего 8-й армией, в начале 1917 г. командир I АК. Уволен от службы за болезнью 23 июня 1917 г. — *260, 289, 340*

Бутаков Александр Григорьевич (1861–1917) — контр-адмирал, сын знаменитого адмирала Г. И. Бутакова. Начальник

штаба Кронштадтского порта (1917). Был расстрелян у памятника адмиралу Макарову — *377*

Быковский Иван Николаевич — врач из XII АК, был знаком с братом Андрея Евгеньевича, Павлом Евгеньевичем Снесаревым — *280, 332, 382*

Бычков — адъютант, летчик-истребитель 7-го авиационного отряда истребителей — *377*

Бьюкенен Джордж Уильям (1854–1924) — английский дипломат. Посол в России (1910–1918). В годы Первой мировой войны был связан с кадетами и октябристами, поддерживал Временное правительство, был близок к А. Ф. Керенскому. Один из организаторов антисоветских заговоров. Был отозван — *391*

Вадбольский Николай Петрович, князь (1869–1944(5?)) — генерал-лейтенант (с сентября 1915 г.). Окончил Николаевскую академию ГШ (1895). С июля 1915 г. начальник сводной кавалерийской дивизии, с апреля 1917 г. командир VII Кавказского АК. Георгиевский кавалер. Участник Белого движения. В 1918 г. командовал Воронежским корпусом Южной армии, затем командовал отрядом войск Северного Кавказа. С 1919 г. начальник 3-й Терской казачьей дивизии. В эмиграции в Югославии, был председателем Союза инвалидов в Белграде. Был убит в Югославии — *237*

Ваденшерна Торстен Карлович (1961–1920) — генерал-лейтенант (с апреля 1915 г.). С июля 1915 г. начальник 37-й пехотной дивизии. Участник Белого движения на Северном фронте. В 1919 г. — в штабе ГК войсками Северным фронтом. Был взят в плен вместе с сыном и расстрелян — *143, 167, 195, 213*

Валишевский Казимир (1849–1935) — польский писатель, историк, экономист, социолог. Автор книг по истории России: «Петр Великий», «Дочь Петра Великого», «Иван Грозный», «Сын Екатерины Великой», «Екатерина Великая» — *293*

Валь Эрнест-Карл-Вольдемар Георгиевич, фон (1878–1949) — полковник (с декабря 1914 г.). Окончил Николаевскую академию ГШ (1905), командир эскадрона лейб-гвардейского Гродненского гусарского полка (1907–1909), капитан (1910), старший адъютант штаба 23-й пехотной дивизии в г. Ревеле. С июля 1916 г. командир 3-го уланского Смоленского полка. С мая 1917 г. в резерве чинов. В эмиграции в Эстонии выпустил ряд книг по военной истории, в том числе о своем тесте, генерале Д. Щербачеве — *97*

Вандам (Едрихин) Алексей Ефимович (1867–1933) — генерал-майор (с июня 1917 г.). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899). Участвовал добровольцем в Англо-бурской войне на стороне буров. С февраля 1909 г. офицер ГШ. С ноября 1916 г.

начальник штаба 23-й пехотной дивизии, затем командующим той же дивизией. Георгиевский кавалер. Участник Белого движения. В октябре 1918 г. возглавил формирование Северной армии в Пскове, командовал Псковским добровольческим корпусом. В 1919 г. начальник штаба Северо-Западной армии. В эмиграции в Эстонии. Умер в Ревеле. Геополитик, автор работ «Наше положение», «Величайшее из искусств» — *388, 390, 391*

Ванновский Глеб Михайлович (1862–1943) — генерал-лейтенант. Окончил Николаевскую академию ГШ (1891), командир XXXV, затем XLII армейского корпусов, с августа по сентябрь 1917 г. — командующий 1-й армией. За поддержку Корнилова был арестован и отправлен в резерв. С конца 1917 по февраль 1918 г. в Добрармии. Эмигрировал во Францию — *341*

Ванновский Сергей Петрович (1869–1914) — генерал-майор (1910). Окончил Пажеский корпус, Николаевскую академию ГШ (1893), участник Русско-японской войны (1904–1905), с сентября 1910 г. помощник начальника войскового штаба Войска Донского, был убит на войне. Посмертно награжден орденом Св. Георгия 4-й степени — *47*

Василий Васильевич — см. *Лихачев Василий Васильевич.*

Василий Димитриевич — см. *Зноско Василий Дмитриевич.*

Василий Кондратьевич — см. *Криштопенко Василий Кондратьевич.*

Васильев — прапорщик 4-й роты 253-го пехотного Перекопского полка, погиб, защищая Орлиное гнездо в 1916 г. — *141*

Васильев — прапорщик, химик, вероятно, из 634-го Сарыкамышского полка 159-й пехотной дивизии — *403*

Васильев А. — профессор — *289*

Васильев Федор Николаевич (1858 — после 1923) — генерал от инфантерии (1915), участник кампании 1877–1878 гг. Окончил Николаевскую академию ГШ (1885), офицер службы ГШ, помощник военного губернатора Ферганской области (1896–1901), начальник Азиатского отдела Главного штаба (1903–1906), с 1908 г. начальник штаба Одесского ВО, с сентября 1914 г. командир VI Сибирского АК. В сентябре 1917 г. уволен со службы «за болезнью». С 1920 г. сотрудник Исторической комиссии Всероглавштаба, с 18 октября 1920 г. руководитель практическими занятиями в Военной академии РККА, с 1921 г. руководитель лекций Военной академии РККА — *342*

Василько — баронесса — *57*

Васильчиков Александр Семенович (1746–1813) — князь, один из первых фаворитов императрицы Екатерины II в 1772–1774 гг. — *294, 295*

Васмунд Владимир Григорьевич (1872–1941) — генерал-лейтенант. Окончил Николаевскую академию ГШ (1899). 1-й обер-квартирмейстер ГУ ГШ. Георгиевский кавалер. Во ВСЮР и в Русской армии по судной части до эвакуации Крыма. В эмиграции во Франции. В 1930-е гг. почетный член Союза царскосельских стрелков, председатель Парижской группы. Умер в Париже — *43, 46*

Васнецов Виктор Михайлович (1848–1926) — русский живописец, передвижник. Автор жанровых, а также монументальных эпических картин на темы русской истории. Участвовал в росписях Владимирского собора в Киеве (1885–1896) — *261*

Ватман Владимир Владиславович — полковник 12-й пехотной дивизии, служивший в 47-м Украинском полку (1916 г.) — *52*

Вебель Фердинанд Маврикиевич (1855–1919) — генерал от инфантерии (1915). Участник кампаний 1877–1878 гг., 1904–1905 гг. С декабря 1909 г. начальник 13-й пехотной дивизии, с апреля 1914 г. офицер службы ГШ, командовал XLVII АК. С февраля 1916 г. в резерве чинов. Был расстрелян в Одессе (1919) — *341*

Вейс Мишель, Мертвая голова — см. *Беляев Михаил Алексеевич.*

Вельяшев Леонид Николаевич (1856–1940) — генерал-лейтенант (1916), участник Русско-турецкой войны (1877–1878) (контужен), командир 3-го полевого жандармского эскадрона (1895–1901), затем командир 33-го драгунского Изюмского полка, командир бригады 11-й кавалерийской дивизии (1907–1910). С октября 1914 по ноябрь 1915 г. начальник 11-й кавалерийской дивизии. С июля 1915 г. командовал кавалерийским корпусом (с ноября 1915 г. — V кавалерийский корпус). Георгиевский кавалер. С 1918 г. в эмиграции в Польше. После начала Второй мировой войны и вступления РККА на территорию Польши арестован органами НКВД. Умер в тюрьме г. Луцка — *345*

Венецкий Георгий Николаевич (1871 — после 1937) — полковник (1907), командир 142-го пехотного Звенигородского полка. Окончил Николаевскую академию ГШ (1898). Участник Русско-японской войны (1904–1905). И. д. начальника штаба 11-й кавалерийской дивизии (1905). Начальник штаба 31-й пехотной дивизии (1905–1913). С 1913 г. командир 142-го пехотного Звенигородского полка. В ходе боев 142-й полк был окружен. Был ранен и попал в плен. В Добрармии и ВСЮР в отделе генерал-квартирмейстера штаба Добрармии, с ноября 1919 г. начштаба 1-й пехотной бригады. В Русской армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии; в 1937 г. член Общества офицеров ГШ — *47*

Вербицкая Анастасия Алексеевна (1861–1928) — русская писательница, уроженка Воронежа, имевшая успех и своего читателя до революции. После 1920-х гг. ее произведения считались образцом «бульварной» литературы и изымались из библиотек — *76*

Верди Джузеппе (1813–1901) — итальянский композитор. Мастер оперного жанра, создавший высокие образцы психологической музыкальной драмы — *136*

Веретенников Алексей Порфирьевич (1860 — после 1917) — генерал-майор (1906). Окончил Николаевскую инженерную академию. С 1897 г. состоял в числе в распоряжении Главного инженерного управления. Инспектор работ инженерного управления Туркестанского ВО (1903–1906). Член Союза русского народа. Киевский (1906), затем костромской губернатор (1906–1910). С 1910 г. состоял при МВД, генерал для поручений при ГК армиями Юго-Западного фронта (1917) — *413, 472*

Вержбицкие — знакомые А. Е. Снесарева — *254*

Верона Гвидо, де (1881–19?) — итальянский романист. Его романы «Любовь, которая возвращается» (1908), «Та, которая не должна любить» (1910), в особенности «Жизнь начинается завтра» (1912) сделали его писателем общеевропейской популярности — *168*

Веселаго, вероятно, Валерий Герасимович — генерал-лейтенант, полковник (1910), тамбовский уездный воинский начальник — *276, 290, 291*

Веселкин Михаил Михайлович (1871–1918) — контр-адмирал Свиты Его императорского Величества (1915). Командир эскадренных миноносцев «Инженер-механик Дмитриев» (1909), «Достойный» (1909–1910), минного заградителя «Амур» (1910–1913). В годы Первой мировой войны руководил Экспедицией особого назначения на Дунае. Комендант Севастопольской крепости (1916–1917). Был расстрелян — *218, 224*

Веселовский Антоний Андреевич (1866 — после 1939) — генерал от инфантерии (1917), георгиевский кавалер, с ноября 1915 г. командир XIX АК 8-й армии генерала А. А. Брусилова, в апреле — июле 1917 г. командовал 2-й армией. После Октябрьской революции уехал на Украину. В 1918 г. в составе Военной секции съезда консервативных деятелей в Киеве. Эмигрировал в Болгарию — *49, 271, 341, 387*

Вестфален, вероятно, Александр Иванович — полковник, штаб-офицер для поручений при Окружном штабе Казанского военного округа (1910). Был убит на войне — *48*

Вик Вера Федоровна, фон — сестра милосердия — *104*

Виктор Федорович — личность не выяснена — *351*

Вильгельм II Гогенцоллерн (1859–1941) — германский император и прусский король (1888–1918), сын Фридриха III. Был свергнут ноябрьской революцией 1918 г. По Версальскому мирному договору 1919 г. подлежал суду Международного трибунала как виновник войны и военный преступник. В своих работах оправдывал агрессивную политику Германии. Приветствовал установление в Германии фашистской диктатуры и начало Второй мировой войны — *62, 77*

Вильман — прапорщик — *408*

Вильсон — прапорщик, командир 7-й роты 634-го пехотного Сарыкамышского полка 159-й пехотной дивизии — *403*

Вильсон Роберт Томас (1777–1849) — английский комиссар при русской армии в 1812 г. Сохранились и изданы его письма и дневники 1812–1813 гг. — *206*

Винавер Максим Моисеевич (1863–1926) — адвокат, один из учредителей «Союза для достижения равноправия еврейского народа в России», в 1907 г. образовал «Еврейскую народную группу», член ЦК партии кадетов и один из ее основателей, член Государственной думы, член ВП, министр иностранных дел барона Врангеля — *348*

Винклер Гуго (1863–1913) — выдающийся немецкий ассириолог и археолог, профессор ассириологии Берлинского университета, раскопавший в 1906–1907 гг. архив хеттских царей Малой Азии. Основатель немецкого Переднеазиатского общества — *41*

Винниченко Владимир Кириллович (1880–1951) — украинский писатель, руководитель националистической контрреволюции на Украине. В 1907–1914 гг. в эмиграции. После Февральской революции 1917 г. один из организаторов Центральной рады. С ноября 1918 по февраль 1919 г. возглавлял Директорию. Эмигрировал — *72*

Виноградов Хрисанф Иванович [возможно, у А. Е. Снесарева — ошибка, в списках — Александрович] — подполковник, корпусный инженер XII АК — *299, 301, 304, 307, 308, 318, 329*

Врановский Георгий Николаевич (1867–1935) — генерал-лейтенант (1917). Окончил Николаевскую академию ГШ (1897), участник кампании 1904–1905 гг. Начштаба 4-й стрелковой бригады (1904–1911), затем командир 16-го стрелкового полка, затем командовал бригадой 65-й пехотной дивизии, с 14 декабря 1914 г. начштаба VIII АК. С мая 1916 г. командующий 12-й пехотной дивизией. В дневниках Снесарева часто именуется «стрелком». С декабря 1916 г. и. д. начальника штаба 6-й армии. С апреля 1917 г. командовал II Гвардейским корпусом, с августа — в резерве,

с сентября командир XXVI АК, с октября помощник ГК армиями Румынского фронта. В годы Гражданской войны в армии Колчака (в 1919 г. начальник снабжения 2-й и 3-й армий). На 4 февраля 1920 г. в разведотделе штаба 5-й армии РККА. С 1920 г. начальник снабжения Восточного фронта. В конце 1921 г. начальник снабжения Верхнеудинского ВО. Руководитель государственного проекта «Общественные дорожно-строительные работы» (1924–1930). Член Государственного совета (1930–1935). Умер 8 декабря 1935 г. Похоронен в Верхнеудинске — *17, 56–60, 63, 66, 67, 73, 96, 195, 231, 238, 240, 261, 269–272, 282, 290, 293, 341, 363, 469*

Вирен Роберт Николаевич (1856–1917) — русский адмирал (1915). Окончил Николаевскую морскую академию (1899). Участник Русско-японской войны (1904–1905). В числе офицеров, защищавших Порт-Артур, был взят в плен японцами. С 1906 г. начальник отряда Балтийского флота. В 1907 г. назначен и. д. главного командира Черноморского флота, в 1908 г. введен в состав Адмиралтейств-совета. С 1909 г. главный командир Кронштадтского порта и военный губернатор Кронштадта. Был заколот штыками на Якорной площади Кронштадта — *343, 368, 377*

Витт Владимир Владимирович, де (1859–19?) — генерал от инфантерии (1917). Окончил Николаевскую академию ГШ (1887), участник кампании 1904–1905 гг., начальник Новогеоргиевской крепостной пехотной бригады (1907–1910). С февраля 1913 г. начальник 39-й пехотной дивизии, с декабря 1915 г. командир IV Кавказского АК. В июне — сентябре 1917 г. одновременно временно исполнял обязанности командующего Кавказской армией. В октябре 1917 г. сдал командование армией ген. И. З. Одишелидзе, оставшись во главе своего корпуса — *342*

Витт Лев Владимирович, де (1861–19?) — генерал-лейтенант (1910). Окончил Николаевскую академию ГШ (1887), начальник Николаевского кавалерийского училища (1905–1910). С мая 1911 г. начальник 11-й кавалерийской дивизии, во время войны начальник 58-й пехотной дивизии. Попал в плен в августе 1915 г. под Новогеоргиевском. После революции в Добрармии, в 1919 г. в Крыму. С июля 1919 г. в резерве, затем начальник 2-й кавалерийской дивизии — *48, 249*

Витт, де — подполковник, вероятно, офицер штаба 64-й пехотной дивизии — *103*

Витте Сергей Юльевич, граф (1849–1915) — русский государственный деятель, министр путей сообщения (1892), министр финансов (1892–1903), председатель Комитета министров (1903–1906), председатель Совета министров (1905–1906). Действительный тайный советник (1899). С 1903 г. член Государ-

ственного совета. Автор многотомных воспоминаний. С 1906 г. в отставке — *416*

Вихирев Александр Александрович (1869–19?) — генерал-майор (1915). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899). С мая 1911 г. начштаба 36-й пехотной дивизии, с декабря 1915 г. начштаба 115-й пехотной дивизии, затем начштаба XXI АК (февраль 1917 г.), затем командующий 45-й пехотной дивизией (июнь 1917 г.), с 10 октября 1917 г. командовал группой сухопутных войск Балтийского флота. С декабря 1917 г. в Добрармии. После поражения армии А. В. Колчака — начальник организационного управления штаба Народно-революционной армии Дальневосточной Республики. В начале 1920-х гг. репрессирован, исключен из списков РККА — *43, 44*

Вицнуда Константин Александрович (1872–1915) — товарищ А. Е. Снесарева по выпуску из Николаевской академии ГШ (1899). Полковник (1910), начальник штаба 29-й пехотной дивизии. С февраля 1914 г. командир 116-го пехотного Малоярославского полка, погиб 6(19) февраля 1915 г. в бою при попытке прорыва войск XX АК, окруженного в Августовских лесах — *43, 47*

Владимир Милсантович (?) — товарищ по выпуску из Московского Университета Леонида Андреева и Л. В. Собинова — *264*

Владыкина — вдова военного врача — *249*

Воейков Владимир Николаевич (1868–1942/47?) — генерал-майор (1909), с 1907 г. командир лейб-гвардии Гусарского полка. Генерал-майор Свиты Е. И. В. С июня 1913 г. главнонаблюдающий за физическим развитием населения Российской империи. С декабря 1913 г. — дворцовый комендант. Присутствовал при отречении Николая II. 7 марта 1917 г. арестован в Москве, доставлен в Петроград. До сентября 1917 г. содержался в Петропавловской крепости, затем переведен в больницу, откуда в дни Октябрьской революции бежал. Автор воспоминаний: «С царем и без царя». Умер в эмиграции во Франции — *353, 355*

Войков Петр Лазаревич (1888–1927) — активный участник революционного движения в России, дипломат, был убит в Варшаве белогвардейцами — *449*

Войшин-Мурдас-Жилинский Ипполит Паулинович (1856–19?) — генерал от инфантерии (1913), офицер службы ГШ. Участник кампании 1877–1878 гг. Окончил Николаевскую академию ГШ (1882). В 1907–1912 гг. начальник 4-й пехотной дивизии. С мая 1912 г. командир XIV АК. С апреля 1917 г. в резерве, с мая — уволен. После Октябрьской революции поступил на службу в РККА, преподавал тактику на Нижегородских командных курсах. Включен в списки Генштаба РККА от 7 августа 1920 г. — *340*

Волкобой Петр Миронович (1859–1918) — генерал-лейтенант (1915), участник Русско-японской войны (1904–1905), с 3 октября 1907 г. командир Башкадыкларского батальона, с 20 апреля 1910 г. — 147-го пехотного Самарского полка. В июле 1914 г. назначен начальником 1-й Финляндской стрелковой бригады. 24 сентября 1914 г. переведен на пост начальника 3-й Финляндской стрелковой бригады, затем дивизии. После Февральской революции 22 апреля 1917 г. возглавил XLIV АК 7-й армии. В мае 1917 г. корпус был переброшен на Украину. В октябре 1917 г. начал украинизацию корпуса и оставался во главе этого формирования в армии Украинской державы — *341, 391*

Волнянский Сергей Григорьевич — штабс-капитан (1915), офицер 133-го пехотного Симферопольского полка, в январе 1917 г. подполковник, командир 2-го батальона того же полка — *78, 324*

Володченко Николай Герасимович (1862 — после 1945) — генерал-лейтенант (с ноября 1914 г.). Окончил Николаевскую академию ГШ (1892), офицер службы ГШ, участник кампании 1904–1905 гг. С октября 1905 г. начштаба Заамурского округа пограничной стражи. С апреля 1915 г. начальник 16-й кавалерийской дивизии, с апреля 1917 г. командир XLVI АК. С сентября 1917 г. ГК армиями Юго-Западного фронта. После прихода к власти большевиков вошел в состав Комитета спасения революции. 24 ноября 1917 г. сдал командование, а в декабре покинул Ставку и уехал в Одессу. Затем эмигрировал на Дальний Восток. В мае 1945 г. жил в Харбине — *341*

Волошинов — старший врач перевязочного отряда 64-й пехотной дивизии — *102, 152*

Воробьев Дмитрий Филиппович — прапорщик 253-го Перекопского полка 64-й пехотной дивизии, погибший при защите Орлиного гнезда — *29, 139, 141, 142, 145, 146*

Воробьев Николай Михайлович (1875–19?) — генерал-лейтенант (1915). Командир бригады 20-й пехотной дивизии в г. Тифлисе (1910). С сентября 1915 г. начальник 4-й Кавказской стрелковой дивизии, с марта 1916 г. и. д. начальника 117-й пехотной дивизии. С марта 1917 г. командир 326-го пехотного полка, затем начальник штаба 7-й пехотной дивизии — *328*

Воронов Николай Михайлович (1859–19?) — генерал от инфантерии (1917). Окончил Николаевскую академию ГШ (1887), участник кампании 1904–1905 гг., офицер службы ГШ, с декабря 1913 г. начальник 51-й пехотной дивизии, с декабря 1914 г. командир V Сибирского АК. С апреля 1917 г. в резерве — *342*

Воронцов Андрей Венедиктович (р. 1961) — современный русский писатель. Лауреат Булгаковской (2004) и Кожиновской (2009) премий. Секретарь Правления Союза писателей России. Сопредседатель Крымской организации СП России. Доцент кафедры творчества Литературного института им. Горького — *6*

Ворошилов Клемент Ефремович (1881–1969) — советский военачальник, государственный и партийный деятель, участник Гражданской войны, один из первых Маршалов Советского Союза — *33*

Вроновский — поручик из 159-й пехотной дивизии — *437, 438*

Врубель Михаил Александрович (1856–1910) — русский живописец, для которого характерны тяготение к символике образов, драматическая напряженность и декоративность колорита — *262*

Всеволожский Димитрий Сергеевич — полковник (1910), в 1910 г. служил в 8-м Финляндском стрелковом полку. С января 1915 г. командовал 255-м пехотным Аккерманским полком, затем стрелковым Царскосельским полком — *102, 135, 143, 151*

Высоцкий — один из фаворитов императрицы Екатерины II — *294*

Вяземская — княгиня — *253*

Вялов Стефан Ефимович (1875–1915?) — полковник (1911). Окончил Николаевскую академию ГШ (1902), помощник делопроизводителя Управления генерал-квартирмейстера ГУГШ (1909–1912), затем преподавал военные науки во Владимирском военном училище. Георгиевский кавалер. Убит на войне — *48*

Вяткин Алексей Алексеевич — батальонный командир 147-го Самарского полка 37-й пехотной дивизии (1916) — *194*

Вячик — Вячеслав, сын Якова Ратмирова, двоюродного брата А. Е. Снесарева — *30, 250*

Габбин Петр Иванович — полковник (с сентября 1914 г.), с апреля 1915 г. командир 7-го Туркестанского стрелкового полка — *234*

Габо Николай Сергеевич — подпоручик 12-й артиллерийской бригады в г. Проскурове (1910). Во время войны служил в 64-й пехотной дивизии, вероятно, командир артиллерийской бригады — *87*

Гавриленко Андрей Агапитович (1888–1968) — штабс-капитан (1916), командир 1-го батальона 253-го пехотного Перекопского полка, отличившийся в бою за Орлиное гнездо. В дневниках и письмах А. Е. Снесарев часто называет его «тезка». После революции служил в Добрармии в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского похода. В декабре 1920 г. в нестроевой роте Корниловского полка в Галлиполи, помощник по хозяйствен-

ной части. С декабря 1921 г. полковник. Осенью 1925 г. в Болгарии в составе Корниловского полка. В эмиграции во Франции — *134, 140, 142, 144, 145, 160, 199, 200, 209, 216, 317*

Гаврилица Михаил Иванович (1870–1915) — полковник (1907). Окончил Николаевскую академию ГШ (1898). Участник военных действий против Китая (1900–1901), а также Русско-японской войны (1904–1905). С августа 1913 г. командир 30-го пехотного Полтавского полка, умер во время боя в районе крепости Гродно от разрыва сердца — *47*

Гаврилов — полковник, начальник штаба Западного сектора, вероятно, офицер 74-й пехотной дивизии — *233*

Гаврилов Василий Тимофеевич (1867–19?) — генерал-лейтенант (1914). Участник военных действий в Китае (1900–1901), Русско-японской (1904–1905), Первой мировой войны. Георгиевский кавалер. С марта 1915 г. командовал 10-й пехотной дивизией, с апреля 1916 г. командир I АК. В период с августа 1916 г. командир XXX АК — *341*

Гаврилов Николай Иванович (1857–19?) — генерал-лейтенант (1914), участник Русско-турецкой войны (1877–1878), с июля 1914 по апрель 1917 г. начальник 79-й пехотной дивизии — *244*

Гагарин Александр Васильевич (1866–19?) — князь, генерал-майор (с сентября 1914 г.), в 1910 г. подполковник 11-го уланского Чугуевского Е. В. Г. И. Марии Федоровны полка, с октября 1915 г. командир 3-й бригады Кавказской туземной конной дивизии — *421*

Галат Александр Тимофеевич — полковник (с июля 1915 г.), капитан 73-го пехотного Крымского полка в г. Могилев-Подольск (1910), командир того же полка (1916), в феврале 1917 г. командир 654-го пехотного Рогатинского полка — *310, 329, 348, 363*

Галифе Гастон, де (1830–1909) — французский кавалерийский генерал, в 1871 г. жестоко подавивший Парижскую коммуну. Реформатор французской кавалерии, за свои заслуги в 1887 г. Галифе был награжден орденом Почетного легиона. В 1899–1890 гг. военный министр. Среди прочих реформ было введение новых брюк для кавалеристов, названных позже его именем — *349*

Галущенко — офицер штаба 12-й пехотной дивизии (январь 1917 г.) — *269*

Гамбурцев Александр Александрович (1866 — до 1934) — генерал-майор (с октября 1914 г.), полковник 1-го лейб-гренадерского полка (1910), с июня 1916 г. начальник 41-й пехотной запасной бригады. С апреля 1913 г. командир 13-го стрелкового полка. В 1915 г. был тяжело ранен. Георгиевский кавалер. С 22 апреля

1917 г. в чине ген-майора командовал 64-й пехотной дивизией. Остался в СССР — *419*

Гамсун Кнут (настоящая фамилия Педерсен) (1859–1952) — норвежский писатель, лауреат Нобелевской премии (1920). В годы Второй мировой войны сотрудничал с фашистами — *41, 42, 50*

Гандлер Соломон — *486*

Гандурин Иван Константинович — генерал-лейтенант (с июля 1914 г.), полковник (1910), комендант Николаевской крепости, с октября 1915 г. командир II Сибирского корпуса — *342*

Гебен Август, фон (1816–1880) — прусский генерал, военачальник в период Франко-прусской войны (1870–1871), именем которого был назван линейный крейсер. В 1912–1917 гг. вместе с крейсером «Бреслау», «Гебен» находился в составе германской средиземноморской эскадры — *481*

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831) — немецкий философ, один из творцов немецкой классической философии и философии романтизма — *8, 36*

Гедин Свен Андерс (1865–1952) — шведский путешественник. Исследовал Тибет и Синьцзян (1893–1908), Китай, Монголию, Восточный Туркестан (1927–1935). Во время своей первой экспедиции (1893–1897) останавливался в Оше в семье Зайцевых, просил руки Е. В. Зайцевой, будущей жены А. Е. Снесарева. Накануне и во время Первой мировой войны занимал открыто антироссийскую позицию. Во время Второй мировой войны сотрудничал с фашистами — *77*

Гейден Димитрий Федорович, граф (1862–1926) — полковник ГШ. Окончил Николаевскую академию ГШ (1891) и после Русско-японской войны (1904–1905) вышел в отставку полковником. Был избран депутатом в Государственную думу. Во время Первой мировой войны с 1914 до конца 1917 г. — и. д. дежурного генерала в штабе 8-й армии генерала Брусилова. С 1918 г. служил в Добровольческой армии. В июне — августе 1919 г. и. д. начальника гарнизона города Царицына. В 1920 г. эмигрировал в Сербию, где преподавал в кадетском корпусе. Оставил воспоминания — *37, 231, 243, 245, 246, 382*

Гейсман (с 1916 — Гейсманс) **Платон Александрович** (1853–1919) — генерал от инфантерии (1913), крупный военный теоретик и историк. Окончил Николаевскую академию ГШ (1881), участник Сербо-черногорско-турецкой и Русско-турецкой войн (1877–1878), с 1892 г. преподаватель Академии ГШ, командир XVI АК (1911–1914), с 1915 г. главный начальник Казанского ВО, с августа 1915 г. член Военного совета. С 1918 г. работал в Петроградском университете и Едином Государственном архивном фонде — *108*

Гектор — в древнегреческой мифологии брат царевича Париса, сын Приама, последнего царя Трои. Погиб от руки Ахиллеса во время осады Трои — *295*

Генюша, Геня — Евгений Андреевич Снесарев (1905–1933), старший сын Андрея Евгеньевича, по образованию — адвокат, умерший от туберкулеза — *41, 145, 252, 253, 284, 355, 466, 467*

Георгий Михайлович, великий князь (1863–1919) — третий сын великого князя Михаила Николаевича, внук Николая I, генерал-лейтенант, состоял при Ставке Верховного главнокомандующего. Нумизмат, автор известного издания «Русские монеты XVIII и XIX веков», управляющий Русским музеем императора Александра III — *192, 228–230, 272*

Гернгросс Борис Владимирович (1878–1943) — генерал-майор. Окончил Николаевскую академию ГШ (1906), с сентября 1913 г. преподавал в Елизаветградском кавалерийском училище, с ноября 1915 г. и. д. начштаба 3-й донской казачьей дивизии. С февраля 1917 г. командовал 14-м Гусарским полком, позже опять преподавал в том же училище. С 1918 г. в гетманской армии. С сентября начальник того же училища. Во ВСЮР и Русской армии. С 1920 г. опять командовал 14-м Гусарским полком, затем в штабе 2-й кавалерийской дивизии. Галлиполиец. В эмиграции в Югославии, преподавал на Высших военно-научных курсах — *249, 334*

Геруа Александр Владимирович (1870 — после 1944) — генерал-лейтенант (с июля 1917 г.). Окончил Николаевскую академию ГШ (1898), был ранен во время Русско-японской войны (1904–1905), в 1909–1911 гг. был прикомандирован к ГУ ГШ, командовал 7-м Финляндским стрелковым полком (1912–1914), с февраля 1914 г. командир лейб-гвардии Волынского пока, с октября 1916 г. и. д. начштаба 2-й армии, с июля 1917 г. командир XVIII АК, затем начштаба Румынского фронта. С конца 1917 г. служил у красных, был начштаба Северного участка Петроградского района. С марта 1918 г. вел активную работу против большевиков, направляя офицеров в белые войска Северного фронта. В Добрармии, ВСЮР и Русской армии. С октября 1918 г. представитель при генерале Бертелло, с октября 1919 г. начальник русской военной миссии в Бухаресте от ВСЮР. С апреля 1920 г. военный представитель Главного командования и великого князя Николая Николаевича в Румынии. В эмиграции в Румынии, Председатель союза инвалидов. В 1944 г. схвачен и вывезен в СССР — *340*

Геруа Борис Владимирович (1876–1942) — генерал-майор (1915). Окончил Николаевскую академию ГШ (1904), участник Русско-японской войны (1904–1905), помощник делопроизводи-

теля ГУГШ (1909–1912), затем профессор Николаевской военной академии. Георгиевский кавалер. С декабря 1916 г. генерал-квартирмейстер штаба Особой армии, с мая 1917 г. и. д. начальника штаба 11-й армии. Участник выступления Корнилова, арестован, но освобожден. В сентябре 1917 г. вернулся в Николаевскую военную академию в качестве профессора, в конце 1918 г. бежал в Финляндию. Затем во ВСЮР и Русской армии. В эмиграции в Лондоне, в 1931 г. член учебного совета Высших военно-научных курсов в Париже, с 1939 г. председатель Союза офицеров Измайловского полка. Художник. Умер в Англии — *241*

Гершельман Владимир Константинович (1880–1934) — полковник ГШ (с августа 1917 г.). Окончил Императорскую Николаевскую военную академию (1911), участник кампании 1904–1905 гг. Штабс-капитан 5-го Восточно-Сибирского саперного батальона (1910), с ноября 1913 г. старший адъютант штаба 3-й стрелковой бригады, с августа 1915 г. штаб-офицер для поручений при штабе XII АК. В бытность А. Е. Снесаревым начальником штаба XII АК был его помощником. С января 1917 г. и. д. начштаба 68-й пехотной дивизии, затем и. д. начштаба 164-й пехотной дивизии, с августа 1917 г. и. д. начштаба 64-й пехотной дивизии. С весны 1918 г. в РККА, включен в списки Генштаба РККА. В 1931 г. репрессирован — *266, 280, 291, 304, 339, 382*

Гештовт Иван Иванович — генерал-майор (с ноября 1914 г.), в 1910 г. полковник лейб-гвардии Павловского полка в Санкт-Петербурге, с августа 1915 г. командир бригады 3-й Финляндской стрелковой дивизии — *419*

Гизер — подпоручик, полковой адъютант 634-го пехотного Сарыкамышского полка — *409*

Гилленшмидт Яков Федорович, фон (1870–1918) — генерал-лейтенант (с октября 1915 г.), участник Русско-японской войны (1904–1905). Георгиевский кавалер. Командир 17-го драгунского Нижегородского полка (1910). С мая 1912 г. командир 1-й бригады Кавказской кавалерийской дивизии, с июня 1912 г. командир лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка. С марта 1914 г. командир лейб-гвардии Конной артиллерии. С сентября 1914 г. командующий 3-й Донской казачьей, а с октября — 2-й гвардейской кавалерийской дивизией. В декабре 1914 г. командовал крупной кавалерийской группой. С мая 1915 г. командир IV кавалерийского корпуса. В конце 1917 г. вывел корпус на Дон и перевел штаб в Ростов-на-Дону. В январе 1918 г. присоединился к Добрармии. Участник 1-го Кубанского похода. В апреле 1918 г. при отступлении армии от Екатеринодара попал в окружение и при попытке прорыва погиб — *345*

Гильчевский Константин Лукич (1857–19?) — генерал-лейтенант (с июня 1915 г.), участник Русско-турецкой войны (1877–1878). Окончил Николаевскую академию ГШ (1890), с апреля 1913 г. командир бригады Кавказской гренадерской дивизии, с июля 1915 г. командующий 101-й пехотной дивизией, с апреля 1917 г. командир XI АК. После развала армии вернулся в Тифлис к семье. После советизации Грузии в 1921–1922 гг. служил в РККА — *340*

Гильшер Георгий Владимирович (1894–1917) — корнет, летчик-истребитель, один из двух первых летчиков 7-го авиационного отряда истребителей при 3-й авиароте Юго-Западного фронта, созданного приказом от 25 марта 1916 г. В августе 1915 г. закончил летную школу в Гатчине, позже еще и школу в Одессе. Первый бой провел 20 апреля 1916 г.; первую победу одержал 27 апреля 1916 г., сбив самолет противника, за что был награжден орденом Владимира 4-й степени. Упал и получил тяжелые ранения, была оторвана левая ступня. 30 октября 1916 г., с трудом получив разрешение, вернулся в отряд с протезом и научился летать. После гибели И. А. Орлова стал командиром 7-го отряда. Погиб 7 июля 1917 г. в неравном бою — *377*

Гиссер Георгий Георгиевич (1872 — после 1934) — генерал-майор (с апреля 1915 г.). Окончил Николаевскую академию (1899), участник Русско-японской войны (1904–1905). С 1908 г. делопроизводитель ГУ ГШ. В Первую мировую войну командир 197-го пехотного Лесного полка, с ноября 1915 г. начальник штаба II АК. С июня 1917 г. 2-й генерал-квартирмейстер ГУГШ, с ноября 1917 г. профессор Академии ГШ. Дальше на службе в Красной армии — *45, 49*

Гитис (Гиттис Владимир Михайлович) — подполковник. Георгиевский кавалер. Поручик 147-го пехотного Самарского полка 37-й пехотной дивизии (1910), затем батальонный командир (1916) — *194*

Гладкий Сергей Николаевич — командир 655-го пехотного Драгомирчанского полка (1917) — *310, 329, 358, 360*

Гладстон Уильям Юарт (1809–1898) — английский государственный деятель и писатель — *151*

Гладынюк — ресторатор в Киеве, владевший зданием на Фундуклеевской улице — *262*

Гладышко — нижний чин Технического батальона 5-го Инженерного полка XII АК — *283*

Гливенко Константин Гаврилович — полковник (с марта 1916 г.), есаул 2-го Уманского полка Кубанского казачьего войска

(1910), командир 2-го Линейного полка Кубанского казачьего войска (1916–1917) — *286*

Гнида Димитрий Иванович (1859–1920) — генерал-лейтенант (с февраля 1917 г.). Окончил Николаевскую академию ГШ (1887), участник Русско-японской войны (1904–1905). После начала Первой мировой войны с октября 1915 по март 1917 г. начальник 43-й пехотной дивизии. Награжден Георгиевским оружием (1917). После большевистского переворота служил в украинской армии. Участник Белого движения. Арестован и расстрелян — *143, 149, 167, 168, 195, 203, 213, 215*

Гогенцоллерн — Фридрих Вильгельм Виктор Август Эрнст Прусский (Вильгельм III) (1882–1951) — кронпринц Германский и Прусский. Старший сын императора Германии Вильгельма II, последний наследник императорского трона в Германии до падения империи 5 ноября 1918 г. С августа 1915 до 25 ноября 1916 г. — командующий группой армий «Кронпринц Вильгельм», на которую было возложено ведение Верденской операции — *217*

Гогенцоллерны — германская династия швабского происхождения, династия курфюрстов Бранденбурга, затем королей Пруссии, в период с 1871 по 1918 г. прусские короли из династии Гогенцоллернов были одновременно и кайзерами Германии. Католическая ветвь Гогенцоллернов — Гогенцоллерны-Зигмарингены — правила в 1866–1947 гг. в Румынии — *462*

Головин Николай Николаевич (1875–1944) — генерал-лейтенант (с августа 1917 г.), русский военный теоретик, лидер русского военно-теоретического зарубежья. Окончил Николаевскую академию ГШ (1900), секретарь Общества ревнителей военных знаний (1905–1907), профессор Николаевской академии ГШ (1908–1914), с января 1914 г. командир 20-го драгунского Финляндского полка, с октября 1915 г. и. д. начальника штаба 7-й армии, командир корпуса, с апреля 1917 г. и. д. начальника штаба ГК армиями Румынского фронта, с октября 1917 г. в распоряжении министра-председателя и Верховного главнокомандующего А. Ф. Керенского. Георгиевский кавалер. В ноябре 1920 г. эвакуировался во Францию. В эмиграции опубликовал большое количество работ по военной теории и истории, преподавал, выступал с лекциями — *357, 374, 375, 392*

Головин Федор Александрович (1867 или 1868–1937) — земский деятель, один из основателей партии кадетов, член ее ЦК. Председатель 2-й Государственной думы (1907). Деятель «Земгора». Комиссар Временного правительства (1917). После Октябрьской революции работал в советских учреждениях. Репрессирован — *332*

Голубинская — вероятно, жена или мать Голубинского (см.) — *54*

Голубинский — хорунжий 2-й Казачьей сводной дивизии, был убит под Бучачем 10 августа 1914 г. — *156*

Гольдберг — старший адъютант по хозяйственной части 12-й пехотной дивизии — *269*

Гомляков — наблюдатель 3-й батареи 3-й Финляндской стрелковой дивизии, младший фейерверкер артиллерийской бригады — *431*

Гонтр Карл — полковник, командующий 1-й Латышской стрелковой бригадой. Георгиевский кавалер — *272*

Гончаренко Георгий Иванович — полковник (1912), с октября 1915 г. командир 19-го драгунского Архангелогородского полка. Георгиевский кавалер — *237*

Горбатовский Владимир Николаевич (1851–1924) — генерал от инфантерии (с августа 1914 г.), участник Русско-турецкой (1877–1878) и Русско-японской войн (1904–1905). С апреля 1905 г. начальник Алексеевского военного училища. Во время Первой мировой войны командовал XIX АК, с июня 1915 г. — 13-й армией, с марта 1916 г. командующий 6-й, а с декабря 1916 г. — 10-й армией. Георгиевский кавалер. С апреля 1917 г. в резерве. В 1919 г. эмигрировал в Финляндию, затем жил в Эстонии. Являлся главой объединения русских офицеров в Эстонии и местной монархической организации — *271*

Горский Александр Николаевич (1865 — после 1922) — генерал-майор (с марта 1916 г.). Окончил Николаевскую академию ГШ (1896), участник кампании 1904–1905 гг., начальник штаба 11-й пехотной дивизии (1904–1910), затем командир 121-го пехотного Пензенского полка, с марта 1914 г. командир 17-го пехотного Архангелогородского полка, с июня 1916 г. командир 161-го пехотного запасного полка. С мая 1917 г. в резерве, затем с сентября начальник 14-й пехотной запасной бригады. Георгиевский кавалер. Участник Белого движения. Служил во ВСЮР. Эмигрировал в Югославию — *437*

Горький Максим (1868–1936) — литературный псевдоним Алексея Максимовича Пешкова — русский писатель, прозаик, драматург — *105*

Гостев — штабс-капитан, командир 13-й роты 4-го батальона 133-го пехотного Симферопольского полка (январь 1917 г.) — *324*

Гречко Александр Андреевич (1862–1919) — генерал-майор (с апреля 1908 г.). Окончил Александровскую военно-юридическую академию (1889), с февраля 1908 г. военный судья Киевского ВО. Председатель суда 8-й армии. В 1918 г. в гетманской армии,

помощник председателя Военного суда. Расстрелян большевиками в Киеве — *235*

Григорий Васильевич — см. *Покровский Г. В.*

Григоров Александр Михайлович (1868 — после 1931) — товарищ А. Е. Снесарева по службе в Туркестане (1901–1903), где служил старшим адъютантом штаба Туркестанского ВО. Окончил Николаевскую академию ГШ (1897). Полковник, начальник штаба 45-й пехотной дивизии (1910). Во время Первой мировой войны попал в плен, будучи командиром 2-го пехотного Софийского полка. В РККА. С марта 1920 г. в распоряжении Наштазапа, затем на других штабных должностях Западного фронта. Включен в список ГШ РККА от 7 августа 1920 г. Преподаватель московских гражданских вузов (1910). Проходил по делу «Весна». Запрет проживания в 12 крупных населенных пунктах СССР — *49, 97*

Григорьев — командир 75-го пехотного Севастопольского полка (февраль 1917 г.) — *309*

Григорьев Владимир Николаевич (1851–19?) — генерал от кавалерии (1912), участник кампании 1877–1878 гг., окончил Николаевскую академию ГШ (1882), находился при штабе Казанского ВО (1882–1891), начштаба 15-й кавалерийской дивизии (1891–1896), командовал 19-м драгунским Кинбурнским полком, начальник штаба Варшавской крепости (1900–1905), потом комендант Очаковской крепости, комендант Севастопольской крепости (1907–1909), с марта 1909 г. комендант Ковенской крепости. 24 июля (6 августа) 1915 г. крепость была обложена германскими войсками. Григорьев, бросив подчиненные ему войска, бежал. 4 (17) августа крепость была сдана. Потери составили 20 тыс. человек и 405 крепостных орудий. Двинский военно-окружной суд признал Григорьева виновным в том, что он не подготовил крепость к обороне, а когда неприятель ворвался в нее, «самовольно» покинул свой пост. Приговорен к 15 годам каторжных работ — *449*

Гримм Фридрих Мельхиор, барон (1723–1807) — немецкий публицист эпохи Просвещения, критик и дипломат, многолетний корреспондент императрицы Екатерины II. Их переписка на французском языке опубликована — *294*

Гришинский Алексей Самойлович (1872–19?) — генерал-майор (с июня 1915 г.). Окончил Николаевскую академию ГШ (1898), находился при штабе Московского ВО (1900–1911), затем начштаба 2-й Гренадерской дивизии, командующий Гвардейской стрелковой дивизией (1911–1913), затем командир 9-го пехотного Ингерманландского полка, с апреля 1913 г. командир 11-го гренадерского Фанагорийского полка, с июля 1915 г. генерал для

поручений при командующем 4-й армией. С января 1916 г. принял командование Гренадерским лейб-гвардии полком, с июля 1916 г. начальник штаба II Гвардейского корпуса, с апреля по август 1917 г. — командир гвардейской стрелковой дивизии, затем генерал для поручений при ВГ. Георгиевский кавалер. В РККА. Был сотрудником Военно-исторической комиссии; младшим инспектором Высшей военной инспекции; состоял в комиссии по переработке уставов (с августа 1919). Занимал должность начальника Военно-редакционного отделения Военно-научного отдела Военной академии РККА. Включен в списки ГШ РККА от 1919 и 1920 гг. В 1923 г. преподаватель истории войны 1914–1918 гг. Военной академии РККА — *419*

Груббе — офицер штаба 64-й пехотной дивизии — *98*

Грузенберг Оскар Осипович (Израиль Иосифович) (1866–1940) — российский юрист и общественный деятель. Брат философа и психолога С. О. Грузенберга. Вел уголовные дела и выступал защитником известных писателей, общественных и политических деятелей (М. Горького, В. Г. Короленко, К. Чуковского, П. Н. Милюкова, Л. Троцкого). В 1913 г. был одним из защитников М. Бейлиса на процессе по делу о ритуальном убийстве. Был членом конституционно-демократической партии. Во время революции 1917 г. был избран во Всероссийское учредительное собрание по еврейскому национальному списку. С 1920 г. в эмиграции, был сотрудником «Современных записок». Жил в Берлине (1921–1923). Жил в Риге (1926–1932), где занимался практикой и основал ежемесячный юридический журнал «Закон и суд», существовавший до 1938 г. Последние годы жизни во Франции — *348*

Грузинов Александр Евграфович (1873–1919?) — военный и земский деятель, член «Союза 17 октября», полковник (апрель 1917 г.), член Московской губернской земской управы (1907–1909, 1910–1912), с октября 1915 г. председатель земства Московской губернии. В 1917 г. по предложению Комитета общественных организаций при Московской городской думе командовал войсками Московского гарнизона, 10 марта 1917 г. приказом по армии и флоту назначен командующим войсками Московского ВО (март — май 1917 г.), начальник народной милиции — *369, 424, 425*

Гужов — полковник, командир полка 159-й пехотной дивизии — *404, 423, 452*

Гулдари — поручик — *348*

Гулевич Арсений Анатольевич (1866–19?) — генерал-лейтенант (1914). Окончил Николаевскую академию ГШ (1892), делопроизводитель при Главном штабе (1898–1901), экстра-

ординарный профессор Академии ГШ (1899–1904), делопроизводитель канцелярии Военного министерства (1901–1905), начальник канцелярии Совета Государственной обороны (1905–1908). Командир лейб-гвардии Преображенского полка (1908–1912), ординарный профессор Николаевской военной академии (1904–1913). С февраля 1913 г. начштаба войск гвардии и Петербургского ВО, заслуженный профессор Николаевской военной академии, с марта 1916 г. командир XLII АК, командовал XLV АК. С апреля 1917 г. командир XXI АК, с сентября 1917 г. в резерве — *341*

Гулин — штабс-капитан, командир 1-го батальона 636-го пехотного Сокольского полка — *423, 446*

Гулыга Иван Емельянович (1859–1927) — генерал-майор (1912). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899). Участник Русско-турецкой (1877– 1878) и Русско-японской войн (1904–1905). Командир 15-го Сибирского стрелкового полка (1906–1912). Начальник 1-й Кубанской пластунской бригады. В Добровольческой армии, в 1918 г. командующий Кубанской армией. Участник 1-го Кубанского похода. Затем в Донской армии. В эмиграции. Умер в Югославии — *46*

Гурко (Ромейко-Гурко) Василий Иосифович (1864–1937) — генерал от кавалерии (1916), сын фельдмаршала Ромейко-Гурко, героя России и Болгарии. Окончил Николаевскую академию ГШ (1892). Участник Памирской экспедиции 1892 г., участник Русско-японской войны (1904–1905). Председатель Комиссии по описанию Русско-японской войны (1905–1911). Перед войной командовал 1-й кавалерийской дивизией (с марта 1911 г.). Командовал VI корпусом (1915). В феврале 1916 г. командующий 5-й армией. С октября 1916 по февраль 1917 г. начальник штаба ВГ, затем — ГК армиями Западного фронта. В мае 1917 г. был смещен на должность начальника дивизии, а в сентябре 1917 г. был выслан за границу по распоряжению Временного правительства. Отказался возглавить белые армии. Умер и похоронен в Риме — *126, 150, 260, 271*

Густавсон Юл. Алекс — *483, 485*

Гутор Алексей Евгеньевич (1868–1938) — генерал-лейтенант (1914). Окончил Николаевскую академию ГШ (1895), с 1900 г. преподавал военные науки в Московском военном училище. Участник Русско-японской войны (1904–1905), был ранен. С июля 1914 г. начштаба 4-й армии, с апреля 1915 г. начальник 34-й пехотной дивизии. С марта 1916 г. командир VI АК. Георгиевский кавалер. После Февральской революции командующий 11-й армией. С 22 мая 1917 г. ГК армиями Юго-Западного фронта, с 10 июля

1917 г. в распоряжении ВГ. С августа 1918 г. в РККА. Председатель Главной уставной комиссии, преподаватель Военно-педагогических курсов. С мая 1920 г. член Особого совещания при ГК. С августа 1920 г. для поручений при ГК по Сибири. В списках ГШ РККА от 1919 и 1920 гг. В 1920 г. был арестован в Омске, отправлен в Москву и заключен в Бутырскую тюрьму, за недоказанностью обвинения был освобожден. С марта 1922 г. лектор в Военной академии, в 1923 г. ст. руководитель по стратегии Военной академии РККА. С 1927 г. преподаватель высших военно-учебных заведений РККА. В 1931 г. уволен со службы, в 1938 г. репрессирован. Реабилитирован — *74, 271, 340, 387*

Гучков Александр Иванович (1862–1936) — один из основателей партии октябристов, с марта 1910 г. депутат III Государственной думы, ее председатель, председатель Центрального военно-промышленного комитета (1915–1917), с 1915 г. член Государственного совета, участник Особого совещания по обороне, в марте — мае 1917 г. военный и морской министр Временного правительства. Своими приказами способствовал разложению дисциплины и подчиненности в армии. С 1918 г. в эмиграции — *25, 233, 339, 344, 345, 347, 350, 354, 363, 366–368, 370, 374, 375, 378, 381, 396, 411, 417, 418, 446, 447, 472, 488*

Давыдов Александр Федорович (1871–1915?) полковник (1906). Окончил Николаевскую академию ГШ (1908), с июня 1912 г. командир 8-го стрелкового полка, убит на войне — *47*

Даниленко Игнат Семенович (р. 1932) — доктор философских наук, профессор, генерал-майор, военный демограф, академик РАЕН. Автор более 200 публикаций по общественно-политической и исторической тематике, разработчик и научный руководитель издательского проекта «Антология отечественной военно-политической мысли». Один из наиболее активных популяризаторов наследия А. Е. Снесарева — *34, 35*

Данилов — солдат, связист роты в 75-м пехотном Севастопольском полку 19-пехотной дивизии — *314*

Данилов — штабс-капитан, командир 5-й роты 2-го батальона 133-го пехотного Симферопольского полка (январь 1917 г.) — *324*

Данилов Николай Александрович (1867–1934) — генерал от инфантерии (1914), российский военный деятель. Имел в русской армии прозвище Данилов-рыжий, в отличие от сослуживцев — генералов Данилова-черного и Данилова-белого. Окончил Николаевскую академию ГШ (1893), с апреля 1911 г. начальник канцелярии Военного министерства, с сентября 1912 г. заслуженный профессор Академии ГШ, с июня 1916 г. командир X АК, с июля 1917 г. командующий 2-й армией. В 1918 г. добровольно

вступил в РККА. С декабря 1919 г. преподаватель Академии ГШ. С августа 1921 г. декан военно-экономического факультета Военно-инженерной академии. Затем профессор Военной академии РККА, преподавал в Ленинградском институте инженеров путей сообщения. Инспектор штаба РККА (1931–1933). Умер в Ленинграде. Автор трудов по военной истории и теории — *340*

Данилов Юрий (Георгий) Никифорович (1866–1937) — генерал от инфантерии, военный историк. Окончил Киевский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Академию ГШ (1892), с июля 1909 г. генерал-квартирмейстер ГШ, с 1910 г. председатель крепостной комиссии при ГУГШ, генерал-квартирмейстер Ставки ВГ (1914–1915), с августа 1915 г. командир XXV АК. С августа 1916 г. начштаба армий Северного фронта. С апреля 1917 г. командующий 5-й армией, затем в резерве чинов. Имел прозвище «черный», в отличие от Даниловых «рыжего» и «белого». Участник Белого движения. С 1920 г. в эмиграции в Париже. Автор ряда трудов по военной истории, воспоминаний — *96, 321*

Даниченко — подполковник, во время войны попал в плен — *49*

Дашкова Екатерина Романовна (1743 или 1744–1810) — урожденная Воронцова, подруга и сподвижница императрицы Екатерины II, участница государственного переворота 1762 г. Одна из заметных личностей российского Просвещения. Представляют интерес ее мемуары о времени правления Петра III и о воцарении Екатерины II, изданные в 1840 г. в Лондоне — *293*

Дебертини — капитан, офицер итальянской делегации, посетившей в 1916 г. 64-ю пехотную дивизию — *114, 115*

Дейч Александр Иосифович (1893–1972) — советский писатель, литературовед, театральный критик, переводчик — *96*

Дементьев Александр Александрович — начальник команды связи 133-го пехотного Симферопольского полка (июнь 1915 г.), в январе 1917 г. штабс-капитан, командир 1-й роты 1-го батальона того же полка — *324*

Демидов — командир 4-го батальона 255-го Аккерманского полка 64-й пехотной дивизии (1916) — *151*

Демидов Игорь Платонович (1873–1946) — общественно-политический деятель, журналист, прозаик. Окончил Демидовский лицей в Ярославле и юридический факультет Московского университета. Депутат 4-й Государственной думы, член ЦК кадетской партии. В феврале 1917 г. назначен комиссаром в Министерство земледелия, комиссар Временного правительства на Юго-Западном фронте, член Предпарламента, член «Национального центра». Эмигрировал во Францию. Умер в Париже — *383, 394*

Демченко Всеволод Яковлевич (1875–1933) — русский инженер, предприниматель и политический деятель. Принимал участие в строительстве Киево-Полтавской железной дороги. В 1902 г. начал заниматься предпринимательством. Один из лидеров Киевского клуба русских националистов, в 1912 г. избран депутатом Государственной думы IV созыва. Входил во фракцию националистов, затем один из лидеров фракции «прогрессивных националистов», высказывался за сотрудничество с октябристами и прогрессистами. С августа 1915 г. член Особого совещания по перевозке топлива, продовольственных и военных грузов, руководил снарядным заводом. После Февральской революции Киевский уездный комиссар Временного правительства. В 1918 г. сотрудничал с администрацией гетмана Скоропадского. В ноябре 1918 г. принимал участие в совещании с представителями Антанты в Яссах. С 1919 г. в эмиграции — *234*

Деникин Антон Иванович (1872–1947) — русский военачальник, товарищ А. Е. Снесарева по выпуску из Академии ГШ (1899), герой Русско-японской (1904–1905) и Первой мировой войн, генерал-лейтенант Генерального штаба (1916), первопоходник, один из главных руководителей Белого движения в годы Гражданской войны: командир Добровольческой армии (1918–1919) и ГК Вооруженными силами Юга России (1919–1920), заместитель Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А. В. Колчака (1919–1920). Писатель, мемуарист, публицист и военный документалист — *43, 46, 340*

Дербенев — вероятно, один из устюжских купцов Дербеневых: Михаил, Григорий или Иван — *356*

Деревицкий Алексей Николаевич (1859–1943) — общественный деятель, ученый-историк, педагог. В Санкт-Петербургском университете получил степень магистра (1889), в Харьковском — доктора греческой словесности (1891), экстраординарный профессор (1892). Читал курсы классической филологии, историю и теорию искусств. В Новороссийском университете (г. Одесса) декан исторического факультета (1893), затем ректор (1903–1905). Попечитель Казанского учебного округа (1905). При его участии был открыт Саратовский университет (1909), изданы учебники на родном языке. Попечитель Киевского учебного округа (1911). В 1917 г. член Государственного совета. Ушел в отставку и поселился в Крыму в 1917 г. Участвовал в организации Таврического университета (1918), был деканом историко-филологического факультета, читал лекции по истории Востока. Профессор кафедры истории искусств Крымского института специальных культур (1923). Продолжал педагогическую работу до 1934 г. — *234*

Дешевов, возможно, Павел Александрович — штабс-капитан 30-го Восточно-Сибирского стрелкового полка (1910). В марте 1917 г. офицер штаба XII АК — *375*

Джонсон Герберт Георгиевич (1857–1919) — генерал-лейтенант (с января 1915 г.). Окончил Николаевскую академию ГШ (1895), начальник штаба войск Семиреченской области (1911–1913), с февраля 1913 г. командир бригады 25-й пехотной дивизии, будучи начальником 27-й пехотной дивизии попал в плен (февраль 1915 г.). Участник Белого движения. В Южной, затем в Донской армии. В 1919 г. начальник штаба 2-й Донской отдельной добровольческой бригады. Покончил самоубийством в окружении под Борисоглебском — *48*

Джунковский Владимир Федорович (1865–1938) — российский политический, государственный и военный деятель; адъютант великого князя Сергея Александровича (1891–1905), московский вице-губернатор (1905–1908), московский губернатор (1908–1913), командир Отдельного корпуса жандармов и товарищ министра внутренних дел (1913–1915), с декабря 1915 г. командир 8-й Сибирской стрелковой дивизии, генерал-лейтенант (апрель 1917), принимал активное участие в паспортизации СССР, расстрелян — *243*

Дзевановский Вячеслав Андреевич (1870–1944) — генерал-майор (с декабря 1915 г.). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899), с января 1909 г. заведующий передвижением войск Одесского района, с октября 1916 г. начальник военных сообщений армий Юго-Западного фронта, с февраля 1917 г. в распоряжении начальника ГШ. В Добрармии и ВСЮР. Начальник военных сообщений Крымско-Азовской добровольческой армии. Март 1919 г. — начальник военной миссии в Италии, затем в резерве чинов. В эмиграции в Болгарии, затем в Польше. Убит в августе 1944 г. в Варшаве — *44*

Димитрий Федорович — см. *Гейден Димитрий Федорович*.

Дмитриев Август Александрович (1860–1919) — генерал-лейтенант (1913). Окончил Николаевскую академию ГШ (1891), Офицерскую кавалерийскую школу. Служил в канцелярии Военно-Ученого комитета. До 1914 г. служил в Пограничной страже. В 1916 г. в распоряжении Командующего 7-й армией. С ноября 1916 по 15 апреля 1917 г. начальник 4-й пехотной дивизии, с 15 по 25 апреля 1917 г. и. д. командира VI АК. Служил в РККА. Состоял членом Петроградского отделения подпольной антисоветской организации Национального центра. Арестован органами ЧК в Петрограде. Расстрелян — *340*

Дмитриев, вероятно, Петр Гаврилович (1860–1917) — генерал-майор (1915). Окончил Военно-топографическое училище, Николаевскую инженерную академию. До войны на штабных и командных должностях в саперных бригадах. С 05 июня 1910 г. командир 22-го саперного батальона. На 10 июля 1916 г. в той же должности. Георгиевский кавалер, награжден 1 апреля 1917 г. посмертно — *480*

Димитрий — солдат, вероятно, 466-го пехотного Малмыжского полка — *376*

Днепровский В. — псевдоним корреспондента газеты «Армейский вестник» Ивана Даниловича Швец-Шевченко, написавшего ряд статей о боевой деятельности А. Е. Снесарева после посещения окопов в феврале 1917 г. — *297, 326*

Добророльский Сергей Константинович (1867–1930) — генерал-лейтенант (с августа 1917 г.). Окончил Николаевскую академию ГШ (1894), командир 165-го пехотного Луцкого полка (1910 г.), в начале войны — начальник мобилизационного отдела ГШ. С июня 1915 г. начальник 78-й дивизии, с июля по август 1917 г. командир XLV, а затем — X АК. Затем начальник штаба 3-й армии у генерала Радко-Дмитриева. Участвовал в Белом движении. В Гражданскую войну командовал войсками Черноморского побережья. Работал в редакции журнала «Война и мир», издававшегося в Берлине. В 1923 г. вернулся в СССР. По ряду сведений застрелился — *105, 108, 113, 195, 341*

Добротин Константин Александрович — адъютант, офицер штаба 47-го Украинского пехотного полка (август 1916 г.) — *92, 94*

Довбор-Мусницкий Иосиф (Юзеф) Романович (1867–1937) — русский и польский генерал. Окончил Николаевскую академию ГШ (1902), участник Русско-японской войны (1904–1905), начштаба 11-й, затем 7-й пехотной дивизий (1910–1912), командовал XXXVIII АК. С августа 1917 г. командующий I польским корпусом. В январе 1918 г. отказался подчиняться советскому правительству, по соглашению с германским командованием корпус оставался в Белоруссии, где выполнял функции оккупационных войск. В мае 1918 г. расформировал корпус и вывел его остатки в Польшу. Командовал частями польских повстанцев во время Великопольского восстания. Был одним из наиболее влиятельных политических противников Пилсудского. В 1920 г. был вынужден выйти в отставку. Польский генерал брони (1920). Написал воспоминания — *341, 342, 406*

Довгирд Стефан Агатонович (1871–1918) — генерал-майор (1915), товарищ А. Е. Снесарева по выпуску из Николаевской академии ГШ (1899 г.). Начштаба 8-й Сибирской стрелковой

дивизии (1908–1913), с мая 1913 г. командир 18-го Туркестанского стрелкового полка, затем командир бригады 40-й пехотной дивизии. В 1916 г. начальник штаба 59-й пехотной дивизии, затем Гренадерского корпуса, позже командир Гренадерского корпуса. С 23 июня 1917 г. командующий 2-й Гренадерской дивизией. Весной и летом 1918 г. член Союза защиты Родины и свободы в Москве. Расстрелян — *45, 49*

Долгоруков Павел Дмитрий (1866–1927) — князь, русский политический деятель, один из лидеров Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы), член II Государственной думы — *229*

Долинин Моисей — прапорщик 167-го пехотного Острожского полка, геройски погибший во время войны и ставший георгиевским кавалером посмертно — *332*

Домбровский, вероятно, Алексей Владимирович (1882–1954) — командир Кронштадтской дружины, русский и советский военачальник. Окончил Морской кадетский корпус (1901), минные офицерские классы (1909) и Морскую академию (1914). Участник Русско-японской войны (1904–1905), служил в Минной дивизии Балтийского флота. В Первую мировую войну участвовал в боях на Балтике. На 1 марта 1917 г. командир миноносца «Капитан Изыльметьев». С июня 1917 г. командир линкора «Полтава». После Октябрьской революции перешел на сторону большевиков. С июля 1918 г. начальник 1-й бригады линкоров, а с февраля 1919 г. начальник штаба Балтийского флота. С апреля 1920 г. начальник Морских сил Черного и Азовского морей. Начальник Морского штаба Республики (1921–1925), помощник начальника курсов усовершенствования командного состава флота (1925–1926), помощник начальника Военно-морской академии (1926–1928) — *464*

Дон Кихот — герой одноименного романа Мигеля де Сервантеса — *229*

Дорман, вероятно, Михаил Антонович (1868–1918) — генерал-майор (с января 1915 г.). Окончил Николаевскую академию ГШ (1900), участник кампании 1904–1905 гг., начштаба 1-й пехотной дивизии (1904–1910), с августа 1910 г. командир 140-го пехотного Зарайского полка, с января 1915 г. начальник штаба XXI АК. С января 1917 г. командующий 185-й пехотной дивизией. Приговорен к расстрелу 17 сентября 1918 г. по обвинению в участии в контрреволюционном заговоре — *412*

Достоевский Федор Михайлович (1821–1881) — великий русский писатель, один из любимых писателей А. Е. Снесарева — *42, 50, 154, 173*

Драгомиров Абрам Михайлович (1868–1955) — генерал от кавалерии (1916), старший сын генерала от инфантерии Драгомирова М. И., брат Драгомирова В. М. Окончил Николаевскую академию ГШ (1893). Во время Первой мировой войны занимал крупные командные должности, с августа 1916 г. командовал 5-й армией, с апреля 1917 г. ГК войсками Северного фронта. Георгиевский кавалер. Участник Белого движения, с августа 1920 г. помощник верховного руководителя Добровольческой армии, с 1920 г. — в эмиграции в Югославии, затем Франции. Председатель общества офицеров ГШ. В годы Второй мировой войны в резерве чинов при РОА. Умер во Франции — *124, 126, 159, 271, 322*

Драгомиров Владимир Михайлович (1867–1928) — генерал-лейтенант (1913), брат Драгомирова А. М. Окончил Николаевскую академию ГШ (1886), участник Русско-японской войны (1904–1905), с августа 1912 г. начальник штаба Киевского ВО, с 23 марта по 8 мая 1915 г. начальник штаба ГК армиями Юго-Западного фронта, затем в распоряжении ВГ, с августа 1915 г. командовал VIII, а с октября 1916 г. XVI АК, с апреля 1917 г. в резерве. Уволен со службы «за болезнью» в августе 1917 г. Георгиевский кавалер. Во ВСЮР. Участник Бредовского похода. В эмиграции в Югославии. Умер в Сербии — *110, 126, 201, 241, 251, 290, 340, 406*

Древинг Петр Федорович (1869–1914) — полковник (1908). Окончил Николаевскую академию ГШ (1898), участник Русско-японской войны (1904–1905), с апреля 1913 г. начштаба 2-й Гренадерской дивизии, погиб на войне — *48*

Дрейшпуль М. — владелец типографии в Харькове — *422*

Дренясов — прапорщик 76-го пехотного Кубанского полка — *326*

Дроздов — подполковник — *97*

Дружинин, вероятно, Федор Михайлович — генерал-майор, погиб на войне. Подполковник 5-го пехотного сибирского резервного Иркутского полка (1910) — *48*

Дубровин Александр Иванович (1855–1921) — русский врач и общественный деятель. Окончил петербургскую Медико-хирургическую академию (1879), военный врач. С 1889 г. работал в детских приютах столицы. С 1905 г. председатель Главного совета «Союза русского народа», издатель и редактор партийной газеты «Русское знамя». С 1912 г. организатор и пожизненный председатель «Всероссийского дубровинского союза русского народа». После Февральской революции арестован по обвинению в убийстве Герценштейна и в причастности к убийствам членов Госдумы Г. Б. Иоллоса и А. Л. Караваева, а также двум покушениям на жизнь С. Ю. Витте. Допрашивался Чрезвычайной следствен-

ной комиссией (ЧСК) Временного правительства, не нашедшей в деятельности Дубровина «ничего уголовного». 14 октября 1917 г. освобожден из-под содержания под стражей. Вновь арестован в Москве 21 октября 1920 г. Расстрелян — *307*

Дудышкин Александр Яковлевич (1881–1953) — полковник, военный инженер — *335*

Думброва Лев Трофимович (1865–1917) — генерал-майор (1915), сослуживец Андрея Евгеньевича по Главному управлению генерал-квартирмейстера. Окончил Николаевскую академию ГШ (1901). С 1910 г. начальник штаба 48-й, затем 34-й пехотной дивизии (1914). С апреля 1916 г. в резерве. Скоропостижно скончался — *63, 151*

Дуров Алексей Алексеевич — кадет, член Государственной думы 4-го созыва, после Февральской революции выезжал в войска с целью агитации за продолжение войны — *383, 394, 395*

Дуров Николай Николаевич (1862–19?) — генерал-майор (1912). Окончил Николаевскую академию ГШ (1893), далее на штабных должностях, участник военных действий против Китая, кампании 1904–1905 гг., командир 6-го драгунского Глуховского полка (1908–1912), с мая 1912 г. командир 1-й бригады 7-й кавалерийской дивизии, затем командир самой дивизии. С июля 1917 г. в резерве — *421*

Духонин Николай Николаевич (1876–1917) — русский военачальник, генерал-лейтенант (1917). Окончил Владимирский Киевский кадетский корпус (1894), 3-е Александровское военное училище, Николаевскую академию ГШ (1902). С июля 1914 г. старший адъютант отдела генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии. Георгиевский кавалер. С апреля 1915 г. командовал 165-м Луцким пехотным полком. С декабря 1915 г. помощник генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта, затем генерал-квартирмейстер штаба Юго-Западного фронта. В июне — августе 1917 г. начштаба Юго-Западного, в августе — сентябре 1917 г. — Западного фронтов. С 23 сентября 1917 г. начштаба ВГ А. Ф. Керенского. После бегства Керенского с 3 ноября — ИО ВГ. После отказа 9 ноября 1917 г. вступить в мирные переговоры с австро-германским командованием, был снят Сталиным, Лениным и Крыленко с поста ГК. 19 ноября 1917 г. распорядился освободить из тюрьмы Корнилова, Деникина и других арестованных после Корниловского мятежа. 20 ноября 1917 г. был арестован и зверски убит. Похоронен в Киеве — *22, 26, 264, 271, 406, 480*

Душкевич Александр Александрович (1880–1938) — генерал от инфантерии (1915), участник Русско-японской войны (1904–1905), окончил Императорскую Николаевскую военную академию

(1912). Георгиевский кавалер. С декабря 1915 г. штабс-офицер для поручений управления генерал-квартирмейстера штаба ГК армиями Западного фронта. Во время боя под Сольдау сменил генерала Л. К. Артамонова на посту начальника I АК. С апреля 1916 г. в резерве, с февраля 1917 г. и. д. начштаба 9-й пехотной дивизии. Добровольно вступил в РККА. В период 6 марта — 3 июля 1919 г. начштаба 13-й армии. В распоряжении РВС Южфронта. В августе 1919 — мае 1920 г. начштаба 9-й армии (в период 09 февраля — март 1920 г. врид командующего 9-й армией). В списках ГШ РККА от 1919 и 1920 гг. В распоряжении начальника Полевого штаба РВСР. С февраля 1921 г. помначуправления по обучению войск Штаба РККА. Начальник Главного управления трудовыми частями республики (1923). С 1924 г. в отставке. На 1937 г. начальник группы спецзаказов спецотдела Наркомата земледелия СССР. Репрессирован в 1937 г. — *335*

Евсеев Михаил Иосифович — капитан, командир 3-го батальона 253-го Перекопского полка — *209*

Егоров — нижний чин технического батальона 5-го Инженерного полка — *283*

Егоров Александр Иванович (1876–1914) — полковник (1911). Окончил Николаевскую академию ГШ (1903), был ранен во время Русско-японской войны (1904–1905), с марта 1909 г. штаб-офицер для поручений при штабе Туркестанского ВО, погиб на войне — *48*

Егоров Егор (псевдоним **Егора Егоровича** (Георгия Георгиевича) **Елчанинова**) (1873–1920) — военный писатель-юморист начала XX в., брат профессора Академии ГШ А. Г. Елчанинова. Командир 3-й батареи 37-й артиллерийской бригады (1914), полковник (с июля 1915 г.). В белой армии — генерал-майор. Начальник гарнизона г. Севастополя (1920) — *318, 325*

Ежевский, вероятно, Казимир Антонович — полковник (с августа 1914 г.), офицер 91-го пехотного Двинского полка — *391*

Ейка (Евгения) — см. *Снесарева Евгения Андреевна.*

Екатерина II Алексеевна (1729–1796) — российская императрица с 1762 г., урожденная Софья Фредерика Августа Ангальт-Цербстская. Пришла к власти в результате дворцового переворота и свержения с престола ее мужа Петра III. При Екатерине Великой значительно расширилось Российское государство, усилилась власть дворянства — *293–296*

Елчанинов Андрей Георгиевич (1868–1918) — брат писателя Егора Егорова (Елчанинова), генерал-лейтенант (1915). Окончил Николаевскую академию ГШ (1894). С апреля 1909 г. ординарный профессор Академии ГШ. Начальник крепостной части ГУ ГШ

и член артиллерийского комитета (1910–1913), с сентября 1914 г. начальник штаба Новогеоргиевской крепости, с марта 1915 г. начальник 10-й Сибирской стрелковой дивизии, с июля 1917 г. командир VIII АК. Автор статей в военных журналах, трудов и переводов по военной истории и науке. С октября 1917 г. командующий войсками Одесского ВО. Убит большевиками — *108, 340*

Ельшин Александр Яковлевич (1865–1918) — генерал-лейтенант (с октября 1915 г.). Окончил Николаевскую академию ГШ (1894), начальник штаба Керченской крепости (1900–1903), участник кампании 1904–1905 гг., начальник военных сообщений Приамурского, затем Иркутского ВО (1904–1907), помощник обер-квартирмейстера ГУГШ (1908–1909), затем начальник военных сообщений Одесского ВО, начштаба XXII, а затем XXV АК, с декабря 1913 г. комендант Михайловской крепости, с сентября 1915 г. командующий 42-й пехотной дивизией, с апреля 1917 г. командир XX АК. Умер в Ташкенте — *341*

Епанчин Николай Алексеевич (1857–1941) — генерал от инфантерии (1913). Участник кампании 1877–1878 гг. Окончил Николаевскую академию ГШ (1882), далее на штабных должностях, экстраординарный профессор Николаевской академии ГШ (1901–1903), директор Пажеского корпуса (1900–1907), начальник 42-й пехотной дивизии (1907–1913), с 1913 г. командир III АК, уволен со службы в 1915 г., с марта 1917 г. командующий 5-й Финляндской стрелковой дивизией, с апреля 1917 г. в резерве, с октября уволен. В 1920 г. с остатками войск Врангеля эвакуировался в Турцию, а оттуда в Германию. С 1923 г. во Франции. Участвовал в деятельности Русского общевоинского союза (РОВС), руководил унтер-офицерскими курсами РОВСа в Ницце. Автор ряда военно-исторических трудов — *289*

Ермолаев Мефодий Николаевич (1872–19?) — полковник (1908), при Главном инженерном управлении (с 1908), с июня 1916 г. и. д. начальника инженеров 12-й армии — *54*

Ермолов Александр Петрович (1754–1836) — генерал-поручик, фаворит императрицы Екатерины II в 1785–1786 гг. — *294, 295, 388*

Ефанов Осип (Иосиф Павлович) (?–1964) — урядник, приказный и вестовой Андрея Евгеньевича еще со времени Каменец-Подольска, женившийся на служанке Снесаревых Татьяне Проскуряковой — *54, 74, 86, 92, 93, 253, 268, 273, 276, 376, 471, 472*

Ефимов Николай Павлович (1872–1943) — генерал-лейтенант (1919). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899), участник похода против Китая (1900–1901), участник Русско-японской войны (1904–1905), начальник штаба 43-й, затем

29-й пехотной дивизии (1912–1914), с января 1916 г. начальник штаба 23-й пехотной дивизии, с ноября 1916 г. начальник штаба V Кавказского АК. В Добрармии и ВСЮР. Начальник штаба I АК, с мая по декабрь 1919 г. начальник штаба Добрармии, затем в распоряжении ГК ВСЮР. В эмиграции в Югославии, затем во Франции — *44*

Ещенко Николай Димитриевич (1876–19?) — штабс-капитан (1909) Владивостокского крепостного минного батальона (1910). Окончил Императорскую Николаевскую военную академию (1912), обер-офицер для поручений при штабе XII АК (1914). Штаб-офицер для поручений штаба XXXIII АК (с июня 1916 г.), с мая 1917 г. и. д. начштаба 159-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. В 1918 г. в гетманской армии, войсковой старшина, с августа 1918 г. начальник управления военных коммуникаций, затем начальник штаба пехотной дивизии, полковник. В 1919 г. генерал армии Украинской Народной Республики. В эмиграции в Югославии — *387, 390, 440*

Жанэ (Жанен) Морис (1862–1946) — французский военный деятель и дипломат. Окончил Французскую академию Генерального штаба (1892), дивизионный генерал (1916). В 1891–1892 гг. и в 1910–1911 гг. стажировался в России, второй раз при Императорской Николаевской военной академии. Автор исследований о Русско-турецкой (1877–1878) и Русско-японской (1904–1905) войнах. Во время Первой мировой войны командовал пехотным полком 135-й бригады, 55-й пехотной бригадой, был помощником заместителя начальника ГШ. С весны 1916 г. возглавлял чрезвычайную французскую военную миссию в России при Ставке ВГ русской армии. В конце 1917 г. отозван во Францию. 24 августа 1918 г. назначен командующим войсками Антанты в России. С ноября 1918 г. начальник французской военной миссии при Российском правительстве адмирала А. В. Колчака, ГК чехословацкими войсками в России. С января 1919 г. представитель Высшего межсоюзного командования и ГК союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке. Занимал враждебную позицию по отношению к А. В. Колчаку, Белому движению в целом. В декабре 1919 г. поддержал восстание против колчаковского правительства в Иркутске. Санкционировал выдачу Колчака эсеровскому Политическому центру, что привело к казни Колчака. В 1920 г. вернулся во Францию — *367*

Жарковский — *327*

Жданко Александр Ефимович (1858–1917) — генерал-лейтенант (с октября 1914 г.). Окончил Николаевскую академию ГШ (1887). Начштаба 2-й Кавказской казачьей дивизии (1901–1904),

командир 2-го Финляндского стрелкового полка, затем командир 2-й бригады 34-й пехотной дивизии (1904–1908), с июля 1914 г. начальник 64-й пехотной дивизии. С ноября 1916 г. в резерве, уволен по болезни в августе 1917 г. Умер от болезни в Киеве — *97–99, 151, 167, 195, 196, 199, 203, 264 (?)*

Жданов Лев (псевдоним **Льва Григорьевича Гельмана**) (1864–1951) — романист и драматург, наиболее известный своими историческими романами, популярный в начале XX в. — *293*

Желтухин, возможно, Дмитрий Петрович — поручик, батальонный командир 465-го пехотного Уржумского полка, кавалерист, бывший земской начальник в Вятской губернии — *313*

Желтышев Владимир Александрович (1867 — после 1919) — генерал-майор (1914). Окончил Николаевскую академию ГШ (1898), начальник штаба Зегржской крепости (1904–1907), помощник делопроизводителя ГУГШ (1907), до марта 1912 г. начальник штаба 7-й, затем 8-й пехотной дивизии. Командовал 98-м пехотным Юрьевским полком (1914–1916), потом начальник штаба 1-й Туркестанской стрелковой бригады, начальник штаба XXXV АК, в распоряжении начальника ГШ, с марта 1917 г. начальник штаба XXXVI АК. С 1919 г. в РККА, начальник общего отдела штаба 8-й армии, начальник разведывательного отделения штаба 8-й армии, бежал к белым — *308*

Женюша — см. *Снесарева Евгения Васильевна.*

Жигалин Леонид Иванович — генерал-лейтенант (1913). Командир лейб-гвардейского Сводно-Казачьего полка, базировавшегося в Петербурге (1910). Командовал 2-й Казачьей Сводной дивизией с 1913 до августа 1914 г., затем передал командование генералу А. А. Павлову, при котором А. Е. Снесарев был начальником штаба. С января 1916 г. наблюдатель за пунктом слабых лошадей Юго-Западного фронта — *235*

Жилинский (Орановский) Владимир Алоизиевич (1866–1917) — генерал от кавалерии (с октября 1914 г.). Окончил Николаевскую академию ГШ (1891). С 1904 г. окружной генерал-квартирмейстер штаба Приамурского ВО, участник кампании 1904–1905 гг. С марта 1905 г. генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего сухопутными и морскими силами. С 1907 г. начальник бригады, с 1908 г. начальник штаба генерал-инспектора кавалерии великого князя Николая Николаевича. С мая 1910 г. начальник 14-й кавалерийской дивизии. С 1913 г. начштаба Варшавского ВО. С начала войны начштаба армий Северо-Западного фронта. С января 1915 г. командир I кавалерийского корпуса. С апреля 1917 г. командир XLII отдельного АК. С июля 1917 г. в резерве, а с августа в распоряжении ГК армиями Северного фрон-

та. 29 августа был арестован толпой солдат, подвергся истязаниям и был сброшен в воду в Выборге — *334, 345*

Жилинский Яков Григорьевич (1853–1918) — генерал от кавалерии (1910). Окончил Николаевскую академию ГШ (1883), делопроизводитель канцелярии военно-ученого комитета Главного штаба (1887–1894), затем в распоряжении начальника Главного штаба, генерал-квартирмейстер Главного штаба (1900–1904), в кампанию 1904–1905 гг. начальник полевого штаба наместника Е. И. В. На Дальнем Востоке, затем в распоряжении военного министра, затем начальник 14-й кавалерийской дивизии, командир X АК (1907–1911), начальник ГШ (1911–1914), с марта 1914 г. варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского ВО, с сентября 1914 г. в распоряжении военного министра. В сентябре 1917 г. уволен от службы. Пытался выехать за границу, но был арестован и расстрелян — *337*

Житков К. — вероятно, издатель труда Б. А. Панаева «Конные заметки» — *287*

Жоффр Жозеф Жак Сезер (1852–1931) — маршал Франции (1916), участник Франко-прусской войны 1870–1871 гг. Начальник Генерального штаба (1911–1914). В Первую мировую войну командовал французской армией. Активно участвовал в организации военной интервенции против Советской России. Член Высшего военного совета — *163, 225, 244, 277, 278*

Жуков Сергей Васильевич (1870–1915?) — полковник (1916), товарищ А. Е. Снесарева по выпуску из Академии ГШ (1899), до войны — помощник военного губернатора Ферганской области, покончил с собою — *43, 47*

Журавлев, вероятно, Михаил Николаевич (1840–1917) — московский купец. Сын Николая Михайловича Журавлева, коммерции советник, действительный статский советник, яркий представитель династии Журавлевых — *356*

Журавлев — офицер или нижний чин учебной команды пехотного Грязовецкого полка — *318*

Забелло — штабс-капитан, инспектор-адъютант штаба 164-й пехотной дивизии — *365*

Завадовский Алексей Федорович — офицер 1-й Кавказской казачьей дивизии (1910), затем 2-й казачьей Сводной дивизии, подполковник 2-го Линейного полка Кубанского казачьего войска (1916) — *42, 286*

Завадовский Иннокентий — офицер или рядовой 167-го пехотного Острожского полка, геройски погибший во время войны и ставший георгиевским кавалером посмертно — *331*

Завадовский Петр Васильевич (1739–1812) — граф, русский государственный деятель. Во время Русско-турецкой войны (1768–1774) был правителем секретной канцелярии, отличился в боях. В 1775 г. стал кабинет-секретарем и фаворитом императрицы Екатерины II. Министр народного просвещения (1802–1810) — *294, 295*

Зайончковский Андрей Медардович (1862–1926) — русский военный историк, генерал от инфантерии (1915). Окончил Николаевскую академию ГШ (1888). Участник Русско-японской войны (1904–1905), был контужен. С 1912 г. командовал 37-й пехотной дивизией, с 1915 г. командир XXX АК. С августа 1916 командир XLVII АК. Одновременно в августе — октябре 1916 г. командовал румынской Добруджанской армией. С октября 1916 г. командир XVIII АК. С 1919 г. в советской армии, состоял при начальнике Полевого штаба РВСР. С 1922 г. профессор Военной академии РККА. Автор трудов по Первой мировой войне — *34, 76, 126, 128, 132, 161–164, 167, 168, 183, 184, 187, 194, 201–203, 211, 213, 215, 217–219, 221–227, 241, 340*

Зайцева Ольга Александровна (1865–1942), мать Е. В. Снесаревой — *253*

Закутовский Михаил — офицер или рядовой 207-го пехотного Новобаязетского полка, геройски погибший во время войны и ставший георгиевским кавалером посмертно — *331*

Заленский Иван Андреевич — подполковник 12-й пехотной дивизии (март 1916 г.) — *52*

Залесский Петр Иванович (1867–1929) — русский генерал-майор (1914), военный писатель, брат Адриана Ивановича Залесского. Окончил Николаевскую академию ГШ (1895). В марте — апреле 1901 г. начальник строевого отдела штаба Брест-Литовской крепости. С августа 1914 г. и. д. начальника штаба VI АК, затем начштаба VI АК. В ноябре 1914 — июне 1915 гг. начштаба I кавалерийского корпуса, затем командир 1-й бригады 3-й кавалерийской дивизии. С июня 1916 г. командир 2-й бригады 13-й кавалерийской дивизии. В декабре 1916 — апреле 1917 г. начштаба XXVIII АК. С апреля 1917 г. командующий 6-й кавалерийской дивизией. Во время Гражданской войны — в Донской армии. В эмиграции в Германии. Автор книги «Возмездие: причины русской катастрофы» и других трудов — *419*

Замойский Адам Станиславович, граф — флигель-адъютант (1916), корнет лейб-гвардии Уланского полка, адъютант великого князя Николая Николаевича, церемониймейстер Двора; во время Первой мировой войны состоял при Ставке, постоянно находился

при Николае II; позднее видный деятель польской партии «реалистов» — *77, 78*

Занкевич Михаил Ипполитович (1872–1945) — генерал-майор (с сентября 1914 г.). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899), военный агент в Румынии и затем в Австро-Венгрии (1905–1910), с июля 1913 г. командир 146-го пехотного Царицынского полка, затем лейб-гвардии Павловского полка. С мая 1916 г. начальник штаба 2-й Гвардейской пехотной дивизии. С июля 1916 г. и. д. генерал-квартирмейстера ГШ, с апреля 1917 г. генерал-квартирмейстер ГШ. Георгиевский кавалер. В Белых войсках Восточного фронта, прибыл из Франции. Генерал-квартирмейстер Ставки, начальник штаба Ставки ГК русской армией адмирала Колчака. Генерал-лейтенант. В эмиграции во Франции, председатель объединения лейб-гвардии Павловского полка, с 1934 г. председатель объединения Псковского кадетского корпуса — *45*

Запольский Николай Владимирович (1875 — после 1931) — генерал-майор (1917). Окончил Николаевскую академию ГШ (1904). Участник Русско-японской войны (1904–1905). На февраль 1915 г. в чине полковника начальник штаба 12-й пехотной дивизии. С августа 1915 г. командир 9-го стрелкового полка, с октября 1916 г. начштаба 74-й пехотной дивизии. С мая 1917 г. генерал-квартирмейстер штаба 7-й армии, позже начальник штаба 7-й армии. Во ВСЮР, с 6 октября 1919 г. в резерве. С апреля 1920 г. в Русской армии, в июле — октябре 1920 г. начальник строевого и военно-учебного отдела ВВД, до эвакуации Крыма в штабе войск армейского постового района. В эмиграции в Югославии — *279*

Зарин Николай Дмитриевич (1872–1918) — генерал-майор (с ноября 1914 г.). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899), участник Русско-японской войны (1904–1905), начальник штаба 41-й пехотной дивизии (1905–1913), с ноября 1913 г. командир 100-го пехотного Островского полка. С ноября 1914 г. начштаба XXII АК. В феврале — апреле 1917 г. командующий 19-й Сибирской стрелковой дивизией, затем в резерве. Георгиевский кавалер. Расстрелян красными в Симбирской губернии — *43, 46*

Захаров — писарь — *410, 411*

Защук Иосиф Иосифович (младший) (1882 — после 1923) — полковник (с декабря 1915 г.). Окончил Николаевскую академию ГШ (1908). С ноября 1911 г. помощник старшего адъютанта штаба войск гвардии и Петербургского ВО. С августа 1916 г. старший адъютант штаба 9-й армии. С апреля 1917 г. начальник штаба 3-й Гвардейской пехотной дивизии. В 1918 г. добровольно вступил в РККА и воевал против Деникина и Врангеля — *105, 115*

Зибер — поручик, георгиевский кавалер — *234*

Знаменовский Антон Леопольдович — полковник (с октября 1914 г.), с марта 1916 г. командир 4-й Польской стрелковой батареи. Весной 1917 г. командир 635-го Киселинского полка 159-й пехотной дивизии — *473, 484*

Зноско Василий Дмитриевич (Димитриевич) — вероятно, офицер штаба 12-й пехотной дивизии — *86, 272, 281, 282*

Зозуля — фельдфебель 270-го пехотного запасного полка — *297*

Золотницкий Николай Федорович (1851–1920) — ученый, писатель, один из зачинателей русского аквариумистского движения, а также международной аквариумистики, автор неоднократно переиздававшейся книги «Аквариум любителя». После революции работал инспектором Народного комиссариата просвещения — *96*

Зорич Семен Гаврилович (1743 или 1745–1799) — российский военный, один из фаворитов императрицы Екатерины II — *294, 295*

Зубенко — нижний чин технического батальона 5-го Инженерного полка — *283*

Зубов Платон Александрович (1767–1822) — последний фаворит императрицы Екатерины II (с 1789), отношениям с которой посвящен роман Льва Жданова. Светлейший князь (1796), государственный деятель, генерал от инфантерии (1800). Командующий Черноморским флотом (1796). Участник убийства императора Павла I (1801) — *293, 296*

Зыков — полковник, георгиевский кавалер — *271*

Иван — священник 634-го пехотного Сарыкамышского полка — *415*

Иванов — капитан, командир 189-го (запасного) революционного полка — *354*

Иванов Иосиф Михайлович (1868–19?) — генерал-майор. Окончил Николаевскую академию ГШ. На 1 марта 1914 г. полковник в 4-м Финляндском стрелковом полку. На 21 апреля 1915 г. в том же чине в 14-м Финляндском стрелковом полку. С 3 июля 1916 г. командир 7-го Финляндского стрелкового полка. С 15 апреля 1917 г. командующий 2-й Финляндской стрелковой дивизией — *420*

Иванов Николай Иудович (1851–1919) — генерал от артиллерии (1908), командовал III Сибирским корпусом (1904–1905), начальник Кронштадта (1906–1908), генерал-адъютант (1907). Командовал Киевским ВО (1908–1914), Юго-Западным фронтом (1914–1916), с 27 февраля 1917 г. командовал войсками Петроградского ВО с чрезвычайными полномочиями и с подчинением всех министров. В Гражданской войне присоединился к Белому

движению, в 1918 г. командовал Южной армией. Умер от тифа в январе 1919 г. — *52, 124, 125, 159, 163, 256–259, 271, 338, 373, 449*

Иванов Николай Максимович (1859–1935) — генерал-лейтенант (1916), с марта 1906 по июль 1910 г. командир 133-го пехотного Симферопольского полка, затем командир 2-й бригады 7-й Сибирской стрелковой дивизии, с января 1914 г. командир 2-й бригады 21-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. В июле 1915 — июле 1917 г. командующий 52-й пехотной дивизией, в июле — августе 1917 г. командир III Кавказского АК. С 1920 г. в эмиграции в Югославии. Служил в Скопьенском ВО — *342*

Иванов Петр Иванович (1868–1937) — генерал-майор (1915). Полковник лейб-гвардейского Егерского полка в Санкт-Петербурге (1910). С мая 1916 г. командир бригады 117-й пехотной дивизии XII АК, был командующим этой дивизией. С сентября 1919 г. в Северо-Западной армии, командир 1-й бригады 3-й пехотной дивизии. В эмиграции в Финляндии — *298, 313, 328*

Иванов Ф. — подъесаул Оренбургского казачьего полка — *318*

Ивашина Александр — *324*

Ивашина Сергей Иванович — офицер 133-го пехотного Симферопольского полка — *133*

Игнат — см. *Атласюк Игнат Касьянович*.

Игнатьев Алексей Николаевич (1874–1948) — дипломат, общественный деятель, граф. Отец Л. А. Игнатьева, брат П. Н. Игнатьева. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Атташе посольства России в Константинополе, затем в Риме. Церемониймейстер Императорского Российского Двора. Вице-губернатор Рязани (1909), позже губернатор Каменец-Подольска. Губернатор Киева (1915–1917). В 1917 г. представитель Красного Креста армии в Румынии, затем в армии генерала Н. Н. Юденича. В эмиграции во Франции. Устроил в своем доме православную церковь и русский культурный центр — *247, 248, 273*

Игнатьев Николай Николаевич (1872–1962) — русский генерал-майор (1915) с зачислением в Свиту. Сын Н. П. Игнатьева, чрезвычайного посланника при Оттоманской порте, брат министра народного просвещения П. Н. Игнатьева. Окончил Николаевскую академию ГШ (1897). Старший штабс-офицер Преображенского полка (1911–1914), затем командовал Преображенским полком. Начальник штаба гвардейского отряда (1915–1916), и. д. начальника штаба войска гвардии (1916). Затем командовал: 1-й бригадой 1-й гвардейской пехотной дивизии (1916–1917), гвардейской стрелковой дивизией (1917) и 1-й гвардейской пехотной дивизией (1917). Георгиевский кавалер. С июля 1917 г. в резерве. В 1918 г.

в армии гетмана Скоропадского, командовал 6-й кадровой дивизией. Во ВСЮР. В декабре 1919 г. возглавлял оборону Одесского района. В 1920 г. эвакуирован из Одессы. В эмиграции в Болгарии — *420*

Игнатьев Павел Николаевич, граф (1870–1945) — российский государственный деятель, министр народного просвещения (1915–1916), сын Н. П. Игнатьева. Председатель Киевской губернской земской управы (1904–1907). В 1915 г. начал реформу образования: введение всеобщего обязательного начального образования, расширение профессионального и специального образования, сокращение преподавания мертвых языков в гимназиях и др. Правительство отвергло его проекты, вынужден был уйти в отставку. Почетный член РАН с 1917 г. После Октябрьской революции в эмиграции в Болгарии, в Англии, затем в Канаде. Автор мемуаров, рукопись которых хранится в США — *234*

Йеда — подполковник, в июле 1916 г. в составе офицеров японской делегации посетивший 64-ю пехотную дивизию — *77*

Иелита-фон-Вольский Вильгельм-Адольф-Эдуард Вильгельмович — полковник (с июня 1914). Штабс-капитан лейб-гвардии Финляндского полка (1910), с 1916 г офицер 4-го Финляндского стрелкового полка. В 1917 г. командир 634-го пехотного Сарыкамышского полка — *376*

Иеуда (Иуда) Искариот — евангельский персонаж — *22, 353*

Ильеско — румынский генерал — *219, 222*

Ильинский — офицер, сослуживец А. Е. Снесарева по 3-му Финляндскому стрелковому полку (1909) — *415*

Ильинский — прапорщик 76-го пехотного Кубанского полка, окончивший повторительный курс при 19-й пехотной дивизии — *326*

Илькевич Николай Андреевич — генерал-лейтенант (1915), полковник лейб-гвардейской 1-й артиллерийской бригады в Санкт-Петербурге (1910), с июня 1915 г. начальник 46-й пехотной дивизии, в апреле — июле 1917 г. командир I гвардейского корпуса, с июля в резерве, с октября 1917 г. инспектор артиллерии Особой армии. Во время Гражданской войны в Добрармии, ВСЮР и Русской армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии — *341*

Ильяшенко, вероятно, Петр Яковлевич — генерал-майор, с июля 1914 г. командир 45-й парковой артиллерийской бригады, затем командир 35-й пехотной дивизии — *419*

Инютин Матвей Васильевич (1880–1918) — подполковник ГШ (август 1916 г.). Окончил Академию ГШ (1912). Состоял в комплекте Донских казачьих полков (1913). С сентября 1916 г.

старший адъютант отдела генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии. Исполнял должность начальника штаба 64-й пехотной дивизии, затем 1-й Кавказской казачьей дивизии (август 1917 г.) — *165, 166, 168, 169, 173–176, 178, 181, 184, 190, 191, 200, 202–204, 213, 243, 246, 248, 265*

Инютин Федор Васильевич — брат М. В. Инютина, служил в 17-м Донском казачьем полку 2-й казачьей сводной дивизии — *165, 178*

Иордан Александр Фридрихович — генерал-майор (с апреля 1915 г.), с июля 1914 г. командир 74-й артиллерийской бригады, инспектор артиллерии 159-й пехотной дивизии — *395*

Ипасов — радист — *484*

Ирманов (до 1915 **Ирман**) **Владимир Александрович** (1852–1931) — генерал от артиллерии (1914), участник Русско-турецкой войны (1877–1878), Китайского похода (1900–1901), Русско-японской войны (1904–1905). Командир 4-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады (1904–1906). Герой обороны Порт-Артура. Георгиевский кавалер. После падения крепости в плену. Пытался бежать. Комендант Владивостокской крепости и командир IV Сибирского АК (1906–1912). С 1912 г. командир III Кавказского АК. С июня 1917 г. в резерве. После Октябрьской революции в Белом движении. Переименован в чин генерала от кавалерии (1919). Командовал 1-й бригадой 1-й Кавказской казачьей дивизии. С июля 1919 г. врид командира 3-го Кубанского конного корпуса. С февраля 1920 г. в резерве. Эмигрировал в Югославию. Член Общества кавалеров ордена Св. Георгия, председатель отдела монархистов-легитимистов в Нови Саде. Начальник Новисадского района корпуса Императорской армии и флота — *271, 342, 425*

Исаев — хорунжий, сослуживец А. Е. Снесарева по 2-й казачьей сводной дивизии — *262*

Исазака (Зиновий Иванович) — полковник (июль 1916), японский военный атташе при Ставке, в январе 1917 г. — генерал — *77, 254, 255*

Искрицкий Евгений Андреевич (1874–1949) — генерал-лейтенант (1917). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899), помощник делопроизводителя ГУГШ (1904–1908), затем начальник отделения ГУГШ. Военный агент в Румынии (1911–1913), затем начальник военно-ученого архива и библиотеки ГУГШ. С марта 1914 г. командир 148-го пехотного Каспийского полка. Генерал для поручений при начальнике штаба ВГ. С февраля 1916 г. начальник штаба IX АК. С февраля 1917 г. командующий 168-й пехотной дивизией, с июля 1917 г. командир I Сибирского АК. Георгиевский кавалер. Добровольно вступил в РККА. Осенью 1918 г. создал

и возглавил 7-ю армию на Петроградском фронте (командовал ею в ноябре 1918 г.), но когда понял, что она будет использована против белогвардейцев, отказался от службы в РККА. В начале 1920-х гг. на преподавательской работе в Военно-политической академии. Арестован в январе 1931 г. по делу «Весна», весной того же года осужден по другому делу. В 1934–1949 гг. учитель. Скончался в ссылке в Чимкенте — *43, 45, 127*

Истомин Евстафий Константинович — управляющий акцизными сборами Подольской губернии (март 1914 г.) — *41, 247, 252, 264, 453*

Истомин Николай Михайлович (1855 — после 1925) — генерал-лейтенант (1913). Окончил Николаевскую академию ГШ (1883), участник Русско-турецкой (1877–1878) и Русско-японской (1904–1905) войн. Командир 137-го пехотного Нежинского полка (1901–1904), начальник штаба IV АК (1906–1913). С мая 1913 г. начальник 20-й пехотной дивизии, с мая 1915 г. командир V Кавказского АК, с апреля 1916 г. командир XLVI АК. С апреля 1917 г. в резерве, с октября — в отставке. После революции остался в Петрограде, поступил на службу в РККА, в 1925 г. — преподаватель Военно-морского гидрографического училища в Ленинграде — *341, 342*

Истомина Таня — одна из дочерей Истомина Е. К. — *247, 264*

Иуон Николай Николаевич (1867–19?) — генерал-майор (1915). Окончил Николаевскую академию ГШ (1898), начштаба Иваногородской крепости (1908–1910), затем начштаба Свеаборгской крепости. С февраля 1916 г. начштаба 105-й пехотной дивизии. С ноября 1916 г. начштаба II Сибирского АК С мая 1917 г. командующий 4-й Сибирской стрелковой дивизией, с сентября в резерве — *49*

Кавтарадзев Александр Иванович (1866 — после 1933) — генерал-майор (с апреля 1917 г.). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899), участвовал в походе против Китая (1900–1901), в Русско-японской войне (1904–1905), с 1912 г. начальник штаба 2-й Кавказской стрелковой бригады, с июля 1913 г. начальник штаба 39-й пехотной дивизии. Командир 150-го пехотного Таманского полка. С июня 1916 г. в резерве чинов. С октября 1916 г. командир 27-го Кавказского стрелкового полка. Георгиевский кавалер. С января 1917 г. начальник штаба Кавказской пограничной дивизии. В эмиграции — *43*

Кадорна Луиджи (1850–1928) — итальянский маршал (1924), граф. В 1914 г. был назначен начальником ГШ. После вступления Италии в Первую мировую войну фактически ГК итальянской армией. Возглавлял итальянскую армию в наступлениях у р. Изонцо (1915–1917). В 1917 г. Николай II наградил его орденом

Св. Георгия 4-й степени. После разгрома итальянских войск при Капоретто в 1917 г. был снят с должности. Автор трудов об участии Италии в Первой мировой войне — *256*

Кадошников Андрей Федорович (1876 — после 1923) — генерал-майор (1916). Окончил Николаевскую академию ГШ (1903), далее на штабной работе в Варшавском ВО, с декабря 1916 г. в резерве. С января 1917 г. начальник штаба 3-й пехотной дивизии, с апреля — командующий 156-й пехотной дивизией, затем в резерве, с сентября 1917 г. командующий 77-й пехотной дивизией. В 1918 г. мобилизован большевиками, начштаба армии — *419*

Казанович Борис Ильич (1871–1943) — генерал-лейтенант (1918). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899), участник Русско-японской войны (1904–1905), с 1912 г. начальник штаба 11-й, а затем 31-й пехотных дивизий, командир 127-го пехотного Путивльского полка. С марта 1916 г. начштаба, а затем командующий 6-й Сибирской стрелковой дивизией. В Добрармии и ВСЮР. В мае 1918 г. был командирован за финансовой помощью в «Национальный центр» в Москву, в июне возвратился на Дон. Затем начальник 1-й пехотной дивизии, с ноября 1918 по февраль 1919 г. командир I АК. Затем командующий войсками Закаспийской области, начальник пехотной сводной дивизии в десанте на Кубань. Галлиполиец. В эмиграции в Югославии, в 1939 г. председатель Общества офицеров ГШ, председатель Главного правления союза Участников 1-го Кубанского похода — *43, 420*

Казаринов — один из фаворитов императрицы Екатерины II — *294*

Казбек Георгий Николаевич (1840–1921) — участник Русско-турецкой войны (1877–1878), комендант Ивангородской, Варшавской и Владивостокской крепостей, военный писатель, генерал от инфантерии. Сыновья генерала Александр, Константин и еще один погибли во время Первой мировой войны — *314*

Каин — библейский персонаж, старший сын Адама и Евы, убивший своего брата Авеля — *464*

Каледин Алексей Максимович (1861–1918) — генерал от кавалерии (1916). Окончил Николаевскую академию ГШ (1889). Командовал кавалерийской дивизией, XII АК. Командовал 8-й армией (1916–1917), донской атаман (1917–1918). Георгиевский кавалер. Застрелился после разгрома антисоветского мятежа на Дону в феврале 1918 г. в Новочеркасске — *26, 108, 110, 111, 122, 126, 128, 142, 148, 149, 161, 163, 183, 190, 201, 213, 221, 232, 240, 260, 263, 265, 270, 271*

Калиновский III — прапорщик 48-го пехотного Одесского полка (1916) — *53*

Калитин Петр Петрович (1853–1927) — генерал от кавалерии (1915), брат Павла Петровича Калитина. Участник Хивинского похода, участвовал в покорении Кокандского ханства, затем в Ахал-Текинской экспедиции (1880–1881), в распоряжении А. Н. Куропаткина. В 1885 г. при войсках Кавказского ВО и заведующий Туркменской конной милицией. С 1893 г. командир Туркменского конно-иррегулярного дивизиона, с июня 1899 г. командир 1-го Волгского полка Терского казачьего войска. С мая 1903 г. командир 2-й бригады 2-й сводной казачьей дивизии, с 1906 г. начальник Уссурийской конной бригады. Начальник Забайкальской казачьей бригады (1907), с сентября 1909 г. командующий Западно-Сибирской казачьей бригадой. С февраля 1915 г. командир I Кавказского АК. Георгиевский кавалер. С марта 1917 г. член Александровского комитета о раненых. Во время Гражданской войны сначала у Деникина, затем у Врангеля; эмигрировал в Югославию, позже во Францию. Был председателем Союза георгиевских кавалеров — *342*

Калишевский Анатолий Иосифович (1870–1937) — генерал-лейтенант (1917), товарищ А. Е. Снесарева по Академии ГШ (выпуск 1899). С 1908 г. начальник штаба 2-й Казачьей сводной дивизии (перед Снесаревым). В 1910–1914 гг. преподавал военные науки в Павловском военном училище, затем командир 4-го Финляндского стрелкового полка. С июля 1915 г. в резерве. Позже начальник штаба 2-й Туркестанской стрелковой дивизии, затем начальник Финляндской дивизии. В распоряжении военного министра. Работал цензором. Был знаком с Е. В. Снесаревой по совместной работе. С января 1917 г. в распоряжении начальника ГШ, с марта 1917 г. начальник штаба III Кавказского АК, с апреля 1917 г. начальник отдела ГУГШ. В сентябре 1917 г. был командирован в Данию по вопросу о военнопленных. С 1918 г. в отставке. С сентября 1919 г. в распоряжении ВГ. Эмигрировал в Японию, с 1921 г. в США. Основатель и председатель Общества русских офицеров в Лос-Анджелесе, председатель Союза русских военных инвалидов в Нью-Йорке — *46, 382*

Кальницкий Михаил Николаевич (1870–1961) — генерал-майор. Окончил Николаевскую академию ГШ (1899). Участник Русско-японской войны (1904–1905). Начштаба корпуса пограничной стражи (1906–1914). С мая 1914 г. командир 14-го гренадерского Грузинского полка. Начальник штаба VII Сибирского корпуса. Начальник 123-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. С конца 1918 г. в Добрармии и ВСЮР. С октября 1919 г. начальник Полтавского отряда, затем главноначальствующий Полтавской губернии, затем и. д. командира V кавалерийского

корпуса. В эмиграции в Югославии, затем в Париже. С 1929 г. заместитель председателя, а с 1932 г. председатель Союза инвалидов в Кламаре — *45*

Калюжный Андрей Андреевич (1860–1914) — генерал-майор (1913). Окончил Николаевскую академию ГШ (1893), участник военных действий против Китая (1900–1901). В 1908–1913 гг. командир 129-го пехотного Бессарабского полка, затем командир 2-й бригады 36-й пехотной дивизии. Попал в плен. Участвовал в походе в Восточную Пруссию. После занятия частями XIII АК г. Алленштейна назначен его комендантом. Погиб в бою 144-го пехотного Каширского полка у Меркен-Грислинен — *48*

Каменский (Каменской) Сергей Николаевич, граф (1868–1951) — генерал-майор (1915). Окончил Николаевскую академию ГШ (1900), участник Русско-японской войны (1904–1905), заведовал передвижением войск Финляндского района (1905–1909), с мая 1914 г. начальник штаба 4-й Финляндской стрелковой бригады. С октября 1915 г. начальник штаба XVIII АК. С февраля 1917 г. начальник штаба XXII АК. С апреля 1917 г. командующий 47-й пехотной дивизией. Вступил в ряды Красной армии. До 1923 г. преподавал в Военной академии, затем был сослан на Север, в 1930 г. жил в Москве — *37, 49, 97, 99, 143, 149, 151, 161–163, 167, 352, 357, 381, 419*

Канецкий [Конецкий] Павел Игнатьевич — офицер 12-й пехотной дивизии, подполковник (март 1916 г.) — *52*

Кантакузен Михаил Михайлович (1858–1927) — князь, генерал-лейтенант (1915). Участник Русско-японской войны (1904–1905). Состоял по Оренбургской казачьей артиллерии (1905–1907). С 1907 г. командир 1-го дивизиона 31-й артиллерийской бригады. Командир 9-й артиллерийской бригады (1908–1909). Командир 3-й артиллерийской бригады (1909–1913). С 1913 по апрель 1917 г. инспектор артиллерии XXIII АК. В эмиграции в Италии — *244*

Капустин Александр Николаевич — офицер штаба 64-й пехотной дивизии — *199*

Кареев Петр Николаевич — полковник, в 1910 г. командир 6-го Финляндского стрелкового полка, затем начальник 1-й пехотной дивизии — *135*

Карепов Николай Николаевич (1860–1926) — генерал-лейтенант (1915), участник Русско-японской войны (1904–1905). С 1904 г. командир 145-го пехотного Новочеркасского полка, с января 1909 г. командир 1-й бригады 40-й пехотной дивизии, командующий, а с ноября 1914 г. начальник 30-й пехотной дивизии. Командовал IV АК. Участвовал в походе в Восточную Пруссию.

Георгиевский кавалер. Служил в РККА. Перешел на сторону ВСЮР. Участник Белого движения на юге России. В эмиграции в Югославии — *340*

Карликов Вячеслав Александрович (1871–1937) — генерал-лейтенант (1919). Окончил Николаевскую академию ГШ (1898), участник военных действий против Китая (1900–1901), в 1903–1906 гг. столоначальник Главного штаба, затем делопроизводитель Азиатского отдела Главного штаба. С марта 1916 г. начштаба 3-й гренадерской дивизии. С июля 1916 г. начштаба 25-й пехотной дивизии, с мая 1917 г. затем командующий 125-й пехотной дивизией, с сентября 1917 г. в резерве. С началом Гражданской войны начштаба Оренбургского ВО. С июня 1918 г. командующий Поволжским районом и Ташкентским фронтом войск генерала А. И. Дутова. Награжден лентой Отличия Оренбургского казачьего войска «за мужество, проявленное им в боях с большевиками» (1918). С августа 1918 г. директор Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. В 1919 г. назначен помощником военного министра. В январе 1920 г. арестован большевиками, затем амнистирован. С 1920 г. в РККА, сначала в распоряжении штаба Западно-Сибирского ВО, затем Всероглавштаба. Старший инспектор при Центровсеобуче, помощник начальника Отдела военной допризывной подготовки (1921). В 1930-х гг. статистик на ткацкой фабрике в Москве. Арестован в 1937 г., расстрелян на Бутовском полигоне в Москве. Реабилитирован в 1957 г. — *419*

Карницкий Александр Станиславович (1869–1942) — российский и польский генерал, из польских дворян г. Варшавы. Участник китайского похода (1900–1901), Русско-японской войны (1904–1905), с 1910 г. командовал 2-м пограничным Заамурским конным полком, затем командир 1-й Заамурской кавалерийской бригады. Георгиевский кавалер. С августа 1917 г. командовал Кавказской кавалерийской дивизией. После революции заместитель командира I Польского АК. В январе 1919 г. вступил в польскую армию. С июля 1919 по август 1920 г. возглавлял польскую военную миссию при ГК ВСЮР. По возвращении на родину командовал польской 2-й кавалерийской дивизией на Украине. В июле — августе 1920 г. командовал 8-й кавалерийской бригадой, отличился в сражении против 1-й Конной армии Буденного. В 1939 г. был депортирован немцами в Кутно, где и скончался — *272*

Карпинский — начальник связи штаба XII АК — *278*

Карпов — офицер 159-й пехотной дивизии, возможно, начальник штаба — *394, 397, 412, 423*

Карпов Владимир Александрович (1872–1915) — полковник (1908), товарищ по выпуску из Академии ГШ (1899), служил

по линии военных сообщений. Умер в годы войны. Посмертно произведен в чин генерал-майора (1915) — *43, 48*

Карташев — знакомый А. Е. Снесарева по Нижнее-Чирской прогимназии — *43*

Карцев — полковник, в мае 1917 г. командующий 3-й Финляндской стрелковой артиллерийской бригадой — *352*

Касторский Геннадий Петрович — священник 145-го Азовского полка 12-й пехотной дивизии (1903–1908) — *87*

Катаринча — девочка из деревни Сюлко, где в апреле 1917 г. находился штаб 159-й дивизии; в доме, принадлежащем ее семье, жил А. Е. Снесарев — *480*

Кашкин Константин Николаевич — выпускник физико-математического факультета МГУ, сокурсник А. Е. Снесарева (1888 г. выпуска). В Петрограде работал в Демидовом переулке, 1, в Правлении общества Железнодорожного ведомства — *37*

Кая, Клавдия Евгеньевна Комарова (1872–1971) — любимая сестра Андрея Евгеньевича, которой он адресовал письма с Памира, из Индии, с фронтов Первой мировой и Гражданской войн. Благодаря ее рассказам Евгенией Андреевной Снесаревой были восстановлены некоторые части биографии А. Е. Снесарева — *304*

Квицинский Михаил Федорович (1866 — после 1920) — генерал-лейтенант (1914). Окончил Николаевскую академию ГШ (1891), далее на штабной работе, участник военных действий против Китая (1900–1901), Русско-японской войны (1904–1905). С июля 1910 г. начальник штаба III Кавказского АК, с сентября 1915 г. начальник штаба армий Западного фронта, с апреля 1917 г. командующий 3-й армией, с августа в резерве, с октября 1917 г. командующий войсками Киевского ВО. Руководитель боев с большевиками в октябре 1917 г. в Киеве. Во время Гражданской войны в гетманской армии, затем в июле 1919 — феврале 1920 г. в белых войсках Северного фронта: начальник штаба генерал-губернатора Северной области генерала Е. К. Миллера. Эмигрировал в Швецию — *387*

Келеповская Елисавета Аркадьевна — сестра милосердия 74-го передового отряда Красного Креста, дочь Келеповского Аркадия Ипполитовича, губернатора ряда областей России, фрейлина императрицы Александры Федоровны. За работу под артиллерийским огнем была награждена Георгиевской медалью — *127*

Келлер — подполковник, командир Текинского конного полка (в августе 1916 г.) — *94*

Келлер Федор Артурович (1857–1918), граф — генерал от кавалерии, в 1910 г. генерал-майор Свиты Его Величества, командир лейб-гвардейского Драгунского полка в Старом Петергофе,

в 1914 г. начальник 10-й кавалерийской дивизии, с апреля 1915 г. командир III кавалерийского корпуса. Георгиевский кавалер. Был убит петлюровцами в декабре 1918 г. в Киеве — *42, 51, 57, 199, 272, 345*

Келчевский (Кельчевский) Анатолий Киприанович (1869–1923) — генерал-лейтенант (сентябрь 1917 г.), товарищ А. Е. Снесарева по Туркестану. Окончил Николаевскую академию ГШ (1900). Заведующий обучающимися в Императорской военной академии (1909), с ноября 1915 г. генерал-квартирмейстер штаба 9-й армии, с апреля 1917 г. и. д. начштаба 9-й армии, с сентября 1917 г. командующий 9-й армией. В 1918 г. в Гетманской, затем в Донской армии. На ноябрь 1918 г. начальник штаба Восточного (Царицынского) фронта, с февраля 1919 по март 1920 г. начальник штаба Донской армии, затем военный и морской министр Южнорусского правительства. С апреля 1920 г. снят с должности и отстранен от службы. В эмиграции с мая 1920 г. в Германии, редактор журнала «Война и мир» в Берлине. Умер в Берлине — *37, 72, 84, 86, 96, 97, 111, 113*

Керенский Александр Федорович (1881–1970) — русский политический деятель, адвокат, масон. Лидер фракции трудовиков в 4-й Государственной думе. Член ЦИК Петроградского Совета. С марта 1917 г. эсер, во Временном правительстве министр юстиции, военный и морской министр, министр-председатель. С августа 1917 г. — ВГ. После октября пытался вернуться к власти, но поддержки не получил. Эмигрировал во Францию, с 1940 г. в США. Оставил мемуары — *22, 307, 353, 355, 366–368, 409, 434, 435, 437, 438, 440, 441, 443, 444, 446, 448, 454, 455, 468, 471, 473, 474, 486, 488*

Кивекэс Карл-Эдуард Карлович (1866–1940) — генерал-лейтенант, финн по национальности, один из первых начальников Памирского отряда, друг Андрея Евгеньевича и хороший знакомый Зайцевых Василия Николаевича, Ольги Александровны и Евгении Васильевны. В 1893 г. участвовал в военных действиях отряда генерала М. Ионова против афганских войск, окончившихся вытеснением последних с Памира. Неоднократно занимал должность начальника Памирского отряда (1897–1899, 1901–1902, 1905–1908). С декабря 1906 г. в распоряжении командующего войсками Туркестанского ВО. Командир Туркестанской конно-горной батареи (1908–1910), командир 2-го конноартиллерийского дивизиона (1910–1913). Командир 1-го конно-горного артиллерийского дивизиона (1913–1914). С февраля 1914 г. командир дивизиона Уссурийской конной бригады, с мая 1916 г. командующий 113-й артиллерийской бригадой. 19 октября 1917 г. вступил в командова-

ние 113-й пехотной дивизией. В связи с «украинизацией» дивизии утвержден начальником дивизии (16 декабря 1917 г.). В 1918 г. через Одессу выехал в Финляндию. Принят в армию Финляндии (5 августа 1918 г.). В июне — сентябре 1919 г. ГК финской армией. Уволен со службы в 1928 г. Скончался в Хаменлинна — *395, 427*

Кирей Василий Фаддеевич — подполковник, осенью 1916 г. командир 3-й батареи 1-го дивизиона 37-й артиллерийской бригады — *122, 123, 132, 150, 262*

Кириенко — радист — *484*

Кириенко Иван Иванович (18?–1918) — политический деятель, украинский социал-демократ, член 2-й Государственной думы. В 1917 г. правительственный комиссар 11-й армии, комиссар Киевского ВО. Уполномоченный Временного Сибирского правительства в Иркутске, примыкал к эсерам. Начальник Челябинского района при Директории, редактор одной из местных газет. В вопросе о признании Колчака испытывал колебания. В конце ноября 1918 г. арестован контрразведкой Колчака. Убит монархически настроенными офицерами и казаками после подавления большевистского восстания 22 декабря 1918 г. в Омске — *486*

Кирилл (18.03.1908–25.07.1931) — второй сын А. Е. Снесарева, по образованию востоковед. Умер от туберкулеза — *145, 252, 253, 355, 373, 427*

Кирилл Владимирович, великий князь (1876–1938) — второй сын великого князя Владимира Александровича, третьего сына императора Александра II, и великой княгини Марии Павловны; двоюродный брат Николая II. Контр-адмирал Свиты Его Величества, командир Гвардейского флотского экипажа. После Февральской революции 1917 г. сразу перешел на сторону революции, надев «красный бант». В 1924 г. в эмиграции провозгласил себя императором Всероссийским Кириллом I — *339, 343, 353*

Кириллов — штабс-капитан 159-й пехотной дивизии (апрель 1917 г.) — *404*

Киров Сергей Миронович (настоящая фамилия **Костриков**) (1886–1934) — советский государственный и политический деятель — *378*

Киселев, вероятно, Леонид Петрович — генерал-майор (1912), в ноябре 1916 г. командующий 8-й кавалерийской дивизией — *202*

Киселевский Николай Михайлович (1866–1939) — генерал-лейтенант (1915). Окончил Николаевскую академию ГШ (1892), далее на штабной работе, командир роты 1-го лейб-гвардейского Екатеринославского полка (1896–1897), преподавал военные науки в Московском военном училище (1898–1899), командир 28-го пехотного Полоцкого полка (1905–1906), затем 3-го гренадерского

Перновского полка. С мая 1909 г. офицер Свиты Его Величества, командир лейб-гвардейского Измайловского полка (1908–1913), с ноября 1914 г. начальник 3-й гренадерской дивизии, с августа 1916 г. командир IX АК, с апреля 1917 г. командующий 10-й армией, с июля в резерве. В ноябре 1917 г. вступил в Алексеевскую организацию. В Гражданскую войну служил в Добрармии, ВСЮР, Русской армии барона Врангеля. После эвакуации из Крыма эмигрировал в Югославию, служил в Белградской дирекции железных дорог. В 1928 г. переехал во Францию. Организатор и первый председатель объединения лейб-гвардии Измайловского полка, с 1931 г. председатель Комитета помощи русским безработным, почетный член Общества русских гренадер за рубежом. Умер в Антибе — *340, 387*

Кисель — поручик, вероятно, 2-го батальона 253-го пехотного Перекопского полка — *140*

Китченер Горацио Герберт (1850–1916) — британский фельдмаршал; в 1895–1898 гг. — подавлял восстание махдистов в Судане, в 1900–1902 гг. главнокомандующий британскими войсками в Англо-бурской войне (1899–1902). Военный министр Великобритании (1914–1916) — *206*

Киященко Георгий Титович (1872 — после 1938) — генерал-майор (1919). Окончил Николаевскую академию ГШ (1908), с ноября 1910 г. старший адъютант штаба I АК, штабс-офицер в Управлении генерал-квартирмейстера при ВГ (после июля 1916 г.). С октября 1917 г. начальник особого делопроизводства там же. Участник Белого движения. Эмигрировал в Америку — *254*

Клакачева (Клокачева) Елена Никандровна (1871–1941) — русская художница, училась в Академии художеств (1891–1901), жила в Петрограде. Ей посвящен роман Е. Нагродской «Гнев Диониса» — *303*

Клаузевиц Карл Филипп Готтлиб, фон (1780–1831) — прусский офицер и военный писатель, который своим сочинением «О войне» (1832) произвел переворот в теории и основах военных наук — *33, 34*

Клещинский, вероятно, Константин Карлович — подполковник (1916), в 1910 г. штабс-капитан лейб-гвардии Волынского полка 3-й Гвардейской пехотной дивизии. Во время войны попал в плен — *49*

Клюев Николай Алексеевич (1859–1921) — генерал-лейтенант (1909). Окончил Николаевскую академию ГШ (1885), далее на штабной работе. В 1902–1904 гг. командовал 182-м пехотным резервным Гроховским полком, затем генерал для поручений при командующем войсками Варшавского ВО, в 1905–1909 гг.

командир лейб-гвардии Волынского пехотного полка, затем начштаба Варшавского ВО. С августа 1913 г. командир I Кавказского АК, одновременно командовал XIII корпусом 2-й армии в ходе Восточно-Прусской операции. Принял командование 2-й армией после самоубийства А. В. Самсонова. Был взят в плен вместе со своим корпусом в Германии. На начало 1919 г. в Копенгагене. Участвовал в Белом движении на севере России. В июле 1919 г. командующий войсками железнодорожного района, затем генерал-квартирмейстер штаба командующего армией. Эмигрировал в Финляндию — *335, 337*

Клюйко Прокопий Викторович — капитан, командир 3-го батальона 254-го Николаевского пехотного полка 64-й пехотной дивизии (1916) — *210*

Ключевский Василий Осипович (1841–1911) — русский историк, профессор Московского университета; академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (1900), председатель Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете, тайный советник — *151*

Книга — рядовой 64-й пехотной дивизии, георгиевский кавалер 3-й и 4-й степеней, с 1916 г. — младший унтер-офицер — *228*

Кнокс — см. *Нокс*.

Кобанов — *53*

Ковалев — хорунжий 2-й Казачьей сводной дивизии — *148*

Кожевников — прапорщик, командир 6-й роты 634-го Сарыкамышского полка 159-й пехотной дивизии — *403*

Козачков — младший офицер 6-й роты 253-го Перекопского полка, был ранен под Орлиным гнездом — *141*

Козачковский — полковник, адъютант генерал-лейтенанта Веселаго — *276*

Козлов Владимир Аполлонович — генерал-лейтенант (с декабря 1914 г.), командир лейб-гвардейского Финляндского полка (1910), с июля 1913 г. начальник 84-й пехотной дивизии — *149, 195, 203, 213*

Кознаков [Казнаков] Николай Николаевич (1856–1929) — генерал-лейтенант (1911), затем генерал от кавалерии, командир бригады 5-й кавалерийской дивизии, затем в распоряжении ГК войсками гвардии и Петербургского ВО (с января 1910 г.). С марта 1916 по апрель 1917 г. командующий XII АК, начальником штаба которого был А. Е. Снесарев. Кознаков был отстранен Временным правительством от командования корпусом. Участник Белого движения. Эмигрировал — *64, 66, 115, 265, 273, 304, 307, 308, 311, 314, 321–323, 328–330, 333, 337–340, 342, 350, 351, 358, 361, 363, 364, 373–377*

Колесников — штабс-ротмистр, командир дивизионного обоза 159-й пехотной дивизии — *452*

Коллонтай Александра Михайловна (урожденная Домонтович) (1872–1952) — деятель международного и российского революционного социалистического движения; член первого большевистского правительства — народный комиссар государственного призрения. С 1906 г. примыкала к меньшевикам, в 1915 г. вступила в РСДРП; феминистка; публицист; первая в мире женщина-министр, жена Павла Дыбенко — *455*

Коломенский, вероятно, Николай Петрович — генерал-майор (1916). Офицер для поручений при штабе Управления II Кавказского АК (1908–1911), штаб-офицер для поручений при штабе XXIV АК (1911–1912). С ноября 1912 г. преподавал военные науки в Елисаветградском кавалерийском училище. И. д. начштаба 47-й пехотной дивизии (на декабрь 1914 г.). С августа 1915 г. командир 172-го Лидского пехотного полка. Начальник штаба 1-й Финляндской стрелковой дивизии (с ноября 1916 г.). Командующий 155-й пехотной дивизией (апрель — ноябрь 1917 г.) — *406*

Колумбов Алексей Михайлович — подполковник, командир 3-го батальона 133-го пехотного Симферопольского полка (январь 1917 г.) — *324*

Колчак Александр Васильевич (1874–1920) — российский политический деятель, вице-адмирал Российского императорского флота (1916) и адмирал Сибирской флотилии (1918). Полярный исследователь и ученый-океанограф, участник экспедиций 1900–1903 гг. (награжден Императорским Русским географическим обществом Большой Константиновской медалью, 1906). Участник Русско-японской (1904–1905), Первой мировой и Гражданской войн. Руководитель Белого движения как в общероссийском масштабе, так и непосредственно на Востоке России. Верховный правитель России (1918–1920), был признан на этом посту всеми руководителями Белого движения, «де-юре» — Королевством Сербов, Хорватов и Словенцев, «де-факто» — государствами Антанты — *26, 184, 473, 481*

Кольт Сэмюэл (1814–1862) — американский оружейник, изобретатель и промышленник. Наибольшей известностью пользуется как реформатор револьверного оружия: в 1835 г. изобрел капсюльный револьвер — *310*

Колышмидт Виктор Брунович, фон (1862 — после 1923) — генерал-майор (1911). Окончил Николаевскую академию ГШ (1894), далее на штабной работе, участник военных действий против Китая (1900–1901), кампании 1904–1905 гг., в 1906–1910 гг. командир 174-го пехотного Роменского полка, затем 47-го пехотного Укра-

инского полка, с января 1911 г. командир бригады 17-й пехотной дивизии, с июня 1915 г. командующий 63-й пехотной дивизией. После сдачи Новогеоргиевской крепости, в гарнизоне которой состояла 63-я дивизия, с 20 августа 1915 по 24 июня 1916 г. находился в плену в Германии. Добровольно вступил в РККА. В Штабе Украинского и Юго-Западного фронтов и черноморского побережья. Преподаватель 22-х курских пехкурсов. Включен в списки ГШ РККА от 1919 и 1920 гг. С мая 1921 г. начальник учебной части. На март 1923 г. преподаватель тактики 40-х костромских пехотных курсов — *48*

Колюбакин Александр Михайлович (1868–1915) — российский либеральный политический деятель, был активным членом Союза освобождения и Союза земцев-конституционалистов, член III Государственной думы (1906–1908), масон. В начале Первой мировой войны не подлежал мобилизации как политически неблагонадежный. Подал прошение на Высочайшее имя о направлении в действующую армию, которое было удовлетворено. С ноября 1914 г. служил в чине штабс-капитана в одном из сибирских полков. 21 января 1915 г. поднял свою роту в атаку в ночном бою у местечка Воля Шидловска близ Варшавы и погиб — *229*

Комаров — полковник, был убит на войне — *47*

Комиссарова Анна Андреевна (р. 1964) — внучка А. Е. Снесарева, дочь радиоинженера, альпиниста Андрея Андреевича Снесарева. Сотрудник Научно-методического центра отечественной военной стратегии им. А. Е. Снесарева ВАГШ ВС РФ (2003–2007) — *36*

Кондаков Николай Петрович — прапорщик 133-го Симферопольского полка (1915), в январе 1917 г. командир 9-й роты 3-го батальона 133-го пехотного Симферопольского полка — *324*

Кондзеровский Петр Константинович (1869–1929) — генерал-лейтенант (декабрь 1916 г.). Окончил Николаевскую академию ГШ (1895), дежурный генерал Главного штаба (1909–1914), затем дежурный генерал при ВГ. Был знаком с семьей П. Е. Снесарева. С апреля 1917 г. член Военного совета. С марта 1918 г. уволен. С 1919 г. член военно-политического центра в Финляндии, затем начальник штаба и помощник ГК Н. Н. Юденича. В эмиграции в Финляндии, с конца 1920 г. во Франции. Начальник канцелярии великого князя Николая Николаевича и председателя РОВС — *233, 254*

Коновалов Александр Иванович (1875–1949) — крупный российский предприниматель, общественный и политический деятель. Член IV Государственной думы (1912–1917). Министр

торговли и промышленности Временного правительства (1917). Влиятельная фигура русского зарубежья — *347*

Константин Дмитриевич — вероятно, офицер 64-й пехотной дивизии — *200*

Константин Николаевич (1827–1892) — великий князь, генерал-адмирал, председатель Государственного совета, второй сын императора Николая Павловича и супруги его императрицы Александры Федоровны. Пользуясь доверием Александра II, явился пособником его в проведении реформ, а именно: при введении гласного суда и ограничении телесных наказаний, а также в деле освобождения крестьян. Оказывал покровительство Русскому географическому обществу, с 1852 г. председатель Русского археологического общества, с 1873 г. президент Русского музыкального общества — *289*

Константинов — полковник 254-го Николаевского полка 64-й пехотной дивизии (осенью 1916 г.) — *99, 100, 154, 177, 178, 187*

Корвин-Пиотровский — прапорщик 76-го Кубанского полка, окончивший повторительный курс при 19-й пехотной дивизии — *326*

Кордюков Павел Алексеевич — генерал-лейтенант (1915), участник Русско-японской войны (1904–1905), командир 146-го пехотного Царицынского полка, врид командира 148-го пехотного Каспийского полка. Георгиевский кавалер. С 1912 г. командир 1-й бригады 23-й пехотной дивизии. Командовал 23-й пехотной дивизией (1915–1917). С августа 1917 г. начальник 83-й пехотной дивизии. С марта 1918 г. и. д. генерала для поручений при начальнике войск полосы отчуждения КВЖД. С ноября 1918 г. временно командующий формируемой на Дальнем Востоке 9-й Сибирской стрелковой дивизии войск А. В. Колчака. С января 1919 г. также начальник гарнизона г. Никольск-Уссурийска, позже уполномоченный по охране государственного порядка и общественного спокойствия в г. Никольск-Уссурийске и уезде. С апреля 1919 г. в резерве. Эмигрант. Почетный член Общества взаимопомощи бывших русских военнослужащих в Латвии. Умер в Риге — *388–390*

Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918) — генерал от инфантерии (1917), широко известен по военным и политическим событиям Первой мировой и Гражданской войн. Сослуживец Снесарева по ТуркВО. Был в дружбе с его семьей, крестный отец двух сыновей Снесарева — близнецов Георгия и Александра. В июле — августе 1917 г. Верховный главнокомандующий, руководитель «корниловского мятежа», один из создателей и первый командующий белогвардейской Добровольческой армии (декабрь

1917 — апрель 1918 г.). Убит в бою под Екатеринодаром — *26, 48, 108, 260, 271, 341, 344, 371*

Короваев — штабс-капитан 74-й пехотной дивизии — *73*

Король Италии и Албании Виктор Иммануил III (1869–1947) — итальянский король (1900–1946). Его правление отмечено войнами Италии с Турцией (1911–1912), с Эфиопией (1935–1936), интервенцией в Испанию (1936–1939), войной с Албанией (1939), участием в Первой и Второй мировых войнах. 11 июня 1940 г. объявил войну Франции и Великобритании, а 13 октября 1943 г. — Германии. В 1946 г. отрекся от престола и уехал в Египет — *116*

Король Румынский (Фердинанд I) (1865–1927) — король Румынии из династии Гогенцоллернов-Зигмарингенов с 10 октября 1914 г. до своей смерти. Когда австро-германские войска заняли Бухарест, был вынужден на некоторое время эмигрировать — *62, 164, 217, 220, 224, 225, 227*

Корольков Федор Иванович (1876–1920) — генерал-лейтенант (1920). Окончил Николаевскую академию ГШ (1903), далее на штабной работе. Офицер для поручений при штабе Туркестанского ВО (1910), с июля 1913 г. начштаба 4-й Туркестанской стрелковой бригады, с февраля 1916 г. командир 48-го пехотного Одесского полка. Георгиевский кавалер. С января 1917 г. генерал для поручений при командующем 6-й армией, с июля 1917 г. командующий 61-й пехотной дивизией. Участник Белого движения, в Добрармии и ВСЮР. В 1918 г. председатель комиссии Кубанского казачьего войска. В 1919 г. начальник Кубанского генерала Алексеева военного училища, затем начальник гарнизона Екатеринодара, позже в резерве чинов ВСЮР. При эвакуации Русской армии остался в Крыму. В декабре 1920 г. расстрелян в Керчи — *58, 266, 267, 289*

Короткевич Николай Николаевич (1859–19?) — генерал-лейтенант (1914). Окончил Николаевскую академию ГШ (1888), штаб-офицер для поручений при штабе Туркестанского ВО (1894–1896), на штабной работе, участник кампании 1904–1905 гг. в качестве командира 56-го пехотного Житомирского полка, командир бригады 30-й пехотной дивизии (1905–1910), начальник 1-й Финляндской стрелковой бригады (1910–1914), с мая 1914 г. начальник 40-й пехотной дивизии, с мая 1915 по 1917 г. командир XXXVI АК. С 1919 г. во ВСЮР — *341*

Корсаков (Римский) (Корсак) Иван Николаевич — флигель-адъютант, затем камергер, позже генерал-адъютант. В 1778–1779 гг. фаворит императрицы Екатерины II, ставший одним из самых богатых людей России — *294, 295, 326*

Кортацци Георгий Иванович (1866–1932) — генерал-майор, сослуживец Андрея Евгеньевича по Главному управлению генерал-квартирмейстера. Окончил Николаевскую академию ГШ (1896), командир 133-го Симферопольского полка (1910), в марте 1915 г. дежурный генерал штаба армий Юго-Западного фронта, с июня 1917 г. дежурный Ставки ВГ. В Добровольческой армии и во ВСЮР. С февраля 1919 г. в резерве. С июля 1919 г. ставропольский губернатор, с ноября 1919 г. главный начальник снабжений ВСЮР. В эмиграции с 1920 г. в Югославии и во Франции — *37, 264, 427*

Корф Наталья Александровна — баронесса, медсестра 3-го Хирургического передового отряда — *118*

Корягин (Карягин) Степан Семенович — полковник (с мая 1914 г.). Есаул 2-го Кавказского полка Кубанского казачьего войска (1910). В марте 1916 г. командир 2-го Линейного полка Кубанского казачьего войска. С мая 1916 г. в резерве — *42*

Котарбинский Вильгельм Александрович (1854–1921) — живописец, символист, автор образов и картин в Киевском соборе Св. Владимира — *261*

Крамаренко Петр Павлович — полковник (1910), с июня 1915 г. командир 223-го пехотного Одоевского полка — *321*

Краснокуцкий — штабс-капитан, командир 14-й роты 4-го батальона 133-го пехотного Симферопольского полка (январь 1917 г.) — *324*

Красовский Александр Аполлинариевич (1865 — после 1929) — генерал-майор (1912). Полковник, командир 4-го гусарского Мариупольского полка (1908–1912), с 1912 г. командир 1-й бригады 8-й кавалерийской дивизии. С января 1916 по апрель 1917 г. командующий 8-й кавалерийской дивизией. Уволен от службы по прошению 24 мая 1917 г. В эмиграции в Египте — *202*

Краузе — медсестра — *388*

Кременчуцкий Климентий Тарасович — поручик, в ноябре 1915 г. начальник команды разведчиков 133-го Симферопольского полка, в январе 1917 г. штабс-капитан, командир 6-й роты 2-го батальона того же полка — *324*

Кривдин Филипп Васильевич (1972–19?) — полковник (1915), командир 467-го Кинбурнского полка 117-й пехотной дивизии (1917). 24 июня 1917 г. оставил должность по болезни. В армии УНР. Командир 12-го пехотного Брацлавского полка (1918–1919) — *310*

Кривицкий Анатолий Николаевич — полковник (1915) 145-го пехотного Новочеркасского полка — *231*

Кривошеин Александр Васильевич (1857–1921) — гофмейстер, главноуправляющий земледелием и землеустройством (1908–1915), член Государственного совета — *233*

Криницкий — полковник, погиб на войне — *48*

Криницкий Марк (псевдоним Михаила Владимировича Самыгина) (1874–1952) — русский прозаик, драматург, автор многочисленных романов — *379*

Криштафович Владимир Михайлович — генерал-майор (1912), командир артиллерии Ивангородской крепости (1910), с апреля 1916 г. инспектор артиллерии 9-й армии — *66*

Криштопенко (Криштофенко) Василий Кондратьевич — полковник (1906), Бендерский уездный воинский начальник (1910), до ноября 1914 г. Одесский уездный воинский начальник, в 1916 г. командир 254-го Николаевского полка 64-й пехотной дивизии — *129, 166, 168, 169, 181, 187, 205, 209, 215*

Крузенштерн Николай Федорович, фон (1854–1940) — генерал от кавалерии (1913), участник кампании 1877–1878 гг. Окончил Николаевскую академию ГШ (1881), далее на штабных должностях, офицер ГШ, начальник штаба 1-й гвардейской кавалерийской дивизии (1895–1900), затем командир 11-го драгунского Харьковского полка. Командир лейб-гвардии Уланского Его Величества полка (1904–1906), начальник 1-й гвардейской кавалерийской дивизии в Санкт-Петербурге (1907–1910), с декабря 1910 г. командир XVIII АК, с октября 1916 г. член Военного совета. После Октябрьской революции эмигрировал в Эстонию. В 1930-х гг. был председателем Суда чести Общества взаимопомощи бывших военнослужащих в Таллине — *38, 99, 101, 107, 110, 167*

Крумбольд — прапорщик 159-й пехотной дивизии, член солдатского комитета — *439, 440*

Крыжановский Николай Михайлович — ротмистр, вероятно, офицер штаба XII АК (весна 1917 г.) — *38, 348, 349, 359, 366–369, 374, 376*

Крылов Иван Андреевич (1769–1844) — русский публицист, поэт, баснописец, издатель сатирико-просветительских журналов. Многие выражения из басен Крылова стали крылатыми — *276*

Крылов Константин Александрович (1860–1930) — генерал от инфантерии (с января 1917 г.). Окончил Николаевскую академию ГШ (1887), далее на штабных должностях, участник похода против Китая (1900–1901), командир 130-го Херсонского полка (1904–1906). С декабря 1906 г. начальник Киевского военного училища, с сентября 1915 г. командир XXXIII АК, с апреля 1917 г. в резерве чинов в связи с болезнью. Во время Гражданской войны в ВСЮР. В эмиграции в Югославии — *341, 387, 392, 412*

Крымов Александр Михайлович (1871–1917) — генерал-лейтенант (с апреля 1917 г.). Окончил Николаевскую академию ГШ (1902), участник Русско-японской войны (1904–1905). Делопроизводитель мобилизационного отдела ГУГШ (1906–1910), затем начальник отдела там же. Командир 1-го Аргунского полка Забайкальского казачьего войска (1911–1913). С 1913 г. и. д. генерала для поручений при командующем войсками Туркестанского ВО, с декабря 1915 г. командующий Уссурийской конной дивизией. С апреля 1917 г. командующий III АК. Участник выступления Л. Г. Корнилова, главнокомандующий отдельной Петроградской армией. Застрелился — *335, 336, 406*

Кудряшев — подпоручик, артиллерист, защитник Орлиного гнезда в 1916 г. — *132, 141*

Кузнецов — *42*

Кузьменко — ефрейтор — *106*

Кузьмин — есаул 2-го Линейного полка Кубанского казачьего войска — *286*

Кузьмин-Караваев Александр Николаевич (1862–1923) — с июля 1914 г. генерал-лейтенант. Окончил Николаевскую академию ГШ (1889), делопроизводитель канцелярии военно-ученого комитета Главного штаба (1897–1901), военный агент в Брюсселе и Гааге (1901–1907), с декабря 1912 г. начальник штаба II Кавказского АК, с ноября 1914 г. начальник 76-й пехотной дивизии, с декабря 1916 г. командир XXVII АК. С мая 1917 г. в резерве. После Октябрьской революции покинул родину. В эмиграции был членом Общества русских офицеров Генштаба — *341*

Кузьмин-Караваев Владимир Дмитриевич (1859–1927) — русский юрист, общественный и политический деятель, ученный и публицист, генерал-майор (1901), с 1905 г. в отставке. Профессор Александровской военно-юридической академии до 1915 г. Депутат Государственной думы I и II созывов. С 1908 г. профессор юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Масон. С 1909 г. присяжный поверенный. В 1911–1916 гг. один из авторов словаря Брокгауза и Ефрона. В 1914–1918 гг. член Петроградского городского комитета Всероссийского союза городов, председатель ревизионной комиссии Всероссийского земского союза, член Центрального военно-промышленного комитета. После Февральской революции сенатор первого департамента Сената. В августе 1917 г. на совещании общественных деятелей в Москве избран в Совет общественных деятелей. Входил в состав Политического совещания при Юдениче. Заведовал продовольственным обеспечением Северо-Западной армии. В эмиграции в Париже. Преподавал в Парижском университете — *455*

Кульчицкий — нижний чин технического батальона 5-го Инженерного полка — *283, 284*

Куроки Никанор Александрович — капитан ГШ японской службы, племянник знаменитого генерала, командующего 1-й японской армией в Русско-японскую войну (1904–1905) — *165, 166, 168, 169, 173–175, 180–182, 184, 202, 205, 207, 213, 235, 238, 265*

Куроки Тамэмото, граф (1844–1923) — японский генерал. Во время Русско-японской войны (1904–1905) командовал 1-й армией в сражении при Ляояне, сражении на реке Шахе и Мукденском сражении — *165*

Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) — генерал от инфантерии (1900). С начала Первой мировой войны член Государственного совета. С августа 1915 г. командир гренадерского корпуса, затем командующий 5-й армией. С февраля 1916 г. ГК армиями Северного фронта. С июля 1916 г. Туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского ВО. После революции поселился в своем бывшем имении, преподавал в основанной им сельской школе и заведовал волостной библиотекой — *257, 258*

Кусонский Павел Алексеевич (1880–1941) — генерал-лейтенант (1922). Окончил Императорскую Николаевскую военную академию (1911), офицер ГШ, с мая 1914 г. помощник адъютанта штаба киевского ВО, с декабря 1915 г. адъютант отделения генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии, затем и. д. начальника отделения Управления генерал-квартирмейстера при ВГ, в распоряжении начштаба армий Кавказского фронта. Вслед за быховскими узниками уехал на Дон. Генерал для поручений при командующем Добрармией в июне 1918 г. С января 1919 г. генерал-квартирмейстер штаба Добровольческой Кавказской армии, в июне 1919 г. начальник штаба V кавалерийского корпуса. В Русской армии Врангеля и. д. начальника гарнизона Симферополя, начальник штаба III АК, затем начштаба 2-й армии. После эвакуации из Крыма помощник начальника штаба ГК Русской армией. После 1922 г. в Париже, в распоряжении председателя РОВСа Кутепова, затем Миллера. Сыграл роль в похищении Миллера. С 1934 г. и. д. начальника военной канцелярии РОВСа в Париже. В 1937 г. в Комитете для координации действий благотворительных организаций. С 1938 г. в Бельгии, работал переводчиком. И. о. помощника начальника РОВС. 22 июня 1941 г. арестован гестапо по подозрению в работе на советскую разведку. Скончался в концлагере Бреендонк от побоев — *232, 243*

Кусонский Павел Михайлович (1866 — после 1921 г.) — генерал-майор (1915). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899),

далее на штабных должностях. Заведовал передвижением войск (1904–1907), начальник отделения ГУГШ (1908–1913), с января 1914 г. командир 134-го пехотного Феодосийского полка, с мая 1915 г. помощник начальника военных сообщений ГУГШ. Добровольно вступил в РККА. Начальник 5-го отдела Цупвосо. Включен в списки ГШ РККА от 1919 и 1920 гг. Находился в распоряжении начальника железнодорожных курсов. С июля 1921 г. помощник начальника Комендантской школы — *43, 46*

Кутузов (Голенищев-Кутузов) Михаил Илларионович (1745–1813) — главнокомандующий русскими армиями во время Отечественной войны 1812 г., первый полный кавалер ордена Св. Георгия. В 1812 г. получил чин генерал-фельдмаршала и титул светлейшего князя Смоленского — *206*

Кухарь Иван Тихонович — прапорщик, командир 3-й роты 270-го пехотного запасного полка — *297*

Кшесинская Матильда Феликсовна (*Мария-Матильда Адамовна-Феликсовна-Валериевна Кржезинская*) (1872–1971) — известная русская балерина. В 1892–1894 гг. была любовницей цесаревича Николая Александровича (будущего Николая II), затем великих князей Сергея Михайловича и Андрея Владимировича. С последним вступила в брак в 1921 г. в Каннах. В 1929 г. открыла балетную студию в Париже — *399*

Лавдовский Владимир Александрович (1864–1932) — генерал-лейтенант (1917). Окончил Николаевскую академию ГШ (1898), затем при штабе Одесского ВО, офицер ГШ. С июня 1912 г. командир 59-го пехотного Люблинского полка, с марта 1916 г. начальник штаба XLV, а с мая — VIII АК, с сентября 1916 г. командующий 50-й пехотной дивизией, с апреля 1917 г. 2-й пехотной дивизией, затем командовал VII Сибирским АК. Георгиевский кавалер. В январе — марте 1918 г. командующий 7-й армией. С августа 1918 г. в армии Украинской державы. Эмигрировал в Болгарию — *342, 419*

Лазарев Борис Петрович (1882–1938) — генерал-майор (1918). Окончил Николаевскую академию ГШ (1908). Участник мировой войны. С августа 1914 г. летчик-наблюдатель 2-го корпусного авиационного отряда. И. д. начальника штаба 3-й Кавказской казачьей дивизии (с 31.01.1916). Георгиевский кавалер. Участник Белого движения на юге России. В резерве ВСЮР и Русской армии. Эмигрировал в Югославию. Вернулся (вместе с генералом Слащевым) в СССР в 1921 г. Репрессирован — *92*

Лайминг Павел Александрович, фон (1852–1917) — генерал от инфантерии (1914). Окончил Николаевскую академию ГШ (1878), участник кампаний 1877–1878 гг., 1904–1905 гг.,

офицер ГШ. Командир пехотного Ладожского полка (1896), в 1896–1901 гг. начальник Московского, затем до 1903 г. — Александровского военного училища; командовал 2-й, 55-й пехотной дивизиями. Командовал X АК (1906–1907), затем в распоряжении военного министра. Помощник главного начальника военно-учебных заведений (1908–1910), затем генерал для поручений при генерал-инспекторе военно-учебных заведений, с марта 1916 г. командир XLV АК. С апреля 1917 г. в резерве. Расстрелян большевиками — *341, 342*

Лампе Алексей Александрович фон (1885–1967) — генерал-майор ГШ (1921). Окончил 1-й кадетский корпус, Николаевское инженерное училище и Николаевскую военную академию (1913). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. В 1916 г. — подполковник и штаб-офицер для поручений при штабе XVIII армейского корпуса. В 1917 г. — и. д. генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии. Летом-осенью 1918 г. вместе с полковником Б. А. Штейфоном возглавлял подпольный Добровольческий центр в Харькове. В Добрармии — начальник оперативного отдела в группе войск генерала Врангеля, а затем в Управлении генерал-квартирмейстера Кавказской Добрармии. В эмиграции военный представитель Русской армии за рубежом: в Дании, в Венгрии и с 1923 г. в Германии. Затем возглавлял 2-й отдел РОВСа в Берлине. После роспуска РОВСа в Германии арестовывался гестапо. После Второй мировой войны переехал во Францию и стал заместителем начальника РОВСа генерала Архангельского. С февраля 1957 г. — его преемник. Возглавлял РОВС до конца жизни. В эмиграции издал семь томов сборника «Белое Дело», где в 4-м и 5-м томах впервые опубликованы «Записки» генерала Врангеля — *107*

Ланской Александр Дмитриевич (1754–1784) — граф, генерал, фаворит императрицы Екатерины II в 1779–1784 гг. — *294, 295*

Лаппо-Данилевская Надежда Александровна (1874–1951) — писательница, имевшая успех в начале XX в. Эмигрировала, перешла в католичество. Умерла во Франции. Была известна своей благотворительностью — *406, 407*

Лапшина Варвара Григорьевна — *465*

Ларко Андрей Иванович — подполковник, в мае 1917 г. начальник штаба 159-й пехотной дивизии. Эстонец — *427*

Ларченко — *382*

Ласточкин Владимир Гурьевич (1871–1920) — генерал-майор (1915). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899), затем при штабах Кавказского и Туркестанского ВО, начальник штаба крепости Кушка (1912–1913), с июня 1913 г. командир 15-го Тур-

кестанского стрелкового полка, с января 1915 г. начальник штаба I Кавказского АК. Георгиевский кавалер. С июня 1917 г. командующий 4-й Кавказской стрелковой дивизией, затем в резерве. Проживал в г. Ессентуки. Арестован в 1920 г., осужден к ВМН. Расстрелян — *43, 45*

Латий Владимир Георгиевич — офицер, командир 4-го батальона пехотного 253-го Перекопского полка — *134, 138, 165, 199, 200, 209, 242*

Лебедев Николай Владимирович (1877–1925) — генерал-майор (1917), участник военных действий против Китая (1900–1901). Окончил Николаевскую академию ГШ (1904), участник кампании 1904–1905 гг., далее на штабных должностях. С января 1913 г. заведовал воинскими перевозками по железным дорогам и водяным путям Китайско-Восточного района, с августа 1916 г. командир 77-го пехотного Тенгинского полка, начальник штаба 10-й пехотной дивизии, с сентября 1917 г. в резерве. С декабря 1917 г. начальник штаба Заамурского округа пограничной стражи. В июле 1919 г. в штабе ВГ А. В. Колчака, главный начальник военных сообщений при ВГ. В августе 1919 г. отбыл в Екатеринодар. В эмиграции в Китае. Умер в Харбине — *147*

Лебединский — полковник, был убит на войне — *48*

Левашов В. Я. — один из фаворитов императрицы Екатерины II — *294*

Левицкий, возможно Борис Антонович (1884–1919) — генерал-майор (1917). Окончил Императорскую Николаевскую военную академию (1911), с апреля 1913 г. старший адъютант штаба 19-й пехотной дивизии, с октября 1916 г. старший адъютант отделения генерал-квартирмейстера при штабе 7-й армии. С августа 1917 г. и. д. генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии, с сентября 1917 г. генерал для поручений при ВГ и начальник Военного кабинета министра-председателя и ВГ А. Ф. Керенского. Георгиевский кавалер. В ноябре 1917 г. находился в Ставке в Могилеве, затем в распоряжении начальника штаба Кавказского фронта. Служил в РККА. Делопроизводитель ГУГШ (с марта 1918 г.). Сотрудник отделения по борьбе с дезертирством Всероглавштаба. Арестован органами ЧК в феврале 1919 г. Расстрелян в Москве — *381*

Лёля — Елена Павловна Вилкова, племянница А. Е. Снесарева, дочь его сестры Лидии Евгеньевны — *108*

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924) — революционер, организатор партии большевиков, первый глава Советского государства — *22, 399*

Ленский — уполномоченный 74-го передового отряда Красного Креста — *129*

Леонтович, вероятно, Евгений Александрович (1862–1937) — генерал-лейтенант (1914). Окончил Николаевскую академию ГШ (1890). С сентября 1908 г. командир бригады 2-й кавалерийской дивизии, начальник 3-й кавалерийской дивизии, командир АК. В Добрармии и ВСЮР. В декабре 1917 — январе 1918 г. формировал добровольческие части в Одессе, в начале ноября 1918 г. начальник формирований Одесского центра армии. Летом 1919 г. в штабе войск Юго-Западного края. В эмиграции в Бессарабии, примыкал к окружению великого князя Николая Николаевича — *356*

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841) — русский поэт, один из любимых поэтов А. Е. Снесарева — *92, 156, 344*

Лечицкий Платон Алексеевич (1856–1923), генерал от инфантерии, командовал войсками Приамурского военного округа, командующий 9-й армией (1914–1917). С апреля 1917 г. в отставке. После большевистской революции перешел в РККА; был арестован и умер в тюрьме в Москве — *51, 97, 103, 111, 113, 126, 132, 150, 248, 271, 392, 465*

Леш Леонид Вильгельмович (Павлович) (1861–1934) — генерал от инфантерии (1914). Окончил Николаевскую академию ГШ (1892), участник Китайской кампании (1900–1901), Русско-японской войны (1904–1905). Начальник Закаспийской области и командир II Туркестанского АК (1913–1915), в феврале — мае 1915 г. командир XII АК, с июня 1915 по апрель 1917 г. командующий 3-й армией, затем в резерве, в отставке. Георгиевский кавалер, участник Белого движения на юге России, с 1920 г. в эмиграции в Сербии — *260, 271, 373, 374*

Лигнау Александр Георгиевич (1875–1938) — генерал-майор (1917). Окончил Николаевскую академию ГШ (1905), помощник старшего адъютанта штаба Владивостокской крепости (1910), с марта 1913 г. офицер для поручений при штабе II Туркестанского АК, с апреля 1916 г. командир 170-го Молодечинского полка. С февраля 1917 г. начштаба 152-й пехотной дивизии, с апреля 1917 г. начштаба VII Сибирского АК, с августа 1917 г. командующий 21-й пехотной дивизией. Служил в РККА, преподавал в Академии РККА, в 1930 г. арестован по делу «Весна». Отбывал наказание вместе со Снесаревым в Свирьлаге, был освобожден в 1932 г. Повторно арестован в 1937 г., расстрелян — *105, 167*

Лилье Александр Иванович (1874–1919?) — полковник (1908). Окончил Николаевскую академию ГШ (1903), далее на штабных должностях, с апреля 1914 г. старший адъютант штаба Новогеоргиевской крепости, затем штаб-офицер для поручений при штабе XX АК. Попал в плен в Августовских лесах в 1915 г.

По другим данным — участник Белого движения. Служил в ВСЮР. Умер в Харькове — *49*

Лиля — сестра Андрея Евгеньевича Лидия Вилкова — *376*

Линда Константин Павлович (1868–1914) — генерал-майор. Окончил Николаевскую академию ГШ (1897), далее на штабных должностях, столоначальник Главного штаба (1903–1904), участник кампании 1904–1905 гг., в апреле — июле 1907 г. в распоряжении начальника ГШ, затем начштаба 27-й пехотной дивизии. Командир 63-го пехотного Углицкого полка (1908–1909), с апреля 1914 г. командир 20-го пехотного Галицкого полка. Погиб в бою у Перемышля — *47*

Лисенко Микола Витальевич (1842–1912) — украинский композитор, пианист, дирижер, педагог, собиратель песенного фольклора — *283*

Лихачев Василий Васильевич — подполковник (1916), поручик 57-го пехотного полка (1910), командир 2-го батальона 253-го пехотного Перекопского полка, под Орлиным гнездом (октябрь 1916 г.), исполняющий должность командира того же полка, входящего в состав 64-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер — *11, 109, 114, 117, 137, 138, 140, 142–145, 149, 152, 160, 166, 169, 174, 178, 187, 191–194, 196, 199, 209, 215, 216, 234, 240, 262, 299, 317, 324, 451, 452*

Ллойд Джордж Дэвид, 1-й граф Дуйвор, виконт Гвинед (1863–1945) — британский политический деятель. С 1905 г. член правительства, министр торговли (1906–1909), министр финансов (1909–1916), премьер-министр Великобритании от Либеральной партии (1916–1922). Возглавлял британскую делегацию на переговорах с Германией, подписал Версальский мир. Близкий друг У. Черчилля. Один из организаторов военной интервенции в Советской России — *206*

Лобанова-Ростовская Ольга Ивановна (1892–19?) — княжна, медсестра 61-го передового отряда Красного Креста при 12-й пехотной дивизии, Петроградской Св. Евгении общины; сестра военного времени, Одесской общины; зачислена 3 декабря 1914 г. во 2-й этапный лазарет общины Красного Креста имени греческой колонии — *102, 123*

Лобза Петр Степанович — офицер 12-й пехотной дивизии; поручик 47-го пехотного Украинского полка (1910) — *66*

Локк Уильям Джон (1863–1930) — английский писатель, входил в начале XX в. в пятерку популярных романистов мира, мастер любовной прозы. Автор около 30 романов — *413*

Ломновский Петр Николаевич (1871–1956) — генерал-лейтенант (май 1916 г.). Окончил Николаевскую академию ГШ (1898).

Генерал-квартирмейстер штаба Киевского ВО, начальник штаба 8-й армии (1914–1915), начальник 15-й пехотной дивизии (июль 1915 г.), затем командир VIII АК (с апреля 1917 г.), командующий 10-й армией (1917). Затем в сентябре 1917 г. в резерве. В Добрармии в Киевском центре с июня 1917 г., представитель армии в Киеве (1917–1919). В эмиграции в Болгарии и Франции — *340*

Лонгена Ромеи (Langhena Romei) — граф, генерал-адъютант короля Италии — *114–117, 133, 138, 254–256*

Лондон Джек (настоящее имя Джон Гриффит) (1876–1916) — американский писатель — *54, 105, 118, 214, 215*

Лопухин Дмитрий Александрович (1865–1914) — генерал-майор (1914), приятель А. Е. Снесарева по Университету. Окончил Николаевскую академию ГШ (1900). С 1911 по февраль 1914 г. командовал Бугским уланским полком. Погиб на войне, будучи командиром лейб-гвардии Конно-гренадерского полка — *47, 330, 331*

Лохвицкая Мария Александровна, по мужу Жибер (1869–1905) — русская поэтесса, подписывавшаяся псевдонимом **Мирра Лохвицкая**; сестра Тэффи и Н. А. Лохвицкого. К концу 1890-х гг. достигшая творческого пика и массового признания, вскоре после смерти была забыта. В 1980–1990-е гг. интерес к творчеству поэтессы возродился; некоторые исследователи считают ее основоположницей русской «женской поэзии» XX в. — *315*

Лукашевич Сергей Владимирович — генерал-майор (с ноября 1914 г.), в 1910 г. начальник артиллерийского военного полигона Петербургского ВО, с февраля 1916 г. командир 102-й артиллерийской бригады. С апреля 1917 г. начальник 102-й пехотной дивизии — *419*

Лукиан (псевдоним Любошица Семена Борисовича) (1859–1926) — журналист, фельетонист, театральный критик; печатался в «Биржевых ведомостях» (1915–1917), «Новых ведомостях» (1918). Автор статей о А. П. Чехове и И. С. Тургеневе — *451*

Лукин — пулеметчик, раненный под Орлиным гнездом — *141*

Лукомская Зинаида Александровна — сестра милосердия 3-го Хирургического передового отряда, дочь генерала Лукомского А. С. — *118, 254, 265*

Лукомский Александр Сергеевич (1868–1939) — генерал-лейтенант (1916). Окончил Николаевскую академию ГШ (1897), далее на штабных должностях, в 1907–1909 гг. начштаба 42-й пехотной дивизии, затем и. д. начальника мобилизационного отдела Главного штаба. Начальник мобилизационного отдела ГУГШ (1909–1913), с января 1913 г. помощник начальника канцелярии Военного министерства, с апреля 1916 г. начальник 32-й пехотной

дивизии, с декабря 1916 г. генерал-квартирмейстер при ВГ, с апреля 1917 г. командир I АК, с июня 1917 г. начштаба ВГ. В августе 1917 г. отстранен от должности. Один из организаторов Добровольческой армии. В декабре 1917 — феврале 1918 г. начальник штаба Добрармии, затем заместитель председателя Особого совещания при Верховном руководителе. С сентября 1918 г. помощник ГК А. И. Деникина и начальник Военного и Морского управления, председатель Особого совещания при ГК ВСЮР, с декабря 1919 г. глава правительства при ГК ВСЮР. С 1920 г. представитель ГК Русской армией генерала Врангеля при командовании в Константинополе, затем в распоряжении ГК. В эмиграции помощник великого князя Николая Николаевича, выполнял его секретные поручения, жил в Ницце — *254, 255, 340*

Львов Владимир Николаевич (1872–1934) — помещик, октябрист, депутат III и IV Государственных дум. В Думе был председателем комиссии по делам православной церкви. В 1910 г. перешел в партию националистов, в 1911 г. стал одним из организаторов «Партии центра». Во Временном правительстве с марта по июль 1917 г. обер-прокурор Святейшего синода. После Октября принимал участие в контрреволюционном движении, позже эмигрировал за границу. В 1921 г. был одним из видных сменовеховцев. Участвовал в церковном обновленческом движении (1923–1924) — *307*

Львович Григорий Федорович — переводчик и издатель, владелец книгоиздательства в Санкт-Петербурге, социал-демократ по убеждениям — *482*

Лыгин — *366*

Любивый — прапорщик, командир 4-й роты 253-го Перекопского полка, был ранен в бою под Орлиным гнездом — *141*

Любимова Людмила Ивановна — сестра милосердия, попечительница 74-го передового отряда Красного Креста Московского железнодорожного узла, жена директора департамента, возможно, Дмитрия Николаевича Любимова — *127*

Люльчишен — подпрапорщик 270-го пехотного запасного полка — *297*

Люпов Сергей Николаевич (1870–1945) — генерал-лейтенант (1917). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899), затем на штабных должностях, участник военных действий против Китая (1900–1901), кампании 1904–1905 гг. (в распоряжении командующего Маньчжурской армии, затем в распоряжении начальника Главного штаба). В 1908–1912 гг. начштаба 7-го округа пограничной стражи, затем начштаба 10-й пехотной дивизии, с декабря 1913 г. командир 182-го пехотного Гроховского полка, с июля 1914 г. командующий 104-й пехотной дивизией, с января

1917 г. начальник этой дивизии. Георгиевский кавалер. С июля 1917 г. командир XLIX АК, с сентября 1917 г. в резерве, с 29 октября командир XXV АК. Служил в белогвардейских частях, командовал 3-й стрелковой, 4-й Уфимской дивизиями, Уфимским корпусом, Камской группой войск Народной армии. В июле 1919 г. возглавил Заамурский округ Отдельного корпуса пограничной стражи. Эмигрировал в Китай, жил в Харбине, где сотрудничал с русскими газетами «Свет» и «Русский голос». Читал лекции о Русско-японской войне для слушателей японской академии ГШ в Чанчуне. Писал мемуары. Член Дальневосточного союза военных. В 1938 г. начальник военно-учебного отдела союза. В октябре 1945 г. арестован, осужден на пребывание в лагерях. Скончался в эвакогоспитале в Уссурийске. Посмертно реабилитирован — *43, 45, 261, 341*

Люстиг — офицер 73-го пехотного Крымского полка 19-й пехотной дивизии (апрель 1917 г.) — *382*

Ляхомский — командир 1-го батальона 255-го пехотного Аккерманского полка, был убит в бою 15 ноября 1916 г. под Кирлибабой — *177*

Маврин Алексей Алексеевич (1854–19?) — генерал от инфантерии (1910). Окончил Николаевскую академию ГШ (1880), затем на штабных должностях, в 1882–1885 гг. заведовал передвижением войск по железным дорогам Варшавского района, затем Петербург–Москва. Делопроизводитель отделения Главного штаба (1886–1991), командир 103-го пехотного Петрозаводского полка (1897–1898). В 1898–1902 гг. дежурный генерал Киевского ВО, затем окружной генерал-квартирмейстер, начштаба Киевского ВО (1903–1908), командир IX АК (1908–1912), с октября 1912 г. член Военного совета, с 1915 г. главный начальник снабжения армий Юго-Западного фронта, с июля 1916 г. член Военного совета. С марта 1917 г. уволен — *257*

Маевский Иосиф Альбинович (1874–1939) — московский книгоиздатель и переводчик. Был лично знаком с Дж. Лондоном, чьи книги начал переводить и издавать в России в 1905 г. В 1910 г. организовал книгоиздательство «Атенеум», затем преобразованное в издательство Маевского. За восемь лет выпустил около 100 изданий, в т. ч. произведения современных западноевропейских писателей, книги по искусству, серию научно-популярных брошюр «Летучая энциклопедия». В 1918 г. прекратил издательскую деятельность; работал переводчиком — *105*

Майборода Аркадий Иванович (1798–1845) — российский военный деятель, известный в основном как автор доноса на Пестеля и других декабристов — *291*

Майдель Борис Николаевич, барон (1871 — после 1940) — полковник (1911), участник Русско-японской войны (1904–1905), был ранен. С 1913 г. командир 2-го дивизиона 27-й артиллерийской бригады. С октября 1914 г. командир 3-го дивизиона 1-й тяжелой артиллерийской бригады. Участник Белого движения в составе ВСЮР. Эвакуирован из Новороссийска. В эмиграции в 1932 г. в Югославии. С 1940 г. в Германии. Автор воспоминаний — *184*

Май-Маевский Владимир Зиновьевич (Зенонович) (1867–1920) — генерал-майор (с августа 1914 г.). Окончил Николаевскую академию ГШ (1896), начштаба Осовецкой крепости (1900–1903), начштаба 8-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии (1904–1906), с августа 1910 г. командир 44-го пехотного Камчатского полка, с декабря 1915 г. генерал для поручений при командующем 11-й армией, с октября 1916 г. командовал 35-й пехотной дивизией, с апреля 1917 г. командующий 4-й пехотной дивизией, с июля 1917 г. командовал I Гвардейским корпусом. Георгиевский кавалер. Руководил Добровольческой армией во время ее наступления в 1919 г. на Москву. Довел армию до Киева, Орла и Воронежа, после неудач был уволен. Умер от разрыва сердца — *341, 420*

Майоров — главарь шайки в 100 человек в г. Острогожске в 1917 г. — *457*

Макаев (Макашвили) Илья Захарович, князь (1857 — после 1917) — генерал-майор (1914), участник Русско-турецкой войны (1877–1878), Русско-японской войны (1904–1905). Был ранен и контужен под г. Ляояном. Командир 18-го Сибирского стрелкового полка (1905–1914). В июле 1914 г. командир 2-й бригады 6-й пехотной дивизии, с началом войны назначен командиром бригады 56-й пехотной дивизии. В сентябре 1914 г. контужен. В феврале 1915 г. в составе III АК участвовал в Августовской операции. С сентября 1917 г. командующий 8-й Сибирской стрелковой дивизией — *321*

Макаров Степан Осипович (1848 (1849?) –1904) — русский военно-морской деятель, океанограф, полярный исследователь, кораблестроитель, вице-адмирал (1896). Разработал русскую семафорную азбуку (1895). Руководил действиями кораблей при обороне Порт-Артура, погиб на броненосце «Петропавловск», подорвавшемся на японской мине. В 1908 г. поднят флаг на построенном в память С. О. Макарова крейсере «Адмирал Макаров» — *369*

Македонов — офицер штаба 64-й пехотной дивизии, осенью 1916 г. исполнявший обязанности старшего адъютанта — *203*

Макеев — полковник, командир автомобильной роты — *363*

Макензен Август фон (1849–1945) — германский генерал-фельдмаршал (22 июня 1915 г.). В Первую мировую войну уча-

ствовал в окружении армии А. В. Самсонова. С января 1917 г. командовал оккупационными войсками в Румынии. С мая по декабрь 1918 г. ГК войсками в Румынии. Считался одним из самых талантливых военачальников Первой мировой войны и пользовался большой популярностью в послевоенной Германии. После прихода НСДАП к власти назначен прусским государственным советником — *227*

Макионек (Макиенок) Донат (1890–1941) — поручик (1917), летчик-истребитель. С 1911 г. солдат 97-го Лифляндского, затем 106-го Уфимского пехотных полков, позже был зачислен механиком в 3-й корпусной авиаотряд. 31 марта 1917 г. одержал первую победу. Был награжден тремя Георгиевскими солдатскими крестами и офицерским орденом Св. Георгия 4-й степени. После войны продолжал служить командиром 3-й эскадрильи. В 1921–1929 гг. комендант авиапарка летной школы в Быдгоще (Польша), затем в отставке в чине майора. Во время оккупации был арестован немцами, в 1941 г. попал в концлагерь Освенцим и через месяц погиб — *377*

Маклаков Василий Алексеевич (1869 (1870?) — 1957) — общественно-политический деятель, юрист, публицист, мемуарист. Адвокат, присяжный поверенный, депутат II, III и IV Государственных дум, член ЦК партии кадетов. Член Всероссийского земского союза и Прогрессивного блока. Посол Временного правительства во Франции. В 1919 г. вошел в состав «Русского политического совещания», возглавлял Центральный офис по делам русских беженцев во Франции. С 1924 г. руководитель Русского (эмигрантского) комитета объединенных организаций — *243, 307*

Максим (пулемет Максима) — станковый пулемет, разработанный американским оружейником Хайремом Стивенсом Максимом в 1883 г. Пулемет Максима стал родоначальником всего автоматического оружия, использовался во время Англо-бурской войны (1899–1902), Первой и Второй мировых войн — *311*

Максимов Николай Сергеевич (1870 — после 1931) — генерал-лейтенант (1918). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899), начштаба Осовецкой крепости (1903–1905), начштаба 1-й Кавказской казачьей дивизии (1905–1913), с мая 1913 г. командир 79-го пехотного Куринского полка, с декабря 1916 г. командир 198-го пехотного Александро-Невского полка, с марта 1917 г. начштаба 56-й пехотной дивизии, с апреля командующий этой дивизией, врид командира XXXIV АК. Контужен и эвакуирован с фронта в сентябре 1917 г. С 20 октября 1917 по февраль 1918 г. генерал для особых поручений при ГК Кавказской армией.

Остался в Грузии. До октября 1920 г. числился за штатом русской армии с правами командующего отдельной армией, затем делопроизводитель канцелярии МУВУЗа, в 1924 г. уволен из армии. С 1920 по 1930 г. неоднократно арестовывался. В 1931 г. вновь арестован, приговорен к 10 годам заключения с заменой на три года ссылки в Казахстан — *43, 46, 247*

Максимович, вероятно, Клавдий Иннокентьевич (1873 — до 1928) — генерал-майор (1917). Окончил Николаевскую академию ГШ (1900). Состоял при Кавказском ВО. В мае — июле 1909 г. был прикомандирован к артиллерии. С июля 1912 г. начальник штаба 13-й кавалерийской дивизии. Георгиевский кавалер. С июня 1915 г. командир 13-го уланского Владимирского полка. С декабря 1916 г. начальник штаба 16-й кавалерийской дивизии. Во время Гражданской войны в Добровольческой армии и ВСЮР (на февраль 1919). В эмиграции — *49*

Малафеев — командир 12-й роты 465-го пехотного Уржумского полка, погиб на войне в феврале 1917 г. — *313*

Малеев — полковник, погиб на войне. Вероятно, Дмитрий Павлович, в 1910 г. командир 183-го пехотного резервного Пултусского полка — *47*

Малиновский Роман Вацлавович (1876–1918) — социал-демократ, меньшевик, затем большевик; с 1910 г. — секретный сотрудник Московского охранного отделения, затем Департамента полиции, член ЦК РСДРП (1912–1914), депутат IV Государственной думы, в которой возглавлял социал-демократическую фракцию, разоблачен как провокатор в 1917 г.; по приговору трибунала расстрелян в 1918 г. — *457*

Мальцев — ротмистр — *77*

Мальцева Марья Алекс. (урожденная) — жена убитого на войне офицера 255-го Аккерманского пехотного полка — *109*

Мамайлов — штабс-капитан, командир 2-й роты 1-го батальона 133-го пехотного Симферопольского полка (январь 1917 г.) — *324*

Мамонов-Дмитриев Александр Матвеевич (1758–1803) — граф (1788), генерал-поручик (1788), генерал-адъютант (1788), предпоследний фаворит императрицы Екатерины II в 1786–1789 гг. Благодаря пожалованиям Екатерины II стал обладателем одного из крупнейших в России состояний. Единственный из фаворитов, сумевший сохранить хорошие отношения с Павлом I — *293–295*

Манасевич-Мануйлов Иван Федорович (1868–1918) — отставной коллежский асессор, сотрудник газеты «Новое время»,

член Союза русских писателей. С 1899 г. представитель Департамента полиции в Риме, неоднократно посылался за рубеж с секретными заданиями. В 1916 г. чиновник по особым поручениям при председателе Совета министров Б. В. Штюрмере, через него Штюрмер осуществлял связь с Г. Распутиным. Пытался использовать знакомство со Штюрмером и Распутиным для устройства своих личных дел. Привлечен к суду, но затем освобожден. Убит большевиками — *449*

Мандрыка Георгий Акимович (1869–1937) — генерал-лейтенант (1917). Окончил Николаевскую академию ГШ (1896), при штабе Приамурского ВО (1898–1902), участник кампании 1904–1905 гг., начштаба Урало-Забайкальской сводной казачьей дивизии (1905–1906), начштаба 2-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии (1906–1909), с июня 1909 г. командир 23-го Сибирского стрелкового полка. В 1916 г. считался погибшим, вывел остатки своего полка из окружения у Березин. Начштаба 16-й, затем 104-й, а с мая 1916 г. — 56-й пехотной дивизии. С весны 1917 г. начштаба 16-й пехотной дивизии, а с июля — ее начальник. Затем командир IV АК. В конце 1917 г. корпус был украинизирован и переименован во 2-й Запорожский сечевой корпус, командир этого корпуса (1917–1918). В армии Украинской державы. Участник Белого движения на Восточном фронте. С июля 1919 г. в резерве при управлении генерал-квартирмейстера Ставки ВГ. В эмиграции в Китае (Харбин) с 1921 г. — *48, 261*

Мануйлов Александр Аполлонович (1861–1929) — российский ученый-экономист, профессор, заведующий кафедрой политической экономии и статистики, ректор Московского университета, редактор газеты «Русские ведомости» (1905–1911), член Государственного совета, член ЦК партии кадетов, министр народного просвещения Временного правительства (1917) — *449, 484*

Мар Анна (Анна Яковлевна Леншина) (1887–1917) — известная беллетристка, которую современники называли «Захер-Мазохом в юбке», окончившая жизнь самоубийством — *153*

Мария Федоровна (Феодоровна) Мария-София-Фредерика-Дагмара (1847–1928) — дочь Кристиана, принца Глюксбургского, впоследствии Кристиана IX, короля Дании, принцесса Датская, в православии — российская императрица, супруга Александра III, мать императора Николая II — *416, 449*

Маркевич-Пиотровская Ксения Николаевна (в письмах Снесарева упоминается как Минкович-Пиотровская) — медсестра 74-го передового отряда Красного Креста Московского железнодорожного узла — *127*

Марков — поручик, в апреле 1917 г. командир 2-го батальона 634-го Сарыкамышского полка 159-й пехотной дивизии — *395, 403*

Марков (Марков 2-й) Николай Евгеньевич (1866–1945) — один из лидеров Союза русского народа, «Союза Михаила Архангела» и крайне правых в 3-й и 4-й Государственных думах. С 1915 г. член Особого совещания по обороне. В России был крупным помещиком. С 1920 г. в эмиграции, председатель Высшего монархического совета (1921–1927) — *307, 449*

Марков Николай Львович (Марков 1-й) (1841–19?) — инженер путей сообщения, предприниматель, действительный статский советник. Член совета Русско-Азиатского банка, Председатель правления Юго-Восточных железных дорог. Член Государственной думы 3-го и 4-го созывов, октябрист, член Государственного совета — *234*

Марков Сергей Леонидович (1878–1918) — генерал-лейтенант (1917). Окончил Николаевскую академию ГШ (1904), участник кампании 1904–1905 гг., далее на штабных должностях, помощник делопроизводителя ГУГШ (1908–1911), с октября 1911 г. преподаватель военных наук Николаевской военной академии. С началом войны назначен начальником разведывательного отделения управления генерал-квартирмейстера штаба армий Юго-Западного фронта. С сентября 1914 г. начальник управления генерал-квартирмейстера. С октября 1914 г. начштаба 19-й пехотной дивизии, с декабря начштаба 4-й стрелковой бригады. С февраля 1915 г. командующий, а с сентября командир 13-го стрелкового полка. С апреля 1916 г. начштаба 2-й Кавказской казачьей дивизии, с января 1917 г. генерал для поручений при командующем 10-й армии. С апреля 1917 г. командующий 10-й пехотной дивизией, с мая 2-й генерал-квартирмейстер при ВГ, с июня и. д. начштаба армий Западного, а с августа — Юго-Западного фронтов. В августе 1917 г. отчислен от должности указом А. Ф. Керенского с преданием суду за мятеж и арестован. Бежал на Дон, одним из первых вступил в Добрармию, с января 1918 г. начальник штаба 1-й Добровольческой дивизии. Участник Ледяного похода. С 12 февраля 1918 г. командир 1-го Офицерского пехотного полка, затем командир 1-й пехотной бригады, командир 1-й пехотной дивизии. Был ранен в начале Второго Кубанского похода, умер в станице Мечетинская — *420*

Мартос Николай Николаевич (1858–1933) — генерал от инфантерии (1913), участник Русско-турецкой войны (1877–1878). Окончил Николаевскую академию ГШ (1883), далее на штабной работе, в 1897–1900 гг. начштаба 14-й кавалерийской, 13-й пехотной дивизий, а затем десантного корпуса. Участвовал в походе

против Китая (1900–1901), в Русско-японской войне (1904–1905). Состоял при штабе Одесского военного округа (1900–1904), в феврале — августе 1905 г. начштаба VIII АК, начальник 15-й пехотной дивизии (1905–1907), помощник Приамурского генерал-губернатора (1907–1910), с февраля 1911 г. командир XV АК. В августе 1914 г. выступил на фронт в составе 2-й армии генерала А. В. Самсонова. Был захвачен в плен, числился пропавшим без вести. Содержался в лагерях для военнопленных под Берлином (1914–1917). В феврале 1917 г. заключен в крепость Кюстрин, позже отправлен в Россию. В августе 1918 г. переведен в госпиталь в Москву, выехал в Киев. При П. П. Скоропадском был арестован, заключен в тюрьму, освобожден и выехал в Севастополь. С 1919 г. в распоряжении штаба Крымско-Азовской Добрармии. Начальник Государственной стражи при ГК ВСЮР. В 1920 г. эвакуировался в Грецию, затем в Югославию — *48, 335, 336*

Мартынов Евгений Иванович (1864–1937) — русский и советский генерал, историк. Автор ряда военно-исторических работ — *34*

Мартынов, вероятно, Константин Акимович — подполковник (с декабря 1911 г.), во время войны попавший в плен. Окончил Николаевскую академию ГШ (1905), с сентября 1912 г. преподавал военные науки в Алексеевском пехотном училище — *49*

Марценко Анатолий Францевич — подполковник, командир 4-го батальона 256-го Елизавтградского полка. В 1910 г. поручик 60-го пехотного Замосцского полка в г. Одессе — *121, 210*

Марья Владимировна — возможно, медсестра передового отряда 95-го Красного Креста — *315*

Масатиро Фукуда — японский генерал-лейтенант, офицер ГШ, бывший военный агент Японии в Вене — *77, 78*

Матвеев Михаил Львович (1864 — после 1920) — генерал-лейтенант (1915). Окончил Николаевскую академию ГШ (1893), затем на должностях ГШ. Начштаба 18-й пехотной дивизии (1901–1905), в 1905–1910 гг. командир 184-го пехотного резервного Варшавского полка, затем комбриг 4-й Сибирской стрелковой дивизии, с июля 1912 г. командир бригады 9-й пехотной дивизии, с 29 июля 1914 г. в Болгарии командир 60-й пехотной дивизии, с октября 1914 г. в резерве. В начале 1915 г. начальник 65-й пехотной дивизии, с 24 января 1915 г. командир бригады 49-й пехотной дивизии, с февраля 1915 г. — 2-й бригады 78-й пехотной дивизии, с июня 1915 г. командующий 37-й пехотной дивизией, с июля 1915 г. в резерве, с сентября 1915 по 1917 г. начальник 3-й пехотной запасной бригады. С апреля 1917 г. уволен в связи с болезнью. Во время Гражданской войны — во ВСЮР и Русской армии (1920) — *396, 397*

Матвей Васильевич — см. *Инютин Матвей Васильевич.*

Махров Василий Семенович (1888–1940) — подполковник (1917). Окончил Императорскую Николаевскую военную академию (1914). В 1915 г. старший адъютант в штабе XX корпуса. Один из немногих офицеров, вышедших из окружения в Августовских лесах в январе 1915 г. В начале 1917 г. помощник старшего адъютанта отделения генерал-квартирмейстера штаба 7-й армии. С октября 1917 г. в резерве за болезнью. В Добрармии с апреля 1918 г. В ноябре 1918 г. был ранен. В начале 1919 г. штабс-офицер для поручений в штабе Крымско-Азовской армии. В Русской армии генерала Врангеля офицер связи между штабом II корпуса генерала Слащова и отрядом кораблей капитана Машукова. В эмиграции в Тунисе, находясь на службе при Министерстве земледелия — *375*

Мачуговский Николай Иванович (1865–1914) — генерал-майор (1908), окончил Николаевскую академию ГШ (1892), затем на штабных должностях. Командир 8-го пехотного Эстляндского полка (1904–1910), начштаба XI АК (1910–1913), с января 1913 г. начальник штаба XV АК. Погиб во время войны — *47*

Мегорская Мария Юрьевна — медсестра 61-го передового отряда Красного Креста при 12-й пехотной дивизии, Петроградской общины имени генерал-адъютанта М. П. фон Кауфмана; военного времени; зачислена 31 августа 1914 г. в 1-й военный полевой запасной госпиталь — *123*

Медин — штабс-капитан, в январе 1917 г. командир 11-й роты 3-го батальона 133-го пехотного Симферопольского полка — *324*

Медяников — прапорщик 76-го Кубанского полка, закончивший повторительный курс при 19-й пехотной дивизии (февраль 1917 г.) — *326*

Мейснер Виктор Вольдемарович, фон (1859–1928) — генерал-лейтенант (1915), командир 1-й батареи 24-й артиллерийской бригады (1896–1904), затем командир 1-го дивизиона той же бригады. Командир 35-й артиллерийской бригады (1910–1914). С марта 1915 по ноябрь 1916 г. инспектор артиллерии XXXIII АК. В резерве чинов, с марта 1917 г. уволен по болезни. В эмиграции во Франции. Умер в Париже — *66*

Мельгунов Михаил Эрастович (1869–1924) — генерал-лейтенант (1917). Окончил Николаевскую академию ГШ (1898), затем на штабных должностях, участник военных действий против Китая (1900–1901), начштаба 33-й пехотной дивизии (1909–1913), с марта 1913 г. командир 165-го пехотного Луцкого полка, с января 1916 г. генерал для поручений при ГК армиями Юго-Западного фронта, с марта 1917 г. командующий 1-й пограничной Заамурской

пехотной дивизией, с апреля 1917 г. командующий XLI АК, затем в резерве. 22 октября 1917 г. назначен начальником штаба 8-й армии, после Октябрьской революции в резерве чинов ВСЮР. Во 2-й половине 1919 г. начальник штаба войск Юго-Западного края и и. д. командующего войсками Юго-Западного края. В 1920 г. эвакуировался из Новороссийска в Турцию, затем эмигрировал в Югославию — *341, 428*

Мельников — капитан, командир 1-го батальона 73-го пехотного Крымского полка. Георгиевский кавалер и кавалер Британского военного креста — *319*

Мельников — московский купец — *356*

Мельников, вероятно, Дмитрий Антонович (1871 — после 1922) — генерал-майор (1915). Окончил Николаевскую академию ГШ (1898), на штабных должностях в Туркестанском ВО (1898–1914). Во время Первой мировой войны начштаба бригады, дивизии. С марта 1917 г. в распоряжении начальника ГШ. После революции 1917 г. служил заведующим Петергофскими командными курсами, в 1919 г. состоял начальником отдела Управления военных сообщений РСФСР. На 15 июля 1919 г. в корпусе ГШ РККА. В августе 1919 г. перешел на сторону белых войск. Назначен начальником штаба Тульской дивизии. В эмиграции в Югославии — *133*

Меньшов Орест Владимирович (1878 — после 1922) — генерал-майор (1917). Окончил Николаевскую академию ГШ (1906), офицер ГШ, с ноября 1913 г. штаб-офицер для поручений при штабе Одесского ВО, с июня 1916 г. командир 4-го Финляндского стрелкового полка. С марта 1917 г. начштаба 117-й пехотной дивизии, с апреля 1917 г. начштаба XII АК, с сентября 1917 г. командующий 78-й пехотной дивизией. Георгиевский кавалер. С мая 1918 г. в армии Украинской державы, генерал-хорунжий. Возглавлял комиссию по разделу имущества между Украиной и Румынией. Позже в составе ВСЮР. В эмиграции — *354, 382*

Мериме Проспер (1803–1870) — французский писатель, член Французской академии. Автор ряда сочинений по истории Греции, Рима и Италии — *255*

Мещерский Николай Павлович — князь, офицер штаба 64-й пехотной дивизии (осень 1916 г.) — *137, 156, 186, 198, 202*

Микадо — древнейший, теперь уже неупотребительный титул для обозначения верховного повелителя Японии. А. Е. Снесарев имел в виду императора Тайсё (прижизненное имя Ёсихито) (1879–1926), 123-го императора Японии с 1912 по 1926 г. — *173, 184*

Микулин, вероятно, Иосиф Александрович (1863–1916) — генерал-майор (1908). Окончил Николаевскую академию ГШ

(1890), затем состоял при штабах Одесского ВО. В распоряжении начальника ГШ (1899–1900), делопроизводитель (1900–1903), затем начальник отдела Главного штаба, начальник Одесского пехотного юнкерского училища (1903–1908), окружной генерал-квартирмейстер штаба войск гвардии и Петербургского ВО (1908–1912). С ноября 1912 г. командир бригады 13-й пехотной дивизии. С января 1915 г. в резерве чинов, с октября 1915 г. командующий 102-й пехотной дивизией. Умер от ран, полученных в бою в мае 1916 у р. Стырь. Посмертно произведен в генерал-лейтенанты — *57*

Милан — см. *Обреновичи*

Миллер Евгений-Людвиг Карлович (1867–1939) — генерал-лейтенант (1914). Окончил Николаевскую академию ГШ (1892), в распоряжении начальника ГШ (1896–1897), военный агент в Брюсселе и Гааге (1898–1901), в Риме (1901–1907), командир 7-го гусарского Белорусского полка (1907–1909), затем обер-квартирмейстер ГУГШ. Начальник Николаевского кавалерийского училища (1910–1912). С октября 1912 г. начштаба Московского ВО, с января 1915 г. начштаба 12-й армии, позднее 5-й армии, с декабря 1916 г. командир XXVI АК. В апреле 1917 г. был ранен за приказ снять красные банты, арестован и отправлен в Петроград, с августа 1917 г. представитель российской Ставки ВГ при итальянском Главном командовании. После Октябрьской революции заочно приговорен к смертной казни, жил в итальянском посольстве (Петроград). В 1918 г. направлен в Париж для организации переформирования русских войск, находившихся и воевавших во Франции и Македонии. В ноябре 1918 г. генерал-губернатор Северной области, с января 1919 г. генерал-губернатор и военный министр правительства, с февраля 1920 г. заместитель и и. д. председателя Временного правительства Северной области. 19 февраля 1920 г. эвакуировался в Норвегию. В 1920 г. уполномоченный по военным и морским делам в Париже ГК белой Русской армией генерала П. Н. Врангеля. В марте 1922 г. начальник штаба главкома Врангеля в Сербии, с ноября 1922 г. помощник ГК, с сентября 1924 г. также начальник 1-го отдела (Франция и Бельгия) РОВСа. С декабря 1924 г. заведующий финансовой частью при великом князе Николае Николаевиче. С марта 1928 г. помощник председателя РОВСа генерала Кутепова. С 26 января 1930 г. председатель РОВСа. 22 сентября 1937 г. выкраден агентами ОГПУ и доставлен в Москву. Расстрелян — *341, 385, 406*

Мильнер Альфред (1854–1925) — английский политический деятель, член Военного кабинета Британии. В декабре 1916 г. в Петербурге встречался в посольстве с руководством Прогрессивного блока — в то время оппозицией. В британском парламенте было

заявлено, что лорд Мильнер был специально послан английским руководством в Россию для подготовки революции, которая уничтожила самодержавие — *391*

Милюков Павел Николаевич (1859–1943) — политический деятель, историк, публицист. Один из создателей (1905), теоретик и лидер Конституционно-демократической партии. В 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства 1-го состава (до 2 мая). После октября 1917 г. в эмиграции. Автор трудов по истории России XVIII–XIX вв., Февральской и Октябрьской революций, мемуаров — *233, 307, 339, 347, 391, 410, 447*

Минин — поручик, потомок Кузьмы Минина, командующий 5-й ротой 2-го батальона 74-го пехотного Ставропольского полка (февраль 1917 г.) — *300, 440*

Минин Кузьма (Козьма) (полное имя **Кузьма Минич Захарьев Сухорукий**) (конец XVI в. –1616) — русский национальный герой, организатор и один из руководителей Земского ополчения 1611–1612 гг. в период борьбы русского народа против польской и шведской интервенции — *300*

Минут Виктор Николаевич (1868–1934) — генерал-лейтенант (1916). Окончил Николаевскую академию ГШ (1895), затем на штабных должностях, участник похода против Китая (1900–1901), делопроизводитель канцелярии Военно-ученого комитета Главного штаба (1901–1903), столоначальник Главного штаба (1903–1904), участник кампании 1904–1905 гг. В 1906–1909 гг. член военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны (1904–1905). Начальник отделения Главного штаба (1909–1910), затем начальник отделения ГУГШ, с 1911 г. управляющий делами комитета по устройству казарм, с апреля 1916 г. начштаба 6-й армии. С июля 1917 г. главный начальник снабжений армий Западного фронта, затем в резерве. После Октябрьской революции покинул службу и уехал в Берлин. В конце 1919 г. отправился в Сибирь к А. В. Колчаку, получив известие о его смерти, вернулся. В эмиграции во Франции, с 1924 г. председатель Объединения воспитанников Псковского кадетского корпуса — *233*

Михаил Александрович (1878–1918) — великий князь, брат Николая II; российский военачальник, генерал-лейтенант (1916), с мая 1901 г. член Государственного совета. С 1899 до августа 1904 г. — наследник престола. Во время Первой мировой войны с августа 1914 г. командовал Кавказской туземной конной дивизией, а с февраля 1916 г. II кавалерийским корпусом. С января 1917 г. генерал-инспектор кавалерии. Некоторыми сторонниками монархии считается последним российским императором Михаилом II — *355*

Михайлов — поручик Заамурской дивизии, член исполнительного комитета (апрель 1917 г.) — *394*

Михайлов — полковник, командир 656-го пехотного Богородчанского полка (февраль 1917 г.) — *310, 329*

Михайлов Дмитрий Михайлович (1872–1939) — генерал-майор (1916). Окончил Николаевскую академию ГШ (1901), участник кампании 1904–1905 гг. Офицер для поручений управления генерал-квартирмейстера при ГК на Дальнем Востоке (1905–1906), штабс-офицер для поручений при Одесском ВО (1908–1911). С марта 1911 г. начштаба 5-й Сибирской стрелковой дивизии, с января 1916 г. начальник штаба 108-й пехотной дивизии, с мая 1917 г. начштаба XLI АК. Во время Гражданской войны в Добрармии и ВСЮР. В эмиграции в Болгарии — *387*

Михайлов Н. Н. — владелец книжного издательства «Прометей», издавший роман Льва Жданова «Последний фаворит» — *293*

Михальченко — нижний чин технического батальона 5-го Инженерного полка — *283, 284*

Михин — *43*

Михмандаров [Мехмандаров] Самед-Бек-Садык-Бек (1855–1931) — генерал от артиллерии (с марта 1915 г.), георгиевский кавалер. Участник похода в Китай (1900–1901), участник Русско-японской войны (1904–1905) в составе гарнизона крепости Порт-Артур. Командир 7-го Восточно-Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона (1904–1906). После капитуляции в плену. Командир 7-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады (1906–1907). Начальник артиллерии III Сибирского АК (1907–1910). Начальник артиллерии 1-го Кавказского АК (1910), инспектор артиллерии того же корпуса (1910–1913). С 1913 г. начальник 21-й пехотной дивизии. С декабря 1914 г. командир II Кавказского АК. После Февральской революции отстранен от командования корпусом и отчислен «за болезнью». С августа 1917 г. член Александровского комитета о раненых. В 1917 г. уехал в Баку, а с 1920 г. военный министр Азербайджанской республики. После установления советской власти в Азербайджане преподавал в военных училищах, был советником в Комиссариате военных и морских сил Азербайджана. С 1928 г. в отставке. Умер в Баку — *271*

Михэлис (Де-Гениг) Евгений Михайлович (1863–1939) — генерал-лейтенант (1915). Окончил Николаевскую академию ГШ (1891), преподавал военные науки при Иркутском юнкерском училище (1896–1899), участник похода против Китая (1900–1901). В 1901–1904 гг. начштаба корпуса пограничной стражи, затем командир 76-го пехотного Кубанского полка. Командир 187-го

пехотного резервного Холмского полка (1904–1908), в 1908–1910 гг. генерал-квартирмейстер штаба Приамурского ВО, позже комбриг 41-й, с 1911 г. — 18-й пехотной дивизии, с февраля 1915 г. начальник 13-й пехотной дивизии, с мая 1917 г. командир XXIX АК. Георгиевский кавалер. С декабря 1917 г. главный инспектор польских вооруженных сил на Украине. С 1918 г. в польской армии, командир III Польского АК. Член Верховного Совета польских ВС (1918). С марта 1919 г. председатель Военного совета при военном министре Польши. В июле — августе 1920 г. возглавлял Фортификационный комитет обороны Варшавы. Заместитель министра обороны Польши (1920–1921). Дивизионный генерал (1922). С 1923 г. в отставке. Жил в Варшаве. После начала войны 1939 г. эвакуировался на восток — *341, 342*

Мищенко Павел Иванович — генерал от артиллерии (1910), генерал-адъютант Свиты Его Императорского Величества (1910), с марта 1915 г. командир XXXI АК — *341*

Млоцкий Владислав Сигизмундович — подполковник, командир 3-го батальона 255-го пехотного Аккерманского полка (1916) — *177, 210*

Мозовский Леонид Петрович — капитан 3-го Финляндского стрелкового полка (1910), попал в плен — *415*

Моисеев — прапорщик 253-го пехотного Перекопского полка (1916) — *175*

Мольтке Хельмут Иоганн Людвиг (младший) (1848–1916) — германский военный деятель, генерал-полковник. Племянник Мольтке Старшего, с 1880 г. его адъютант. С 1891 г. флигель-адъютант Вильгельма II. Начальник германского Генерального штаба и штаба Ставки (1906–1914). Был уволен в начале Первой мировой войны за поражение в Марнском сражении — *330, 481*

Мопассан Ги, де (1850–1894) — французский писатель. Для его произведений характерны острота социального анализа, резкая антибуржуазная направленность — *72, 414*

Морзе Сэмюэл Финли Бриз (1791–1872) — американский изобретатель и художник. Наиболее известные изобретения — электромагнитный пишущий телеграф («Аппарат Морзе», 1836) и азбука Морзе — *305*

Морозов, возможно, Сергей Тимофеевич (1863–1944) — московский купец, потомственный почетный гражданин. Окончил Лицей имени цесаревича Николая и юридический факультет Московского университета. Кандидат права. Директор-распорядитель Товарищества Никольской мануфактуры (1906–1917). Жил в своем особняке на Садовой-Кудринской улице, 13. Перестроил здание в Леонтьевском переулке, 7, приобретенное им для Торго-

во-промышленного музея кустарных изделий; передал его в дар Москве. В 1890–1997 гг. возглавлял музей, затем его почетный попечитель. Член совета Строгановского училища, попечитель Стрекаловской школы Общества поощрения трудолюбия, член Комитета по устройству Музея изящных искусств. Подарил свой дом-мастерскую И. И. Левитану. Субсидировал издание журнала «Мир искусства». Пайщик Товарищества для учреждения в Москве Общедоступного театра, созданного для строительства Московского художественного театра. Основал наиболее крупный в Москве родильный приют при Староекатерининской больнице. Владел имением Успенское Звенигородского уезда Московской губернии. В 1925 г. эмигрировал — *356*

Моторный Виктор Иванович (1881–1949) — полковник (1915), участник кампании 1904–1905 гг. Окончил Николаевскую академию ГШ (1908), с ноября 1913 г. помощник старшего адъютанта Одесского ВО, с июля 1914 г. штабс-офицер для поручений Управления дежурного генерала при ВГ. С июня 1917 г. и. д. генерала для поручений того же управления, с августа — и. д. начальника организационного отдела там же. Добровольно вступил в РККА. С конца 1917 до июля 1919 г. на ответственных должностях в Всероглавштабе. Включен в списки ГШ РККА от 1919 и 1920 гг. В 1920-х гг. старший руководитель военно-геодезического факультета Московского геодезического института. Арестован по делу «Весна» в 1931 г. Осужден к ВМН с заменой на 10 лет ИТЛ. Умер в ссылке — *254*

Музеус Владимир Александрович — генерал-майор (1915), подполковник 16-го Восточно-Сибирского стрелкового полка в г. Стретенске (Сретенске) (1910), с апреля 1916 г. комбриг 3-й пехотной дивизии — *49, 419*

Мурафа — врач 61-го передового отряда Красного Креста — *85, 148*

Муттерперль Иннокентий Константинович — подполковник (март 1917 г.), подпоручик 11-го пехотного сибирского резервного Семипалатинского полка (1910) — *355*

Мышлаевский Александр Захарьевич (1856–1920) — генерал от инфантерии (1912). Окончил Николаевскую академию ГШ (1884), затем на штабных должностях. Делопроизводитель канцелярии военно-ученого комитета Главного штаба (1891–1899), начальник военно-ученого архива Главного штаба (1899–1903), генерал при Главном штабе (1903–1904), затем начальник отдела Управления дежурного генерала Главного штаба, при этом в 1898–1905 гг. профессор Академии ГШ. Дежурный генерал Главного штаба (1905–1908), начальник Главного штаба (1908–1909), затем

начальник ГШ. В 1909–1913 гг. командир Кавказского АК, затем помощник наместника Его Императорского Величества на Кавказе, с июля 1915 (по другим данным — 1916) г. в распоряжении военного министра. С марта 1917 г. командующий войсками Кавказского ВО, с июня 1917 г. в распоряжении военного министра. С декабря 1917 г. председатель Кавказской военно-исторической комиссии по обобщению опыта Первой мировой войны. Автор трудов по истории Северной войны, о войне в Китае (1900–1901). Организатор Русского военно-исторического общества. Предположительно расстрелян большевиками — *350*

Мюссе Альфред, де (1810–1857) — французский поэт, драматург и прозаик, представитель литературы романтизма — *95*

Нагродская Евдокия Аполлоновна (1866–1930) — русская писательница. Выйдя замуж за профессора Института путей сообщения В. А. Нагродского, видного масона, восприняла масонские идеи. Первый роман «Гнев Диониса» (1910) привлек внимание наличием эротических сцен и сделал Нагродскую одной из самых известных писательниц. После революции с мужем эмигрировала в Париж, выпустила историческую трилогию «Река времен», в которой следовала традиции Льва Толстого — *157, 158, 160, 173, 303, 314, 315*

Надаев Н. — младший чин охранной команды XXII корпуса — *318*

Надежда Михайловна — девушка, которой А. Е. Снесарев в молодости давал уроки алгебры — *130*

Надежный Дмитрий Николаевич (1873–1945) — генерал-лейтенант (1917). Окончил Николаевскую академию ГШ (1901), затем на штабных должностях в Кавказском и Приамурском ВО, участник кампании 1904–1905 гг., в 1911–1913 гг. делопроизводитель ГУГШ, затем в распоряжении начальника ГШ. С января 1914 г. начштаба 10-й пехотной дивизии, с мая 1916 г. командующий той же дивизией, с апреля 1917 г. командовал III АК, с 12 октября 1917 г. командир XLII АК. В 1918 г. вступил в Красную армию, начальник обороны Финляндского района, военрук Уральского окружного комиссариата. В июне — июле 1918 г. член военной коллегии Северо-Урало-Сибирского фронта, с ноября 1918 г. командующий Северным фронтом. С февраля 1919 г. командующий Западным фронтом, затем врид командующего 7-й армией. Инспектор пехоты и помощник главного инспектора РККА (1921–1922). Командир 2-го стрелкового корпуса (1922–1923), помощник начальника Военной академии РККА (1923–1924), начальник отдела инспектора пехоты РККА (1924–1925). Преподавал в Военной академии им. М. В. Фрунзе

(1926–1931). Арестован в январе 1931 г. по делу «Весна». В 1931 г. выслан в Свердловск на три года, в 1932 г. досрочно освобожден. Восстановлен в РККА. Преподавал в Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова (1933–1941) — *110, 340*

Наполеон I Бонапарт (1769–1821) — французский император в 1804–1814 гг. и в марте — июне 1815 г. Всемирно известный выдающийся полководец. В 1812 г. начал войну против России и потерпел поражение, после чего начался распад империи Наполеона — *301, 349*

Наполеон III, Шарль Луи Наполеон Бонапарт — племянник Наполеона I, первый президент Французской республики с 20 декабря 1848 по 1 декабря 1852, император французов с 1 декабря 1852 по 4 сентября 1870 г. — *225*

Нарышкина — княгиня, владелица имения недалеко от Палешева — *456*

Наталья Ильинична — невеста князя Мещерского Николая Павловича — *156, 198*

Наумов — знакомый А. Е. Снесарева по Нижне-Чирской прогимназии — *43*

Невадовский Дмитрий Иванович (1850–1918?) — генерал от артиллерии (1913), начальник артиллерии Управления III АК (1910), с августа 1915 г. инспектор артиллерии XII АК. В 1917 г. во время отпуска Н. Н. Кознакова временно командовал корпусом. С декабря 1917 по апрель 1918 г. — начальник артиллерии 1-й Отдельной бригады русских добровольцев — *278–280, 282, 291, 316, 348, 349*

Невадовский Николай Димитриевич (1878–1939) — сын генерала Невадовского Д. И., генерал-лейтенант (с февраля 1919 г.). В 1916 г. командир 3-го Сибирского горного артиллерийского дивизиона, защищавший Орлиное гнездо. Командир 64-й артиллерийской бригады, инспектор артиллерии XII АК. Георгиевский кавалер. Участник Белого движения. Поступил сначала рядовым, затем командовал артиллерией отряда Дроздовского. В Добровольческой армии, с мая 1918 г. инспектор конной артиллерии, инспектор артиллерии I АК, затем — Кавказской Добровольческой армии, затем — Крымско-Азовской Добровольческой армии, затем — войск Северного Кавказа. Заведующий артиллерией ВСЮР. С мая 1920 г. инспектор артиллерии Сводного корпуса Русской армии. В эмиграции во Франции, основатель и председатель Союза добровольцев, редактор газеты «Доброволец». Погиб под Парижем — *98, 131, 132, 135, 146, 148, 152, 166, 169, 174, 176, 181, 184–186, 215, 234, 241*

Невзоров — *182*

Невидов — *382*

Невский Николай Алекс. — сослуживец А. Е. Снесарева, вероятно, по 1-му лейб-гренадерскому Екатеринославскому полку — *247*

Незнамов Александр Александрович (1872–1928) — генерал-майор (1915). Окончил Николаевскую академию ГШ (1900), участник кампании 1904–1905 гг., с 1905 г. штаб-офицер, заведующий обучающимися в Императорской военной академии, а с 1908 г. ее профессор, с ноября 1915 г. генерал для поручений при командовании 7-й армии, с июля 1916 г. генерал-квартирмейстер штаба 7-й армии. С мая 1917 г. и. д. начштаба 7-й армии, с августа 1917 г. в резерве. После Октябрьской революции перешел на сторону советской власти, служил в Управлении военных сообщений РККА. Профессор Военно-инженерной академии РККА (1918–1925), участвовал в работе военно-исторической комиссии по использованию опыта Первой мировой войны (1919–1922) и комиссии по разработке уставов РККА (1922–1925). Автор ряда трудов и переводов по военной стратегии, тактике и военной истории, основной труд «Современная война» (1921 –1922) — *357, 396, 487*

Неймирок Николай Захарьевич (1884 — после 1930) — полковник (1917), был ранен и контужен в Русско-японскую войну (1904–1905). Окончил Императорскую Николаевскую военную академию (1910), с апреля 1913 г. старший адъютант штаба XII АК, с декабря 1915 г. и. д. начальника штаба 19-й пехотной дивизии. С мая 1917 г. и. д. начальника штаба 1-й Финляндской стрелковой дивизии. В Добрармии; с июня 1918 г. в Киевском центре, в ноябре — декабре 1918 г. начальник штаба представителя Добрармии в Киеве, с марта 1919 г. обер-квартирмейстер штаба войск Юго-Западного края, затем в Донском армии; с июля 1919 г. начальник 2-й бригады Донской дивизии. В эмиграции — *57, 289, 290, 362*

Неклюдов Анатолий Васильевич (1856–1943) — российский дипломат, автор воспоминаний. Окончил Московский университет. С 1881 г. служил в МИДе, был секретарем представительств в Болгарии, Константинополе, Сербии и Штутгарте, советником во Франции. Посланник России в Болгарии (1911–1914), посланник России в Швеции (1914–1917); в 1914 г. при его участии решался важный для России вопрос: останется ли Швеция нейтральной в Первой мировой войне. В апреле 1917 г. Временным правительством был назначен послом России в Испании. В августе, после неудачи корниловского выступления, ушел с дипломатической службы; жил в эмиграции на юге Франции — *236*

Некрасов — московский купец, сибиряк — *356*

Некрасов Константин Герасимович (1864–1917) — генерал-майор Свиты (1911), участник китайского похода (1900–1901), Русско-японской войны (1904–1905). Командир 22-го Восточно-Сибирского полка (1905–1906), затем командир 147-го пехотного Самарского полка, командир бригады, командующий лейб-гвардии Павловским полком (1908), командир лейб-гвардии Павловского полка (1908–1914), командующий 32-й пехотной дивизией (1915), в феврале 1915 — мае 1916 г. — 21-й пехотной дивизией, с 1916 по август 1917 г. командир XXIV АК. Убит на фронте солдатами — *341*

Нельговский Василий Николаевич — капитан 12-й пехотной дивизии (март 1916 г.) — *52, 83*

Немирович-Данченко Василий Иванович (1848–1936) — писатель и журналист, брат театрального деятеля, режиссера, педагога и писателя В. И. Немировича-Данченко. Автор многочисленных путевых очерков, небольших рассказов из народного и военного быта, сборников стихотворений. Был военным корреспондентом во время Русско-турецкой войны (1877–1878), Русско-японской войны (1904–1905), Первой мировой войны. Георгиевский кавалер. Автор биографии М. Д. Скобелева, романов «Гроза» (1880), «Плевна и Шипка» (1881), «Вперед» (1883) — *413*

Немцов Петр — канонир 1-го батальона 37-й артиллерийской бригады — *153, 155*

Нестеров Михаил Васильевич (1862–1942) — русский живописец, писавший поэтические, религиозные сюжеты — *261*

Нечволодов Александр Дмитриевич (1864–1938) — генерал-лейтенант (1915), окончил Академию ГШ (1889). Участник Русско-японской войны (1904–1905). Перед войной выполнял секретную миссию в Скандинавии. Начальник штаба XXV АК (1913), с декабря 1913 г. комендант Михайловской крепости, автор известного исторического труда «Сказания о русской Земле». В марте 1917 г. Временным правительством уволен из армии. Участник Белого движения. В эмиграции в Париже, при его участии, по-видимому, был осуществлен первый французский перевод Сионских протоколов. Автор книги «Николай II и евреи. Очерк о русской революции и ее связях со всемирной деятельностью современного иудаизма» (1924). В середине 1930-х гг. негласный эксперт со стороны защиты на Бернском процессе по делу о Сионских протоколах — *263, 276, 329, 335, 350, 356, 360, 371, 372, 377*

Никитин Владимир Николаевич (1848–1922) — генерал от артиллерии (1910), участник Русско-турецкой (1877–1878) и Русско-японской войн (1904–1905). Командовал артиллерией I АК (1906–1908), затем всем корпусом. Командовал Иркутским

(1911–1912) и Одесским (1912–1914) ВО. С августа 1914 по октябрь 1915 г. командовал 7-й армией, с 1915 г. член Военного совета, в январе 1917 г. одновременно введен в состав Верховного военного суда. С марта 1916 г. комендант Петроградской крепости, в апреле 1917 г. уволен по болезни. Георгиевский кавалер. Эмигрировал — *271*

Никитин Федор Михайлович — полковник, командир полка 159-й пехотной дивизии (июнь 1917 г.). Капитан Екатериноградского дисциплинарного батальона на ст. Екатериноградская (Терской области) (1910) — *473*

Николаев — капитан, командир 3-го батальона 254-го Николевского пехотного полка — *177*

Николаев Александр Панфомирович (1960–1919) — генерал-майор (1916), участник Русско-японской войны (1904–1905). Георгиевский кавалер. В Первую мировую войну командовал полком, бригадой и дивизией. С 3 мая 1916 г. командовал бригадой 19-й пехотной дивизии (в составе XII АК), к началу Октябрьской революции возглавлял эту дивизию. Перешел на сторону Советской власти; руководитель Невского районного комиссариата по военным делам, командир отряда по охране невских коммуникаций, затем бригады 2-й Петроградской дивизии (1918). С 1919 г. командир бригады 19-й стрелковой дивизии. Во время наступления войск генерала Н. Н. Юденича на Петроград в мае 1919 г. был взят в плен, отказался перейти на службу к белым и был повешен на базарной площади Ямбурга — *375*

Николай Алек. — *136*

Николай II (1868–1918) — Николай Александрович Романов, последний российский император (1994–1917). Во время Первой мировой войны с 23 августа 1915 г. — Верховный главнокомандующий. Свергнут Февральской революцией. Расстрелян вместе с семьей в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. — *94, 126, 161, 221, 227, 230, 231, 234, 243, 272, 273, 314, 322, 339, 344, 352–355, 358, 360, 363, 366, 416, 435, 449, 450, 473, 474*

Николай Васильевич, вероятно, **Воробьев** (1875–?) — полковник (1914). Окончил Николаевскую академию ГШ (1907). В декабре 1915 — январе 1916 г. начальник отделения управления генерал-квартирмейстера штаба 7-й армии, затем старший адъютант управления генерал-квартирмейстера штаба 7-й армии, с марта 1916 г. и. д. начальника штаба 117-й пехотной дивизии — *312, 328*

Николай Димитриевич — см. *Невадовский Николай Дмитриевич*

Николай Михайлович (1859–1919) — великий князь, старший сын великого князя Михаила Николаевича, генерал-адъю-

тант, генерал от инфантерии, историк, директор Русского музея (Александра III) в Петербурге. Масон, член тайного французского общества «Биксио». Убит большевиками в Петропавловской крепости — *349, 353, 356*

Николай Николаевич (младший) (1856–1929) — внук Николая I, великий князь, генерал-адъютант (1894), генерал от кавалерии. В 1905 г. назначен председателем Совета государственной обороны. 20 июля (2 августа) 1914 г. был назначен ВГ Российской армии. По настоянию императрицы Александры Федоровны и Распутина был смещен с этого поста и назначен наместником на Кавказ и командующим Кавказским фронтом. Перед отречением императора в марте 1917 г. последним официальным актом государя стало повторное назначение Николая Николаевича на пост ГК, однако назначение не было принято. Следующие два года жил в Крыму. В марте 1919 г. эмигрировал в Италию, затем во Францию. Умер в Антибе (Франция) — *125, 271, 272, 339, 346, 350, 354, 356, 371, 449*

Никольский Владимир Павлович (1873–1960) — генерал-майор (1915). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899), затем на штабных должностях в Московском ВО. Преподавал военные науки в Московском военном училище (1903–1905), в Александровском военном училище (1911–1913), с августа 1913 г. начальник штаба отдельного корпуса жандармов. С апреля 1917 г. в резерве. В эмиграции в 1938 г. в Софии в Болгарии. Автор книги «Сарыкамышская операция» — *43, 45, 243, 245*

Никулин Иван Андреевич (1868 — после 1931) — генерал-майор (1915). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899), затем на штабных должностях, с января 1913 г. командир 8-го уланского Вознесенского полка, с ноября 1915 г. начштаба V кавалерийского корпуса. С мая 1917 г. командующий Уральской казачьей дивизией. В РККА с 1918 г. От участия в Гражданской войне уклонился, служил на различных должностях в Управлении военных сообщений. Начальник 3-го Отделения ЦУПВОСО полевого штаба РВСР; для поручений при начальнике ЦУПВОСО РВСР; временно начальник военных сообщений Западного фронта, помощник начвосо Западного фронта. С ноября 1919 г. помначвосо Московского ВО. В списках ГШ РККА от 1919 и 1920 гг. С 1921 г. преподавал теорию военных сообщений в Военной академии РККА. Затем на преподавательской работе во 2-м Московском государственном университете. Арестован в 1931 г. по делу «Весна», в 1931 г. приговорен к трем годам ИТЛ условно — *45*

Нишкур Михаил Евдокимович — старший унтер-офицер 270-го пехотного запасного полка — *297*

Новик — войсковой старшина 2-го Линейного полка Кубанского казачьего войска (март 1916 г.) — *285, 286*

Новицкий — нижний чин из 159-й пехотной дивизии — *440*

Новицкий Бронислав Иванович — полковой врач из 12-й пехотной дивизии — *37, 52, 68, 84*

Новицкий Василий Федорович (1869–1929) — генерал-лейтенант (1917), сослуживец А. Е. Снесарева по Главному Управлению генерал-квартирмейстера. Совершил поездку в Индию годом раньше А. Е. Снесарева. С октября 1915 г. командующий 73-й пехотной дивизией, с марта 1917 г. помощник военного министра, с июля 1917 г. командир II Сибирского АК. В Красной армии с 1918 г., профессор Академии ГШ РККА в бытность ее начальником и профессором А. Е. Снесаревым. Автор трудов по истории Русско-японской войны и Первой мировой войны. Заслуженный деятель науки и техники (1928) — *49 (?), 342*

Новицкий Евгений Федорович (1867–1931) — генерал-лейтенант (1915). Окончил Николаевскую академию ГШ (1892), затем на штабных должностях. Командир 12-го стрелкового полка (1905–1910), командир лейб-гвардии Семеновского полка (1910–1913), с ноября 1913 г. начальник офицерской стрелковой школы, с мая 1915 г. начальник 48-й пехотной дивизии, с апреля 1917 г. командир XLV АК, с июля 1917 г. в резерве. В 1918 г. спас архив и библиотеку Румынского фронта. В Добрармии и ВСЮР, в распоряжении ГК, участвовал в комиссии по выработке новых уставов и наставлений. В 1920 г. в Югославии. С 1921 г. в югославской армии в инспекции пехоты, затем инструктор в стрелковой школе. Один из руководителей «Вестника военных знаний», один из создателей Общества ревнителей военных знаний, председатель Объединения чинов 48-й пехотной дивизии — *49 (?), 341, 342*

Новицкий Федор Федорович (1870–1944) — генерал-майор (1914). Окончил Николаевскую академию ГШ (1895), в 1896–1901 гг. старший адъютант штаба 8-й пехотной дивизии, затем начальник строевого отдела штаба Брестско-Литовской крепости, с октября 1903 г. начальник штаба 8-й пехотной дивизии, с июля 1910 г. командир 21-го пехотного Муромского полка, с октября 1914 г. начальник штаба I АК, с апреля 1917 г. командующий 82-й пехотной дивизией. В 1918 г. вступил в Красную армию: начальник штаба Красного воздушного флота, начальник факультета, преподаватель Военно-инженерной академии, заместитель командующего Туркестанским фронтом. Репрессирован, посмертно реабилитирован — *49 (?), 420, 468*

Нодзу — японский генерал, командующий 4-й армией во время Русско-японской войны — *182*

Нокс Альфред Уильям Фортескью (1870–1964) — британский генерал-майор, военный атташе Великобритании в России в годы Первой мировой войны, участник Гражданской войны в России на стороне Белого движения. В 1921 г. опубликовал книгу “With the Russian Army: 1914–1917” («С русской армией: 1914–1917») — *132*

Носков Александр Александрович (1877 — после 1939) — генерал-майор (1917), историк, писатель, журналист. Окончил Николаевскую академию ГШ (1904), затем на штабных должностях. Помощник делопроизводителя ГУГШ (1908–1912), с июня 1912 г. преподавал военные науки в военно-топографическом училище. С июля 1916 г. командир 8-го гренадерского Московского полка, с апреля 1917 г. начштаба 125-й пехотной дивизии, с мая 1917 г. генерал для поручений при командующем 3-й армией, с июля 1917 г. генерал-квартирмейстер штаба 3-й армии. С февраля 1918 г. в распоряжении начштаба армий Западного фронта. Сотрудничал в Санкт-Петербурге с газетой «Вечернее время». Эмигрировал, жил в Германии, Франции. Состоял членом берлинского отдела Всероссийского союза работников печати. Автор ряда книг. Литературный псевдоним Jason — *78*

Носович Анатолий Леонидович (1878–1968) — генерал-майор, ученик А. Е. Снесарева по Императорской Николаевской военной академии, которую окончил в 1910 г., во время войны командовал эскадроном лейб-гвардии Уланского Его Величества полка. Командир 466-го Малмыжского пехотного полка (март 1917 г.). С мая 1918 г. в Красной армии, начальник штаба Северо-Кавказского военного округа, военным руководителем которого до июля 1918 г. был А. Е. Снесарев. 11 октября 1918 г. бежал к белым, взяв секретные документы, после чего был арестован весь штаб округа, некоторые были расстреляны. С того же числа в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, затем начальник тылового района по борьбе с партизанским движением. В эмиграции во Франции — *26, 299, 310, 312, 313, 338, 342, 362, 383, 413, 473*

Нотбек Владимир Владимирович, фон (1865–1921) — генерал-майор (1913). Окончил Николаевскую академию ГШ (1891), с декабря 1910 г. начальник 2-й Финляндской стрелковой бригады, помощник адъютанта штаба войск гвардии и Петербургского ВО (1893–1898), в 1898–1905 гг. заведовал передвижением войск в Петербургско-Двинском районе, затем командир 1-го железнодорожного батальона. Дежурный генерал штаба Петербургского ВО (1906–1910). С июля 1915 г. начальник 1-й гвардейской пехотной дивизии, командовал VI АК, с сентября 1917 г. командующий 1-й

армией. После Октябрьской революции в ноябре 1917 г. оставил командование. В 1918 г. вступил в Красную армию, военный руководитель Приволжского ВО. После захвата округа частями Чехословацкого корпуса остался у белых. Впоследствии служил у адмирала А. В. Колчака, входя в состав различных комиссий при его штабе. Умер в Верхнеудинске — *340*

Нэрике Александр Карлович, фон (1876–1934) — генерал-майор (1916). Окончил Николаевскую академию ГШ (1903), помощник делопроизводителя (1909–1913), а с января 1913 г. делопроизводитель ГУГШ, с декабря 1916 г. в резерве. Офицер ГШ. С февраля 1917 г. начальник эксплуатационно-хозяйственного отдела 7-й армии. С июня 1918 г. в армии Украинской державы. Проживал в Одессе. Участник Белого движения в составе ВСЮР. Эмигрировал в Болгарию, затем в Париж. С 1925 г. в США, умер в Нью-Йорке — *183, 185, 187*

Обертинский — офицер или нижний чин 107-го дорожного отряда — *318*

Оболешев Николай Николаевич (1868–1920) — генерал-майор (1910), сослуживец А. Е. Снесарева по 1-му лейб-гренадерскому Екатеринославскому полку, окончил Николаевскую академию ГШ (1894), участник Русско-японской войны (1904–1905). С 1905 г. начштаба 55-й пехотной дивизии, с августа 1905 г. командир 219-го, с 1908 г. — 221-го пехотного полка, с июле — сентябре 1910 г. командир 11-го гренадерского Фанагорийского полка, с сентября 1910 г. начальник военных сообщений Туркестанского ВО, начштаба Московского ВО (1914–1917). Командующий 6-й Финляндской стрелковой дивизией (март 1917 г.), и. д. начальника штаба Киевского ВО (апрель 1917 г.). Потом в резерве. Вступил в РККА — *212, 239, 243*

Обреновичи — сербская королевская (раньше княжеская) династия; ее основателем был Милош, принявший фамилию Обренович по имени Обрена, у которого работал в качестве пастуха и приказчика. Милан Обренович (1854–1901) — сербский князь (под именем Милана IV) (1868–1882), затем король (под именем Милана I) (1882–1889). Стремился к установлению самодержавного режима — *57*

Обручев Николай Афанасьевич (1864–1929) — генерал-лейтенант (1915), брат академика В. А. Обручева, племянник генерала Н. Н. Обручева. Окончил Николаевскую академию ГШ (1892), с мая 1903 г. начальник отделения Главного штаба, обер-кватирмейстер Управления генерал-квартирмейстера ГУГШ (1910), в декабре 1910 г. введен в состав Крепостного комитета ГУГШ. С мая 1914 г. начальник 1-й Финляндской стрелковой бригады.

При проведении мобилизаций 19 июля 1914 г. назначен и. д. начальника штаба Двинского ВО, в сентябре 1914 г. опять начальник 1-й Финляндской стрелковой бригады, которая с мая 1915 г. была развернута в дивизию. Командир XXII АК (март 1917 г.), потом в резерве. Участник Белого движения. В эмиграции в Югославии, заведовал Военной библиотекой и архивом в Белграде — *341, 381, 390, 395–397, 404, 423, 424, 435, 446, 447, 478, 480, 486*

Овечка — офицер 2-го Линейного полка Кубанского казачьего войска — *42*

Огановский Петр Иванович (1851–19?) — генерал от инфантерии, представитель старинного знатного армянского рода, участник Русско-турецкой войны (1877–1878), Русско-японской войны (1904–1905). В 1910 г. командующий 66-й пехотной дивизией в г. Тифлисе, затем 52-й, в 1911–1913 гг. командовал 51-й Кавказской пехотной дивизией и являлся почетным мировым судьей в г. Кутаиси. С апреля 1916 г. командир III АК, с сентября 1916 г. в резерве — *340*

Огородников Федор Евлампиевич (1867–1939) — генерал-лейтенант (1915). Окончил Николаевскую академию ГШ (1893), в 1893–1898 гг. адъютант штаба 1-й гренадерской дивизии, затем столоначальник Главного управления казачьих войск. Делопроизводитель канцелярии военно-ученого комитета ГШ (1899–1903), в 1902–1903 гг. профессор Академии ГШ, затем столоначальник Главного штаба. Военный агент в Китае (1903–1907), командир 15-го пехотного Шлиссельбургского полка (1907–1911), начштаба XXV АК (1911–1913), с октября 1913 г. начштаба XXII АК, с августа 1915 г. командующий 26-й пехотной дивизией, с августа 1916 г. начальник 125-й пехотной дивизии, с апреля 1917 г. командир XVII АК. С июля 1917 г. в резерве. В Красной армии с февраля 1918 г., военрук Беломорского окружного военного комиссариата, помощник начальника снабжения Западного фронта (1919). С 1920 г. преподавал на курсах комсостава, в Военной академии РККА, затем служил в Штабе РККА. С 1932 г. начальник кафедры в Военно-транспортной академии и профессор Военной академии им. М. В. Фрунзе. Автор многих работ по истории и тактике — *308, 340*

Одигири — полковник, японский военный агент в Петрограде — *77*

Одинцов Сергей Иванович (1874–1920) — генерал-майор (1916). Окончил Николаевскую академию ГШ (1902), участник Русско-японской войны (1904–1905). Помощник делопроизводителя ГУГШ (1906–1912), с марта 1914 г. начштаба 3-й Кавказской казачьей дивизии. С октября 1916 г. начштаба Заамурской конной дивизии. С апреля 1917 г. командующий 3-й Кавказской казачьей

дивизией. После Октябрьской революции одним из первых начал сотрудничать с большевиками. С декабря 1917 по март 1918 г. управляющий канцелярией Народного комиссариата по военным делам. В апреле 1918 г. в составе делегации для переговоров с представителями Украинской рады и немцами. Затем работник высшей военной инспекции. С июля 1919 г. старший инспектор кавалерии Высшей военной инспекции. С ноября 1919 по 30 июля 1920 г. командовал 7-й армией — *420*

Одиссей — герой поэмы Гомера «Одиссея». Царь острова Итаки, участник осады Трои. Проскитавшись по морям больше 10 лет, возвратился к своей верной жене — *207*

Одишелидзе Илья Зурабович (1868–1921) — генерал-лейтенант (1914). Окончил Николаевскую академию ГШ (1894), с января 1914 г. начштаба Туркестанского ВО, затем на штабных должностях, участник Русско-японской войны (1904–1905). С 1906 г. командир 3-го, а с 1908 г. — командир 11-го Восточно-Сибирскиого стрелкового полка. Генерал для поручений при командующем войсками Туркестанского ВО (1909–1911), военный губернатор Самаркандской области (1911–1914), с января 1914 г. начштаба Туркестанского ВО, с декабря 1914 г. начштаба 1-й армии, с января 1917 г. командир XV АК, с октября 1917 г. командующий Кавказской армией. С 1919 г. занимал высшие командные посты в грузинской армии. В 1920 г. с перерывами, занимал пост 2-го помощника военного министра. В 1920 г. назначен главнокомандующим грузинской армией — *340, 342*

Ольдерогге Владимир Александрович, фон (1873–1931) — генерал-майор (1915). Окончил Николаевскую академию ГШ (1901), затем адъютант штаба 2-й казачьей Сводной дивизии, начальник отделения управления военных сообщений Маньчжурской армии (1904–1906), в 1906–1907 гг. начальник строевого отдела штаба Севастопольской крепости, затем заведовал передвижением войск в Иркутском районе. Начальник строевого отдела штаба Свеаборгской крепости (1908), в 1908–1912 гг. заведовал передвижением войск в Омском районе. С января 1914 г. в 113-м пехотном Старорусском полку, с марта 1916 г. командир бригады 1-й Туркестанской стрелковой дивизии, с июля 1917 г. командующий этой же дивизией. Перешел на сторону советской власти. В Гражданскую войну военный руководитель Новоржевского участка, начальник дивизии и начальник штаба Восточного фронта. С августа 1919 по январь 1920 г. командующий Восточным фронтом, затем при командующем Южным фронтом М. В. Фрунзе. С октября 1920 г. инспектор пехоты командующего войсками Украины и Крыма, с июля 1921 г. гл. инспектор военно-учебных заведений Киевского

ВО, затем инспектор ГУВУЗ РККА. С февраля 1924 г. начальник и помощник начальника Объединенной школы, затем военный руководитель Киевского политехнического института. В 1930 г. арестован по делу «Весна», расстрелян в Харькове — *49*

Ольховский Вячеслав Александрович (1868–1914) — полковник (1906). Окончил Николаевскую академию ГШ (1897), далее на штабных должностях. Преподавал военные науки в Иркутском пехотном юнкерском училище (1901–1904). С мая 1905 по январь 1912 г. начальник штаба 34-й пехотной дивизии. В мае — сентябре 1906 г. командовал батальоном в 133-м пехотном Симферопольском полку. С января 1912 г. командир 136-го пехотного Таганрогского полка. Погиб в бою в ходе Гродекского сражения (август 1914 г.). Генерал-майор (1914) посмертно — *47*

Опанащук Мирон — прапорщик 17-го пехотного Архангелогородского великого князя Владимира Александровича полка, геройски погибший на войне и ставший георгиевским кавалером посмертно — *331*

Орановский — см. *Жилинский (Орановский) Владимир Алоизиевич.*

Ордынский, вероятно, Сергей Иванович — полковник (с августа 1912 г.), с октября 1914 г. командир дивизиона 75-й артиллерийской бригады — *41*

Ориго — маркиз, подполковник итальянской армии, известный скульптор, получивший вторую премию за проект памятника Александру II — *114, 115, 117*

Орлов Иван Александрович (1895–1917) — русский летчик, поручик (1917), ас Первой мировой войны. Сын генерал-майора Свиты Александра Афиногеновича Орлова. Сконструировал собственный моноплан «Орлов–1». 13 июня 1914 г. сдал экзамен на пилота, член Императорского Всероссийского аэроклуба. После мобилизации в 1914 г. вступил в службу вольноопределяющимся. Служил в 5-м корпусном авиационном отряде. 26 мая 1916 г. одержал первую победу. Трижды георгиевский кавалер, был контужен. В феврале 1915 г. переведен в 1-й армейский авиационный отряд, затем в 7-й авиационный дивизион, с 25 марта 1916 г. командир 7-го авиационного отряда истребителей. С 7 ноября 1916 по 5 марта 1917 г. был командирован во Францию для изучения авиационного дела. 17 июня 1917 г. вступил в бой с двумя самолетами противника и был смертельно ранен. Посмертно произведен в поручики — *368, 369, 376*

Орлов Алексей — генерал, командир Уланского полка, потомок Григория Орлова. Имя этого человека было окружено аурой скандала, затрагивавшего репутацию царской семьи. Орлову «для

поправления здоровья» был приказано ехать в Египет, но по пути он неожиданно скончался. Ходили слухи, что его отравили — *251, 263*

Орлов Алексей Григорьевич (1737–1807) — граф (1762), генерал-аншеф (1769), брат Г. Г. Орлова. Один из главных участников дворцового переворота 1762 г. Командовал российской эскадрой в Средиземном море. За победы у Наварина и Чесмы (1770) получил титул графа Чесменского. С 1775 г. в отставке — *294, 295*

Орлов Григорий Григорьевич (1734–1783) — граф (1762), генерал-майор (1762), брат А. Г. Орлова. В 1761–1772 гг. фаворит и ближайший советник императрицы Екатерины II. Один из организаторов дворцового переворота 1762 г., генерал-фельдцейхмейстер (1765–1775). Инициатор создания и первый президент Вольного экономического общества. В 1771 г. по распоряжению императрицы находился в Москве с чрезвычайными полномочиями для борьбы с эпидемией чумы и «Чумным бунтом». С 1775 г. в отставке — *294, 295*

Орлов Николай Александрович (1855–1917?) — генерал от инфантерии (1914), военный писатель и теоретик, пионер воздухоплавания. Участник войны 1877–1878 гг., окончил Николаевскую академию ГШ (1881), делопроизводитель канцелярии военно-ученого комитета Главного штаба (1884–1897), профессор Николаевской Академии ГШ (1892–1901), участник Русско-японской войны (1904–1905), где командовал 54-й пехотной дивизией, был в распоряжении начальника Главного штаба, в распоряжении ГК ВС, действовавших против Японии, был ранен и контужен. В 1906–1910 гг. начальник 3-й пехотной дивизии, затем начальник 12-й пехотной дивизии. С начала Первой мировой войны командир 8-го АК. С декабря 1914 г. в резерве. С мая 1915 г. уволен со службы по болезни — *42, 108*

Орлов Павел Александрович (1872–1915) — полковник (1908), товарищ А. Е. Снесарева по Николаевской академии (выпуск 1899), затем на штабных должностях, участник военных действий против Китая (1900–1901) и Русско-японской войны (1904–1905), командир 7-го Финляндского стрелкового полка (с февраля 1914 г.). Погиб на войне — *43, 47*

Орловская Констанция — медсестра 61-го передового отряда Красного Креста при 12-й пехотной дивизии, Одесской Касперовской общины; запасная, зачислена 24 сентября 1914 г. в 3-й этапный лазарет общины Красного Креста Ферганский имени Е. И. В. Г. И. Александры Федоровны — *123*

Орловы — русский княжеский, графский и дворянский род, возвысившийся при вступлении на престол Екатерины II — *294, 295*

Осип — см. *Ефанов Иосиф Павлович*.

Осипов — капитан, командир 2-го батальона 73-го пехотного Крымского полка — *320*

Оссовский Петр Степанович (1860–1920) — генерал-майор (1915), с ноября 1915 г. командир бригады 2-й Заамурской пограничной пехотной дивизии, командовал 13-й Сибирской стрелковой дивизией, с мая 1917 г. командир 1-й Заамурской пограничной дивизии. Кавалер орденов Св. Георгия 4-й и 3-й степеней. В Донской армии и ВСЮР, с ноября 1918 г. начальник группы войск у Камышина, в 1919 г. начальник 5-й пехотной дивизии, затем Сводно-гвардейской пехотной дивизии. В Русской армии до эвакуации Крыма — *271, 420*

Ояма Ивао (1842–1916) — маршал Японии, главнокомандующий сухопутной армией в Маньчжурии во время Русско-японской войны (1904–1905) — *182*

Павленко Василий — прапорщик 35-го пехотного Брянского генерал-адъютанта князя Горчакова полка, геройски погибший на войне и ставший георгиевским кавалером посмертно — *331*

Павлов Александр Александрович (1867–1935) — генерал-лейтенант (1914), участник похода в Китай (1900–1901), Русско-японской войны (1904–1905), командир лейб-гвардии Е. В. Г. И. Уланского полка (1907–1910). В Свите Его Величества (1909–1914). С июля 1914 г. в распоряжении командующего войсками Киевского ВО. Георгиевский кавалер. В сентябре 1914 — сентябре 1915 г. начальник 2-й сводной казачьей дивизии, затем в распоряжении ГК армиями Северного фронта. С ноября 1915 г. командир VI кавалерийского корпуса. С апреля 1917 г. командир Кавказского кавалерийского корпуса. С июня 1917 г. зачислен в распоряжение ВГ. С сентября 1917 г. в резерве. Во ВСЮР. С 1918 г. командующий Астраханской армией, затем Астраханского корпуса, затем в распоряжении командующего ВСЮР. С января 1920 г. командир IV Донского корпуса, а также командир конной группы из частей IV и II Донского корпусов. В эмиграции в Югославии — *73, 74, 125, 156, 225, 227, 240, 262, 345, 352*

Павловский — *305*

Павлуша — Павел Евгеньевич Снесарев (1876–1954) — младший брат Андрея Евгеньевича, известный психиатр и нейроморфолог, один из основоположников отечественной гистопатологии нервной системы и патологической анатомии психических болез-

ней. Во время войны Японии с Россией работал на фронте врачом. В 1908 г. защитил докторскую диссертацию. С 1911 г. главный врач Костромской ПБ. В 1922 г. возглавил прозектуру Преображенской ПБ в Москве, а в 1931 г. — ПБ им. Ганнушкина. С 1939 г. руководил отделом морфологии Московского института психиатрии и одновременно заведовал гистологической лабораторией Института мозга АМН СССР. Заслуженный деятель науки РСФСР (1945 г.). Награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени. Автор более 150 научных работ, основная из которых «Теоретические основы патологической анатомии психических болезней» — *254, 280*

Падецкий (Падетский) — прапорщик, офицер-толстовец — *393*

Паисий (преподобный Паисий Печерский) — инок Киево-Печерского монастыря в XIV в. — *401*

Панаев Борис Аркадьевич — штаб-ротмистр 12-го гусарского Ахтырского полка, друг А. Е. Снесарева, погибший 15 августа 1914 г., один из первых георгиевских кавалеров, награжденных посмертно. После него осталась рукопись, датированная 27 июня 1911 г., под заглавием «Конные заметки», которую Снесарев высоко ценил и использовал при написании курса лекций «Огневая тактика» — *287–289*

Паннаш Алексей Федорович (1876–1940) — генерал-майор, окончил Николаевскую академию ГШ (1903), служил в лейб-гвардии Измайловском полку, с декабря 1910 г. штабс-офицер для поручений при штабе XV АК, с марта 1915 г. офицер ГШ. Во время войны в 1916 г. попал в плен. Участник Белого движения в ВСЮР. С ноября 1919 г. помощник начальника штаба Государственной стражи. В эмиграции во Франции — *49*

Панов, вероятно, Филипп Петрович (1970 — после 1919) — генерал-лейтенант (1917). Окончил Николаевскую академию ГШ (1898), далее на штабных должностях, участник военных действий против Китая (1900–1901), Русско-японской войны (1904–1905), с сентября 1913 г. командир 9-го Туркестанского стрелкового полка, с февраля 1916 г. начальник штаба VI АК, с апреля 1917 г. командующий 2-й Туркестанской стрелковой дивизией, с октября 1917 г. в резерве. Вступил в «Союз защиты Родины и Свободы» (апрель 1918 г.). С августа 1918 г. начальник 1-й Казанской стрелковой дивизии, затем и. д. помощника главного начальника Тюменского ВО. В армии адмирала А. В. Колчака помощник главного начальника снабжения Сибирской армии (февраль 1919 г.), в марте — июне 1919 г. командир II Сводного (впоследствии V, VIII Камского армейского) корпусов — *49*

Парамонов Александр Константинович (1861–1917) — общественный деятель, депутат Государственной думы I созыва от Херсонской губернии, по убеждению кадет — *234*

Парский Дмитрий Павлович (1866–1921) — генерал-майор (1910), офицер при штабе VII АК (1895–1900). Окончил Николаевскую академию ГШ (1903), затем при штабе Одесского ВО, участник Русско-японской войны (1904–1905). Прикомандирован к Главному штабу (1905–1906), делопроизводитель ГУГШ (1906–1908), затем командир 140-го пехотного Зарайского полка, с июня 1910 г. командир бригады 46-й пехотной дивизии, с февраля 1916 г. командир Гренадерского корпуса, с июля 1917 г. командующий 12-й армией, с сентября 1917 г. командующий 3-й армией. В феврале 1918 г. вступил в Красную армию, во время интервенции руководил обороной Ямбурга и Нарвы. С мая 1918 г. военрук Северного участка завесы, в сентябре — ноябре 1918 г. командующий Северным фронтом, затем ответственный редактор Военно-исторической комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг., член комиссии по разработке уставов, член Особого совещания при Главкоме. Автор ряда военно-исторических работ. Умер от тифа — *341*

Пархомов Дмитрий Николаевич (1871–1925) — генерал-лейтенант (1917). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899), офицер при штабе Варшавского ВО (1903–1911). Участник Русско-японской войны (1904–1905), во время войны командир бригады 12-й пехотной дивизии, начштаба 100-й пехотной дивизии. С декабря 1913 г. начштаба 13-й пехотной дивизии, с июня 1916 г. начальник штаба XI АК. Георгиевский кавалер. С июня 1917 г. командующий сухопутными войсками, подчиненными командующему флотом Балтийского моря, с июля — начальник; с октября 1917 г. в распоряжении начштаба Северного фронта. В 1918 г. исключен из списков ГШ. В Добрармии с 1918 г. С января 1919 г. начальник штаба Крымско-Азовской Добрармии, в марте 1919 г. в распоряжении ГК ВСЮР. С ноября 1919 г. начальник штаба Государственной стражи при генерале Н. Н. Мартосе. В эмиграции в Югославии — *17, 43, 49, 60, 63, 90, 93, 238, 270, 273, 304*

Парчевский Павел Антонович (1854 — после 1917) — генерал-лейтенант (1913), участвовал в Русско-турецкой войне (1877–1878). Окончил Академию ГШ (1883), затем на штабных должностях. Начштаба 2-й казачьей Сводной дивизии (1894–1899), командир 167-го пехотного Острожского полка (1899–1903), участник Русско-японской войны (1904–1905), с декабря 1913 г. начальник 5-й пехотной дивизии, с мая 1916 г. командир XXXV АК. С апреля 1917 г. в резерве — *321, 341*

Певнев Александр Леонтьевич (1875 — после 1930) — генерал-майор (1915). Окончил Николаевскую академию ГШ (1900), участник Русско-японской войны (1904–1905). Старший адъютант штаба Северо-Кавказского ВО (1905–1910), командир 1-го Линейного полка Кубанского казачьего войска (1910–1914). С января 1914 г. командир бригады 2-й Кавказской казачьей дивизии. С июля 1916 г. 2-й обер-квартирмейстер ГУГШ. С июля 1917 г. в распоряжении начальника ГШ. С 1918 г. в РККА. В июле 1918 — сентябре 1919 г. военный руководитель Главного управления пограничной охраны, председатель Военного совета пограничной охраны РСФСР. С сентября 1919 г. преподавал в Военной академии РККА. Арестовывался по делу «Весна», был освобожден и вернулся на преподавательскую работу — *286*

Передирий — конюх А. Е. Снесарева — *281*

Перекрестов Николай Филиппович — подполковник, командир 4-го батальона 254-го Николаевского полка 64-й пехотной дивизии — *191, 210*

Пержхайло Августин Оттонович (1864–19?) — генерал-лейтенант (1917), командир 10-го Финляндского стрелкового полка (1915), с апреля 1916 г. в резерве. С августа 1917 г. командовал VII АК. Георгиевский кавалер. В Белом движении, во ВСЮР — *340*

Перминов — *149*

Перонко — штабс-капитан, командир 8-й роты 2-го батальона 133-го пехотного Симферопольского полка (январь 1917 г.) — *78, 324*

Пестич — капитан, вероятно, 159-й пехотной дивизии — *395, 429*

Пестич Евгений Филимонович (1866–1919) — генерал-майор (1910). Окончил Николаевскую академию ГШ (1892), затем на штабных должностях, участник Русско-японской войны (1904–1905). Начштаба Ивангородской крепости (1901–1907), командир 6-го пехотного Либавского полка (1907–1910), с июля 1910 г. начштаба XIII АК. Участник похода в Восточную Пруссию в августе 1914 г. Попал в плен, числился без вести пропавшим. Содержался в крепости Кенигштейн. По возвращении из Германии в Белом движении в составе ВСЮР. Погиб в уличных боях в Киеве — *48*

Пестржецкий (Пестржицкий) Михаил Илариевич (Илларионович) (1869–1941) — генерал-майор (1914). Окончил Николаевскую академию ГШ (1896), затем на штабных должностях. Столоначальник Главного штаба (1901–1904), заведовал передвижением войск (1904–1907), начальник отделения ГУГШ

(1907–1911), с мая 1911 г. командир 12-го гренадерского Астраханского полка, с сентября 1915 г. дежурный генерал штаба 11-й армии, с марта 1917 г. начштаба XVII АК, с апреля 1917 г. командующий 157-й пехотной дивизией. С июня 1917 г. начальник отдела военных сообщений ГУГШ. С февраля 1918 г. в распоряжении начальника ГШ. Уволен от службы по увечью 23 августа 1918 г. Участник Белого движения в составе ВСЮР. В 1920 г. в Крыму. Эвакуировался в Константинополь. В эмиграции во Франции. Оставил воспоминания. Почетный член Общества русских гренадеров за рубежом — *49, 420*

Петр — апостол, христианский святой — *112, 199*

Петр III Федорович (урожденный Карл Петер Ульрих Гольштейн-Готторпский) (1728–1762) — российский император в 1761–1762 гг. С 1745 г. — владетельный герцог Гольштейна. Внук Петра I, сын цесаревны Анны Петровны и герцога Гольштейн-Готторпского Карла Фридриха. После полугодового царствования свергнут в результате дворцового переворота, возведшего на престол его жену, Екатерину II, и вскоре лишился жизни — *294*

Петр Павлович — *151*

Петренко Михаил Иванович — поручик, командир 1-го батальона 254-го Николаевского полка — *204, 210*

Петров — солдат-революционер из с. Промзина Симбирской губернии — *440*

Петров II — командир 6-й роты 253-го пехотного Перекопского полка, был ранен под Орлиным гнездом — *124, 141*

Петров Петр Миронович — подполковник, командир 2-го батальона 254-го пехотного Николаевского полка (осень 1916 г.) — *128, 131, 168, 169, 178, 180, 187, 191, 204, 205, 210, 216*

Петровский Арсений Петрович — подполковник 45-го Азовского пехотного полка 12-й пехотной дивизии — *231, 233–236, 240, 250, 376*

Пех Юлиан Степанович — полковник (с марта 1915 г.), с марта 1914 г. дивизионный интендант 12-й пехотной дивизии — *66, 70, 90, 201*

Пешехонов Алексей Васильевич (1867–1933) — русский экономист, журналист, политический деятель. Министр продовольствия Временного правительства (1917) — *440*

Пилонский — *265*

Пимон, вероятно, **Пимен (Белоликов Петр Захариевич)** (1879–1918) — епископ Семиреченский и Верненский (Алма-Атинский). Был расстрелян — *329*

Пимоненко Николай Корнильевич (1862–1912) — украинский живописец, передвижник — *262*

Пирр, из рода Пирридов, (318–272 до н. э.) — царь Эпира (306–301 и 297–272 до н. э.) и Македонии (288–284 и 273–272 до н. э.), талантливый эпирский полководец, один из сильнейших противников Рима. Ганнибал считал Пирра вторым из величайших полководцев после Александра Македонского — *295*

Пирс (Перс, Перес) Бернард Иванович (1867–1947) — английский историк, литературовед, профессор. В 1899–1900 гг. учился в Московском университете. Во время Первой мировой войны — начальник санитарного автомобильного транспорта. В годы Гражданской войны состоял при адмирале А. В. Колчаке в качестве представителя правительства Великобритании. В 1919 г. по его инициативе при Королевском колледже Лондонского университета была основана Школа изучения славянства Восточной Европы, директором которой он был до 1939 г. Автор ряда книг по истории России. В Лондоне сохранился его архив — *38, 194, 200, 202, 205–207*

Писанский — офицер 133-го Симферопольского полка, ротный командир, подпоручик (март 1915 г.). Был ранен в бою 3 ноября 1914 г. — *324*

Питирим — патриарх в 1672–1673 гг. Противник Никона. Заступался перед царем за боярыню Ф. Морозову и других защитников «старой веры», пребывавших в заточении — *342*

Питирим (Павел Васильевич Окнов) (1858–1919) — экзарх Грузии, архиепископ Карталинский и Кахетинский. С ноября 1916 г. митрополит Петроградский и Ладожский, член Святейшего Синода. Находился в дружеских отношениях с Г. Распутиным. Участвовал в придворных интригах вокруг назначения Б. В. Штюрмера на пост председателя Совета министров. После отречения царя был арестован, после заявления о намерении сложить с себя сан был отпущен в Александро-Невскую лавру «на покой» — *233, 234, 243*

Платонов Сергей Федорович (1860–1933) — историк, академик Российской академии наук (1920), академик Академии наук СССР (1925), академик-секретарь гуманитарного отделения АН (1929–1930). Создатель научной школы. Председатель Археографической комиссии (1918–1929). Автор труда «Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI– XVII веков», курса лекций по русской истории. В 1930 г. арестован, в 1931 г. сослан в Самару — *291*

Плахов Федор Захарьевич — полковник (с октября 1913 г.), с марта 1916 г. командир 74-го Ставропольского полка 19-й пехотной дивизии — *309*

Плеве Павел Адамович (1850–1916) — русский генерал от кавалерии (1907). Окончил Николаевскую академию ГШ (1877). Участник Русско-турецкой войны (1877–1878). В 1878–1880 гг. служил в болгарской армии, был управляющим военным министерством. Затем в России на различных командных и штабных должностях. С 1909 г. командующий войсками Московского ВО. Во время Первой мировой войны командовал войсками 5-й, затем 12-й армии. С декабря 1915 по февраль 1916 г. главнокомандующий войсками Северо-Западного фронта. Уволен по болезни и назначен членом Государственного совета — *245, 385*

Плен Иван — полковник (с августа 1915 г.), состоял при Его Императорском Величестве князе Борисе Владимировиче, офицер лейб-гвардии Атаманского полка; весной 1917 г., вероятно, офицер штаба XII АК — *279, 364*

Плешков Михаил Михайлович (1856–1927) — генерал от кавалерии (1913). Окончил Николаевскую академию ГШ (1884), далее на штабных должностях. В 1898–1902 гг. командир 29-го драгунского Одесского полка, затем командир бригады 2-й кавалерийской дивизии. Начальник 7-й кавалерийской дивизии (1907–1912), с мая 1912 г. командир I Сибирского АК. В середине 1917 г. отстранен солдатами от должности командира корпуса, в резерве. В 1918 г. уехал на Дальний Восток, начальник русских войск в полосе отчуждения КВЖД. С декабря 1918 г. главнокомандующий там же. Председатель Комитета помощи русским инвалидам (1919). В 1923 г. сформировал отряд белых офицеров в Китае для службы в армии маршала Чжан Цзо Линя — *342*

Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) — русский государственный деятель, ученый-правовед, писатель, переводчик, историк Церкви; действительный тайный советник. В 1880–1905 гг. занимал пост Обер-прокурора Святейшего Синода. Член Государственного совета (с 1872), почетный член Императорской Академии наук (1880). Преподавал законоведение наследникам престола — Николаю Александровичу (старший сын императора Александра II), будущим императорам Александру III и Николаю II, у которых пользовался большим уважением — *416*

Побылевский Николай Маркович — полковник (с сентября 1914 г.), с марта 1916 г. командир 253-го Перекопского полка 64-й пехотной дивизии — *11, 117, 160, 165, 168, 209*

Поважук — нижний чин технического батальона 5-го Инженерного полка — *283, 284*

Поваринский Сергей Петрович — полковник, погиб на войне. Подполковник (1910), офицер для особых поручений при штабе I Сибирского АК — *48*

Подкосов — командир 1-го батальона 64-й пехотной дивизии — *177*

Пожарский Дмитрий Михайлович (1578–1642) — князь, государственный и военный деятель, боярин (с 1613). С 1610 г. воевода в Зарайске. Участник Первого ополчения 1611 г. Один из руководителей Второго ополчения (1611–1612) и Земского правительства. Участвовал в отражении похода войска польского королевича Владислава к Москве в 1618 г. Возглавлял ряд приказов (1617–1640) — *440*

Покровский Григорий Васильевич (1871–1968) — генерал-майор (1915). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899). Командир 129-го пехотного полка (1913), с августа 1915 г. начальник штаба 1-го Туркестанского корпуса. С сентября 1916 г. генерал-квартирмейстер штаба 8-й армии. Георгиевский кавалер. С 25 августа 1917 г. в резерве. С сентября 1918 г. в Добрармии, с 1919 г. в резерве чинов при штабе ГК. Эмигрировал во Францию. Председатель Общества офицеров ГШ. Председатель Правления российских кадетских корпусов — *46, 128, 149, 151, 161, 184, 190, 231–233, 243–245, 265*

Поливанов Алексей Андреевич (1855–1920) — генерал от инфантерии (1912), был ранен во время Русско-турецкой войны (1877–1878). Окончил Николаевскую академию ГШ (1888), затем адъютант штаба Киевского ВО. Делопроизводитель канцелярии военно-ученого комитета Главного штаба (1890–1894), начальник отдела Главного штаба (1894–1899), в 1899–1904 гг. редактор журнала «Военный сборник» и газеты «Русский инвалид», затем управляющий делами Главного крепостного комитета. Генерал-квартирмейстер Главного штаба (1905), начальник Главного штаба (1905–1906), помощник военного министра (1906–1912), с июня 1910 г. почетный член Николаевской инженерной академии, с января 1912 г. член Государственного совета. С началом Первой мировой войны в комиссии по эвакуации раненых. В июне 1915 — марте 1916 г. военный министр России. С марта 1916 г. в отставке. После Февральской революции 1917 г. председатель комиссии по организации армии на новых началах и председатель Особого совещания по обороне государства. С февраля 1920 г. в Красной армии: член Военно-законодательного совета и Особого совещания при главкоме Красной армии, эксперт при заключении советско-польского мирного договора. Награжден многочисленными российскими и иностранными орденами — *233, 258, 363, 441*

Половцов Николай Петрович (1873–1941) — генерал-майор (1915), товарищ А. Е. Снесарева по Академии ГШ (выпуска 1899), затем на штабных должностях, с декабря 1908 г. начальник штаба

37-й пехотной дивизии, начальник штаба V кавалерийского корпуса, с сентября 1916 г. начальник штаба VIII АК, с июля 1917 г. командующий Заамурской конной дивизией. Участник Белого движения. В эмиграции во Франции — *46*

Полтанов Николай Николаевич — полковник, командир 4-го батальона 255-го пехотного Аккерманского полка — *123, 150, 156, 169, 174, 176, 177, 180, 187, 210, 215*

Полферов К. — вероятно, журналист газеты «Биржевые новости» — *451*

Поляков Николай Николаевич — полковник, весной 1917 г. командир 634-го Сарыкамышского полка 159-й пехотной дивизии — *427, 428, 453, 487*

Понтий Пилат — римский префект Иудеи с 26 по 36 годы н. э. — *464*

Понятовский Станислав — польский дипломат (впоследствии король Станислав Август), фаворит императрицы Екатерины II — *296*

Поплавский Владимир Степанович — штабс-капитан, командир 2-го батальона 255-го пехотного Аккерманского полка — *210*

Попов — *247*

Попов — бывший офицер штаба 2-й казачьей Сводной дивизии (1916) — *156*

Попов — подполковник — *167*

Попов — полковник 32-й артиллерийской бригады — *132, 133*

Попов — полковник, заведующий хозяйством 23-го полка 6-й Финляндской пехотной дивизии — *454*

Попов Петр Харитонович (1867–1960) — генерал от кавалерии (1919). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899), адъютант штаба 1-й Гренадерской дивизии (1900–1903), в 1903–1904 гг. преподавал военные науки в Александровском военном училище, затем штаб-офицер для поручений при штабе Московского ВО, начальник Новочеркасского казачьего училища (1910–1918). В 1917 г. претендент на пост войскового атамана. При атамане А. П. Богаевском премьер-министр республики Всевеликое Войско Донское. В феврале 1918 г. увел казачьи партизанские отряды в Сальские степи. В 1918 г. руководил борьбой с красными. В 1918 г. походный атаман Войска Донского, в мае 1918 г. на Войсковом Круге избран председателем Военной комиссии. В эмиграции проживал в Болгарии, Франции, США. Был избран атаманом Донского войска в эмиграции. С началом войны 1941–1945 гг. интернирован в Германии. С 1946 г. в США — *46*

Попов, возможно, Петр Ксенофонтович (1868–19?) — генерал-майор ОКЖ (1916), с 1902 г. помощник начальника Донского

областного ЖУ Таганрогского округа; с 1907 г. в резерве, исполнял обязанности начальника Харьковского ГЖУ; с 1909 г. и. д. начальника Полтавского ГЖУ; с 1909 г. начальник Севастопольского ЖУ; с 1914 г. начальник Петербургского охранного отделения. С 1915 г. штаб-офицер для поручений при министре внутренних дел. Участник Белого движения на востоке России. В марте 1920 г. арестован органами ЧК в Омске за службу в белой армии. Реабилитирован — *400, 487*

Посохов Андрей Андреевич (1872–1931) — генерал-майор (1914). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899), затем на штабных должностях, участник Русско-японской войны (1904–1905). В 1905–1906 гг. и. д. начштаба Сибирской казачьей дивизии, затем начальник стрелкового отделения штаба Новогеоргиевской крепости, начштаба 28-й пехотной дивизии (1907–1910), начштаба 1-й Финляндской стрелковой бригады (1910–1913), с февраля 1913 г. командир 92-го пехотного Печерского полка. В ноябре 1914 г. и. д. генерал-квартирмейстера штаба 2-й армии. С октября 1915 г. генерал-квартирмейстер штаба 3-й армии. С апреля 1917 г. и. д. начальника штаба 12-й армии. Георгиевский кавалер. Во время Гражданской войны в ВСЮР. В эмиграции во Франции — *46*

Потапов Алексей Степанович (1872–19?) — генерал-майор (1912). Окончил Николаевскую Академию ГШ (1899), участник подавления боксерского восстания в Китае (1900–1901), Русско-японской войны (1904–1905), затем на штабных должностях. В Первую мировую войну известен своим набегом на Мемель в марте 1915 г., командовал кавалерийским отрядом в ходе Свенцянской операции, с января 1916 г. командир бригады 64-й пехотной дивизии. С марта 1917 г. генерал для поручений при военном министре, член Военной комиссии Временного комитета Государственной думы, помощник председателя комиссии А. И. Гучкова, затем председатель Военной комиссии. С июня в резерве, а с сентября 1917 г. начальник 62-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер — *10, 98, 101, 104, 107, 112, 121, 122, 127, 128, 135, 149, 150, 186, 321*

Потемкин Григорий Александрович (1739–1791) — русский государственный и военный деятель, дипломат, генерал-фельдмаршал (1784). После сближения с Екатериной II (1770) был назначен вице-президентом Военной коллегии, возведен в графское достоинство, назначен генерал-адъютантом (1774). В 1776 г. генерал-губернатор Новороссийской, Азовской и Астраханской губернии, получил от Иосифа II титул князя Священной Римской империи. В 1783 г. реализовал проект присоединения Крыма к России, по-

лучив титул светлейшего князя Таврического. В 1784 г. назначен президентом Военной коллегии. Во время Русско-турецкой войны (1787–1791) командовал армией — *293–296*

Потоцкий — один из представителей рода князей Потоцких, правящих в г. Бучаче с 1632 г. — *443*

Потоцкий Павел Платонович (1857–1931) — генерал от артиллерии (1916), с ноября 1907 г. начальник артиллерии XIII АК. С июля 1908 г. начальник, затем инспектор артиллерии гвардейского корпуса, с которым выступил на фронт. С декабря 1914 г. начальник 2-й гвардейской пехотной дивизии. С конца 1916 г. командир I гвардейского корпуса. Георгиевский кавалер. После Февральской революции в резерве. В сентябре 1918 г. взят в Петрограде в числе заложников, затем освобожден. Историк, библиофил, собранную им библиотеку передал Наркомпросу. В 1926 г. переведен из Ленинграда в Киев и назначен куратором Музея Украины — *341*

Пржевальский Михаил Алексеевич (1859–1934) — генерал от инфантерии (1916), двоюродный брат путешественника генерала Н. М. Пржевальского. Окончил Николаевскую академию ГШ (1888), затем на штабных должностях, в 1892–1901 гг. секретарь Российского Императорского консульства в Эрзеруме, затем начштаба 39-й пехотной дивизии, в 1903–1905 гг. командир 155 пехотного Кубанского полка, затем начальник штаба Кубанского казачьего войска. Начальник войскового штаба Терского казачьего войска (1906–1908), с декабря 1908 г. начальник Кубанской пластунской бригады, с февраля 1915 г. командир II Туркестанского АК. С апреля 1917 г. командующий Кавказской армией, с сентября 1917 г. командующий войсками Кавказского фронта. В декабре 1917 г. сложил с себя полномочия ГК и покинул действующую армию. Вступил в Белую армию, с конца 1918 г. командующий добровольческими войсками на Кавказе. В эмиграции в Югославии, член объединения лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады — *342*

Приходько [Приходкин] Дмитрий Дмитриевич (1870–19?) — генерал-майор (1915). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899), далее на штабных должностях, в 1905–1909 гг. преподавал военные науки в Елизаветградском кавалерийском училище, затем был начальником стрелкового отделения штаба Брест-Литовской крепости. Начштаба 12-й пехотной дивизии (1909–1911), с ноября 1911 г. начштаба 7-й кавалерийской дивизии, был командиром 10-го гусарского Ингерманландского полка, с июня 1916 г. начштаба Сводной кавалерийской дивизии. С марта 1917 г. начштаба VI кавалерийского корпуса. Во ВСЮР в резерве чинов — *44*

Промтов Михаил Николаевич (1857–1950) — генерал-лейтенант (1915), участник Русско-японской войны (1904–1905). С февраля 1911 г. командир 32-й артиллерийской бригады, с которой вступил в войну. С ноября 1914 г. командующий 82-й пехотной дивизией, участвовавшей в осаде Перемышля. В начале июня 1916 г. командовал Сводным корпусом 5-й армии (82-я и 103-я пехотные дивизии). В 1917 г. назначен командиром XXIII АК. С сентября 1917 г. командующий 11-й армией. После Октябрьской революции избранный армейский ВРК подписал перемирие с германским командованием и, захватив штаб армии, отстранил Промтова от командования. Во время Гражданской войны с конца 1918 г. воевал в составе Добрармии. С осени 1919 г. командовал II АК. В феврале 1920 г. интернирован в Польше, затем отправлен из лагеря в Крым, где был назначен в распоряжение ГК Русской армией. После эвакуации в Югославии принят на службу в Военное министерство. С декабря 1924 г. директор русского Крымского кадетского корпуса в Белой Церкви. С ноября 1930 г. начальник военных курсов РОВС в Югославии — *128, 167, 341*

Протопопов — полковник 2-го Линейного полка Кубанского казачьего войска (в январе 1917 г.) — *286, 449*

Протопопов Александр Дмитриевич (1866–1918) — российский политик, крупный помещик и промышленник, последний министр внутренних дел Российской империи. Член Государственной думы III и IV созыва, октябрист — *236, 243, 273, 339, 353*

Прохвостов — *41*

Прохоров Сергей Дмитриевич (1870–1953) — генерал-лейтенант. Окончил Николаевскую академию ГШ (1904), участник Русско-японской войны (1904–1905). В 1912 г. прикомандирован к Елизаветградскому кавалерийскому училищу для преподавания военных наук. На начало войны 1914 г. начальник штаба 6-й кавалерийской дивизии, затем 8-й и 11-й кавалерийских дивизиях до января 1916 г., затем командир 10-го Драгунского Новгородского полка. Георгиевский кавалер. В Добрармии с осени 1918 г. Участник 2-го Кубанского похода. В 1919 г. начальник заново сформированного им Елизаветградского кавалерийского училища. После эвакуации из Крыма в Галлиполи объединил юнкеров Елизаветградского и Николаевского училищ и сформировал Николаевское кавалерийское училище, с которым прибыл в Королевство СХС. Оставался с училищем в Белой Церкви до 1924 г. Во время Второй мировой войны переехал в Германию. Скончался в Дорнштадте — *202*

Пугачев Емельян Иванович (1742–1775) — донской казак, предводитель Крестьянской войны (1773–1775) в России. На-

звался императором Петром III, пользуясь слухами, что тот жив. Самый удачливый из десятков самозванцев, выдававших себя за Петра — *348*

Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) — один из лидеров Союза русского народа, «Союза Михаила Архангела», фракции крайне правых во 2-й — 4-й Государственных думах. Участвовал в убийстве Распутина. Не издававшаяся в России брошюра Пуришкевича «Без забрала» была переписана в дневнике А. Е. Снесарева его женой Евгенией Васильевной — *234, 307, 457–464*

Пустовойтенко Михаил Саввич (1865–19?) — генерал-лейтенант (с ноября 1916 г.). Окончил Николаевскую академию ГШ (1894), затем на штабных должностях при Варшавском ВО. Командовал 182-м пехотным Гроховским полком, был начальником штаба I Сибирского АК. С июня 1914 г. помощник 1-го обер-квартирмейстера ГУГШ и постоянный член Крепостной комиссии ГУГШ, затем 1-го обер-квартирмейстер ГУГШ. С началом мобилизации в 1914 г. генерал-квартирмейстер штаба армий Юго-Западного фронта, с апреля 1915 г. — Северо-Западного фронта. После принятия Николаем II звания ВГ и. д. генерал-квартирмейстера штаба ВГ. Ближайший сотрудник генерала М. В. Алексеева. С декабря 1916 г. начальник 12-й пехотной дивизии. С 21 октября 1917 г. командир LX АК. В начале 1918 г. эмигрировал — *240, 266, 268, 272, 273, 281*

Пуцилло Сергей Михайлович — капитан, бухгалтер Управления руководителя опытом по ведению войскового хозяйства чинами интендантского ведомства (1910). С июня 1911 г. дивизионный интендант 2-й Казачьей сводной дивизии с июня 1911 г. — *248*

Пушин — капитан 7-го Кавказского стрелкового полка — *472*

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) — русский поэт, драматург и прозаик — *136*

Пфейфер Дмитрий Николаевич (1870–1970) — генерал-майор (1913). Окончил Николаевскую академию ГШ (1896). Штаб-офицер для особых поручений при Е. И. Высочестве ГК войсками гвардии Петербургского ВО (1903–1905). Штаб-офицер при управлении Гвардейской стрелковой бригады (1905–1910). Командир 92-го пехотного Печорского полка (1910–1913). С 1913 г. командир лейб-гвардии 2-го стрелкового полка. Погиб в бою. Посмертно награжден орденом Св. Георгия 4-й степени — *47*

Пфингстен Адольф Фердинандович (1867–1914) — полковник (1914). Окончил Николаевскую академию ГШ (1902). Участник Русско-японской войны (1904–1905). С начала Первой мировой войны сражался в Восточной Пруссии и Польше. Осе-

нью 1914 г. был назначен командиром 96-го пехотного Омского полка, однако вступить в должность не успел, т. к. был убит в бою под Лодзью. В 1915 г. посмертно награжден Георгиевским оружием — *48*

Пфингстен Кузьма Кузьмич (Фердинанд Фердинандович?) — полковник, командир 147-го пехотного Самарского полка (1916) — *183, 185, 193*

Пфлейдерер Отто (1839–1908) — немецкий богослов, историк и религиовед, с 1875 г. профессор богословия в Берлинском университете. Автор трудов «Религия, ее сущность и история» (1869–1878), «Мораль и религия» (1872), «Раннее христианство» (1887), «Философия и развитие религии» (1894), «Религия и религии» (1906) и др. — *482*

Пюлль (Пюль) Яков Иванович — капитан, офицер штаба XII АК — *280, 383*

Радко-Дмитриев Радко Дмитриевич (1859–1918) — генерал от инфантерии (1914), уроженец Болгарии. В 1876 г. участвовал в национально-освободительном движении, участник Русско-турецкой войны (1877–1878), окончил Николаевскую академию ГШ (1884). Участник сербско-болгарской войны. В 1887 г. перешел на русскую службу. Служил на Кавказе. В 1898 г. вернулся в Болгарию начальником штаба 5-й Дунайской пехотной дивизии. Начальник оперативного отделения ГШ (1900–1904), начальник ГШ (1904–1907), с 1909 г. начальник 3-й военно-инспекционной области. Участник 1-й и 2-й Балканских войн. Состоял болгарским посланником в Петербурге. 26 июля 1914 г. принят на русскую службу командиром VIII АК. Георгиевский кавалер. С сентября 1914 г. командующий 3-й армией. В мае 1915 г. снят с должности. С июня 1915 г. командовал II Сибирским и с октября 1915 г. — VII Сибирским АК. С марта 1916 г. командующий 12-й армией. Затем в резерве. С 1918 г. в отставке. Уехал на юг России для лечения, в сентябре 1918 г. взят Кавказской Красной армией в число заложников. Был зарублен в Пятигорске — *126, 167, 251, 271*

Радонежский Сергий (в миру Варфоломей) (1314 (?)–1392) — монах Русской православной церкви, основатель Троицкого монастыря под Москвой (ныне Троице-Сергиева лавра), преобразователь монашества в Северной Руси. Почитается РПЦ в лике святых как преподобный и считается величайшим подвижником земли Русской — *188*

Радченко Олег Анатольевич — профессор МГЛУ — *36*

Развезева Полина Илларионовна — медсестра 61-го передового отряда Красного Креста при 12-й пехотной дивизии; Благовещенской общины сестер милосердия РОКК, запасная

сестра милосердия военного времени; зачислена 7 июня 1915 г., в Киеве — *123*

Разсохотский — нижний чин технического батальона 5-го Инженерного полка — *283*

Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1869–1916) — «Царский друг», крестьянин села Покровское Тобольской губернии. Приобрел всемирную известность благодаря тому, что был другом семьи последнего российского императора Николая II. В 1900-е гг. среди определенных кругов петербургского общества имел репутацию старца, прозорливца и целителя — *243, 250, 258, 272, 449*

Ратмиров Яша (Яков) — двоюродный брат А. Е. Снесарева — *30, 250, 251*

Раттэль Николай Иосифович (1875–1938) — генерал-майор (1916). Окончил Николаевскую академию ГШ (1902), участник Русско-японской войны (1904–1905). Во время Первой мировой войны помощник генерал-квартирмейстера штаба армий Юго-Западного фронта (июнь 1916 г.), генерал-квартирмейстер штаба армий Юго-Западного (апрель) и Западного (август 1917 г.) фронтов. Начальник военных сообщений театра военных действий. С марта 1918 г. начальник военных сообщений, с июня 1918 г. — начальник штаба Высшего Военного совета, затем штаба РВСР, затем Всероглавштаба. С 1920 г. председатель военно-законодательного совещания при РВС республики и член Особого совещания при главнокомандующем. С 1925 г. на хозяйственной работе — *265*

Ратушняк — унтер-офицер 270-го пехотного запасного полка — *297*

Раух Георгий Оттонович (1860–1936) — генерал от кавалерии (с июня 1917 г.). Окончил Академию ГШ (1887), в 1906–1908 гг. начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, затем начальник 10-й кавалерийской дивизии, с января 1912 г. начальник 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, с мая 1916 г. командир II гвардейского корпуса. Георгиевский кавалер. С апреля 1917 г. в резерве чинов. Летом 1918 г. был арестован как член антисоветской организации в Петрограде, затем в гетманской армии в Одессе. Во ВСЮР. В эмиграции. Умер в Константинополе — *272, 341*

Рафальский Григорий Михайлович (1860–19?) — генерал-майор (1916), с ноября 1915 г. командир 126-го пехотного Рыльского полка. Командовал 32-й пехотной дивизией. Георгиевский кавалер. С сентября 1919 г. во ВСЮР. В июне 1920 г. возвратился в Крым. С июня 1920 г. в Русской армии в резерве чинов при штабе главнокомандующего — *271, 420*

Рацуцкий — подполковник 82-й артиллерийской бригады, член Георгиевской думы (1916) — *231*

Рашко — румынский генерал, командующий 2-й румынской армией — *220, 226*

Ремезов Александр Кондратьевич (1869–19?) — генерал-майор (1915). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899), участник Русско-японской войны (1904–1905). Командир 194-го пехотного Троице-Сергиевского полка (1914–1915). Георгиевский кавалер. С июля 1915 по май 1916 г. командир бригады 81-й пехотной дивизии, затем начштаба 75-й пехотной дивизии. С июня 1916 по апрель 1917 г. начальник штаба XXXI АК. Затем командующий 16-й Сибирской стрелковой дивизией. Добровольно вступил в РККА (1918), в июле — декабре 1918 г. начальник 10-й стрелковой дивизии. В январе — июле 1919 г. командовал 7-й армией. В распоряжении Главкома с июня 1919 г. В октябре 1919 — мае 1921 г. начальник штаба 11-й армии, врид командующего 11-й армией. В списках ГШ РККА от 1919 и 1920 гг. — *44*

Ренан Жозеф Эрнест (1823–1892) — французский писатель, историк христианства, семитолог, мыслитель, представитель отрицательной библейской критики — *474*

Ренненкампф (Ранненкампф) Павел Карлович, фон (1854–1918) — генерал от кавалерии (1910). Участник китайского похода (1900–1901), Русско-японской войны (1904–1905). Окончил Николаевскую академию ГШ (1882). Прославился жестокостью при подавлении выступлений во время революции (1905–1907). Командовал корпусом (1905–1913). С 1913 г. командующий войсками Виленского ВО. В начале Первой мировой войны командовал 1-й армией. Во время наступления немецких войск против 1-й армии в сентябре 1914 г. бросил армию и уехал в тыл. Во время Лодзинской операции (ноябрь 1914 г.) неудачные действия Ренненкампфа позволили группе немецких войск вырваться из окружения, за что он был отстранен от должности. Комиссия для расследования деятельности Ренненкампфа признала его виновным в поражении 2-й армии, а также в систематических злоупотреблениях. Был уволен в отставку. После Февральской революции 1917 г. был арестован, но ему удалось освободиться и уехать на юг. В марте 1918 г. был арестован и по приговору ревтрибунала расстрелян — *31, 333–337*

Рерберг Федор Сергеевич (1860 — после 1933) — русский генерал-лейтенант (1915). Окончил Николаевскую академию ГШ (1892). В 1914 г. начальник этапно-хозяйственного управления штаба 3-й армии Юго-Западного фронта. В ноябре 1914 г. командовал 2-й Кубанской казачьей дивизией, затем 7-й кавалерийской

дивизией. Возглавлял, оставаясь начальником дивизии, сводные кавалерийские корпуса, был и. о. командира III кавалерийского корпуса и XXVI АК. С апреля 1917 г. командир VII кавалерийского корпуса, входившего в состав 11-й армии, одновременно с июля по август был временно командующим 11-й армией. С 20 ноября по 13 декабря 1917 г. командующий Особой армией. Георгиевский кавалер. После Октябрьской революции в эмиграции; принимал участие в работе Союза русских инвалидов в Болгарии — *198*

Реутов — поручик, командир 9-й роты 253-го пехотного Перекопского полка, был ранен под Орлиным гнездом (1916) — *141, 345*

Ржевский — офицер 3-го пехотного Финляндского полка — *415*

Ржечицкий Константин Степанович — штабс-капитан, командир 1-го батальона 256-го пехотного Елизаветградского полка. В 1910 г. прапорщик 60-го пехотного Замосцского полка в г. Одессе — *177, 210*

Рибо Александр Феликс Жозеф (1842–1923) — французский политик и государственный деятель, неоднократно возглавлял кабинет министров Франции. Содействовал сближению Российской империи и Франции — *441*

Рихтер — младший офицер 4-й роты 253-го пехотного Перекопского полка, попал в плен после боев за Орлиное гнездо (1916) — *141*

Рогожин Константин Сергеевич (1867–19?) — полковник (1910), командир 465-го пехотного Уржумского полка 117-й пехотной дивизии — *310*

Рогоза (Рагоза) Александр Францевич (1869–1919) — русский генерал от инфантерии, участник Русско-турецкой войны (1877–1878). Окончил Николаевскую академию ГШ (1883), командир корпуса перед Первой мировой войной, командующий 4-й армией (1915–1917). Военный министр Украинской державы в 1918 г. Расстрелян большевиками — *101*

Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924) — один из лидеров октябристов, председатель 3-й и 4-й Государственных дум. В 1917 г. председатель Временного комитета Государственной думы. Эмигрировал. Автор воспоминаний «Крушение империи» — *234, 339, 343, 346, 416, 418, 472*

Розанов, вероятно, Сергей Николаевич (1869–1937) — генерал-лейтенант (1917). Окончил Николаевскую академию ГШ (1897). С 1903 г. столоначальник Главного штаба. Участник Русско-японской войны (1904–1905). С мая 1906 г. делопроизводитель ГУГШ. Командир 178-го пехотного Венденского полка (1910–1914). Георгиевский кавалер. С сентября 1914 г. командовал

бригадой 45-й пехотной дивизии. С 1915 г. начштаба III Кавказского АК. С февраля 1917 г. командующий 162-й пехотной дивизией, а с 25 августа — XLI АК. Во время выступления Л. Г. Корнилова доказал лояльность Временному правительству. После Октябрьской революции вступил в РККА, был направлен в Поволжье, где перешел на сторону антибольшевистского Самарского правительства. В 1918 г. и. д. начштаба ВГ всеми ВС КОМУЧа. Поддержал переворот А. В. Колчака. Уполномоченный по охране государственного порядка в Енисейской и Иркутской губерниях. В марте 1919 г. принимал участие в разгроме большевистских восстаний в Енисейской губернии. Известен его приказ 27 марта 1919 г. о расстрелах каждого десятого восставшего. В 1919–1920 гг. главный начальник Приамурского ВО. В эмиграции в Пекине, затем во Франции — *240*

Розеншильд фон Паулин Анатолий Николаевич (1860–1929) — генерал-лейтенант (1914). Окончил академию ГШ (1887). Участник Русско-японской войны (1904–1905). В 1905 г. награжден Золотым оружием и назначен в Свиту Его Величества. Начальник Офицерской стрелковой школы (1907). Начальник 29-й пехотной дивизии (1914), с которой вступил в войну и в составе 1-й Русской армии участвовал в сражении под Гумбиненом. В январе 1915 г. попал в плен в Августовских лесах. После освобождения из плена в конце 1918 г. прибыл в Добрармию, возглавил курсы инструкторов по пулеметному делу. В августе 1919 г. участвовал в занятии Одессы. Осенью 1919 г. вел успешные бои против войск Петлюры. В марте 1920 г. во время эвакуации Новороссийска сломал ногу; был отправлен на излечение в Сербию. В эмиграции был принят на службу в Военном министерстве Королевства СХС. Автор статей по истории военных действий в Восточной Пруссии в 1914–1915 гг. — *47*

Романенко Димитрий Савостьянович — поручик (1916), адъютант по хозяйству штаба 64-й пехотной дивизии — *38, 97, 203*

Романико Матвей Константинович (1870–19?) — полковник (1915), командир 255-го пехотного Аккерманского полка в период командования А. Е. Снесаревым 64-й пехотной дивизией (декабрь 1916 г.) — *120, 209, 212*

Романовский — полковник — *48*

Романовский Иван Павлович (1877–1920) — генерал-лейтенант (1919). Окончил Николаевскую академию ГШ (1903), участник Русско-японской войны (1904–1905). В 1914–1915 гг. начальник штаба 25-й пехотной дивизии, командир 206-го Сальянского пехотного полка (1915–1916), в июне — октябре 1916 г. начальник штаба XIII АК. С октября 1916 по март 1917 г. генерал-квартир-

мейстер штаба 10-й армии, в марте — июле 1917 г. начальник штаба 8-й армии. В июле — августе 1917 г. генерал-квартирмейстер Ставки штаба ВГ. Арестован Временным правительством за участие в Корниловском мятеже. Заключен в Быховскую тюрьму. Бежал в ноябре 1917 г. на Дон с Корниловым, Деникиным и др. В Белом движении в штабе Добрармии в декабре 1917 — феврале 1918 г. В феврале — декабре 1918 г. начальник штаба Добрармии, с декабря 1918 по март 1920 г. начальник штаба ВСЮР. Эмигрировал в 1920 г. в Константинополь, где был убит — *49*

Рооп Владимир Христофорович (1865–1929**)** — генерал-лейтенант (1913). Окончил Николаевскую академию ГШ (1892), затем на штабных должностях. Военный агент в Вене (1900–1903), командир 26-го драгунского Бугского полка (1905–1907), командующий, затем командир лейб-гвардии Конно-гренадерского полка (1907–1912), затем начальник Отдельной гвардейской кавалерийской бригады, начальник 6-й кавалерийской дивизии (1913–1917), командир II кавалерийского корпуса (1917), затем в резерве. В США во главе специальной Военной миссии (апрель 1917 г.). Георгиевский кавалер. Участник Белого движения в Сибири. Начальник снабжения Сибирской армии во Владивостоке. С апреля 1919 г. председатель Дальневосточной комиссии по снабжению. Эмигрировал во Францию — *345*

Российский Евгений Александрович (1865–1933) — генерал-майор (1913), сын генерала А. А. Российского; брат генерала-майора А. А. Российского. Окончил Николаевскую академию ГШ (1892). Участник Русско-японской войны (1904–1905), был ранен. В распоряжении начальника Главного штаба (1905–1906). Командир 105-го пехотного Оренбургского полка (1906–1913). С марта 1913 г. командир 2-й бригады 28-й пехотной дивизии. В феврале 1915 г. командовал сводной бригадой. С апреля 1916 по январь 1917 г. командующий 56-й пехотной дивизией, затем в резерве. Командующий 194-й пехотной дивизией (август 1917 г.). С сентября 1917 г. бригадный командир 3-й гренадерской дивизии. Участник Белого движения в составе ВСЮР. Галлиполиец. Начальник Константиновского военного училища (1922–1923). В 1922 г. выслан из Болгарии. Осенью 1925 г. в составе Кубанского Алексеевского училища в Югославии. Умер в Югославии — *261, 321*

Ростковский Георгий Николаевич (1872–1931) — генерал-майор (1917). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899), участник Русско-японской войны (1904–1905). С ноября 1915 г. командир 161-го пехотного Александропольского полка. Командир 460-го пехотного Тимского полка. С февраля 1917 г. начальник штаба 63-й (по другим данным — 68-й) пехотной дивизии.

С апреля 1918 г. в армии Украинской державы. На ноябрь 1918 г. командир бригады 8-й пешей дивизии. В эмиграции в Югославии — *43, 44*

Ротштадт — вероятно, врач 61-го передового отряда Красного Креста — *85*

Рудаков — офицер 2-го линейного полка Кубанского казачьего войска (1916) — *42*

Рудковский Валентин Димитриевич — офицер, вероятно, 159-й пехотной дивизии в 1917 г., окончил Павловское военное училище (1904), был выпущен в 51-й пехотный Литовский полк — *415, 431, 432, 473, 481*

Рудницкий Николай Квинтильянович (1868–19?) — генерал-майор (1915). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899). Старший адъютант штаба Виленского ВО (1904–1911). С 1911 г. начальник штаба 26-й пехотной дивизии. С марта 1915 г. командир 2-го стрелкового полка. Георгиевский кавалер. С декабря 1915 по январь 1917 г. начальник штаба 13-й Сибирской стрелковой дивизии. В феврале — мае 1917 г. начальник штаба XXXIV АК. Уволен от службы 25 марта 1918 г. — *43, 44*

Рудь — прапорщик 256-го пехотного Елизаветградского полка 64-й пехотной дивизии, раненный в 1916 г. — *175*

Рузский Николай Владимирович (1854–1918) — генерал-адъютант (1914), генерал от инфантерии (1909), член Военного (с января 1909 г.) и Государственного (с марта 1915 г.) советов. Участник Русско-турецкой (1877–1878) и Русско-японской (1904–1905) войн, начальник штаба 2-й Маньчжурской армии, командовал корпусом (1906–1909), разрабатывал устав 1912 г. В 1914 г. командовал 3-й армией, с сентября — Северо-Западным фронтом, с 1915 г. командующий 6-й армией и Северным фронтом (1916–1917). Активный участник Февральского переворота. С апреля 1917 г. в отставке. В сентябре 1918 г. был казнен как заложник по приказу штаба Красной Таманской армии — *271, 349, 353–355, 373*

Рукавишников Иван Сергеевич (1877–1930) — русский писатель, поэт-символист Серебряного века и прозаик, переводчик украинской поэзии. Прославился формальными «экспериментами» над стихотворной речью, известен как «мастер триолета». Издал 20 томов своих сочинений. Персонаж анекдотов в литературных мемуарах и пособиях по стиховедению. В Нижнем Новгороде организовал два музея — *153, 154*

Руковский — *402*

Румянцев Порфирий Алексеевич (1866–1916) — товарищ А. Е. Снесарева по выпуску из Академии ГШ (1899), командир

54-го пехотного Минского полка (1913), умерший от болезни во время войны — *43*

Рыбальченко Евграф Григорьевич (1857–19?) — генерал-майор (1914), участник Русско-турецкой войны (1877–1878). Более 10 лет командовал батареей. С 1908 г. командир 2-го дивизиона 12-й артиллерийской бригады в г. Проскурове, с мая 1915 г. командир 12-й артиллерийской бригады. Георгиевский кавалер. В 1916 г. уволен в отставку — *87, 88, 273*

Рыбчинский Николай — прапорщик 121-го пехотного Пензенского генерал-фельдмаршала графа Милютина полка, геройски погибший во время войны и ставший георгиевским кавалером посмертно — *332*

Рыльский Константин Иосифович (1871–1921) — генерал-майор (1915). Окончил Николаевскую академию ГШ (1900). Старший адъютант штаба войск Гвардии и Петербургского ВО (1905–1913). С 1913 по ноябрь 1914 г начштаба 1-й гвардейской пехотной дивизии. Командир 148-го пехотного Каспийского полка (1914), затем командующий (позже командир) лейб-гвардии Гренадерским полком. Георгиевский кавалер. С декабря 1915 по февраль 1917 г. начальник штаба 1-го гвардейского корпуса. Командовал 154-й пехотной дивизией (апрель 1917 г.), затем 2-й гвардейской пехотной дивизией, позже 122-й пехотной дивизией (июль — август 1917 г.). С августа 1917 г. и. д. начальника штаба 12-й армии. Добровольно вступил в РККА (1918). Помощник начальника Всероссийского Главного штаба РВСР. Включен в списки ГШ РККА от 1919 и 1920 гг. С марта 1920 г. начальник информационного отделения Оперативного управления Полевого штаба РВСР. В 1920 г. арестован. В 1921 г. начальник Управления по обучению и подготовке войск Штаба РККА. Арестован в октябре 1921 г. В ноябре 1921 г. отправлен в Архангельский лагерь. Расстрелян — *49, 419*

Рябинин Александр Александрович (1878–1942) — генерал-хорунжий, участник Русско-японской войны (1904–1905). Окончил Николаевскую академию ГШ (1907). На штабных должностях. И. д. штаб-офицера, затем старшего офицера для поручений отдела генерала-квартирмейстера штаба 9-й армии (с сентября 1914 г.). С июня 1915 г. и. д. начштаба 74-й, затем 12-й, с декабря 1915 г. — 37-й пехотных дивизий. С января 1917 г. и. д. начштаба 64-й пехотной дивизии, затем командир пехотного полка (9,5 мес.). С декабря 1917 г. начштаба XXVI АК, который был украинизирован. С апреля 1918 г. начштаба 7-го Харьковского корпуса армии УНР. С октября 1918 г. начальник военно-исторического отдела ГУГШ армии Украинской державы. После падения

режима гетмана Скоропадского в армии УНР. С декабря 1918 по январь 1919 г. первый генерал-квартирмейстер штаба армии УНР. 18 апреля1919 г. мобилизован в РККА. С сентября 1919 г. в Москве. В списках ГШ РККА от 1919 и 1920 гг. Сотрудник военной секции Главархива. С сентября 1920 г. сотрудник-составитель Военно-исторической комиссии. На март 1923 г. преподаватель Высшего Одесского института. Работал сотрудником Одесского областного архива. Был арестован в 1931 г., но через 10 мес. освобожден. Арестован в 1937 г., приговорен к 10 годам ИТЛ. Умер в заключении. Реабилитирован — *221*

Рябушинский Павел Михайлович (1871–1924) — российский предприниматель, банкир, старообрядец, представитель династии Рябушинских. Окончил Московскую практическую академию коммерческих наук (1890). Владел французским, немецким и английским языками. С 1906 г. председатель Московского биржевого комитета. Входил в Московское отделение ЦК партии «прогрессистов». Член Государственного совета от промышленности (1915). Финансировал газету «Современное слово» — орган кадетской партии. Являлся спонсором корниловского выступления. В 1920 г. эмигрировал во Францию. Умер от туберкулеза, похоронен на кладбище Батиньоль. — — *314*

Саввич Сергей Сергеевич (1863–1939) — генерал от инфантерии (1915). Окончил Николаевскую академию ГШ (1890). С 1899 г. в Главном штабе: делопроизводитель отдела по передвижению войск; с ноября 1900 г. начальник отдела управления военных сообщений. Начштаба Отдельного корпуса жандармов (1905–1907). Командир 1-й бригады 42-й пехотной дивизии (1907–1908), затем начальник штаба XXI АК (1909–1913). С 1913 г. комендант Владивостокской крепости. С августа 1913 по май 1915 г. командовал IV Сибирским и XVI армейским (1915–1916) корпусами; в мае 1915 г. начштаба армий Юго-Западного фронта. С 1917 г. начальник снабжения армий Северо-Западного и Северного фронтов. Временно командовал XVIII корпусом. Участник Белого движения. Генерал для поручений при штабе командующего союзными силами. Инспектор военных школ, начальник Национального ополчения, начальник снабжений железнодорожных сообщений. В эмиграции сотрудник «Русского еженедельника в Бельгии». Похоронен в Брюсселе — *108, 110, 111, 114, 124, 126, 132, 149, 159, 162, 194*

Савельев Николай Александрович (1861–1924) — генерал-лейтенант (1918). Окончил Николаевскую академию ГШ (1906). Участник Русско-японской войны (1904–1905). В 1914–1916 гг. офицер в частях Уральского казачьего войска, затем командир

13-й Сибирской стрелковой, 8-й Туркестанской стрелковой дивизий. Георгиевский кавалер. В Белом движении: с ноября 1918 по апрель 1919 г. командующий Уральской армией; с ноября 1919 по март 1920 г. командир корпуса Южной группы войск, командир I Забайкальского корпуса Дальневосточной армии. С ноября 1920 г. командующий Дальневосточной армией. С ноября 1922 г. в эмиграции в Китае. Умер в Шанхае — *271, 419*

Савенко Анатолий Иванович (1874–1922) — русский общественный и политический деятель, депутат IV Государственной думы. Основатель и председатель Партии правового порядка (1905–1906), член и председатель (с 1912) Киевского клуба русских националистов (1907–1918), член Всероссийского национального союза (1912–1918), товарищ председателя Внепартийного блока русских избирателей (1919). Участник Белого движения на Юге России, начальник Киевского отделения ОСВАГа и фактический глава Киева осенью 1919 г. после взятия Киева Добрармией. Основатель газеты «Киевская Русь» (1919). Белоэмигрант (1920), тайно возвратившийся в Советскую Россию (1921). Политический публицист и журналист, автор многочисленных статей в ряде газет, автор брошюры «Украинцы или малороссы?» (1919) — *436, 437*

Савинков Борис Викторович (1879–1925) — с 1903 г. один из лидеров партии эсеров, руководитель многих террористических актов. Комиссар Временного правительства при Ставке. Комиссар Юго-Западного фронта. Зам. военного министра. В 1917–1918 гг. активный борец с советской властью, эмигрант. В 1924 г. арестован при переходе границы, покончил жизнь самоубийством в тюрьме — *486*

Савиновский — ротный командир 46-го пехотного Днепровского полка, убитый 28 мая 1916 г. — *56*

Савлаев, возможно, Петр — начальник конвоя командующего 64-й пехотной дивизией — *114, 131, 192*

Савченко Виктор Михайлович — поручик, адъютант из 133-го Симферопольского полка — *37*

Савченко Георгий Михайлович — вероятно, офицер штаба 12-й пехотной дивизии — *70, 71, 273*

Савчинский Леонид Афанасьевич (1879–19?) — полковник. Окончил Александровскую военно-юридическую академию. С 1908 г. помощник военного прокурора Варшавского военно-окружного суда. Военный следователь Киевского ВО (1911–1916). В 1918 г. в армии Украинской державы. Глава суда 4-й конной дивизии. В 1919 г. юрисконсульт Главного управления снабжения Военного министерства УНР. Начальник канцелярии

управления 2-го помощника Военного министра УНР (август 1919 г.) по вопросам снабжения — *279, 280, 301, 304, 325, 346, 348, 361*

Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927) — российский государственный деятель, дворянин, землевладелец Рязанской губернии, Гофмейстер Двора (1910). С 1907 г. посланник в Вашингтоне, с 1909 г. товарищ министра иностранных дел. Министр иностранных дел Российской империи (1910–1916), с 1913 г. член Государственного совета. В 1919 г. в составе министерства *Деникина,* затем министр иностранных дел правительства Колчака. Умер в эмиграции — *233*

Саликов Игнатий Петрович (1867–19?) — генерал-майор (1917), с начала Первой мировой войны в рядах 75-го пехотного Севастопольского полка. С июля 1915 по апрель 1917 г. командир 46-го пехотного Днепровского полка. Георгиевский кавалер. Командир 17-го пехотного запасного полка (апрель 1917). С апреля 1917 г. в резерве — *94*

Салтыков Сергей — дипломат, посланник в Гамбурге, Париже, Дрездене. Фаворит императрицы Екатерины II в 1752–1754 гг., по преданию, отец великого князя Павла Петровича — *296*

Самойло Александр Александрович (1869–1963) — генерал-лейтенант (1940). Окончил Николаевскую академию ГШ (1898), сослуживец А. Е. Снесарева по Главному управлению генерал-квартирмейстера, помощник генерал-квартирмейстера штаба армий Западного фронта (1915). В Первую мировую войну состоял в оперативном отделе ГШ и Ставки. Генерал-квартирмейстер штаба 10-й армии (сентябрь 1917 г.). В Гражданскую войну помощник военрука Западного участка отрядов завесы, начальник штаба Беломорского ВО. Командует 6-й армией (1918–1920), в мае 1919 г. — Восточным фронтом. С 1920 г. помощник начальника штаба РККА, одновременно начальник Всероглавштаба, начальник Московского Управления военно-учебных заведений, с 1923 г. инспектор ГУ военно-учебных заведений РККА. Затем на преподавательской работе — *255*

Самохвалов — подполковник, офицер 7-го драгунского Кинбурнского полка, член Георгиевской думы (1916) — *231, 235, 236, 239, 240*

Самохин Михаил Иванович — офицер 2-го Линейного полка Кубанского казачьего войска (1916) — *41*

Самсонов Александр Васильевич (1859–1914) — генерал от кавалерии (1910), участвовал в Русско-турецкой войне (1877–1878), георгиевский кавалер. Окончил Николаевскую академию

ГШ (1884), руководил Елизаветградским училищем. Участник Русско-японской войны (1904–1905). Начштаба Варшавского ВО (1906). С 1907 г. атаман казачьего Войска Донского. С 1909 г. туркестанский генерал-губернатор, командовал войсками Туркестанского ВО. Во время Первой мировой войны — командующий 2-й армией Северо-Западного фронта, застрелился во время Восточно-Прусской операции — *31, 47, 333–337*

Санников Александр Сергеевич (1866–1931) — генерал-лейтенант (1916). Окончил Николаевскую академию ГШ (1892). Начштаба Приамурского военного округа; с декабря 1914 по февраль 1915 г. начштаба 2-й армии, затем до 1917 г. начштаба 9-й армии; начальник снабжения Румынского фронта (1915–1917). В 1918 г. в армии гетмана Скоропадского, избран городским головой Одессы. В Белом движении: в августе — декабре 1918 г. начальник снабжения Добрармии. В январе — марте 1919 г. командующий войсками в районе Одессы и войсками Юго-Западной области. В марте — декабре 1919 г. начальник снабжения ВСЮР, затем в резерве ВСЮР. В эмиграции в Турции, затем в Сербии. Умер в Париже — *128*

Сафонов Петр Алексеевич (1868 — после 1916) — общественный деятель, кадет депутат I Государственной думы от Костромской губернии. В декабре 1916 г. уполномоченный 58-го передового отряда Красного Креста. Автор литературных трудов по сельскому хозяйству. Почетный мировой судья по Макарьевскому уезду. В 1906 г. избран в Государственную думу Российской империи I созыва. Подписал «Выборгское воззвание» 10 июля 1906 г. в г. Выборге, за что был осужден и приговорен к трем месяцам тюрьмы. Отбывал наказание в Костромской тюрьме вместе с депутатами от той же губернии — *228*

Сахаров Владимир Викторович (1853–1920) — генерал от кавалерии (1908), брат военного министра В. В. Сахарова. Окончил Николаевскую академию ГШ (1878), участник Русско-турецкой войны (1877–1878), военных действий в Китае (1900–1901), Русско-японской войны (1904–1905). Георгиевский кавалер. Начальник полевого штаба Маньчжурской армии (1904), начштаба ГК всеми сухопутными и морскими силами (1904–1905), временно командующий XVII АК (1905). Член Александровского комитета о раненых (1905–1906). С 1906 г. в прикомандировании к Главному штабу. С октября 1906 г. командир VII АК. С ноября 1911 г. вновь в составе Александровского комитета. Одновременно с декабря 1913 г. командир II АК. С октября 1915 г. командующий 11-й армией. С октября 1916 г. командующий Дунайской армией. С декабря 1916 г. помощник августейшего ГК армиями Румынско-

го фронта Фердинанда I. 2 апреля 1917 г. отстранен от командования фронтом. Жил в Румынии, в Крыму. Расстрелян «зелеными» в Крыму — *132, 226, 227, 248, 271*

Сахаров Николай — прапорщик 165-го пехотного Луцкого полка, погибший во время войны и ставший георгиевским кавалером посмертно — *331*

Сведомский Павел Александрович (1849–1904) — исторический живописец и жанрист. Во Владимирском соборе в Киеве его кисти принадлежат сюжеты: Воскрешение Лазаря, Вход в Иерусалим, Тайная вечеря, Моление о чаше, Христос пред Пилатом, Распятие и Вознесение — *261*

Свечин Александр Андреевич (1878–1938) — генерал-майор (1916), русский и советский военачальник, выдающийся военный теоретик, публицист и педагог; автор классического труда «Стратегия» (1927). Родился в семье генерала русской армии. Окончил Второй кадетский корпус (1895) и Михайловское артиллерийское училище (1897). Окончил Николаевскую Академию Генерального штаба (1903). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. С марта 1918 г. перешел на сторону большевиков. Военный руководитель Смоленского района Западной завесы, затем начальник Всероссийского главного штаба. Вступил в разногласия с Главнокомандующим Вацетисом. С октября 1918 г. работает в Академии ГШ, главный руководитель военных академий РККА по истории военного искусства и по стратегии. Арестовывался в 1930 г. по делу «Национального центра», но был отпущен. Повторно арестован в феврале 1931 г. по делу «Весна», осужден на 5 лет лагерей. В феврале 1932 г. вернулся на службу в РККА: сначала в Разведывательном управлении ГШ, затем — в Академии ГШ РККА. Последний арест 30 декабря 1937 г. Расстрелян и похоронен на «Коммунарке». Реабилитирован в 1956 г. — *15, 34–36*

Свечин Владимир Владимирович (1871–1944) — русский офицер, один из основателей автомобильного дела в России, председатель Союза ревнителей Памяти Императора Николая II. Окончил Императорское училище правоведения (1893). С 1905 г. флигель-адъютант императора Николая II. В 1909 г. избран товарищем председателя Императорского Российского автомобильного общества (ИРАО). В 1914 г. председатель комитета на I Всероссийском съезде деятелей по шоссейному делу; в сентябре 1914 г. член комиссии по проверке документов I учебной автомобильной роты. Жил во Франции в Бордо, затем в Париже. Работал на заводе «Рено». С 1938 г. член совета Российского монархического объединения. Умер в Париже — *243*

Свечин Михаил Андреевич (1876–1969) — генерал-лейтенант (1917), брат А. А. Свечина. Окончил Николаевскую академию ГШ (1902). Участник Русско-японской войны (1904–1905). Георгиевский кавалер. На начало войны 1914 г. начштаба 2-й гвардейской дивизии. В 1915 г. командир 14-го драгунского Малороссийского полка. С 15 июля 1915 г. генерал-майор, командир лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка. Начальник Сводной кавалерийской дивизии на Юго-Западном фронте (1917). С августа 1917 г. командир 1-го кавалерийского корпуса. 30 декабря 1917 г. в солдатской форме прибыл в Новочеркасск к генералу Алексееву. Участвовал в Общедонском восстании. В мае 1918 г. глава миссии, посланной в занятый германскими войсками Киев для получения вооружения. В составе дипмиссии от Донского атамана был послан на мирную конференцию в Париж. В эмиграции с февраля 1920 г. Прожив около трех лет в Сербии, переехал в Германию, затем в Париж, где работал в банке. В 1926 г. вместе с отделом банка переведен в Ниццу. Начальник подотдела РОВСа. Возглавлял местный отдел русских военных инвалидов, был организатором Русского инвалидного дома. Скончался в Ницце. Похоронен на русском кладбище Кокад. Автор книги «Записки старого генерала о былом» (Ницца, 1962) — *421*

Сегеркранц Владимир Карлович (1872–1914) — полковник (1907), брат С. К. Сегеркранца, товарищ А. Е. Снесарева по Академии ГШ выпуска 1899 г., участник Русско-японской войны (1904–1905), командир 171-го пехотного Кобринского полка (1913). Убит на войне. Посмертно награжден орденом Св. Георгия 4-й степени — *43, 47*

Сеин — денщик — *297*

Секирский Николай Николаевич (1873–1915) — полковник (1909). Окончил Николаевскую академию ГШ (1900). И. д. столоначальника Главного штаба (1904–1905), затем столоначальник Главного штаба, ГУГШ (1905–1906), помощник делопроизводителя ГУГШ (1906–1908). Начальник строевого отдела штаба Ковенской крепости (1908–1912). Начальник отделения штаба Ковенской крепости (1912–1914). Позже командир 111-го пехотного Донского полка. Умер от ран, полученных в бою, и погребен в 1915 г. на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга — *48*

Селиванов Андрей Николаевич (1847–1917) — русский генерал от инфантерии (1907). Окончил Николаевскую академию ГШ (1878). Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и Русско-японской войны 1904–1905 гг., георгиевский кавалер. Иркутский генерал-губернатор, командующий войсками Иркутского ВО и войсковой наказной атаман Забайкальского казачьего войска

(1906–1910). С 1910 г. член Государственного совета, примыкал к группе правых. С октября 1914 г. командующий Блокадной армией, осаждающей крепость Перемышль. После падения Перемышля покинул пост командующего из-за болезни — *272*

Селивачев Владимир Иванович (1868–1919) — генерал-лейтенант (1917). Окончил Николаевскую академию ГШ (1894), командир 4-й Финляндской бригады (1914–1915); командир 4-й Финляндской дивизии в XXII АК (1915–1917); командир XLIX АК. Призван в Красную армию в декабре 1918 г.; с декабря 1918 по июль 1919 г. офицер во Всероссийском главном штабе; в августе — сентябре 1919 г. помощник командующего Южным фронтом и командующий ударной группой 8-й армии и части войск 13-й армии; умело противостоял успешному наступлению Добровольческой армии генерала Май-Маевского и вывел всю группу из окружения, сохранив от полного разгрома. Внезапно умер 17 сентября 1919 г. — *341, 488*

Семенов —офицер штаба 12-й пехотной дивизии (январь 1917) — *269*

Семенов — прапорщик, член гарнизонного комитета (май 1917) — *437*

Семенов (Семенов-Мерлин) Иосиф Владимирович (1870–1942) — генерал-майор (1916). Окончил Николаевскую академию ГШ (1902), до 1915 г. в рядах лейб-гвардии 4-го стрелкового полка. С 1915 по февраль 1916 г. командир 134-го пехотного Феодосийского полка, затем командир бригады 126-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. С августа 1916 по июнь 1917 г. командовал лейб-гвардии 3-м стрелковым полком. В апреле — октябре 1917 г. командующий 154-й, с октября 1917 г. — 125-й пехотной дивизией. Прибыл в войска адмирала Колчака из бывшего штаба войск Юго-Западного края (ВСЮР). С июля 1919 г. в резерве. В октябре 1919 г. помощник командующего войсками Приамурского ВО. С июня 1921 по июнь 1922 г. комендант города и крепости Владивосток. После отступления войск Земской рати на территорию Китая с октября 1922 г. комендант этих частей. В эмиграции в Югославии, жил в Белграде. К 1931 г. председатель полкового объединения лейб-гвардии 3-го стрелкового полка. Умер в Белграде — *420*

Семенов М. И.— петроградский издатель — *314*

Семенов, вероятно, Владимир Викторович — подпоручик 47-го пехотного Украинского полка 12-й пехотной дивизии — *319(?)*

Семетковская — сестра милосердия 95-го передового отряда Красного Креста — *452*

Сен-Галли (Сан-Галли) — представитель семьи предпринимателя Франца Карловича Сан-Галли, изобретателя отопительных батарей, владельца бронзолитейного завода в Санкт-Петербурге. В 1918 г. семейство Сан-Галли было вынуждено эмигрировать, а завод был национализирован — *483, 484*

Сенкевич Генрик (1846–1916) — польский писатель, нобелевский лауреат (1905) — *195*

Серао Матильда (1856–1927) — итальянская писательница, журналистка, снискавшая мировую известность мещански-сентиментальными романами — *398*

Сербинович Константин Иванович (1868–1932) — генерал-майор (1916). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899). Участник Русско-японской войны (1904–1905). На штабных должностях. С 1913 г. начштаба 4-й пехотной дивизии в Ломже. Начштаба 56-й пехотной дивизии (1915), командир 111-го пехотного Донского полка (1915–1916), начштаба 104-й пехотной дивизии (1916–1917). С января 1917 г. в распоряжении начальника ГШ. В 1917 г. в отпуске по болезни, затем в резерве. В октябре — ноябре 1917 г. член монархической организации В. М. Пуришкевича «Русское собрание». Был арестован. В октябре 1918 г. бежал в Киев, где вступил в армию гетмана П. П. Скоропадского. Начштаба конной бригады. Затем в составе ВСЮР. В начале 1919 г. начальник службы Добрармии для связи между Деникиным и Колчаком. Командирован на Дальний Восток. Начштаба Амурской казачьей бригады Приамурского ВО войск А. В. Колчака. Арестован большевиками. Бежал в Сахалян (Китай). В штабе атамана Семенова в Порт-Артуре. С 1921 г. начштаба группы войск атамана Семенова, затем начальник снабжения Дальневосточной армии. Служил на КВЖД (1922–1924). С 1929 г. в Шанхае. Член, а с 1930 г. вице-председатель Первого русского военно-научного общества в Китае. Умер в Шанхае — *43, 44, 261*

Сергеев — нижний чин 636-го Сокольского полка — *446*

Сергеев — штабс-капитан, командир 16-й роты 4-го батальона 133-го пехотного Симферопольского полка (январь 1917 г.), убит на войне — *324*

Сергеев Михаил Михайлович — штабс-капитан, командир 2-го батальона 256-го Елизаветградского полка 64-й пехотной дивизии (ноябрь 1916 г.), учился в Юридической академии. В июле 1917 г. командир батальона 633-го Ахалкалакского пехотного полка 159-й дивизии — *188, 451*

Сергей Иванович — см. *Соллогуб Сергей Иванович.*

Серебряков Николай Алексеевич (1891–1917) — летчик, прапорщик 11-го гренадерского Фанагорийского полка. Закон-

чил Севастопольскую летную школу. Состоял в 3-м корпусном авиационном отряде. С августа 1916 г. числился в 32-м корпусном авиаотряде. Погиб 12 мая 1917 г. — *430*

Серебренников Иван Константинович (1865–19?) — генерал-майор (1912). Окончил Николаевскую академию ГШ (1893). На штабных должностях. Командир 7-го Финляндского стрелкового полка (1907–1912). С 1912 г. окружной генерал-квартирмейстер штаба Московского ВО. С 4 мая 1915 по 17 марта 1917 г. начштаба XXXVI АК, с 17 марта по 21 апреля 1917 г. командующий 191-й пехотной дивизией. С 21 апреля 1917 г. начальник штаба Петроградского ВО с переводом в ГШ. С 29 января 1918 г. в распоряжении начштаба армий Западного фронта. В РККА. Инспектор управления Штаувуза. Начштаба бригады курсантов СКВО. На 1 марта 1923 г. инспектор учебного отдела КАУВУЗа. В 1920–1930-е гг. состоял штатным сотрудником ОГПУ — *354*

Сериков — прапорщик 76-го пехотного Кубанского полка, закончивший повторительный курс при 19-й пехотной дивизии в феврале 1917 г. — *326*

Сидорченко — младший офицер 4-й роты 74(?) Ставропольского пехотного полка, погиб от ран в марте 1917 г. — *337*

Сидский — атаман станицы Александровской (1917) — *440*

Сильцев — помощник станичного атамана Сидского — *440*

Симон (Сымон) Антон Петрович (1862–1929) — генерал-лейтенант (1917). Командир 19-го пехотного Костромского полка (1908–1913). Командир 1-й бригады 47-й пехотной дивизии. С апреля 1916 по май 1917 г. командующий 117-й пехотной дивизией. Командовал 47-й пехотной дивизией (1917). В сентябре — октябре 1917 г. командовал XXXVII, с октября 1917 г. XIII АК. В Польской армии с 1919 г. (член военной комиссии по выработке уставов и заместитель председателя Военного совета при Министерстве обороны). С мая 1919 г. командовал Краковским и Поморским генеральными округами. С апреля 1921 г. в отставке — *312, 327, 328*

Синадано (?)— *333*

Синклер Владимир Александрович (1879–1946) — генерал-майор (1917). Окончил Николаевскую академию ГШ (1905). Участник Русско-японской войны (1904–1905). Штабс-офицер для поручений штаба войск гвардии и Санкт-Петербургского ВО (1912–1913). Старший адъютант штаба войск гвардии и Петербургского ВО (1913). С июля 1914 г. помощник начальника отделения управления генерал-квартирмейстера штаба 6-й армии. С августа 1914 г. обер-офицер оперативного отдела штаба 9-й армии. На штабных должностях. С мая 1916 г. командир 176-го

пехотного Переволочненского полка. И. д. начштаба Гвардейской стрелковой дивизии (1917). С апреля 1917 г. начштаба II гвардейского корпуса. Уволившись по болезни в декабре 1917 г., вернулся в Киев к семье. С марта 1918 г. на службе в армии Центральной рады. Член военно-ученого комитета Военного министерства УНР. С октября 1918 г. первый генерал-квартирмейстер штаба ГК всеми ВС на территории Украины. Перешел на сторону антигетманских сил. Первый генерал-квартирмейстер штаба армии УНР (1919). Вр. командующий армией УНР (сентябрь 1919 г.). Был интернирован польскими властями в Ровно (ноябрь 1919 г.). С июня 1920 г. начальник ГУГШ УНР. С июля 1920 г. начальник ГШ УНР. С февраля 1921 г. также член Высшей военной рады. С 1922 г. в Польше. В марте 1945 г. арестован органами СМЕРШ. В тюрьме в Киеве. Осужден к ВМН с заменой на 10 лет ИТЛ. Умер в больнице от инфаркта. Реабилитирован — *469*

Сирелиус Леонид-Отто Оттович (1859–1920) — генерал от инфантерии (1914). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1885). С 1897 г. военный агент в Копенгагене и Стокгольме. С 1903 г. командир лейб-гвардии Егерского полка, с 1906 г. 1-й бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии. С 1908 г. начальник 23-й, с июня 1910 г. — 3-й гвардейской пехотной дивизии, с которой вступил в войну. С 30 августа 1914 г. в резерве. С ноября 1914 г. командир XXIII АК 5-й армии, с 28 декабря 1914 г. в распоряжение ГК армиями Северо-Западного фронта. С апреля 1915 г. командир XXXVII АК. С июня 1915 г. опять в распоряжении ГК армиями Северо-Западного фронта, затем Западного фронта. С октября 1915 г. во главе IV Сибирского АК. После Февральской революции в резерве, 28 сентября 1917 г. уволен. По некоторым сведениям, расстрелян большевиками — *128, 336, 342*

Скалон Владимир Евстафьевич (1872–1917) — генерал-квартирмейстер (1917). Окончил Николаевскую академию ГШ (1898). С февраля 1901 по апрель 1903 г. помощник делопроизводителя генерала-квартирмейстера части Главного Штаба, затем делопроизводитель, столоначальник Главного Штаба, помощник начальника отделения ГУГШ, делопроизводитель ГУГШ. В 1909 г. произвел экспертизу плана развертывания германской армии, который был с целью дезинформации подброшен германской разведкой. С 1914 г. начальник 5-го делопроизводства управления генерала-квартирмейстера Штаба ВГ, с июля 1914 г. и. д. генерала для делопроизводства и поручений управления генерала-квартирмейстера при ВГ. С ноября 1917 г. генерал-квартирмейстер Ставки ВГК. Был в составе группы военных экспертов для переговоров с державами Четвертного союза. По приезде делегации

в Брест-Литовск в тот же день застрелился, оставив посмертное письмо — *78, 255*

Скобелев Матвей Иванович (1885–1938) — политический деятель. С 1903 г. член РСДРП, меньшевик. В эмиграции (1906–1912). С 1912 г. депутат 4-й Государственной думы. После Февральской революции 1917 г. член Исполкома Петроградского совета, в мае — августе 1917 г. министр труда Временного правительства. В 1918 г. уехал в Закавказье, в 1920 г. эмигрировал во Францию. В 1922 г. вступил в РКП (б), в 1925 г. вернулся в Москву. В 1938 г. репрессирован — *450, 486, 488*

Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–1882) — выдающийся русский военачальник и стратег, генерал от инфантерии (1881), генерал-адъютант (1878). Участник Среднеазиатских завоеваний Российской империи и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., освободитель Болгарии. В историю вошел с прозванием «белый генерал» (тур. *Ак-Паша*), в сражениях участвовал в белом мундире и на белом коне. Болгарский народ считает его национальным героем — *171*

Скобельцын Владимир Степанович (1872–1944) — генерал-лейтенант (1919). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899), командир 2-го пехотного Финляндского полка (1913). В октябре 1914 г. генерал-майор, с декабря 1915 г. начштаба XVII АК. В марте 1917 г. командующий 2-й Туркестанской стрелковой дивизией, в 1917 г. командующий 1-й Финляндской стрелковой дивизией. Участник Белого движения. С июня 1919 по март 1920 г. командующий войсками Мурманского района. Член общества офицеров ГШ. Умер во Франции — *43, 46, 406, 487*

Скоришерано (Скэришоряну) — румынский генерал. В августе 1916 г. полковник, начальник штаба V АК. Осенью 1916 г. бригадный генерал. Погиб, вероятно, в ходе кампании в Добрудже — *220*

Скоропадский Павел Петрович (1873–1945) — генерал-лейтенант (1915). В апреле — декабре 1918 г. гетман Украины; потомок гетмана *И. И. Скоропадского*. Участник Русско-японской войны (1904–1905). С апреля 1916 г. командир 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. С января по июль 1917 г. командир XXXIV АК. Генерал-адъютант Николая II. На съезде вольного казачества в Чигорине в октябре 1917 г. избран ГК войсками Центральной рады. После оккупации австро-венгерскими войсками части Украины на съезде «хлеборобов» избран 29 апреля 1918 г. гетманом Украины; совершив переворот, упразднил Украинскую Народную Республику. После Брест-Литовского мира и ухода немцев с Украины 14 декабря 1918 г. отрекся от поста гетмана Украины.

В эмиграции в Германии. Сотрудничал с немцами (1941–1945). Убит в Берлине при налете ВВС — *321, 341*

Слепец — унтер-офицер 3-й роты 270-го пехотного запасного полка — *297*

Скрыгалов — вероятно, владелец имения в мст. Скрыгалове Минской губернии Мозырского уезда, на берегу Припяти — *437*

Слободзинский Осип Осипович — адъютант (1916) — *92*

Слоновский Дмитрий Анатольевич (Митя) — в январе 1915 г. временно исполнял обязанности адъютанта 133-го пехотного Симферопольского полка, позже капитан, командир батальона — *78*

Смерчинский Владимир Владимирович — подполковник, командир 3-го батальона 256-го пехотного Елизаветградского полка (1916). Поручик 60-го пехотного Замосцского полка в г. Одессе (1910) — *210*

Смирнов — полковник, погиб на войне — *48*

Смирнов — прапорщик, командир 5-й роты 636-го пехотного Сокольского полка — *422, 423*

Смирнов Владимир Васильевич (1849–1918) — генерал от инфантерии (1908). Окончил в Николаевскую академию ГШ (1874). Участник Русско-турецкой войны. С 1884 г. начальник штаба 5-й пехотной дивизии, с апреля 1891 г. командир 131-го пехотного Тираспольского полка. С 1894 г. — начальник штаба IX АК; с июля 1901 г. начальник 18-й пехотной дивизии. С июля 1906 г. командир 2-го Сибирского АК, с июля 1908 г. — XX АК, во главе которого вступил в Первую мировую войну. Георгиевский кавалер. С ноября 1914 г. командовал 2-й армией. В марте 1916 г. оставил фронт из-за болезни, и его армия была передана под командование генерала А. Ф. Рагозы. В марте 1917 г., после смещения генерала А. Е. Эверта, Смирнов командовал Западным фронтом, с апреле 1917 г. в распоряжении военного министра, член Военного совета. После Октябрьской революции переехал в район Минеральных Вод. В сентябре 1918 г. был взят в заложники Красной армией и 18 октября вместе с генералами Н. В. Рузским, Р. Д. Радко-Дмитриевым и другими зарублен в Пятигорске. По другим данным — расстрелян большевиками в Киеве в феврале — апреле 1919 г. — *101, 127*

Смирнов Иван Павлович (1872 — после 1917) — полковник (1915), участник Русско-японской войны (1904–1905) в рядах 148-го пехотного Каспийского полка. С 1917 г. командир этого полка (до 30 сентября 1917 г.). Георгиевский кавалер. Затем в резерве — *192, 194*

Смирнова — дочь командующего 2-й армией, сестра милосердия 74-го передового отряда Красного Креста — *127*

Снежков — капитан, командир 17-й конной батареи в составе XII АК, был убит 4 августа 1915 г. под сел. Спиридовицы на Днестре — *442*

Снесарев Андрей Андреевич (р. 1958) — внук А. Е. Снесарева — *36*

Снесарева Евгения Андреевна (29.12.1911–15.6.2002) — единственная дочь в семье Снесаревых. Была активной помощницей А. Е. Снесарева, больше года провела в местах заключения отца, работая санитаркой в лагерном госпитале. Вела дневник, ухаживала за отцом во время болезни. Сохранила личный архив А. Е. Снесарева, подготовила и опубликовала часть его материалов. Более 40 лет работала преподавателем английского языка МГУ, доцент — *7, 41, 145, 253, 284, 401, 488*

Снесарева Евгения Васильевна (до замужества — Зайцева) — жена Андрея Евгеньевича (6.5.1885–15.2.1940), дочь Василия Николаевича и Ольги Александровны Зайцевых. У Снесаревых было шесть детей: Евгений (1905–1933), Кирилл (1908–1931), Евгения (1911–2002), близнецы Георгий (1917–1999) и Александр (1917–1941), Андрей (1928–1978) — *5, 41, 50, 64, 95, 100, 108, 122, 134, 184, 186, 199, 221, 228, 251–253, 264, 266, 266, 276, 284–286, 301, 303, 322, 323, 329, 332, 344, 345, 355, 373, 376, 377, 383–385, 416, 422, 423, 427, 428, 440, 444, 447, 456, 457, 465, 466, 488*

Собинов Леонид Витальевич (1872–1934) — певец, крупнейший представитель русской вокальной школы. В 1890–1894 гг. учился в Московском университете на юридическом факультете, затем в Московском юнкерском пехотном училище, где пел в одном хоре с А. Е. Снесаревым. Ведущий солист Большого театра (1897–1933). Возглавлял Большой театр (1917–1918, 1921). Заместитель руководителя художественной частью Оперной студии К.С. Станиславского (1934) — *264*

Соковнин Михаил Алексеевич (1863–1943) — русский генерал-лейтенант (1915). Окончил Николаевскую академию ГШ (1892). С 1904 г. в распоряжении Наместника, с 1905 г. ГК на Дальнем Востоке. С 1907 г. состоял по ведомству МИД, с 1910 г. в распоряжении начальника ГШ. Командир 1-й бригады 3-й Сибирской стрелковой дивизии (1910), с 1913 г. — 27-й пехотной дивизии. С началом войны начальник штаба XXVI АК. С января 1915 г. командующий 25-й пехотной дивизией. С сентября 1915 г. начальник штаба 2-й армии. С ноября 1916 г. командир XXXVIII АК. С апреля 1917 г. командующий 1-й армией. С августа командующий 8-й армией в составе Румынского фронта. Во время вы-

ступления генерала Л. Г. Корнилова выпустил руководство армией из своих рук в пользу армейского комитета. С 17 октября 1917 г. в резерве. В 1918 г. вступил в Красную армию, служил начальником отдела Высшей военной инспекции — *341*

Соколов — подполковник, командир легкого дивизиона 64-й пехотной дивизии — *159*

Соколов Николай Дмитриевич (1870–1928) — левый эсер, адвокат, выступал на политических процессах. Сотрудничал в журналах «Жизнь», «Образование» и др. Член Исполнительного комитета Петроградского Совета, один из авторов приказа № 1, по которому в воинских частях и подразделениях выбирались солдатские комитеты, контролировавшие политическую деятельность военнослужащих, использование вооружения и боеприпасов. Отменялось титулование офицеров и подчинение им во внеслужебное время. 20 июня 1917 г. Соколов, агитировавший на Юго-Западном фронте за наступление, был избит солдатами. После этого А. Ф. Керенский назначил его сенатором. После Октябрьской революции работал юрисконсультом — *488*

Соллогуб Ольга Анатольевна — жена Соллогуба С. И., урожденная княжна Долгорукая — *253*

Соллогуб Сергей Иванович (Станислав Довойно-Соллогуб) (1885–1939) — бригадный генерал (1927). Окончил Императорскую Николаевскую военную академию (1912), капитан (сентябрь 1916 г.), и. д. начальника штаба 64-й пехотной дивизии при А. Е. Снесареве. В распоряжении начальника ГШ с февраля 1917 г., и. д. штаб-офицера при штабе XL АК (март 1917 г.), и. д. начштаба 37-й пехотной дивизии (октябрь 1917 г.). В октябре 1917 г. после рождения близнецов Александра и Георгия Снесаревых был записан в метрическую книгу в г. Острогожске (вместе с Л. Г. Корниловым) их восприемником. Начштаба 4-й стрелковой польской дивизии (1917–1918), в 1918 г. начштаба II Польского корпуса РИА, в 1919 г. полковник ГШ. В Польшу прибыл в июле 1920 г., в качестве сотрудника МИД Польши представлял ее на конференции в Барановичах. Командир 61-го пехотного полка (1923), в ноябре 1924 — январе 1927 г. командир 4-й пехотной дивизии, в марте 1927 — сентябре 1935 г. командир 12-й пехотной дивизии (Тарнополь). С 1936 г., выйдя в отставку, проживал в имении жены недалеко от Кобрина. Погиб при невыясненных обстоятельствах, по одной из версий убит мародерами, при попытке воспрепятствовать грабежам в его имении, по другой — расстрелян бойцами РККА. В 2008 г. перезахоронен на кладбище в Кобрине — *37, 97, 109–111, 115–119, 131, 133, 136, 142–144, 150, 151, 154, 156, 162,*

165, 167, 168, 173–178, 180, 184–188, 191, 192, 196, 203, 215, 235, 253, 256, 324

Сорокин — нижний чин технического батальона 5-го Инженерного полка — *283*

Сочек — румынский генерал, начальник ударной группы, в решительный момент контрнаступления 16 ноября 1916 г. «по слабости нервов» бежал в Бухарест — *220*

Спиваков (Спеваков) Андрей Иванович — ротный командир 253-го Перекопского полка 64-й пехотной дивизии — *29, 99, 139, 141, 142, 145, 145*

Стааль Герман Фердинандович, фон (1870 — после 1923) — генерал-майор (1916). Окончил Николаевскую академию ГШ (1902). Участник Русско-японской войны (1904–1905). В 59-м пехотном Люблинском полку (1914–1915). Командир 60-го пехотного Замосцского полка (1915–1916). Георгиевский кавалер. С апреля 1916 по апрель 1917 г. командир бригады 12-й пехотной дивизии, затем в резерве. В 1918 г. в армии Украинской державы гетмана П. П. Скоропадского. Помощник начальника, затем начальник 11-й пехотной дивизии. На ноябре 1919 г. в составе ВСЮР. Взят в плен красными. Служил в РККА. Начальник Военно-повторной школы штаба ХВО (сентябрь 1921 г.), затем штатный преподаватель 13-й Одесской пехотной школы — *243, 267*

Сталин Иосиф Виссарионович (Джугашвили) (1878 (1879)–1953) — российский революционер, советский политический, государственный, военный и партийный деятель — *33*

Станкевич — командир 7-й роты 636-го пехотного Сокольского полка (май 1917 г.) — *422*

Станюкович — поручик, летчик — *348*

Станюкович Николай Федорович — капитан 17-й конной батареи, в ноябре 1916 — январе 1917 г. учился на подготовительных курсах в Николаевский академии ГШ, офицер ГШ. Некоторое время был при А. Е. Снесареве офицером штаба XII АК. Весной — летом 1917 г. офицер штаба 159-й пехотной дивизии — *393, 413, 434, 435, 442, 453, 455, 470, 472, 475, 476, 479, 485, 486*

Старк Вера Павловна — медсестра 61-го передового отряда Красного Креста при 12-й пехотной дивизии, Киевской Мариинской общины; сестра милосердия военного времени, зачислена 15 декабря 1914 г. в резерв Главноуполномоченного Красного Креста Юго-Западного района — *123*

Стахович Михаил Александрович — русский литератор, собиратель фольклора, переводчик и елецкий уездный предводитель дворянства. 26 октября 1858 г. был убит своим старостой, бурмистром И. Г. Мокринским и письмоводителем Д. А. Киндяковым.

По основной версии, злоумышленники преследовали корыстные цели, попытавшись представить смерть Стаховича как результат суицида — *349*

Стеклов Юрий Михайлович (псевдоним *Ю. Невзоров*, настоящее имя Овший Моисеевич Нахамкис) (1873–1941) — российский революционер и публицист, государственный и политический деятель, историк, редактор. Репрессирован в 1938 г. — *464, 488*

Стельницкий Степан Феликсович (1854–19?) — русский генерал от инфантерии (1916). Участник Русско-японской войны (1904–1905). Георгиевский кавалер. Во главе 3-й Финской стрелковой бригады вступил в войну. С сентября 1914 г. начальник 58-й пехотной дивизии. Участник осады Перемышля. С июня 1915 г. командир XXXIX АК в составе 8-й армии. С сентября 1917 г. командующий Особой армией. После Октябрьской революции отстранен от командования, уехал на Украину, где назначен командиром III украинского корпуса (Киев). В ноябре 1918 г. выступил в поддержку генерала Деникина, после чего был смещен гетманом П. П. Скоропадским с поста — *341*

Степанов Федор Васильевич (1871–1917) — генерал-майор (1914). Окончил Николаевскую академию ГШ (1902). Участник Русско-японской войны (1904–1905). Георгиевский кавалер. Прикомандирован к Главному штабу (1905). При штабе XXII АК (1905–1907). Начштаба Выборгской крепости. С октября 1915 г. генерал для поручений при командующем 12-й (13-й) армией. В мае 1916 — апреле 1917 г. начштаба VII Сибирского АК. С 12 апреля 1917 г. комендант Выборгской крепости. 29 августа 1917 г. после подавления выступления генерала Корнилова был арестован и водворен на гауптвахту, затем толпой солдат подвергнут издевательствам и убит (брошен в залив) — *49, 357*

Степченко [Степченков] Василий Игнатьевич — штабс-капитан (1910), помощник столоначальника в управлении дежурного генерала, офицер Главного штаба. В 1917 г. служил в Ставке, знакомый жены А. Е. Снесарева — *38, 254*

Стогов Николай Николаевич (1873–1959) — генерал-лейтенант (1920). Окончил Николаевскую академию ГШ (1900). Командир 3-го финляндского стрелкового полка (1914–1915). С 1915 г. генерал-квартирмейстер и с октября 1916 г. начштаба 8-й армии. В апреле — сентябре 1917 г. командир XVI АК. В сентябре — ноябре 1917 г. начштаба Юго-Западного фронта. В РККА с апреля 1918 г. В мае — августе 1918 г. начальник Всероссийского Главного штаба. Участник подпольного Национального центра в Москве. В Белом движении: в январе — феврале 1920 г. начальник штаба Кубанской армии при генерале Шкуро. С мая 1920 г. комендант Севастополя

в Русской армии генерала Врангеля; одновременно командующий войсками тылового района (апрель — ноябрь 1920 г.). В эмиграции в Сербии и Франции — *49, 149, 151, 161, 270, 340, 361*

Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911) — русский государственный деятель. С 1884 г. служил в Министерстве внутренних дел. Гродненский (1902), саратовский губернатор (1903–1906), руководил подавлением крестьянских волнений в крае в ходе революции (1905–1907). С 1906 г. министр внутренних дел и председатель Совета министров. Инициатор применения военно-полевых судов для борьбы с революционным движением («скорострельная юстиция»). В 1907–1911 гг. определял правительственную политику, начал проведение «столыпинской» аграрной реформы. Под руководством Столыпина разработан ряд важных законопроектов, в том числе по реформе местного самоуправления, введению всеобщего начального образования, о веротерпимости. В 1907 г. добился роспуска 2-й Государственной думы и провел новый избирательный закон, существенно усиливший в Думе позиции правых партий. Был смертельно ранен эсером Д. Г. Богровым — *337, 346, 407, 454*

Стоянов — один из фаворитов императрицы Екатерины II — *294*

Страхов — один из фаворитов императрицы Екатерины II — *294, 296*

Стугин Михаил Александрович (1874 — после 1920) — полковник (1912). Окончил Николаевскую академию ГШ (1904). Участник Русско-японской войны (1904–1905). Старший адъютант штаба: 5-й пехотной дивизии (1905–1908), 3-й пехотной дивизии (1908–1910), ТуркВО (1910–1912), затем штаб-офицер для поручений там же. Преподавал в Александровском военном училище военные науки (1913–1916). С октября 1916 г. командир 256-го пехотного Елизаветградского полка. Добровольно вступил в РККА (1918). Занимался организацией военного образования. В списках ГШ РККА от 1919 и 1920 гг. — *160, 168, 181, 187, 193, 209, 215*

Ступин Георгий Владимирович (1860–19?) — русский генерал-лейтенант (1916). С 1910 г. командир 18-го пехотного Вологодского полка, с которым вступил в войну. Георгиевский кавалер. С 1915 г. командующий Сводной пехотной дивизией, затем командующий Заамурской пехотной дивизией. С конца 1916 г. командир VII Сибирского АК. С апреля 1917 г. командующий 9-й армией. С августа 1917 г. в резерве — *271, 342*

Стурдзе (*Sturdza, Stourdza*) — румынский (молдавский) боярский род, восходящий к XV в. — *57*

Стыков Михаил Петрович — офицер штаба 12-й пехотной дивизии — *88*

Суворов Александр Васильевич (1729–1800) — великий русский полководец, один из основоположников русского военного искусства, генералиссимус (1799) — *171*

Суворов — офицер 12-й пехотной дивизии — *52*

Супруненко Петр Васильевич — вероятно, врач 61-го передового отряда Красного Креста — *85*

Суханов Пантелеймон Григорьевич (1874–19?) — генерал-лейтенант (1917). Окончил Николаевскую академию ГШ (1902). Участник Русско-японской войны (1904–1905). Ранен. На штабных должностях. С 1915 г. командир 11-го Финляндского стрелкового полка. Георгиевский кавалер. С апреля 1916 г. начштаба 3-й пехотной дивизии. С января 1917 г. начштаба XXXII АК, с мая — командующий 105-й пехотной дивизией, с августа — командующий XLV АК. В ноябре 1917 г. принял командование над частями 5-й армии и руководил ею до демобилизации в январе 1918 г. По ряду сведений, с октября 1918 по февраль 1919 г. начальник снабжения белой Южной армии генерала Н. И. Иванова — *420*

Сухина Ксения Николаевна — знакомая Евгении Васильевны Снесаревой по женской гимназии — Оренбургскому институту императора Николая I — *467*

Сухомлин Семен Андреевич (1867–1928) — генерал-лейтенант (1916). Окончил Николаевскую академию ГШ (1894). В Московском военном училище преподавал военные науки (1898–1902). Участник Русско-японской войны (1904–1905). Далее на штабных должностях. В распоряжении начальника Главного штаба (1905–1906). Командир 72-го пехотного Тульского полка (1907–1912), затем окружной генерал-квартирмейстер штаба Иркутского ВО. Начштаба Казанского ВО (1914–1915). С апреля 1915 г. помощник временного военного генерал-губернатора в Галиции. С июля 1915 г. и. д. начштаба 8-й армии. С сентября 1916 г. в резерве. С октября 1916 г. начштаба Юго-Западного фронта. С июля 1917 г. в резерве. В феврале 1918 г. уволен. С 1918 г. добровольно в РККА. С сентября 1918 г. начальник управления Всероглавштаба. В распоряжении начальника Всероглавштаба. С мая 1919 г. председатель комиссии по отсрочкам от призыва. В списках ГШ РККА от 1919 и 1920 гг. С октября 1920 г. для поручений при начальнике Главного штаба РККА. С марта 1921 г. помощник инспектора пехоты РККА, с октября 1921 г. в распоряжении гл. инспектора военной и морской инспекции при РВСР. С февраля 1922 г. инспектор-инструктор органов военного управления.

С февраля 1924 г. помощник гл. инспектора. В марте 1924 г. уволен. Автор неопубликованных воспоминаний — *210*

Сухомлинов Владимир Алексеевич (1848–1926) — генерал, военный министр (1909–1915). За неподготовленность к войне был арестован и приговорен к пожизненному заключению. Был освобожден в 1918 г. и эмигрировал. Умер в Берлине — *41, 263, 342, 344, 345, 385, 449*

Сытин Павел Павлович (1870–1938) — генерал-майор (1917). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899), участник Русско-японской войны (1904–1905), затем начальник штаба Брестской крепости. Преподавал военные науки в Елизаветградском кавалерийском училище (1909–1913), командир 130-го пехотного Таманского полка. С апреля 1914 г. ст. адъютант штаба Кронштадтской крепости. Командир 3-го стрелкового артиллерийского дивизиона, 79-й артиллерийской бригады. В декабре 1917 г. солдатским съездом избран командиром XVIII АК, перешел на сторону советской власти. С марта 1918 г. военный руководитель Брянского района Западного участка отрядов завесы, в мае — глава советской делегации для ведения переговоров с немцами. С июля 1918 г. начальник 2-й Орловской пехотной дивизии. В начале сентября — военный руководитель Южного участка отрядов завесы, а в сентябре — октябре 1918 г. командующий красным Южным фронтом. Затем начальник отдела управления делами РВСР. Военный представитель при полпредстве РСФСР в Грузии (1920–1921). С октября 1922 г. преподаватель Военной академии РККА. Работал в Военно-историческом управлении по исследованию опыта войны (1924–1927). С ноября 1927 г. для особо важных поручений при РВС СССР. С декабря 1934 г. в отставке, научный сотрудник Центрального государственного архива РККА. Арестован в 1938 г. Расстрелян и похоронен в Коммунарке. Реабилитирован в 1957 г. — *43, 241*

Сычевский Аркадий Валентинович (1860–19?) — генерал от инфантерии (1914). Участник Русско-японской войны (1904–1905). В 1906 г. военный губернатор Забайкальской области, затем Амурской области, а также командующий войсками области и наказной атаман Амурского казачьего войска. С 1910 г. начальник 10-й Сибирской стрелковой, с 1911 г. — 35-й пехотной дивизии. С 1913 г. начальник Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи. Затем командир V Сибирского АК, с февраля 1914 г. — II Сибирского АК. С мая 1915 г. командир IV Сибирского АК, с октября 1915 г. — XXIII АК, с октября 1916 г. — VII АК. После Февральской революции в резерве, затем уволен — *340*

Талматский — подполковник, командир 1-го батальона 73-го пехотного Крымского полка, георгиевский кавалер (февраль 1917 г.) — *320*

Тальгрен Владимир Павлович (1870–1920) — генерал-майор (1914). Окончил Николаевскую академию ГШ (1896). Участник Русско-японской войны (1904–1905). Командир 134-го пехотного Феодосийского полка (1908–1914), затем генерал для поручений при командующем войсками Одесского ВО (до июля 1914 г.). Начальник этапно-хозяйственного отдела штаба 8-й армии (1914–1915). В октябре 1915 — сентябре 1916 г. командующий 35-й пехотной дивизией, затем до октября 1916 г. начальник снабжений XLVII АК. С 31 октября по декабрь 1916 г. начальник снабжений Дунайской армии. С декабря 1916 г. помощник начальника снабжений армий Румынского фронта. После занятия Крыма частями РККА арестован, расстрелян в Симферополе — *227*

Тамерлан, Тимур, Тимурленг («Тимур-хромец») (1336–1405) — среднеазиатский государственный деятель, полководец, эмир. Борьба за власть между Тамерланом и эмиром Самарканда Хусейном окончилась в 1370 г. победой Тамерлана. Он стал эмиром Мавераннахра. В 1370–1380 гг. совершил девять походов по Туркестану, объединяя земли вокруг Самарканда; в 1388 г. овладел Хорезмом, разрушив его столицу Ургенч. В результате трех походов (1389, 1391, 1394–95) разгромил Золотую Орду и разграбил ее столицу Сарай-Берке. Походы Тамерлана отличались необычайной жестокостью. В 1398 г. вторгся в Индию, захватил Дели. Одержал победу и пленил турецкого султана Баязида I в битве при Анкаре (1402). Государство Тамерлана включало Мавераннахр, Хорезм, Хорасан, Закавказье, Иран, Пенджаб. Похоронен в Самарканде — *199*

Тарантаев — штабс-капитан, командир 15-й роты 4-го батальона 133-го пехотного Симферопольского полка (январь 1917 г.) — *324*

Татаринов Александр Александрович (1880–19?) — полковник (1912). Окончил Николаевскую академию ГШ (1905). На штабных должностях. Помощник делопроизводителя ГУГШ (1913–1914). С февраля 1914 г. помощник военного агента в Китае (с 02.1914). На декабрь 1914 г. военный агент в Болгарии. С декабря 1915 г. штаб-офицер для поручений при командующем 7-й армией. С весны 1916 г. военный агент в Румынии. С октября 1916 г. в распоряжении начальника ГШ. С весны 1917 г. командир 15-го стрелкового полка — *222, 223*

Творогов — подпоручик, командир 2-й роты 74(?) Ставропольского пехотного полка, был убит на войне — *337*

Тезка — см. *Гавриленко Андрей Агапитович*.

Терезников И. И. — однокашник А. Е. Снесарева по Нижне-Чирской прогимназии — *43*

Терехов Алексей Ефимович (1876–1932) — генерал-майор (1917), участник Русско-японской войны (1904–1905) в составе пулеметной роты 6-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии. Служил вместе с А. Е. Снесаревым в 3-м Финляндском стрелковом полку (1908). Георгиевский кавалер. С октября командир 430-го пехотного Валкского полка. Командующий бригадой 13-й Сибирской стрелковой дивизии. Участник Белого движения на юге России. До апреля 1920 г. комендант Севастопольской крепости. В эмиграции во Франции. Похоронен в Леваллуа-Перре — *415*

Тетруев Николай Гаврилович (1864–1920) — генерал-майор (1916), товарищ А. Е. Снесарева по выпуску из Николаевской академии ГШ (1899), участник Русско-японской войны (1904–1905), с 1912 г. начштаба 20-й пехотной дивизии, с июля 1915 г. командир 121-го Пензенского пехотного полка. С сентября 1916 г. начштаба 67-й пехотной дивизии. С мая 1917 г. командовал 55-й пехотной дивизией. После Октябрьской революции в рядах Белого движения. Зимой 1918–1919 гг. командовал отрядом Уральской отдельной армии. С июля 1919 г. командир Урало-Астраханского корпуса Уральской отдельной армии. В начале апреля 1920 г. переправился в Азербайджан. Там захвачен в плен большевиками и расстрелян в Баку — *43, 47*

Тиграно́в (Тигранян) Леонид Фаддеевич (Левон Тетавосович) (1871–19?) — генерал-майор (1916). Окончил геодезическое отделение Николаевской академии ГШ (1899), участник Русско-японской войны (1904–1905). Начштаба 40-й (1905–1912), затем 81-й пехотной дивизии. В сентябре 1914 — июне 1915 г. командир 321-го пехотного Окского полка. С января 1916 по январь 1917 г. начштаба 106-й пехотной дивизии. В январе — апреле 1917 г. начальник управления штаба XLII АК, в апреле — сентябре 1917 г. дежурный генерал штаба Петроградского ВО, с сентября 1917 г. по март 1918 г. и. д. помощника Главного начальника (ГК войсками) там же. Руководитель Армянской военной комиссии, заместитель председателя Военного совета при Армянском комитете. В ноябре 1917 г. и. д. Армянского военного комиссара. С февраля 1918 г. в РККА. Занимался снабжением при Петроградском ВО (1918–1920), помощник начальника Петроградского отдела РВС (1921–1922), в феврале — октябре 1920 г. преподаватель Военно-хозяйственной академии, Высшей кавалерийской школы (1922–1923). Преподаватель Военно-политической академии (1923–1928). В 1931 г. арестован по делу «Весна», осужден к пяти

годам ИТЛ. Весной 1934 г. освобожден, с октября 1934 г. в Восточном институте. Реабилитирован — *45, 167*

Тименко — вероятно, офицер 64-й пехотной дивизии — *134*

Тимонов Михаил Иванович (1863–1931) — генерал-майор (1917), командир 73-го Крымского полка 19-й пехотной дивизии (февраль 1917 г.). Окончил курс Офицерской стрелковой школы (1900). С 1904 г. в 3-й Восточно-Сибирском стрелковом полку. Заведующий хозяйством полка (1905–1908). Затем переведен в 74-й пехотный Ставропольский полк, командир 3-го батальона. С 1910 г. и. д. старшего штаб-офицера полка. С ноября 1911 г. переведен в 73-й пехотный Крымский полк. Неоднократно временно командовал полком. С 1912 г. в 74-м пехотном Ставропольском полку. С марта 1916 г. командир 428-го пехотного Лодейнопольского полка. С 25 ноября 1917 г. командующий бригадой 128-й пехотной дивизии. Участник Белого движения на востоке России. В эмиграции. В 1922 г. редактор журнала «Война и мир» (Берлин). Умер в Каменце-Подольском — *309, 321, 358, 375*

Тимофеев — капитан 655-го пехотного Драгомирчанского полка — *359*

Тит (? — после 1190) — православный святой, пресвитер, чьи мощи хранятся в Ближних пещерах Киево-Печерского монастыря — *401*

Тихменев Николай Михайлович (1872–1954) — русский генерал-лейтенант (1917). Окончил Николаевскую академию ГШ (1897). Участник Русско-японской войны (1904–1905). После войны переведен в ГУГШ столоначальником, позже начальник отделения. С сентября 1913 г. командир 60-го пехотного Замосцкого полка. Георгиевский кавалер. С февраля 1915 г. командир бригады 58-й пехотной дивизии. С мая 1915 г. помощник начальника военных сообщений армий Юго-Западного фронта, затем помощник главного начальника военных сообщений. С февраля 1917 г. начальник военных сообщений всего ТВД. После выступления генерала Л. Г. Корнилова в резерве. В 1918 г. уехал на юг России и вступил в Добровольческую армию, в 1919 г. начальник военных сообщений Добрармии и ВСЮР. В эмиграции во Франции, председатель Союза ревнителей Памяти Императора Николая II — *49, 63*

Тихомиров — вероятно, офицер штаба XII АК (февраль 1917 г.) — *304*

Тодорский Александр Иванович (1894–1965) — советский военный деятель, комкор (1935), генерал-лейтенант (1955). Член компартии с 1918 г. Активно помогал семье А. Е. Снесарева в 30-е годы после ареста генерала. Принял активное участие в реабилитации имени А. Е. Снесарева — *488*

Токарев — прапорщик, командир роты 4-го батальона 253-го Перекопского полка, контуженный в бою под Орлиным гнездом — *138*

Токарев Владимир Николаевич (1867–1915) — генерал-майор (1915). Окончил Николаевскую академию ГШ (1900). С 1903 г. помощник делопроизводителя по генерал-квартирмейстерской части Главного штаба, затем помощник столоначальника Главного штаба. На штабных должностях. С мая 1913 г. командир 9-го гренадерского Сибирского полка. С июня 1914 г. начштаба VII Сибирского АК, временно продолжал командовать полком. Георгиевский кавалер. С июня 1915 г. начштаба VII Сибирского АК. Полка не оставил и был тяжело ранен в бою 13 июня, от полученных ран скончался. Посмертно награжден орденом Св. Георгия 3-й степени — *47*

Толстой Алексей Николаевич (1883–1945) — граф, русский советский писатель, академик АН СССР (1939). Член комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (1942). В своей повести «Хлеб» (1937) изобразил А. Е. Снесарева, опираясь на непроверенные данные — *15, 104, 189*

Толстой Лев Николаевич (1828–1910) — граф, великий русский писатель, член-корреспондент и почетный академик Петербургской АН. Оказал огромное влияние на мировую литературу — *22, 49, 50, 297, 349, 432*

Толстой-Милославский — корнет — *376, 377*

Топинский Мартош Олегович — политолог, выпускник МГЛУ — *36*

Торклус Федор-Эмилий-Карл Иванович, фон (1858–19?) — русский генерал от инфантерии (1916). Окончил Николаевскую академию ГШ (1887). С 1903 г. командир 194-го пехотного Мстиславского полка, с 1904 г. — 1-й бригады 62-й пехотной дивизии, с 1906 г. — 1-й бригады 45-й пехотной дивизии, затем — 1-й бригады 27-й пехотной дивизии. С 1910 г. начальник 6-й пехотной дивизии XV АК 2-й армии генерала А. М. Самсонова. Корпус был почти полностью уничтожен в боях, позже восстановлен. С января 1917 г. член Военного совета. 21 мая 1918 г. уволен согласно распоряжению НКВД — *340*

Торнгилл (Торнхилл) — майор британской армии, помощник военного агента, родом из Индии. С 1914 г. на войне, восемь месяцев на фронте, потом начальник английского отделения — *105, 106*

Тосса — кайзеровский полковник, граф Зеер-Тосса, агент германской разведки — *206*

Трепов Федор Федорович (младший) (1854–1938) — брат А. Ф. Трепова, русский генерал от кавалерии (1908), генерал-адъ-

ютант (1909), член Государственного совета, сенатор. Киевский, подольский и волынский генерал-губернатор (1908–1914). Во время Первой мировой войны помощник верховного начальника санитарной и эвакуационной части, с октября 1916 г. военный губернатор областей Австро-Венгрии, занятых по праву войны. 31 марта 1917 г. уволен от службы. После Октябрьской революции эмигрировал во Францию — *125 (?)*

Трепов Александр Федорович (1862–1928) — российский государственный деятель, сын петербургского градоначальника генерала Ф. Ф. Трепова, крупный землевладелец, министр путей сообщения и председатель правительства. В 1918 г. эмигрировал в Финляндию, с 1920 г. один из лидеров монархической эмиграции. Умер в Ницце — *125 (?), 339, 449*

Третьяков Николай Александрович (1854–1917) — русский инженер-генерал (1916). Окончил Николаевскую инженерную академию (1878). Участник китайского похода (1900–1901), Русско-японской войны (1904–1905), был ранен. С июля 1905 г. начальник 3-й саперной бригады. С октября 1910 г. инспектор полевых инженерных войск Киевского ВО. С марта 1911 г. начальник 10-й, с октября — 3-й Сибирской стрелковой дивизии. С августа 1914 г. начальник 1-й Сибирской стрелковой дивизии. С сентября 1915 г. командир XXIII АК, но через семь дней зачислен в резерв. В декабре 1915 г. командир XLII, с марта 1916 г. — XXXVII АК. Умер от воспаления легких — *341*

Тростянский Алексй Иванович — муж сестры А. Е. Снесарева Анны, священник Богоявленской церкви г. Острогожска, зверски убитый 13 ноября 1918 г. за приказ звонить в колокола — *466*

Трофимов — полковник — *48*

Трофимов Владимир Онуфриевич (1860–1924) — русский генерал-лейтенант (1914). Окончил Николаевскую академию ГШ (1886). С 1899 г. вице-директор, с 1902 г. директор канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. С мая 1905 г. черноморский губернатор. С октября 1906 г. командир 1-й, с января 1914 г. — 2-й бригады 7-й Сибирской стрелковой дивизии. При мобилизации 19 июля 1914 г. командир второочередной 12-й Сибирской стрелковой дивизии, с августа 1914 г. поставлен во главе 7-й Сибирской стрелковой дивизии III Сибирского АК, а 25 апреля 1915 г. возглавил весь корпус. После Февральской революции потерял пост и был зачислен в резерв, 1 августа 1917 г. уволен от службы. После Октябрьской революции эмигрировал в Югославию — *342*

Троцкий Дмитрий Павлович (1861–19?) — генерал-лейтенант (1917). Окончил Николаевскую академию ГШ. Командир

246-го пехотного Грязовецкого полка (1904–1906). Командир 194-го пехотного резервного Мстиславского полка (1906–1910). Командир 149-го пехотного Черноморского полка (1910–1913), затем командир 1-й бригады 44-й пехотной дивизии. С июля 1914 по 1915 г. командир бригады 79-й пехотной дивизии. Командующий 53-й пехотной дивизией (август 1915). С конца августа 1915 по 1917 г. командующий 65-й пехотной дивизией, позже ее начальник — *195*

Труфанов Георгий Михайлович (средний) — брат Андрея Труфанова, в апреле 1916 г. подъесаул, а в начале 1917 г. войсковой старшина 2-го Линейного полка Кубанского казачьего войска — *285, 286*

Туманов Константин Александрович (1862–1933) — князь, русский генерал-лейтенант (1917). Участник Русско-японской войны (1904–1905). Георгиевский кавалер. С 1908 г. командир 5-го уланского Литовского полка. С 1912 г. командир 1-й бригады 9-й кавалерийской дивизии, затем с февраля 1916 г. командир 1-й Заамурской конной бригады. С марта 1917 г. в распоряжении ГК армиями Юго-Западного фронта, с апреля 1917 г. начальник 9-й кавалерийской дивизии. С 30 апреля 1917 г. командир II кавалерийского корпуса. После Октябрьской революции эмигрировал во Францию. Участвовал в деятельности РОВС; член Суда чести Общества взаимопомощи бывших юнкеров Николаевского кавалерийского училища. В мае 1930 — августе 1931 г. председатель Союза офицеров Кавказской армии в составе 1-го отдела РОВС — *420*

Туманов Николай Георгиевич, князь (1848–1918) — генерал от кавалерии (1916). Окончил Николаевскую академию ГШ (1885), командовал 27-м драгунским Киевским полком (1900–1901), генерал для особых поручений при Командующем войсками Варшавского ВО (1901–1904). Командовал 2-й бригадой Сибирской казачьей дивизии (1904–1905), начальник штаба X АК (1905–1906), начштаба II кавалерийского корпуса (1906–1907), начштаба 13-й кавалерийской дивизии (1906–1907). В 1915 г. переведен на Северный фронт. В 1916 г. командир VII кавалерийского корпуса, с марта 1916 г. После февраля 1917 г. отстранен от командования, с апреля 1917 г. в резерве. Был захвачен в Пятигорске большевиками в числе заложников и расстрелян — *345*

Турбин Александр Федорович (1858–1923) — русский генерал-лейтенант (1914). Участник Русско-турецкой войны (1877–1878). С апреля 1907 г. командир 96-го пехотного Омского полка, с февраля 1909 г. — лейб-гвардии Волынского полка. В феврале

1914 г. назначен Варшавским комендантом, в 1915 г. без официального назначения и. о. Витебского коменданта. С октября 1915 г. начальник 6-й Сибирской стрелковой дивизии. Георгиевский кавалер. С апреля 1917 г. командир V Сибирского АК 11-й армии. 26 ноября 1917 г. смещен, уехал в Новый Оскол. В 1918 г. примкнул к Белому движению. С августа 1919 г. в резерве чинов штаба ГК ВСЮР. С ноября 1919 г. Подольский губернатор. 1 февраля 1920 г. назначен комендантом Севастопольской крепости. 8 апреля 1920 г. отрешен от должности коменданта. После поражения белых армий эмигрировал в Чехословакию — *342*

Тушин Аристарх Николаевич (1864–19?) — генерал-майор (1916), участник Русско-японской войны (1904–1905). С августа 1915 по апрель 1917 г. командир 47-го пехотного Украинского полка, затем в резерве. Участник Белого движения в составе ВСЮР. В эмиграции в Югославии — *52, 61*

Тэн Ипполит (1828–1893) — французский литературовед, историк искусства, философ — *56, 130*

Удовиченко Михаил Дмитриевич (1878–1934) — последний русский офицер, награжденный орденом Св. Георгия 3-й степени. Участник Русско-японской войны (1904–1905). В Первую мировую войну вступил с 15-м стрелковым полком. В 1915 г. был награжден Георгиевским оружием и орденом Св. Георгия 4-й степени. За отличия в Чарторыйской операции был представлен генералом Деникиным к ордену Св. Георгия 3-й степени и в 1917 г. награжден. Затем командовал 16-м стрелковым полком. В 1918 г. служил в Гетманской армии, в августе — ноябре 1918 г. командовал 2-м Днепропетровским пехотным полком. Участвовал в Белом движении в составе ВСЮР. С августа 1919 г. был врио коменданта Киева. В августе — декабре 1919 г. командовал Сводным полком 4-й стрелковой дивизии, командовал 16-м стрелковым полком, был начальником боевого участка войск Киевской области. В эмиграции в Югославии — *272*

Урганов — однокашник Снеасарева по Нижне-Чирской прогимназии — *43*

Урядов — артиллерист — *138, 161, 166*

Устинов — *378*

Уфимский Андрей (в миру Александр Алексеевич, князь Ухтомский) (1872–1937) — епископ РПЦ, с декабря 1913 г. епископ Уфимский и Мензелинский, один из основателей и лидеров катакомбной церкви в СССР, автор термина «истинно православные христиане». Канонизирован РПЦ за рубежом в 1981 г. — *474*

Ухтомский — поручик, князь, возможно, Николай Александрович — *202*

Ф[едор] К[онстантинович?] — вероятно, офицер штаба XII АК — *322*

Фавр Г. — член французской палаты периода Первой мировой войны — *306*

Фалеев Александр Георгиевич (1875–1920) — генерал-майор (1916). Окончил Николаевскую академию ГШ (1902). И. д. начальника штаба 1-й Финляндской стрелковой бригады (1914–1915). В июле 1915 — сентябре 1916 г. командир 147-го пехотного Самарского полка. Георгиевский кавалер. В сентябре — октябре 1916 г. начальник штаба 32-й пехотной дивизии. С октября 1916 г. начальник этапно-хозяйственного отдела штаба 8-й армии. В Добрармии и ВСЮР с ноября 1918 г.; в начале 1919 г. в штабе Крымско-Азовской армии, затем начальник снабжений Кавказской армии, с ноября 1919 г. начальник штаба II АК. При эвакуации в ноябре 1920 г. остался в Крыму. Расстрелян в Севастополе — *245*

Федоров Александр Митрофанович (1868–1949) — поэт и беллетрист, переводчик. Был близок с А. П. Чеховым и И. А. Буниным. Эмигрировал из России, не приняв революцию, в 1920 г. Интерес представляет его переписка с И. А. Буниным — *416, 432*

Федоров Семен Иванович (1855–1916) — генерал-лейтенант (1910), участник Русско-турецкой войны (1877–1878). Окончил Николаевскую академию ГШ (1884). Затем на штабных должностях. Командир 14-го пехотного Олонецкого полка (1900–1903). Начштаба XIV АК (1903–1910). Генерал для поручений при инспекторе стрелковой части в войсках (1910–1914). С июля 1914 г. начальник 53-й пехотной дивизии. Во время окружения XX АК в Августовских лесах в феврале 1915 г. попал в плен. Умер от паралича сердца в лагере Оснабрюк — *48*

Федотов Иван Иванович (1855–19?), русский генерал от инфантерии (1916). Окончил Николаевскую академию ГШ (1888). Участник Русско-турецкой войны (1877–1878). С 1900 г. командир 69-го пехотного Рязанского полка. С 1903 г. окружной дежурный генерал, с 1904 г. окружной генерал-квартирмейстер штаба Туркестанского ВО. С 1905 г. военный губернатор Сырдарьинской области, с 1906 г. начштаба II Туркестанского АК. С 1910 г. начальник 11-й пехотной дивизии, во главе которой вступил в войну. Георгиевский кавалер. С апреля 1915 г. командир XXXII АК. 22 мая 1917 г. принял также командование 11-й армией. С июня 1917 г. в резерве — *341*

Фешот Фердинанд Фердинандович (1875 — после 1922) — полковник. Окончил Николаевскую академию ГШ (1903), с января 1915 г. на штабных должностях, начштаба 29-й пехотной дивизии.

Попал в окружение в Августовских лесах. Отчислен от должности за нахождением в плену (с апреля 1915 г.). Добровольно вступил в РККА (1918). Заведовал военными сообщениями Южфронта. В списках ГШ от 1919 и 1920 гг. Помощник начальника 6-й Военной инженерной школы. С декабря 1922 г. врид начштаба 30-й Иркутской стрелковой дивизии — *49*

Филатьев Дмитрий Владимирович (1866–1932) — генерал-лейтенант (1918). Окончил Николаевскую академию ГШ (1898), профессор Николаевской академии ГШ (1914). Помощник начальника канцелярии Военного министерства (1916), помощник военного министра Временного правительства. Участник Белого движения. Умер в Ницце — *378*

Фирсов Виктор Васильевич (1870–1941) — генерал-майор (1916). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899). На штабных должностях. Начальник штаба Керченской крепости (1904–1910). Штаб-офицер для поручений при штабе III Кавказского АК (1910–1911), начштаба 5-й пехотной дивизии (1911–1914). Командир 167-го пехотного Острожского полка (1914–1916). С февраля 1916 г. начштаба 30-й пехотной дивизии, в феврале — августе 1917 г. начштаба XXXIII АК. С августа командующий 2-й Заамурской пограничной пехотной дивизией. В Добрармии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, начальник 6-го отделения в армейском лазарете; с октября 1918 г. начальник общей части Военного и Морского отдела, с февраля 1919 г. председатель медицинской комиссии, к октябрю 1919 г. начальник Общего отдела Военного управления ВСЮР. В эмиграции в Югославии — *44*

Флуг Василий Егорович (1860–1955) — русский военачальник, генерал от инфантерии (1914). Окончил Николаевскую академию ГШ (1890), участник китайского похода (1900–1901), Русско-японской войны (1904–1905). Военный губернатор Приморской области и наказной атаман Уссурийского казачьего войска (1904–1909). Начальник 37-й пехотной дивизии (1909). Начальник 2-й гвардейской дивизии, затем помощник Туркестанского генерал-губернатора и командующего войсками Туркестанского ВО (1912). С сентября 1914 г. командующий 10-й армией. Был отчислен от должности. В 1915 г. принял II АК, затем 9-ю армию на Юго-Западном фронте. Георгиевский кавалер. С декабря 1917 г. в Добрармии. В начале 1918 г. был послан в Сибирь для организации Белого движения. В июне 1918 г. во Владивостоке участвовал в формировании отрядов для Сибирской армии адмирала Колчака. В Харбине военный министр во «Всероссийском правительстве». Вернулся на юг России в распоряжение генерала

Деникина. В сентябре 1919 г. помощник главноначальствующего Киевской области. Эмигрировал в Королевство Сербов, Хорватов, Словенцев, с 1922 г. в Военном министерстве в г. Вараждине. Сотрудник журналов «Часовой» и «Вестник военных знаний». Состоял в Российском обще-воинском союзе. Во время Второй мировой войны выехал в Германию, а затем в США. Умер в Сан-Франциско — *340*

Фомин — командир 6-й роты 636-го пехотного Сокольского полка — *422, 423*

Фостиков Петр Павлович (1866 — после 1918) — генерал-майор, до Первой мировой войны командовал батальоном в 47-м пехотном Украинском полку, в начале 1915 г. командир 260-го пехотного Брацлавского полка. С февраля 1916 г. командир 505-го пехотного Староконстантиновского полка. В 1918 г. в армии Украинской державы гетмана П. П. Скоропадского. Генеральный хорунжий, командир 49-го (позже переименованного в 37-й) пехотного Бирючского полка. С сентября 1918 г. помощник командира 10-й пехотной дивизии в Прилуках — *396, 397*

Фофанов Александр Тимофеевич (1965–19?) — полковник (1915), участник Русско-японской войны (1904–1905), капитан 48-го пехотного Одесского полка (1909). В мае 1913 г. и в августе 1916 г. офицер 47-го пехотного Украинского полка. В 1922 г. в эмиграции в Константинополе — *52, 96*

Франц-Иосиф I (1830–1916) — император Австрийской империи и король Богемии с декабря 1848 г., в декабре 1848 — апреле 1849 г. апостолический король Венгрии (1-й раз) и с августа 1849 г. (2-й раз); с марта 1867 г. — глава Австро-Венгерской монархии. Правил 68 лет, за это время Австрийская империя, в середине XIX в. бывшая великой державой, пришла к полному краху в результате Первой мировой войны — *195*

Фредерикс Владимир Борисович (Адольф Антон Владимир) (1838–1927) — российский государственный деятель; последний в истории Министр Императорского Двора Российской империи (1897–1917); Канцлер российских Императорских и Царских орденов; генерал от кавалерии, генерал-адъютант; граф (до 1913 года — барон). Присутствовал в Государственном совете с 6 мая 1897 г. — *416*

Фукс Лев Эдуардович (1875–1916) — генерал-майор (1916, посмертно). Окончил Николаевскую академию ГШ (1908). Помощник ст. адъютанта штаба Туркестанского ВО (1911–1913). С 1913 г. ст. адъютант управления 2-й отдельной кавалерийской бригады. С июля 1915 г. и. д. начальника штаба 9-й кавалерийской дивизии. Георгиевский кавалер. Погиб в бою — *48*

Фухс (Фукс) — жена вице-губернатора, медсестра 4-го передового отряда Красного Креста Московского железнодорожного узла — *127*

Хабаев Даниил Васильевич — подполковник, осетин, штабс-ротмистр (1910), помощник командира Дагестанского полка по строевой части (1916) — *92*

Хаджич Стеван — полковник Генштаба, бывший военный атташе Сербии в России, начальник Сербской добровольческой дивизии в 1916 г. на фронте в Добрудже — *225*

Хан Гусейн Нахичеванский (1863–1919) — генерал-майор (1874). Окончил Пажеский Его Императорского Величества корпус (1833). В ноябре 1900 г. при свите шаха персидского во время пребывания его в России. Участник Русско-японской войны (1904–1905). С ноября 1905 г. командир 44-го драгунского Нижегородского полка. С 1906 г. также флигель-адъютант свиты ЕИВ. С июля 1906 г. командир лейб-гвардии Конного полка, с 1907 г. генерал-майор свиты ЕИВ. С 1911 г. в распоряжении ГК войсками гвардии и Петербургского ВО великого князя Николая Николаевича. С 1912 г. начальник 1-й отдельной кавалерийской бригады. С 1914 г. начальник 2-й кавалерийской дивизии. С объявлением мобилизации вступил в командование Сводным кавалерийским корпусом. С октября 1914 г. командовал II кавалерийским корпусом. С июня 1915 г. генерал-адъютант ЕИВ. С сентября 1915 г. также временно в распоряжение ГК Кавказской армией, а с октября в распоряжение наместника на Кавказе и ГК Кавказской армией. С апреля 1916 г. командир гвардейского кавалерийского корпуса. После отречения Николая II отказался присягать на верность Временному правительству. В резерве. После Октябрьского переворота проживал с семьей в Петрограде. После убийства М. С. Урицкого был взят большевиками в заложники и в январе 1919 г. расстрелян в Петропавловской крепости. Кавалер орденов России, Румынии, Болгарии, Персии, Австро-Венгрии, георгиевский кавалер — *96, 345*

Хандиев — подполковник, командующий Дагестанским полком (1916), аварец — *92*

Ханжин Михаил Васильевич (1871–1961) — генерал-майор (1910), генерал от артиллерии (1919). Участник Русско-японской войны (1904–1905). С июля 1915 г. командующий 12-й пехотной дивизией, с апреля 1916 г. и. д. инспектора артиллерии 8-й армии. В письмах 1916 г. Андрей Евгеньевич называет его, исполняя законы цензуры, «сожитель». Георгиевский кавалер. В 1917 г. инспектор артиллерии в Ставке. После революции уехал в Сибирь. Участник Белого движения. Командовал армией у Колчака. В 1920 г. уехал

в Китай. Начальник Дальневосточного отдела РОВС (1928–1930). Был арестован в 1945 г. органами СМЕРШ в Дайрене. Осужден на 10 лет. В лагерях был до 1956 г. Умер в Джамбуле — *26, 37, 68, 74, 82, 146, 148–150, 159, 190, 195, 271, 272, 324*

Хануков Александр Павлович (1867–1943) — генерал-майор (1914). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899), участник Русско-японской войны (1904–1905). Начштаба 15-й пехотной дивизии (1905–1913). С ноября 1913 г. командир 131-го пехотного Тираспольского полка. С апреля 1916 г. начштаба XXXI АК. Георгиевский кавалер. С марта по апрель 1917 г. командующий 5-й пограничной Заамурской пехотной дивизией. С июля 1917 г. в резерве. В 1918 г. в армии Украинской державы генеральный значковый, с мая 1918 г. Киевский губернский староста. В эмиграции в Югославии. Умер в Нови-Сад (Сербия) — *43, 45, 63, 279, 354*

Хасимото — японский офицер — *265*

Хвостов — гвардеец, случайный фаворит императрицы Екатерины II — *296*

Хелмицкий (Хельмицкий) Павел Людвигович (1855–1918) — генерал от кавалерии (1917). Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Окончил Николаевскую академию ГШ (1885). Причислен к ГШ. Начальник штаба 2-й Кавказской казачьей дивизии (1896–1900), командир 1-го Екатеринодарского полка ККВ (1900–1904), начальник Закаспийской казачьей бригады (1904–1910), начальник 3-й Кавказской казачьей дивизии (1910–1917). Уволен от службы за болезнью с мундиром и пенсией. Проживал во Владикавказе. Расстрелян — *92*

Хёкер Пауль Оскар (1965–1944) — немецкий писатель — *80, 122*

Химик — вероятно, офицер 253-го Перекопского полка 64-й пехотной дивизии — *142*

Хитрово Владимир Михайлович (1861 — после 1921) — русский генерал-майор (1908). Окончил Николаевскую академию ГШ (1891). Начштаба 2-й сводной казачьей дивизии (1900–1902). Начштаба 9-й кавалерийской дивизии (1902–1904). Командир 12-го уланского Белгородского полка (1904–1908). С февраля 1908 г. командир 2-й бригады 10-й кавалерийской дивизии. С июля 1914 г. командовал 4-й Донской казачьей дивизией. С декабря 1914 г. в резерве. С января 1915 г. командир 2-й бригады 2-й Кубанской казачьей дивизии. Георгиевский кавалер. С марта 1917 г. начштаба XXXVII АК. Арестован в 1919 г. в Орловской губернии, умер в январе 1921 г. в Брестской тюремной больнице в Москве — *47*

Хмелевский Игнат Афанасьевич — офицер 12-й пехотной дивизии, капитан (март 1916 г.) — *52*

Хойзер Беатрис Доната Гизела — один из наиболее авторитетных современных специалистов по проблемам международной безопасности, профессор. Работала в военно-историческом институте бундесвера. Преподавала в ряде университетов Европы. Автор работ по вопросам внешнеполитической и военной стратегии. Консультировала министерства обороны Великобритании и Франции, а также Европейскую комиссию — *34*

Хольмсен Иван Алексеевич (1865–1941) — генерал-лейтенант (1919). Окончил Николаевскую академию ГШ (1896). Участник похода против Китая (1900–1901). Военный агент в Афинах (1901–1906), в Турции (1906–1913). С января 1913 по июнь 1914 г. командир 1-й бригады 1-й гренадерской дивизии, в должность не вступил, так как был назначен по спорным пограничным вопросам между Болгарией и Сербией после второй Балканской войны 1913 г. Командир бригады 53-й пехотной дивизии (1914–1915). В феврале 1915 г. во время Августовской операции был взят в плен. В плену около г. Штральзунда. В апреле 1917 г. освобожден из плена, находился в Норвегии в лагере для русских солдат. С зимы 1918–1919 гг. помощник председателя Особой военной миссии. С марта 1919 г. глава русской военной делегации в Берлине, занимался возвращением захваченного Германией вооружения белым армиям. Представитель Русской армии в Германии (1920–1922). В апреле 1922 — январе 1930 г. представитель генерала Врангеля во Франции, а затем начальник 1-го отдела в Париже. После похищения генерала Кутепова гл. казначей РОВСа, генерал для поручений при председателе РОВСа. После похищения генерала Миллера сдал свои полномочия. Скончался в Осло — *48*

Хоперская Елена — знакомая А. Е. Снесарева, учившаяся в Нижне-Чирской прогимназии — *43*

Хотин — нижний чин технического батальона 5-го Инженерного полка — *283*

Хохлов — офицер 12-й пехотной дивизии (март 1916 г.) — *52*

Храпов — нижний чин 253-го пехотного Перекопского полка, георгиевский кавалер 3-й и 4-й степеней (1916) — *230*

Христиани Александр Григорьевич (1871–1914) — полковник (1907). Окончил Николаевскую академию ГШ (1898), затем на штабных должностях. Начштаба 1-й гвардейской пехотной дивизии (1908–1913). С 1913 г. командир 199-го пехотного Кронштадтского полка. Погиб в бою. Похоронен в Павловске. Георгиевский кавалер — *47*

Христос Иисус — *108, 236, 261, 262, 481–483*

Хростицкий Анатолий Владимирович (1867–1919) — генерал-лейтенант (1917). Окончил Николевскую академию ГШ

(1899). Участник Русско-японской войны (1904–1905). Был ранен. Состоял в распоряжении командующего Манчжурской армией (1904–1905). Начштаба 71-й пехотной дивизии (1905–1906). Штаб-офицер при управлении 65-й пехотной резервной бригады (1906–1907). Начштаба 33-й пехотной дивизии (1907–1909). Командир 127-го пехотного Путивльского полка (1909–1914). Начштаба Гренадерского корпуса (1914–1916). Георгиевский кавалер. В августе 1916 — июле 1917 г. командующий 67-й пехотной дивизией, затем командующий Гренадерским корпусом. Летом 1918 г. постоянный представитель Добрармии в Москве, с сентября 1918 г. в резерве — *43, 46*

Хрумский — командир 1-й роты одного из полков 117-й пехотной дивизии, уроженец Нижнего Новгорода — *299*

Худолей Николай Потапович (1888–1921) — штабс-капитан, офицер штаба 12-й пехотной дивизии, исполнявший обязанности старшего адъютанта при А. Е. Снесареве (с июля 1916 г.). Подпоручик 73-го пехотного Крымского полка в г. Могилеве-Подольске (1910). Окончил Императорскую Николаевскую военную академию (1914). Помощник старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии, ст. адъютант штаба 12-й пехотной дивизии (с июля 1916), помощник старшего адъютанта штаба армий Румынского фронта (1917). С ноября 1917 г. и. д. помощника начальника отдела управления генерал-квартирмейстера штаба помощника ГК армиями Румынского фронт. С апреля 1918 г. в армии Украинской державы. Начштаба 3-й пехотной дивизии. На ноябрь 1918 г. войсковой старшина, начальник штаба 12-й пехотной дивизии. Участник Белого движения в составе ВСЮР. Полковник. В октябре — ноябре 1919 г. начальник связи штаба войск Новороссийской области. После разгрома белых остался в России. Проживал в Херсонской губернии. Расстрелян — *22, 37, 42, 63, 71, 89, 90, 269, 273*

Цвиленев Алексей Агафангелович (1872 — после 1920) — полковник (1915), командир батареи (ноябрь 1916 г.). До 28 сентября 1917 г. командир стрелкового полка 13-й кавалерийской дивизии. С 28 сентября 1917 по 22 ноября 1917 г. командир 7-го драгунского Кинбурнского полка. Георгиевский кавалер. С 22 ноября 1917 г. командир 7-го уланского Ольвиопольского полка. В 1918 г. в армии Украинской державы. С июля 1918 г. командир 6-го Ольвиопольского конного полка. После крушения режима гетмана П. П. Скоропадского в Белом движении на севере России. Состоял при штабе ГК войсками Северной области до июня 1919 г. В январе — марте 1920 г. командир 4-го Северного стрелкового полка. Взят в плен красными в марте 1920 г. Служил в РККА — *173*

Цезарский Леонид Антонович — подпоручик 37-й артиллерийской бригады (1910), командующий группой войск в ноябре 1916 г., был ранен — *193*

Церетели Ираклий Георгиевич (1881–1959) — общественный деятель, один из лидеров меньшевизма, депутат 2-й Государственной думы. Министр Временного правительства (1917), с 1918 г. меньшевистского правительства Грузии. С 1921 г. в эмиграции — *404, 417, 418, 486*

Цертелев Юрий Дмитриевич — князь, сын поэта, философа, публициста и общественного деятеля Д. Н. Цертелева. Воспитывался в мужском училище при лютеранской церкви в Санкт-Петербурге, поступил в университет. В 1914 г. добровольцем ушел на фронт. Писал стихи — *96*

Циммерман Артур (1864–1940) — министр иностранных дел Германии во время Первой мировой войны — *448*

Цихович Януарий Казимирович (1871 — после 1927) — генерал-лейтенант (1915). Окончил Николаевскую академию ГШ (1897). Участник Русско-японской войны (1904–1905), на штабных должностях. С 1910 г. командир 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский кавалер. Начштаба I Туркестанского АК. С августа 1915 г. начальник 1-й отдельной пехотной бригады, с октября 1915 г. в резерве. С декабря 1915 г. начальник 44-й пехотной дивизии. С июля 1917 г. командир X АК (временно командовал корпусом еще в июне). С августа 1917 г. командующий 3-й, с сентября 1917 г. — 7-й армией. После Октябрьской революции смещен с должности. В 1918 г. вступил в Красную армию, в том же году входил в состав контрреволюционного «Правого центра». Затем член Военно-исторической комиссии по изучению и использованию опыта мировой войны. Составил первую часть «Стратегического очерка войны 1914–1918 гг.». Редактор отдела военной литературы при РВСР (1920–1921). В 1920 г. во время Советско-польской войны был арестован органами ЧК. В июне 1921 г. эмигрировал в Польшу. Главный инспектор польской таможенной стражи (1922–1927) — *340*

Чайковский — подпоручик, полковой адъютант 253-го пехотного Перекопского полка 64-й пехотной дивизии — *196*

Чаплыгин Александр Иванович (1858–1919 или 1920) — генерал-лейтенант (1916), командир 1-го лейб-гренадерского Екатеринославского полка (1907–1911), командир 1-й бригады 3-й гренадерской дивизии (1911–1913), командир 1-й бригады 2-й гренадерской дивизии (1913–1914), с 1914 по апрель 1917 г. начальник 5-й Туркестанской стрелковой бригады, в апреле —

октябре 1917 г. командир II Туркестанского АК. Георгиевский кавалер. Расстрелян большевиками — *73, 342*

Чарторижская Елена Ивановна — медсестра 61-го передового отряда Красного Креста при 12-й пехотной дивизии, дочь И. Л. Чарторижского — *72, 123*

Чарторижский Иван Львович — действительный статский советник, тарнопольский губернатор. Подольский вице-губернатор (1911–1915) — *453, 454*

Чарторижский Юрий Иванович — сын И. Л. Чарторижского — *453*

Чаусов Николай Дмитриевич (1860 — после 1920) — генерал-майор (1914). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899). Начальник строевого отдела штаба Либавской крепости (1903–1905). Начальник штаба 6-й пехотной дивизии (1905–1912). С ноября 1912 г. командир 31-го Сибирского стрелкового полка. В июле 1915 — феврале 1917 г. начальник штаба III АК. В феврале — апреле 1917 г. командующий 171-й пехотной дивизией. С апреля 1917 г. в резерве. Добровольно вступил в РККА (1918). В списках ГШ РККА от 1919 и 1920 гг. — *43, 46*

Чебаненко — прапорщик 1-й роты, вероятно, 253-го Перекопского полка 64-й пехотной дивизии — *140*

Червинский — командир 45-го Азовского пехотного полка — *85*

Черемисинов Владимир Михайлович (1875 — после 1934) — генерал-майор (1917). Окончил Николаевскую академию ГШ (1900). Летом 1916 г. и. д. генерала-квартирмейстера штаба 11-й армии. В декабре 1916 — сентябре 1917 г. генерал-квартирмейстер штаба Румынского фронта. Вступил в РККА. Включен в дополнительный список ГШ РККА от сентября 1919 г, составленный Наркомвоеном Украины. Во ВСЮР (1919–1920). В эмиграции — *308*

Черемисов Владимир Андреевич (1871 — после 1934) — генерал-лейтенант (апрель 1917 г.), генерал от инфантерии (август 1917 г.). Окончил Академию ГШ (1899), начштаба 7-й кавалерийской дивизии (1908–1911), с 1911 г. преподавал в Академии ГШ. В 1916 г. командир бригады, генерал для поручений при командующем 7-й армии. В марте 1917 г. командующий 159-й пехотной дивизией, в апреле — командующий XII АК, в июле — командующий 8-й армией, затем ГК армиями Юго-Западного фронта. В августе 1917 г. в распоряжении Временного правительства, затем командовал 9-й армией, армиями Северного фронта. Был арестован, эмигрировал в Данию. Умер во Франции — *43, 45, 132, 340, 383, 385, 389, 393, 394, 436, 487*

Черёмухин — штабс-капитан, командир 12-й роты 3-го батальона 133-го пехотного Симферопольского полка (январь 1917 г.) — *324*

Черепенников Алексей Иванович (1869–1937) — генерал-майор (1915). Окончил Николаевское инженерное училище (1890), Николаевскую академию ГШ (1896). Участник Русско-японской войны (1904–1905), начальник штаба 22-й пехотной дивизии (1905–1911), затем командир 8-го гренадерского Московского полка. Генерал для поручений при командующем 5-й армией, дежурный генерал штаба 5-й, 6-й (1915–1916) и 12-й армий. В апреле 1916 — апреле 1917 г. начштаба XXIII АК. Командующий 43-й пехотной дивизией (до демобилизации). Добровольно вступил в РККА. Для поручений при начальнике штаба ПгрВО; и. д. начмобупра штаба ПгрВО; преподаватель Вторых финских коммунистических курсов в Петрограде. В списках ГШ РККА от 1919 и 1920 гг. Помощник начальника 9-й пехотной школы, с 1921 г. преподаватель 1-й Петроградской пехотной школы. С августа 1921 г. помощник начальника 1-й пехотной школы. Проживал в Оренбурге. В 1937 г. осужден к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован в 1989 г. — *240*

Черкасов Петр Владимирович (1872 — после 1929) — генерал-майор (1915), товарищ А. Е. Снесарева по Академии ГШ, окончил ее в 1900 г. Состоял при ТуркВО (1903–1904), где познакомился с А. Е. Снесаревым. С апреля 1914 г. командир (позже командующий) 136-го пехотного Таганрогского полка. Георгиевский кавалер. С марта 1916 г. начштаба 113-й пехотной дивизии. В феврале — апреле 1917 г. начштаба XLI АК. С 12 апреля по 22 июля 1917 г. командовал 19-й пехотной дивизией. В июле — сентябре 1917 г. командовал XII АК. С 7 октября 1917 г. в резерве. Добровольно вступил в РККА. В комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1818 гг. Член комиссии по переработке уставов при Организупре Всевоглавштаба. Преподаватель в школе комкурсов. В распоряжении ком. штаба Запфронта. В июне 1920 г. начальник статистического отделения штаба Западного фронта. В списках ГШ РККА от 1919 и 1920 гг. В марте 1921 г. начотдела подготовки войск Штаба Запфронта. С ноября 1921 г. преподаватель Военной Академии РККА. В Комиссии по исследованию опыта Первой мировой и Гражданской войн, в военно-историческом отделе Штаба РККА, преподавал на Высших академических курсах (ВАК). Уволен из РККА в 1929 г. Автор трудов по истории Первой мировой войны — *151, 308, 357, 387, 406, 420*

Черкесов Марк Семенович — полковник (1914), командир 9-го Донского казачьего полка, друг А. Е. Снесарева по Нижне-Чирской прогимназии — *42, 43*

Черномазов Мирон Ефимович (1882–1917) — революционер-провокатор. Литературный псевдоним — Н. Лютеков. Член Центрального Комитета социал-демократической партии. Осведомитель петербургской «охранки» В мае 1913 г. начал работать в газете «Правда», в январе 1914 г. удален по подозрению в провокации. В ноябре 1916 г. Бюро ЦК РСДРП вынесло постановление о воспрещении всем партийным организациям иметь с ним дело. 7 марта 1917 г. был арестован как провокатор и в тюрьме отравился — *457*

Черный Константин Константинович (1871–1934) — генерал-майор (1916). Окончил Академию ГШ (1902). Участник Русско-японской войны (1904–1905). Старший адъютант штаба Московского ВО (1911–1914). С января 1914 г. командир 1-го линейного полка 2-й Казачьей Сводной дивизии. Георгиевский кавалер. Начальник штаба 16-й кавалерийской дивизии (1916) и I кавалерийского корпуса (1916–1917), в январе — сентябре 1917 г. генерал-квартирмейстер штаба 5-й армии. С сентября 1917 г. командующий 5-й Кавказской казачьей дивизией. Участник Белого движения. В 1918 г. ГК вооруженными силами Кубанского края. В январе 1918 г. вышел в отставку. Эмигрировал в Италию, возглавлял общество «Русская колония Северной Италии» — *262*

Черняев Михаил Григорьевич (1828–1898) — русский генерал, военный и государственный деятель. В 1864–1866 гг. участвовал в военных экспедициях в Среднюю Азию. С 1873 г. редактор газеты «Русский мир», выступавшей с позиций панславизма. С начала Герцеговинско-боснийского восстания (1875–1878) вопреки желанию российского правительства в 1876 г. уехал в Белград и был назначен ГК сербской армией. Туркестанский генерал-губернатор (1882–1884) — *390*

Чертков Владимир Григорьевич (1854–1936) — русский общественный деятель, издатель, друг и поверенный Л. Н. Толстого. В 1897–1907 гг. жил за границей, издавал газету «Свободное слово». В 1920 г. опубликовал «Письмо к англичанам», в котором протестовал против вмешательства Великобритании в русские дела. С 1928 г. редактировал полное собрание сочинений Л. Н. Толстого в 90 томах — *50*

Черячукин Александр Васильевич (1872–1944) — генерал-лейтенант (1918). Окончил Академию ГШ (1899). Командир 11-го Донского казачьего полка (1914–1915); в январе — июне 1915 г. командир 2-й Заамурской конной бригады. С июня 1915 г. начштаба

IV кавалерийского корпуса, в сентябре — декабре 1917 г. командир 2-й Сводной казачьей дивизии. В Белом движении: с февраля 1918 г. командующий Западным фронтом обороны Новочеркасска (декабрь 1917 — май 1918 г.). Представитель Дона (атамана Краснова) на переговорах с Украиной (гетманом Скоропадским) о разграничении границ между Украиной и Доном; на дипломатической работе, добивался в Германии помощи для Донской армии в июне 1918 — феврале 1919 г. В феврале 1919 — феврале 1920 г. начальник Донского кадетского корпуса. Эвакуирован с Донским кадетским корпусом в Египет. В эмиграции с марта 1920 г. в Египте; с 1923 г. в Париже и с 1939 г. в Ницце, Франция — *42, 45*

Чигалов Николай — нижний чин 3-й роты 253-го Перекопского полка. Георгиевский кавалер (1916) — *106*

Чижов Василий Николаевич —офицер штаба 159-й пехотной дивизии (весна 1917 г.) — *471, 476, 484, 485*

Чингис-Хан (1162? — 1227) — краткий титул монгольского хана из рода Борджигинов племени монголов, объединившего разрозненные монгольские племена. Собственное имя, полученное при рождении — Темуджин, Темучин. Великий полководец, организовавший завоевательные походы монголов в Китай, Среднюю Азию и Восточную Европу, основатель Монгольской империи и ее первый великий каган — *150, 199*

Чириков Евгений Николаевич (1864–1932) — русский писатель, драматург, публицист — *153*

Чистяков Сергей Дмитриевич (1860–19?) — генерал-лейтенант (1916). Окончил Николаевскую академию ГШ (1888), в октябре 1912 г. командир бригады 46-й пехотной дивизии. После февраля 1917 г. начальник 156-й пехотной дивизии, в сентябре 1917 г. в распоряжении начальника ГШ. В 1918 г. в Украинской армии — *108, 167, 289*

Чичерина Елена Андреевна — сестра милосердия 3-го Хирургического передового отряда — *101, 118*

Чоглоков Григорий Иванович (1867–1921) — русский генерал-лейтенант (1915). С 1909 г. командир 1-го Донского казачьего генералиссимуса князя Суворова Италийского полка, с 1912 г. 2-й бригады 2-й кавалерийской дивизии. Вскоре после начала войны командир над 1-й Донской казачьей дивизией. Георгиевский кавалер. С мая 1916 г. начальник 2-й Туркестанской казачьей дивизии. После Февральской революции 22 апреля 1917 г. назначен командиром II Кавказского АК. После Октябрьской революции оставил пост и уехал на юг России. Участник Белого движения. В эвакуации в Турции — *342*

Чуковский Корней Иванович (Николай Васильевич Корнейчуков) (1882–1969) — советский писатель, литературовед, доктор филологических наук. Автор классических детских стихов, переводов, критики, мемуаров — *106, 122*

Чунихин Димитрий Львович — прапорщик 133-го Симферопольского полка, ротный командир, погибший в 1915 г. — *54, 324*

Чхеидзе Николай Семенович (1864–1926) — общественный деятель, один из лидеров меньшевизма. Депутат 3-й и 4-й Государственных дум. В 1917 г. председатель Петросовета, ВЦИК. С 1918 г. председатель Закавказского сейма, Учредительного Собрания Грузии. С 1921 г. в эмиграции — *307, 400, 404, 486*

Шаевский — младший офицер 16-й роты 253-го Перекопского полка, был ранен под Орлиным гнездом — *141*

Шапир Ольга Андреевна (1850–1916) — писательница, автор романов, повестей и рассказов на тему любви и семейных отношений. Своей целью в литературе и общественной деятельности считала «борьбу за женскую личность» — *252*

Шарик Николай — юноша-доброволец, служивший в 253-м пехотном Перекопском полку, получивший Георгиевскую медаль за бой под Орлиным гнездом — *145*

Шарнгорст (Шарнхорст) Герхард Иоганн Давид, фон (1755–1813) — прусский военный деятель, генерал (1807), генерал-квартирмейстер герцога Брауншвейгского, известный военный теоретик, учитель Клаузевица — *36*

Шатилов Владимир Павлович (1855–1928) — генерал от инфантерии (1916), участник кампании 1876 г., Русско-турецкой войны (1877–1878), Русско-японской войны (1904–1905). Начальник 2-й Сибирской стрелковой дивизии (1908–1911), затем начальник 20-й пехотной дивизии. С 1913 г. начальник Кавказской гренадерской дивизии. С июня 1915 г. в резерве. С февраля 1916 по январь 1917 г. командир XXXIV АК. С января 1917 г. в резерве, в апреле уволен со службы. Уехал на Кавказ, примкнул к Белому движению. Состоял представителем главного командования Добрармии в Грузии, был арестован грузинскими властями. С октября 1918 г. возглавлял Тифлисский центр Добрармии. В составе ВСЮР — комендант Екатеринослава (1919), с ноября 1919 г. в резерве чинов Добрармии. Эмигрировал в Югославию. Умер в Белграде — *321*

Швамберг Анатолий Вильгельмович — полковник 11-го стрелкового полка (1916) — *348, 349*

Швецов Александр Александрович (1865–1927) — генерал-майор (1914), командир 52-го пехотного Виленского полка с 1912 г. Георгиевский кавалер. До апреля 1917 г. командир бригады 23-й пе-

хотной дивизии. В апреле — мае 1917 г. командующий 19-й Сибирской стрелковой дивизией, командующий 2-й пехотной дивизией, затем вновь командующий 19-й Сибирской стрелковой дивизией с июня 1917 г. В эмиграции в Германии. Умер в Германии — *421*

Швец-Шевченко Иван Данилович (псевдоним — «В. Днепровский») — корреспондент газеты «Армейский вестник», после посещения окопов в феврале 1917 г. написавший ряд статей с описанием боевой деятельности А. Е. Снесарева — *298–300*

Шевцов — полковник — *48*

Шейдеман Сергей Михайлович (1857–1920) — русский и советский военачальник, генерал от кавалерии (1913). Участник Русско-турецкой войны (1877–1878). Окончил Николаевскую академию ГШ (1883). Далее на штабных должностях. С 1901 г. командир 1-го лейб-драгунского Московского полка. Через год — помощник начштаба Московского ВО. С 1905 г. окружной генерал-квартирмейстер штаба Московского ВО. Начальник штаба Приамурского ВО (1906–1908), затем начальник 3-й кавалерийской дивизии. С 1912 г. командир XX АК. В августе 1914 г. после гибели генерала Самсонова назначен командующим 2-й армией, которой руководил во время боев под Варшавой и Лодзью. Георгиевский кавалер. В 12.1914 г. назначен командиром I Туркестанского АК. С июня 1917 г. в резерве, после Октябрьской революции возглавлял 10-ю армию. Добровольно вступил в Красную армию, назначен военным руководителем Рязанского отряда завесы Московского района. С осени 1918 г. преподаватель Военной академии ГШ, в 1919 г. инспектор кавалерии Высшей военной инспекции, в 1920 г. также заместитель начальника Академии ГШ А. Е. Снесарева. В феврале 1920 г. был арестован и заключен в концлагерь, умер в тюрьме от тифа — *342*

Шелепин Сергей Васильевич — офицер 12-й пехотной дивизии, капитан (март 1916 г.) — *52*

Шемякин Константин Яковлевич (1864 — после 1923) — генерал-майор (1910). Окончил Николаевскую академию ГШ (1891). Начальник строевого отдела Очаковской крепости (1891–1897), далее на штабных должностях, начштаба Севастопольской крепости (1903–1907), командир 49-го пехотного Брестского полка (1907–1910), начальник штаба XX АК (1910–1914). 30 августа 1914 г. снят с должности командующим 1-й армией за несоответствие занимаемой должности, затем начштаба XXIX АК, отчислен от должности за нахождением в плену в марте 1915 г. Добровольно вступил в РККА. В ноябре 1918 — декабре 1919 г. начальник мобилизационного отдела Тульского комитета по военным делам,

в декабре 1919 г. тульский губернский военный руководитель, начальник Тульской пехотной школы (1918–1923) — *48*

Шепель Владимир Георгиевич — полковник, командир 2-го батальона 256-го Елизаветградского полка (1916), затем командир 633-го Ахалкалакского полка 159-й пехотной дивизии (апрель 1917 г.). В 1910 г. штабс-капитан 60-го пехотного Замосцского полка в г. Одессе — *149, 165, 169, 176, 177, 180, 193, 210, 215, 216, 383, 384, 399, 402–404, 408, 428, 437, 453, 470, 479*

Шепилов — подполковник, командир 4-го батальона 133-го пехотного Симферопольского полка (январь 1917 г.) — *324*

Шервуд Иван Васильевич (Джон Шервуд) (1798–1867) — офицер ВС Российской империи, известен доносом Александру I о готовившемся восстании декабристов (за что ему позже Николаем I была присвоена фамилия Шервуд-Верный) — *291*

Шефтель Михаил Исаакович (1858–1922) — юрист и общественный деятель, депутат Государственной думы 1-го созыва. По убеждению кадет. Состоял членом центрального комитета Союза для достижения полноправия еврейского народа. За подписание «выборгского воззвания» был приговорен к тюремному заключению и лишению политических прав. Участвовал в изданиях, посвященных защите прав евреев и освещающих еврейскую жизнь в России — *234*

Шиллер Иоганн Кристоф Фридрих (1759–1805) — немецкий поэт, драматург и философ-эстетик — *95, 247*

Шиманский — капитан 12-й пехотной дивизии (март 1916 г.) — *52, 237*

Шингарев Андрей Иванович (1869–1918) — земский деятель, по профессии врач, один из лидеров кадетов, депутат 2, 3 и 4-й Государственных дум. Министр Временного правительства. Был убит анархистами — *332, 333, 429, 430, 439–441, 451*

Шипов Павел Дмитриевич (1860–1919) — генерал-лейтенант (1915), участник Русско-японской войны (1904–1905), командующий 22-м (1904–1905) и 21-м (1905–1909) Восточно-сибирскими стрелковыми полками, флигель-адъютант (1908–1913) и генерал-майор Свиты Е. И. В. (1913–1915). Командир 1-й бригады 9-й пехотной дивизии (1914). С декабря 1914 г. командующий и с октября 1915 г. начальник 74-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. Расстрелян большевиками в Петрограде в 1919 г. (по другим данным — в 1923 г.) — *73, 229*

Широков Виктор Павлович (1860–1919) — генерал-лейтенант (1914). Окончил Николаевскую академию ГШ (1889). Преподавал военные науки в Тверском кавалерийском училище

(1894–1898). Участник Русско-японской войны (1904–1905). Георгиевский кавалер. Командир 97-го пехотного Лифляндского полка (1906–1907). С 1907 г. начштаба XVI АК. С 1914 г. командующий 41-й пехотной дивизией. Командир XXI АК (1915–1917). С апреля 1917 г. в резерве. Командир XXXIII АК с 14 ноября 1917 г. Добровольно поступил на службу в Красную армию. По выбору М. Д. Бонч-Бруевича был назначен военруком Орловского ВО. В 1919 г. был арестован ЧК и убит в тюрьме — *341, 342*

Шишкевич Михаил Иванович (1862 — после 1918) — первый русский авиационный генерал. Окончил Михайловскую артиллерийскую академию (1888), Николаевскую академию ГШ (1893). Начальник строевого отдела штаба Бендерской крепости (1893–1895). Служил в Генеральном штабе. Начальник штаба 2-й казачьей сводной дивизии (1902–1905). Командовал 129-м пехотным Бессарабским, затем 101-м пехотным Пермским полками (1905–1907), при генерал-квартирмействе штаба Московского ВО (1910–1912). С августа 1912 по декабрь 1913 г. командовал Воздухоплавательной частью при ГУГШ. Во время Первой мировой войны был начальником штабов 7-й армии, 11-й Дунайской армии, Румынского фронта. Георгиевский кавалер. С апреля 1917 г. в резерве, с ноября — в отставке — *340*

Шишкин Иван Васильевич — ротный офицер-воспитатель Московского пехотного училища во время обучения там А. Е. Снесарева (1888–1889) — *247*

Шишлов — нижний чин технического батальона 5-го Инженерного полка — *283*

Шишов — *56*

Шкуро, Шкура Андрей Григорьевич (1887–1947) — генерал-лейтенант (1919). Окончил Николаевское кавалерийское училище (1907), служил в Кубанском казачьем войске. В декабре 1915 — январе 1916 г. организовал «Кубанский конный отряд особого назначения» для партизанских действий в тылу противника на Германском фронте, в т.ч. в районе Южных Карпат. Отряд по прозвищу Волчья сотня получил на фронте широкую известность. Весной 1918 г. создал контрреволюционный казачий отряд в районе Баталпашинска и в мае — июне совершил налеты на Ставрополь, Ессентуки и Кисловодск, затем командовал Кубанской казачьей бригадой и дивизией в армии Деникина, с мая 1919 г. командир конного корпуса. Войска под его командованием отличались особой жестокостью и недисциплинированностью. В эмиграции вел антисоветскую деятельность. В 1939–1945 гг.

сотрудничал с гитлеровцами, участвовал в формировании антисоветских казачьих частей. В 1945 г. задержан английскими войсками в Австрии и выдан советскому командованию. По приговору Верховного суда СССР казнен — *26, 127*

Шляхтин Эраст Эрастович (1886–1973) — полковник (1918). Окончил Императорскую Николаевскую военную академию (1913). Адъютант штаба 1-й гвардейской пехотной дивизии (1915–1916), с 12 сентября 1916 г. и. д. ст. адъютанта штаба походного атамана при Его Величестве. С мая 1917 г. и. д. начштаба 3-й Кубанской казачьей дивизии. Начальник отделения при штабе Донского походного атамана. В Белом движении, в Донской армии; с декабря 1917 г. начштаба войск Донецкого района; в начале апреля 1918 г. в штабе армии; с мая 1918 г. начштаба 3-й Донской дивизии; к ноябрю 1918 г. обер-квартирмейстер III Донского корпуса; с марта 1920 г. помощник начштаба 3-й Донской дивизии, затем в штабе ГК до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии, работал топографом. Служил в Русском корпусе. После 1945 г. во Франции, к 1969 г. сотрудник журнала «Военная быль» — *255, 260*

Шмелев Иван Сергеевич (1873–1950) — русский писатель. С 1922 г. в эмиграции. Считал свои произведения апофеозом «русской национальной религиозности» — *189*

Шмидт (Шмитт) — начальник училища — *327*

Шмыгалов Семен Семенович — председатель Острогожского военно-промышленного комитета (ВПК) в мае 1917 г. — *457*

Шокоров Владимир Николаевич (1868–1940) — генерал-лейтенант (1918). Окончил Николаевскую академию ГШ (1900). Участник Русско-японской войны (1904–1905). Штаб-офицер для поручений при штабе XVI АК (1905–1911). Начштаба 12-й пехотной дивизии (1911–1914). Командир 55-го пехотного Подольского полка (1914–1915). С января 1915 г. и. д. генерал-квартирмейстера штаба 10-й армии. Георгиевский кавалер. В октябре 1916 — июле 1917 г. начштаба XXXIX АК. В июле — октябре 1917 г. командовал 46-й пехотной дивизией. 9 октября 1917 г. поступил на чешскую службу, был назначен командующим Чешско-Словацким корпусом. Эвакуировал корпус с Украины на Дальний Восток. После выступления чехословацких легионов в мае — июне 1918 г. против большевиков прибыл на Урал. 1 сентября 1918 г. сдал командование, инспектор чехословацких войск в России. В 1920 г. эмигрировал в Чехословакию, генерал для особых поручении министерства национальной обороны. С 1925 г. в отставке, награжден почетным оружием (1928). Похоронен в Праге — *420*

Шорин Петр Сергеевич (1866–1940) — генерал-майор (1917). Окончил Военно-топографическое училище и Николаевскую академию ГШ (1898). Участник похода в Китай (1900–1901) и Русско-японской войны (1904–1905). На штабных должностях в Манчжурской армии (1904–1907). С января 1916 г. командир 1-го Финляндского стрелкового полка. В мае 1917 г. командир бригады 5-й Финляндской стрелковой дивизии. Георгиевский кавалер. Командующий 113-й пехотной дивизией. В белых войсках Северного фронта с июня 1919 г. Помощник начальника экспедиции Северного Ледовитого океана (1919–1920). В эмиграции. Стоял во главе одного из Союзов инвалидов в Бельгии. Сотрудник журнала «Часовой» — *404*

Шпаковский Аркадий — полковник 125-го пехотного Курского полка, член Георгиевской думы в декабре 1916 г. — *231*

Штанько Лука Григорьевич — младший унтер-офицер 270-го пехотного запасного полка — *297*

Штюрмер Борис Владимирович (1848–1917) — российский государственный деятель, председатель Тверской губернской земской управы (1892–1894), новгородский (1894–1896), ярославский (1896–1902) губернатор, директор Департамента общих дел МВД (1902–1904). С 1904 г. член Государственного совета, в 1916 г. председатель Совета министров, с марта по июль также министр внутренних дел, с июля по ноябрь 1916 г. — министр иностранных дел, находился в хороших отношениях с Г. Распутиным — *128, 273, 449*

Шуберский Александр Николаевич (1875–1963) — генерал-майор. Окончил Николаевскую академию ГШ (1904). Участник Русско-японской войны (1904–1905). На штабных должностях. В октябре 1915 г. командир 85-го пехотного Выборгского полка. Георгиевский кавалер. В 1917 г. начштаба 21-й пехотной дивизии; начштаба III Кавказского корпуса. В Добрармии с конца 1918 г. Начштаба II Кубанского корпуса, а летом 1919 г. генерал-квартирмейстер Киевской группы войск. В эмиграции в Белграде, был главным библиотекарем при ГШ Югославянской армии. По поручению Н. Н. Головина, организовал и вел Зарубежные Высшие военно-научные курсы в Белграде, возглавлял Военно-научный институт. Во время Второй мировой войны переехал во Францию, участвовал в управлении ниццким отделом Союза русских военных инвалидов. Автор ряда книг и статей — *357*

Шуваев Дмитрий Савельевич (1854–1937) — генерал от инфантерии (1912). С 15 марта 1916 г. военный министр, одновременно председатель Особого совещания государства. Принадлежал

к либеральному крылу Совета министров. 3 января 1917 г. уволен с назначением членом Государственного совета. С 1918 г. служил в Красной армии. Репрессирован — *91*

Шульгин Василий Витальевич (1878–1976) — российский политический и общественный деятель, публицист. Депутат 2-й, 3-й и 4-й Государственных дум, принявший отречение из рук Николая II. Один из организаторов и идеологов Белого движения — *417, 418, 481*

Щегольков — штабс-капитан, командир 3-го батальона 635 пехотного Киселинского полка — *425*

Щедрин Константин Федорович (1867 — после 1934) — генерал-лейтенант (в Белой армии). Окончил Академию ГШ (1897), командир 33-го пехотного полка (1911), начальник штаба XVIII корпуса. С июня 1915 г. предшественник А. Е. Снесарева по штабу XII АК. Командовал 164-й пехотной дивизией (март 1917 г.). В Добрармии и ВСЮР. Был эвакуирован в Югославию, в эмиграции во Франции, в 1934 г. член Общества офицеров ГШ — *38, 57, 96, 97, 265, 266, 275, 279, 280, 289, 308, 325, 329, 360, 364*

Щерба Петр — старший унтер-офицер 35-го пехотного Брянского полка — *113*

Щербак — полковник — *47, 48*

Щербатова Дарья — княжна, внучка князя Александра Бековича-Черкасского. Фрейлина Екатерины Великой, была моложе Екатерины на 33 года. Вышла замуж за А. М. Мамонова-Дмитриева, предпоследнего фаворита императрицы — *293*

Щербачев Дмитрий Григорьевич (1857–1932) — генерал от инфантерии (1915). Окончил Академию ГШ (1884), начальник Императорской Николаевской военной Академии (ГШ) (1907–1912), командир IX АК (1912–1915), с октября 1915 г. генерал-адъютант и командующий 7-й армией. С апреля 1917 г. помощник Августейшего ГК армиями Румынского фронта. Георгиевский кавалер. С декабря 1917 г. ГК армиями Украинского фронта. В феврале 1918 г. заключил перемирие с Германией (в Фокшанах), в марте 1918 г. дал согласие на ввод Румынских войск в Бессарабию. В 1919 г. создал в Париже представительство ВСЮР. С января 1919 по май 1920 г. Главный военный представитель адмирала Колчака и начальник управления по снабжению Белых армий в Париже. В эмиграции во Франции. Член учебного комитета Высших военно-научных курсов (1931). Умер в Ницце — *97, 271, 276, 278, 338, 339, 353, 357, 367, 375, 378, 385*

Щукин — подпоручик, летчик-наблюдатель, погибший 12 мая 1917 г. — *430, 431*

Щуцкой (Плакса) Борис Иосифович — генерал-майор (1915). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899). На штабных должностях Виленского ВО. Участник Русско-японской войны (1904–1905). В 1906 г. сменил фамилию Плакса на Щуцкой. Помощник делопроизводителя генерал-квартирмейстера ГШ (1906–1907), делопроизводитель ГУГШ (1907–1913). С февраля 1913 г. командир 42-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский кавалер. С февраля 1915 г. начальник этапно-хозяйственного отдела штаба 1-й армии. С ноября 1916 по март 1917 г. командующий 3-й Кавказской стрелковой дивизией. С весны 1917 г. — в резерве чинов. С апреля 1918 г. в армии Украинской державы П. П. Скоропадского. В ноябре — декабре 1918 г. военный министр в правительстве С. Н. Гербеля. В резерве чинов ВСЮР и Русской армии (1919–1920). В эмиграции во Франции — *46*

Эверт Алексей Ермолаевич (1857–1926) — генерал-от-инфантерии (1911). Окончил Николаевскую академию ГШ (1882). Участник Русско-турецкой (1878–1888) и Русско-японской (1904–1905) войн. С 1906 г. начальник Главного штаба. С августа 1914 г. командовал 4-й армией. С августа 1915 г. ГК армиями Западного фронта. После Февральской революции 1917 г. снят с поста ГК. Жил в Верее, похоронен там же — *91, 101, 257, 258, 260, 271, 353*

Эзеринг Карл Иванович (1868–1934) — генерал-майор (1916). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899). Участник Русско-японской войны (1904–1905). На штабных должностях. Начштаба 19-й пехотной дивизии (1913–1914). С ноября 1914 г. по январь 1915 г. командир 76-го пехотного Кубанского полка. С января 1915 г. по февраль 1916 г. командир 53-го пехотного Волынского полка. Георгиевский кавалер. В феврале — августе 1916 г. начальник штаба 74-й пехотной дивизии. С августа 1916 г. в распоряжении начальника ГШ. С марта 1917 г. делопроизводитель ГУГШ. Добровольно вступил в РККА (1918). Включен в списки ГШ РККА от 1919 и 1920 гг. С 1921 г. в Латвии. Товарищ военного министра. Умер в Риге — *44*

Эйден, фон — медсестра 3-го Хирургического передового отряда — *101, 118*

Эйсмонд Леон Александрович — заведующий автомобильной частью в штабе XII АК (1917) — *303*

Экк Эдуард Вильгельмович (1851–1937) — русский генерал от инфантерии (1910). Окончил Николаевскую академию ГШ (1878). Участник Русско-турецкой (1878–1888) и Русско-японской (1904–1905) войн. С 1912 г. командир VII АК (13-я

и 34-я пехотные дивизии), с которым вступил в войну в составе 8-й армии генерала А. А. Брусилова. С октября 1916 г. командир XXIII АК. После Февральской революции в резерве. С 1918 г. в Добрармии. Эмигрировал в Югославию. Начальник 4-го отдела РОВС (1924–1933); был председателем Союза объединенных офицерских организаций. Умер в Югославии — *115, 151, 271, 341*

Энвальд Михаил Васильевич (1868–1928) — генерал-майор (1915). Окончил Николаевскую академию ГШ (1894). Оставаясь в строю, состоял преподавателем Петербургского пехотного юнкерского училища (1895–1906). С 1908 г. в составе Офицерской стрелковой школы. Помощник начальника отделения ГУГШ (1910–1911). С февраля 1913 г. командир 200-го пехотного Кронштадтского полка. В 1914 г. в бою контужен и ранен. По выздоровлении 15 января 1915 г. отправился обратно к полку. Георгиевский кавалер. Командир бригады 50-й пехотной дивизии с ноября 1915 г., с апреля 1917 г. командующий этой дивизией. В РККА. С июля 1918 г. командовал 3-й бригадой, с сентября 1918 г. замещал командира Костромской дивизии. Позже на педагогической работе. С 1923 г. в штабе РККА. Ответственный секретарь стрелкового комитета РККА. Награжден званием «Героя Труда». Умер от болезни — *49, 420*

Энгель Виктор Николаевич, фон (1874–1933) — генерал-майор (1915). Окончил Николаевскую академию ГШ (1902). Затем на штабных должностях. Начальник строевого отдела штаба Брест-Литовской крепости (1907–1908). Был прикомандирован к Казанскому военному училищу для преподавания военных наук (1908–1913). Участник похода в Восточную Пруссию в августе 1914 г. Командир (позже командующий) 101-го пехотного Пермского полка в декабре 1914 — феврале 1916 г., затем начальник штаба 125-й пехотной дивизии. В сентябре 1916 г. временно командующий 125-й пехотной дивизией. Георгиевский кавалер. В феврале — октябре 1917 г. начальник штаба XVI АК. С октября 1917 г. командующий 47-й пехотной дивизией. Мобилизован в РККА. Включен в списки ГШ РККА от 1919 и 1920 гг. Умер в Риге — *357*

Энгельгардт Борис Александрович (1877–1962) — политический деятель, генерал-майор. Окончил Пажеский корпус и Николаевскую академию ГШ. Депутат 4-й Госдумы, октябрист. После Февральской революции 1917 г. председатель военной комиссии Временного комитета Госдумы, комендант Таврического дворца в Петрограде, где проходили заседания Госдумы. Участник Белого движения. С ноября 1918 г. служил представителем ВСЮР в Киеве

и Одессе, в 1919 г. начальник отдела пропаганды при главкоме ВСЮР. Во Франции с 1920 г., затем в Латвии. В 1940 г. арестован советскими властями и сослан в Среднюю Азию. С 1946 г. жил в Риге — *338, 359, 360*

Эндимионов — штабс-капитан, временно и. д. старшего адъютанта штаба XVIII АК в ноябре 1916 г. — *162*

Эрдели Иван Егорович (Георгиевич) (1870–1939) — генерал от кавалерии (1917). Окончил Николаевскую академию ГШ (1897). В годы Первой мировой войны начальник штаба 9-й армии, командир 14-й кавалерийской дивизии, командир 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. С мая 1915 по ноябрь 1916 г. командир 64-й пехотной дивизии. Командовал XVIII корпусом, потом 11-й армией. В 1917 г. командующий Особой армией Юго-Западного фронта. Участник мятежа Корнилова, арестован. Бежал на Дон. Участвовал в формировании Добрармии. В эмиграции с 1920 г. жил в Париже. С 1934 г. начальник 1-го отдела РОВС. Умер в Париже — *151, 167, 183, 201, 204, 232, 233, 241, 242, 254, 268, 340*

Эсьмон — прапорщик 159-й пехотной дивизии XXII АК — *487*

Юденич Николай Николаевич (1862–1933) — генерал от инфантерии (1915), один из руководителей Белого движения. Окончил военную академию ГШ (1887). Участвовал в Русско-японской войне (1904–1905). Командующий Кавказской армией (1915–1916). В апреле — мае 1917 г. ГК войсками Кавказского фронта. В конце 1918 г. эмигрировал в Финляндию, а затем в Эстонию. Формировал в Финляндии белогвардейскую Северо-западную армию, предпринимавшую наступления на Петроград. С июня 1919 г. ГК войсками на северо-западе России, вошел в Северо-Западное правительство. В октябре — ноябре 1919 г. возглавил осенний «поход на Петроград», после чего был вынужден отступить с остатками войск в Эстонию. С 1920 г. в эмиграции — *96, 271, 350, 472, 480*

Юзефович — есаул 2-го Линейного полка — *286*

Юзефович Яков Давыдович (1872–1929) — генерал-лейтенант (1917). Окончил Николаевскую академию ГШ (1899). Участник Русско-японской войны (1904–1905). С 1910 г. начальник отделения ГУГШ, с 1913 г. и. д. помощника начальника отдела по устройству и службе войск ГУГШ. Первую мировую войну начал начальником штаба Туземной («Дикой») конной дивизии. В 1917 г. командир XXVI АК. В сентябре — ноябрь 1917 г. командовал 12-й армией. Георгиевский кавалер. С 1918 г. в Добровольческой армии. С 1920 г. в эмиграции в Германии, а затем в Польше — *44*

Юкин — штабс-капитан, командир 10-й роты 3-го батальона 133-го пехотного Симферопольского полка (январь 1917 г.) — *324*

Юнаков Николай Леонтиевич (1871–1931) — русский генерал-лейтенант (1916). Окончил Николаевскую академию ГШ (1897). С 1905 г. начштаба 1-го округа отдельного корпуса пограничной стражи. С 1907 г. штаб-офицер, заведующий обучающимися в Николаевской академии ГШ. С 1910 г. профессор этой академии. С февраля 1914 г. командир 1-й бригады 37-й пехотной дивизии. С июля 1914 г. командир бригады 74-й пехотной дивизии, с ноября 1914 г. начштаба XXV АК. С апреля 1915 г. и. д. начальника штаба 4-й армии. С апреля 1917 г. командир VII АК. С 25 августа 1917 г. в распоряжении помощника ГК армиями Румынского фронта. С 18 октября 1917 г. командовал 8-й армией. По обвинению в сотрудничестве с Украинской радой в декабре 1917 г. уволен в отставку. В апреле 1918 г. уехал в Киев, с мая 1918 г. начальник главной школьной управы. С декабря 1918 г. на службе Украинской Директории, возглавляемой С. Петлюрой. Был помощником главного инспектора армии Украинской республики, с августа 1919 г. начштаба головного атамана. В 1920 г. советник по военным делам при украинской дипломатической миссии в Польше. С 25 июля по сентябрь 1920 г. военный министр. В 1920–1923 гг. начальник украинской Высшей войсковой рады в Польше — *340*

Яблочкин Владимир Александрович (1864–1931) — русский генерал-лейтенант (1915). Участник Русско-японской войны (1904–1905). С 1904 г. командир 11-го Восточно-Сибирского стрелкового, а с 1908 г. командир лейб-гвардии Егерского полка. С 1913 г. начальник 3-й Туркестанской стрелковой бригады. С августа 1914 г. начальник 2-й стрелковой бригады, а с февраля 1915 г. командующий 32-й пехотной дивизией. С апреля 1916 г. командир V Кавказского АК. После Февральской революции зачислен в резерв, но в июле вновь возглавил свой корпус. 7 октября 1917 г. вновь зачислен в резерв. После Октябрьской революции остался в России. Расстрелян большевиками — *342*

Яковенко — солдат из 11-й роты 74-го пехотного Ставропольского полка 19-й пехотной дивизии XII АК — *338*

Яковлев Петр Петрович (1852–19?) — русский генерал от инфантерии (1910). Окончил Николаевскую академию ГШ (1881). С 1888 г. начштаба 18-й, с 1892 г. — 35-й пехотной дивизии. С 1895 г. командир 7-го гренадерского Самогитского полка. С 1898 г. начальник штаба XVII АК. С 1901 г. начальник Московского, с 1903 г. — Александровского военного училища. С 1905 г.

начальник 3-й гренадерской дивизии. В апреле 1909 г. назначен командиром XVII АК. С августа 1914 г. командовал группой корпусов 5-й армии. Отличился во время Брусиловского прорыва. Георгиевский кавалер. После Февральской революции зачислен в резерв, а в июле 1917 г. уволен — *340*

Ямамото — капитан японской армии, посетивший в июле 1916 г. 64-ю пехотную дивизию в составе делегации японских офицеров, кавалер японского ордена Сокола — *77, 78*

Янушевский Григорий Ефимович (1861–1934) — российский военный деятель, генерал-лейтенант (1914). Окончил Николаевскую Академию ГШ (1890). Участник Русско-японской войны (1904–1905). С декабря 1906 г. генерал-квартирмейстер штаба Московского ВО. С 1910 г. командующий штабом IX АК, с сентября 1914 г. командовал 19-й пехотной дивизией. С 1915 г. начальник 1-й гренадерской дивизии. С 1916 г. командир III АК, после Февральской революции отправлен в резерв. После Октябрьской Революции уехал на Украину, в 1918 г. поступил на службу в германскую армию, начальником штаба I Волынского корпуса, в марте 1919 г. переходит в армию Украинской Народной Республики (УНР). С марта — апреля 1919 г. советник по военным делам, в апреле начштаба Холмской группы, далее контролер Южной группы, работал в управлении Галицийской армии. Числился в ВСЮР. В 1920 г. перевелся в Крым помощником начальника Генштаба УНР, эвакуировался в Константинополь, переехал в Югославию, затем в Польшу. С 1922 г. работал бухгалтером в Бресте — *340, 342*

Янушкевич Николай Николаевич (1868–1918) — генерал от инфантерии (1914). Окончил Николаевскую академию ГШ (1896). С 1898 г. и. д. столоначальника Главного штаба. С 1904 г. делопроизводитель канцелярии Военного министерства. Заведовал законодательным отделом канцелярии Военного министерства. С 1911 г. помощник начальника канцелярии Военного министерства. Одновременно с 1910 г. профессор военной администрации в Николаевской академии ГШ. С 1913 г. начальник Николаевской академии ГШ. С марта 1914 г. начальник ГШ. С 19 июля 1914 г. начальник штаба ВГ великого князя Николая Николаевича. После назначения Николая Николаевича наместником на Кавказе был его помощником по военным вопросам (с августа 1915 г.). С сентября 1916 г. одновременно главный начальник снабжений Кавказской армии. 31 марта 1917 г. уволен со службы. В начале 1918 г. арестован в Могилеве и отправлен в Петроград, но по пути был убит конвоирами — *96, 126, 472*

Янченко Василий Иванович (1894–1952) — поручик, русский летчик-ас. Окончил Ставропольскую и Московскую авиашколы, добровольно поступил на фронт. Летчик 3-го, а с 22 апреля 1916 г. — 7-го корпусного авиаотряда. Полный Георгиевский кавалер. В ноябре 1916 г. в составе группы русских летчиков был послан на стажировку во Францию. Сбил лично 16 самолетов противника. Во время Гражданской войны воевал на стороне белых. Эмигрировал в США — *377*

Ярон Владимир Иванович (1872–1919) — генерал-лейтенант (сентябрь 1917 г.), товарищ А. Е. Снесарева по Академии ГШ выпуска 1899 г., начальник штаба 1-й Сибирской стрелковой дивизии (1912), начальник штаба I Сибирского АК (сентябрь 1916 г.), начальник штаба 8-й армии в августе 1917 г. Георгиевский кавалер. С октября 1917 г. командир XVI АК. Участник Белого движения. С ноября 1918 г. в резерве чинов. Умер в Одессе — *43,44*

Яцин — *382*

Список сокращений

АК — армейский корпус

ВГ — Верховный главнокомандующий

ВО — военный округ

врид — временно исполняющий должность

врио — временно исполняющий обязанности

ВС — Вооруженные силы

ВСЮР — Вооруженные силы Юга России

ГЖУ — главное жандармское управление

ГК — главнокомандующий

гл. — главный

губ. — губерния

ГУВУЗ — Главное управление военно-учебных заведений

ГУГШ — Главное управление Генерального штаба

ГШ — Генеральный штаб

Добрармия — Добровольческая армия

ЕИВ — Его Императорского Величества

Е. В. Г. И. — Ее Императорского Величества Государыни Императрицы

ЖУ — жандармское управление

зап. — запасной

и. д. — исполняющий должность

начштаба — начальник штаба

начвосо — начальник военных сообщений
ОКЖ — окружной корпус жандармов
рез. — резервный
св. — святой
ст. — старший
ТВД — театр военных действий
ТуркВО — туркестанский ВО

Содержание

А. А. Комиссарова. Предисловие 5

В. К. Белозеров. Дневники странного генерала 8

ДНЕВНИК
13 февраля 1916 года — 26 июня 1917 года 37

Именной указатель 489

Список сокращений 669

Снесарев Андрей Евгеньевич

ДНЕВНИК: 1916–1917

Редактор *Т. Н. Манцевич*
Художественное оформление *А. П. Зарубина*
Компьютерная верстка *И. В. Белюсенко*
Корректоры *Е. Н. Іоголева, Е. Л. Тарасова*

Издательство «Кучково поле»
Москва, 123022, ул. Красная Пресня, 28, оф. 554.
Тел./факс: (499) 255 93 49; (499) 255 96 22.
E-mail: kuchkovopole@mail.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 19.12.2014. Формат 125×200 мм
Усл. печ. л. 42,5. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. (1-й завод — 700). Заказ № .

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Тел.: (495) 988 63 87
E-mail: sales@chpk.ru
www.chpd.ru

ISBN 978-5-9950-0448-6